ПУШКИН

ПИСЬМА

1826–1830

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1928

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.С. ПУШКИНА

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РЕДАКТОР „ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“
А.Е.ТАРХОВ

РАЗРАБОТКА СЕРИЙНОГО ОФОРМЛЕНИЯ
Т.А.АРЗАМАСОВОЙ,
Л.Г.ЕВЗОВИЧА,
Е.А.СВЯТСКОГО

МОСКВА «КНИГА»
1989–1999

ПУШКИН

ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

Том II

1826—1830

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 20343/л.
Ленинградский Облит № 49764.
36½ л. Тираж 2.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

II том Писем Пушкина исполнен по такому же плану, как и том I, вышедший ровно год тому назад. В него вошли письма за 5 лет жизни поэта — от второй половины января 1826 до конца декабря 1830 года. Всех писем за эти бурные годы странствований дошло до нас, в беловиках и черновиках, — 199 (№ 193 — 391) и, сверх того, — 10 черновых к ним, [1] при чем по годам они распределяются весьма неравномерно: за 1826 г., который Пушкин провел, в большей его части, в Михайловском и лишь в последней четверти — в Москве и в поездках, мы знаем 37 писем, за 1827 г., проведенный в Москве, Петербурге и Михайловском, — 30. за 1828 г. (из Петербурга, Малинников и Москвы) — 24, за 1829 г. (из Петербурга, Москвы, с Кавказа и из Малинников) — 18, за 1828 — 1829 г. — 3 и за 1830 г. (из Петербурга, Москвы, Полотняного Завода и из поездки в Болдино) — 87. Кроме этих писем, в дополнении к т. I (стр. 125) дано одно письмо 1825 г. (в общем счете — № 180 а), лишь недавно нами найденное и опубликованное, а потому и не вошедшее в т. I. Новых писем в т. II нет, но многие являются в нем впервые в исправном тексте, выверенном по подлинникам, которые были неизвестны при подготовке Академического издания Переписки Пушкина (напр., №№ 224, 244, 250, 253, 254, 277, 280, 281, 282, 291, 297, 299, 382, 390); сверх того, в пяти, известных ранее лишь в переводах письмах к невесте (№№ 357, 358, 371, 372 и 385), автографы коих остаются до сих пор недоступными и неизвестно где находятся, немногие места удалось заменить подлинными словами Пушкина на французском языке — по выпискам из писем, некогда сделанным П. В. Анненковым при изучении им писем Пушкина к невесте и жене. Вообще, из 199 писем, вошедших во II том, удалось выверить по автографам 157 писем, не считая вышеуказанных 10 черновиков; не проверенными по подлинникам, по разным причинам, остались 42 письма. [2]

---

[1] №№ 216, 237, 240, 279, 298, 308, 324, 332, 341, 356.

[2] №№ 197, 200, 203, 206, 220, 234, 256, 258, 261, 269, 283, 290, 292, 293, 294, 296, 300, 302, 303, 308, 310, 311, 314, 328, 329, 331, 347,, 356, 357, 358, 359, 364, 365, 367, 371, 372, 375, 376, 380, 381, 385 и 389.

Выпуская II том, редактор с чувством удовлетворения может отметить, что отзывы критики о I томе Писем были весьма благоприятны. Эти, известные ему отзывы, принадлежащие перу заслуженных Пушкинистов и знатоков дела, следующие: 1) Н. О. Лернера — в «Вечерней Красной Газете» от 21 ноября 1926 г., № 276; 2) Н. С. Ашукина — в «Вечерней Москве» от 7 декабря 1926 г., № 283; 3) В. Вересаева — в Московской «Правде» от 31 декабря 1926 г., № 303; 4) П. Н. Медведева — в «Звезде» 1927 г., № 1, стр. 181 — 182; 5) Арк. Глаголева — в «Журналисте» 1927 г., № 1, январь, стр. 70; 6) Ф — ко в журн. «Книга и Профсоюзы» 1927 г., № 2, стр. 19; 7) Н. Н. Фатова — в журн. «Октябрь» 1927 г., кн. 2, стр. 195 — 197; 8) М. А. Цявловского — в «Печати и Революции» 1927 г., кн. II, стр. 108 — 111 («Письма Пушкина в издании Госиздата»); 9) С. Я. Штрайха — в журн. «На Литературном Посту» 1927 г., апрель, № 7, стр. 70 — 71; 10) Ю. Г. Оксмана — в «Научном Работнике» 1927 г., № 4, стр. 126 — 127; 11) Г. И. Чулкова — в «Красной Нови» 1927 г., № 4, стр. 222 — 225 («Молодой Пушкин»); 12) Ю. Аксенина — в «Нашей Газете» от 8 июня 1927 г., № 127.

Сделанные некоторыми критиками замечания, поправки и дополнения приняты редактором во внимание и с благодарностью использованы им в конце настоящего II тома, на страницах 501 — 509, где даны также некоторые дополнения к примечаниям — в виде ссылок на вновь вышедшие статьи и исследования, касающиеся творчества и биографии Пушкина и лиц, бывших с ним в тех или иных отношениях.

В заключение редактор приносит выражение сердечной благодарности всем лицам, оказавшим ему содействие при работе над II томом и над выпуском его в свет, а именно: *М. П. Алексееву, Д. Н. Ангерту, Н. Ф. Бельчикову, О. М. Бескину, В. В. Вересаеву, Г. Г. Гельду, Г. П. Георгиевскому, С. Я. Гессену, И. А. Груздеву, Демьяну Бедному, Н. П. Киселеву, Н. О. Лернеру, А. Н. Николаеву, Н. К. Пиксанову, С. Ф. Платонову, М. И.* и *З. П. Соловьевым, С. П. Шестерикову, С. Я. Штрайху, П. Е. Щеголеву*, особенно же — *А. А. Сиверсу,* участвовавшему в установлении переводов писем и читавшему корректуры, *Мстиславу Александровичу Цявловскому,* сделавшему редактору несколько полезных указаний, *Юлиану Григорьевичу Оксману* и *Борису Викторовичу Томашевскому,* просматривавшим весь том в гранках набора и сообщившим ряд поправок и дополнений, и *Николаю Васильевичу Измайлову,* который, кроме просмотра всего тома в корректурах, занимался сверкою значительного количества писем с автографами поэта.

Указатели к I — II томам Писем, приложенные к настоящему тому, составлены научным сотрудником Пушкинского Дома *П. И. Зиссерманом.*

III том «Писем» ныне готовится к печати.

1 июля 1927 г.

Б. Модзалевский.

ПИСЬМА

1826—1830

* 193. В. А. Жуковскому. *1826 г.*

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Я не писалъ къ тебѣ вопервыхъ потому что мнѣ было не до себя, во втор. за не имѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ Государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ — но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ которые имѣя какія нибудь свѣденія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но ктоже кромѣ полиціи и Правительства не зналъ о немъ? о заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все таки я отъ жандарма еще неушелъ, легко можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (NB оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? напиши, сдѣлай милость). Теперь положимъ что Правительство и захочетъ прекратить мою опалу, съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы) но вамъ рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее повѣденіе [будетъ] зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною Правительства &c.

Итакъ остается тебѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишеневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ Генераломъ Пущинымъ и Орловымъ —

Я былъ массонъ въ Киш. ложѣ, т. е. въ той за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я наконецъ былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ —

[Но когда] покойный Императоръ сославъ [1] меня [онъ] могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

---

[1] *Переделано из*: сослалъ.

Письмо это не благоразумно конечно, но должно-же довѣрять иногда и щастію. Прости будь щастливъ, это покамѣсть первое мое желаніе.

Прождѣ чѣмъ сожжешь это письмо покажи его Кар.... и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать Царю: В. В., Если Пушкинъ не замѣшенъ, то нельзя-ли наконецъ позволить ему возвратиться? —

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Алекс. — предмѣтъ богатый! — Но въ теченьи десяти лѣтъ его Царствованія, лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему — Никто болѣе тебя не имѣлъ права сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдств. я не совсѣмъ былъ виноватъ подсвистывая ему до самаго гроба.

---

* 194. Барону А. А. Дельвигу.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Милый Баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно — Я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ чтобы было по напрасну — Мнѣ сказывали что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности — Но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна — Узнай гдѣ онъ и успокой меня — Прощай мой милый другъ.

На обороте: Барону Дельвигу. П.

---

* 195. П. А. Плетневу.

[Около 20-го января 1826 г. Михайловское].

Душа моя, спасибо за *Стих. Ал. П.*, изданіе очень мило; кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится — Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески —

Что дѣлается у васъ въ П. Б.? я ничего незнаю, всѣ перестали ко мнѣ писать — Вѣрно вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно, я туда не намѣренъ — но неизвѣстность о людяхъ съ которыми находился въ короткой связи меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость Царскую — Къ стати: Не можетъ-ли Ж. узнать могу-ли я надѣиться на Высочайшее снисхожденіе, я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26. Покойный Имп. въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки не-религіозныя — другихъ художествъ за собою не знаю. Ужели молодой нашъ Царь не позволитъ удалиться куда нибудь гдѣ бы потеплѣе? — если уже никакъ нельзя мнѣ показаться въ П. Б. — а?

Прости душа скучно мочи нѣтъ.

На обороте: Его Высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу. *Въ Пет. Бургъ.* Въ Екатерининской Институтъ — *Почтовый штемпель:* Опочка. 1826 Генв. 25.

---

* 196. Барону А. А. Дельвигу.

[Около 15-го февраля 1826 г. Михайловское].

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази что я въ глуши ровно ничего незнаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно я ни въ чемъ незамѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ то оно въ томъ легко удостовѣриться. Но просить мнѣ какъ то совѣстно особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному Царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдовалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію нежели къ дѣятельности, и если 14 декабря, доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то нибыло, я желалъ бы *вполнѣ* и *искренно* помириться съ правительствомъ, и конечно это ни откого, кромѣ Его, независитъ. Въ этомъ желаніи [конечно] болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи нещастныхъ и обнародованіе заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны ни односторонни — какъ Фр. трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай душа моя.

Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде вел. поста они находились опять у Плетнева.

На обороте: Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С. Петербургъ въ Б. Мильонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ.

---

197. П. А. Катенину.

[Первая половина февраля 1826 г. Михайловское].

Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою, показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ радуетъ меня несказано, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ;

 кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе, и дать нашей Словесности новое, истинное направленіе? Покамѣсть, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты Русской Словесности: какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

---

* 198. Барону А. А. Дельвигу.

20-го февраля [1826 г. Михайловское].

Мой другъ Баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ Гименеемъ

o hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери — Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: Апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня Баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь что Тевтонъ Кюхля не былъ Славяниномъ — а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Повѣденіе Вел. Кн. Михаила въ [его] отношеніи къ нему, очень благородно. Но что Ив. Пущинъ? Мнѣ сказывали что 20, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться — сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость Царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Ж — и жду отвѣта. Покамѣсть я совершенно одинъ. Пр. Ал. уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности разказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ всякой говоритъ посвоему. А описанія Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! — чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина, неужъ то никто ему не поправилъ *Святки, Масленицу, Избу?* у него истинный, *свой* Талантъ; пожалуйста пошлите ему отъ меня экз. Руслана и моихъ Стих. — съ тѣмъ чтобъ онъ мнѣ неподражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою — Жду Цвѣтовъ.

На обороте: Дельвигу.

---

* 199. П. А. Осиповой.

20-го февраля [1826 г. Михайловское].

Madame

Voici le nouveau poeme de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'œuvre de grâce, d'élegance et de sentiment. Vous en serez enchantée.

Je présume, Madame que vous êtes maintenant à Twer je souhaite que vous y passiez votre tems agréablement mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky, ou après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, Madame l'assurance de ma haute considération et de mon parfait devouement.

20 fevr.

Vœuillez, Madame, presenter mes hommages à M-lle votre fille ainsi qu'à M-lle Netty.

---

200. П. А. Плетневу.

3-го марта [1826 г. Михайловское].

Карамзинъ боленъ! милый мой, это хуже многаго. Ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ разпечатывать газеты. Гнѣдичь не умретъ прежде совершенія Иліады — или реку въ сердцѣ своемъ: нѣсть Ѳебъ. Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишете меня въ П. Б. Что̀ это въ самомъ дѣлѣ? стыдное дѣло. Слѣ-Пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть; отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что̀ мнѣ слѣдуетъ); по крайнѣй мѣрѣ пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ П. Б. Вотъ какого быть вѣрноподданнымъ! забудутъ и квитъ. Получили-ли вы мои приятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ Опоческихъ, да издавай Онѣгина. Мнѣ не до Онѣгина. Чортъ возьми Онѣгина! я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

3 марта.

На обороте: Его Высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу въ С.-Петербургъ. Въ Екатерининскомъ институтѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1826 Марта. 4.

---

* 201. В. А. Жуковскому.

7-го марта 1826 г. Михайловское.

Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство Графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разтроенное здаровье и родъ Аневризма требовавшаго немѣдленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному Государю Императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его Величество, изключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню, за письмо писанное года три тому назадъ въ которомъ находилось сужденіе объ Аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное конечно всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ Государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть Его Величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный, я храню его про самаго себя и ненамѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости.

Александръ Пушкинъ.

7 марта
1826.
С. Михайловское.

На обороте: Василію Андреевичу Жуковскому.

---

* 202. П. А. Плетневу.

[7-го — 8-го марта 1826 г. Михайловское].

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія — Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо и отъ Заикина съ увѣдомленіемъ о продажѣ *Стих. А. П.* и съ предложеніями — Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ піэсъ уже Цензоръ не пропуститъ; какихъ-же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемѣлится — будетъ мука — тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изд. (однако, скажи: развѣ были какіе нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стихотв.? или это одни твои предположенія?) Знаешь-ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь что братъ покрайнѣй мѣрѣ ихъ перепишитъ — а ты пришли рукопись ко мнѣ — я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ Журн. у меня кровь портится — въ собраніи-же моихъ поэмъ для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ *Верро*, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта —

При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ — Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы[ло] сладко было получить свободу отъ Ж — а не отъ другова — впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ не плачь потерявъ. 1826 г.

Какого вамъ Бориса, и на какія Лекціи? въ моемъ Борисѣ бранятся по матерну на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу —

Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны — Сдери долгъ и съ Д.

---

203. И. Е. Великопольскому.

[Около 10-го марта 1826 г. Михайловское].

Милостивый Государь
Иванъ Ермолаевичь!

Сердечно благодарю Васъ за письмо, пріятный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова къ Вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣсть и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

Почтовый штемпель: Опочка 1826 марта 11.

---

* 204. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ апрѣля — начало мая 1826 г. Михайловское].

Милый мой Вяземской, ты молчишь и я молчу; и хорошо дѣлаемъ — потолкуемъ когда нибудь на досугѣ. Покамѣсть дѣло не о томъ. Письмо это тебѣ вручитъ очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Пологаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Приюти ее въ Москвѣ, и дай ей денегъ сколько ей понадобиться — а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). Ты видишь что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковскаго *о попѣ;* но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ.

 При семъ съ Отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ нехочется — а нельзя-ли его покамѣсть отдать въ какую нибудь деревню, — хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно ей богу — — но тутъ уже не до совѣсти. Прощай, мой Ангелъ, боленъ-ли ты или нѣтъ; мы всѣ больны — кто чѣмъ. Отвѣчай же подробно.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ. *Нужное.*

Запечатано перстнем-талисманом. Рукою Вяземского, на верху первой страницы, карандашом, поздним почерком: Не печатать.

---

* 205. А. Н. Вульфу.

7-го мая [1826 г. Псковъ или Островъ].

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишите — Добро. Однако я жду васъ любезный филистеръ и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца — Не правда ли что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго? Скажите ему что этаго я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи — Покамѣсть, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ-ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбатъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Ан. Ник. (съ которой NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ Вавилонская блудница Ан. Петр.? Говорятъ что Болтинъ очень щастливо металъ противъ почтеннаго Ерм. Фед. Мое дѣло — сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez vous placé votre mari? celui-ci est bien plus embarassant — Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичь, привезите-же Языкова и съ его стихами —

7 мая.

Видѣлъ я въ Синскѣ нѣкоторые нескромные Гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

На обороте: Его Благородію Алексѣю Николаевичу Вульфу въ *Дерптъ. Почтовый штемпель:* .... овъ 1826 май 7. *Помета Вульфа:* 826 года.

---

206. Императору Николаю I.

[Между 11-мъ и 27-мъ мая 1826 г.].

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ 1824 году, имѣвъ нещастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора, легкомысленнымъ сужденіемъ касательно Аѳеизма изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы

и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ Губернскаго начальства. *1826 г.*

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ разкаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противурѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпискою и честнымъ словомъ) рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: Осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ или въ чужіе края.

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Александръ Пушкинъ.

Обязательство Пушкина: Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни какимъ тайнымъ обществамъ подъ какимъ бы они именемъ не существовали не принадлежать; свидѣтельствую при семъ что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ.

10-го класса Александръ Пушкинъ.

11 мая
1826.

---

* 207. Князю П. А. Вяземскому.

[Около 22-го мая 1826 г. Михайловское].

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо что творитъ — Представь себѣ ее огромной обѣзьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? не ты, не я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ-ли ты мою Эду? вручила-ли она тебѣ мое письмо? Не правда-ли что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ — Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? — Щастливѣе чѣмъ Андр. Шенье — я заживо слышу голосъ вдохновенія. [1]

Твои стихи къ Мп. Красавицѣ (ахъ извини: Щастливицѣ) слишкомъ умны. — А поэзія, прости Господи, должна быть глуповата — Характеристика зла — Экой ты *неуимчивый*, какъ говоритъ моя Няня. 7 пятницъ лучшій твой Водевиль.

---

[1] Затемъ одна строка тщательно зачеркнута.

Напиши-же мнѣ что нибудь моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездарово хоть я и поэтъ —

Правда-ли, что Бар... женится? боюсь за его умъ. Законная <.....> родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты м. б. — изключеніе — Но и тутъ я увѣренъ что ты гораздо былъ бы умнѣе если лѣтъ еще 10 былъ холостой — Бракъ холоститъ душу — Прощай и пиши.

Михайловское,
Май.

На обороте: Его Сіятельству Кн. Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1826 Май 24 *и печать-талисман на черном сургуче.*

---

* 208. Князю П. А. Вяземскому.

27-го мая [1826 г. Псковъ].

Ты правъ, любимецъ Музъ — воспользуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ-ли я тебѣ что нибудь или нѣтъ? отвѣчай. Не взялъ-ли съ тебя чего нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное повѣденіе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго и Полевова, друга нашего. Теперь не до того, а ей богу, когда нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала — онъ находка. Читалъ я въ газетахъ что Lancelot въ П. Б. чортъ-ли въ немъ? читалъ я также что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ — кто эти безсмертные? Щитаю по пальцамъ и недощитаюсь. Когда пріѣдешь въ П. Б. овладѣй этимъ Lancelot (котораго я ни стишка не помню) и непускай его по кабакамъ Отечественной Словесности. Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами [1] не имѣемъ ни гордости ни стыда — при Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ M-e de Stael застовляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Руской баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (Датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ — это мерзко. Я конечно презираю Отечество мое съ головы до ногъ — но мнѣ досадно если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскія театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшен-

---

[1] *Переделано из:* «въ отношеніи иностранцевъ».

ство. Въ 4-ой пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой; гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно — услышишь милая въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится — ай да умница — 1826 г.

Прощай.

27 мая.

Думаю что ты уже въ П. Б. и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ что не прощусь съ Карамзиными — Богъ знаетъ свидимся-ли когда нибудь. Я теперь во Псковѣ, и молодой докторъ спьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я недотяну до 30 лѣтъ — Незабавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ —

На обороте: Кн. П. А. Вяземскому. *Запечатано облаткой.*

---

* 209. И. Е. Великопольскому.

3-го іюня 1826 г. Преображенское.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой то унылой;
Играешь ты на лирѣ очень мило
Играешь ты довольно плохо въ штосъ.
500 рублей проигранныхъ тобою
Наличные свидѣтели тому —
Судьба моя сходна съ твоей Судьбою.
Сей часъ, мой другъ, увидишь почему.

Сдѣлайте одолженіе, пять сотъ рублей которые вы мнѣ должны возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго Вамъ душевно,

Александра Пушкина.

3 іюня
1826.
Преображенское.

Вдоль стиховъ, слева: Скрепилъ Беклешовъ.
На обороте: Иванъ Ермалаевичь! мое почтеніе: я воспользовался этимъ случаемъ напомнить о вѣрющемъ письмѣ, которое вы намѣревались [вамъ] мнѣ прислать для взыска денегъ съ Кошко: если не пришлете къ сроку, что мнѣ дѣлать? — отпишите и незабывайте

вашего покорнаго слугу

К. Фед. Циціанова.

---

* 210. Князю П. А. Вяземскому.

10-го іюля [1826 г. Михайловское].

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во первыхъ что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною въ такое

1826 г. время когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ немогу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другія, сколько знаю, — глупы и бѣшены: ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый... слышишь обвиненіе не слыша оправданія и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Есть-ли ужъ Вяземскій, &c, такъ что же прочіе? Грустно братъ, такъ грустно что хоть сейчасъ въ петлю.

Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь. Какъ они холодны, глупы и низки. Не ужъ то ни одна руская душа не принесетъ достойной дани его памяти? Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь, это будетъ 13-й томъ Руской Исторіи; Карамзинъ принадлежитъ Исторіи. Но скажи *все*; для этаго должно тебѣ будетъ иногда употребить то краснорѣчіе, которое опредѣляетъ Гальяни въ письмѣ о Цензурѣ. — Я писалъ тебѣ въ П. Б. еще незная о смерти К<арамзина>. Получилъ ли ты это письмо? отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ — я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончанію слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Еслибъ я былъ потребованъ коммисіей, то я бы конечно оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и кажется это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши.

10 іюля.

Что Катерина Андреевна?

На обороте: Князю П. А. Вяземскому.

---

* 211. Князю П. А. Вяземскому.

14-го августа [1826 г. Михайловское].

Такъ море древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ.

Не славь его. Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вѣщественности — драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другова раза. Правда-ли что Николая Т<ургенева> привезли на

карабль въ П. Б.? Вотъ какого море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ. [Ему] Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

На обороте: Барону Антону Антоновичу Дельвигу. *Въ С.-Петербургѣ* на б. Милльонной въ домѣ Г-жи Эвелингъ, Пр. дост. *Князю П. А. Вяземскому. Почтовый штемпель:* Опочка 1826 Авг. 17 *и печать-талисман на черном сургуче.*

---

* 212. П. А. Осиповой.

4-го сентября [1826 г.]. Псковъ.

Je suppose, Madame, que mon brusque départ avec un Фельдъ-Егерь vous a surprise autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un Фельдъ Егерь; on m'en donne un, pour plus de sureté. D'après une lettre très aimable du Baron Дибичь il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre je reviens en toute hâte à Trigorsky où desormais mon cœur est fixé pour toujours.

Pskov. 4 Sept.

---

* 213. П. А. Осиповой.

15-го сентября [1826 г. Москва].

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le tems de vous écrire, celà vous prouve, Madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, a tel point que j'en suis déjà fatigué et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines.— Aujourd'hui, 15[1] Sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Дѣвичье Полѣ; les pâtés ont été fournis à la Сажень comme si c'étoit du bois; comme il y a quelque semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digerer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter; voici la nouvelle du jour. Demain il y

---

[1] *Переделано из:* «14».

1826 г. a bal chez la C-tesse Orlof; un immense manège a été converti en salle; elle en <a> emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements, très severes concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. — Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle — Je suppose que M-lles Annettes sont déjà à Trigorsky. Je les salue de loin et de tout mon cœur, ainsi que toute votre charmante famille. — Agreez, Madame, l'assurance de mon profond respect & de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.

Pouchkine.

Moscou.
15 Sept.

Рукою А. Н. Вульфа, карандашом, помета: 826 г.

---

* 214. В. А. Муханову.

[Сентябрь — октябрь 1826 г. Москва].

Bonjour, venez chez moi demain soir à 8 h. — Nous lirons Годуновъ.

---

* 215. В. А. Муханову.

[Сентябрь—октябрь 1826 г. Москва].

Будь у меня вечеромъ и привези [Му] Хомяковыхъ.

А. П.

На обороте: Муханову —

---

* 216. В. В. Измайлову.

9-го октября 1826 г. Москва.

Милостивый Государь
Владиміръ Васильевичь,

Извините что до сихъ поръ я не могъ отвѣчать вамъ; разныя обстоятельства, печальныя и хлопотливыя мнѣ помѣшали —

Радуюсь что могу чѣмъ нибудь угодить первому почтенному покровителю моей Музы.— Я непремѣнно доставлю Василью Львовичу стихи для Вашего Альманаха.

Уѣзжаю изъ Москвы съ искреннимъ сожалѣніемъ что не *1826 г.*
имѣлъ случая возобновить нашего заочнаго знакомства.

Примите искреннія увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и сердечной моей преданности.

А. Пушкинъ.

9 Октября
1826.
Москва.

На обороте: Владиміру Васильевичу Измайлову.

---

* *Черновое.*

Съ [чувствомъ] искреннымъ удовольствіемъ получилъ я письмо отъ Васъ перваго почтеннаго покровителя моихъ стихотворныхъ опытовъ. Обстоятельства не позволили мнѣ до сихъ поръ Вамъ отвѣчать — Къ тому же я ждалъ отъ Языкова обѣщанныхъ стиховъ, надѣясь тѣмъ Васъ одолжить и заслужить болѣе снисходительности къ моимъ бездѣлкамъ — Радуюсь сердечно возобновленію заочнаго нашего знакомства и нетерпѣливо...

---

* 217. В. П. Зубкову.

[1-го — 2-го ноября 1826 г. Москва].

J'esperois vous voir & vous parler encore avant mon départ, mais mon mauvais sort me poursuit dans tout ce que je veux. Adieu donc, cher ami — je vais m'enterrer à la campagne jusqu'au premier janvier — je pars la mort dans le cœur.

---

* 218. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

3-го ноября [1826 г.]. Торжокъ.

Je m'empresse, Madame la Princesse, de vous envoyer les ceintures. Vous voyez que j'ai une belle occasion de vous faire un madrigal à propos de la ceinture de Venus &c — mais le madrigal & le sentiment sont devenus également ridicules. Que vous dirai-je de mon voyage? il continue sous les plus heureux auspices — sauf un chemin detestable et des ямщикъ insuportables. Les cahots, les coups de coudes &c incommodent beaucoup mes deux compagnons de voyage — je leur demande pardon de la liberté grande, mais quand on fait tant que d'aller ensemble, il faut bien se passer quelque chose. S. P. * est mon bon ange; mais *l'autre* est mon démon; cela

* Ce n'est pas Serge Pouchk. bien entendu.

 me trouble dans mes méditations poëtiques et amoureuses le plus mal à propos du monde.

Adieu, madame la Princesse — je m'en vais m'enterrer au milieu de mes voisins. Priez Dieu pour le répos de mon âme — Si vous daignez m'envoyer à Опочка une petite lettre de 4 pages, cela seroit de votre part une coquetterie tout à fait aimable — Vous qui savez tourner un billet mieux que feue ma tante, n'aurez-vous pas cette extrême bonté? (NB. *billet* est desormais synonyme de *musique*). Adieu donc. Je suis à vos pieds et vous secoue la main à l'Anglaise, puisqu'à toute force vous ne voulez pas que je vous la baise.

Torjok 3 Nov.

Y a-t-il assez de sous-œuvres. Au nom de Dieu n'en donnez pas la clef à M. votre époux. Je m'y oppose formellement —

На обороте: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской — въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ. *Запечатано печатью-талисманом на красном сургуче.*

---

* 219. С. А. Соболевскому.

9 Ноябр. [1826 г. Михайловское].

Мой милый Соболевскій — я снова въ моей избѣ. 8 дней былъ въ дорогѣ, сломалъ два колеса, и пріѣхалъ на перекладныхъ. Дорогою бранилъ тебя немилосердно, но въ доказательство дружбы (сего священнаго чувства) посылаю тебѣ мой Itineraire отъ Москвы до Новагорода. Это будетъ для тебя Инструкція. Во первыхъ запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ [1]

У Гальяни иль Кольови
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармазаномъ макарони
Да яишницу свари —

*

На досугѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ
Жареныхъ котлетъ отвѣдай (имянно котлетъ)
И отправься на легкѣ.

*

Какъ до Яжельбицъ дотащитъ
Колымагу мужичокъ,
То-то другъ мой разтаращитъ
Сладострастный свой глазокъ!

*

---

[1] *Приписано сбоку:* На голосъ: *Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской.*

Поднесутъ тебѣ форели!
Тотчасъ ихъ варить вели
Какъ увидишь: посинѣли,
Влей въ уху стаканъ Шабли.

*

Чтобъ уха была по сердцу
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусокъ.—

Яжельбицы — первая станція послѣ Валдая — Въ Валдаѣ спроси есть-ли свѣжія сельди? если-же нѣтъ

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай —

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку; такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай, пиши.

На обороте: Сергѣю Александровичу *Соболевскому.* Въ Москвѣ, на Молчановкѣ въ домѣ Ренкевичевой. *Почтовый штемпель:* Опочка 1826 Нояб. 10.

---

220. Н. М. Языкову.

[9-го ноября 1826 г. Михайловское.]

Милый Николай Михайловичь — Сейчасъ изъ Москвы, сей часъ видѣлъ *ваше* Тригорское — Спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшаго — Дай Богъ вамъ здоровія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія! Царь освободилъ меня отъ Цензуры. Онъ самъ мой Цензоръ. Выгода конечно необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О ценз. уставѣ рѣчь впереди. Пишите мнѣ. Обнимаю Васъ и Вульфа.

Получили-ли Вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ — пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе.

О Москвѣ напишу вамъ много.

---

* 221. Князю П. А. Вяземскому.

9-го ноября [1826 г. Михайловское].

Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый неприятный анекдотъ было — то что сломались у меня колесы, разтресенные въ Москвѣ другомъ и благоприятелемъ моимъ Г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ

1826 г. пришла, какъ то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей Няни — ей богу приятнѣе щекотитъ сердце чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази что 70 лѣтъ она выучила наизусть новую молитву *о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости,* молитвы вѣроятно сочиненной при Ц. Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила-ли Княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь, въ П. Б. не поѣду; буду у васъ къ 1-му---- она велѣла! Милый мой, Москва оставила во мнѣ неприятное впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться — чѣмъ переписываться. Къ тому же Журналъ —— Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей богу — грустно. И такъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы не издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ, и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы чтобъ переводить, выписывать, объявлять &c. &c. Это черная работа журнала, вотъ за чѣмъ и издатель существуетъ; но онъ долженъ 1) знать Грамматику рускую 2) писать со смысломъ: т. е. согласовать существ. съ прилаг. и связывать ихъ глаголомъ.—А этаго то Полевой и ни умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцова и Растопчина. И согласись со мной что ему невозможно довѣрить изданія журнала освященнаго нашими имянами. Впроччемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я — буду хозяинъ новаго журнала — Тогда какъ ты хочешь а ужъ Полевова ты пошлешь къ матери въ гузно. Прощай Князь Вертопрахинъ, кланяйся Княгинѣ Вѣтронѣ, которая надѣюсь выздоровила — Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? какъ жаль что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу! но и это не ушло.

9 Ноября.

Сей часъ перечелъ мои листы о Карамзинѣ — нѣчего печатать. Собирись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмит... (котораго NB ты одинъ еще поддерживаешь) то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина — не Дмит....у чета! — Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидывать, такъ вотъ кому я долженъ бы[лъ] завидывать. Аминь Аминь глаголю вамъ. Онъ всѣхъ насъ, стариковъ за поясъ заткнетъ. — Ахъ! каламбуръ! Скажи Княгинѣ что она всю прелесть Московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

* 222. М. П. Погодину.

29-го ноября [1826 г.]. Псковъ.

Милый и почтенный, ради бога, какъ можно скорѣе остановите въ Моск. Цензурѣ все что носитъ мое имя — *такова воля высшаго начальства;* покамѣсть не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все перемѣнится и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Нѣкогда пояснять; до свиданія скораго. Жалѣю что договоръ нашъ несостоялся.

Александръ Пушкинъ.

Ноября 29.
Псковъ.

На обороте: Въ Москву. Въ Университетскую книжную лавку Г-ну Ширяеву *для доставленія какъ можно скорѣе Господину Погодину. Почтовый штемпель:* Москва. 1826. Дек. 3. *Запечатано перстнем-талисманом.*

---

* 223. А. Х. Бенкендорфу.

29-го ноября 1826 г. Псковъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я незналъ должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Превосходительства, и которымъ былъ я тронутъ до глубины сердца. Конечно никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе Государя Императора, также какъ снисходительную благосклонность Вашего Превосходительства.

Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ (конечно не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ Высочайшую Волю Государя) то поставляю за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству, в томъ самомъ видѣ какъ она была мною читана, дабы Вы сами изволили видѣть духъ въ которомъ она сочинена; я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ Императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другова списка у меня не находится, то приемлю смѣлость просить Ваше Превосходительство, оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими, человѣка Государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мѣлкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и Альманахи по просьбѣ издателей; прошу отъ

1826 г. Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если неуспѣю остановить ихъ въ цензурѣ.

Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности, честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Псковъ.
1826 г. Ноября 29.

Пометы на письме: № 2158 *и* 9-го Декабря 1826.

---

* 224. Н. С. Алексѣеву.

1-го декабря [1826 г. Псковъ].

Приди о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй!...

Не могу изьяснить тебѣ моего чувства при полученіи твоего письма. Твой почеркъ опрятный и чопорной, Кишеневскіе звуки, берегъ Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо — Милый мой: ты возвратилъ меня Бессарабіи! Я опять в своихъ развалинахъ — въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ, смазанной изъ молдавскаго говна — Опять рейн-вейнъ, опять Champan, и Пущинъ и Ворфоломей и все.... Какъ ты уменъ что написалъ ко мнѣ первый! мнѣ бы эта щастливая мысль никогда въ голову не пришла, хоть и часто о тебѣ вспоминаю и жалѣю что не могу ни бѣсить тебя, ни наблюдать твои маневры вокругъ острога.[1] Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно сидящаго моего черного друга, или въ креслахъ театральныхъ или въ ресторацiи за бутылкой. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ во Псковъ — такъ и теперь опять ѣду въ Бѣлокаменную. Надежды нѣтъ иль очень мало. По крайнѣй-мѣрѣ пиши-же мнѣ почаще, а я за новости Кишеневскія, стану тебя подчивать новостями Московскими. Буду тебѣ сводничать старыхъ твоихъ любовницъ — я чай дьявольски состарѣлись. Напиши кто? Я готовъ донынѣ идти по твоимъ слѣдамъ, утѣшаясь мыслію — что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалѣю, что въ разныя времена, съѣздили мы на щетъ казенной и не соткнулись гдѣ-нибудь.

Прощай, отшельникъ Бессарабской,
Лукавый другъ души моей —
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но руской правдою твоей.

А. П. 1 дек.

На обороте: Николаю Степановичу Алексѣеву въ Кишеневъ.

---

[1] Последние два слова теперь в подлиннике тщательно замараны.

* 225. Князю П. А. Вяземскому.

1-го декабря [1826 г.]. Псковъ.

Ангелъ мой Вяземской, или пряникъ мой Вяземской, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку, обоихъ Васъ благодарю и ѣду къ Вамъ и не доѣду. Какой! меня доѣзжаютъ!... изьясню послѣ — Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ вмѣсто того чтобъ писать 7-ую Гл. Онѣгина, я проигрываю въ штосъ четвертую: не забавно. Отовсюду получилъ письмы и всюду отвѣчаю — Adieu, couple si étourdi en apparence, Adieu Князь Вертопрахинъ и Княгиня Вертопрахина. Ты видишь что у меня недостаетъ ужъ и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псковъ.

При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) отдай для дост. Киселеву — вой — вымъ, какъ хошь.

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *(Затем нарисованы: летящий голубь, цветок и пылающее сердце.)* Въ Москву, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ собственномъ домѣ. *Почтовый штемпель:* Псковъ, 1826. Дек 3 *и печать-талисман на красном сургуче.*

---

* 226. В. П. Зубкову.

1-го декабря [1826 г. Псковъ.]

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi & en voici la raison: je voulois vous arriver comme une bombe le 1 dec. c. à d. aujourd'hui, il y a donc 5 a 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les chemins détestables — Les ямщикъ de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côte foulé, la poitrine malade, je ne puis réspirer, de rage je joue & je perds — En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eut été la meilleure réponse aux reflexions, objections &c. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons, c. à d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami — Il est tems de vivre, c. à d. de connaître le bonheur — Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrois-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle — je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à present si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent & faible tout à la fois — voilà ce qui me donne des moments de reflexions pénibles — Dois-je attacher à un

 sort aussi triste, a un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau? —— Mon dieu qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule — Cher ami tachez d'éffacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner — dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve — что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкой этотъ Панинъ, два года влюбленъ а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ — а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? — expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue, il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le tems, car il est impossible d'être plus belle — Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня.

А. П.

A Moscou, je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma Turquoise toute infame qu'elle est. Je félicite le C-te Samoilof.

---

* 227. С. А. Соболевскому.

[1-го декабря 1826 г. Псковъ].

Вотъ въ чемъ дѣло: Освобожденный отъ Цензуры я долженъ однакожъ прежде чѣмъ что нибудь напечатать, представить оное Выше; хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымали голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ Цензуру чтобъ моего ничего, нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ Альманашниковъ Журнальщиковъ, и прочихъ щепетильныхъ Литературщиковъ — Съ Погодинымъ уговоримся съ нова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго — Твои догадки — гадки; виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ, покамѣстъ сижу или лежу во Псковѣ — Мнѣ пишутъ что ты боленъ — чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

---

* 228. И. Е. Великопольскому.

[Первая половина декабря 1826 г. Псковъ].

Милый Иванъ Ермолаевичь — Если вы меня позабыли, то напоминаю Вамъ о своемъ существованіи — Во Псковѣ думалъ я Васъ застать, поспорить съ Вами, и срѣзать штосъ — но

Судьба опредѣлила иное — Ѣду въ Москву, коль скоро будутъ деньги и снѣгъ. Снѣгъ то ужъ падаетъ, да деньги-то съ неба не валятся — *1827 г.*

Прощайте, пишите мнѣ въ Москву.

Видаете-ли вы Дельвига?

А. П.

---

* 229. Н. М. Языкову.

21-го [декабря 1826 г. Москва].

Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новагорода — Вамъ достойному пѣвцу того и другова — Пишу однакожъ изъ Москвы — куда вчера привезъ я Ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ что я участвую въ *Моск. вѣстникѣ*, слѣдственно и вы также — Адресуйте-же ваши стихи Въ Москву на Молчановку въ домъ Ренкевичевой, оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія — Непремѣнно будьте-же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется —

Я усталъ и боленъ — потому Вамъ и не пишу болѣе — Вульфу кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство —

21 Ноября.[1]

Тригорское ваше съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2 № Моск. Вѣстн. —

Рады-ли вы журналу? пора задушить Алманахи — Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземской остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль, но чтожъ дѣлать —

---

* 230. А. Х. Бенкендорфу.

3-го января 1827 г. Москва.

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичь

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо Вашего Превосходительства, увѣдомляющее меня о Всемилостивѣйшимъ отзывѣ Его Величества, косательно моей драматической поэмы. Согласенъ что она болѣе сбивается на исторической романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.

---

[1] Описка: вместо *Декабря*.

Въ непродолжительномъ времени буду имѣть честь, по приказанію Вашего Превосходительства, переслать Вамъ мѣлкія мои стихотворенія.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

3 Января
1827.
Москва.

Пометы на письме: № 127; № 17; 10-го Генваря 1827; Къ свѣдѣнію.

---

* 231. В. И. Туманскому.

[Конецъ января — начало февраля 1827 г. Москва].

Милый мой Туманскій — Ты вѣрно ко мнѣ писалъ, потому что вѣрно меня любишь по старому, но я не получалъ отъ тебя ни строчки — Ужъ не почта-ли виновата? — справься и возьми свои мѣры — На всякой случай пиши на имя *Погодина, къ книгопродавцу Ширяеву въ Москву.* Къ стати: надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну — Погодинъ ничто иное какъ *имя, звукъ пустой* — духъ-же я т. е. мы всѣ православные. Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами — Прощай, пришли *Одессу,* мой отрывокъ.

А. П.

Далее конец письма отрезан. Сбоку другою рукой: Не льзяль чего отъ Левшина?

---

* 232. А. А. Муханову.

[Февраль 1827 г. Москва].

Милый мой Мухановъ когда-же свидимся мы чтобъ ѣхать къ дядѣ — заѣзжай къ Яру, я тамъ буду обѣдать и оставь записку.

А. П.

---

* 233. А. А. Муханову.

[Февраль 1827 г. Москва].

Envoyez moi le plan de P. b. Quand nous reverrons-nous?

A. P.

Vous êtes malade? Je viendrai ce soir chez vous.

---

234. П. П. Каверину.

18-го февраля [1827 г. Москва].

Вотъ тебѣ янтарь, душа моя Каверинъ — какого поживаешь ты въ свиномъ городкѣ; здѣсь тоска попрежнему — Зубковъ на дняхъ ѣдетъ къ своимъ Хамамъ — наша съѣзжая въ исправности — частный приставъ Соболевской бранится и дерется попрежнему, шпіоны, драгуны, бляди и пьяницы толкутся у насъ съ утра до вечера —

Прощай досвиданья.

18 февр.

Приписка С. А. Соболевского. Собака ѣхать не можетъ, поколику она больна. Я ѣздилъ въ контору Дилижансовъ и узналъ тамо что 6 Генваря отправленъ екстра-дилижансъ со вложеніемъ Вѣры Ѳ. Де.— Прощай душа моя. Помни меня, какъ помнишь пуншъ.

Соболевской
Молчановскій съѣзжій приставъ.

На обороте рукою Соболевского: Каверину. Какой у насъ славный Ерофеичъ!

---

* 235. Барону А. А. Дельвигу.

2-го марта [1827 г. Москва].

Милый мой, на дняхъ разсердясь па тебя и на твое молчаніе, написалъ я Веневитинову суровое письмо — Извини: у насъ была весна, оттепель — и я ни слова отъ тебя не получалъ около двухъ мѣсяцовъ — по неволѣ взбѣсишься. Теперь у насъ опять морозъ, весну дуру мы опять спровадили, отъ тебя письмо получено — все слава Богу благополучно. Жду Цыгановъ, и тотчасъ тисну — Ты пѣняешь мнѣ за Моск. вѣстникъ — и за нѣмецкую Метафизику. Богъ видитъ какъ я ненавижу и презираю ее; да что дѣлать? собрались ребяты теплые, упрямые; попъ свое, а чортъ свое — Я говорю: Господа, охота вамъ изъ пустова, въ порожнее переливать — все это хорошо для Нѣмцовъ пресыщенныхъ уже положительными познаніями, но мы..... — Моск. Вѣстн. сидитъ въ ямѣ, и спрашиваетъ: веревка вещь какая? (Впрочемъ па этотъ метафизической вопросъ можно бы и отвѣчать, да NB). А время вещь такая, которую съ никакимъ Вѣстникомъ не стану я терять. Имъ-же хуже если они меня неслушаютъ —

Левъ былъ здѣсь — малый проворный, да жаль что пьетъ. Онъ задолжалъ у Вашего Andrieux 400 рублей и ублудилъ жену гарнизоннаго маіора. Онъ воображаетъ что имѣніе его разтроено и что изтощилъ всю чашу жизни. Ѣдетъ въ Грузію, чтобъ обновить увядшую душу — Уморительно.

Плетневъ, нашъ мизантропъ, пишетъ мнѣ трогательное письмо; жалуется на меня, на тебя, на твой Грапъ-пасіансъ и говоритъ: Мнѣ страшно думать: это люди! Плетневъ, душа моя! что тутъ страшнаго? люди — сирѣчь дрянь, говно. Плюнь на нихъ да и квитъ.

2 Марта.

Скорѣй-же Цыгановъ — да что твои Цвѣты цвѣточки.

На обороте: Єгѡ Высокородїю Барону Дельвигу. *Запечатано красным сургучом с отпечатком перстня-талисмана; рядом — такая же, но большая печать,— с гербом барона Дельвига (под которым — маленькая эмблематическая лира).*

---

* 236. А. Х. Бенкендорфу.

22-го марта 1827 г. Москва.

Милостивый Государь,
Александръ Христофоровичь,

Стихотворенія доставленныя Барономъ Дельвигомъ Вашему Превосходительству давно не находились у меня: они мною были отданы ему для Альманаха *Сѣверные Цвѣты,* и должны были быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Въ слѣдствіи Высочайшей воли, я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ Барону Дельвигу прежде всего представить оныя Вашему Превосходительству.

Чувствительно благодарю Васъ за доброжелательное замѣчаніе косательно піэсы: *19 Октября.* Непремѣнно напишу Б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ — и вообще все что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ было имъ исключено.

Медлительность моего отвѣта произсходитъ отъ того, что послѣднее письмо, которое удостоился я получить отъ Вашего Превосходительства, ошибкою было адресовано во Псковъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и сердечной преданности, честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
Всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

22 марта
1827.
Москва.

Пометы на письме: № 1395; № 244; 28-го Марта 1827.

---

* 237. Н. Н. Раевскому (?).

(Черновое).

[Мартъ — апрѣль 1827 г. Москва].

Благодарю Васъ за участіе принимаемое вами въ судьбѣ Бориса Годунова [мнѣ было приятно удовлетворить столь для меня лестному нетерпѣнію — но я [призн.] [еще] не думаю [такъ еще скоро] [его] печатать [выдать въ свѣтъ] мою трагедію —]. Ваше нетерпѣніе видѣть его напечатаннымъ [для меня] очень лестно для моего самолюбія.

[Вы знаете что я никогда недумалъ отдать [се] свою трагедію на театръ, но едвали думалъ я видѣть ее когда нибудь и напечатанною —] но теперь когда по стеченію непредвидѣнныхъ и благоприятныхъ обстоятельствъ открылась мнѣ возможность выдать ее въ свѣтъ, [предвижу] возникли новыя затрудненія, прежде мною и неподозрѣваемыя —

Съ 1820 будучи удаленъ отъ Моск. и Пет. общества [Рускихъ Литераторовъ, и] самъ собою я не могъ самъ наблюдать [1] направленіе [вкуса только по журналамъ,] [руской публики] словесн. и долженъ былъ пологаться на слова нашихъ журналовъ — Читая жаркія споры [проповѣди] о романтизмѣ, [нападенія на все классическое, сравнивая и] и видя на его сторонѣ нѣкоторыя почетныя мнѣнія, я въ простотѣ души моей вообразилъ что въ самомъ дѣлѣ читающій классъ нашей публики, наскуча [однообразнымъ древнимъ] правильностію совершенствомъ [образцевъ] класс. древности и однообр. [ихъ подра.] спискомъ новѣйшихъ подражат. требуетъ новыхъ, сильнѣйшихъ ощущеній, и отыскиваетъ ихъ въ мутныхъ но кипящихъ источникахъ новой [Готической] народной поэзіи — Мнѣ казалось однакожъ довольно страннымъ, что младенческая наша словесность [почти] ни въ какомъ родѣ не предоставляющая никакихъ образцевъ, малочисленными опытами успѣла уже притупить вкусъ читающей публики — но, думалъ я, франц. слов. [тому] и такъ коротко всѣмъ намъ съ млад. и столь коротко извѣстная вѣроятно тому причиною — Смиренно признаюсь что я [воспиталъ уважать мнѣніе] [привыкъ] воспитанъ въ страхѣ *почтенной публики,* и что не вижу никакого униженія угождать ей слѣдовать духу времени въ чемъ и [рѣзко] отличаюсь отъ [гордыхъ] новѣйшаго поколѣнія мыслителей и поэтовъ, [проповѣдающихъ] которые [которые гордо] великодушно презираютъ [2] мнѣнія своихъ современниковъ, [и стараются] [желая между тѣмъ быть] [сдѣлаться предводителями и идутъ своей дорогою незаботясь] и проповѣдаютъ свое не заботясь о томъ есть-ли у нихъ слушатели — Это первое [искреннее] признаніе [до] ведетъ къ другому — болѣе [важному] смѣлому — такъ

[1] *Переделано из:* «наблюдалъ».
[2] *Переделано из:* «презирающихъ».

1827 г. и быть: каюсь что я (въ литературѣ) [совершенный] скептикъ [или даже] чтобъ не сказать хуже — и что всѣ Парнаскія секты для меня равны представляя [равн] каждая свои выгоды и невыгоды — Ужели невозможно быть истиннымъ поэтомъ небудучи ни закоснѣлымъ классикомъ, ни фанатическимъ романтикомъ. [Пустыя формы] Формы, обряды должны-ли непременно порабощать [поэт] литературную совѣсть — Зачѣмъ не повиноваться наружно принятымъ законамъ въ словесности какого нибудь народа какъ мы повинуемся законамъ Грам. какого нибудь языка — [Поэты] Писатель долженъ владѣть своимъ предметомъ не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря на [за] грамматическія оковы?

Нѣтъ ничего смѣшнѣе que le changement des règles reçu &c.

Твердо увѣренный что устарѣлыя формы нашего Театра требуютъ преобразованія, я [началъ писать] расположилъ свою Трагедію по системѣ Отца нашего Шекспира; и принесши ему въ жертву предъ его алтарь два [Аристотелев] класическія единства, и едва сохранилъ послѣднее — Кромѣ [сихъ] сей пресловутой [1] [тр] [троицы] тройственности — есть [еще] и [4-ое] единство, о которомъ [Лагарпъ] Фр. крит. и не упоминаетъ (вѣроятно не [подозрѣвая] предпологая что можно оспоривать его необходимость) единство слога — сего 4-го необходимаго условія Фр. [словесности] трагедіи —, отъ котораго избавленъ Театръ Исп. Англ. и Нѣмецкій — Вы чувствуете что и я послѣдовалъ столь соблазнительному примѣру —

Что [Вамъ] сказать еще? почтенный [шестистопный] Александрійскій стихъ перемѣнилъ я на [окороченный] пятистопный бѣлый — въ нѣкоторыхъ сценахъ унизился даже до презрѣнной прозы, не раздѣлилъ своей трагедіи на дѣйствія — словомъ написалъ трагедію истинно романтическую и думалъ уже [что надѣлалъ чудеса и] что [ужъ] публика скажетъ скажетъ [2] мнѣ *большое спасибо* —

Отказавшись добровольно отъ выгодъ мнѣ представляемыхъ системою искуства, [которой правил.] оправданной опытами, [я старался] [утв.] утвержденной привычкою я старался замѣнить сей чувствительной недостатокъ вѣрнымъ изображеніемъ лицъ времени развитіемъ историч. характеровъ и событій —

Между тѣмъ внимательнѣе разсматривая критическія статьи помѣщаемыя въ журналахъ, я началъ подозрѣвать что я жестоко обманулся, думая что во [вкусѣ] нашей словесности обнаружилось стремленіе къ романтическому преобразованію — Я увидѣлъ что [говоря о роман] подъ общимъ словомъ романтизма — разумѣютъ (&c —) что, слѣдуя сему [условному] своевольному опре-

---

[1] *Переделано из:* «сего пресловутаго».
[2] *Так в рукописи.*

дѣленію, одинъ изъ [остроумнѣйшихъ] самыхъ оригинальныхъ писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданной удовольствіемъ очарованныхъ читателей, не усумнился включить Озерова въ число поэтовъ романтическихъ, — что наконецъ наши журнальные Аристархи безъ церемоніи ставятъ на одну доску [Шексп.] Dante и Ламартина, самовластно раздѣляютъ Европу [на] Литературу [1] на класс. и ром. [отно.] [опредѣляя первой от] уступая первой — языки Латинскаго [2] Юга, и [удерживая] приписывая второй Германскія племена Сѣвера [такимъ образомъ] такъ что Dante (il gran Padre Alighieri) Аріосто, Лопецъ di Vega, Калдеронъ и Сервантесъ попались въ [число] классическую фалангу — [и тѣмъ не мало окажутъ] благодаря сей неожиданной помощи, доставленной Изд. Моск. Телегр. которой побѣда, кажется, будетъ несомнѣнно принадлежать — — *1827 г.*

Все это сильно поколебало мою Авторскую увѣренность — я началъ подозрѣвать что Трагедія моя есть Анахронизмъ.

Между тѣмъ читая мѣлкія стихотворенія величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ [одно] [никакихъ] и слѣдовъ искреннаго и свободнаго [3] [замашки] [.....] хода романтической поэзіи — но жеманство лже-Клас. Фр. — Скоро я въ томъ удостовѣрился.

Вы читали въ 1 Кн. М. В. [Сцену] отр. изъ Бор. Год., [лѣт] Сцену Лѣтописца — [Я было выбралъ] [дабы представить на судъ критики] [полагая что всѣ поймутъ] характеръ Пимена не есть мое изобретеніе. Въ немъ [отражается] собралъ я черты плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, простодушіе, [безстрастіе] умилительная кротость, нѣчто младенческое и вмѣстѣ [вѣтхое] мудрое, усердіе, [можно сказать] набожность къ Власти Царя данной имъ Богомъ — совершенное отсутствіе суетности пристрастія — [Кромѣ] дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ [временъ] временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная [жестокая] лѣтопись [озлобленнаго Іоанова Изгнанника одна носитъ на себѣ чужд. клеймо] Кн. Курбскаго отличается отъ проччихъ лѣтописей какъ бурная жизнь Іоан. изгн. отличалась отъ [блажен.] смиренной жизни безмятежныхъ Иноковъ. Сіи безымянныя хроники вдохновенныя [вліяніе] въ тишинѣ [4] монастырей, [и] безмятежной [жизни] Инокамъ,[5]

Мнѣ казалось, что сей характеръ [близокъ къ] все вмѣстѣ новъ и знакомъ — для рускаго сердца; что [чувства] трогатель-

---

[1] *Переделано из:* «Литературную».
[2] *Переделано из:* «Латинскій».
[3] *Переделано из:* «искренной и свободной».
[4] *Переделано из:* «вліяніе тишины».
[5] *Фраза не окончена.*

ное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, [трогающее насъ въ] столь живо постигнутое Карамзинымъ и отраженное [1] въ его безмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателя — что же вышло? Люди строгіе [2] [судьи строгіе] обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена [и зная что лица выведенныя др. писател. должны быть высказывать собствен] и нашли ихъ запоздалыми; другіе [не знали] сомнѣвались [можно] могутъ-ли [писать] стихи безъ рифмъ называться стихами — [Третьи находили] [и остроумная шутка какого] Г-нъ З. предложилъ [3] промѣнять Сц. Бор. Год. на картинки дамск. Журн. [сдѣлала гораздо болѣе впечатлѣнія] — Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей Публики.

Чтожъ изъ этаго слѣдуетъ — что Гн. З. публика правы но что ГГ. Журналисты виноваты ошибочными извѣстіями введшіе меня во искушеніе — Воспитанные подъ вліяніемъ [Евро] Франц. [критики, зная древнія и другія словесности] литературы Рускіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ ея критикою и неохотно смотрятъ на все что неподходитъ подъ сіи законы — Нововведенія опасны и кажется не нужны —

Хотите-ли знать что̀ еще удерживаетъ меня отъ напечатанія моей трагедіи? тѣ мѣста, кои въ ней могутъ подать поводъ примѣненія,[4] намѣки, *allusions.* [Хоть то что] Благодаря Фр., мы не понимаемъ какъ Драм. Авт. можетъ совершенно отказаться отъ своего обраꞌза мыслей, дабы совершенно переселиться въ вѣкъ имъ изображаемый, [мы] Фр. пишетъ свою Трагедію, съ Const. или съ [Drap] Quotidi. передъ глазами дабы [сказать] шестист. стихами заставить Сциллу, Тиберія, Леонида высказать его [(Авторское)] мнѣніе о Вилменѣ или о Кеннингѣ — Отъ сего затѣйливаго способа, на нынѣшней [5] Фр. Сценѣ, слышно много краснорѣчивыхъ Журнальн. выходокъ по Трагедіи истинной не существуетъ — замѣтьте что въ Корнелѣ, вы примѣненій не встрѣчаете — что кромѣ Эсфири и Вереники, нѣтъ ихъ и у Расина [по крайнѣй мѣрѣ] Лѣтоп. [Тр.] Фр. театра видѣлъ въ Британикѣ смѣлой [6] намѣкъ на увеселенія двора Люд. XIV.

& ce donc <?> lui &c

но вѣроятно-ли чтобъ тонкій, придворный [поэтъ] Расинъ осмѣлился сдѣлать столь ругательное примѣненіе, [Неро] Людов. къ Нерону? — будучи истиннымъ поэтомъ, Рас. написавъ сіи прекрасные стихи, былъ исполненъ Тацитомъ, духомъ Рима [и]; онъ изображалъ ветхій Римъ и дворъ Тирана, не думая ни о Вер-

---

[1] *Переделано из:* «отразившее».
[2] *Чтение предположительное.*
[3] *Переделано из:* «предлагавшаго».
[4] *В рукописи:* «примѣнія».
[5] *Переделано из:* «нынѣшніе».
[6] *В рукописи:* «смѣлое».

сальскихъ балетахъ [ни]—[Надо им] Самая дерзость сего [сравненія] примѣненія служитъ доказательствомъ что Расинъ о немъ и не думалъ—какъ [не] Юмъ или Walpole (не помню <?> кто) замѣчаютъ о Шекспирѣ въ подобномъ-же случаѣ.

---

* *(Вторая редакция).*

Благодарю васъ за участіе принимаемое вами въ судьбѣ *Годунова;* Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; Но теперь, когда по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде и не подозрѣваемыя.

Съ 1820 года будучи удаленъ отъ Московскихъ и Петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о Романтизмѣ, я вообразилъ что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучила правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей, что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ но кипящихъ источникахъ новой, народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ непредставляющая никакихъ образцевъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, Французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною [сей странности] сего явленія. Искренно признаюсь что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого [униженія] стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признанье ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже) и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны-ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы.

---

* 238. В. Д. Соломирскому.

15-го апрѣля [1827 г. Москва].

A l'instant, si vous le désirez, venez avec un témoin. A. P.

15 avr.

---

* 239. М. П. Погодину.

[Середина апрѣля 1827 г. Москва].

Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете — У васъ *Къ Языкову* тисните, но за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ № не помѣщусь.

А. П.

---

* 240. А. Х. Бенкендорфу.

24-го апрѣля 1827 г. Москва.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь,

Семейныя обстоятельства требуютъ моего присутствія въ Петербургѣ: приемлю смѣлость просить на сіе разрѣшенія у Вашего Превосходительства.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ душевной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Москва.
1827.
24 апр.

---

* *(Черновое).*

M. Gen. des affaires indispensables necessitant ma présence à Pétersbourg Je prends la liberté de demander à votre Exc. la Permission de venir y passer quelques jours —

Je suis avec la plus haute considération

de Votre.

le très —

---

* 241. Л. С. Пушкину.

8-го мая [1827 г. Москва].

Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? завтра ѣду въ П. Б. увидаться съ дражайшими родителями comme on dit, и устроить свои денежныя дѣла — Изъ

П. Б. поѣду или въ чужія края т. е. въ Европу или во свояси т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсокова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею — да прошу не влюбиться въ дочь — *1827 г.*

Кончилась-ли у васъ война? видѣлъ-ли ты Ермолова, и какого вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры а она куда нибудь да перешлетъ мнѣ.

А. П.

8 мая.

На обертке: Льву Сергѣевичу Пушкину въ Азію.

---

* 242. П. А. Осиповой.

[Начало іюня 1827 г. Петербургъ].

Je suis bien coupable envers vous mais pas tant que vous pouvez le penser. Arrivé a Moscou je vous ai tout de suite ecrit en adressant mes lettres на Ваше имя въ Почт-амтъ — Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous interesser encore à moi, que vous dirai-je, Madame de mon sejour à Moscou, & mon arrivée à P. b. — l'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai [j'ai] des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurois choisi Trigorsk — à peu près comme Arlequin, qui sur la question qu'aimeroit-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. —

Je suis ici sur mon départ & je compte absolument venir passer quelques jours à Михайловско; je salue en attendant de tout mon cœur vous & tout ce qui tient à vous.

На обороте: Ея Высокородію Прасковьи Александровнѣ Осиповой. *Въ Опочку. Почтовый штемпель:* Петербургъ 1827 Іюн. 10. *Запечатано перстнем-талисманом.*

---

* 243. М. П. Погодину.

10-го іюня [1827 г. Петербургъ].

Очень васъ благодарю и съ поспѣшностію отсылаю корректуру — ай да Соболевской, ай да Байбакъ! что тутъ онъ нагородилъ! — Отъ него получилъ я письмо и на дняхъ отвѣчу — покамѣсть я съ вожделеніемъ думаю о Sillеri по 11 р. асс.

10-го іюня.

---

* 244. Н. М. Языкову.

14-го іюня [1827 г.]. Петербургъ.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій Градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино —
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ —
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на Невѣ хоть нѣтъ охоты
Окованнымъ остался я —
Ахъ юность, юность удалая!
Могуль тебя непожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклинаю —

Прости, Пѣвецъ! играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву Рускаго Дворянства.

Стиховъ, ради бога стиховъ! Душа проситъ — Простите, желалъ бы сказать до свиданія.

14 іюня.
С.П.Б.

На обороте рукою П. А. Осиповой: Н. М. Языкову — Въ Дерптъ.

---

* 245. А. Х. Бенкендорфу.

29-го іюня 1827 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

По приѣздѣ моемъ въ С. Петербургъ являлся я къ Вамъ, но не имѣлъ щастія найти дома. Пологая что Вы заблагоразсудите сами потребовать меня, до сихъ поръ я Васъ небезпокоилъ. Теперь

осмѣливаюсь просить Васъ дозволить мнѣ къ Вамъ явиться гдѣ *1827 г.*
и когда будетъ угодно Вашему Превосходительству.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

1827. 29 іюня.
С.П.Б.

Помета на письме рукою Бенкендорфа: Пригласить его въ Среду въ 2 часа въ Петер[бургѣ].

---

* 246. С. А. Соболевскому.

15 іюля [1827 г. Петербургъ].

Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? про старые дрожжи, не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачъ потерявъ — Посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ — Цыганы мои непродаются вовсе; деньги-же эти — трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго — Пріѣзжай въ П. Б. если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидиться да переговорить о будущемъ — Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, т. е. по одежки тяни ножки — все перемѣлится, будетъ мука — Ты видишь что кромѣ пословицъ, ничего путнаго тебѣ сказать не съумѣю. Прощай мой другъ —

---

* 247. Е. М. Хитрово.

18-го іюля [1827 г.? Петербургъ].

Madame,

Je ne sais comment Vous exprimer toute ma reconnaissance pour l'interêt que vous daignez prendre à ma santé; je suis presque confus de me porter si bien. Une circonstance bien importune me prive aujourd'hui du bonheur d'étre chez vous. Vœillez recevoir mes regrets et mes excuses ainsi que l'hommage de ma haute consideration.

Pouchkine.

18 juillet.

На обороте: A Madame Madame de Hitrof.

---

* 248. А. Х. Бенкендорфу.

20-го іюля 1827 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Въ 1824 году Г. Статскій Совѣтникъ Ольдекопъ безъ моего согласія и вѣдома перепечаталъ стихотвореніе мое Кавказскій Плѣнникъ, и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Въ слѣдствіи сего родитель мой Статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичь Пушкинъ обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему что Г. Ольдекопъ перепечаталъ-де Кавказскаго Плѣнника для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ, что къ тому-же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ яко мошенника, на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасенія заплаты за безчестіе.

Не имѣя другаго способа къ обезпеченію своего состоянія кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ и нынѣ лично ободренный Вашимъ Превосходительствомъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ Высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

Честь имѣю быть съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

С. Петербургъ.
20 іюля
1827.

---

* 249. А. Х. Бенкендорфу.

20-го іюля 1827 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Честь имѣю препроводить на разсмотреніе Вашего Превосходительства новыя мои стихотворенія. Если Вы соблаговолите снабдить меня свидѣтельствомъ для Цензуры, то въ слѣдствіи

Вашего снисходительнаго позволенія, осмѣливаюсь просить Васъ о достовленіи всѣхъ сихъ бумагъ издателю моихъ сочиненій Надворному совѣтнику Петру Александровичу Плетневу. *1827 г.*

Препровождая при семъ записку о дѣлѣ моемъ съ Г. Ольдекопомъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

С. Петербургъ.
20 іюля
1827.

---

* 250. Барону А. А. Дельвигу.

31-го іюля [1827 г.]. Михайловское.

ЭЛЕГІЯ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала....
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я,
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, где любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

1826.

Вотъ тебѣ обѣщанная Элегія, душа моя. Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отр. изъ Бориса да эта пьэса. Постараюсь прислать еще что нибудь. Вспомни что у меня на рукахъ Моск. Вѣстникъ и что я не могу его оставить на произволъ судьбы и Погодина. Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Я въ деревнѣ и надѣюсь много писать, въ концѣ осени буду у Васъ; вдохновенья еще нѣтъ, покамѣсть принялся я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Чтò твоя проза и чтó твоя поэзія? Рыцарской Ревель разбудилъ-ли твою заспанную Музу? У васъ Булгаринъ? Къстати: Сомовъ говорилъ мнѣ о его Вечерѣ у Карамзина. Не печатай его въ своихъ Цвѣтахъ. Ей Богу не прилично. Конечно вольно собакѣ и на Владыку лаять, но пускай лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комна-

1827 г. тахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было бъ еще неприличнѣе. Что твоя жена? помогло-ли ей море? Няня ее цалуетъ, а я ей кланяюсь. — Пиши же.

31 іюля. Михайловское.

На обороте: Барону Антону Антоновичу *Дельвигу въ Ревель.*

---

*251. М. П. Погодину.

[Вторая половина августа 1827 г. Михайловское].

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОНѢГИНА.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, [милой] хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ;
Душа лишь только разгоралась
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таилъ въ тишинѣ
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемомъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Инаго я желать не могъ.

*

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слёзы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей .....
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

*

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета
Какъ сонъ забыты мной давно.
Но есть одна межъ ихъ толпою.....
Я долго былъ плѣненъ одною.....
Но былъ-ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго-ли?..... за чѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло;
Что было, то прошло, то вздоръ;

А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло;
Закрылось для любви оно
И все въ немъ пусто и темно.

*

Дознался я что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей![1]

Что вы дѣлаете? что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина ему на шапку. Фаустъ и другія стихи не вышли еще изъ-подъ Ц<арской> Цензуры; коль скоро получу, перешлю къ Вамъ. Я убѣжалъ въ деревню, почуя рифмы.

Пока нетребуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ молодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается Молвы
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.....

Назовите эти стихи да и тисните. Vale.
Что дѣлаетъ мой бѣдный Байбакъ? гдѣ онъ?

---

[1] *Стих был начат:* «Глубокихъ чувствъ», *но потом слово* «чувствъ» *зачеркнуто, и слова* «И чувствъ» *выписаны перед строкою, на поле.*

* 252. М. П. Погодину.

31-го августа [1827 г.]. Михайловское.

Побѣда, побѣда! *Фауста* Царь пропустилъ кромѣ двухъ стиховъ: *да модная болѣзнь, она Недавно вамъ подарена.* Скажите это отъ меня Господину, который вопрошалъ насъ *какъ мы смѣли* представить предъ очи его Высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите Его Высокородіе отъ моего имени, впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе. Плетневъ доставитъ [1] вамъ Сцену, съ копіей отношенія Бенкендорфа. Если Моск. Цензура все таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, а я опять буду безпокоить Государя Императора всеподданнѣйшей просьбою и жалобами на неуваженіе Выс. Его Воли.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію!!! & tu, Brute!!.. Но подумайте: начто это будетъ похоже? Вы, издатель Европейскаго журнала въ Азіатской Москвѣ. Вы честный литераторъ между лавочниками литературы, Вы!..... Нѣтъ, вы незахотите марать себѣ рукъ Альманашной грязью, У Васъ *много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ;* но какихъ-же? Quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче М. Вѣстнику; не только *licet,* но *decet. Есть и другія причины.* Какія? деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради бога не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаю Вамъ *безусловно* дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ Альманашниками обоихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; Стихотворная часть у насъ славная; проза м. б. еще лучше, но вотъ беда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Къ стати о повѣстяхъ: они должны быть непремѣнно существенной частію Журнала, какъ Моды у Телеграфа. У насъ не то что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина; у насъ про нихъ еще толкуютъ.

Ваша индѣйская сказка *Переправа,* въ Евр. Журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености. У насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Вѣстн. Моск. по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію,— лучшій изъ Руск. Ж. Въ Т. похвально одно ревностное трудолюбіе — а хороши однѣ статьи Вяземскаго — но за то за одну статью Вяз... въ Тел., отдам 3 дѣльныя статьи М. Вѣстн. Его критика поверхностна или несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія, рѣзко оригинальны; [2] онъ мыслитъ, сѣрдитъ, и заставляетъ [3] мыслить и смѣяться: важное

---

[1] *Переделано из:* «достанетъ».
[2] *Переделано из:* «оригиналенъ».
[3] *В подлиннике описка:* «заставлять».

достоинство, особенно для Журналиста! Если вы съ нимъ увидѣтесь скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ, но что все собираюсь загладить свою вину—Ne знаю увижу-ли я Васъ нынче; покрайнѣй мѣрѣ хочется зимою побывать въ бѣлокаменной. — Досвиданія, милый и любезный. Весь вашъ, безъ церемоній.

31 Авг. Михайловское.

P. S. Еще слово: изданіе Ураніи, ей богу можетъ, хотя и несправедливо, повредить Вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите чтò Вяз — — сказалъ объ Альманахѣ издателя Благонамѣреннаго; онъ совершенно правъ — Публика наша глупа, но недолжно ее морочить. Такъ точно какъ Журнальный сыщикъ Сережа глупъ, но недолжно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель Журн., долженъ всѣ силы употребить дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ. Лучше ужъ прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

Стансы къ царю имъ позволены; *Пѣсни о Стеньки* не пропущены.

На конверте: Въ Москву. Въ Университетсткую <sic> книжную лавку Г-ну Ширяеву *дл. дост. М. П. Погодину. Почтовый штемпель:* Опочка 1827 сен. 3.

---

* 253. А. П. Кернъ.

[1-го сентября 1827 г. Тригорское].

Анна Петровна, я Вамъ жалуюсь на Анну Николавну — она меня не цаловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame.

Весь вашъ

Яблочный Пирогъ.

---

* 254. Неизвѣстному.

(Черновое).

[Осень 1827 г. Михайловское].

Милостивый Государь! Вы не знаете правописанія и пишите обыкновенно безъ смысла. Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и рѣшителя споровъ трехъ литературъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

---

*255. А. Х. Бенкендорфу.

10-го сентября 1827 г. Опочка.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь

Съ благоговѣніемъ и благодарностію получилъ я чрезъ Ваше Превосходительство отзывъ Государя Императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться Высочайшей Его волѣ.

Что касается до моего дѣла съ Г. Ольдекопомъ, то я не осмѣлюсь вновь по оному безпокоить Ваше Превосходительство. Вы изволили весьма справедливо замѣтить что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбронялется издавать переводы вмѣсте съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей; Если-же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника.

Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотреніе Вашего Превосходительства, полагаю что въ состовленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія Литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ —

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Опочка.
1827
10 сентября

Следы почтового штемпеля: Псковъ...; *помета:* къ дѣлу.

---

256. М. П. Погодину.

[Конецъ октября — ноябрь 1827 г. Петербургъ].

Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиняться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманск. (кромѣ Голубые глаза, взятые для Д.) Отр. изъ Онѣгина и *Стансы* пропущенные — на дняхъ пришлю *Москву* и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не оста-

лось послѣ здѣшней Альманашной жатвы, а писать еще некогда. Весь вашъ А. П. *1827 г.*

Я не лишенъ правъ гражданства, и могу быть цензорованъ нашею цензурою, если хочу, — а съ каждымъ прав. четверост. я къ Высшему Начальству не полѣзу — скажите это имъ.

---

*257. С. А. Соболевскому.

[Ноябрь 1827 г. Петербургъ].

Если бы ты просто написалъ мнѣ пріѣхавъ въ Москву что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу, то я безъ хлопотъ, ее бы перепечаталъ — но ты все обѣщалъ, обѣщалъ — и благодаря тебя во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей гл. остоновилась. Покорно благодарю. —

Что изъ этаго слѣдуетъ?

Что ты безолаберный —

Что ты Ольдекошнічаешь, и Воейковствуешь; перепечатывая насъ образцовыхъ Великихъ людей — Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полевого и проч.

Хорошъ!

На обороте: Sobolevsky. *Запечатано печатью-талисманом.*

---

258. Ѳ. В. Булгарину.

[Ноябрь 1827 г. Петербургъ].

Напрасно думали вы, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичь, чтобъ я могъ забыть свое обѣщаніе — Дельвигъ и я непремѣнно явимся къ Вамъ съ повиннымъ желудкомъ сегодня въ $3^1/_2$ ч. Голова и сердце мое давно Ваше. А. Пушкинъ.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину.

---

* 259. Л. С. Пушкину.

21-го ноября 1827 г. Петербургъ.

Dites à Rajevsky qu'il m'ecrive[nt] à l'adresse de mon père — Vous eussiez du faire de même.

---

* 260. Неизвестной.

(Черновое).

[1828 г. Петербургъ].

...[très] certainement, Madame l'heure qui vous conviendroit sera toujours la mienne — A demain donc, & [puisse le 7-me chant d'Онѣгинъ] puisse [méri]....

261. П. А. Осиповой.

24-го января [1828 г. Петербургъ].

Je suis si honteux, Madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume; ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera eternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig qui abandonne ses Fleurs pour des épines diplomatiques. vous parlera de notre éxistence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette éxistence est assez sotte, et que je brûle de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'eut été mon désir. Je vous avoue, Madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger — je le supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, Madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon éxistence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, Madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon cœur toute votre charmante famille. Comment se trouve M-elle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait-elle beaucoup de conquêtes?

A. P.

24 Janv.

На обороте: A Madame Ossipof. *Помета Осиповой:* année 1828.

---

* 262. Е. М. Хитрово.

Понедѣльникъ. [6-го февраля 1828 г. Петербургъ].

Que vous êtes aimable d'avoir songé à consoler de votre souvenir l'ennui de ma réclusion — Toute sorte d'embarras, de chagrins, de desagréments &tc., m'avoient tenu plus que jamais éloigné du monde, et ce n'est que malade moi-même, que j'ai appris l'accident de M-lle la Comtesse. Arnt a eu la bonté de m'en donner des nouvelles et de me dire qu'elle alloit beaucoup mieux — Dès que mon etât me le permettera, j'espère Madame, avoir le bonheur de venir de suite vous presenter mes respectueux hommages, en attendant je m'ennuie, sans avoir même la distraction d'une souffrance physique.

lundi.

Pouchkine.

Je prends la liberté, Madame, de vous envoyer la 4 et 5 partie d'Онѣгинъ, qui viennent de paraître: Je souhaite de bien bon cœur qu'elles vous fasse sourire —

На обороте: Madame Madame Hitrof.

---

* 263. Е. М. Хитрово.

Пятница. [10-го февраля 1828 г. Петербургъ].

Un aussi triste malade que moi ne mérite guère d'avoir une sœur grise aussi aimable que vous, Madame. Mais je suis bien reconnaissant de cette charité toute chretienne & toute charmante. Je suis charmé que vous protegiez mon ami Онѣгинъ: votre remarque critique est aussi juste que fine comme tout ce que vous dites; je me serois empressé d'en venir recueillir d'autres, si je ne boitois encore un peu, & si je ne craignois les escaliers. Jusqu'à present je ne me permets que le rez de chaussée.

Daignez recevoir Madame l'hommage de ma reconnaissance & de ma parfaite consideration.

vendredi. Pouchkine.

На обороте: Madame Madame Hitrof.

---

* 264. М. П. Погодину.

[19-го февраля 1828 г. Петербургъ].

А Флимушъ проклятый? а Магазины. Моды?

Это слишкомъ серіозно — См. замѣчаніе Изд. Моск. Вѣстн. о замѣчаніи Изд. М. Тел. (М. В. 1828 № 2). Вотъ какъ должно ихъ доѣзжать!

---

* 265. М. П. Погодину.

19-го февраля [1828 г. Петербургъ].

Вы всеконечно правы, и угадали что я въ *примѣчаніи* Булгарину совсѣмъ не участвовалъ — ни дѣломъ ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣденіемъ — Когда-бъ я видѣлъ его корректуру то вѣрно бъ ужъ [его] не пропустилъ выходку, которая такъ Васъ безпокоитъ — Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете что Сѣв. Пч. того стоитъ — а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило: не трогать чего знаете — Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія.

О герой Шевыревъ! О Витязь Великосердный подвизайся, подвизайся!! А вы, любезный Михайло Петровичь, утѣшьтесь, и какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку Сѣв. Пчелу.

19 февр.

На дняхъ пришлю вамъ прозу — да Христа ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему нечувствовать Баратынскаго, но богъ ему судья.

---

* 266. А. Х. Бенкендорфу.

5-го марта 1828 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Позвольте мнѣ принести Вашему Превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить.

Снисходительное одобреніе Государя Императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за щастіе обязанность мою слѣдовать Высочайшему Его соизволенію.

Съ чувствомъ глубочайшаго почитанія и сердечной преданности, честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

5 марта
1828
С. П. Б.

Осмѣливаюсь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою: лично узнать отъ Вашего Превосходительства будущее мое назначеніе.

Помета рукою А. Х. Бенкендорфа, карандашом: Пригласить его ко мнѣ послѣ завтра въ воскресеньѣ въ 4-мъ часу.

---

* 267. П. А. Осиповой.

[Начало марта 1828 г. Петербургъ].

Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation — J'y joins un exemplaire pour M-lle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question — Je ne sais Madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année: on dit que vous vouliez venir à Petersbourg. Est-il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsk et de Зуево — Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agreez Madame, vous et toute votre famille l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets & de mon parfait devouement.

Помета П. А. Осиповой: reçue le 13 de Mars 1828.

---

* 268. С. А. Соболевскому.

[Конецъ марта 1828 г. Петербургъ].

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 р. мною тебѣ должныхъ, а пишешь о M-de Кернъ, которую съ помощію божіей я на-дняхъ <....>. — Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь-ли оную сумму получить съ Моск. Вѣс. — узнай въ состояніи-ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2100? и дай отвѣтъ — если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ? какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ — Кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеической [дуракъ] Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу? Зубаревъ? или Ив. Савельичь? Я собирался къ вамъ, мои милые, да незнаю, попаду-ли; во всякомъ случаѣ въ П. Б. не остаюсь —

---

269. И. Е. Великопольскому.

[Конецъ марта — начало апрѣля 1828 г. Петербургъ].

Любезный Иванъ Ермолаевичь.

Булгаринъ показалъ мнѣ очень милые ваши стансы ко мнѣ въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ —

и Ваше примѣчаніе — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна Вашего пера. — Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что Вы немножко недовольны. Правда-ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ Ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы в 8-ю главу Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ Вы заплатили мнѣ свой — родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ Вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи.

Простите! Весь Вашъ А. П.

На обороте: Евгенію Абрамовичу Баратынскому, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Энгельгарда, въ Москвѣ. Пр. дост. И. Е. Великопольскому. *Рукою Боратынского:* На Большой Екиманкѣ, у Калужскихъ воротъ, въ домѣ Еремеевой.

---

* 270. А. Х. Бенкендорфу.

18-го апрѣля [1828 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

По приказанію Вашего Превосходительства, являлся я сегодня къ Вамъ дабы узнать рѣшительно свое назначеніе, но меня не хотѣли пустить и позволить мнѣ дожидаться.

Извините, Ваше Превосходительство, если вновь осмѣливаюсь Вамъ докучать, но судьба моя въ Вашихъ рукахъ и Ваша неизмѣнная сѵисходительность ободряетъ мою нескромность.

Съ истиннымъ, глубочайшимъ почтеніемъ, и сердечной преданностію, честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугою,
Александръ Пушкинъ.

18 апрѣля.

На обороте: Его Превосходительству Милостивому Государю Александру Христофоровичу Бенкендорфу. *Пометы:* № 2814; № 783; 19-го Апрѣля 1828. — *Рукою Бенкендорфа, карандашом:* Ему и Вяземскому написать по рознь, что Государь вѣсьма хорошо принялъ ихъ желаніе быть полезными службою, что въ армію не можетъ ихъ взять ибо всѣ места заняты, и отказывается всякой день желающимъ слѣдовать за арміи, но что Государь ихъ не забудитъ, и при перьвой возможности употребить ихъ таланты.

---

* 271. А. Х. Бенкендорфу.

21-го апрѣля 1828 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Искренне сожалѣя что желанія мои не могли быть исполнены, съ благоговѣніемъ приемлю рѣшеніе Государя Императора и приношу сердечную благодарность Вашему Превосходительству за снисходительное Ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе 6 или 7 мѣсяцовъ, остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, въ послѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если Ваше Превосходительство, соизволите мнѣ испросить отъ Государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ дабы испросить отъ Вашего Превосходительства подтвержденія даннаго мнѣ Вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои. *1828 г.*

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной благодарностію, честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

С.П.б. 1828
21 Апрѣля.

На письме помета: пол. 23 Апрѣля 1828 г.

---

* 272. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[24-го апрѣля 1828 г. Петербургъ].

Ваше Сіятельство! Его Сіятельство, несмотря на свою ревность, позволилъ моему благородію написать вамъ нѣсколько строфъ — (т. е. строкъ). Во первыхъ позвольте повергнуться мнѣ къ пожкамъ Вашего Сіятельства и принести всеподданнѣйшую мою благодарность, за собачку (символъ моей къ Вамъ вѣрности) вышитую на канвѣ собственными вашими ручками и присланную мнѣ въ мое чухонское уединеніе. — Что дѣлаете вы, безподобная Княгиня, въ вашей Саратовской степи, и что дѣлаетъ Е. С. Павелъ, котораго письма составляютъ единственное утѣшеніе наше? En second lieu je vous remercie pour la charmante lettre dont vous m'avez honoré — Je ne l'ai pas pour le moment sur mon cœur (c. à d. dans ma poche) c'est pourquoi je me reserve pour un autre tems le plaisir de babiller et de vous faire la confession plaine et entière que vous me demandez — Salut. A. P.

---

* 273. Князю П. А. Вяземскому.

[21-го мая 1828 г. Петербургъ].

Читалъ Пушкинъ и лапку приложилъ.

---

* 274. С. А. Соболевскому.

[Май — іюнь 1828 г. Петербургъ].

Безалаберный! полно тебѣ писать глупости Аннѣ Петровнѣ; напиши мнѣ слово путное — Гдѣ *Онѣг.* 2 часть? здѣсь ее требуютъ, остановилась <изъ> за нее продажа и другихъ главъ.

*

 А кто виноватъ? ты, животъ, Калибанъ &c — еще слово: ты перевелся на Трубецкого, а онъ терпѣлъ, терпѣлъ цѣлый мѣсяцъ — а какъ стало невтерпежъ, присталъ ко мнѣ внезапно: давай денегъ! — денегъ — а гдѣ ихъ взять? — Что Ваши, т. е. Наши? Погодинъ мнѣ писалъ, а я виноватъ весь излѣнился, не отвѣчалъ еще и не писалъ стиховъ — да они сами меня обезкуражили. Здѣсь въ П. Б: даютъ мнѣ (à la lettre) 10 рублей за стихъ — а у Васъ въ Москвѣ — хотятъ меня заставить даромъ и исключительно работать журналу — Да еще говорятъ: онъ богатъ, чортъ-ли ему въ деньгахъ — Положимъ такъ, но я богатъ черезъ мою торговлю стишистую, а не прадѣдовскими вотчипами находящимися въ рукахъ Сергѣя Львовича —

А. П.

Баронесса тебѣ кланяется — и цалуетъ нѣжно —

На обороте: Соболевскому. *Запечатано печатью-талисманом.*

---

* 275. М. П. Погодину.

1-го іюля [1828 г. Петербургъ].

Простите мнѣ долгое мое молчаніе любезный Михайло Петровичь; право всякой день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякой день собирался къ вамъ писать и все несобрался — По сему самому не присылалъ вамъ ничего и въ Моск. Вѣстн. Правда что и посылать было нечего; но дайте сроку — Осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю Вамъ оброкъ сполна — Надобно, чтобъ нашъ Журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси — Должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гете — Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали что напечатали письмо нашего Германскаго Патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ — А того то намъ и надобно. Пора Уму и Знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣній съ мнѣніемъ Гете. За разборъ *Мысли,* однаго изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ сѣвернымъ шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и Шевырева каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Моск. Вѣс.! Разтолковали-ли вы Телеграфу что онъ дуракъ? Ксенофонтъ Телеграфъ, въ бытность свою въ С.-П—гѣ, со мною въ томъ было согласился (но сіе да будетъ между нами; Телеграфъ добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану — На дняхъ пишу къ нему — пришлю ему денегъ, а Вамъ стиховъ. — За симъ обнимаю Васъ отъ сердца —

1 іюля.

Къ стати: похвалите Славянина, онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ — руской Академіи — На дняхъ читалъ я стихи Языкова гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ 1828 г.

Чтожъ? въ Бѣлокаменную съ богомъ,
Въ Моск. Вѣстн. — Трудно, братъ.
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, Аристократъ
Такъ и приязнь ему не въ ладъ
Со мной, Парнасскимъ Демогогомъ.
Ну, въ Аѳиней! Что Аѳиней?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

---

* 276. С. А. Соболевскому.

3-го іюля [1828 г. Петербургъ].

Посылаю тебѣ что могъ пока собрать 1750 р. Изъ коихъ отошли, ради Христа 250 Зубкову — Писать пока нѣкогда. Прощай, обжирайся на здаровье.

3 іюля.

Мой адресъ на имя Плетнева Петр. Алекс. — въ Екатер. Инст.

---

* 277. Н. В. Путятѣ.

[Іюль — октябрь 1828 г. Петербургъ].

M'étant approché hier d'une dame, qui parlait à M-r de Lagrenée, celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le. Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je Vous prie, Monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de M-r de Lagrenée et de lui parler en conséquence.

Pouchkine.

На обороте: A Monsieur Monsieur Poutiata. R. S. V. P.

---

* 278. А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Вторая половина августа 1828 г. Петербургъ].

[По] [требованію] [въ слѣдствіи Высочайш] Г. Оберъ-Пол. [за]требовалъ отъ меня подписки въ томъ что — я впредь безъ предвар. обычной цензуры [Я [:..] далъ . . . .] повинуясь священной для меня волѣ; тѣмъ не менѣе прискорбна мнѣ сія мѣра —

1828 г. [Позволь] [Осмѣливаюсь] [. . . . . .] [просить у Вашего Превосх] (Госуд. Имп. изволилъ въ минуту для меня незаб. освободить меня отъ Цензуры) я далъ честн. слово Государю [котор..] которому [надѣюсь не измѣнилъ и не измѣню по гробъ] [не * только] * [изъ явного благоразумія] [но] которому измѣнить я не могу, [не бывъ] не говоря уже [о томъ что] уже о чести дворянина, но и по [сердечной] глубокой, * искренней моей привязанности къ [Е. Вел. какъ] Царю и человѣку — Требованіе[1] [отъ меня] полицейской подписки, унижаетъ меня въ собств. мо<ихъ> глазахъ, и я [надѣялся] такъ <?> [глубоко] чувствую того не заслуживаю,[2] и далъ бы и въ томъ честное мое слово, если бы я [могъ] смѣлъ еще надѣиться что оно [можетъ] имѣетъ свою цѣну. Что касается до Ценз., если Госуд. Имп. угодно [возвр.] уничтожить Милость мнѣ оказанную, то я [съ благоговѣніемъ] и горестью приемля [его] [знакъ его] знакъ [его неблаговолѣнія] царственнаго гнѣва, прошу В. Превосход. разрѣшить мнѣ [что] какъ [и куда] надлежитъ мнѣ впредь [поступать] съ моими сочиненіями, которыя какъ вамъ извѣстно составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь что, Ваше, поймете и не примите въ худую сторону смѣлость, съ которою объяснить [и которая есть] [глубочайшее] Она знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ себя.....

---

* 279. Князю П. А. Вяземскому.

1-го сентября [1828 г. Петербургъ].

Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопотъ и неприятностей всякаго рода. Отвѣчаю на скоро на всѣ твои запросы.

Быть можетъ нѣкогда восплачетъ обо мнѣ

Стихъ Гнѣдича (который теперь здѣсь) въ переводѣ его Вольтерова Танкреда

Un jour elle pleurera l'amant qu'elle a trahi
Ce cœur qu'elle a perdu, ce cœur qu'elle déchire.

Успокоился ли ты? Пока Киселевъ и Полтарацкіе были здѣсь, я продолжалъ образъ жизни воспѣтый мною такимъ образомъ

А въ ненастные дни собирались они
Часто,
Гнули, <....> ихъ <...>! отъ 50-ти
На 100.
И выигрывали и отписывали
мѣломъ,
Такъ въ ненастные дни, занимались они
дѣломъ.

---

[1] *Переделано из:* «требовать».
[2] *Переделано из:* «заслужить».

Но теперь мы всѣ разбрелись. Киселевъ, говорятъ, уже въ арміи; Junior въ деревнѣ; Голицынъ возится съ Глинкою и учреждаетъ родственно-Аристократическіе праздники — Я пустился въ свѣтъ, потому что безприютенъ — Еслибъ не [Закревс] твоя мѣдная Венера, то я бы съ тоски умеръ — Но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи А она произвела меня въ свои сводники, (къ чему влекли меня и всегдашняя склонность и нынѣшнее состоянье моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать то-же что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей ей намѣреніе благое, да исполненіе плохое). 1828 г.

Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди что я поѣду далѣе,

Прямо, прямо на востокъ.

Мнѣ навязалась [1] на шею преглупая шутка. До Прав. дошла наконецъ Гавріиліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я вѣроятно отвѣчу за чужіе проказы, если Кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность. Это да будетъ между нами.[2] Все это не весело, но критика Кн. Павла веселитъ меня, какъ прелестный цвѣтъ обѣщающій современемъ плоды. Попроси его переслать мнѣ свои замѣчанія; я буду на нихъ отвѣчать непремѣнно. Благодарю тебя умомъ и сердцемъ, т.-е. вкусомъ и самолюбіемъ — за портретъ Пел. Нпк. — Стиховъ ей не шлю ибо на такой дистанціи не стрѣляютъ даже и Турки. Передъ Княгиней Вѣрой не смѣю поднять очей; однакожъ вопрошаю что думаетъ о произшедствіяхъ въ Од. (Ра... и Гр. В.).

Addio, idol mio — пиши мнѣ все въ П. Б. — пока —

1 Сент.

---

* *(Черновое).*

Письмо твое застало меня посреди хлопотъ и неприятностей всякого рода — [оно обрадывало меня какъ будто бы ты самъ — спѣшу]. Отвѣчаю [тебѣ] наскоро на всѣ твои запросы —

Стихъ который тебя пучитъ, Гнѣдича изъ Его Танкреда: Un (Un.....) — [доволенъ] успокоился ли ты? S. Галиц. пустился въ.... стихи, Junior [пустился] и Киселевъ въ дорогу, а я въ разпутство — Къ нещастію, о мо. Благ. можно сказать, какъ Милон. о Измайл. Намѣреніе благое, да не исполненіе. Въ послѣднее время [наше во........ вотъ] вотъ какъ воспѣли мы

---

[1] *Здесь одно слово тщательно зачеркнуто Пушкиным.*
[2] *Эти пять слов написаны сбоку.*

Благодарю за стихи, и за то что ты сравнилъ красавицу съ моимъ стихомъ, *tu m'adula*, ma tu mi piace —

Полтор <?> уѣхалъ съ... и А. И. [разпуталъ] сбылъ съ тѣмъ что ...... получаю за то, ... суммы (которая очень бы мнѣ пригодилась ....)... являлся...... братцы за.......

---

* 280. А. Н. Вульфу.

27-го октября [1828 г. Малинники].

Тверской Ловеласъ С. Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести что въ здешней Губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностію — Утверждаютъ что вы *гораздо хуже меня* (въ моральномъ отношеніи) и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ — Требуемыя отъ меня поясненія на щетъ вашего П. Бургскаго повѣденія, далъ я съ откровенностію и простодушіемъ — отъ чего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя возклицанія, какъ напримѣръ: *какой мерзавецъ! какая скверная душа!* но я притворился что ихъ не слышу — При сей вѣрной оказіи доношу вамъ что Марья Василіевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перла въ море и что я намѣренъ надняхъ въ нее влюбиться —

Здраствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукожатіе Баронессѣ &c. —

27 окт.

Рукою А. Н. Вульфа помечено: 1828 года.

На обороте: Алексѣю Николаевичу Вульфу.

---

* 281. Барону А. А. Дельвигу.

[Середина ноября 1828 г. Малинники].

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить на здаровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ.
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ
Но упоительной отравой.
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.

Не такъ-ли опытный Гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ неподкоситъ?
Я самъ служивый; мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса.
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

А. П.

Вотъ тебѣ въ цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать; мнѣ также трудно проломать мадригалъ, какъ и ц<....>. А все Софья Остафьевна виновата. Не знаю долго-ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году вѣроятно явлюся къ Вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Пр. Алекс. я люблю душевно; жаль что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня какъ на собаку Мунито; скажи это Гр. Хвостову. Петръ Марк. здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованныя ребятишки, хотѣли непремѣнно туда-же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу, и думала тихонько отъ нихъ убраться. — Но Петр. Марк. ихъ взбуторажилъ, онъ къ нимъ прибѣжалъ: дѣти! дѣти! мать Васъ обманываетъ — не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею. Тамъ будетъ Пушкинъ — онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку — дѣти разрѣвѣлись; Не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина — Нечего дѣлать — ихъ повезли, и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь — но увидѣвъ что я не сахарный а кожаный совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ (или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичь) я съ ними вожусь платонически, и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здаровьи — прощай, поцалуй себя въ пупокъ если можешь. Сестра проситъ для своего *Голубчика* моего *Ворона;* Какъ ты думаешь. Пускай Шуринъ гравируетъ а ты печатай —

Vale et mihi favere, какъ Евг. Онѣгинъ — Баронесѣ не говорю ничего — однако-жъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.

---

* 282. Барону А. А. Дельвигу.

26-го ноября [1828 г. Малинники].

И недовѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ Харитъ и Красоты?
Горжуся имъ — но и робѣю;

Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ несмѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О сколько [бъ] [слезъ] мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный зоилъ,
Когда предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ [будетъ] былъ бы онъ, [но] а ты
[Всегда] была [бъ] всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы —

Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой (чортъ ее побери) какъ ты находишь ces petits vers froids & coulants — Что то написалъ ей мой Вяземскій? а отъ меня ей мало барыша — Да въ чемъ она меня и впрямъ упрекаетъ —? въ неучтивостяхъ-ли противу прекраснаго полу, или въ похабностяхъ, или въ безпорядочномъ повѣденіи? Господь ее знаетъ. Правда-ли что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? видишь, какую ты кашу наварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю — Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина и стращаютъ мною ребятъ какъ букою. А я ѣзжу по порошѣ, играю въ вистъ по 8 гривенъ робертъ — [1] и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели и гнушаюсь сѣтей порока — скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ...[2] ——— полно. Я что то сегодня съ тобою разоврался.

26 Нояб.

Что Иліада и что Гнѣдичь?

На обороте: Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ [Москву] С.-Петербургъ во Владимірской въ домѣ Кувшинникова. *Почтовый штемпель:* Торжокъ 1828 Ноя. 28. *Запечатано печатью на черном сургуче.*

---

283. Издателямъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1829 годъ».

[Первая половина декабря 1828 г. Москва].

П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣверные Цвѣты.

---

[1] *Далее густо зачеркнуто (не Пушкиным) два — три слова.*
[2] *Здесь тоже несколько слов густо вымарано (не Пушкиным).*

* 284. Князь П. А. Вяземскій, Д. Н. Бологовской, Пушкинъ и С. Д. Киселевъ — графу Ѳ. И. Толстому.

[1828 — 1829 г. Москва].

Сей часъ узнаемъ что ты здѣсь, сдѣлай милость пріѣзжай. Упитые винами мы жаждемъ одного: тебя.[1]

Бологовской
Пушкинъ
Киселевъ.

Рукою графа Ѳ. И. Толстого: О пресвятая и животворящая троица явлюсь къ вамъ, но уже въ полъ-упитой. Не виномъ, а наливкой кою пріимитѣ яко предтечу Толстова.

---

* 285. Е. М. Хитрово.

[1828 — 1829 г. Петербургъ].

Mon Dieu, Madame, en disant des phrases en l'air, je n'ai jamais songé à des allusions inconvenantes. Mais voilà comme vous êtes toutes & voilà pourquoi les femmes comme il faut & les grands sentiments sont ce que je crains le plus au monde. Vive les grisettes. C'est bien plus court & bien plus commode — Si je ne viens pas chez vous, c'est que je suis très occupé, que je ne puis m'absenter que tard, que j'ai mille personnes que je dois voir et que je ne vois pas —

Voulez vous que je vous parle bien franchement? Peut-être suis je élegant & comme il faut dans mes écrits; mais mon cœur et tout vulgaire et mes inclinations toutes tiers-étât. Je suis soul d'intrigues, de sentiments, de correspondance, &c. &c. J'ai le malheur d'avoir une liaison avec une personne d'esprit, maladive et passionnée — qui me fait enrager, quoique je l'aime de tout mon cœur — En voilà bien assez pour mes soucis & surtout pour mon temperament.

Ma franchise ne vous fachera pas? n'est-ce pas? Pardonnez moi donc des phrases qui n'avoient pas le sens commun et qui surtout ne vous regardoient en aucune manière.

На обороте: Madame Hitrof.

---

[1] *Всё до сих пор написано рукою князя П. А. Вяземского; далее — подписи Бологовского, Пушкина и Киселева.*

* 286. Е. М. Хитрово.

Среда. [1828—1829 г. Петербургъ].

D'où diable prenez vous que je sois faché? mais j'ai des embarras pardessus la tête — Pardonnez mon laconisme & mon style de jacobin.

mercredi.

На обороте: Madame Hitrof. *Запечатано облаткой.*

---

* 287. Князю П. А. Вяземскому.

[7-го января 1829 г. Москва].

Баратынской у меня — я ѣду часа черезъ 3. Обѣда не дождусь а будетъ у насъ завтракъ въ родѣ en petit couragé — Постараемся напиться не en grand cordonnier, какъ сапожники — а такъ чтобъ быть en petit couragé подъ куражемъ — Пріѣзжай, мой Ангелъ.

На обороте рукою С. Д. Полторацкаго: Записка Александра Пушкина къ Вяземскому. 7-го января 1829. Москва.

---

* 288. Князю П. А. Вяземскому.

[Около 25-го января 1829 г. Петербургъ].

Уѣхалъ-ли ты изъ Москвы? недумаю — на всякой случай пишу тебѣ въ Пензу, гдѣ ты когда нибудь да прочтешь мое посланіе. Былъ я у Жуковскаго. Онъ принимаетъ въ тебѣ живое, горячее участіе, Арзамаское — не придворное. Онъ было хотѣлъ, получивъ первое извѣстіе отъ тебя, прямо отнестися письмомъ къ Г<осударю> но раздумалъ, и кажется правъ. Мнѣнія, слова Ж. должны имѣть большой вѣсъ, но для искорененія неприязненныхъ предубежденій нужны объясненія и доказательства — и тѣмъ лучше, ибо Кн. Д<митрий> можетъ представить тѣ и другія. Ж. сказывалъ мнѣ о совѣтѣ своемъ отнестися къ Б<енкендорфу>. А я знаю что это будетъ для тебя неприятно и тяжело — Онъ конечно передъ тобою не правъ; на его чредѣ не должно обращать вниманія на полицейскія сплетни и еще менѣе съ укоризною давать знать объ нихъ aux personnes qui en sont l'objet. Mais comme aufond c'est un brave & digne homme, trop distrait pour vous garder rancune & trop distingué pour chercher à vous nuire, ne vous laissez pas aller à l'inimitié et tachez de lui parler tout franchement. Сдѣлай милость забудь выраженіе *развратное его поведеніе,* оно просто ничего незначитъ. Ж. со смѣхомъ говорилъ что говорятъ будто бы ты пьяный былъ у дѣвокъ, и утверждаетъ что наша поѣздка

къ бабочкѣ-Филимонову, въ неблагопристойную Коломну, подало поводъ къ этому упреку. Филимоновъ конечно борделенъ, а его бабочка конечно рублевая, Парнасская Варюшка, въ которую и жаль и гадко что нибудь нашего всунуть. Впрочемъ если бъ ты вошелъ и въ не-метофорическій бордель. Все-жъ не бѣда. *1829 г.*

Я захожу въ вашъ милый домъ,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ.

Правительство не дама, не Princesse Moustache: прюдничить ему не пристало. Аминь, поговоримъ о другомъ. Я въ П. Б. съ недѣлю не больше. Нашелъ здѣсь все общество въ волненіи удивительномъ. Веселятся до упаду и въ стойку, т. е. на раутахъ, которыя входятъ здѣсь въ большую моду. Давно бы намъ догадаться: мы сотворены для раутовъ, ибо въ нихъ не нужно ни ума, ни веселости, ни общаго разговора, ни политики ни литературы. Ходишь по ногамъ какъ по ковру, извиняешься — вотъ уже и замѣна разговору. Съ моей стороны, я отъ раутовъ въ восхищеніи и отдыхаю отъ проклятыхъ обѣдовъ Зинаиды. (Дай Богъ ей ни дна ни покрышки; т. е. ни Италіи ни графа Риччи!) Я нечиталъ еще журналовъ. Говорятъ что Булгаринъ тебя хвалитъ. Въ какую-то силу? — Читалъ *Цвѣты*? Каково море Жуковскаго и каковъ его Гомеръ, за котораго сердится Гнѣдичь, какъ откупщикъ на контра-банду — Прощай, нѣтъ ни времени ни места —

---

* 289. Н. Н. Раевскому.

(Черновое).

30-го января 1829 г. Петербургъ.

Voici ma tragedie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire, j'éxige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est rempli de bonnes plaisanteries & d'allusions fines à l'hist. de ce tems là, comme nos sous-œuvres de Kiov & de Kamenka. Il faut les comprendre *sine qua non*.

A l'exemple de Scheks. je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théatrals, le pathétique Romanesque &c... le style en est mélangé — Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers — quand aux grosses indecences n'y faites pas attention: celà à été ecrit au courant de la plume, & disparaitra à la première copie. Une tragedie sans amour sourioit à mon imagination. Mais outre que l'amour entroit beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère decette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais

1829 г. certes c'etoit[1] une drole[2] de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition mais à un degré d'énergie. de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventuriers — partager tantôt le lit dégoutant d'un juif tantôt la tente d'un cosaque, [et] toujours prête à se livrer à [celui qui] quiconque peut lui présenter [une] la faible esperance d'un throne qui n'existoit plus. Voyez là braver la guerre. la misère, la honte, en même tems traiter avec le roi de Pologne de [puissance à puissance] couronne à couronne — et finir miserablement l'existance la plus orageuse et la plus extraordinoire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie — Elle me trouble comme une passion — Elle est horriblement polonoise comme le disoit [la cousine de M[de] Lubomirska].

Гаврила Пушкинъ est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille — Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et **Плещеевъ** qui ont assuré le succès du **Самозванецъ** par une audace inouie — Après je l'ai retrouvé à Moscou [parmi] l'un des 7 chefs qui la defendoient en 1612. puis en 1616 dans la **Дума** siegeant à coté de **Козьма** Minine, puis **воеводъ** à **Нижній**, puis parmi les députés qui couronnerent Romanof, puis ambassadeur — Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une **Грамота** que j'ai trouvé à **Погорѣлое Городище** — ville qu'il fit bruler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des [commissaires] proconsuls de la Convention National. —

Je compte revenir aussi sur **Шуйскій** — Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse, et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers Boyards à passer du coté de **Дмитрій**. Il est le premier [qui l'accuse] qui conspire [qui] et c'est lui même, notez celà, qui se charge de retirer les marrons du feu. c'est lui même qui vocifère qui accuse, qui de chef devient enfant perdu — Il est prêt à perdre la tête, **Дмитрій** lui fait grace déjà sur l'echaffaud, il l'exile & avec cette genérosité étourdie qui caractérisoit cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour. il le comble de biens & d'honneurs — Que fait **Шуйскій** qui avoit frisé [le supplice et] de si près la hache & le billot? Il n'a rien de plus presser que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans **Дмитрій** — Il est comme lui brave, génereux et gascon, comme lui indifferent à la religion — tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des [chimères] projets. chimeriques — [tout] tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher **Ксенія** — il est vrai que cette

---

[1] *Переделано из:* «c'est».
[2] *Переделано из:* «des aû...» <?>.

horrilble accusation n'est pas prouvée et quant à moi je.me fais une religion de ne pas y croire —

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job — le patriarche. il est vrai étoit un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годуновъ j'ai refléchi sur la tragedie — et si je me melais <?> de faire une preface, je ferois du scandale — c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler dejà du tems, des lieux etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensés n'être pas vues par celles qui sont sur les planches.

2) *La langue.* P. ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon françois après avoir entendu une tirrade de Pyrrhus: Helas, j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout celà n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragedie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha vous voulez la règle des 24 h.? Soit. Et la dessus il vous entasse des evenements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondement frappé du ridicule de *l'a parte,* il le supprime et la dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avois voulu faire — Gardez la, je vous prie car j'en aurais besoin, si le diable me tente de faire une preface.

1829. ——— A. P.
30 jan. [S. Pb.].

290. С. Д. Полторацкому.

[25-го марта 1829 г. Москва].

Ты совершенно забылъ меня, мой милый.

А. П.

На обороте: Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому. *Помета рукою С. Д. Полторацкого:* 25-го марта 1829 г. Москва.

---

* 291. И. М. Снегиреву.

[8 — 9-го апрѣля 1829 г. Москва].

Милостивый Государь
Иванъ Михайловичь!

Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано, и я принужденъ

1829 г. буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности.

А. Пушкинъ.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Ивану Михайловичу Спегиреву. *Помета Снегирева в верху письма:* Пол. апр. 9, 1829 г.

---

292. Н. И. Гончаровой.

1-го мая 1829 г. [Москва].

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû Vous écrire, a présent que le Comte *Tolstoy* m'a rapporté Votre reponse: cette reponse, n'est pas un refus, Vous me permettez l'esperance. Cependant si je murmure encore, si de la tristesse, et de l'amertume, se melent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude; je conçois la prudence, et la tendresse d'une Mère! — Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et <ivre> de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'ame l'image de l'être Céleste qui Vous doit le jour. — Si Vous avez quelques ordres à me donner, — Veuillez les adresser au Comte de *Tolstoy,* qui me les faira parvenir.

Daignez Madame accepter l'hommage de ma profonde consideration.

Pouchkin.

1-r Mai
1829.

Рукою А. Н. Гончарова приписано внизу: Александръ Сергейчъ!

---

293. Б. Г. Чиляеву.

(Черновое).

[24-го мая 1829 г. Коби].

Нѣсколько путешественниковъ слѣд. по каз. надобн. находятся [въ во...] здѣсь въ [сам.] затрудн. положеніи и [наслышав.] зная по слухамъ Вашу снисходительность, рѣшились прибѣгнуть къ Вашему покровительству [Не Не Не]. Сдѣлайте милость къ старш...... [Мы готовы заплатить]. О семъ просятъ убѣдительнѣйше...... Бауманъ, Гр. Му.-Пушкинъ и я.

Примите.

---

294. Барону А. А. Дельвигу.

(*Черновое*).

[Конецъ мая — начало іюня 1829 г. Тифлисъ].

Путешествіе мое было довольно скучно. Начать съ того, что я поѣхалъ на Орелъ... и видѣлъ Ермолова. Хоть ты его не очень жалуешь, принужденъ тебѣ сказать, что я нашелъ въ немъ разительное сходство съ тобою, не только въ оборотѣ мыслей, но даже въ чертахъ лица и въ ихъ выраженіи. Онъ былъ до крайности любезенъ. Дорога черезъ Кавказъ скверная и тѣсная... днемъ я тянулся шагомъ съ конвоемъ пѣхоты и каждый день ночлегъ... За то видѣлъ Казбекъ, Терекъ, которые стоятъ Ермоловскихъ... Теперь прѣю въ Тифлисѣ, ожидая разрѣшенія гр. Паскевича.

---

* 295. М. П. Погодину.

[Конецъ сентября — начало октября 1829 г. Москва].

Извините меня, ради Бога — Обязанность такъ сказать священная.... До свиданія. Извините еще разъ.

А. П.

---

296. П. А. Плетневу (?).

[Октябрь 1829 г.].

Наши критики, разбирая Полтаву, упомянули о Байроновомъ Мазепѣ. Они его не понимаютъ. Старый гетманъ, предвидя неудачу, бранитъ, въ моей поэмѣ, молодого Карла и называетъ его мальчикомъ и сумасшедшимъ. Критики, со всею важностію, укоряютъ меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. Въ одномъ мѣстѣ у меня сказано, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ. Чѣмъ же опровергаютъ меня критики? Они ссылаются на *собственныя* слова Мазепы, увѣряющаго Марію въ *моей* поэмѣ, что онъ любитъ ее *больше славы, больше власти*. Такъ имъ понятно, такъ знакомо драматическое искуство! Еще замѣчаютъ, что заглавіе моей поэмы ошибочно, и что вѣроятно не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Это частію справедливо. Но была у меня и другая причина, которой конечно никто изъ нихъ не подозрѣваетъ: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ первоначально названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ (который безспорно лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Байронъ пораженъ былъ только картиной человѣка, связаннаго

 на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего *мрачнаго, ненавистнаго,* мучительнаго характера, который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона — но котораго (на бѣду моимъ критикамъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ. Онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и все. Но какое пламенное созданіе, какая широкая геніальная кисть! Если же бы ему подъ перо попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе чувствую, какой отвратительной предметъ для художника въ лицѣ Мазепы? Ни однаго добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

---

* 297. А. Н. Вульфу.

16-го октября [1829 г. Малинники].

Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичь, что мы здѣсь не встрѣтились! то-то побѣсили бъ мы Бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайнѣй мѣрѣ, честь имѣю представить Вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I) *Въ Малинникахъ* засталъ я одну Ан. Ник. съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣдующее:

а) Евпр. Ник. и Ал. Ив. отправились въ Старицу [п]осмотрѣть новыхъ Улановъ.

В) Ал. Ив. заняла свое воображеніе отчасти таліей и задней частію Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Юргенева.

с) Гретхенъ хорошѣетъ и *часъ отъ часу дѣлается невиннѣе.* (Сей часъ А. Ник. объявила что она того не находитъ).

II) *Въ Павловскомъ* Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Пав. Ив. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ изправилъ онъ наши общія стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры
Ваши синія глаза.

Не правда ли что это очень мило.

III) *Въ Берновѣ* я незасталъ уже толсто <.....> Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, *потолстѣвшая Netty* — здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ; но она симъ не тронулась. Вотъ уже третий день какъ я въ нее влюбленъ.

IV) *Разныя Извѣстія.* Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. Писарева кто то прибилъ и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. *Ив. Ив.* на строгомъ діэтѣ (<............> своихъ Одалисокъ разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы что Netty отходи ко сну имѣетъ привычку крестить всѣ предметы окружающія ея постелю. Постараюсь достать (какъ памятникъ непорочной моей любви) сосудъ ею освященной — — Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

16 окт.

Рукою А. Н. Вульфа помета: 1830 года.

На обороте: Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Приписка Анны Николаевны Вульф: Не подумай, что я изъ любопытства распечатала Пуш. письмо [1], а отъ того что неловко сложено было. Пришли мнѣ пожалоста твой адресъ, когда вы придете на мѣсто.

---

* 298. А. Х. Бенкендорфу.

10-го ноября 1829 г. Петербургъ.

Mon Géneral,

C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa majesté étoit mécontente de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'interêt qu'elle a toujours daigné me temoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore & de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au desir de voir mon frère, qui sert dans le régiment des dragons de Nigni-novgorod, et dont j'étois séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là, je ne trouvois plus l'armée. J'écrivis à H: Раевской, un ami d'enfance, afin qu'il obtint pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivois le jour du passage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devoient avoir lieu & c'est ainsi que j'assistois à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma positon a été fausse & ma conduite étourdie; mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourroit

---

[1] *Далее три-четыре слова тщательно зачеркнуты.*

1829 г. l'attribuer à tout autre motif me seroit insuportable. J'aimerois mieux éprouver la disgrace la plus sevère, que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existance & ceci n'est pas une frase.

Je supplie Votre Excellence d'être en cette occasion ma providence et suis avec la plus haute considération

Mon Géneral

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Pouchkin.

10 novembre
1829.
St.-P.

Пометы: № 10614; № 2554; 14 Декабря 1829. Къ дѣлу.

---

* *(Черновое).*

Arrivé au Caucase je ne pus resister au desir de voir mon frère [que je n'avois pas vu depuis] qui sert dans le regiment [de Hu] et dont j'etois separé — depuis 5 ans. Je crus [pouvoir] avoir le droit d'aller à Tiflis [d'autant plus que j'avois une feuille de pe]. Arrivé la je n'y trouvé plus l'armée, j'ecrivis à R — (un ami d'enfance) pour qu'il obtint pour moi du C-te P. la permission de venir au camp — [Une fois] J'arrivois le jour du passage du Sanganlou — Une fois là [ma p] je sentis combien ma position etoit fausse — il me parut [d'] embarassant d'éviter [la guerre] où je venois de me jetter si inopinement.

Сбоку текста: l'idée de l'avoir....

---

* 299. С. Д. Киселеву.

15-го ноября [1829 г.]. Петербургъ.

Любезный Сергѣй Дмитріевичь, Надняхъ приѣхалъ я въ П.Б. о чемъ и даю тебѣ знать, ибо можетъ быть твой повѣренный приятель былъ уже здѣсь безъ меня — Адресъ мой у *Демута.* Что ты? что наши? Въ Петербургѣ тоска, тоска.....

Если ты увидишь еще Вяземск... то погоняй его сюда — Мы всѣ ждемъ его съ нетерпѣніемъ —

Кланяйся неотъемлемымъ нашимъ Ушаковымъ — Скоро-ли, боже мой, приѣду изъ П.Б. въ Hotel d'Angleterre мимо Карса! по-крайпѣй мѣрѣ мочи нѣтъ хочется.

Весь твой

Пушкинъ.

15 ноября.
П.Б.

На обороте: Его Высокородію Сергѣю Дмитріевичу Киселеву. *Въ Москвѣ,* в Англійскомъ клобѣ. *Запечатано гербовой печатью Пушкина на красном сургуче; почтовый штемпель:* С. Петербургъ....

---

300. И. А. Яковлеву.

[Вторая половина ноября 1829 г. Петербургъ].

Любезный Иванъ Алексѣевичъ.

Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобъ они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 т. Во всякомъ случаѣ ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 т. даны тобою мнѣ въ займы. Въ концѣ Мая и въ началѣ Іюня денегъ у меня будетъ кучка, но покамѣстъ я на мели и карабкаюсь.

Весь твой А. П.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Ивану Алексѣевичу Яковлеву.

---

* 301. Н. И. Гнѣдичу.

(Черновое).

[Вторая половина декабря 1829 г. Петербургъ].

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣл. ожидаемый Переводъ Илліады — [вышелъ]. Всѣ благомыслящіе люди [ожидали] чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерп. Вы требуете сочиненій моихъ...... [Пушкинъ напр.?.].

Въ то время какъ вашъ [при] входитъ въ пристань нагруженный богатырями Гомера [при громѣ нашихъ привѣтствій; какъ осмѣлюсь] [можно] нечего говорить о моей мѣлочной лавочкѣ № I.

---

302. Въ редакцію «Литературной Газеты».

[Конецъ 1829 г. Петербургъ].

Отрывокъ изъ Евг. Онѣг. Глава VIII. Пришлите мнѣ назадъ листикъ этотъ.

---

303. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ 1829 г. Петербургъ].

Ради Христа, очисти эти стихи — онѣ стоятъ Унынія.

---

* 304. Неизвѣстной.

[Конецъ декабря 1829 г. Петербургъ].

Ecrivez à Olga sans rancune — Elle vous aime beaucoup et elle seroit consolée par votrê souvenir.

---

* 305. Графинѣ Е. Ф. Тизенгаузенъ.

1-го января [1830 г. Петербургъ].

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ:
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда-бъ Судьбы того хотѣли,
Когда-бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

Bien entendu, Comtesse, que vous serez un vrai Cyclope. Acceptez cette plattitude comme une preuve de ma parfaite soummission à vos ordres. Si j'avois cent têtes et cent cœurs, ils seroient tous à votre service.

Agreez l'assurance de ma haute consideration

Pouchkine.

1 janvier.

На обороте: a Mademoiselle la Comtesse de Tiesenhausen.

---

* 306. Е. М. Хитрово.

[Начало января 1830 г. Петербургъ].

Vous devez me trouver bien ingrat bien mauvais sujet. Mais je vous conjure de ne pas juger sur l'aparence. Il m'est impossible aujourd'hui de me rendre à vos ordres — quoique sans parler [1] du bonheur d'être chez vous il suffiroit de la [2] curiosité pour m'y attirer. De vers d'un chretien, d'un évêque Russe en reponse a des couplets sceptiques! c'est vraiment une bonne fortune.

A. P.

На обороте: Madame Hitrof.

---

[1] *Слова* «sans parler» *надписаны над зачеркнутым* «malgré». *Следующее слово* «du» *переправлено из:* «le».

[2] *Исправлено из:* «d'un».

* 307. Н. И. Гнѣдичу.

[6-го января 1830 г. Петербургъ].

Я радуюсь, я щастливъ что нѣсколько строкъ робко набросанныхъ мною въ Газетѣ могли тронуть васъ до такой степени — Незнаніе Греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Илліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю Васъ отъ сердца — Если вы будете у Andrieux то я туда загляну — Увижусь съ вами прежде —

Весь вашъ Пушкинъ.

На обороте: Его Высокородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу. *Запечатано облаткой.*

---

308. А. Х. Бенкендорфу.

7-го января 1830 г. [Петербургъ].

Mon Général!

M'étant présenté chez Votre Excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adressr la demande qu'elle m'a permis de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cependant s'il ne me l'étoit pas accordé, je demanderois la grace de visiter la Chine avec la misson qui va s'y rendre.

Oserois-je Vous importuner encore? Pendant mon absence, m-r Joukovsky avoit voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me seroit gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une 15-aine de mille roubles que peut me rapporter ma tragédie, et il me seroit triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtems médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à Votre bienveillance,

je suis, mon Général, de Votre Excellence le très-humble et très-obéissant serviteur

7 janvier 1830. Alexandre Pouchkine.

Помета: 12 января 1830.

(Черновое).

M'etant présenté chez votre excellence et n'ayant pas eu le bonheur de [vous] la trouvez, je prends la liberté de [vous] lui adresser la demande que vous [en l'extrême] m'avez [avez] bien voulu me permettre de vous faire.

Tandis que je ne suis pas encore ni marié ni attaché au service, et que l'état de mes affaires me permet de l'entreprendre [un voyage], j'aurois desiré faire un voyage; soit en France, soit et Italie. [Si cependant S. M. ne me perm.] et s'il ne m'est pas permis [de visiter] d'aller [aller] en [l'] Europe, je demande la grâce de visiter la Chine avec la mission qui [s'y prepare] va s'y rendre.

Oserois-je, mon general, vous importuner encore. — Pendant mon absence, M-r J — [avait] avait [des] voulu d'imprimer ma trag. de G. il n'en [reçu] a reçu [pas] l'autorisation formelle. N'ayant pas de fortune, il me serait gênant [desagreable] de me priver [me] d'une [dizaine] 15 de mille roubles, que [dut] peut me rapporter mon [ouvrage] tragédie et il me seroit penible de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai le plus médité et du seul dont je suis content. Cependant si telle sera la volonté de l'Emp., c'est avec [pl.] joie [je suis pret d'en faire le sacrifice imm.]. La seule preuve. C'est avec joie que je pusse donner de mon [atta] [devouement....]. [Cette tragedie est écrite dans l'esprit de la morale la plus pure et du monarchisme] et quand aux idées politiques, elles sont parfaitement monarchiques.

---

* 309. М. Н. Загоскину.

11-го января 1830 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Михайло Николаевичь,

Прерываю увлекательное чтеніе Вашего романа чтобъ сердечно поблагодарить Васъ за присылку Юрія Милославскаго, лестный знакъ Вашего ко мнѣ благоразположенія. Поздравляю Васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. *Въ Лит. Газетѣ* будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ Вамъ многія лѣта — т. е. Дай Богъ намъ многіе романы.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностію, честь имѣю быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

11 января
1830.
С. П. Б.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Михайлу Николаевичу Загоскину. Въ Москвѣ. *Запечатано печатью на облаткѣ.*

---

310. А. Х. Бенкендорфу.

18-го января 1830. Петербургъ.

Mon Géneral

Je viens de recevoir la lettre que Votre Excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas encouru Son mécontentement.

Je prends bien mal mon tems, mon Géneral, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve du Géneral Raievsky vient de m'écrir pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur, auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est dénuée d'amis, d'esperances et de ressources. La moitié de la famille est exilée, l'autre à la veille d'une ruine complette. Les revenus suffisent à peine pour payer les interets d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traitement entier de feu son mari, reversible sur ses filles en cas de mort. Cela suffira pour les preserver de la mendicité. En m'adressant à vous, Géneral, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible, plutôt que l'homme d'étât que j'espère interesser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agreer, Mon Géneral, l'hommage de ma haute considération

Je suis avec respect

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

Alexandre Pouchkine.

1830.
18 janvier
S-t P.

Помета: 21 января 1830.

---

311. М. О. Судіенкѣ.

22-го января 1830 г. Петербургъ.

Mon cher Soudenko, si vous n'avez pas été payé jusqu'à présent, c'est la faute de mon commissionaire, qui avait égaré l'adresse du vôtre. Quant à moi, j'avais tout à fait oublié son nom, et vos 4000 vous attendaient tout cachetés, depuis plus de 6 mois.

Arrivé à Pétersbourg, je vous avais écrit à Черниговъ (?) pour savoir au juste votre adresse, pour vous féliciter avec votre mariage et

1830 г. pour vous proposer 50 r. à prendre. Vous m'apprenez que vous avez perdu l'appetit et que vous ne déjeunez plus comme en tems jadis. C'est dommage; faites de l'exercice, venez en poste à P.b.,et cela reviendra. Здѣсь у насъ, мочи нѣтъ, скучно: игры нѣтъ, а я все таки проигрываюсь. Объ Яковлевѣ имѣю печальныя извѣстія. Онъ въ Парижѣ. Не играетъ, къ дѣвкамъ не ѣздитъ и учится по Англійски. Долгорукій пріхалъ на дняхъ. Этотъ подаетъ надежду. Покамѣстъ умираю со скуки. Пріѣзжай, мой милый, или съ горя я къ тебѣ пріѣду. Прощай, душа моя; будь счастливъ и прости мнѣ невольное несдержаніе слова.

А. Пушкинъ.

22 Января 1830.
С.-Петербургъ.

На обороте: Его Высокоблагородію Михаилу Осиповичу Суденкѣ.

---

* 312. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января — начало февраля 1830 г. Петербургъ].

Высылай ко мнѣ скорѣе Дельвига если ты самъ не ѣдешь — Скучно издавать Газету одному съ помощію Ореста, несноснаго друга и товарища. Всѣ Оресты и Пилады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболѣе. Ты бранишь Милославскаго, я его похвалилъ. Гдѣ гроза тутъ и милость — Конечно въ немъ многаго недостаетъ, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во снѣ не приснится. Какъ ты находишь Полевова? Чтенье его Исторіи замѣнило Жуковскому чтеніе Муравьева статсъ-секретаря. Но критика Погодина ничачто непохожа — Какъ бы Каченовскаго взбѣсить? стравимъ ихъ съ Полевымъ.

Правдали что моя Гончарова выходитъ за Архивнаго Мещерскаго? Что дѣлаетъ Ушакова, моя-же? Я собираюсь въ Москву — Какъ бы не разъѣхаться — Я напечаталъ твое *къ Нимъ* противу воли Жуковскаго. Конечно я бы недопустилъ къ печати ничего слишкомъ горькаго, слишкомъ озлобленнаго — Но элегическую <.....-....> позволено сказать, когда не въ терпежъ приходится благородному человѣку — Кланяюсь всѣмъ Твоимъ и грозному моему критику Павлушѣ — Я было написалъ на него ругательную Антикритику, слогомъ Галатеи — взявъ въ эпиграфъ: *Павлуша мѣдный лобъ приличное названье!* собирался ему послать, не знаю куда дѣлъ.

На конверте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Москву въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ. *Запечатано гербовою печатью Пушкина под графскою короною.*

---

* 313. К. М. Бороздину.

(Черновое).

[Первая половина февраля 1830 г. Петербургъ].

Издателямъ Литературной Газеты вмѣсто К. С. Сербиновича дали недавно въ Цензоры профессора Щеглова, который своими замѣчаніями [поминутно затрудняетъ] поминутно напоминаетъ лучшія времена Бирукова и Красовскаго. [Напра] въ доказательство позвольте привести вамъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: Давыдовъ [въ посланіи] въ посланіи [Зай<цевскому>] [говоритъ]...... говоритъ: о будьте

Цензоръ [нашелъ] усомнился, [нашелъ это] можно ли [пропустить] [допустить] [называть] такимъ [образомъ] двухъ... и [вымаралъ] [сіи два] вымаралъ привѣтствіе не по чину.

Издатели рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству и просить, если только то возможно, возвратить [имъ г. Сербиновича] [или по крайнѣй мѣрѣ] дать другаго [болѣе] менѣе своенравнаго цензора, если ужъ невозможно возвратить Г-на Сербиновича.

---

314. М. О. Судіенкѣ.

12-го февраля 1830 г. [Петербургъ].

Vous m'écrivez, mon cher Soudenko, une lettre si horriblement cérémonieuse que j'en suis tout étourdi. Les 4000 r. en question vous attendaient tout cachetés depuis de mois de juillet; mais j'avais perdu l'adresse de vorte homme d'affaires et je n'avais pas la vôtre. Il y a un mois que m-r Lerch est venu révendiquer la somme et qu'il l'a touché tout de suite. Je voulais vous envoyer le reçu qu'il m'a laissé, mais je ne sais ce que j'en ai fait. Pardon encore une fois, et merci pour la complaisance que vous m'avez eu d'attendre si longtemps.

Je quitte Pétersbourg ces jours-ci; je passerai probablement l'été à la campagne. Peut être viendrai-je dans vos contrées. Vous me permettez, j'espère, de venir frapper à votre porte. Si vous voulez m'écrire en attendant, adressez vos lettres Е. В. Петру Александровичу Плетневу въ Екатерининскомъ Институтѣ. Addio, a rivederla.

A. Pouchkine.

12 Février 1830.

На обороте: Его Высокородію Милостивому Государю, Михаилу Осиповичу Суденкѣ, въ Стародубъ, въ Черниговской губерніи.

---

* 315. Князю П. А. Вяземскому.

14-го марта [1830 г. Москва].

Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица попавшіяся мнѣ на встрѣчу были N. Гончарова и Княгиня Вѣра, а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ Государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени Царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ что все произошло отъ не<до>разумѣнія, что Государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ &c. Волковъ прибавилъ что онъ радуется оправданію своему предъ Московскимъ дворянствомъ, что ему остается испрасить прощенія, или лучше примѣренія, Графини Потемкиной — и такимъ образомъ все кончено и всѣ довольны.

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу — Онъ извинялся передъ Потемкиной: Quand à M-de Карцовъ tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantoit... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, General, qu'elle chantoit faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise vous me permetterez, General, de vous répeter la demande de la C-sse Potemkine: la réhabilitation de mon mari. — Онъ сказалъ ей что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ что тебя не было въ Москвѣ — а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибелевъ сами по себѣ а ты самъ по себѣ. Недолжно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую Амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія — а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ что они щастливы до гадости. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ — Дмитріевъ сердитъ на Полевова и на Цензора Глинку: я не теряю надежды затащить его въ полемику. Дай срокъ. Прощай помяни меня на вечерѣ у Катеринѣ Андреевнѣ и пиши мнѣ къ Копу.

14 марта.

Запечатай и отошли записку къ Гагарину Театральному —

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ *С.-Петербургѣ,* на Моховой, въ доме Межуева. *Запечатано двумя печатями, — одна сверху другой.*

Вотъ тебѣ и другое письмо —

---

* 316. Князю П. А. Вяземскому.

16-го марта [1830 г. Москва].

У меня есть на столѣ письмо уже давно къ тебѣ написанное — я побоялся послать его тебѣ по почтѣ — Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разказала тебѣ въ чемъ дѣло. Государь уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организацiи, контръ-революцiи Революцiи Петра. Вотъ тебѣ случай писать политическiй памфлетъ, и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенiя. Огражденiе дворянства, подавленiе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ — вотъ великiя предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу — Что твое здаровiе? Каковъ ты съ Министрами и будешь-ли ты въ службѣ новой? Знаешь-ли ты кто въ Москвѣ возвысилъ свой опозицiонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ. Коковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибелева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжу, не смотря на слезы Лиз. Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны — Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму *за проектъ*. Буду тебѣ передавать свои наблюденiя о духѣ Моск. Клуба — Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ что я развращаюсь.

16 марта.[1]

Приписка графа Федора Ивановича Толстого: При сей вѣрной оказiи, нѣ могъ я прѣминовать, что бы и мнѣ не засвидѣтельствовать вамъ покорнаго почтенья мой любезнѣйшiй Князь Петръ Андрѣевичь. Желалъ бы писать гораздо и пространнѣе, но истинно такъ, такъ утомленъ удовольствiями которыя намъ щастливымъ москвичамъ, доставило внезапное прибытiе Государя Императора. Право Князь еще не могу отдохнуть и опомнится.

---

* 317. А. Х. Бенкендорфу.

21-го марта 1830 г. Москва.

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичь

Въ 1826 году получилъ я отъ Государя Императора позволенiе *жить въ Москвѣ* а на слѣдующiй годъ отъ Вашего Высокопревосходительства дозволенiе прiѣхать въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ я *каждую зиму* проводилъ въ Москвѣ, осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго дозволенiя и не получая ника<ко>го замѣчанiя. Это отчасти было причиною невольнаго

---

[1] *Цифра 16 переделана из 15.*

моего проступка: поѣздки въ Арзрумъ, за которую имѣлъ я нещастіе заслужить неудовольствіе начальства.

Въ Москву <я> намѣревался пріѣхать еще въ началѣ зимы, и встрѣтивъ Васъ однажды на гуляніи на вопросъ Вашего Высокопревосходительства, что намѣренъ я дѣлать? имѣлъ я щастіе о томъ Васъ увѣдомить. Вы даже изволили мнѣ замѣтить: [que] vous êtes toujours sur les grands chemins.

Надѣюсь что повѣденіе мое неподало Правительству повода быть мною недовольнымъ.

Съ искреннимъ и глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

21 марта
Москва
1830.

Пометы: № 2852; № 778; Апреля 3 1830. *Рукою Бенкендорфа, карандашом:* Я его прошу меня въ передъ увѣдомлять —

---

* 318. Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина марта 1830 г. Москва].

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, *надорванный* вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ какъ документъ разпутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этаго статью и тисни въ *Лит. Газ.* Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ братъ Красавицы: теперь ты угадаешь, что̀ тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность оставя въ рукахъ ея не плащь а рубашку (справься у К. Мещерской) а она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефреихи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою, сердиться не льзя, но побить его можно и думаю должно — но разпутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ кромѣ Гр. Панина. Жену твою вижу часто т.-е. всякой день. Наше житье бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужія края, онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все таки лучше бы — Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да

пожарче. Строевъ написалъ tables des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и объ этомъ. *1830 г.*

Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству —

Въ доносѣ пропущено слово *оскорбляя.*

Приписано карандашом, на краю листа: Батюшковъ умираетъ —

---

* 319. А. Х. Бенкендорфу.

24-го марта 1830 г. Москва.

Mon General,

La lettre dont vous m'avez honoré m'a causé un chagrin veritable; je vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence & d'attention. Malgré quatre ans d'une conduite égale, je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité. Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupcon & la malveillance. Pardonnez-moi, mon General, la liberté de mes doléances. mais au nom du ciel, daignez entrer un instant dans ma position & voyez combien elle est embarassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis ni prevoir ni éviter. Si jusqu'à présent je n'ai pas essuyé quelque disgrace, je le dois, non à la connaissance de mes droits, de mon devoir, mais uniquement à votre bienveillance personnelle. Mais que demain vous ne soyez plus ministre, après demain je suis coffré. M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influance auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a pubrié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourroit me faire un mal infini.

Je comptois de Moscou aller à la campagne de Pskov, cependant si Nicolas Raievsky vient à Poltava, je supplie Votre Excellence de me permettre d'aller l'y trouver.

Agréez, Mon General, l'hommage de ma haute considération & de mon entier dévouement

de Votre Excellence

le très humble & très obéissant serviteur

Alexandre Pouchkine.

24 mars
1830
Moscou.

Помета Бенкендорфа, карандашом: lui répondre que jamais Boulgarin ne m'a parlé de lui, par la bonne raison que je ne le vois que 2 ou 3 fois par an; et [ordin] cela pour le gronder et une fois pour l'envoyer au corps de garde. Que sa position a lui Pousckin, n'est pas du tout précaire; mais que nommément son dernier départ très précipité pour Moscou a du éveiller le soupçon.

---

* 320. Н. А. Полевому.

[27-го марта 1830 г. Москва].

Сдѣлайте одолженіе, Милостивый Государь Николай Алексѣевичь, дайте мнѣ знать что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ Дипломомъ? Все это меня черезвычайно затрудняетъ.

Весь Вашъ

А. Пушкинъ.

На обороте: Николаю Алексѣевичу Полевому.
Рукою Н. А. Полевого: 27 марта 1830 г. Москва.

---

* 321. Е. М. Хитрово.

[Конец марта — апрель 1830 г. Москва].

Je vous demande Madame, un million d'excuses d'avoir été si éfrontement paresseux. Que voulez vous c'est plus fort que moi — la poste est pour moi une torture — Permettez moi de vous présenter mon frère & vœuillez lui accorder une partie de la bienveillance que vous daignez m'accorder.

Recevez Madame l'assurance de ma haute consideration

Pouchkine.

На обороте: Madame Hitrof. *Запечатано гербовою печатью Пушкина под графскою короною:*

---

* 322. Н. И. Гончаровой.

[5-го апрѣля 1830 г. Москва].

Maintenant, Madame, que vous m'avez accordez <sic> la permission de vous ecrire, je suis aussi ému, en prenant la plume, que si j'étois en votre présence. J'ai tant de choses à dire & plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sinceres & toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venoit d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandois, votre reponse, toute vague qu'elle etoit, me donna un moment de délire; je partis la même nuit pour l'armée; demandez-moi ce que j'allois y faire, je vous jure que je n'en sais rien, mais une angoisse involontaire me chassoit de Moscou; je n'aurois pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avois écrit; j'esperois, j'attendois une réponse — elle ne venoit pas. Les torts de

ma première jeunesse se présenterent à mon imagination; ils n'ont été que trop violents, & la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu, malheureusement, populaire. Vous pouviez y ajouter foi, je n'osois m'en plaindre, mais j'etois au désespoir. 1830 г.

Que de tourments m'attendoient à mon retour! Votre silence, votre air froid, l'accueil de Mademoiselle N. si leger, si inattentif — — — Je n'eus pas le courage de m'expliquer, j'allois à Petersbourg la mort dans l'âme. Je sentois que j'avois joué un rôle bien ridicule, j'avois été timide pour la première fois de ma vie et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge, puisse plaire à une jeune personne de l'âge de Mlle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie & maintenant que quelques paroles gracieuses que vous avez daigné m'adresser, auroient du me combler de joie — je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourroient seules me faire gagner l'affection de M-lle votre fille; je puis éspérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire; si elle consent à me donner sa main, je n'y verrois que la preuve de la tranquille indifference de son cœur. Mais entourée d'admirations, d'hommages, de séductions, cette [.......] tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle,—peut-être ces propos seront-ils sinceres, mais à coup sûr elle les croirat tels. N'aura-t-elle pas des regrets? ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux? ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante & libre de choisir demain un nouveau mari — cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune; j'en fais peu de cas. La mienne m'a suffit jusqu'à present. Me suffira-t-elle marié? je ne souffrirai pour rien au monde que ma femme connu des privations, qu'elle ne fut pas là où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire je suis prêt à lui sacrifier tous les gouts, toutes les passions de ma vie, une existance toute libre & toute aventureuse. Toutefois ne murmurra-t-elle pas si sa position dans le monde ne sera pas aussi brillante qu'elle le mérite et que je l'aurois désiré?

Telles sont, en partie, mes anxhietés. — Je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier. — —

Daignez agreer, Madame, l'hommage de mon entier devouement et de ma haute consideration.

A. Pouchkine.

Samedi.

---

* 323. С. Л. и Н. О. Пушкиным.

(Черновое).

[Первая половина апрѣля 1830 г. Москва].

Mes trés chers parents, je m'adresse à vous dans un moment qui va [decider] [fixer] du reste de ma vie —

Je m'adresse à vous dans un moment qui va fixer mon sort pour le reste de ma vie —

[Il y a un an] [Il y]. [Je veux me marier à une jeune personne que j'aime depuis un an]—[M. G. dont vous avez] [M-lle Natalie Gontch.] [C'est M-lle Gon.] J'ai son consentement, celui de sa mère — Je vous demande votre benediction non comme une vaine formalité, mais dans l'intime persuasion que cette benediction est necessaire à mon [notre bonheur c'est à dire à celui] [mon] [notre] bien aitre — [J'espère] et puisse la dernière moitié de mon existance être [plus] pour vous plus consolante que ne le fut ma triste jeunesse.—

[J'ai le consentement de] [la fortune de M-d G.] [est la seule objection] [étant] [est] [très derangée] et dependante [la mienne] [elle a du me faire] [J'ai le consentement de M-lle] Gontch. — [J'ai et] en partie de celle de son beau père. Cet article est la seule [obj] obstacle qui s'oppose à mon bonheur — [En aimant sans esperance] [j'eusse] j'eusse [j'eusse étoit bien malheureux mais si après avoir eu son consentement] Je n'ai pas [le courage] la force de songer à y renoncer — Il m'est bien plus [conv] aisé d'esperer que vous viendrez à mon secours. Je vous en conjure, écrivez moi ce que vous pouvez faire pour

---

* 324. А. Х. Бенкендорфу.

16-го апрѣля 1830 г. Москва.

Mon Géneral,

Je suis tout embarrassé de m'adresser à l'Autorité dans une circonstance purement personnelle, mais ma position et l'interêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à Mlle Gontcharof que vous avez du voir à Moscou, j'ai son consentement & celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu répondre qu'elle étoit suffisante, grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pu cacher qu'elle étoit fausse et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10-me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs qui me revenoient de droit, mes

chefs négligeant de me présenter & moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me seroit maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place toute subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Elle me distrairoit de mes occupations littéraires qui me font vivre et ne feroit que me donner des tracasseries sans but & sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M[de] Gontcharof est effrayée de donner sa fille à un homme qui auroit le malheur d'être mal vu de L'Empereur — — Mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement & ma reconnaissance sont déjà purs & sans bornes. 1830 г.

Encore une grâce: En 1826 j'apportois à Moscou ma tragedie de Годуновъ écrite pendant mon Exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et je dois l'avouer, Sa Majesté, n'avoit que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parcequ'ils sembloient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'Auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à *l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier*, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paroit essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire; je sais bien que cette opposition de poëte peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étois heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier sa Majesté de me délier les mains & de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de vous avoir entretenu si longuement de moi — Mais votre indulgence m'a gâté & j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de L'Empereur, j'espère et je crois toujours en lui.

Je suis avec la considération la plus haute
de Votre Excellence
le très humble & obéissant
serviteur

16 avril
1830
Moscou.

Alexandre Pouchkin.

Je vous supplie, Mon Géneral, de me garder le secret.

---

* (*Черновое*).

[Vous m'avez permis de m'adresser toujours à Vous, je le fais en avec] Je suis tout [honteux] embarrassé de m'adresser [En 1826 j'ai vous] [au] à l'autorité dans une circonstance [qui n'est] [n'interesse] [ne ragarde] [que moi; mais vous m'en] purement personelle, Mais [pardonnez] ma position [et la confiance que] et l'intérêt que vous avez bien voulu me te<moigner> jusqu'à present [me donne] m'en font une [b...i] obligation [Je vous supplie nonobstant de me garder le secret].

Je [vais] dois me marier à M-lle — que Vous avez du voir à Mo<scou>. J'ai son consentement et celui de sa mère — deux objcctions m'ont été faites. Ma fortune et ma position [envers] à l'égard du gouvernement. Quand à la première—j'ai pu répondre qu'elle étoit suffisante grâce à S. M. qui m'en a donné les moyens [de vivre de ma pensée — elle est honorable suffisante et indépendante. — Ma position] [de vivre hono] [..... de mon travail]. Je puis vivre honorablement de mon travail—Quand à ma position dans le monde, je n'ai pu cacher qu'elle étoit fausse et douteuse.— Exclu du service par feu l'Empereur [je porte encore cette tâche] [je porte encore cette] cette flêtrissure me reste [encore]. [L'Emp.] Il [m'est] me seroit difficile malgré la meilleure vol. de reprendre du service—Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10-me cl.— je n'ai jamais reçu les deux rang suivants qui me revenoient de droit [puisque j'ai servi (je comptois au service jusqu'à 1824, époque de mon exclusion). Mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de leur rappeler.—Une place toute subalterne telle que mon rang inf. me permet de l'occupoir ne peut plus convenir [ni] à mon âge [ni à], elle me distrairoit de mes occupations litter. ne feroit que me donner des tracasseries [sans que je puisse] sans but et sans utilité,—je n'y dois donc plus songer—

[Je supplie votre Ex] Encore une fois je suis tout honteux de vous entretenir si longuement [de toute] de moi, mais [le bon] [douleur de ma vie] mon bonheur dépend en quelque sorte [de] d'un mot de bienveillance. M[de] Gontch. est effrayé de donner sa [famille] fille à un homme qui auroit le malheur d'être mal vu de [la] l'Em. [Et il m'a déjà comblé de tant de bienfaits] [pour le quel], cependant mon devouement pour lui est plus vrai et plus vif que je ne pourrais l'exprimer —

Encore [une] mot et je finis. En 1826 j'apportais à Moscou ma tragédie de Годун. écrite [à la campagne] [en 1825] pendant mon exil. Je n'avois nul envie de l'imprimer [telle que vous l'avez vue]—Elle ne vous fut envoyée telle que vous l'avez vue, que pour me disculper et pour montrer dans quel esprit cette tragédie est — L'Emp. ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur [des critiques] des passages trop libres, trop burles. [critiques] et je dois l'avouer que S. M. a eu parf. raison — [d'aut]

deux ou trois passages ont attiré son attention parce qu'ils sembloit présenter des allusions aux circonstances alors récentes [et là j'ai mieux aimer sacrifier ma tragédie et donner par la une faible] mais tous les troubles se ressemblent — En [les] relisant actuellement les passages marqués je doute qu'on puisse les trouver [aussi] repréhensibles. — L'auteur dra. ne peut répondre des [........] paroles qu'il met dans la bouche des pers. histor. Il [ne peut] doit les faire parler selon leur caractère connu. — Il ne faut donc faire attention qu'à l'Esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, sinon point de tragédie — [S. M. peut]. Je supplie S. M. de me pardonner l'audace de la contredire, mais ma tragedie est une œuvre de bonne foi — [et je puis en conscience] [et si] et si je suis composé <?> [de reconnaître] de retrancher ce qu'on [qu'il ne peut] m'indique de véritablement defectueux, je ne puis sur conscience supprimer ce qui me paroit [nécessaire] [de toute necessité] essentiel [et ce qui sert] à l'intèrêt du tout l'ouvrage. — Je sais [a présent] bien que cette opposition de poëte peut prêter à rire, mais je vous jure que j'y vais de cœur et d'âme — [et j'aime autant]. Les passages marqués sont du reste purement historiques et on les retrouveroit dans des imitations qu'on a imprimé depuis —

Les circonst. actuelles me pressent [à le faire].

Je n'ai pas voulu jusqu'à présent imprimer ma tragédie malgré tout ce que les libraires m'en avoient offert. J'étois heureux de pouvoir faire ce sacrifice à la volonté de S. M.

Je supplie donc S. M. de délier les mains, et de me permettre d'impr. ma trag. [telle que] comme je l'attends. Je lui donne ma parole d'être un censeur beau[coup plus sévère que celui] aussi sévère que.........

---

* 325. М. П. Погодину.

[Конецъ апрѣля 1830 г. Москва].

Пушкинъ приходилъ поздравить Васъ съ новоселiемъ.

---

* 326. С. П. Шевыреву.

[29-го апрѣля 1830 г. Москва].

Примите и мой сердечный привѣтъ, любезный Степанъ Петровичь, мы жители прозаической Москвы осмѣливаемся писать къ Вамъ въ поэтическiй Римъ надѣясь на дружбу вашу — Возвратитесь обогащенные воспоминанiями, новымъ знанiемъ, вдохновенiями возвратитесь и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу. А. П.

---

* 327. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[Конецъ апрѣля 1830 г. Москва].

Vous avez raison de trouver *l'Ane* délicieux — C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans le *dernier jour* ou il y en <a> beaucoup — Quand à la phrase qui vous a embarrassée — je vous dirai d'abord de ne pas prendre au serieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, & plus il laisse de souvenirs délicieux. Le second est une affaire de volupté — voyez vous. On pourroit pousser le parallèle beaucoup plus loin — Mais je n'en ai guère le tems. Mon mariage avec Nathalie (qui par parenthèse est mon cent-treizème amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au lombard, et vous, chère Princesse, je vous engage à être ma Посаженая Мать.

A vos pieds. A. P.

Erratum, variante: après *200 paysans.*

Je les engage au lombard, et vous, divine Princesse, à être ma Посаженая Мать.

---

328. Неизвѣстному.

[Апрѣль — май 1830 г. Москва].

Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme... qui.... tout le long du jour.

---

329. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[Май 1830 г. Москва].

Chère Princesse, voilà vos livres — je vous les renvoye les larmes aux yeux — Quelle idée avez vous de partir aujour'hui — и на кого вы насъ покидаете? Je viens chez vous dans un moment

На обороте: К. В. Ф. Вяземской.

---

* 330. Князю П. А. Вяземскому.

2-го мая [1830 г. Москва].

Благодарю тебя, мой милый,[1] за твои поздравленія и мадригалы — я въ точности передамъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли что ты собираешься въ Москву? Боюсь Графини Ф. Она удержитъ тебя въ П. Б. — Говорятъ что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ и настоящая твоя служба при ней — Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену а мы поговоримъ объ Газетѣ иль Альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ однакожъ его Газета хороша, ты много оживилъ ее — Поддерживай ее покамѣсть нѣтъ у насъ другой — Стыдно будетъ уступить поле Булгарину — Дѣло въ томъ что чисто-литературной Газеты у насъ быть не можетъ, должно принять въ союзницы или Моду или Политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ то совѣстно. Но неужъ то Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Не ужъ то кромѣ Сѣв. Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить что въ Мексикѣ было землетресеніе, и что Камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужъ то нельзя выхлопотать этаго дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами да и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшедствій. Да и неприлично правительству заключать союзъ — съ кѣмъ? съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ по своему обыкновенію, пуститься въ доносы и клевету — и съ нимъ не справишься.

Отчего ненапечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изд. Фонтана? Неужъ то мой Цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и за чѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева — Жаль что представлю его не въ прежнемъ его видѣ доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ узнавъ о моей помолвкѣ — Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. — Сказывалъ ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи — но передай мнѣ ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ щастливому. Прощай, мой милый — обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 мая.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ *С.-Петербургъ* на Моховой, въ домѣ Межуевой. *Почтовый штемпель:* Москва 1830 маія 3. *Печать гербовая на красномъ сургучѣ.*

---

[1] Далее тщательно зачеркнуто одно слово.

331. С. Л., Н. О. и О. С. Пушкинымъ.

3-го мая [1830 г. Москва].

Mes chers Parents, j'ai reçu encore deux de vos lettres. Je ne puis vous repondre que ce que vous savez déja: que tout est arrangé, que je suis le plus heureux des hommes et que je vous aime de toute mon âme.

Sa Majesté m'a fait la grâce de me témoigner sa bienveillante satisfaction du mariage que je vais contracter. Elle m'a permis d'imprimer ma tragédie comme je l'entendais. Dites le à mon frere pour qu'il le redise à Pletnef qui m'oublie par parentèse ainsi que Delvig.

J'ai remis votre lettre à M-lle Gontcharof, je suppose qu'elle va vous répondre aujourd'hui. Mon oncle Матв. Мих. s'est présenté chez elle avant-hier, lui et ma tante ont pris la plus grande part *à mon bonheur* (je suis tout étourdi d'employer cette expression). Il y a quelques jours que je n'ai vu mon oncle Вас. Льв. Je sais qu'il va mieux.

Merci, ma chère Olga, de votre amitié et de vos compliments. J'ai vu votre lettre à Natalie, qui en a ri et qui vous embrasse.

Je vous embrasse aussi mes chers Parents. Peut-être ces jours-ci ferai-je un voyage à Kalouga chez le grand père de Natalie. Je voudrais bien que la noce se fut avant le carême qui va venir. Adieu encore une fois.

3 mai.

---

* 332. А. Н. Гончарову.

3-го мая 1830 г. Москва.

Милостивый Государь,

Аѳанасій Николаевичь!

Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ Вамъ какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Щастіе Вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все чѣмъ могу воздать Вамъ за Ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

3 Мая
1830
Москва.

---

* *(Черновое).*

Съ чувствомъ [сердечной, глубокой] благодарности обращаюсь къ вамъ какъ главѣ семейства [въ которое] которому отнынѣ [я] принадлежу — Благословивъ Наталью Н. [.....] благословили вы и меня — Вамъ обязанъ я [щастіемъ жизни моей. Обезпечивъ ея состояніе всту.... моей *мало для* благодарности]. Щастіе вашей внуки [вашей] [будетъ, есть единственный мой] будетъ [моя] священная, единственная цѣль [жизни].

Стараясь сдѣлаться дост. [заслужить, постараюсь, буду стараться быть достойнымъ] благодѣянія вашего, съ чувствами [глубокою] глубочайшаго уваженія и преданности пребыть честь имѣю и пр.

---

* 333. П. А. Плетневу.

[Начало мая 1830 г. Москва].

Милый! побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ: Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité» —

Слушай-же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками — а ты, благодѣтель, явись къ Ф. Ф<оку> и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно-ли оно?)

Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично-ли мнѣ, *Ал.* Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ заговорить объ Θаддеѣ Булгаринѣ? кажется не прилично. Какъ ты думаешь? рѣши.

Скажи: имѣло-ли вліяніе на разходъ Онѣгина, отзывъ Сѣв. Пчелы? Это *для* меня *любопытно.* Знаешь-ли что? у меня есть презабавные матеріалы *для* романа: Θаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? пожалуйста отпиши —

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ! —

Сей часъ получилъ письмо твое — благодарю, душа моя — Заключай условія какія хочешь — только нельзя-ли вместо 4 *лѣтъ* 3 года — выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ — Не продать-ли намъ Смирдину и Трагедію? Порученіе твое къ моей невѣстѣ исполнено — Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей — Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ незнаю — кажется отъ П. Б. не отдѣлаюсь — Царь со мною очень милъ.

На обороте: Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ. *Почтовый штемпель:* Москва. 1830 Мая 5. *Рукою Плетнева: Изъ Москвы,* въ апрѣлѣ 1830. Это отвѣтъ на мое письмо № 16. *Запечатано печатью на красном сургуче.*

---

* 334. А. Х. Бенкендорфу.

7-го мая 1830 г. Москва.

Mon Général,

C'est à la sollicitude de Vorte Excellence que je dois la grâce nouvelle dont l'Empereur vient de me combler: veuillez recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance. Jamais dans mon coeur je n'ai méconnu la bienveillance, j'ose le dire, toute paternelle que me portoit Sa Majesté, jamais je n'ai mal interprêté l'intérêt que toujours vous avez bien voulu me témoigner; ma demande n'a été faite que pour tranquilliser une mère inquiète et que la calomnie avoit encore effarouchée.

Veuillez recevoir, Mon Général, l'hommage de ma haute consideration.

Votre très humble et très obéissant serviteur

7 mai 1830. Alexandre Pouchkin.
Moscou.

---

* 335. М. П. Погодину.

[15-го — 25-го мая 1830 г. Москва].

Сдѣлайте одолженіе скажите могу-ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 рг. с. или на 6 мѣс. по 5 рг. с. — Что четвертое дѣйствіе?

А. П.

На обороте: Михаилу Петровичу Погодину.

---

* 336. М. П. Погодину.

[15-го — 25-го мая 1830 г. Москва].

Сдѣлайте божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда.

А. П.

На обороте: Михайлу Петровичу Погодину.

---

* 337. Е. М. Хитрово.

18-го мая [1830 г. Москва].

Je ne sais encore si je viendrois à Petersbourg — les chaperons que vous avez la bonté de me promettre sont bien brillants pour ma pauvre Natalie. Je suis bien à leurs pieds & aux votres, Madame.

18 mai.

На обороте: Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Елизаветѣ Михайловнѣ Хитровой &c. &c. &c. въ С.-Петербургѣ на Маховой дом Межуевой. *Почтовый штемпель:* Москва. 1830 Май 19 *и почтовые пометы.*

---

* 338. Е. М. Хитрово.

[Между 19-мъ и 24-мъ мая 1830 г. Москва].

D'abord permettez moi, Madame, de vous remercier pour Hernani — C'est un des ouvrages du tems que j'ai lu avec le plus de plaisir. Hugo & Sainte Beuve sont sans contredit les seuls poëtes françois de l'époque, surtout Sainte Beuve — & à ce propos, s'il est possible d'avoir à Petersbourg les *Consolations* de ce dernier faites une œuvre de charité, au nom du ciel envoyez les moi.

Quand à mon mariage vos reflexions la dessus seroient parfaitement juste si vous m'eussiez jugé moi-même moins poëtiquement. Le fait est que je suis bon homme & que je ne demande pas mieux que d'engraisser & d'être heureux — l'un est plus facile que l'autre. (pardon Madame: je m'aperçois que j'ai commencé ma lettre sur une feuille déchirée — je n'ai pas le courage de la recommencer).

Il est bien aimable à vous, Madame, de vous interesser à ma situation vis à vis le maître. Mais quelle place voulez vous que j'occupe auprès de lui — je n'en vois aucune qui puisse me convenir. J'ai le dégout des affaires & des *boumagui* comme le dit le Cte Langeron. Etre gentilhomme de la Chambre n'est plus de mon âge et puis que ferai-je à la cour? ni ma fortune ni mes occupations ne me le permettent. Les parents de ma femme se soucient fort peu d'elle et de moi — Je le leur rends de tout mon coeur — Ces relations sont fort agréables & je ne les changerai jamais —

---

* 339. И. Ѳ. Антипину и Ѳ. И. Абакумову.

27-го мая 1830 г. Полотняный Заводъ.

Александръ Пушкинъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности принимаетъ знакъ лестнаго вниманія почтенныхъ своихъ соотечественниковъ Ивана Ѳомича Антипина и Ѳаддея Ивановича Абакумова.

27 мая 1830.
П. Заводъ.

---

* 340. М. П. Погодину.

29-го мая [1830 г. Москва].

Выручите, если возможно — а я за васъ буду бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками — Завтра увижу ли Васъ и нѣтъ-ли чего готоваго? (въ Трагедіи понимается).

29 мая. А. П.

---

* 341. А. Х. Бенкендорфу.

29-го мая 1830 г. Москва.

Mon Géneral,

Je supplie Votre Excellence de me pardonner encore une fois mon importunité.

Le bisaïeul de ma promise a eut jadis la permission d'élever dans sa terre de *Полотняной Заводъ* un monument à l'Imperatrice Catherine II. La statue colossale qu'il en a fait fondre en bronze à Berlin est tout-à-fait manquée & n'a jamais pu être érigée. Elle se trouve depuis plus de 35 ans ensevelie dans les caves de la maison. Des marchands de cuivre en ont offert 40.000 roubles, mais le proprietaire actuel, Mr Gontcharof n'y a jamais voulu consentir. Il tenoit à cette statue, toute difforme qu'elle étoit, comme au souvenir des bienfaits de la Grande Souveraine. Il craignoit qu'en l'anéantissant il ne perdit aussi le droit d'ériger le monument. Le mariage de sa petite fille qui s'est décidé inopinément, l'a trouvé tout à fait sans ressource et après l'Empereur, il n'y a guère que feu son auguste Grand' Mère qui puisse nous tirer d'embarras. Mr Gontcharof consent quoiqu'à contre coeur, à se deffaire de la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc Votre Excellence de vouloir bien me faire parvenir premierement, la permission de faire fondre la statue en question, secondement, la grâce de conserver à Mr Gontcharof le droit d'ériger dès qu'il le pourra un monument à la bienfaitrice de sa famille.

Agréez, mon General l'hommage de mon parfait dévouement et de ma haute considération

de Votre Excellence
le très humble & très obéissant
serviteur

29 mai 1830.
Moscou.

Alexandre Pouchkin.

Пометы: № 5215; № 1543; Іюня 20 1830. *Рукою М. Я. фонъ-Фока:* Возвращено изъ Варшавы, отъ 14 Іюля 1830. *Рукою А. Х. Бенкендорфа, карандашом:* C'est permis, je signerai la lettre a mon retour. *Рукою М. Я. фонъ-Фока:* Изготовить офиціальное письмо къ подписанію Генерала.

Je [vous supplie] demande pardon à votre Excellence [de n'être pas impatienté de mon..... importunité par de demandes fréquentes] de me pardonner encore une fois mon importunité.

[M] [M-r Gontcharof] [le grand père] [l'an <cêtre>] le bisaieul de ma promise [se trouvant] [est très derangé dans ses affaires] a eu jadis la permission d'elever dans sa terre de P. Z. un monument à l'Imp. [de] Cath. Sec. [Ce] [Il a fait fondre une] Sa statue colossale [en bronzé] — [et] [Mais se trouvant] qu'il y a [fait venir de] fait fondre en br. à Berlin [n'a jamais et] a [été] est tout à fait manquée [et aucun] et difforme [elle] et n'a jamais [été] pu être érigé — et se trouve [a present] depuis plus de 35 ans [dans] ensevelie dans [les] une cave [de la.....] ou — Des marchands de cuivre en ont offert [au] 50 mi...rou... Mais le proprietaire actuel, Mr. Gontch. père, [il] n'a jamais voulu consentir [par motif de délicatesse], il tenoit à cette statue toute difforme qu'elle étoit, comme au souvenir des bienfaits de la grande Souveraine — Il craignoit qu'en l'anéantissant, il ne perdit aussi le droit qu'il avoit d'eriger ce monument ce [qu'il se promettoit de] faire dès [que les affaires, actuel. très derangées pourroient le permettre] —

Le mariage de sa petite fille qui s'est décidé [fait assez] inopinement — l'a trouvé tout à fait sans ressource et àpres [Sa Majesté] l'Empereur il n'y a guère que feue [Sa. Ca.] son aug. Grand'mère qui puisse nous tirer d'embarras. [Il] Mr. G. consent quoiqu'à contre coeur [de ceder] [vendre] de se deffaire la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc votre *exce.* de vouloir bien me faire parvenir d'abord [une] la permission de faire fondre la statue en question, comme [celle] la grâce de conserver à Mr Gontch. le droit d'ériger dès qu'il le voudra [le] un monument à la bienfaitrice de sa famille.

---

* 342. В. С. Огонь-Догановскому.

(Черновое).

[Май — іюнь 1830 г. Москва].

Я съ охотою взялся бы [заплатить] [заплатить] выкупить [векселя] ваши долги (но слѣдующія вамъ 24800 рублей обязанъ я выплатить въ теченіе 4 лѣтъ —) [а вы] [а срокъ вашимъ вексел.] но срокъ онымъ Векселямъ по словамъ вашимъ два года, а слѣд. —) [Если согласятся 25] Я ни какъ не въ состояніи, попричинѣ дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тыс. [Если согласятся] [но]. Все что могу за вашъ 25 тысяч. Вексель [продать за] выдать 20 съ вычитымъ <sic> 10 проц. за годъ — [то я] т. е. 18 тысячь рубл. въ таковомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ и я не премину чрезъ Васъ или чрезъ кого Вамъ будетъ угодно доставить Вамъ

---

* 343. М. П. Погодину.

[Конецъ мая — начало іюня 1830 г. Москва].

Могу-ли къ Вамъ заѣхать и когда? и будутъ-ли деньги? У Бога конечно всего много, но онъ взаймы не даетъ а даритъ кому захочетъ, такъ я болѣе на Васъ надѣюсь чѣмъ на него (прости Господи мое прегрѣшеніе).

А. П.

Post-scriptum & Nota bene: Румянцовъ *уничтожилъ* рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ *карреи* Кагульскія.

На обороте: Михайлу Петровичу Погодину.

---

* 344. М. П. Погодину.

[Конецъ мая — начало іюня 1830 г. Москва].

Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко недоумѣваетъ?

А. П.

На обороте: Михаилу Петровичу Погодину.

---

* 345. М. П. Погодину.

[Конецъ мая — начало іюня 1830 г. Москва].

Надеждинъ хоть изрядно насъ *тешитъ* иногда *(тесать)* или *чешетъ* &c. но [хор] лучше было бы если онъ теперь потѣшилъ — Двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника, &c.

Весь вашъ &c.

На обороте: Михайлу Петровичу Погодину.

---

* 346. М. П. Погодину.

[Конецъ мая — начало іюня 1830 г. Москва].

Если уже часть, такъ бóльшую ради Бога.

А. П.

---

347. М. П. Погодину.

[Конецъ мая — начало іюня 1830 г. Москва].

Когда будетъ время, заѣзжайте ко мнѣ поутру, я всегда дома.

---

* 348. Н. Н. Гончаровой.

(Черновое).

[Начало іюня 1830 г. Москва].

Je voudrais pouvoir esperer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod — [mais c'est avec délice que j'obéis à vos ordres] — me voilà donc à Moscou si triste, si ennuyeux lorsque vous n'y êtes pas. Je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikit., encore moins de venir demander des nouvelles d'Agra. Vous ne saurez imaginer l'angoisse que donne vorte absence, je me repands d'avoir quitté Z. — [&] toutes mes craintes [& mes] me [devien.] reviennent plus vives & plus noires — [Que sais-je!] [On] Je voudrais espérer & — je compte les quarts d'heure qui me séparent [encor] de vous —

---

* 349. А. Н. Гончарову.

7-го іюня 1830 г. Москва.

Милостивый Государь,

Аѳанасій Николаевичь,

Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причипа моего невольнаго молчанія. Думаю что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ П. Б. чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника, то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву, писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю уѣхалъ-ли онъ съ Государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, незамѣдлитъ.

Позвольте мнѣ, Милостивый Государь Аѳанасій Николаевичь, еще разъ сердечно Васъ благодарить за отеческія милости оказанныя Вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться что современемъ заслужу Ваше благоразположеніе. По крайнѣй мѣрѣ жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена щастію той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка Вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю щастіе быть,

Милостивый Государь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

7 іюня 1830
Москва.

---

* 350. М. П. Погодину.

[8-го — 9-го іюня 1830 г. Москва].

Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ Вамъ, любезный и почтенный! ваши 1800 р. ас. получилъ съ благодарностію, а проччія чѣмъ Вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ я необязался именно [къ то] къ которому числу.

Весь Вашъ

А. П.

На обороте: Михаилу Петровичу Погодину.

---

* 351. М. П. Погодину.

[12-го іюня 1830 г. Москва].

Чувствую что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму.

А. П.

Четвергъ.

На обороте: Михаилу Петровичу Погодину.

---

* 352. М. П. Погодину.

[13-го іюня — 3-го іюля 1830 г. Москва].

Сердечно благодарю Васъ, любезный Михайло Петровичь, заемное письмо получите надняхъ — Какъ Вамъ кажется Письмо Чадаева? и когда увижу васъ.

А. П.

---

* 353. А. Н. Гончарову.

28-го іюня 1830 г. Москва.

Милостивый Государь,

Аѳанасій Николаевичь,

Только сей часъ получилъ я бумагу Вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ея пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить Вамъ то что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло не вооружить

противу себя Канкрина, а никакъ не вижу какимъ образомъ Вамъ безъ него обойтиться. Государь получивъ просьбу Вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотренiе Министра Финансовъ, а Министръ уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможенiе (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь и затруднительная но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола Государева. На дняхъ ѣду въ П. Б. и если бумага Ваша небудетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажите) хлопотать объ этомъ вспоможенiи и у Бенкендорфа и у Канкрина. Что касается до заложенiя Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласiи молодыхъ Вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновенiи Вашей волѣ, но въ ихъ отсутствiи неосмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь что мое чистосердечiе не повредитъ мнѣ въ Вашемъ ко мнѣ благоразположенiи, столь драгоцѣнномъ для меня: мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ Вашихъ приказанiй, препоручаю себя Вашему благоразположенiю и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтенiемъ и сердечной преданностiю

Милостивый Государь

Вашъ покорнѣйшiй слуга

Александръ Пушкинъ.

28 iюня
1830
Москва.

На обороте: Его Высокоблагородiю Милостивому Государю Аѳанасью Николаевичу Гончарову. Въ Калугу На полотняномъ Заводѣ. *Почтовый штемпель:* Москва 1830 Iюн. 28. *Помета А. Н. Гончарова: Пушкина.* Получилъ Iюля 18 ч. 1830. *Запечатано гербовой печатью Пушкина под графскою короной.*

---

* 354. А. Х. Бенкендорфу.

4-го iюля 1830 г. Москва.

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичь,

Имѣлъ я щастiе получить письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 26 прошедшаго мѣсяца. Вашему благосклонному ходатайству обязанъ я всемилостивѣйшимъ соизволенiемъ Государя на просьбу мою; Вамъ и приношу привычную, сердечную мою благодарность.

На дняхъ долженъ я буду, по своимъ дѣламъ, приѣхать въ Петербургъ, и буду имѣть щастіе явиться къ Вашему Высокопревосходительству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

4 іюля
1830
Москва.

Пометы: № 5845; № 1722; Іюля 10 1830; Къ свѣдѣнію.

---

* 355. М. Н. Загоскину.

14-го іюля [1830 г.]. Москва.

Милостивый Государь
Михайла Николаевичь

Братъ вчерашняго Австрійскаго Императора Щепина возъимѣлъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную школу. Препоручаю Его Высочество Вашему покровительству —

Сегодня или завтра ѣду въ П. Б. на нѣсколько дней — Надѣюсь при своемъ возвращеніи найти Васъ и все семейство Ваше въ добромъ здаровіи —

Весь Вашъ
А. Пушкинъ.

14 іюля
Москва.

На обороте: Его Высокородію Милостивому Государю Михайлу Николаевичу Загоскину. *Запечатано гербовою печатью Пушкина под графскою короною.*

---

356. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

20-го іюля [1830 г.]. Петербургъ.

Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите миленькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, несмотря на то, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичь купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи — я починилъ ее булавками — на второй та же исторія — и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣскольких верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путеше-

ствіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. *Нат. Кир.* въ деревнѣ. *Кат. Ив.* въ Парголовѣ (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что̀ до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера. *1830 г.*

Я тороплюсь — цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ maman, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.— 20 іюля. — Спб.

На обороте: M-lle Natalie Gontcharoff.

---

* *(Черновое).*

J'ai l'honneur de vous presenter mon frère qui vous a trouvé [trop jolie femme] ......pour moi......

---

357. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

[Между 20-мъ и 30-мъ іюля 1830 г. Петербургъ].

Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не росписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ *Натальѣ Кирилловнѣ*. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, comme une très jolie femme du siècle passé. — Вы жéнитесь на моей племянницѣ? — Точно такъ. — Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали, *Наташа* ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла *Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны*, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: — *Наташа* знаетъ, какъ я люблю ее, *Наташа* мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, *Наташа* мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто. Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ — и мы разстались друзьями. *Наталья Ивановна*, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ *Ивана Николаевича*. Я былъ на манёврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣсте съ нимъ въ Парголово, такъ какъ

1830 г. ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать *Аѳанасію Николаевичу;* но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Чтò подѣлываетъ la Grand'maman de Zavode — бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Чтò вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это — такъ какъ вы меня всегда считаете *сочинителемъ.* J'ai été voir ces jours-ci mon Egyptienne; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: *прошу любить и жаловать.* Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ. До свиданья.

На обороте: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

---

358. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

30-го іюля [1830 г. Петербургъ].

Вотъ письмо *Аѳ. Ник.* которое мнѣ пересылаетъ *Иванъ Николаевичъ.* Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли *Натальи Ивановны* и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки — тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ *Кат. Ив.;* она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей — но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ une blonde Madonne qui vous ressemble comme deux gouttes d'eau et que j'aurais acheté — si elle ne coutait pas 40.000 roubles. *Аѳ. Ник.* слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную Grand'maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось расплавить ее. Серьёзно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы, развѣ только вотъ *Наталья Ивановна* согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо *Аѳ. Ник.* *1830 г.*
я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводского имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это — другое дѣло. Въ этомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ chez mon cousin Kankrine, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, *мой ангелъ*. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею. — 30 іюля.

P. S. Роспишетесь вы въ полученіи этого письма?

На обороте: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

---

359. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[4-го августа 1830 г. Петербургъ].

Здравствуйте, Княгиня. Какъ досадно что вы не застали меня въ Москвѣ; j'avois tant de choses à vous dire — J'avoue à ma honte que je m'amuse à Petersbourg et je ne sais trop comment et quand je serai de retour. Можетъ быть съ Княземъ, en tout cas au revoir. А. Р.

---

* 360. М. Я. фонъ-Фоку.

9-го августа 1830 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,

Максимъ Яковлевичь,

Препровождая къ Вашему Превосходительству записку о дѣлѣ Г. Гончарова съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

9 Августа
1830

Александръ Пушкинъ.

На обороте: Его Превосходительству Милостивому Государю Максиму Яковлевичу фонъ Фоку. *Запечатано гербовою печатью подъ графскою короною.*

Приложена записка руки Пушкина: Государь Императоръ высочайше соизволилъ позволить Надв. совѣт: Аѳанасью Николаевичу Гончарову разплавить неудачно вылитую статую покойной Государыни Екатерины II и предоставить ему, когда обстоятельства дозволятъ, право воздвигнуть другой памятникъ.

---

* 361. А. Н. Гончарову.

14-го августа 1830 г. Москва.

Милостивый Государь

Аѳанасій Николаевичь

По приказанію Вашему являлся я къ Графу Канкрину и говорилъ о Вашемъ дѣлѣ т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ Министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ что сіе дѣло зависитъ единственно отъ Государя; я просилъ отъ него покрайнѣй мѣрѣ обѣщанія не прекословить Государю если Его Величеству угодно будетъ оказать Вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что косается до позволенія перелить памятникъ, то Вы получите немѣдленно бумагу на имя Ваше отъ Генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависитъ отъ Васъ; осмѣливаюсь вновь умолять Васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю щастіе быть

Милостивый Государь

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

14 Августа
1830
Москва.

---

* 362. Е. М. Хитрово.

21-го августа [1830 г. Москва].

Que je vous dois de reconnaissance, Madame, pour la bonté que vous avez eu de me mettre un peu au fait de ce qui se passe en Europe! Personne ici ne reçoit les journaux de France & en fait d'opinion politique sur tout ce qui vient de se passer, le Club anglois a décidé que le Prince Dmitri Galitzin a eu tort d'interdir l'écarté par ordonnance. Et c'est au milieu de ces ourang outans que je suis condamné à vivre au moment le plus interessant de notre siècle. Pour surcroit de peine et d'embarras mon pauvre oncle Василій Львовичь vient de mourir. Il faut avouer que jamais oncle n'est mort plus mal à propos. Voilà mon mariage retardé encore de 6 semaines et Dieu sait quand je pourrois revenir a Petersbourg.

La Parisienne ne vaut pas la Marseilloise. Ce sont des couplets de vaudeville. Je meurs d'envie de lire le discours de Chateaubriand en faveur du Duc de Bordeaux. Ça a étoit encore un beau moment pour lui. En tout cas le voilà donc encore dans l'opposition. Qu'est-ce que l'opposition du *Tems?* veut-il une république? Ceux qui l'ont voulu dernieremment ont hâté le couronnement de Louis-Philippe; il leur doit des plâces de chambellan & des pensions. Le mariage

de Mde de Genlis avec Lafayette seroit tout-à-fait convenable. Et c'est l'eveque Talleyrand qui devroit les unir. C'est ainsi que la revolution seroit consommée. *1830 г.*

Je vous supplie, Madame de me mettre aux pieds de[1] Mesdames les Comtesses vos filles et de vouloir bien accepter l'hommage de mon devoument & de ma haute consideration.

21 aout. Pouchkine.
Moscou.

На обороте: Ея Превосходительству М. Г. Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой. Въ *С.-Петербургѣ* на дачѣ, на черной рѣчкѣ. *Почтовый штемпель:* Москва 1830 Авг. 21 *и* почтовые пометы. *Запечатано гербовой печатью Пушкина под графскою короной.*

---

* 363. А. Н. Гончарову.

24-го августа [1830 г.]. Москва.

Милостивый Государь

Аѳанасій Николаевичь,

Сердечно жалѣю что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ: я бы за щастіе почелъ сдѣлать что нибудь Вамъ угодное.

Смерть Дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю, разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выдти изъ долга, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ Нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на Васъ однихъ. Отъ Васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю щастіе быть

Милостивый Государь

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

24 августа
Москва. Александръ Пушкинъ.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Аѳанасью Николаевичу Гончарову. *Запечатано тою же гербовой печатью Пушкина.*

---

364. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

[Конецъ августа 1830 г. Москва].

Я отправляюсь въ *Нижній*, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами,

---

[1] *Исправлено из*: «des.»

 какіе ей будетъ угодно привести своему рѣшенію, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права, и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ или никогда не жениться. *А. П.*

На обороте: Mademoiselle Natalie Gontcharoff.

---

365. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[Послѣднія числа августа 1830 г. Москва].

Je pars brouillé avec M-de Gontcharoff. Le lendemain du bal elle m'a fait la scène la plus ridicule que vous puissiez vous imaginer. Elle m'a dit des choses qu'en conscience je n'ai pu entendre — Je ne sais encore si mon mariage est rompu, mais l'occasion est là, et j'ai laissé la porte toute grande ouverte. Je n'ai pas voulu en parler au Prince, mais dites le lui, et gardez moi tous deux le secret. Ha, la maudite chose que le bonheur! Addio, chère Princesse — Ecrivez moi un mot à Лукіяновъ въ село Болдино.

На обороте: Княгинѣ.

---

* 366. П. А. Плетневу.

31-го августа [1830 г. Москва].

Хорошъ!... не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сей часъ ѣду въ Нижній, т.-е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино — пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разкажу тебѣ все что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго, хужѣ 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же Московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія — словомъ если я и не нещастливъ покрайнѣй мѣрѣ не щастливъ. Осень подходитъ. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ — пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ — а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню, Богъ вѣсть буду-ли тамъ имѣть время заниматься, и душевное спокойствіе безъ котораго ничего не произведешь кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о щастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ — Грустно, душа моя — обнимаю тебя и цалую нашихъ. *1830 г.*

31 авг.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ, в Екатерин. Институтѣ. *Почтовый штемпель:* Москва 1830 Сент. 1.

---

367. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

9-го сентября [1830 г.]. Болдино.

Моя дорогая, моя милая *Наталья Николаевна* — я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства, совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она — часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцат лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ *Натальѣ Ивановнѣ;* цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностію. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я только счастливъ тамъ, гдѣ вы. — 9 сентября, Болдино.

---

* 368. А. Н. Гончарову.

9-го сентября 1830 г. Болдино.

Милостивый Государь

Аѳанасій Николаевичь

Изъ письма, которое удостоился я получить съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я что Вы предпологаете во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по Вашему дѣлу,

1830 г. единственно потому что опасался получить отказъ, не впору приступая съ просьбою къ Государю или Министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь то солнце. А теперь нашла тучка.. — Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на щетъ пути по которому препроводить Вамъ къ Государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть-ли не единственный вельможа чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія Государя.

Препоручая себя Вашему благоразположенію, имѣю щастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію,

Милостивый Государь
Вашъ покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

9 сентября
1830
С. Болдино.

---

* 369. П. А. Плетневу.

9-го сентября 1830 г. Болдино.

Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо милый мой Петръ Александровичь, да вѣдь меланхоліей тебя неудивишь, ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись; пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня Колера Морбусъ. Знаешь-ли что это за звѣрь? того и гляди что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ — того и гляди что къ Дядѣ Василью отправлюсь а ты и пиши мою Біографію. Бѣдный Дядя Василій! знаешь-ли его послѣдпія слова? пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи, очнувшись онъ узналъ меня, погоревалъ потомъ помолчавъ: *какъ скучны статьи Катенина!* и болѣе ни слова. Каково? вотъ что значитъ умереть честнымъ воинымъ <sic>, на щитѣ, le cri de guerre à la bouche! Ты неможешь вообразить какъ весело удрать отъ невѣсты да и засѣсть стихи писать. Жена не то что невѣста. Куда! Жена свой братъ. При ней пиши сколько хошь — А невѣста пуще Цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго. Приданое неуйдетъ. Зоветъ меня въ Москву — я пріѣду непрежде мѣсяца а оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь-ли ты его. Скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! что за прелесть здѣшняя деревня! вообрази: степь да степь; сосѣдей ни души; ѣзди верьхомъ сколько

душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы и стиховъ — Прости-же, моя милая.

9 сент. 1830.
Болдино.

Что моя Трагедія? я написалъ элегическое маленькое предисловіе не прислать-ли тебѣ его? Вспомни однакожъ что ты обѣщалъ мнѣ свое: дѣльпое, длинное. А цѣна Трагедіи? 10 или 12?

На обороте: Его Высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу Въ С. Петербургъ. Въ Екатерининск. Институтѣ. *Почтовый штемпель:* Арзамазъ 1830. Сен. 11.

---

* 370. П. А. Плетневу.

Болдино 29 сент. [1830 г.].

Сей часъ получилъ письмо твое и сей часъ-же отвѣчаю. Какъ-же нестыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ея понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій. Вѣроятно я выразился дурно; но это васъ неоправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: *Теща* моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща пачинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры; и это бѣсило меня. Хандра схватила [меня] и черныя мысли мной овладѣли. Не ужъ то *я* хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все что ты говоришь о свѣтѣ справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои чтобъ тётушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ, но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ *гуляетъ вольная луна* &c. Баратынскій говоритъ что въ женихахъ щастливъ только дуракъ; А человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ [одинъ] я — а тутъ онъ будетъ мы. Шутка! Отъ того-то я тещу и торопилъ; а опа, какъ баба у которой долгъ лишь волосъ, меня не понимала да хлопотала о приданомъ, чортъ его побери. Теперь понимаешь-ли ты меня? понимаешь, Ну, слава Богу! Здраствуй, душа моя, какого поживаешь, а я — оконча дѣла мои ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ — Мѣсяцъ буду въ дорогѣ по крайнѣй мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ невидя ни души, не читая журналовъ такъ что не знаю что дѣлаетъ Филипъ [Августъ] и здаровъ-ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ переслать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да нестоишь ты этаго подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

На обороте: Е. В. М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С. Петербургъ въ Екатерининск. Институтѣ. *Почтовый штемпель:* Арзамазъ 1830. Окт. 1. *Рукою Плетнева:* Въ 1830 изъ Болд. во время холеры въ Москвѣ. *Запечатано облаткой.*

---

371. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

30-го сентября [1830 г. Болдино].

Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не окончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ *Богородицкѣ* не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено 5 карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи! Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это — мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ pour arriver dans ce beau pays de boue, de peste et d'incendie, car nous ne voyons que ça. Что вы подѣлываете между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что говоритъ le Grand papa? Знаете-ли что онъ мнѣ писалъ? La Grand' maman, — говоритъ онъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать. *Мой Ангелъ*, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, *un outchitel*, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять? — это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны *Натальѣ Ивановнѣ*, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и m-r Serge. Имѣете ли извѣстіе о другихъ? — 30 сентября.

На обороте: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова. *Почтовый штемпель:* Арзамазъ 1830 Окт. 1.

---

372. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

11-го октября [1830 г. Болдино].

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая *Наталья Николаевна,* пишите мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только *la canaille* умираетъ отъ холеры — все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адрессъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ! Мы же окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Je ne sais que fait le pauvre monde et comment va mon ami Polignac. Напишите мнѣ о немъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершенным идіотомъ; какъ говорится, до святости. *Что дѣдушка, съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ — не крюкъ, а ѣхать прямо на Москву, значитъ семь верстъ киселя ѣсть (да еще какова? московскаго!).* Вотъ по истинѣ, плохія шутки. *Je ris jaune,* какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей maman; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ. — 11 октября.

Почтовый штемпель: Арзамазъ 1830 Окт. 16.

---

* 373. П. А. Плетневу.

[Конецъ октября 1830 г. Болдино].

Я сунулся было въ Москву, да узнавъ что туда никого не пускаютъ воротился въ Болдино да жду погоды — Ну ужъ погода! Знаю что не такъ страшенъ чортъ якъ его малюютъ; знаю что холера не опаснѣе Турецкой перестрѣлки — да отдаленность, да неизвѣстность — вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь писалъ я своимъ чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней — Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она, и что она до сихъ поръ не вѣдаю — Каково? то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать — но до того доходитъ что хоть въ петлю — Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная, и дождь и снѣгъ и по колѣно грязь. Не знаю гдѣ моя; надѣюсь что уѣхала изъ чумной Москвы, но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего незнаю — Журналовъ вашихъ я нечитаю; кто кого? Скажи Дельвигу чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу, зимой, коли здѣсь не окалѣю — Покамѣсть онъ уже можетъ заказать виньетку на деревѣ — изображающую меня голинькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерж<ив>ающаго Лит. Газету. Что моя Трагедія? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: я хотѣлъ было посвятить мою Трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мнѣ чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти Отца — Итакъ если еще можно то напечатай на заглавномъ листѣ

Драгоцѣнной для Россіянъ [1]
Памяти
Николая Михайловича
Карамзина

Сей трудъ Геніемъ его вдохновенный
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ

А. Пушкинъ.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ въ Екатерининскомъ Институтѣ. *Почтовый штемпель:* Арзамазъ 1830 Окт. 30. *Рукою Плетнева:* Въ 1830 изъ Болдина во время холеры въ Москвѣ. *Запечатано гербовою печатью Пушкина под графскою короною.*

---

[1] *Эта строка приписана позднее остального текста.*

* 374. Н. Н. Гончаровой.

[27-го — 29-го октября 1830 г. Болдино].

Милостивая Государыня Наталья Николаевна, я по французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по русски, а вы, мой Ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по чухонски да только отвѣчайте. Письмо Ваше отъ 1-го окт. получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ во первыхъ потому что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ давно уже зачумленной. 3) что вы не получили моихъ писемъ 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня видно сердитесь между тѣмъ какъ я пренещастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что вы? я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ — Братъ мнѣ непишетъ, пологая что его письма по обыкновенію, для меня неинтересны — Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь что по крайнѣй мѣрѣ живъ — и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я приѣду къ Вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ Московской деревнѣ то приѣду къ Вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей богу не шучу — но напишите мнѣ гдѣ вы а письмо адресуйте въ *Лук*: *Уѣздъ* въ село Абрамово для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цалую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

На обороте: Ея Высокоблагородію Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. Въ Москву. На Никитской въ собств. домѣ. *Почтовый штемпель:* Арзамазъ 1830 Окт. 30. *Запечатано гербовой печатью Пушкина.*

---

375. М. П. Погодину.

[Конецъ октября — начало ноября 1830 г. Болдино].

Изъ Моск. Вѣдомостей, единственного журнала доходящаго до меня, вижу любезный и почтенный Михайло Петровичь что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я къ Вамъ, но карантины, опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ откуда простираю къ Вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего непишетъ. Думаютъ что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю гдѣ и что моя невѣста. Знаете-ли вы, можете-ли узнать? ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукояновскій уѣздъ въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вечевую свою Трагедію, то вы будите моимъ благодѣтелемъ истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ разкритиковалъ. — А то ничего не дѣлаю; даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровье Полевому! его второй томъ со мною и составляетъ утѣшеніе мое. Посылаю вамъ изъ

 моего Паѳмоса Апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите хоть въ Вѣдомостяхъ — но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять *никому* моего имени. Если Московская Цензура непропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную. — — А главнаго то и несказалъ: срокъ [день] моему долгу въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но я не смѣю надѣяться заплатить Вамъ. Не я лгу, и не мошна лжетъ — лжетъ холера и прилыгаютъ 5 карантиповъ насъ раздѣляющихъ. Прощайте, будьте живы. Что братъ?

---

376. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

4-го ноября [1830 г. Болдино].

9-го вы были еще въ Москвѣ! — мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ — онъ хочетъ посмотрѣть его — дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастного мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ — овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ «*Кавказскаго плѣнника*»:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука,
Пройдетъ любовь, настанетъ скука —

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ — я хочу сказать: *revenons à nos moutons*. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, *Адріана*, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но *Наталья Ивановна*, но вы! — ей же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что *Вятка* еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на

Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ *въ Абрамово, для доставленія въ Болдино;* ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки. — 4 ноября. *1830 г.*

Мои поклоны всему семейству.

Почтовый штемпель: Арзамазъ 1830 Нояб. 8.

---

* 377. Барону А. А. Дельвигу.

4-го ноября [1830 г. Болдино].

Посылаю тебѣ, Баронъ, Вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный Вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, Холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ неумолкнутъ круглой годъ. Я душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая Журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло — и кого надлежитъ душить, Полевова или Булгарина — Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ А это безпокоитъ меня ибо я все таки его сынъ — т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?) Скажи Плетневу что онъ разцаловалъ бы меня видя мое осеннее прилежаніе — Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть еще что нибудь тебѣ пришлю.

4 Ноября.

Я живу въ деревнѣ какъ въ островѣ окруженной карантинами. Жду погоды чтобъ жениться и добраться до П. Б. — но я объ этомъ не смѣю еще и думать —

---

* 378. П. А. Осиповой.

[5-го ноября 1830 г. Болдино].

C'est dans la solitude de Boldino, Madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon Père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de B. Л. Je craignois beaucoup, je vous l'avoue, sa santée et ses nerfs si affaiblis. Il m'a ecrit plusieurs lettres où il paroit que la crainte de la Cholera en <a> remplacé la douleur. Cette maudite

Cholera! ne diroit-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du Sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une échelle de quarantaines et celà de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après demain et Dieu sait combien de [jours] mois je mettrois à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce que c'est que le mot *toujours* qui se trouve dans une frase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, Madame. Mais en tout cas ce mot ne peut être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille — Je suis faché si ma frase présentoit un sens inamicale — & je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la simpathie est bien vrai & bien délicat. Nous simpathisons avec les malheureux par une éspèce d'égoisme: Nous voyons, que dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Simpathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur...... c'est un grand *peut-être,* comme le disoit Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'Athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons & anciens amis que je suis un peu Sceptique.

Dès que je serois à P. bourg, vous recevrez, Madame, tout ce que j'ai imprimé — Mais ici je n'[en] ai pas les moyens de rien vous envoyer —

Je vous salue, Madame, de tout mon cœur vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement.

A. Pouchkine.

На обороте: Ея Высокородію М. Г. Прасковіѣ Александровнѣ Осиповой въ Опочку. *Почтовый штемпель:* Лукояновъ 1830 Ноя. 11.

---

* 379. Князю П. А. Вяземскому.

5-го ноября [1830 г. Болдино].

Отправляюсь, мой милый въ зачумленную Москву — получивъ извѣстіе что Невѣста ея не покидала. Что у ней за сердце? твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна какъ у Горацiева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ о холерѣ — — Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! да развѣ невидишь ты что мечутъ намъ чистый баламутъ; А мы еще понтируемъ! Ни одной карты налѣво, а мы все таки лѣземъ — Подѣломъ если останемся голы какъ бубны. — Здѣсь я кое что написалъ. Но досадно что неполучалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться, и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ — Въ полемикѣ, мы скажемъ съ тобою, и на-

шего тутъ капля меду есть—Радуюсь что ты принялся за Ф. Визина. Что ты ни скажешь о немъ, или къ-стати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истиннѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія, посмотри что за перестрѣлка подымится. Когда-то свидимся? заѣхалъ я въ глушь Нижнюю, да и самъ незнаю какъ выбраться? Точно еловая шишка въ <....> ; вошла хорошо, а выдти такъ и шершаво. Къ стати: о Лизѣ голинькой неимѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ то-же — Кто плотитъ за шампанское ты или я? Жаль если я. Кабы зналъ что заживусь здѣсь я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ и съ подогрѣвщами т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ — и читалъ бы въ Нижегородской глуши le Tems и le Globe. Каковъ Государь! Молодецъ! того и гляди что нашихъ катаржниковъ проститъ — дай Богъ ему здаровье! — Дай богъ вамъ всѣмъ здаровья, друзья — Покамѣсть желать лучшаго нѣчего. Здесь крестьяне величаютъ Господъ титломъ Ваше здаровье; титло завидное безъ коего всѣ прочія ничего незначатъ.

5 Ноября.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москву, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ. *Почтовые штемпеля:* Лукояновъ *и* 830, Нояб. 11. *Печать — гербовая на красном сургуче; письмо проколото в карантине.*

---

380. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

18-го ноября [1830 г.]. Болдино.

Болдино, 18-го ноября. — Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы — 14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. Владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную: — *Вы не по казенной надобности изволите ѣхать? — Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей. — Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ. — Давно ли? — Да ужъ около 3-хъ недѣль. — И эти свиньи, губернаторы, не даютъ этого знать? — Мы не виноваты-съ. — Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать — ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать*

1830 г. *мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, — сижу въ Болдинѣ, да кисну.* Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что *Арзамасъ* получаетъ почту изъ *Казани, Нижній* изъ *Лукоянова,* и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ, когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, *мой ангелъ;* будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

Почтовый штемпель: Арзамазъ 1830 Нояб. 20.

---

381. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

26-го ноября [1830 г. Болдино].

Судя по вашему письму, отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я, верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь и что *жители всѣ оставили городъ.* Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ *Нижній.* Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ *Лукояновѣ* (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что *входъ и вы-*

ходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получилъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ, comme de l'an quarante!) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся *не найти васъ тамъ,* и если бы меня туда впустили, я *былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда.* Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ, мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ *Нижній.* Переѣхавъ во Владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не зналъ; такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то-есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ. — 26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ полагаете, — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; *Лукояновъ* отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на-слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если-бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню. я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ *Нижній.* Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

---

* 382. А. Н. Верстовскому.

[Конецъ ноября 1830 г. Болдино].

Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина — Извѣстіе что Арзамасъ снова оцѣпленъ остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащекину чтобъ онъ

1830 г. непремѣнно былъ живъ, во первыхъ потому что онъ мнѣ долженъ; 2) потому что я надѣюсь быть ему долженъ. 3) что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живаго, т. е. умнаго и дружеского. И такъ пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту — и по приказанію Графа Закревскагó, не предается унынію (для сего нехудо ему поссориться съ Павловымъ яко съ лицомъ уныніе наводящимъ.)

Не можешь вообразить какъ неприятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что не возможно ими подтереться— anum разцарапаешь. —

* 383. М. П. Погодину.

[Конецъ ноября 1830 г. Болдино].

Я было опять къ Вамъ попытался: доѣхалъ до Севаслейки (перваго карантина) Но на заставѣ, смотритель увидѣвъ, что ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваши письма и Мареу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — я было, признаюсь, боялся чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло [при] потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ-же мнѣніи: Мареа имѣетъ Европейское, высокое достоинство — Я разберу ее какъ можно пространнѣе — Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе — Одна бѣда: слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете-ли? и эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе— (Разумѣется сообразно съ духомъ его) — И мнѣ ваша свобода, болѣе по сердцу чѣмъ чопорная наша правильность. — Скоро-ли выдетъ ваша Мареа? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ) потому что нѣкогда вамъ будетъ перемѣнять то что требуетъ перемѣны. До другого Изданія — Покамѣсть скажу Вамъ, что Антидрамматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: Разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ. Іоаннъ не сохраняетъ своего величія (не въ образѣ рѣчи, [1] но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и Новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за Пани брата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ с бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце Ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драмматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику — Вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — —— остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій понамарь

А. П.

[1] *Сначала было написано:* «(не в рѣчахъ)».

О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на Царя (и подѣломъ) а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную — Простите до свиданія. Поклонъ Языкову.

Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли Русскую дипло<ма>тику! А вѣче? а Посадникъ? а К. Шуйскій? а Князья Удѣльные? я вамъ говорю что это все достоинства — **Шекспировского.**

На обороте: Его высокоблагородію М. Г. Михайлу Петровичу Погодину въ Москвѣ, в университетѣ. *Почтовый штемпель:* Лукояновъ 1830 Дек. 2. *Запечатано гербовой печатью.*

---

* 384. Д. Языковъ — Пушкину и Пушкинъ — Н. Н. Гончаровой.

[1 — 2-го декабря 1830 г. Плотàва].

Monsieur!

Je m'empresse de vous envoyer un certificat, que j'ai obtenu pour votre depart. Je prend part a votre position ayent moi même des parents a Moscou, et je conssois le desire que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir put vous etre utile, en cette ocasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dit, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite

votre très humble serviteur

Dmitri Yasikoff.

Le 22-e Novembre
1830
Nigny.

Рукою Пушкина: Voici encore un document — vœuillez tourner la feuille.

Je suis arrêté à la quarantaine de Платава. On ne m'y laisse pas [passer] entrer, parceque je suis en *перекладной* ayant brisé ma voiture — Je vous supplie de faire savoir mon triste cas au Prince Дмитрій Galitzin — et de le prier d'employer son influence pour me faire entrer à Moscou. Je vous salue de tout mon cœur ainsi que Maman et toute la famille — Ces jours-ci je vous ai écrit une lettre, un peu dure — mais c'est — que je n'avois pas la tête à moi — pardonnez la moi car je m'en repends. Me voilà a 75 verstes de chez vous et Dieu sait si je vous verrez <sic> dans 75 jours.

P. S. Ou bien envoyez moi une voiture ou une caleche à la quarantaine à Платава en mon nom.

На обороте: Ея Высокоблагородію М. Г. Натальи Николаевнѣ Гончаровой. [Въ собственныя руки]. Самонужнѣйшее. Въ Москву. На Никитской въ собств. домѣ. *Запечатано печатью с буквою под дворянской короной.*

---

385. Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

2-го декабря [1830 г.]. Платава.

Безполезно высылать мнѣ коляску: меня не вѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней — послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платавскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Au moment où j'allais partir, au commencement d'Octobre — on me nomme inspecteur de district — charge que j'aurais acceptée absolument si en même tems je n'eue appris que le choléra était à Moscou. J'ai eu toutes les peines du monde en me débarasser. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ, мои несчастныя попытки убраться; потомъ извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ, ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ *Нижнемъ* ради этой *sacrée* княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Г. Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жесткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. *Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!*

Нижній больше не оцѣпленъ — карантины были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Si vous pouviez imaginer seulement le quart de désordres que ces quarantaines ont entrainé — vous ne conceviez pas comment on peut s'en débarasser. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и *m-r Serge*. — Платава. 2 декабря.

---

* 386. П. А. Плетневу.

9-го декабря [1830 г. Москва].

Милый! я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу озлобленную на меня, и на силу съ нею сладилъ — но слава богу — сладилъ. На силу прорвался я и сквозь карантины — два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался — Но слава богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ сколько можно болѣе — Здѣсь Ломбардъ закрытъ и я на мѣли. Что Годуновъ? Скажу тебѣ (за

тайну) что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: 2 *послѣднія* главы Онѣгина, 8-ую и 9-ую, совсѣмъ готовыя въ печать. Повѣсть писанную октавами (стиховъ 400) которую выдадимъ Anonyme. Нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ Трагедій, имянно: *Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы,* и *Д. Жуанъ.* Сверхъ того написалъ около 30 мѣлкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все: (Весьма секретное) *. Написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется — и которыя напечатаемъ также Anonyme — Подъ моимъ имянемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ Русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? охота ему было печатать конфектной билетецъ этаго несноснаго Лавинья — Но все-же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ Государемъ. Онъ можетъ доказать что никогда въ его Газетѣ небыло и тѣни, не только мятежности но и недоброжелательства къ правительству — Поговори съ нимъ объ этомъ — А то шпіоны-литераторы заѣдятъ его какъ Барана а не какъ Барона. Прости, душа, здаровъ будь — это главное. *1830 г.*

9 декабря.

На обороте: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ въ Екатерининск. Институтѣ. *Почтовый штемпель:* Москва 1830 Декаб. 11. *Рукою Плетнева*: Въ концѣ 1830. *Запечатано гербовою печатью Пушкина с графской короной.*

---

* 387. Е. М. Хитрово.

9-го декабря [1830 г. Москва].

En rentrant à Moscou, Madame, j'ai trouvé chez la P^{sse} Dolg. un paquet de votre part. C'étoit des gazettes de France & la tragedie de Dumas — tout étoit nouvelles pour moi, malheureux pestiferé de Нижній — Quelle année! quels évenements! La nouvelle de l'insurrection de Pologne m'a tout à fait bouleversé. Nos vieux ennemis seront donc exterminés & c'est ainsi que rien de ce qu'a fait Alexandre ne pourra subsister car rien n'est basé sur les veritables interêts de la Russie, et ne pose que sur des considérations de vanité personnelles, d'effet théatral &c … Connaissez vous le mot sanglant du Maréchal votre Père? A son entrée à Vilna, les Polonais vinrent se jetter à ses pieds. Встаньте, leur dit-il, помните что вы Русскія. — Nous ne pouvons que plaindre les Polonais — Nous sommes trop puissants pour les haïr, la guerre qui va s'ouvrir sera une guerre d'extermination — ou du moins devroit l'être. L'amour de la patrie tel qu'il peut exister dans une âme polonnaise a toujours été un sentiment funèbre. Voyez leur poëte

---

* Для тебя единаго.

 Mickevicz. — Tout celà m'attriste beaucoup. La Russie a besoin de repos. Je viens de la parcourir. La sublime visite de l'Empereur a ranimé Moscou, mais il n'a pu être à la fois dans tous les 16 gouvernements empestés. Le peuple est abattu et irrité. L'année 1830 est une triste année pour nous — Esperons — c'est toujours bien fait d'esperer.

9 decembre.

На обороте: Madame Hitrof à St Peters. *Запечатано гербовой печатью Пушкина под графской короной.*

---

* 388. Е. М. Хитрово.

11-го декабря [1830 г. Москва].

Mon père vient de m'envoyer une lettre que vous m'avez adressée à la campagne. Vous devez être aussi assurée de ma reconnaissance, que je le suis de l'interêt que vous daignez prendre à mon sort. Je ne vous en parlerai donc pas, Madame. Quant à la nouvelle de ma rupture, elle est fausse et n'est fondée que sur ma longue retraite et mon silence habituel avec mes amis — Ce qui m'interesse pour le moment, c'est ce qui se passe en Europe. Les elections de la France sont, dites-vous, dans un bon esprit. Qu'appelez vous un bon esprit? Je tremble qu'ils ne mettent en tout celà la pétulence de la victoire, et que Louis-Philippe ne soit par trop roi-soliveau. La nouvelle loi des élections mettra au banc des députés une génération jeune, violente, peu effrayée des excès de la révolution républicaine qu'elle n'a connu que par les mémoires et qu'elle n'a pas traversée — Je ne lis pas encore les journaux, car je n'ai pas encore eu le tems de me reconnaître. Quant aux journaux Russes je vous avoue que la suppression de la Gazette litteraire m'a fort étonné. Sans doute l'éditeur a eu tort d'inserrer le billet de Bonbon de C. la Vigne — mais ce journal est si inoffensif, si ennuyeux dans sa gravité qu'il n'est lu que des litterateurs et qu'il est tout à fait étranger même aux allusions de la politique. J'en suis faché pour Delvig, home tranquille, père de famille, tout à fait estimable et auquel cependant la sottise ou l'inadvertance d'un moment peuvent nuir auprès du gouvernement & celà dans un moment où il sollicitoit pour sa mère, veuve du Genéral Delvig, une pension de Sa Majesté.

Veuillez, Madame, me mettre aux pieds des Comtesses vos filles dont la bienveillance m'est plus que précieuse et souffrez que je reste aux votres.

11 dec.

---

389. П. В. Нащокину.

[Вторая половина декабря 1830 г. Москва].

Сей часъ ѣду Богу молиться и взялъ съ собою послѣднюю *сотню*. Узнай пожалуйста, где живетъ мой Татаринъ и коли можешь достань съ своей стороны тысячи двѣ.

---

* 390. Н. С. Алексѣеву.

26-го декабря [1830 г. Москва].

Мой милый, какъ несправедливы — — твои упреки моей забывчивости и лѣни! Изъ писемъ твоихъ вижу я, душа моя, что мои до тебя недоходятъ. Не знаю кого винить, не смѣю никого винить; но я писалъ къ тебѣ нѣсколько разъ (или, чтобъ не солгать) два раза — стихами и прозою, какъ бывало въ старину. Ты пишешь что ты постарѣлъ, мой вѣчно юный; желалъ бы посмотрѣть на твою лысину и морщины; вѣроятно и ты не узналъ бы меня: я обросъ бакенбардами, остригся подъ гребешокъ — остепенился обрюзгъ — но это еще ничего — я сговоренъ, душа моя, сговоренъ и женюсь! и непременно дамъ тебѣ знать что такое женатая жизнь. Пиши мнѣ, мой милый, О тѣхъ мѣстахъ гдѣ ты скучаешь, но которыя сдѣлались уже милы моему воображенію — О берегахъ Быка, о Кишеневѣ, о красавицахъ вѣроятно состарѣвшихся — о Еврейкѣ, которую такъ долго и такъ упорно таилъ ты отъ меня, своего чернаго друга — о Пулхеріи, о Стамо, о Худобашевѣ, объ Инзовѣ, объ Липранди, словомъ обо всѣхъ близкихъ моему воспоминанію, женщинъ и мужчинъ живыхъ и мертвыхъ — Пребываніе мое въ Бессарабіи доселѣ не оставило никакихъ слѣдовъ ни поэтическихъ ни прозаическихъ — Дай срокъ — надѣюсь что когда нибудь ты увидишь что ничто мною не забыто. Прости радость моя — Пиши-же мнѣ.

26 дек.

Приписка С. Д. Киселева (на второй половине листа): Писать мнѣ въ одномъ письмѣ съ Пушкинымъ конечно есть преступленіе, но за то ты легко можешь раздѣлить его на два листка. — Немало мнѣ стоило труда заставить его писать и то мнѣ кажеться онъ забылъ что пишетъ въ Бухарестъ а не въ Кишеневъ! —

Холера у насъ продолжаеться но уже гораздо слабѣя. Къ брату посылаю дневную вѣдомость, изъ коей можешь видеть общей итогъ; въ числѣ умершихъ двое Офросимовыхъ, а протчіе ни для тебя ни для меня неинтерестны.—

Пушкинъ жениться на Ганчеровой; между нами сказать, на безъдушной Красавицѣ и мнѣ сдаеться что онъ бы съ удовольствіемъ заключилъ отступной трактатъ!..

Пиши мнѣ любезный Алексѣевъ сколько можно чаще и больше, ты тѣмъ премного обяжешь

душою и сердцемъ преданнаго

друга Киселева.

На обороте рукою С. Д. Киселева: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Степановичу Алексѣеву. Въ Бухарестѣ.

---

* 391. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ декабря 1830 г. Москва].

Къ тебѣ собираюсь — Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у Невѣсты — Сѣв. Цв. еще не получилъ. Борисъ Г. здѣсь, но у меня его еще нѣтъ — Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

Дополнение к т. I.

* 180 а. О. С. Пушкиной.

[14-го — 15-го августа 1825 г. Михайловское].

Ma bonne amie, je vous crois arrivée. Mandez moi quand vous comtez partir pour Moscou et donnez moi votre adresse. Je suis bien triste de ce qui m'est arrivé, mais je l'avois prédit, ce qui est très consolant comme vous savez. Je ne me plains pas de ma mère au contraire je lui suis reconnaissant, elle a cru me faire du bien, elle s'y est pris chaudement, ce n'est pas sa faute si elle s'est trompée. Mais mes amis — ils ont fait expréssement ce que je les avois conjuré de ne pas faire. Quelle rage de me prendre pour un sot et de me pousser dans un malheur que j'avois prevu, que je leur avois indiqué? On aigrit S. M., on prolonge mon exil, on se moque de mon existence, & lorsqu'on est étonné de toutes ces bévues, on me fait ses compliments sur mes beaux vers et l'on va souper. Que voulez vous, je suis triste et découragé — l'idée d'aller à Pskoff me paroit souverainement ridicule; mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловское j'attends qu'on m'en signifie l'ordre. Tout cela est d'une legereté, d'une cruauté inconcevable — Encore un mot: ma santé demande un autre climat, on n'en a pas dit un mot à S. M. Est-ce sa faute s'il n'en sait rien? On me dit que le public est indigné; je le suis aussi, mais c'est de l'insouciance et de la frivolité de ceux qui se mèlent de mes affaires. O mon dieu, délivrez-moi de mes amis!

На обороте: A mademoiselle Olga Pouchkine.

Няня заочно у Васъ, Ольга Сергѣевна, ручки цалуетъ — голубушки моей.

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

Пушкин.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА №№ 193—391

1826—1830 г.

193. *В. А. Жуковскому* (стр. 3). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1870 г., ст. 1176 — 1177; подлинник (на бумаге без вод. зн.) — в Гос. Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского. *№ 193.*

— Пушкин узнал о событиях, сопровождавших период междуцарствия, вероятно, около 10 декабря, весть же о восстании 14 декабря дошла до него, надо полагать, около 20 числа. Вспоминая впоследствии о некоторых «таинственных приметах в жизни Пушкина», С. А. Соболевский рассказывал, — конечно со слов самого поэта или его близких: «Пушкину давно хотелось увидаться с его Петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру Рылеева, который вел жизнь не светскую, и от него запастись сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге — собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с Тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. — Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, — трогаются от подъезда. Глядь! в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину: он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне. «А вот каковы бы были последствия моей поездки», прибавлял Пушкин. «Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд и следовательно попал бы к Рылееву прямо на совещание (13 декабря). Меня приняли бы с восторгом; вероятно я забыл бы о Вейсгаупте [см. ниже, стр. 133], попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые». «Об этом же обстоятельстве», прибавляет Соболевский, «передает Мицкевич в своих лекциях о Славянской литературе и вероятно со слов Пушкина, с которым часто видался (Pisma Adama Mickiewicza, изд. 1860, IX, 293)» («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1386—1387). В известной статье «Прогулка в Тригорское» М. И. Семевский в свою очередь передает любопытный и живой рассказ одной из дочерей П. А. Осиповой о том, как у них в деревне было получено известие о декабрьском восстании: «Осень и зиму 1825 года мы мирно жили у себя в Тригорском. Пушкин, по обыкновению, бывал у нас почти каждый день, а если, бывало, заработается и засидится у себя дома, так и мы к нему с матушкой ездили... Вот однажды под вечер, зимой, сидели мы все в зале, чуть-ли не за чаем. Пушкин стоял у этой самой печки. Вдруг матушке докладывают, что приехал Арсений.... повар. Обыкновенно, каждую зиму посылали мы его с яблоками в Петербург: там эти яблоки и разную деревенскую провизию Арсений продавал и на вырученные деньги покупал

№ 193. сахар, чай, вино и т. под. нужные для деревни запасы. На этот раз он явился назад совершенно неожиданно: яблоки продал и деньги привез, ничего на них не купив. Оказалось, что он, в переполохе, приехал даже на почтовых. Что за оказия! Стали расспрашивать,—Арсений рассказал, что в Петербурге бунт, что он страшно перепугался,—всюду разъезды и караулы,—насилу выбрался за заставу, нанял почтовых и поспешил в деревню. Пушкин, услыша рассказ Арсения, страшно побледнел. В этот вечер он был очень скучен, говорил кое-что о существовании тайного общества, но что именно, не помню. На другой день—слышим, Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но, доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился-было в Петербург, но на пути заяц три раза перебегал ему дорогу, а при самом выезде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием, Пушкин отложил свою поездку в Петербург, а между тем подоспело известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда... Брат Пушкина, Лев, как рассказывал потом отец его, в день ареста Рылеева поехал к нему; отец случайно узнал об этом, стал усердно молиться, страшась, чтоб сын его также не был бы взят. И что-ж? Льва Пушкина понесли лошади, он очутился на Смоленском и когда добрался к Рылееву, тот был уже арестован и квартира его запечатана» («Прогулка в Тригорское» — «С.-Петерб. Ведомости» 1866 г., № 157; ср. Анненков, «Пушкин в Алекс. эпоху», стр. 310—311; о Льве Пушкине в день 14 декабря см. в заметке Н. О. Лернера по поводу рисунка Пушкина, изображающего Кюхельбекера и Рылеева (или Пущина?) в день восстания,—в «Былом» 1924 г., № 25, стр. 3—8, а также в показании Кюхельбекера в издании Центрархива: «Восстание декабристов», т. II, 1926, стр. 173—180).—В. И. Даль передает подобный же рассказ, с приурочением его ко времени несколько более раннему,—ко дням, предшествовавшим 14-му декабря, но также с указанием на дурные приметы и на зайца, заставившего Пушкина вернуться (Л. Майков, «Пушкин», стр. 420—421); свидетельство Соболевского приводит с полною верою и М. П. Погодин в своей книге «Простая речь», изд. 2, 1874 г., отд. II, стр. 24—25; князь П. А. Вяземский также слыхал об этом происшествии от самого Пушкина (К. Я. Грот, «Пушкинский Лицей», С.-Пб. 1911 г., стр. 107); ср. «Стар. и Нов.» кн. XIX, стр. 6—7; см. еще у В. Вересаева, «Пушкин в жизни», вып. II, стр. 36—37. Для братьев Пушкиных дело обошлось благополучно и они арестованы и привлечены к делу не были; однако, старший из них, поэт, был долго не уверен в том, что́ его ожидает; поэтому-то он и счел за лучшее в это именно время уничтожить свои записки (см. выше, в письмах № 105, 106, 122, 135, 177, 178 и ниже, № 211), о чем впоследствии очень жалел: в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» он писал (1830 г.): «В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства». О Записках Пушкина см. у Анненкова: «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 308—310.

— Отвечая, три месяца спустя, на слова Пушкина о его непринадлежности к заговору, Жуковский писал ему: «Ты ни в чем не замешан—это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею благоприобретенною славою: ибо умею уважать поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностию России. Но я ненавижу всё, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (тоесть всё зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый—это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нрав-

ственное.— Извини эти строки из катихизиса. Я люблю и тебя и твою Музу и желаю, чтобы Россия вас любила» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 340). Жуковский был прав, говоря о духовной близости Пушкина и декабристов: подробный просмотр их показаний, сделанный П. Е. Щеголевым, доказал, что имя Пушкина фигурировало, в совершенно определенном освещении «либерального» писателя, в ответах многих и многих членов Тайного Общества, данных ими Следственной Комиссии на вопрос о том: «с которого времени и откуда заимствовали они свободный образ мыслей, то-есть, от общества ли, или от внушения других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно» и кто вообще «способствовал укоренению в них сих мыслей» (П. Е. Щеголев, «Пушкин», С.-Пб. 1912, стр. 230). «Таким образом у членов Следственной над декабристами Комиссии уже под влиянием одних этих ответов должно было сложиться определенное впечатление о Пушкине, как об опасном и вредном для общества вольнодумце, рассевавшем яд свободомыслия в обольстительной поэтической форме. С такою же определенною репутацией человека политически неблагонадежного и зловредного должен был войти поэт и в сознание одного из деятельнейших членов упомянутой Комиссии — генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа; такое же представление сложилось о нем и у Николая I,— как известно, ближайшим и внимательнейшим образом наблюдавшего за ходом следствия и за показаниями привлеченных к нему и входившего во все подробности дела» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925, стр. 3—4; ср. заметку В. Ѳ. Саводника: «Политический донос на Пушкина» — «Русск. Арх.» 1904 г., кн. II, стр. 135—140.) «Произведения Пушкина сыграли немалую роль в развитии оппозиционного настроения декабристов», говорит В. И. Семевский: «но, в свою очередь, некоторые из членов Тайного Общества имели серьезное влияние на его политическое и общественное миросозерцание: в Царском Селе и Петербурге П. Я. Чаадаев, И. И. Пущин и Н. И. Тургенев, в Кишиневе — В. Ѳ. Раевский, переписка с А. А. Бестужевым и Рылеевым, которых он знал лично, также имела значение в жизни Пушкина. Пестель произвел на нашего поэта сильное впечатление. Кроме названных лиц, Пушкин был дружен или лично знаком с следующими членами Тайного Общества: В. К. Кюхельбекером, кн. С.П. Трубецким, Н. М. Муравьевым, Ил. Долгоруковым, Луниным, Якушкиным, М. Ѳ. Орловым, В. Л. Давыдовым, кн. Волконским, Я. Н. Толстым, А. И. Якубовичем, Ѳ. Н. Глинкою, Охотниковым, И. П. Липранди и П. С. Пущиным, с лицейским товарищем Вольховским, П. Х. Граббе и вероятно Корниловичем» («Политические и общественные идеи декабристов», С.-Пб. 1909, стр. 230 — 231). Уже незадолго до решения участи декабристов и казни пятерых из них тайный агент III Отделения И. Локатели доносил (в июне 1826 г.), что в обществе «все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», Лгр. 1925, стр. 19).— Вопрос о Пушкине и декабрьском движении и декабристах еще не разработан окончательно; из прежних статей на эту тему см.: А. Н. Пыпин, Характеристика литературных мнений; В. А. Мякотин, Из истории русского общества, С.-Пб. 1906, изд. 2, стр. 235 — 256, — об отношениях Пушкина к некоторым декабристам; А. Л. Слонимский, Пушкин и декабрьское движение — Соч., ред. Венгерова, т. II, стр. 503 — 528; см. также «Пушк. и его соврем.», вып. XIII и XIV — статьи П. О. Морозова и Д. Н. Соколова о «шифрованном» стихотворении Пушкина, в котором он говорит о декабрьском движении; Б. М. Эйхенбаум: «Пушкин-поэт и бунт 1825 г.» — «Вестн. Знания» 1907 г., № 1. С. М. Волконский («О декабристах», Пгр. 1922, стр. 43 — 46) правильно говорит, что в отношениях, сближавших Пушкина с декабристами, есть некоторая недоговоренность, своего рода драматическое молчание с обеих сторон: с одной стороны — поручение, данное членами Тайного Общества Сергею Григорьевичу Волконскому завербовать Пушкина в члены Общества, такие стихи Пушкина, как «Арион», в котором поэт прямо заявляет о своей близости к декабристам, — послания Пущину («Мой первый друг, мой друг № 193.

№ 193. бесценный» и «В Сибирь» («Во глубине Сибирских руд»), а с другой — отзыв о Пушкине декабристов И. И. Горбачевского (см. Записки и Письма, под ред. Б. Е. Сыроечковского, М. 1925, стр. 359, 360), И. Д. Якушкина и М. А. Бестужева, полупризнание Пущина Пушкину и т. под. См. еще статью Д. Д. Благого: Миф Пушкина о декабристах — «Печать и Революция» 1926, кн. IV, стр. 5 — 23 и кн. V, стр. 15 — 33. Новая литература по этому вопросу указана в книжке Н. М. Чепцова: «Юбилейная литература о декабристах». Редакция Н. К. Пиксанова, М. 1927, изд-во Коммунистич. Академии, № 22, 35, 212 л, 226 п, 305 — 319а.

— Оба Раевские — т.-е. Александр Николаевич и Николай Николаевич, друзья Пушкина, арестованные — первый 29, а второй 27 декабря на Юге и привезенные в Петербург, — с 4 января 1826 г. находились под арестом в Главном Штабе, но уже 17 января, вследствие доклада Следственной Комиссии, были освобождены с очистительными аттестатами, как непричастные к Тайному Обществу, при чем Александр Раевский 21 января пожалован был в звание камергера и затем назначен чиновником особых поручений к Новороссийскому генерал-губернатору гр. М. С. Воронцову; см. «Архив Раевских», под редакцией Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 264 — 272; «Алфавит декабристов», под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 160, 383 и 384 — 385.

— О майоре В. Ф. Раевском, «первом декабристе», см. в т. I, письмо № 29 и объяснения к нему там же, стр. 235, а также материалы, опубликованные Ю. Г. Оксманом в журн. «Красный Архив» 1925 г., кн. VI, стр. 297 — 314, и в сб. «Атеней, кн. III, стр. 5 — 7 и 26 — 28.

— Генерал Пущин — Павел Сергеевич; сын Псковского помещика, Псковского губернского прокурора, Управляющего Театральной Дирекцией (1799 — 1800) и обер-прокурора Межевого Департамента Сената д. с.с. Сергея Ивановича Пущина, женатого на Авдотье Ивановне Козляниновой, он воспитывался в Пажеском Корпусе (Ф. фон-Фрейман, «Пажи за 185 лет», С.-Пб. 1897, стр. 863), из которого выпущен был в ноябре 1802 г. прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк; с ним он участвовал в кампаниях 1805 и 1812 гг. и в сражениях при Аустерлице и Бородине, в 1813 г. произведен был в полковники, в 1816 году назначен командиром Охотского пехотного полка (в дивизии М. Ф. Орлова), а затем, произведенный в генерал-майоры (1 мая 1818 г.). — бригадным командиром в 16 дивизии того же М. Ф. Орлова, с которым был в приятельских отношениях. Военное начальство его ценило («малый редкий, умный, честный, усердный, словом прекраснейший», «офицер деятельный и полезный службе», «исполнительный и усердный» — «Сборн. Имп. Русского Истор. Общ.», т. 73 и 78; сдержанный отзыв П. Д. Киселева см. в «Русск. Стар.» 1890 г., № 1, стр. 122). Кишиневский приятель Пушкина, В. П. Горчаков, с своей стороны свидетельствует, что «обязательное обращение Павла Сергеевича Пущина, его образованный ум и постоянная любезность в коротком обществе невольно сближали с ним многих», и что «Пушкин, как знакомый, нередко навещал Павла Сергеевича» («Москвитянин» 1850 г., № 7, Отд. I, стр. 196 — 197), хотя, по свидетельству И. П. Липранди, «неоднократно подсмеивался над ним» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1258); Вигель дает о Пущине двусмысленный отзыв, утверждая, что он «не имел никакого мнения, а приставал всегда к господствующему», что он был обыкновенною посредственностью: «никогда, бывало, ничего умного не услышишь от него, никогда ничего глупого он не скажет. Он был в числе тех людей, которых иногда называют, но о коих никогда не говорят» (Записки, ч. VI, стр. 115, ч. VII, стр. 183). По показанию декабристов Н. И. Комарова и князя С. П. Трубецкого, Пущин состоял членом Союза Благоденствия, но отошел от него и участия в Тайном Обществе не принимал, так что и к следствию не привлекался, хотя и попал в «Алфавит декабристов» (см. «Алфавит» под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, 1925, стр. 158 и 382; В. И. Семевский, «Политические и общественные идеи декабристов», С.-Пб. 1909, стр. 313 — 321). В июне 1821 г., при образовании в Кишиневе масонской ложи «Овидия», Пущин был избран управляющим ложею (vénérable) (см.

Н. К. Кульман, К истории масонства в России — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1907 г., кн. 10 (и отд. отт.) и П. Е. Щеголев, К истории Пушкинской масонской ложи — «Голос Минувшего» 1908 г., кн. 5 — 6, стр. 517—520; ср. «Русск. Стар.» 1907 г. № 3, стр. 642), в которую вступил и Пушкин (принятый в масоны 4 мая), и майор В. Ф. Раевский. К этому, приблизительно, времени относится стихотворное полу-шутливое «послание» Пушкина к Пущину, в котором поэт иронически называет Пущина именем известного тогда испанского генерала и революционера Квироги: № 193.

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога:
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квирога!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный Брат!
О Каменщик почтенный!
О Кишенев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

«В масонской ложе, где Пущин был «мастером», говорит Н. О. Морозов: «вероятно бывали иногда разговоры о возможности в России вооруженного восстания и революции в роде Испанской и Греческой» (Соч., изд. Акад. Наук, т. III, стр. 53). Агентурные донесения о Кишиневе и ложе «Овидия» были причиною того, что ложу эту в конце того же года было предписано закрыть, Пущин, в связи с этим, 30 марта 1822 г. был отставлен от службы, а вскоре, 1 августа 1822 г., последовал указ о закрытии всех лож в России и запрещение учреждать их впредь. Пушкин, однако, заблуждался, думая, что указ 1822 г. был вызван деятельностию именно Кишиневской ложи: тут не было причинной связи, а лишь некоторая зависимость этих событий в общем политическом положении вещей. К тому же, по словам С. А. Соболевского, пребывание Пушкина в масонстве было весьма непродолжительно и по другой причине: веря предсказанию гадалки Кирхгоф о том, что ему следует бояться белой лошади, белой головы или белого человека, Пушкин сознательно отстранился от масонства и не вступал ни в какое другое тайное общество: «Это всё-таки вследствие предсказания о белой голове», — говорил он Соболевскому: «Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weiskopf, Weishaupt — одно и то же» («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1386). — Затем П. С. Пущин, переехав, после отставки, в Одессу, где генерал-губернатором тогда был граф А. Ф. Ланжерон (также масон, — см. «Русск. Стар.» 1907 г., № 3, стр. 660), женатый на сестре его жены (рожд. Брюммер, по первому браку Аркудинской — см. «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 19), хотел уехать за-границу, но не получил на то разрешения и после смерти отца, вступив, 4 мая 1824 г., в наследство, поселился в родовом Опочецком имении — селе Жадрицах, по соседству с Пушкиным. В бытность в Кишиневе, по словам И. П. Липранди, Пушкин, как мы указывали выше, «неоднократно подсмеивался над Пущиным» (что видно и из послания к нему, приведенного выше), — и это, быть может, послужило поводом к несколько неприязненному, во всяком случае неблагосклонному отношению его к поэту. Когда судьба сделала их соседями по Опочецкому уезду, Пущин, не скрывая, давал о Пушкине неодобрительные отзывы, которые, дойдя до высшей государственной полиции, послужили поводом к посылке, в июле 1826 г., в Опочецкий уезд, для собрания сведений о Пушкине, специального агента — А. К. Бошняка; он посетил Пущина в его селе Жадрицах и выведывал у него о поведении поэта, но ничего определенно-предосудительного от Пущина не узнал (см.

№ 193. подробнее в статье А. А. Шилова: К биографии Пушкина — «Былое» 1918 г., № 2, стр. 67 — 77 и у Б. Л. Модзалевского: «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925). Впоследствии Пушкин, по просьбе П. А. Осиповой, письменно обращался к Пущину по поводу ее тяжбы с ним, в начале 1830-х г.г. (см. «Былое» 1906 г., № 12, стр. 235, зам. Н. О. Лернера), но письмо это до нас не сохранилось. Дневник Пущина, веденный им в 1812 году, во время похода, когда он был капитаном л.-гв. Семеновского полка, напечатан в сборнике: «Отечественная война 1812 года». Собрал С. П. Аглаимов. Исторические материалы Лейб-Гвардии Семеновского полка, Полтава, s. a., стр. 1 — 85; там же помещен и его портрет. Пущин умер в Одессе в 1865 году («Алфавит», стр. 382). Рассказами Пущина о Пушкине из времен Кишиневской жизни поэта пользовался К. П. Зеленецкий для своей статьи «Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишеневе и Одессе и примечания к описанию Одессы, помещенному в «Евгении Онегине» («Москвитянин» 1854 г., № 9, отд. V, стр. 1 — 16).

— «Безверие» Пушкина обнаружено было в перехваченном на почте письме его от первой половины марта 1824 г. (см. выше, т. I, № 77, 108 и ниже, № 195, 196, 201, 206), которое и послужило одним из поводов к ссылке Пушкина в деревню.

— Кар... — Карамзин.

— «Жуковский не писал стихов на смерть Государя», — сообщал Пушкину Плетнев в феврале 1826 г.: «а для выпуска в Институте, которые однакож посвящены воспоминанию об императоре покойном» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 325). Эти стихи — «Хор девиц Екатерининского Института на последнем экзамене по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня»: в них, после упоминания об императрице Марии Федоровне, Жуковский писал об Александре I:

Был у нас другой хранитель,
Честь земли, земли краса,—
Он уж взят на небеса,
Небеса его обитель.
И напрасно мы хотим
Возвратить его мольбами:
Он невидимо над нами,
Но для нас невозвратим.

*

Ах, из той небесной сени,
Где таишься ты от нас,
Преклонись на детский глас,
Удалившийся наш гений!
Утешением слети
К сердцу матери томимой,
Будь сопутник ей незримый,
Снова мир ей возврати.

— Под «подсвистыванием» своим Александру I Пушкин разумеет, конечно, прежде всего, — свой известный «Noël» 1818 г. («Ура! в Россию скачет Кочующий деспот»...), а затем эпиграммы, из коих, однако, с достоверностью может быть приписана Пушкину только одна — 1824 года: «Воспитанный под барабаном...»; что касается других, то они только предположительно приписываются Пушкину:

Хотел издать — Ликурговы законы —
И что же издал он? Лишь кант на панталоны;

или:

Сказал деспот: «мои сыны,
Законы будут вам даны;
Я возвращу вам дни златые
Благословенной старины!» —
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны

и другие (См. у П. А. Ефремова, «Мнимый Пушкин в стихах и изображениях», С.-ПБ. 1903; стр. 31—33, и Н. О. Лернер, Из псевдо-Пушкинианы— «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 56—59). № 194.

Пушкину же приписывается эпиграмма на смерть Александра:

Всю жизнь провел в дороге —
И умер в Таганроге.

Наконец, в уничтоженной главе «Евгения Онегина» он выразился об Александре:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой...

(Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 212.) Проф. Б. В. Варнеке недавно высказал мысль, что в «Борисе Годунове» чувствуются некоторые отражения взгляда Пушкина на Александра I («Источники и замысел «Бориса Годунова» — в сборнике: «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева, Одесса. 1925, стр. 17—19). С юных лет Пушкин привык смотреть на Александра I без особливого благоговения, ибо жизнь в Царском-Селе, бок-о-бок с царским семейством, часто ставила его в непосредственную близость к нему (ср. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 24). Так, по свидетельству однокашника Пушкина, барона М. А. Корфа, «в бытность нашу в Царскосельском Лицее (1811—1817), мы, дети, знали все частные дома в Царском-Селе, которые посещал Александр, и, с тем вместе, все тамошние сердечные его связи, которые, если и не выходили из границ внешнего приличия, то не могли, однако-же, оставаться тайною для общества» («Русск. Стар.» 1903 г., № 1, стр. 32). Полу-презрительное, неблагожелательное отношение к Александру, как человеку, сохранилось в Пушкине навсегда. Так, один из агентов тайной полиции, поэт и драматург С. И. Висковатов, псковичь родом, в феврале 1826 г. доносил своему шефу следующее: «Прибывшие на сих днях из Псковской губернии достойные вероятия особы удостоверяют, что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин, по высочайшему в бозе почившего императора Александра Павловича повелению определенный к надзору местного начальства в имении матери его, состоящем Псковской губернии в Опочецком уезде, и ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича, он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: «Наконец не стало Тирана, да и оставший род его недолго в живых останется!!» Мысли и дух Пушкина бессмертны; его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, навсегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», Лгр. 1925, стр. 14—15; см. еще статью Н. Н. Фирсова в Сочинениях Пушкина, ред. Венгерова, т. VI, стр. 245—246).

— Не дождавшись ответа Жуковского на это письмо свое, Пушкин просил Плетнева узнать у него о своем освобождении (см. ниже, письмо № 195), а затем и сам писал Жуковскому в строго официальном тоне, 7 марта (см. ниже, № 197); отзыва дождался он лишь от 12 апреля.

194. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 4). Впервые напечатано в «Полярной Звезде на 1861 г.», Лонд. 1861, стр. 96, затем — у Анненкова, «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 312, и в «Вестн. Европы» 1881 г., № 1, стр. 11—12; подлинник (на бумаге без водяных знаков) в Рукоп. Отделении Библиотеки Академии Наук.

— Об Александре Николаевиче Раевском и об его отношении к делу 14 декабря см. выше, в объяснениях к предыдущему письму № 193, а также «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л. 1925. — По словам Ф. Ф. Вигеля, Раевский «на друзей конституции, в том числе на зятя своего Орлова, смотрел с величайшим прене-

№ 195. бережением». «Пожалуй», говорит Н. О. Лернер: «Вигель не слишком преувеличивает; это видно из рассказа кн. С. Г. Волконского (Записки, 1902, стр. 410), что Раевский, «человек хитрый и осторожный, поставил Орлову условием женитьбы на его сестре выход из тайного общества. О том же говорит и уверенность Пушкина в его непричастности к делу. На допросе Николай Павлович сказал Раевскому: «Я знаю, что вы не принадлежите к тайному обществу, но, имея родных и знакомых там, вы всё знали и не уведомили правительство. Где же ваша присяга?» Раевский смело и гордо ответил: «Государь! Честь дороже присяги: нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может существовать еще». Только глубокое убеждение, что следствию придраться не к чему, могло придать Раевскому такую смелость. Николай предложил ему вернуться на службу, — Раевский отказался, но так как царю хотелось показать обществу, что, карая преступников, царская рука изливает щедроты на невинных, он велел выдать Раевскому очистительный аттестат, пожаловал камергерский ключ и опубликовал рескрипт на имя отца, где было сказано: Я первый душевно радуюсь, что дети столь достойного отца совершенно оправдались» (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 530). Пушкин вскоре сам прочел этот рескрипт в № 27 «Русского Инвалида» от 2 февраля 1826 г. (стр. 109) и узнал, что указом от 26 января 1826 г. генерал Раевский был назначен Членом Государственного Совета (см. «Архив Раевских», т. I, стр. 272). Отвечая на тревожный вопрос Пушкина, Дельвиг писал ему в начале февраля: «Милый мой Пушкин, до тебя дошли ложные слухи о Раевском. Правда, они оба в Петербурге, но на совершенной свободе. Государь говорил с ними, уверился в их невинности и, говорят, пожал им руку и поцеловал их. Отец их сделан Членом Совета» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 323).

195. *П. А. Плетневу* (стр. 4). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1870 г., ст. 1366—1367; подлинник (на бумаге без вод. зн.) — в Гос. Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского; запечатан перстнем-талисманом на черном сургуче.

— Стих. Ал. П. — вышедшее в Петербурге, 30 декабря 1825 г. (но с пометою на титуле 1826 года), издание «Стихотворений Александра Пушкина»; книжка набиралась по рукописи, в сентябре 1825 г. сданной в цензуру и ею разрешенной, а затем пересланной Пушкину на новый просмотр, при чем поэт ряд стихотворений исключил совсем (см. ниже), два прибавил и сделал незначительную перестановку. Книжка была отпечатана в Типографии Департамента Народного Просвещения и заключала в себе XII страниц, занятых оглавлением и заявлением от издателей, и 192 страницы текста 99 стихотворений, расположенных по жанрам (17 элегий, 24 «разных стихотворения», 21 эпиграмму и надпись, 12 подражаний древним, 16 посланий и 9 подражаний Корану), и примечаний к ним; новых произведений, т.-е. впервые появлявшихся в печати, было 47,— т.-е. почти половина. Цена книги была назначена 10 рублей и напечатана она была в количестве 1200 экземпляров. — В «Северной Пчеле» от 7 января 1826 г. (№ 3, стр. 1, в отделе «Новые Книги») было помещено полное оглавление издания и затем прибавлено: «Ограничиваясь на первый случай объявлением о выходе в свет сей книги, мы надеемся вскоре поговорить подробнее в Сыне Отечества о достоинстве сих стихотворений в отношении к изобретению, Поэзии и слогу. Нам кажется, чем большее внимание обращает на себя сочинение, тем более обязаны Литераторы излагать публично свои мнения, для очищения вкуса, указания образцов, которым должно следовать, и недостатков, которых должно избегать. В таком случае простительнее ошибаться, нежели молчать или говорить противу своей совести». — Все заботы об издании «Стихотворений» легли на Плетнева, который, в подробном письме от 26 сентября 1825 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 293—298) представил Пушкину точное оглавление сборника, утвержденное Жуковским; из этого оглавления видно, что Плетнев и Жуковский предлагали включить в него 20 элегий, 27 «разных стихотворений», 22 эпиграммы и надписи, 11 подражаний древним, 17 по-

сланий и 9 подражаний Корану, — всего, следовательно, 106 пиес; но Пушкин из первого отдела вычеркнул 3 пиесы, из второго — 4, но одну прибавил, из третьего вычеркнул 2 и прибавил одну, к четвертому прибавил одну, из пятого выбросил одну, а шестой оставил без перемен. — На обложке книги был напечатан эпиграф из Проперция: (II 10, 7) «Aetas prima canat Veneres, extrema tumultus» (т.-е. «В раннем возрасте воспевается любовь, а в позднейшем — смятения»; первую, немного измененную половину этого стиха Пушкин впоследствии привел в наброске одной из начальных строк Восьмой главы «Евгения Онегина»). Книжка вышла в разгар розысков по делу 14 декабря, а потому, когда Плетнев «принес эту книжку Карамзину (тогда уже больному), тот, взглянув на заглавный листок, воскликнул: «Что вы это сделали! Зачем губит себя молодой человек!» — «Автор разумеет под словам tumultus — смятения душевные», — отвечал Плетнев» («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1366, примеч.). История этого издания изложена в статье М. К. Клемана в «Пушкинском Сборнике памяти проф. С. А. Венгерова», Лгр. 1923, стр. 4 — 11; ср. еще у Б. В. Томашевского в его книге: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Лгр. 1925, стр. 6 — 10 и 110. № 196.

— На молчание друзей Пушкин жаловался и в середине февраля (см. следующее письмо, № 196).

— «Две строчки не-религиозные» находились в письме Пушкина от первой половины марта 1824 г. (см. выше, в т. I, № 77; ср. еще в письмах № 108, 193, 196, 201, 206).

— «Молодой наш Царь» — Николай I.

— Плетнев отвечал Пушкину на это его письмо 6 февраля, оправдываясь, между прочим, в некоторых неисправностях издания «Стихотворений», прося прислать «Годунова», уговаривая поскорее издавать «Онегина» и сообщая о болезни Карамзина и Гнедича.

— Томительное состояние духа Пушкина объясняется сложностью тогдашних его переживаний, близких к тому, что испытывал и его друг, князь Вяземский, который в своей «Исповеди» (1828) так передает свое настроение в период времени после 14 декабря: «Сей день, бедственный для России, и эпоха, кроваво им ознаменованная, были страшным судом для дел, мнений и помышлений настоящих и давнопрошедших. Мое имя не вписалось в его роковые скрижали. Сколь ни прискорбно мне было, как русскому и человеку, торжество невинности моей, купленное ценою бедствия многих сограждан и в числе их некоторых моих приятелей, павших жертвами сей Эпохи, но, по крайней мере, я мог, когда отвращал внимание от участи ближних, поздравить себя с личным очищением своим, совершенным самими событиями. Мне казалось, что я, в глазах Правительства отъявленный крамольник, бывший в приятельской связи с некоторыми из обвиненных и оказавшийся совершенно чуждый соумышления с ними, выиграл решительно мою тяжбу. Скажу без унижения и без гордости: имя мое, характер мой, способности мои могли придать некоторую цену моему завербованию в ряды недовольных, и отсутствие мое между ними не могло быть делом случайным или от меня независимым. Но, по странному противоречию, предубеждение против меня не ослабло и при очевидности истины: мне известно следующее заключение обо мне: отсутствие имени его в этом деле доказывает только, что он был умнее и осторожнее других...» (Соч., т. II, стр. 96 — 97). Так же думали, вероятно, и о Пушкине, имя которого было замешано в деле лишь косвенным образом (См. П. Е. Щеголев, «Пушкин. Очерки», С.-Пб. 1912, стр. 230 — 236).

196. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 5). Впервые напечатано в «Полярной Звезде на 1861», Лонд. 1861, стр. 96 — 97, затем — у Анненкова: «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 313 — 314, и в «Вестн. Европы» 1881 г., № 1, стр. 10 — 11; подлинник (на бумаге без вод. зн.) в Рукоп. Отделении Библиотеки Академии Наук.

— Письмо Дельвига, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

№ 197. — Рисуя тревожное настроение, в котором должен был в это время находиться Пушкин, Анненков пишет: «Круг арестов всё более и более расширялся, захватывая большинство его [Пушкина] знакомых. Каждый день приносил известия, часто самые неожиданные, об арестовании лиц, всего менее подозревавшихся кем-либо в дерзких замыслах против государства. Мало-по-малу вокруг Пушкина начинало образовываться нечто похожее на пустоту, которая является в среде товарищей после жаркого дела. Несколько разрозненных и чудом уцелевших личностей поглощено было теперь мыслию о спасении самих себя в общем крушении их дружины. То же приходилось теперь делать и Пушкину. С каждым днем становилось всё яснее, что единственный способ выдти на свободу, которой Пушкин так страстно домогался, состоял в том, чтоб обратиться за нею к новому правительству, не имевшему таких поводов сердиться и преследовать его, как прежнее. Пушкин не был виновен перед ним ни в каком посягательстве на его права, ни в каком сопротивлении его намерениям и ждал только, чтобы благоприятное политическое состояние страны, обрисовавшись вполне, позволило новой власти снисходительнее смотреть на ошибки и проступки прошлого времени. В начале 1826 г. Пушкин уже пишет Дельвигу следующее любопытное письмо, видимо составленное и начисто перебеленное так, чтобы можно было его показать и постороннему лицу, которое приняло бы к сердцу его содержание» («Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 313). Далее Анненков приводит самое письмо поэта к Дельвигу, № 196.

— О перехваченном письме Пушкина, послужившем поводом к его ссылке, см. в письмах № 77, 108, 193, 195, 201, 206.

— Alfieri (см. в т. I, стр. 479) в своем сочинении «О правителе и о литературе» в нескольких местах выражает мысль, приведенную Пушкиным; поэт был знаком с названным сочинением по французскому его переводу: «Du prince et des lettres». Traduit d'Alfieri, par M,*** A Paris. 1818, сохранившемуся до нас в составе его библиотеки в разрезанном, следовательно читанном экземпляре (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 138, № 532). Так, напр., на странице 17-й Альфиери пишет: «Как бы пламенны и восторженны ни могли быть писатели, их редко можно бояться самих по себе, потому ли, что жизнь их вялая и домоседская, делает их мало способными к исполнению или к попыткам серьезных действий, — потому ли, что пламень негодования, ими испытываемый в минуту размышления, испаряется, коль скоро они выскажут свои идеи». В другом месте читаем: «Ни Юний Брут, ни Пелопид, ни Вильгельм Телль, ни Вильгельм Нассауский, ни Вашингтон, ни кто-либо другой из великих мужей, замысливших или осуществивших великие перевороты, не были учеными по профессии» (стр. 19) и т. д. Из писателей то или иное участие в деле 14 декабря приняли: Рылеев, Бестужевы, Кюхельбекер, А. Одоевский, Жандр, Корнилович, Муханов и несколько других, оставшихся в стороне от следствия.

— О французских трагиках и о Шекспире рассуждения Пушкина см. выше, в т. I, в письме к Н. Н. Раевскому (№ 162) и в объяснениях к нему стр. 478 — 480.

— О займе Дельвигом 2.000 р. у Плетнева из денег Пушкина последний узнал из письма к нему Плетнева от 21 января 1826 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 320).

197. *П. А. Катенину* (стр. 5). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 61; подлинник до нас не сохранился.

Письмо это служит ответом на письмо Катенина к Пушкину от 3 февраля 1826 г., в котором он писал: «Извини, любезнейший Александр Сергеевич, что я так давно тебе не отвечал: в нынешнее смутное время грустна даже беседа с приятелем. Жандр [1] сначала попался в беду, но его вскоре выпустили; о других общих наших знакомых отложим разговор до свидания: и почему бы ему не быть вскоре? Стихотворения твои

[1] См. о нем выше, в т. I, стр. 504 — 505.

я читал, большая часть мне давно известна; но скажи пожалуй, к какому К — ну ты пишешь нечто о Колосовой? Многие думают, что ко мне; но я первый раз прочел эти стихи в печатной книге. Ты часто изволишь ставить начальные буквы таинственно: в Невском Альманахе (издатель должен быть слишком добрый человек) после Полевого et compagnie стоит какой-то К... дальный ваш (чей?) родня; моя совесть чиста, ибо по сию пору я ни в Невском, ни в другом альманахе ничего не печатал; но злые люди!.. Однако чорт с ними; я хочу поговорить с тобою о человеке очень хорошем, умном, образованном и мне коротко знакомом; назвать до времени не могу. Он намерен в начале будущего года выдать также альманах, разумеется не такой, как нынешние. Я для него решаюсь нарушить мой зарок и написать что-нибудь порядочное; время есть; сверх того я вызвался выпросить стихов у тебя, и надеюсь, что ты не введешь меня в лгуны; более: я прошу у тебя таких стихов, которыми бы ты сам был доволен, вещи дельной. Будь умница и не откажи. Готовое теперь ты вероятно еще прежде издашь; но это всё равно, будет другое; и в твои лета и с твоим дарованием всё должно идти чем далее, тем лучше» и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 322). Пушкин в письме своем и отвечает на вопросы о послании к Катенину и об альманахе, в котором тот намерен был принять участие. № 197.

— Послание Пушкина к Катенину было вызвано воспоминанием об обиде, которую в 1819 г. юный Пушкин нанес известной драматической артистке Александре Михайловне Колосовой (впоследствии, по мужу, Каратыгиной) незаслуженною эпиграммой «Всё пленяет нас в Эсфири». Потом он раскаялся в этой своей выходке и, уже из Кишинева, в 1821 году писал о том Катенину в недошедшем до нас (как и до Катенина) письме, к которому приложил послание:

Кто мне пришлет ее портрет,—
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстной,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, напрасной,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единой!
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Мельпоменой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги, смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

28 августа 1822 г. Катенин писал самой Колосовой: «Саша Пушкин писал мне из Кишинева и насчет вас, дает мне тысячу поручений, винится, просит прощения и расхваливает на чем свет стоит» («Русск. Стар.» 1893 г., т. LXXVII, стр. 635.) — 11 мая 1826 года Катенин сообщал Пушкину: «Меня просила Колосова непременно в первом к тебе письме сказать за нее пропасть хороших вещей: только где я их возьму? Положим, что они сказаны, и твоя очередь отвечать» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 348). В следующем, 1827 году Пушкин снова, впервые после своей высылки из Петербурга, свиделся с Колосовой: его привел к ней тот же Катенин. При встрече Колосова припомнила слова о себе эпиграммы Пушкина: «Размалеванные брови» и т. д. — «Полноте, бога ради», перебил он ее, конфузясь и целуя ее руку: «кто старое помянет, тому глаз вон! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве»... Слово было дано; мы вполне примирились»,—вспоминала впоследствии артистка («Русск. Стар.» 1880 г., т. XXIX, стр. 571; ср. также Воспоминания А. М. Каратыгиной в «Русск. Вестн.» 1881 г., № 4 и 5).

№ 198. — Альманах, о котором сообщал Пушкину Катенин, прося его в нем участия (см. выше, стр. 139), был задуман приятелем Катенина — Николаем Ивановичем Бахтиным (род. 1796, ум. 1869), но не состоялся (см. «Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 270, 277, 278, 481, и Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, под ред. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 92).

— Еще в начале 1825 г. Пушкин, в письме к князю П. А. Вяземскому, высказывал мысль о желательности издания серьезного русского журнала на подобие известного английского «Edinburgh Review» («Эдинбургское Обозрение»; ср. выше, в т. I, в письмах № 123, 167, 187 и ниже. № 208 и 209, а также в объяснениях к ним). На Катенина, как на человека, очень подходящего для роли руководителя или главного сотрудника такого журнала, он указывал тому же Вяземскому в письме от 27 мая 1826 г.: «Пора бы нам отослать и Булгарина и Благонамеренного и Полевова, друга нашего. Теперь не до того, а ей богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала — он находка» (см. ниже, № 208). А. А. Чебышев, однако, несколько сомневается в искренности заявления Пушкина в его письме к Катенину, имея в виду именно «узкий педантизм и крайнюю односторонность Катенина, выступающие в его суждениях» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911, стр. 9 — 10).

— О 5-актной трагедии Катенина в стихах «Андромаха» и об издании его Сочинений см. выше, в т. I, в письме № 191 и в объяснениях к нему, стр. 535.

— Отвечая 14 марта Пушкину на его письмо, Катенин писал: «Мои стихотворения всё еще переписываются в Костроме, и оттоле весьма давно ко мне ни слова не пишут, вероятно по той причине, что и меня изволят считать в числе заточенных; коль скоро пришлют, приступлю к напечатанию, но и тут беда, ибо глупость наших цензоров превосходит всякое понятие: «Андромаха» принята на театр, роли розданы и дирекция хотела было пустить ее в ход во время коронации; но Семенова не захотела играть летом и в отсутствии значительной части зрителей, обязанных с двором отправиться в Москву: итак, представление отложено до совершенного открытия театров, по истечении годового срока со дня смерти бывшего государя» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 337); 15 июля 1827 г. Катенин писал своему приятелю Н. И. Бахтину: «Подумайте, почтеннейший, нет-ли средства без меня издать мои стихотворения? Посоветуйтесь с Пушкиным; он зело мастер ладить с книгопродавцами и поелику я бы охотно ему услужил в подобном случае, не вижу, почему бы он не захотел того же для меня сделать» (Письма, под ред. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 94).

198. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 6). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 163 (отрывок), в «Полярной Звезде на 1861 г.», Лонд. 1861, стр. 97 — 98 (полностью), а затем в «Вестнике Европы» 1881 г., № 1, стр. 12 — 13; подлинник был в Саратовском Радищевском Музее, ныне — во Всесоюзной Библиотеке имени Ленина в Москве (б. Румянцовский Музей).

— Пушкин отвечает на письмо барона Дельвига от начала февраля 1826 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 323 — 324), в котором тот извещал своего друга о Раевских и о Кюхельбекере и о внимании к судьбе последнего со стороны великого князя Михаила Павловича (см. выше, в объяснениях, стр. 136), а затем писал: «По письму твоему приметил я, что ты изволишь на меня дуться, быть может, за долгое мое молчание. Исправься, душа моя, от такого греха; будь человеком, не будь зверем! Пиши ко мне по прежнему, за то я буду отвечать не по прежнему, т.-е. акуратнее. «Северные Цветы» давно готовы, один Дашков не совсем выпростался, а такого одного ждут с охотою семеро. Твоя 2-я песнь «Онегина» везде читается и переписывается. Я не только что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому, и для «Цветов» тобою назначенные куплеты его жена мне и переписала, и

прислала. Дело поправить нечем другим, как прислать ее с 3-й к Плетневу и приказать печатать. Поздравление с «Борисом Годуновым» я было писал на огромном листе, да от радости до сих пор не окончил. Царицам гор [1] мое почтение. Прощай». № 198.

— Гименей, или Гимен, — бог брака, сын Вакха и Венеры. Приводимые Пушкиным латинские стихи — точно непереводимый припев в брачной песне (эпиталама) Катулла (стихотворение 61, ст. 124 сл.):

О Гименей,
О Гименей!

Так шутливо-досадливо приветствовал Пушкин своего друга, который 30 октября 1825 г. женился на Софье Михайловне Салтыковой; о ней см. выше, в т. I, в письмах № 156, 182 и в объяснениях к ним, стр. 470—471, 517, 519. Бар. А. И. Дельвиг так описывает жену своего дяди, с которою познакомился в 1827 г.: «С. М. Дельвиг ко времени моего приезда в Петербург только что минуло 20 лет. Она была очень добрая женщина, очень миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая, так что часто делала такие сцены своему мужу, что их можно было выносить только при его хладнокровии. Она много оживляла общество, у них собиравшееся» («Мои воспоминания», т. I, стр. 51; ср. в Дневнике А. Н. Вульфа — «Пушкин и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 41 — 42; см. о ней еще в книжке Б. Л. Модзалевского: «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926).

— Пушкин имеет в виду слова апостола Павла в первом послании его к Коринфянам (гл. 7, ст. 8 — 9): «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

— «Радуюсь, что Тевтон Кюхля не был Славянин», — каламбур: Кюхельбекер был родом немец, и Пушкин радуется, что он, по сообщению ему Дельвига, не состоял в числе членов Тайного Общества Соединенных Славян. «Наш сумасшедший Кюхля попался, как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Слухи в Петербурге переменились об нем так, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Зная его доброе сердце и притом любовь хвастать разными положениями, в которые жизнь бросала его, я почти был в этом всегда уверен. Да он бы, верно, кому-нибудь из товарищей не удержался, сказал всю свою тайну. Дай Бог, чтобы эта была правда. Говорят, великий князь Михаил Павлович с ним более всех ласков. Как от сумасшедшего, от него можно всего ожидать, как от злодея — ничего» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 323 — 324). Однако, радость Пушкина была неосновательна: он не знал, что Кюхельбекер, принявший непосредственное и активное участие в деле 14 декабря и затем бежавший, был схвачен в Варшаве; затем он был причислен к 1 разряду государственных преступников и осужден в каторжную работу на 20 лет, с обращением затем на поселение. Его виновность была так формулирована в известном «Алфавите декабристов»: «Принят в Северное Общество в последних числах ноября 1825 года. На совещаниях нигде не был; а 14-го декабря, узнав о замышляемом возмущении, принял в оном живейшее участие; ходил в Московский полк и Гвардейский экипаж. 14-го декабря был в числе мятежников с пистолетом, целился в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова (уверяет, что, имея замоченный пистолет, он целился с намерением отклонить других с лучшим орудием). По рассеянии мятежников картечами, он хотел построить Гвардейский экипаж и пойти на штыки, но его не послушали. После сего он скрывался побегом в разных местах, переодевшись в платье своего человека, и с ложным видом, в коем переправил год из 1823 на 1825. Пойман в Варшаве» («Алфавит декабристов», Лгр. 1925 г., стр. 107—

[1] Т.-е. П. А. Осиповой с дочерьми.

№ 198. 108 и 337), а также в изд. «Восстание декабристов», т. II, 1926 (следственное дело о Кюхельбекере).

— Иван Иванович Пущин — посетивший, за год перед этим, Пушкина в Михайловском его Лицейский товарищ (см. выше, в т. I, в письме № 114 и в объяснениях к нему, стр. 384). Он, как и Кюхельбекер, был отнесен судом к 1 разряду государственных преступников и осужден на вечную каторжную работу. О нем в «Алфавите» сказано следующее: «Принят в Союз Благоденствия в 1817 году. В 1823 г. избран членом в Северную Думу. Знал о цели Южного Общества — ввесть республику, но не одобрял. В 1824 году слышал о заговоре в 1823 году при Бобруйске покуситься на жизнь покойного императора и в 1825 г., бывши в Москве, слышал о злоумышлении Якубовича. Из находившихся в Москве членов заводил Управу, которая однако вскоре разрушилась. В С.-Петербург приехал за шесть дней до 14-го декабря, участвовал в совещаниях о начатии возмутительных действий; соглашался на устранение царствующего дома от престола и вместе с другими обнимал Каховского, когда Рылеев убеждал его убить ныне царствующего императора. Он взялся одобрять войска на площади, где оставался до картечных выстрелов, расхаживал по фасам, поощрял солдат к мятежу и при наступлении кавалерии на чернь скомандовал переднему фасу взять ружья от ноги» («Алфавит декабристов», Лгр. 1925 г., стр. 157, а также в изд. «Восстание декабристов», т. II, 1926 (следственное дело о Пущине).

— О ходе следствия над декабристами Пушкин знал, между прочим, из «Русского Инвалида», в котором печатались сообщения и распоряжения Правительства, касавшиеся дела декабристов (1825 г., № 300, 302, 305 и 1826 г., № 5, 6, 8, 9, 22, 24 — последний от 29 января); слух о том, что участь привлеченных решится 20 февраля, был неверен: только 1 июня, особым указом, была закрыта Следственная Комиссия и назначен Верховный Уголовный Суд, закончивший свое дело лишь к 10 июля; приговор суда, утвержденный Николаем I, приведен был в исполнение 13 июля (см. ниже, письмо № 211), и Пушкин, таким образом, обманулся в своих надеждах «на милость царскую», к которой он взывал и в конце 1826 г., когда, в своих известных «Стансах», обращался к Николаю:

Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд
И памятью, как он, незлобен...

— Жуковскому Пушкин писал во второй половине января (см. выше, письмо № 193) и, вторично, не получив ответа, — 7 марта (№ 201); Жуковский отозвался на эти письма лишь 12 апреля.

— П. А. Осипова уехала в Тверь из Тригорского 9 февраля 1826 г., 12 числа выехала из Пскова, а 20-го приехала в свое Старицкое имение Малинники, где в 1828 и в 1829 г.г. бывал и Пушкин (см. Б. Л. Модзалевский, Поездка в с. Тригорское — «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 141). Письмо к ней Пушкина от того же 20 февраля см. ниже, № 199.

— «Эда, финляндская повесть» — Боратынского; она была написана им в 1824 — 1825 г.г. и Пушкин долго добивался возможности ее прочесть (см. в т. I, в письмах №№ 105, 106, 110, 111, 115, 122 и в примечаниях к ним); еще в декабре 1825 г. Боратынский писал Пушкину, отвечая ему на просьбу прислать повесть (это письмо Пушкина до нас не сохранилось): «Эду для тебя не переписываю, потому что она на днях выйдет из печати. Дельвиг, который в П-ге смотрит за изданием, тотчас доставит тебе экземпляр и пожалуй два, ежели ты не поленишься сделать для меня, что сделал для Рылеева» (т.-е., сообщить свои замечания; Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 309). «Эда» была издана вместе с более раннею поэмою Боратынского «Пиры», и Дельвиг, действительно, тотчас прислал экземпляр книжки и Пушкину, и П. А. Осиповой (см. след. письмо, № 199); в письме к ней Пушкин называл «Эду» образцом грациозности, изящества и чувства», а когда в «Северной Пчеле» (1826 г., № 20, 16 февраля) появился

неодобрительный отзыв Ѳ. Б. (т.-е. Булгарина) о поэме, Пушкин написал **№ 198.**
такое послание Боратынскому (1826):

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил — прямой чухонец.

Вспомнил он «певца Финляндки молодой» и в начале 5-й главы «Евгения Онегина», а в 1830 г., как бы в подтверждение своего пророчества, что «оригинальности рассказа наши критики не поймут», — писал в своей статье о Боратынском: «Появление «Эды», — произведения столь замечательного оригинальной своей простотой, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, по мастерски означенных, — появление «Эды» подало только повод к неприличной статейке в «Северной Пчеле» и слабому возражению на нее в «Московском Телеграфе»... Перечтите его «Эду», которую критики наши назвали ничтожной (ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий), — перечтите сию краткую, восхитительную повесть: вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя... Она любит, как дитя, радуется его подарком, резвится с ним, беспечно привыкает к его ласкам... Но время идет, Эда уже не ребенок... Какая роскошная черта! Как весь отрывок исполнен неги!» Свод отзывов критики о поэме Боратынского см. в его Сочинениях, под ред. М. Л. Гофмана, т. II, стр. 236 — 239.

— Описание Финляндской (а не Лифляндской, как по ошибке написал Пушкин) природы находится в стихах 41 — 54 «Эды»; утро после первой ночи — в стихах 449 — 472, а сцена с отцом — в стихах 266 — 299.

— Слепушкин — Ѳедор Никифорович (род. 1783 г., ум. 1848 г.), ярославец, крепостной человек Е. В. Новосильцовой, рожд. графини Орловой; в детстве он был сидельцем в лавке, в Москве, затем перебрался в Петербург, где с лотка продавал моченые груши, затем снял лавочку в Новосаратовской немецкой колонии, на Неве, под Петербургом, а в 1812 г. поселился в с. Рыбацком, на Неве же, в 15 в. от Петербурга. В начале 1820-х годов он попробовал писать басни, подражая Крылову, и они были напечатаны (в 1823 г.) в «Отечественных Записках» Свиньина, который поддерживал Слепушкина в его литературных упражнениях, равно как Ѳ. Н. Глинка и Б. М. Федоров. В № 150 «Северной Пчелы» за 1825 г., от 15 декабря, напечатано было стихотворение «Сельская Идиллия» (нач.: «В осенни мрачны дни, вечернею порою») с подписью: *О. Слепушкин* и с примечанием редакции: «В 126 нумере сей газеты извещали мы читателей наших о том, что сочинения поэта-поселянина Слепушкина, живущего в Рыбацкой слободе, поступили в печать. Ныне прислал он к нам сию Элегию с просьбою о помещении оной в «Северной Пчеле». Исполняем с удовольствием его желание и повторяем читателям нашим, что сии стихи сочинены поселянином, не имевшим никакого предварительного учения или образования». — В 1826 году упомянутый сборник был отпечатан и выпущен в свет под заглавием «Досуги сельского жителя» (45 стихотворений; 2-е издание, — в 2 частях, вышло в С.-Пб. 1828 г.), с приложением его литографированного портрета, исполненного O. Oesterreich'ом, предисловия издателя и биографии Слепушкина, составленной Б. М. Федоровым; в предисловии было сказано, что «Стихотворения Руского крестьянина-поэта представляют необыкновенную и приятную новость в области Русской Словесности», и что «крестьянин Слепушкин, который воспел свои полевые труды и начертал верную картину сельской жизни, по справедливости заслуживает имя Русского Гезиода» (стр. I); Российская Академия 23 января 1826 г. присудила автору за его сборник среднюю золотую медаль в 50 червонцев с надписью: «Приносящему пользу Рускому слову», Николай I пожаловал поэту богатый, шитый золотом бархатный кафтан, а императрицы Александра и Мария Федоровны каждая —

№ 198. золотые часы. Сообщение об этих наградах, а также письмо Шишкова к Слепушкину и ответ последнего с благодарностью Российской Академии за награду были помещены в «Северной Пчеле» от 16 февраля 1826 г., № 20, стр. 1—2. По этому поводу Пушкин 3 марта писал Плетневу: «Не будет вам Бориса прежде, чем не выпишите меня в П. Б. Что это в самом деле? Стыдное дело. Сле — Пушкину дают и кафтан, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному — шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвертака (что̀ мне следует); по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское» (см. ниже, № 200). 12 мая 1828 г. Б. М. Федоров записал в своем дневнике, что Пушкин «сбирается к Слепушкину в Рыбацкое с Мицкевичем» (В. В. Майков, Из дневника Б. М. Өедорова—«Русск. Библиофил» 1911 г., кн. 5, стр. 34—35). — Познакомившись затем с Пушкиным, Слепушкин в 1830 году поднес ему издание своей «сельской поэмы» — «Четыре времени года Русского поселянина» (С.-Пб. 1830 г.) с надписью: «Его Высокоблагородию Милостивейшему Государю Александру Сергеевичу Пушкину! в знак истинного почитания и благодарности приносит сочинитель» (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 94—95, № 358). Пушкин, по мысли которого Слепушкин написал стихотворение «Конь и Домовой» (см. «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 153), принимал живое участие в выкупе крестьянина-поэта от его помещицы, после чего Слепушкин записался в купцы 3-й гильдии и завел в с. Рыбацком кирпичный завод. «Новые досуги сельского жителя» были изданы в 1834 и 1840 гг. Кроме литературы, Слепушкин с детства занимался и живописью и писал очень схожие портреты, — между прочим и автопортрет. Отзыв Пушкина о стихотворениях Слепушкина см. еще ниже, в письме № 203. Из указанных Пушкиным трех стихотворений Слепушкина: «Святочные гаданья» (стр. 82—83), «Сельская масляница» (стр. 102—104) и «Изба» (стр. 11 — 13) приведем здесь последнее, как образчик музы «Русского Гезиода», свидетельствующий не столько о талантливости Слепушкина, сколько об исключительной благожелательности Пушкина:

ИЗБА.

Я о мирной жизни сельской
Вам хочу сказать, друзья!
Как в тиши здесь деревенской
Добрая живет семья.
Старый дом с двумя окнами,
Весь соломою покрыт;
В нем и верьх, и со стенами —
Все простой имеет вид.
Тамо видел я икону!
Впереди она стоит:
Перед нею-ж по закону
Свечка желтая горит.
Стол большой и весь дубовый
Не покрыт стоит ничем;
Лишь один корец кленовый
С добрым пивом был на нем!
Лавки с чистыми скамьями
В той избе вокруг стоят;
Шубы рядышком висят
Чинно вместе с зипунами.
Полки с кринками, с горшками,
Всё опрятно, науряд.
Печь большая — там палати,
Где семья ночной по̀рой
Спит равно как на кровати,
По трудах своих зимой.
Колыбель с дитей висела,
Там его покоил сон;
Мать при нем тогда сидела,
Пряжу вила с веретён
Дед на печке и с детями
Сидя, лапотки плетет.
И веселыми словами
Про старинушку поет!
На скамьях же за гребнями
Пряжу девушки прядут;
Бабы, сидя за станами,
Пестредь, холст и сукны ткут.
С ними бабушка родная
Всей семье заводит речь:
«В чем же прибыль нам большая,
Что всего нужней беречь?»
Все задумавшись молчали
Перед бабушкой тогда,
Слов ее не отгадали,
Шел лишь свист с веретена.
Тут старушка им сказала:
«Вот что нам всего нужней!»
И на печку указала.—
«Жить бы нам нельзя без ней.
В стужу печь нас согревает,
Хлеб готовит для людей,

Сердце старца утешает,—
Он покоится при ней!
Вспомнит годы молодые;
Тут же детушкам игра...
Самый дым для нас, родные
Много делает добра!
Примечайте, как затопит
Баба печку на заре:
Дым густым туманом ходит
В это время по избе.
Там он сырость извлекает
И, клубясь, уйдет трубой;
Печь здоровье доставляет,
Даст и бодрость и покой...

Желание Пушкина было исполнено: крестьянину-поэту Плетнев доставил экземпляр «Стихотворений Александра Пушкина» (см. письмо от 14 апреля 1826 г.—Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 341). В 1830 г. в «Литературной Газете» Дельвига было напечатано (№ 17, стр. 136 — 137) большое стихотворение Слепушкина: «Ярмарка».

— Альманах Дельвига «Северные Цветы на 1826 год» вышел в начале апреля и был послан издателем Пушкину и П. А. Осиповой при письме от 7 апреля (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 339).

199. *П. А. Осиповой* (стр. 7). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 157 (отрывок) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 128: подлинник (на бумаге без вод. зн.)—в Гос. Публ. Библиотеке (Отчет за 1897 г., стр. 91).

Перевод: «Вот новая поэма Боратынского, только что присланная мне Дельвигом. Это — образец грациозности, изящества и чувства. Вы будете в восторге от нее. Полагаю, что вы теперь в Твери. Желаю вам проводить время приятно, но не настолько, однако, чтобы совсем забыть Тригорское, где, погрустив о вас, мы начинаем уже вас поджидать. Примите уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности. — 20 февраля. Благоволите засвидетельствовать мое почтение вашей дочери и м-ль Нетти».

— Экземпляр «Эды и Пиров» Боратынского, присланный Дельвигом П. А. Осиповой, имел на себе следующую надпись автора: «Прасковье Александровне Осиповой от Сочинителя»; он хранился в Тригорской библиотеке (Б. Л. Модзалевский, Поездка в с. Тригорское — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 38), а ныне перешел, в ее составе, в Пушкинский Дом.

— В Тверское свое имение Малинники П. А. Осипова приехала как раз 20 февраля (там же, стр. 141). К апрелю она уже опять была в Тригорском, что видно из письма к ней П. А. Плетнева от 14 апреля 1826 г., в котором он, извиняясь за медленность своего ответа, писал: «Еще когда вы изволили быть в Торжке, я, по вашему требованию, выслал вам туда Эду и Пиры Боратынского. Теперь вы уже должны получить от меня новейшее издание басень Крылова и Северные Цветы. По крайней мере на прошлой неделе всё это мною к вам отправлено. Письмо ваше к Надежде Осиповне [Пушкиной] также доставлено».

— Дочь П. А. Осиповой, сопровождавшая ее в поездке,—Анна Николаевна Вульф, которая уже давно была неравнодушна к Пушкину (написавшему ей шутливое стихотворение «К имениннице», относимое к 1825 г.); уехав из Тригорского в Малинники, она завела с ним оттуда, тайком от матери, переписку, прямо высказывая в своих пространных (разысканных нами в бумагах П. В. Анненкова) посланиях к поэту на французском языке (их нам известно 6, за март — сентябрь 1826 г. — см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 331, 338, 342, 352, 369 и 372) чувства, которые к нему питала, но которые тот отнюдь не разделял. Выше, в т. I (объяснения, стр. 363) были приведены слова Анненкова, прекрасно характеризующие отношение обеих сестер Вульф к Пушкину и обратно, равно как и два шутливо-иронических письмеца поэта к Анне Николаевне (№№ 136 и 155 и стр. 348, 423; другие письма поэта, несомненно существовавшие, А. Н. Вульф не пожелала сохранить для потомства); Н. О. Лернер, по поводу публикации писем Анны Н. Вульф к Пушкину, высказывается в том смысле, что роман этот «был лишен истинного чувства, особенно со стороны Пушкина, и сбивался скорее на флирт. Тон писем Анны Николаевны отзывался отчаянным

№ 200. и довольно неизящным, рассчитанным кокетством, которое Пушкин, очевидно, хорошо понимал. «Вы говорите», писала она ему однажды: «что ваше письмо плоско потому, что вы меня любите. Какой вздор! Особенно в устах поэта: что̀ и делает человека красноречивым, как не чувство!» Анна Николаевна поддразнивала его, расписывая ему своих ухаживателей, разсказывая, как один из них («дерзостью он превосходит вас») взял ее руку и хотел поцеловать. Пушкин выразил предположение, что ухаживатель не ограничился поцелуем, — чем Анна Николаевна была чрезвычайно обижена, но оправдывалась: «Я заметила, что он смелее и безрассуднее вас, не по его поведению со мною, а по его манере держаться со всеми и вообще по его разговорам». В каждом письме эта девица, которой тогда было 26 лет, ужасается своей собственной нескромности, уверяет Пушкина, что он вовсе не стоит ее любви, и просит не компрометировать ее и уничтожить ее послание. Когда, в начале сентября 1826 года, неожиданно нагрянувший в Михайловское полицейский увез Пушкина в Псков, откуда он был отправлен в Москву для представления государю, Анна Николаевна, по существу девушка добрая и дружески расположенная к Пушкину, написала ему полное участия и беспокойства письмо. Когда выяснилось, что судьба поэта изменилась не к худшему, а к лучшему, Анна Николаевна была глубоко обрадована и от души поздравляла поэта с освобождением из ссылки» («Биржев. Ведом.» 9 янв. 1907, № 9686, в фельетоне; ср. «Русск. Стар.» 1907 г., т. CXXIX, март, стр. 693 — 696). Свои чувства к Пушкину она донесла неизменными до конца, до конца же оставшись неудовлетворенной той жизнью, которую послала ей судьба. Печатая письма ее к сестре, баронессе Е. Н. Вревской, и к матери, П. А. Осиповой, относящиеся уже к 1830 — 1840-м годам, М. Л. Гофман пишет, что по письмам этим «можно довольно верно и отчетливо представить себе образ самой девушки, до самой смерти сохранившей неразделенные чувства свои к Пушкину. Скучающая, томящаяся, вечно чем-то недовольная, преследуемая всюду скукой бездействия, порывающаяся из Тригорского в Петербург, а из Петербурга в Тригорское, Анна Николаевна постоянно жалуется . . . на что-нибудь: то на скуку во Пскове, в Тригорском, в Петербурге, то на скупость матери, то на дурную погоду . . .» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 312). А. Н. Вульф скончалась 8 сентября 1857 г., в Тригорском, пережив Пушкина на 20 слишком лет и не дожив трех месяцев до своих 58 лет. Пушкин внес ее имя в свой «Дон-Жуанский» список. О легенде про А. Н. Вульф, как оригинал Татьяны, см. в статье В. В. Вересаева в «Новом Мире» 1927 г., кн. I.

— Нетти — Анна Ивановна Вульф, впоследствии, по мужу, Трувеллер; о ней см. выше, в т. I, в письмах №№ 127 и др. и в объяснениях, стр. 411 — 412. Ее портрет недавно (1926) подарен Пушкинскому Дому Ольгою Николаевною Вульф.

200. *П. А. Плетневу* (стр. 7). Впервые напечатано, по сообщению собирателя автографов Н. К. Мавроди, в Киевском альманахе «Русская Правда на 1860 год», стр. 65 — 66; перепечатано в «Вестнике Европы» 1881 г., № 3, стр. 10; подлинник был в б. Собственной е.и.в. Библиотеке в Зимнем дворце, в Лобановском Отделе.

— Карамзин начал болеть еще в конце 1825 года, потрясенный смертью имп. Александра, а также имп. Елизаветы Алексеевны. К 6-му февраля он начал оправляться от первого пароксизма болезни. «Вы конечно уже знаете о болезни Папенькиной», писала в этот день И. И. Дмитриеву С. Н. Карамзина: «мы просили Вяземских сообщить вам последнее наше письмо, а к вам писать ждали *решительно* лучшаго: теперь, слава Богу, доктора совершенно спокойны, лихорадки более нет, воспаление в груди прошло, но остались слабость чрезмерная и тоска, которая с его нервами очень для него мучительна; между тем он спит спокойно и крепко, но к пище имеет отвращение» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 414). После временного улучшения болезнь к концу марта снова усилилась, и 22 мая 1826 г. Карамзин скончался. Смерть его очень опечалила Пушкина (см. ниже, письмо № 210), всегда благодарного к тем, кому он хоть в малейшей сте-

пени был чем-нибудь обязан; Карамзин же в молодые годы жизни поэта, как известно, показывал к нему много действительной любви и участия. О болезни историографа Пушкин впервые узнал вероятно из письма к нему Плетнева от 6 февраля (Акад. изд. Переписки, т. I, стр, 325); 27-го числа того же месяца Плетнев писал уже, что Карамзину и Гнедичу лучше (там же, стр. 330). № 201.

— Николай Иванович Гнедич, с 12 апреля 1811 г. состоявший помощником библиотекаря в Публичной Библиотеке, а с 10 августа 1814 г. еще и письмоводителем в Государственной Канцелярии (из последней он уволился 17 июня 1827 г.), — 26 апреля 1826 г. был утвержден в звании библиотекаря Публичной Библиотеки, где заведывал Отделением греческих книг. Свои работы над переводом «Илиады» с греческого языка он начал еще в первые годы XIX века; в 1809 г. он выпустил отдельным изданием перевод VII песни «Илиады», александрийскими стихами, а затем начал перевод поэмы гекзаметрами и с 1813 г. начал печатать отрывки из него в разных периодических изданиях и сборниках. Отдельным изданием полный перевод «Илиады» вышел в свет, в 2 частях, в конце 1829 г. Известны два двустишия Пушкина на этот перевод,— диаметрально противоположного содержания. Свою уверенность в выздоровлении Гнедича Пушкин выражал по поводу сообщения Плетнева от 6 февраля: «Гнедич.... плох здоровьем. Беда, как мы останемся без конца Илиады» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 325).

— «Реку в сердце своем: несть Феб» — шуточная переделка 1-го стиха 13-го Псалма Давидова: «Рече безумец в сердце своем; несть Бог».

— «Не будет вам Бориса», — т.-е. «Годунова». Эти слова, как и дальше — о переписчике, — ответ на следующие строки письма Плетнева к Пушкину от 6 февраля: «Ты отказываешься прислать Годунова за тем, что некому переписать. Это странно. Ведь надобно ж будет когда-нибудь об этом похлопотать. Пригласи из Опочки дни на три к себе какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что он все твои стихи возьмется переписывать тебе. Ты всё таки не сказал мне и не прислал ничего, что надобно печатать. После Свят. Недели книжная торговля прекращается. Опять принуждены будем ждать зимы. Уже-ли ты в нынешнюю зиму ничего не выдашь более, кроме стих. Ал. Пуш.? Сделай милость выпусти Онегина! Уже ли не допрошусь я?» — Об отказе Пушкина прислать «Годунова» для издания стало известно властям: так Петербургский генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов доносил 16 апреля 1826 г. начальнику Главного Штаба И. И. Дибичу: «Относительно трагедии *Борис Годунов* известно, что Пушкин писал к *Жуковскому*, что оная не прежде им будет выдана в свет, как по снятии с него запрещения выезжать в столицу» (Я. К. Грот, «Пушкин», стр. 255; Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 324 — 325).

— О награждении крестьянина-поэта Ф. Н. Слепушкина, за книжку его «Досугов сельского жителя», нарядным кафтаном, двоими часами и медалью средней величины в 50 червонных см. выше, в объяснениях к письму № 198, стр. 143 — 144. Постановление Российской Академии о награждении Слепушкина медалью было опубликовано впоследствии в «Трудах имп. Российской Академии» (ч. I, С.-Пб. 1840, стр. 70).

— «Академическим четвертаком» Пушкин иронически называет жетон, который получали члены Российской Академии за каждое заседание, в котором они присутствовали (там же, стр. 40).

— Деловые письма Пушкина, в которых он снова подымал вопрос о своем освобождении, были обращены к Жуковскому, Плетневу и Дельвигу (см. выше, № 193, 195, 196).

201. *В. А. Жуковскому* (стр. 8). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1870 г., ст. 1179; подлинник (на бумаге без вод. зн.; запечатан перстнем-талисманом) — в Гос. Публичной Библиотеке — в бумагах Жуковского.

— Не получая ответа на деловое письмо свое к Жуковскому от второй половины января (см. выше, № 193) Пушкин нервно задавал вопросы о своем освобождении в письмах к Плетневу и Дельвигу (№ 195 и 196), — вопросы,

№ 201. оставшиеся также без ответа; между тем он получил письмо от Плетнева от 27 февраля, в коем тот передавал ему поручение Жуковского: «Другая его к тебе комиссия», писал Плетнев: «состоит в том, чтобы ты написал к нему письмо сериозное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть словами никогда, которые противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку. После этого письма он скоро надеется с тобою свидеться в его квартире» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 330). Поэтому Пушкин немедленно же и послал Жуковскому новое письмо, написанное, как он советовал, в строго-сериозном тоне, — «в треугольной шляпе и в башмаках», как охарактеризовал его поэт Плетневу (в письме № 202), — в том рассчете, что Жуковский или покажет письмо это, кому следует, — т.-е. прямо Николаю I, или попытается им «дам взбуторажить» (см. в письме № 190). Жуковский отозвался Пушкину лишь 12 апреля строками, не мало, должно быть, удивившими поэта: «Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, что так долго не отвечал на два последние письма твои. Я болен и ленив писать. А дельного отвечать тебе нечего. Что могу тебе сказать насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое? Есть ли оно только ко мне, то оно странно. Есть ли ж для того, чтобы его показать, то безрассудно» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 340); далее Жуковский говорил о «буйных, одетых прелестию поэзии» мыслях Пушкина, влиявших на молодое поколение, о стихах его, находимых в бумагах декабристов, и т. д. (ср. выше, в объяснениях к письму № 199, стр. 130). В том же смысле, как Жуковский, писал Пушкину 14 апреля и Плетнев, через которого поэт послал свое письмо; давая отчет в исполнении поручений поэта, он сообщал ему: «Отдано твое письмо Жуковскому. Ты верно не знаешь, какой у нас теперь мор на писателей. Жуковский болен отчаянно и для своего спасения получил совет ехать на теплые воды. Карамзин не может здесь выздороветь и потому отправляется морем до Бордо, а оттуда по южной части Франции во Флоренцию, где проживет два года. Гнедичу говорят доктора, что он может ожидать спасения от весны, а не от них. Можешь поэтому вообразить, в состоянии ли кто-нибудь в этом положении начать какое-нибудь важное дело. Сверх того так много еще хлопот посторонних. Мой совет и всех любящих тебя провести нынешнее лето в деревне. К осени Жуковский возвратится. Дел важных сбавится. Все войдет в обыкновенное течение. Тогда легче начать и Жуковскому. Тебе легко возражать, что за советами нужды ни у кого не будет. Но ты хладнокровнее обними стечение этих странных обстоятельств, — и сам согласишься, что прежде надобно заняться чем-нибудь общим, а потом приступить к частному» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 341). Дельвиг, в свою очередь, писал своему другу 7 апреля: «Живи, душа моя, надеждами дальними и высокими, трудись для просвещенных внуков; надежды же близкие, земные оставь на старание друзей твоих и доброй матери твоей. Они очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронации,—тогда можно будет просить царя, тогда можно от него ждать для тебя новой жизни» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 339).

— В настоящем письме своем Пушкин приводит Жуковскому те же доводы в свою пользу, что и в письме от второй половины января (см. выше, № 193, и в объяснениях к нему, стр. 130—132): о несправедливости графа М. С. Воронцова, о своей болезни, требующей оперативного лечения, о письме с антирелигиозною фразою (см. его выше, т. I, № 77) и о своей незамешанности в деле 14 декабря.

— И. П. Липранди, Кишиневский знакомый Пушкина, рассказывает, что когда, *6 апреле 1826 г.*, он приехал в Петербург и посетил старика Пушкина, то узнал у него об Александре Сергеевиче, что ему обещается разрешение приехать из Псковского имения в Петербург, за поручитель-

ством Пушкина-отца («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1487), и что тогда же А. Х. Бенкендорф, «через лицо, ходатайствовавшее об Александре Сергеевиче», ему, Липранди, не названное, «но по всему должно полагать, что лицо влиятельное и в обществе, и в семействе Пушкина», [1] предлагал Льву Пушкину, просившемуся тогда в военную службу, поступить юнкером в образовавшийся тогда дивизион жандармов. Липранди подробно рассказывает, как колебались отец и сын Пушкины, как, наконец, они были убеждены указанием на то, что отказ Бенкендорфу со стороны Льва Пушкина поступить в жандармы «может охладить графа к облегчению участи Александра Сергеевича и даже оскорбить графа», и как Лев Сергеевич «объявил себя решительно вступающим в жандармы». «Дней через десять», рассказывает Липранди: «Лев Сергеевич пришел ко мне уже в военной форме, которая к нему очень шла, и на вопрос мой о брате сказал, что получил от него пресмешное письмо [оно нам не известно. *Б. М.*], в котором уведомляет, что, будто бы, выезжая из дому, в воротах встретил попа и, не предчувствуя от сего добра, возвратился и пр. Я посоветовал Льву Сергеевичу не рассказывать этого, но, кажется, это было сделано уже не мне одному, потому что я слышал об этом и от других, конечно, с комментариями. Лев Сергеевич сказал мне, что брат связался в деревне с кем-то и обращается с предметом — «уже не стихами, а практической прозой» [ср. ниже, в письме № 204]; но что ему писано настоятельно, чтобы приезжал и, конечно, теперь он не замедлит» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1488 — 1489).

202. *П. А. Плетневу* (стр. 8). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 130 (отрывок) и Герценом в его «Полярной Звезде на 1861» (Лонд. 1861, стр. 93), полностью, но (также, как и у Анненкова) отнесено к барону Дельвигу и неверно приурочено к 1824 году; в «Вестн. Европы» 1881 г., № 1, стр. 13 — 14, В. П. Гаевским включено также в число писем к Дельвигу, но отнесено к середине 1826 г.; там же, № 3, стр. 5 — 8, Я. К. Грот доказал, что адресатом письма был Плетнев, которому Пушкин и отвечает по пунктам на письмо от 27 февраля 1826 г.; подлинник (на бумаге без вод. зн.) в Рукоп. Отделении Библиотеки Академии Наук.

В упомянутом выше письме своем от 27 февраля 1826 г. Плетнев сообщал о распродаже «Стихотворений Александра Пушкина» (см. выше, в объяснениях к письму № 195), разошедшихся полностью, в количестве 1200 экземпляров, в течение двух месяцев — января и февраля, — и об условиях, на которых он продавал книгу. «Скажи теперь по совести», спрашивал далее Плетнев: «прав ли я в своих предсказаниях на счет твоих доходов? Воспользуйся же еще нынешней зимой, а летом нет продажи книг. Если ты не решился выписывать писаря, пришли мне черновые бумаги: я или сам перепишу, или найму; потом всё переписанное перешлю тебе для сверки или поправок; тогда ты обратно перешлешь мне бумаги, и я приступлю к печатанию. В твоей воле, что̀ теперь начать: второе ли издание Разн. Стихот. (но в этом случае, надобно что-нибудь прибавить; потому что в другой раз некоторых пьес ужь не пропустят), Бориса ли, Онегина ли, или Цыганов. Только сделай милость, не медли. Остается не более двух месяцев, в которые еще можно что нибудь сделать. Жуковский особенно просит прислать Бориса. Он бы желал его прочесть сам и еще (когда позволишь) на лекции его» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 329 — 330).

— О книгопродавцах Заикиных см. выше, в т. I, в письме № 159, и в объяснениях, стр. 474.

— В стихотворении «Андрей Шенье», вошедшем в издание 1826 г., цензура не пропустила стихов 21—64 и 150. Эти именно стихи, представлявшие собою гимн свободе, — вскоре послужили поводом к возникновению известного «дела» Алексеева-Молчанова-Леопольдова и к привлечению Пушкина к следствию по этому «делу». Задавая Плетневу свой вопрос, поэт как бы предчувствовал новые, грозившие ему неприятности.

---

[1] Через Жуковского? *Б. М.*

№ 202. — «Цыганы» вышли отдельной книжкой лишь весною 1827 года, в Москве, но намерение Пушкина издать их, высказанное Плетневу, стало известно властям — или через самого Плетнева, за которым тогда следили, как за «коммиссионером» поэта, или через перлюстрацию писем Пушкина: 4 апреля 1826 г. Дежурный Генерал Главного Штаба А. Н. Потапов докладывал Начальнику Штаба И. И. Дибичу на его запрос: «Поэма Пушкина *Цыганы* куплена книгопродавцем Иваном Слениным и рукопись отослана теперь обратно к сочинителю для каких то перемен. Печататься она будет нынешним летом в Типографии Министерства Просвещения». 16 апреля Петербургский генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов в своей докладной записке Дибичу дополнительно сообщал, что рукопись *Цыган* «была составлена следующим образом; служащий в Департаменте Народного Просвещения [sic!] родной брат Пушкина, при свидании с ним, читал сию поэму, выучил оную наизусть; потом, по возвращении в С.-Петербург, написал ее с памяти и отдал книгопродавцу Сленину для напечатания, а сей отослал уже оную к автору для поправки стихов и смысла, но рукопись еще обратно не получена» (Я. К. Грот, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 255).

— Брат — Лев Сергеевич Пушкин, с которым поэт был в ссоре (см. выше, в т. I, письмо № 159, и объяснения к нему, стр. 473); он написал ему в это время письмо, про которое Плетнев писал 14 апреля: «Твое письмо к брату убийственно. У меня бы рука не поднялась так *отвечать*» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 342).

— Повесть Пушкина в роде Байроновского «Верро» («Беппо») — «Граф Нулин»; поэт написал ее в два утра — 12 и 13 декабря 1825 года; издана она была только в конце 1827 года.

— Письмо к Жуковскому, написанное по его совету, переданному через Плетнева (см. выше, в объяснениях, стр. 148), см. выше, под № 201.

— «Бориса Годунова» Жуковский, вероятно, хотел прочесть на своих лекциях великой княгине Елене Павловне, с которою он занимался, с конца 1823 г. (т.-е., с приезда ее в Россию), русским языком и литературою.

— По поводу выражения Пушкина, что его трагедия «не для дам», Катенин писал ему: «Меня недавно насмешил твой (яко бы) ответ на желание одного известного человека прочесть твою трагедию Годунов: Трагедия эта не для дам, и я ее не дам. Скажи, правда ли это? Меня оно покуда несказанно тешит» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 348).

— Говоря о деньгах, Пушкин отвечает на следующие слова письма к нему Плетнева от 27 февраля: «Что̀ велишь делать с твоими деньгами? Хоть я не привел в совершенно аккуратный счет всю операцию нынешнего издания, но имею в руках (кроме издержанных на некоторые к тебе посылки, отосланной по твоему требованию тысячи, употребленных на издание и заимообразно отданных Дельвигу двух тысяч) пять тысяч еще. Распоряжайся, милый, поскорее» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 330).

— Д. — Дельвиг, который, по поводу своего займа у Плетнева из Пушкинских денег, писал последнему 7 апреля: «Деньги твои я взял, как хороший Министр Финансов, т. е. назначил Плетневу источник уплаты, я купил у Баратынского «Эду» и его Сочинения, и «Эда», продаваясь, в скором времени погасит совершенно мой долг» (там-же, стр. 339).

— Переписка с Пушкиным и исполнение его поручений навлекли в это время подозрение на Плетнева и послужили поводом к негласному следствию о нем, сохранившемуся в Архиве 6. Главного Управления Военно-Учебных Заведений, в деле «О связи учителя Плетнева с литератором Пушкиным» (1826 г., № 7); дело окончилось благополучно для «коммиссионера» Пушкина — Плетнева, о котором, на запрос Начальника Главного Штаба от 9 апреля 1826 г., Главный Директор Пажеского и Кадетских Корпусов генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов дал вполне благосклонный отзыв, сообщив, что «Плетнев знает Пушкина, как литератора, смотрит за печатанием его сочинений и вырученные за продажу оных деньги пересылает к нему по просьбе и препоручению г. Жуковского. Поведения

прекрасного, жизни тихой и уединенной; характера скромного и даже более робкого». Тем не менее, Дибич 23 апреля сообщил Голенищеву-Кутузову, что «Государю императору угодно было повелеть... усугубить всевозможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его и... иметь за ним ближайший надзор»... Голенищев-Кутузов на это отозвался, что «Плетнев действительно не имеет особенных связей с Пушкиным, а только по просьбе г. Жуковского смотрел за печатанием сочинений Пушкина и вырученные за продажу оных деньги пересылал к нему, но и сего он ныне не делает и совершенно прекратил всякую с ним переписку»... («Педагогический Сборник» 1917 г., ч. неоф., стр. 637 — 639; Я. Грот, «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», С.-Пб. 1898, стр. 255 — 256; «Русск. Стар.» 1899 г., т. XCVIII, июнь, стр. 509 — 510; ср. у П. Е. Щеголева, «Пушкин», С.-Пб. 1912, стр. 239 — 240).

203. *И. Е. Великопольскому* (стр. 9). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1884 г., кн. I, стр. 468 и в сборнике П. И. Бартенева «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 136; подлинник (запечатан перстнем - талисманом на черном сургуче) был у П. И. Бартенева; нам остался недоступен. Письмо Великопольского, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Великопольский, Иван Ермолаевич (род. 27 декабря 1797, ум. 6 февраля 1868) — питомец Казанского Университета, затем, с 1815 г., — подпрапорщик л.-гв. Семеновского полка; рано пробудившаяся любовь к занятиям литературой естественно направила его, по приезде в Петербург, в круги Петербургских молодых писателей; в 1818 г. он принял деятельное участие в трудах Вольного Общества любителей российской словесности и Общества любителей словесности, наук и художеств, — членом которого, как известно, был и Пушкин; личное знакомство обоих молодых людей, конечно, легко могло состояться уже в это время, — еще до ссылки Пушкина на юг; тогда же Великопольский сблизился с друзьями Пушкина — И. И. Пущиным и бароном Дельвигом (сохранились его стихотворные послания к ним) и в то же время писал эпиграммы на Булгарина. Когда, в конце 1820 г., после известного возмущения Семеновского полка (в котором Великопольский не принимал прямого участия), полк был раскассирован, Великопольский был переведен, с чином штабс-капитана, в Псковский, а затем — в Староингерманландский пехотный полк, стоявший во Пскове и в его окрестностях, а затем (18 июня 1826 г.) — в Псковский пехотный же полк, в коем и прослужил до выхода своего, в начале 1827 г., в отставку майором. Не прерывая в это время своих литературных связей, Великопольский продолжал печатать стихи свои в «Благонамеренном» 1821 — 1825 г., а также в «Северных Цветах» Дельвига (на 1826 и 1827 г.) и в «Календаре Муз на 1827 г.». Поселившись, после выхода в отставку, в своем Старицком имении — селе Чукавине, — он затем приехал в Москву, вошел в круг местных писателей, в 1828 г. издал изящную книжку «Эрасту. Сатира на игроков», к числу которых в молодые годы принадлежал и сам, как видно, между прочим, и из сношений его с Пушкиным в том же 1826 году, к которому относится и настоящее письмо поэта (см. ниже, № 209). Сатира Великопольского вызвала новое столкновение его с Пушкиным (см. ниже, № 269), но затем они примирились, хотя близких отношений между ними никогда не существовало. Впрочем, И. И. Панаев отмечает, что Пушкин питал к Великопольскому «какую-то ироническую нежность» — быть может потому, что даже ему, которого все обыгрывали, удавалось выигрывать у Великопольского в карты («Литературные воспоминания», стр. 162); Великопольский же нередко сердился на Пушкина и писал на него стихи (см. их в «Щукинском Сборнике», вып. X, стр. 359 — 362; стихи 1826, 1828, 1830 и 1838 г.). Остальные, после отставки, 40 лет своей жизни Великопольский провел в литературных занятиях (писал он, преимущественно, пьесы для театра), занятиях сельским хозяйством и в коммерческо-практических предприятиях, которые неизбежно оканчивались неудачею и в конце-концов совершенно его разорили. Человек живой и

№ 204. энергичный, честный и благородный, до крайности добрый, увлекающийся и услужливый, но вовсе не практичный, Великопольский, естественно, познакомившись с биографиею и произведениями Ф. Н. Слепушкина, пожелал принять участие в устройстве судьбы крепостного крестьянина-поэта (см. выше, письмо № 198 и в объяснениях, стр. 143—144), как, много лет спустя, он помогал в трудные минуты Белинскому, Гоголю, Шафарику, цензору Е. И. Ольдекопу (тому самому, который «обокрал» Пушкина, перепечатав в 1824 г. «Кавказского Пленника» при немецком переводе его), когда тот пострадал за пропуск трагедии Великопольского «Янетерской», (1841) и др. Подробности жизни и литературной деятельности Великопольского см. в статье Б. Л. Модзалевского в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902, стр. 335—446, и ниже, в объяснениях к письмам № 209 и 269.

— По письму Пушкина видно, что он был, в феврале, во Пскове; об этом же свидетельствуют и начальные строки письма к Пушкину А. Н. Вульф от начала марта: «Вы теперь уж давно должны быть в Михайловском» и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 331).

— Князь Цицианов — Федор Иванович (род. 21 мая 1801 г.), питомец Пажеского Корпуса, из камер-пажей был в 1820 г. выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк, но уже в конце того же года, при раскассировании его, был переведен, вместе с Великопольским, поручиком в Псковский пехотный полк, в котором и прослужил до 18 декабря 1827 г., когда вышел в отставку, будучи капитаном; спустя некоторое время, он определился в Департамент Внешней Торговли, но уже 4 ноября 1832 г. скончался («Петербургский Некрополь», т. IV, стр. 445). Его сослуживец В. Гулим-Левкович 24 марта 1833 г. писал Д. С. Львову, сообщая о «переменах Департаментских»: «Бедный князь Цицианов умер; я как теперь слышу милые остроты его, которые иногда увеселяли вас не собою, но тем, что князь всегда хотел остриться, и иногда остроты его не отвечали вашему понятию об остроте. Я думаю, и на смертном ложе не обошлось без них. Я право слушал его с удовольствием и любил его нрав, всегда ровный, спокойный» (Из неизданных материалов, бывших у покойного ныне Н. Д. Романова). Великопольский 12 января 1825 г., во Пскове, написал следующие шутливые стихи

Князю Фед. Ив. Цицианову.

(Подписано под стихами, им начатыми в честь Элизы).

Ага! и князь с обновой!
И в княжескую кровь
Элизы взор суровый
Вдохнул изменницу-любовь,
И очарованная сила
Очей пленительных и слов
И князя нашего вместила
В число вздыхателей-певцов!
Так при стихий волненьи бурном
Восставший света великан,
На своде вспыхнувши лазурном,
С земли лучем своим пурпурным
Сгоняет ссевшийся туман.

(Сборник «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902, стр. 354—355.)

— Судьба портрета Пушкина, подаренного им Цицианову, неизвестна. На письме Пушкина к Великопольскому от 3 июня 1826 г. сделана была приписка к нему же Цицианова (см. ниже, № 209).

204. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 9). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 345, по подлиннику, найденному нами в Остафьевском архиве графа С. Д. Шереметева; ныне письмо в Центрархиве; письмо было запечатано перстнем-талисманом и носит на себе

помету руки князя Вяземского «не печатать», сделанную при публикации писем к нему Пушкина в «Русском Архиве» 1874 года. № 205.

— «Письмо это», говорит Н. О. Лернер: «приводит на память стихи из «Евгения Онегина», в которых поэт описывает деревенскую жизнь своего героя: «порой — белянки черноокой младой и свежий поцелуй» (последняя фраза — буквальный перевод из А. Шерье). Хотя поэт и говорил: «всегда я рад заметить разность между Онегиным и мной», и, «как будто нам уж невозможно писать поэмы о другом, как только о себе самом»,— тем не менее, в приведенном двустишии о поцелуе черноокой белянки нельзя не видеть... черты автобиографической» («Русск. Стар.» 1907 г., т. CXXIX, март, стр. 692 — 693). И действительно, — И. И. Пущин, посетивший Пушкина в Михайловском 11 января 1825 года, рисует такую живую сцену: «Мы обнялись и пошли ходить... Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая однако Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, — и все было понятно без всяких слов... Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во-свояси» («Записки о Пушкине». С.-Пб. 1907, стр. 61 — 62). — Вероятно об этой девушке, которую Пушкин затем отправил в свою Нижегородскую вотчину — село Болдино и судьба которой нам не известна, намекает И. П. Липранди в своем выше приведенном рассказе (см. в объяснениях к № 205); см. о ней еще ниже, в письмах к князю Вяземскому за № 207 и 208. — В. Ф. Ходасевич высказал предположение, что дальнейшая история близкой Пушкину девушки рассказана им в «Русалке», что, брошенная поэтом, его возлюбленная утопилась, — но, не имея никаких фактических для того данных, не беремся следовать за Ходасевичем, как ни интересна его гипотеза (см. «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924, стр. 113 — 156). Эта связь (о ней ожидается специальная статья П. Е. Щеголева — «Крепостная любовь Пушкина» — в журн. «Новый Мир») была не единственная в жизни Пушкина; по крайней мере Б. М. Федоров, издатель журнала «Новая Детская Библиотека», в дневнике своем под 11 мая 1828 г. записал следующие циничные слова Пушкина, сказанные им во время прогулки в Летнем саду: «У меня нет детей, а всё выблядки. Не присылайте мне Вашего журнала» («Русский Библиофил» 1911 г., № 5, стр. 34).

— Болдино — Нижегородское имение С. Л. Пушкина, в Арзамасском уезде, после женитьбы поэта перешедшее, в некоторой части, в его владение.

— Послание Жуковского о попе — шуточное стихотворение, нам неизвестное, — вероятно просительного характера, в роде послания к Д. А. Кавелину (1814 г.) с ходатайством о награде орденом д-ра Гаспари, к Столыпину о Звереве (1819) и т. под.

— Остафьево — любимое подмосковное имение (в Подольском уезде) князя П. А. Вяземского, в котором он тогда живал в течение летних месяцев; оно дало название знаменитому архиву князя Вяземского, впоследствии переведенному в имение гр. С. Д. Шереметева, село Михайловское, Подольского же уезда, а ныне находящемуся в Центрархиве в Москве.

205. *А. Н. Вульфу* (стр. 10). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 157 (отрывок) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 156 — 157; подлинник (на бумаге — вод. зн. G. J. F.) в Гос. Публичной Библиотеке (см. Отчет за 1897 г., стр. 91).

— Филистер (Philister) по-немецки значит, собственно, разночинец; в студенческом быту в германских университетах старые студенты—бурши этим полупрезрительным словом называли рыночных торговцев и вообще граждан, всех не-студентов (Л. Н. Модзалевский, «Быт студентов в Германии», С.-Пб. 1865, стр. 21—22). Таким образом, Пушкин употребил здесь

№ 205. этот термин по отношению к *студенту* Вульфу неверно; он, говорит А. Н. Вульф: «едва-ли подумал, что значит это слово, — иначе не окрестил бы меня им; я и Языков вовсе не принадлежали к тому роду людей, которых на студентском языке называют филистерами» («С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 157). Ту же ошибку повторил Пушкин и во Второй главе «Евгения Онегина» (изд. 1826 г.), сказав, что Владимир Ленский был «душой филистер Геттингенский» (строфа VI); это заметил и Булгарин, в рецензии своей на Вторую главу «Онегина» писавший, что в портрете Ленского «находится маленькая ошибка. Он представлен Немецким студентом, которые называются буршами и швермерами, а не филистерами, как называл его поэт. Филистером называется напротив того спокойный гражданин, не принадлежащий к сословию студентов» («Сев. Пчела» 1826 г. № 132; ср. «Пушк. и его соврем»., вып. XXIII — XXIV, стр. 133 — 134) Пушкин воспользовался этим указанием и в следующем издании «Онегина» переделал стих известным образом:

С душою прямо Геттингенской.

Языков по поводу слов Булгарина писал своему брату 10 ноября 1826 г. из Дерпта: «Заметил ли ты в 32 № Север. Пчелы замечание Булгарина об ошибке Пушкина в смысле слова филистер? Булгарин, видно, не знает происхождения этого названия всех не студентов, хотя прав в своем замечании: филистер по-русски — не филистер, а филистимлянин!» («Языковский Архив», вып. 1, С.-Пб. 1913, стр. 278 — 279). Впоследствии, в «Русском Пеламе», Пушкин употребил слово «филистер» уже правильно: «Дорого бы я дал», говорит герой: «за мою комнату, вечно полную народа... за наши латинские песни, студенческие поединки и ссоры с филистерами»... А. Н. Вульф, прочитав восьмую и последнюю главу «Онегина», в Дневнике своем писал 15 июня 1833 г., что роман этот является для него лично — «источником воспоминаний, весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, «в губернии Псковской». Так я, Дерптский студент, явился в виде Геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них. Многие из мыслей, прежде, чем я прочел в «Онегине», были часто в беседах глаз на глаз с Пушкиным, в Михайловском, пересуждаемы между нами, а после я встречал их, как старых знакомых» (Л. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 199).

— «Вдохновенный» — поэт Николай Михайлович Языков, тогда студент Дерптского Университета, приезда которого тщетно ожидали в Тригорском еще летом 1825 года. 5 мая 1826 г. Языков писал своему брату из Дерпта: «Вот тебе новость о мне самом: в начале наших летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печёры, — места священные Музе Русской, а ты знаешь, как на меня они действуют! Впрочем, исполнение этого намерения и еще других некоторых зависит от вас, мои почтеннейшие, — понимаешь? «Стара песня», можно сказать, прочитав последнее! Но, друг мой, человек всегда человек, я всегда я, без денег недалеко уедешь!» («Языковский Архив», вып, I, С.-Пб. 1913, стр. 249). 9 июня он всё еще ждал денег, чтобы отправиться к Пушкину (там же, стр. 254), 23 июня писал брату уже из Тригорского (там же, стр. 255 — 256), а 24 июля вернулся в Дерпт (там же, стр. 256 — 257).

— О болезни Жуковского и об его маршруте за границу Языков мог и должен был знать от друга и родственника Жуковского — Дерптского профессора И. Ф. Мойера (см. в т. I письмо № 160), которого он посещал. 5 мая он сообщал своему брату, А. М. Языкову, из Дерпта, среди других новостей, что «Жуковский сильно болен и поедет в чужие краи» (там же, стр. 249), а 12 мая, — что «Жуковский уехал на американском корабле до Копенгагена; оттуда уже . . . . поедет куда-то на

теплые воды. Есть тайные слухи, что его здоровье так худо, что едва-ли он не скоро отправится туда, куда давно мечта его летала». «Карамзин», прибавлял он: «тоже отъезжает в чужеземию; говорят, или лучше пишут из Петербурга, что государь дал ему фрегат для путешествия в Италию, 50 тысяч на дорогу и жалованье посланника. Итак, две важные головы нашей Литературы — и больны, и удаляются за поля и горы. Дай бог им поправления и выздоровления: что ни говори, а всё-таки без них у нас в литературном поприще хоть шаром покати, так не встретишь никого, даже равного им по заслугам»; так заключал Языков свое сообщение, умалчивая о Пушкине, о поэтической деятельности которого он тогда был не слишком высокого мнения (там же, стр. 250). Известный вестовщик К. Я. Булгаков в свою очередь сообщал брату в Москву 22 апреля 1826 г: «Карамзин всё плох. Дай бог ему скорее отсюда выехать. Жуковский бледен, как смерть. Он в начале мая отправляется в Эмс. Это единственное для него спасение. Здесь бы он погиб. Я его вчера видел. Он и духом упал. Болезнь в нем серьезная; но можно еще ему вылечиться, если скоро уберется отсюда» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 430), а 6 мая писал: «Жуковский на сих днях отправляется морем. Государь ему пожаловал на дорогу 1000 р. Пора ему убираться отсюда: иначе, говорят доктора, может быть водяная» (там же, стр. 431). О своей болезни и о предполагаемой поездке в Карлсбад Жуковский и сам писал Пушкину — еще 12 апреля (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 340); о его болезни сообщал поэту также и Плетнев 14 апреля (там же, стр. 341). № 205.

— Жуковский выехал из Петербурга, морем, 11 мая 1826 г., через Кронштадт («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 431), а возвратился в Петербург лишь почти через полтора года.

— Ан. Ник. — сестра Вульфа, Анна Николаевна, бывшая тогда в Тверской губернии и оттуда ведшая оживленную переписку с Пушкиным (см. выше, стр. 145 — 146, в объяснениях к письму № 199), письма которого, к ней, к сожалению, до нас не дошли.

— Ан. Петр. — А. П. Керн, двоюродная сестра А. Н. Вульфа, в это время окончательно разошедшаяся со своим мужем, генералом Ермолаем Федоровичем Керном, и переехавшая из Риги в Петербург.

— Болтин — личность, нам неизвестная; какому-то Болтину Лев Сергеевич Пушкин в 1835 году проиграл 10.000 р. («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 203).

— Письмо Пушкина к А. П. Керн, из которого он приводит французскую фразу (*перевод ее:* «Вы пристроили Ваших детей, — это прекрасно. Но пристроили-ли Вы Вашего мужа? Последний — гораздо большая помеха»), до нас не сохранилось.

— Синск или Синское Устье — почтовая станция на реке Великой, на границе Опочецкого уезда, но уже в Островском уезде, по пути из Михайловского на Новгородку и далее на север к Острову, в 26 верстах от Острова и в 80 верстах от Опочки (см. «Русск. Арх.» 1885 г., кн. III, стр. 37 — 38); здесь Пушкин, по предположению П. А. Ефремова, мог видеть какие-нибудь нескромные стихи, «может быть написанные там на стене, на столе или на скамейке каким-нибудь проезжим, что в прежнее время практиковалось на всех почтовых станциях» («Нов. Время» 1903 г., 26 сент., № 9900; ср. Соч., изд. Суворина, т. VIII, стр. 596 — 597). — Из упоминания Пушкина о Синске видно, что он совершил тогда поездку из Михайловского в Остров, а, может быть, и во Псков; штемпель на письме сохранился неотчетливо: может быть — *Псков*, может быть — *Остров* (Н. О. Лернер читает «Остров» — Труды и дни, стр. 135); во всяком случае, это письмо не имеет на себе обычного на письмах Пушкина, шедших по почте из Михайловского, штемпеля *Опочки*; из того же факта, что дата письма и дата почтового штемпеля совпадают (чего не наблюдаем на письмах, писанных из Михайловского), следует заключить, что оно писано непосредственно в одном из названных городов, т.-е., — или в Острове, или во Пскове.

№ 206. 206. *Императору Николаю I* (стр. 10). Впервые напечатано в книге Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 315 — 316, с подлинника, теперь неизвестно где находящегося. Копия Анненкова ныне в Пушкинском Доме (в Анненковских бумагах); текст воспроизводится нами по этой копии. Самое прошение не имеет на себе даты, но вполне правдоподобно предположение Анненкова, что оно было составлено одновременно с подпискою о непринадлежности к тайным обществам, датированною 11-м мая 1826 г. Сам Пушкин писал Вяземскому 10 июля (№ 210), что он «писал царю *тотчас по окончании следствия*» по делу декабристов, а Следственная Комиссия официально была закрыта 1 июня, когда был назначен Верховный Уголовный Суд; в таком случае, значит, прошение было составлено не позднее конца мая и во всяком случае не позднее 10 июля; в то же время, однако, по письму Пушкина к князю Вяземскому от 27 мая (№ 208) и из ответного письма Катенина от 6 июня на недошедшее до нас, но относящееся к концу того же мая письмо к нему Пушкина можно заключить, что прошение вероятнее всего было написано *до 27 мая*. Князь Вяземский 12 июня советовал Пушкину из Петербурга написать письмо к государю «искреннее, убедительное» (см. ниже, в объяснениях к № 210), а 31 июля писал уже из Ревеля, что видел какое-то «сухое» письмо Пушкина в Петербурге (см. в объяснениях к письму № 210): сюда он приехал 23 мая, а уехал 13 июня, — следовательно, прочесть это непонравившееся ему письмо (конечно, не подлинное, а копию с него, сообщенную Пушкиным сестре, брату или родителям) мог именно в этот промежуток времени. Это же подтверждает, что прошение было написано во всяком случае ранее, чем произведено было медицинское освидетельствование Пушкина. Где было написано прошение Пушкина — в Михайловском или во Пскове — решить невозможно. Свидетельство о болезни, приложенное к прошению и носящее дату *19 июля 1826 года*, по предположению Анненкова, было только *написано* в этот день, самое же освидетельствование происходило одновременно с подачею прошения. Но это неверно: предписание Адеркаса Врачебной Управе об освидетельствовании Пушкина было дано за № 5497, а за № 5498-м, *19 июля 1826 г.*, был отправлен Адеркасом же рапорт к маркизу Паулуччи с прошением Пушкина и со свидетельством о болезни; таким образом устанавливается, что освидетельствование поэта несомненно состоялось 19 июля 1826 г. или, в крайнем случае, накануне. Предположение Н. О. Лернера о том, что оно было 19 июля *1825* года, опровергается как вышеприведенным сопоставлением №№ официальных бумаг, так и тем еще, что к свидетельству приложена печать на траурном, черном сургуче, — что могло быть только в 1826 году, после смерти Александра I (ср. Труды и дни Пушкина, стр. 487; «Русск. Стар». 1908 г., т. CXXXVI, окт., стр. 115). По соображению хода событий следует предположить, что в течение мая — июля Пушкин несколько раз приезжал во Псков из Михайловского, но малое количество писем его и к нему и о нем за это время не дает возможности точно установить хронологические подробности этого важного, поворотного момента в жизни Пушкина.

— Анненков говорит, что те «правильные, формальные пути», которые должны были привести поэта к освобождению и уклонение от которых могло «поставить на карту всё предприятие», сообщены были ему из Петербурга. «Пушкин», пишет он: «исполнил программу друзей в точности». Когда «наступила надлежащая минута», он и представил Псковскому гражданскому губернатору Б. А. фон-Адеркасу свое прошение на высочайшее имя, всё писанное им собственной рукой на простой (т.-е. не гербовой) бумаге. Прошение это было послано Адеркасом 19 июля 1826 г. к Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому генерал-губернатору маркизу Ф. О. Паулуччи, при рапорте за № 5498, следующего содержания: «Известный вашему сиятельству, находящийся по высочайшему повелению под надзором Губернского начальства и проживающий в имении отца своего Коллежский Секретарь Александр Пушкин, представив ко мне на высочайшее имя его императорского вели-

чества прошение, — просит представить оное по Начальству. — Прошение сие на высочайшее имя, свидетельство о болезни и взятую от него, Пушкина, подписку о небытии им ни в каком тайном обществе у сего почтеннейше вашему сиятельству представить честь имею. — Гражданский Губернатор Б. фон-Адеркас. № 5498. 19 июля 1826 г. Псков» («Русск. Стар.» 1908 г., т. CXXXVI, окт., стр. 115). № 207.

Свидетельство, выданное Пушкину Врачебною Управою и посланное при его прошении, было написано на листе гербовой бумаги в 3 рубля и составлено было в следующих выражениях: «По предложению Его Превосходительства Господина Псковского Гражданского Губернатора и Кавалера за № 5497, свидетельствован был в Псковской Врачебной Управе Г. Коллежский Секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, при чем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени повсеместное расширение кровевозвратных жил (Varicositas totius cruris dextri), от чего Г. Коллежский Секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. В удостоверение сего и дано сие свидетельство из Псковской Врачебной Управы за подлежащим подписом и с приложением ее печати. Июля 19 дня 1826 года. Инспектор Врачебной Управы В. Всеволодов.» — К свидетельству, как было сказано выше, была приложена печать на черном, траурном сургуче. — Паулуччи получил рапорт Адеркаса 24 июля, а 30 июля писал министру Иностранных Дел графу К. В. Нессельроде следующее письмо за № 922: «Милостивый Государь мой, граф Карл Васильевич! Выключенный из службы Коллежский Секретарь Александр Пушкин, высланный по распоряжению г. Новороссийского генерал-губернатора из Одессы в Псковскую губернию и о подвержении коего надзору Псковского Губернского Начальства Ваше Сиятельство сообщить мне изволили в отношении от 12-го июля прошлого 1824 г. высочайшую волю блаженной памяти государя императора Александра Павловича, поданным ныне к Псковскому Гражданскому Губернатору на высочайшее имя прошением, при коем представил свидетельство Псковской Врачебной Управы о болезненном состоянии и подписку о непринадлежности его к тайным обществам, просит дозволения ехать в Москву или С.-Петербург или же в чужие края для излечения болезни. — Усматривая из представленных ко мне ведомостей о состоящих под надзором полиции, проживающих во вверенных Главному Управлению моему губерниях, что упомянутый Пушкин ведет себя хорошо, я побуждаюсь в уважение приносимого им раскаяния и обязательства никогда не противоречить своими мнениями общепринятому порядку, препроводить при сем означенное прошение с приложениями к вашему сиятельству, полагая мнением не позволять Пушкину выезда за границу и покорнейше Вас, Милостивый Государь мой, прося повергнуть оное на всемилостивейшее его императорского величества воззрение и о последующем почтить меня уведомлением Вашим...» («Русск. Стар.» 1908 г., т. CXXXVI, окт., стр. 416; Анненков, «Пушкин», стр. 319 — 320).

— Текст прошения Пушкина содержит ту же мотивировку в пользу освобождения, что̀ и более ранние выступления поэта по этому поводу: ссылку на слова об афеизме в частном письме (№ 77) и на болезнь (ср., напр., выше, №№ 147, 152, 183, 186, 193, 201); нового в прошении было только заявление о раскаянии в прежних ошибках и решение не противоречить своими мнениями «общепринятому порядку».

— В «подписке» Пушкина любопытно сопоставить его заявление о непринадлежности к тайным обществам и о незнании о них с его же словами о том, что о заговоре знали все и что он был масоном в Кишиневской ложе (письмо № 193).

207. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 11). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 425 — 427; подлинник (на бумаге без вод. зн.), запечатанный перстнем-талисманом на черном сургуче, был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— Пушкин отвечает на письмо князя Вяземского от 10 мая, вызванное, в свою очередь, письмом к нему Пушкина, посланным с близкою к поэту

№ 207. девушкою (№ 204), которую ниже он называет Эдою — по имени героини поэмы Боратынского, — обольщенной русским офицером финляндки: «Сейчас получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видал, а доставлено мне оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой-же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда, волею божиею, ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде. Я рад был-бы быть восприемником и незаконного твоего Бахчисарайского Фонтана, на страх завести новую классико-романтическую распрю хотя с Сергеем Львовичем, или с певцом Буянова,[1] но оно не исполнительно и не удовлетворительно. Другого делать, кажется, нечего, как то, что я сказал, а во всяком случае мне остановить девушки (ou peu s'en faut) нет возможности. Ты жалуешься на мое молчание; я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем. Потом мы опять имели несчастье лишиться сына 3-х летнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь по неволе. Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжко. Я рад, что ты здоров и не был растревожен.[2] Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай в печать![3] Только не трать чернил и времени на рукописное. Я надеюсь, что дело обойдется для тебя хорошо» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 346 — 347).

— «Стансы Ольге» — стихи князя П.А. Вяземского к О. С. Пушкиной, написанные год тому назад, в августе 1825 г., в Ревеле (см. их выше, в т. I, в объяснениях к письму № 167, стр. 482 — 483), но только что в апреле 1826 г. появившиеся в «Северных Цветах на 1826 год», где ими открывается отдел поэзии. В том же альманахе были напечатаны еще: послание Е. А. Боратынского к Л. С. Пушкину («Л. С. П — ну»: «Поверь, мой милый, твой поэт Тебе соперник не опасный»...); из произведений Пушкина — Отрывок из письма к Дельвигу (см. его выше, т. I, № 113), «Подражание Корану», «Боратынскому. Из Бессарабии», «Ему же», «Отрывки из второй песни Евгения Онегина» и «Отрывок из поэмы: Цыганы»; князь Вяземский поместил здесь свою пьесу «Нарвский водопад», которую Пушкин критиковал в письме к автору от 14 августа 1825 г. (см. т. I, № 171) и «К мнимой счастливице» — длинное стихотворение, напечатанное на стр. 109 — 114 «Семь пятниц на неделе» — 8 куплетов из водевиля, (там же, стр. 103 — 105). Вот 1-й и 3-й куплеты:

День черный *пятница*: кричит
Нам суевер, покорный страху,
И поверяет жизни быт
По Брюсовскому альманаху.
Счастливцу каждый день хорош!
Но кто у счастья в черном теле,
По неудачам тот и сплошь
Сочтет семь пятниц на неделе.

*

[1] Т.-е. Василием Львовичем Пушкиным.
[2] Стих.
[3] Пародия стихов графа Хвостова: «Люблю писать стихи и отдавать в печать» (см. выше, т. I, в письме № 66 и в объяснениях, стр. 290).

«Женюсь! Нет, путь женатых скользк.
Подам в отставку! Нет, ни слова!
В Париж поеду! Нет, в Тобольск!
Прочту Сенеку. Нет, Графова!»
Так завсегда по колесу
Вертятся мысли в пустомеле,
Вот что зовется: на часу
Иметь семь пятниц на неделе...

— Вопрос о женитьбе Боратынского вызван следующим сообщением Вяземского в цитированном уже письме его от 10 мая: «Ты знаешь, что твой Евгений захотел продолжиться и женится на соседке моей Енгельгарт, девушке любезной, умной и доброй, но не Элегиаческой по наружности. Я сердечно полюбил и уважил Боратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем кроме дарования и основа плотная и прекрасная» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 347). Боратынский, действительно, женился на Анастасии Львовне Энгельгардт (род. 1804, ум. 1860) как раз 10 мая 1826 г. Его жена «отличалась любовью к искусству, тонко развитым поэтическим чувством, большим умом (о чем говорят и все современники) и твердою, непреклонною волею; непреклонность воли и характера странным образом соединялись в ней с мягким, отзывчивым сердцем и тою особенною нежностью и очарованием, которым она покорила себе «бунтующую музу» поэта и создала ему спокойный, тихий уют в жизни. Но прекрасная семьянинка, Анастасия Львовна в обществе часто производила другое впечатление, не умела ладить с людьми и своим беспокойным, неуживчивым нравом и ревнивым оберeганием своих исключительных прав на поэта способствовала тому, что Боратынский стал всё более и более расходиться со своими лучшими друзьями и отдаляться от них (от Пушкина, Киреевского и т. д.)» (М. Л. Гофман, Е. А. Боратынский. Биографический очерк, в Соч. Боратынского, изд. Акад. Наук, т. I, С.-Пб. 1914, стр. LXIV—LXV).

208. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 12). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 427—429; подлинник (на бумаге—вод. зн.: G. J. F.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— Начальные слова письма представляют собою начало первого стиха, написанного Батюшковым в 1815 г. «Послания И. М. Муравьеву-Апостолу»:

Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений,
От первых, светлых чувств заемлет силу гений!...

Этот же стих вспомнил Пушкин и позже, начав им письмо к Плетневу от первой половины апреля 1831 г., и еще раз — в записке к М. Л. Яковлеву от середины августа 1834 г.

— Пушкин отвечает Вяземскому на совет, высказанный им в письме от 10 мая: см. выше, в объяснениях к предыдущему письму, стр. 158.

— О мысли издавать *свой* журнал вместо «Сына Отечества» Греча и Булгарина, «Благонамеренного» Измайлова (прекратившегося с 1826 г.) и «Московского Телеграфа» Полевого см. выше, в письмах №№ 123, 167, 187, 197, и ниже, № 219 и в объяснениях к ним, т. I, стр. 405, 487, 526.

— Катенину Пушкин также писал о журнале: см. письмо № 197.

— Lancelot — Jaques-Arsène-François-Polycarpe Ancelot (род. 1794, ум. 1854), французский поэт и плодовитый драматург, с 1841 г. — член Французской Академии. Когда в 1826 году, к коронации Николая I, в Россию прибыл, в качестве представителя Франции, маршал Мармон, в свите его приехал и Ансело. В отделе Смеси «Северной Пчелы» от 15 мая 1826 года, № 58, стр. 1, было помещено следующее сообщение: «В здешнюю столицу прибыл один из отличнейших Поэтов и Литераторов Фран-

№ 208. ции, Г. Ансело (Ancelot), библиотекарь его величества короля Французского и кавалер Почетного Легиона. Г. Ансело прославился трагедиями своими: Людовик IX, Фиеско, Эрброен (Erbroin), Палатный Мер (Maire du Palais) и Поэмою Мария Брабантская. Все сии произведения, носящие на себе печать необыкновенного таланта, доставили автору благосклонность публики и уважение литераторов. Г. Ансело привез с собою рукописную комедию под заглавием: *Инкогнито*, которая была принята единогласным решением на первом Французском Театре. Почтенный автор отдал оную здешней Французской придворной труппе, в знак своего уважения к Российской столице. Комедия сия еще не была играна в Париже и осталась в репертуаре до возвращения Автора в Отечество». В № 60, от 20 мая (стр. 4), в «Смеси», сообщалось и об упоминаемом Пушкиным обеде: «Некоторые здешние литераторы на сих днях давали почтенному Французскому Писателю, Г. Ансело обед, за коим было человек тридцать литераторов и любителей словесности обеих наций, в том числе несколько заслуженных Генералов, не менее знаменитых своею ученостию и трудами в Литературе. Первым тостом было здравие всемилостивейшего, правосудного государя, который, облагодетельствовав Карамзина, почтив вниманием своим Крылова, Жуковского, ободрил, почтил и оживил Русскую Словесность. Усердные восклицания непринужденного восторга последовали за сим тостом, к которому присоединено было и здравие августейшей императорской фамилии и новорожденной великой княжны [Елизаветы Михайловны, род. 14 мая 1826 г.] Потом пили за процветание Французской Литературы, старшей сестры Русской Словесности, и за здравие представителя ее на берегах Невы, Господина Ансело. — После обеда Г. Ансело читал отрывки из новой своей Комедии, к удовольствию всех слушателей». — Пробыв в России полгода, Ансело, по возвращении на родину, издал книжку: «Six mois en Russie. Lettres écrites á M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'époque du Couronnement de S. M. L'Empereur», Paris — Bruxelles. 1827). Легкомысленный, поверхностный наблюдатель, Ансело придал своему рассказу тон пренебрежения ко всему русскому; «глупая, но не злая», по выражению Вяземского, книжка Ансело (она сохранилась в составе библиотеки Пушкина: см. Б. Л. Модзалевский, назв. соч., стр. 139, № 539) наделавшая в Париже большого шума и быстро раскупленная, была переполнена ошибками, легкомысленными, часто смешными обобщениями и выводами и вызвала негодование в русских литературных кругах. Князь П. А. Вяземский поместил обстоятельную рецензию на нее в «Московском Телеграфе» (1827 г., ч. XV, № 11, стр. 216—236), П. П. Свиньин уличил автора в беззастенчивом плагиате («Москов. Телегр.» 1827 г., ч. XVIII, № 21), а Я. Н. Толстой (знакомец Пушкина по «Зеленой Лампе») выпустил в Париже особую брошюру о памфлете Ансело, по поводу которой Вяземский написал вторую статью о произведении французского путешественника («Моск. Телегр.» 1827 г., ч. XVI, № 14, стр. 153 — 170). Пушкин с иронией упомянул о книге Ансело в своих «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», помещенных в «Северных Цветах на 1828 год»: «Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о каком то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще не игранной и ненапечатанной. Забавная словесность!» — В Петербурге и Москве Ансело лично познакомился со многими русскими литераторами, — быть может и с Пушкиным, о котором упоминает в разсказе о данном ему обеде, высказывая сожаление, что не мог на обеде этом повидать ни больного Карамзина, ни уехавшего за границу Жуковского, ни Пушкина, которого тяжкие промахи («graves imprudences») были причиною изгнания в глубь отдаленной губернии и которого он определяет, как «jeune poéte et un grand talent» (стр. 48 Парижского издания). Как образчик русских стихотворений, Ансело сообщил также близкий перевод (прозой) «Кинжала» Пушкина (Парижское издание, стр. 306—307), а также «Светланы» Жуковского (стр. 299 — 305), «Черепа» князя (sic)

Е. Баратынского (стр. 309 — 310) и «Исповеди Наливайки» Рылеева (стр. 179 — 181). По поводу «Кинжала» Ансело писал: «Je m'estime heureux, mon ami, d'avoir pu te faire connaître ce morceau qu'il est difficile de se procurrer ici, car l'auteur ne l'a point publié et je n'ai pas besoin d'en indiquer le motif. Le fanatisme républicain qui respire dans ces vers, l'énergie sauvage des sentiments qui les ont inspirés, annoncent quelles idées font germer dans les esprits d'une classe nombreuse de jeunes Moscovites, l'éducation qui leur est donnée et les communications devenues plus fréquentes entre eux et les différentes nations de l'Europe. Puisse la sagesse du monarque, en apportant d'utiles et prudentes modifications au système du gouvernement, calmer cette exaltation, qui pourrait un jour pousser au crime une génération toute entière!». Можно себе представить, как взволновали Пушкина, хотя и «задним числом», эти строки Ансело! — Обед, данный ему у Греча русскими писателями, Ансело описал в письме № VIII, на стр. 45 — 49; он упоминает из числа присутствовавших, кроме хозяина, лишь Крылова, Бургарина (sic), Лобанова, Измайлова, Сумова (sic!) и графа Ө. П. Толстого, медальера. Ср. Соч. князя П. А. Вяземского, т. I, стр. 235 — 236, в рецензии на книгу Ансело. — Жена Ансело, также писательница, узнав о смерти Пушкина, с сочинениями которого она была знакома, выражала А. И. Тургеневу, посетителю ее Парижского салона, свои глубокие сожаления («Остаф. Архив», т. IV, стр. 4, 35, 49; ср. «Стар. и Новизна», кн. XVII, стр. 264 и др.). О книге Ансело см. подробнее в статье Б. Л. Модзалевского: Я. Н. Толстой, С.-Пб. 1899, стр. 31 — 32; «Остаф. Архив», т. III, стр. 508 — 510). № 208.

— В книге баронессы Сталь (ум. 1817): «Dix années d'exil» (Paris. 1821; она запрещена была к обращению в России распоряжением от 24 сентября 1823 г.), — посетившей Петербург в конце августа 1812 года, — нет приводимого Пушкиным эпизода о графе М. А. Милорадовиче (смертельно раненом 14 декабря 1825 г. во время восстания), и Пушкин знал об этом эпизоде с ним, вероятно, из устных преданий. Напротив, путешественница отзывается о Милорадовиче, с которым познакомилась в мае 1812 г., во время своего однодневного пребывания в Киеве (где он был тогда генерал-губернатором), как о человеке пылком, храбром, доверчивом, высокообразованном и трудолюбивом (ср. «Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 399). Говоря о тогдашних либеральных настроениях Александра I, она писала, что «в Петербурге в особенности большие баре настроены менее либерально, чем сам император. Привыкнув быть неограниченными хозяевами своих крестьян, они желают, чтобы и монарх, в свою очередь, был всомогущ в управлении деспотической иерархии» (стр. 314). Вероятно к такому убеждению привели баронессу Сталь ее личные наблюдения над обычаями и самым бытом крепостной России, где сцены в роде сцены мальчика с Гекторкой были заурядны и считались вполне естественными; особенно сильное впечатление произвел на нее в этом отношении жизненный обиход обер-камергера Л. А. Нарышкина, у которого она гостила на даче, слушая его роговую музыку, хоры певчих крепостных и т. под. развлечения этого богача. Книгу баронессы Сталь Пушкин хорошо знал уже в 1822 году (отрывки из нее, в переводе, были помещены в «Нов. Литературы» 1822 г., № 10—12) и был о ней высокого мнения (см. выше, т. I, в объяснениях к письму № 176, стр. 515), как и о самой писательнице, которую вывел в отрывке из своего романа «Рославлев»: здесь Пушкин — устами героини отрывка Полины говорит, негодуя на невежество нашей «светской черни», представшей перед m-me Staël во время ее приезда в Россию в 1812 году: «Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь.... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов! Тупые лица, тупая важность.... и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленною!

№ 208. Она увидела, чего им было надобно, что могли понять эти обезьяны просвещения, и кинула им каламбур. А они так и бросились.... Я сгорела со стыда и готова была заплакать.... Но пускай, с жаром продолжала Полина, пускай она вывезет об этой светской черни мнение, которого они достойны. По крайней мере, она видела наш добрый, простой народ и понимает его. Ты слышала, что сказала она этому старому несносному шуту, который, из угождения к иностранке, вздумал было смеяться над Русскими бородами? «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову. Как она мила! Как я люблю ее! Как ненавижу ее гонителя!» О «Dix années d'exil» и о самой Сталь и отношении к ее сочинениям Пушкина см. статьи В. Θ. Ржиги: «Пушкин и мемуары M-me de Staël о России» — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.», т. XIX, 1914 г., кн. 2, стр. 47 — 67 и Б. В. Томашевского: «Кинжал» и m-me de Staël» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 82 — 95. Перевод главы книги г-жи Сталь о пребывании ее в России в 1812 г. см. в «Русск. Арх.» 1912 г., кн. II, стр. 539 — 579.

— Слова: «Если царь даст мне свободу»... показывают, что Пушкин в это время уже ожидал решения своей участи, — т.-е. что он, будучи в Пскове, уже подал свое прошение об освобождении (см. выше, № 206). Судя по письму Катенина от 6 июня из Петербурга, в ответ на несохранившееся до нас письмо Пушкина, последний писал ему тоже *в конце мая* (т.-е. в то же время, как и Вяземскому) и сообщал ему о возможности своего близкого приезда в Петербург: «Ты хочешь», писал Катенин: *при свидании здесь* прочесть мне «Годунова», — это еще усиливает мое желание видеть тебя возвратившегося в столицу» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 355). В то же почти время и Дельвиг писал П. А. Осиповой: «Пушкина вероятно пустят на все четыре стороны, но надо сперва кончиться суду. Что̀ за времена!» (с подлинника; ср. у Анненкова, «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 317, с неверною датой). «Теперь», пишет М. А. Цявловский, сказав о подаче Пушкиным прошения на высочайшие имя: «казалось, всё было учтено и сделано для получения желанного разрешения. Время для просьбы по совету друзей было выбрано самое подходящее: прошению был дан ход в июле, по окончании суда [и казни. *Б. М.*] над декабристами и перед коронацией, в день которой ожидали амнистии; при прошении было представлено авторитетное медицинское свидетельство, а в приложенной к прошению подписке и в самом прошении Пушкин определенно выражал свои верноподданнические чувства. Естественно, что поэт почти не сомневался в том, что его просьбу удовлетворят, и мыслью был уже в Западной Европе....» («Тоска по чужбине у Пушкина» — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 54).

— Жизнь Онегина в деревне описана в известных строфах 4-й главы: XXXVII — XXXIX и XLIII — LI, законченных 3 января 1826 г.:

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке....

— «И спросишь с милою улыбкой» и т. д. — Пушкин пародирует здесь следующие конечные стихи из стихотворения И. И. Дмитриева «К Маше» (нач.: «Я не Архангел Гавриил...»):

Когда ты, Маша, расцветешь,
Вступая в юношески лета,
Быть может, что стихи найдешь,
Конечно, спрятанны, ошибкой,
Прочтешь их с милою улыбкой
И спросишь: «Где же мой поэт?
В нем дарования приметны....»
Услышишь, милая, в ответ:
«Несчастные недолголетны, —
«Его уж нет!»

— Князь Вяземский собирался тогда в Петербург, встревоженный сообщениями о плохом состоянии здоровья Карамзина и вызываемый туда и женою его (своею сестрою), и А. И. Тургеневым: «Письмо твое получил и отдал Карамзиным, которые также твое получили», писал Тургенев 3 мая. «Я писал уже к тебе..... что Николай Михайлович едет на фрегате «Елена», который готов будет к 15-му мая или немного позже. Назначить время отъезда нельзя; но им бы хотелось в конце мая или в начале июня, если тепло установится и силы его несколько утвердятся. Но по сию пору он не подает большой надежды, чтобы так скоро силы его возвратились: какой-то род лихорадочки продолжается и с кашлем выходит материя. Ему лучше с тех пор, как начал выезжать в карете, но в сем положении он не может еще пуститься в путь дальний.... Дети обрадовались твоему намерению провожать их, но Катерина Андреевна [Карамзина, сестра Вяземского] не сказала почти ни слова, когда я намекал ей об этом от себя, и думает, кажется, что тебе не надобно оставлять своих. Жуковский так же, как и я, одобряет мысль твою.... Но этого без тебя решить нельзя. Приезжай сюда сам и реши.....» «Воспользовавшись светлым утром и телесною крепостью Николая Михайловича», писал Тургенев в тот же день: «я говорил с ним о твоем желании провожать его. Он с удовольствием принял это» («Остафьевский Архив», т. III, стр. 139—140). 13 мая, в тот день, когда был подписан указ о пожаловании Карамзину пенсии по 50.000 р. в год и дан ему милостивый рескрипт (см. «Сев. Пчела» 1826 г., № 60, от 20 мая), Тургенев писал Вяземскому: «Вчера получил письмо твое и читал его Карамзиным. Они с нетерпением тебя ожидают; да и я также и советую и прошу *спешить*, если это не расстроит снова твоего здоровья.... Пожалуйста, поспеши!... Я получил и от Жуковского из Кронштадта несколько строк с завещанием; между прочим, говорит и он: «Напиши от меня и от себя к Вяземскому, чтобы спешил в Петербург» (там же, стр. 141). Однако, как ни спешил Вяземский, он приехал в столицу 23 мая, а Карамзин скончался накануне, 22-го числа. «Зачем не приехал я недели за две», с горестью писал он своей жене: «Какая потеря! Как пусто после него и в семействе, и в кругу друзей, и в отечестве! Кто его заменит?.... Николай Михайлович до самой кончины своей был исполнен приятнейших надежд; с живостью, во всем ему свойственною, занимался он приготовлениями отъезда, строил планы, с радостию мечтал о чужих краях, а душа его торопилась жить и любить, пока еще была на земле. Он, который во всю жизнь свою был весь любовь, в последнее время любил еще живее и нежнее прежнего. Всякую ласку, всякое одолжение бездельное от приятелей принимал он с необыкновенною признательностию; хотя ему было и вредно видеть людей, но он всё просил, чтобы впускали к нему коротких приятелей» («Остаф. Архив», т. V, вып. 2, стр. 4—5). В день похорон Вяземский писал жене: «Вчера государь приезжал сюда поклониться телу, но к ним не входил, боясь их беспокоить, а вероятно, боясь более изъявлений их благодарности, потому что оне его еще не видали после оказанной им милости. Один Северин видел государя, который был очень растроган и плакал. Дай бог, чтобы эти слезы принесли хорошие плоды, и Николай Михайлович мог бы и из-за гроба быть добрым внушителем царя и полезным своему отечеству, которое, без сомнения, лишилось в нем лучшего гражданина, лучшего человека. Чувство частной горести теряется иногда в общей; сожалея о нем, и не знаешь, кто более потерял в нем,— семейство, друзья или отечество» (там же, стр. 5—6). «Сейчас с похорон Карамзина», сообщал К. Я. Булгаков брату 25 мая: «видел много слез и сам поплакал, видел Вяземского и Тургенева рыдающих» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 434). — «Сегодня предали мы его земле», сообщал сам Вяземский жене: «Многие оплакивали его в церкви и из таких, которые на слезы не щедры. Погребение было самое трогательное. Я точно потерял в нем второго отца и такого, которого я знал более первого» («Остаф. Архив», т. V, вып. 2, стр. 7). 31 мая К. Я. Булгаков писал брату: «Вяземский был у меня, очень грустен, едет с Карамзиными в Ревель. *№ 208.*

*

 Много говорили про покойника, которого, верно, что он сильно любил» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 434). «Каким ужасным и преждевременным ударом поражены мы», писал Вяземский И. И. Дмитриеву 22 июня, через несколько дней по приезде в Ревель: «Ни ум, ни сердце не могут приучиться к горестной мысли, что нет Карамзина в кругу семейном и в кругу друзей, что нет его в России, нет в мире. Утрата, равно чувствительная во всех отношениях» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 426). Жуковский, узнав лишь в конце июня — и из газет — о смерти Карамзина, писал из Эмса А. И. Тургеневу: «Его я проводил сердцем в лучшую жизнь, уже покидая Россию. Об нем могу думать, как об ангеле, которого только лице для меня закрылось. Но сердце его никогда не потеряет. Он был другом-отцом в жизни; он будет тем же и по смерти. Большая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия. От этого присутствия нельзя отвыкнуть. Карамзин — в этом имени было и будет всё, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного. Воспоминание о нем есть религия. Такие потери могут делать равнодушным только к житейскому счастию, а не к жизни. Кроме счастия есть в жизни должность. Тут мысль об нем есть подпора, — перед глазами ли он, или только в сердце. Он жив, как вера в бога, как добродетель. Его потерять нельзя, лишь только надобно быть достойным его» и т. д. (Письма Жуковского к А. И. Тургеневу, М. 1895, стр. 214). Ср. еще письмо Жуковского к Е. А. Карамзиной — в сб. «Утро», М. 1866, стр. 190, а также в Записной книжке князя П. А. Вяземского — выдержку из письма его к Жуковскому от 6 августа о Карамзине и о значении его смерти (Сочинения, т. IX, стр. 89 — 90), в книге Ancelot: Six mois en Russie, Paris. 1827 p. 72 — 73, «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 139 и XXIII — XXIV, стр. 144 — 145, и ниже. в письме Пушкина № 206.

— Слова доктора о болезни Пушкина следует сличить с выданным ему 19 июля медицинским свидетельством (см. выше, в объяснениях к письму № 206, стр. 157).

209. *И. Е. Великопольскому* (стр. 13). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1884 г., кн. I стр. 468 и в сборнике П. И. Бартенева: «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 136 — 137; подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Об И. Е. Великопольском см. выше, письмо № 203. Дело, о котором писал Пушкин, касалось карточного долга Великопольского Пушкину: оба были страстные игроки и подтверждали мнение Пушкина, однажды высказанное им А. Н. Вульфу, что «страсть к игре есть самая сильная из страстей» (Дневник А. Н. Вульфа — «Русск. Стар.» 1899 г., № 4, стр 43).

— Село Преображенское, из которого написано письмо Пушкина, находится в Знахлицком приходе Псковского уезда; тогда оно принадлежало Гавриилу Петровичу Назимову; сын Псковского Уездного Предводителя дворянства, Назимов (род. 13 октября 1794) служил в военной службе, участвовал в Отечественной войне и был при взятии Парижа; выйдя в отставку штабс-ротмистром, он жил во Пскове, в своем доме на Сергиевской улице, где у него в 1826 г. останавливался Пушкин (Н. Ф. Окулич-Казарин, «Спутник по древнему Пскову», Пск. 1911, стр. 179 — 180), бывавший у Назимова и в Преображенском, как видно из письма его к Великопольскому, который также посещал Назимова и был с ним в переписке (см. сборник: «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902, стр. 361 — 362). В 1833 — 1837 гг. Назимов, с 1835 г. камер-юнкер, был Псковским Уездным Предводителем дворянства, а в 1840 — 1842, гг., в том же звании камер-юнкера, состоял Попечителем Псковских Богоугодных Заведений; скончался он 6 ноября 1850 г. и погребен на погосте Знахлицы («Провинциальный Некрополь», т. I, стр. 591). У одного из сыновей его Пушкин в 1834 г. был восприемником (Н. Окулич-Казарин, назв. сочин. стр., 180; В. В. Руммель, Родословный Сборник, т. II, стр. 101 и 104; здесь неверно указано, что Назимов служил в л.-гв. Уланском полку). Письмо Пушкина Великопольский получил в Юрбурге, куда он был послан по службе для производства следствия по контрабанде, и 12 июня ответил оттуда поэту следующими стихами:

В умах людей как прежде царствуй,
Храни священный огнь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши,
А за посланье — благодарствуй!

* * *

Не прав ли я, приятель мой,
Не говорил ли я заране:
Не сдобровать тебе с игрой,
И есть дыра в твоем кармане!
Поэт! Ты честь родной стране,
Но, — смелый всадник на Пегасе, —
Ты так же пылок на сукне,
Как ты заносчив на Парнасе!
Конечно (к слову то нейдет),
С тобою там никто не равен:
Ты там могуч, велик и славен,
Перед тобою всё падет,
Тебя приветствует и нежит, —
Но, друг, в игре не тот расчет:
Иной пяти не перечтет,
А вмиг писателя подрежет...
В стихах ты — только что не свят,
Но счастье — лживая монета,
И когти длинные поэта
От бед игры не защитят!
Надменно плавая по небу,
Во многом ты подобен Фебу,
Но я боюсь, чтоб и во всем.
Ты не пошел его путем:
Нет у тебя ни в чем завета
И берегись, чтоб и тебе,
Подобно горестной судьбе
Вождя блистательного света
(Слова не сбудутся, авось!),
Под-час сойти бы не пришлось
К стадам блуждающим Адмета!

(См. статью Б. Л. Модзалевского о Великопольском в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902, стр. 362 — 363; «Щукинский Сборник,» вып. X, М. 1912, стр. 359 — 360). 1 сентября того же 1826 г. Великопольский, будучи в Критингене, написал на Пушкина злобную эпиграмму, неизвестно чем ближайшим образом вызванную:

АРИСТ — ПОЭТ.

Арист негодный человек,
Не связан ни родством, ни дружбой:
Отцом покинут, брошен службой,
Провел без совести свой век.
Его исправить труд напрасен,
За то кричит о нем весь свет:
«Вот он-то истинный поэт!»
И точно: верь или не верь, —
Не правда ли (сказать меж нами), —
На всю поэзию теперь
Другими взглянем мы глазами!

(Сборник «Памяти Л. Н. Майкова», стр. 371).

 — Беклешов, «скрепивший» стихи Пушкина, — вероятно, Петр Николаевич, в начале 1833 г. женившийся на падчерице П. А. Осиповой (дочери ее мужа, И. С. Осипова, от первого его брака) — Александре Ивановне, которой Пушкин в 1824 г. посвятил свое стихотворение «Признание», а в 1829 г. написал дружеское письмо; он был с нею, повидимому, в близких отношениях (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 230 — 231 и др.). Беклешов с 1831 был во Пскове полицеймейстером, в чине сперва армии майора, а потом подполковника; брак его с А. И. Осиповой был очень несчастлив.

— Кошко — лицо нам неизвестное.

— О князе Федоре Ивановиче Цицианове, приятеле Великопольского, см. выше. в письме № 203 и в объяснениях к нему, стр. 152.

210. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 13). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 429 — 433; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне — в Центрархиве.

— «Коротенькое письмо» князя Вяземского, на которое отвечает Пушкин, было написано им 12 июня, накануне отъезда его в Ревель с осиротевшею семьею Карамзина. Поэт узнал о смерти Карамзина, вероятно, из «Северной Пчелы», в которой было сообщено о ней в № 62, от 25 мая (стр. 1), [1] полученном в Михайловском 1 — 2 июня. Вот что писал Пушкину князь Вяземский 12 июня: «Ты знаешь о печальной причине приезда моего в Петербург. Хотя ты и шалун и грешил иногда епиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его смерть сердцем и умом: ибо всякое доброе сердце, каждый руский ум сделали в нем потерю невозвратную, по крайней мере для нашего поколения. Говорят, что святое место пусто не будет; но его — было истинно святое и истинно надолго пустым останется. Завтра едем с Карамзиными в Ревель. Не знаю, долго ли там останусь с ними, но буду тебе писать оттуда, а теперь писать нет ни времени, ни мысли, ни духа. На твоем месте написал бы я письмо к государю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая всё время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а пуще всего сдержал бы свое слово) и просил бы дозволения ехать лечиться в Петерб., Москву или чужие края. Вот мой совет! — Обнимаю тебя» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 357). — Письмо это было оставлено Вяземским Н. А. Муханову и передано последним, для отсылки по адресу, барону Дельвигу, но барóн не сразу собрался отправить его; вероятно, оттого Пушкин лишь через месяц и ответил Вяземскому; последний 31 июля писал поэту из Ревеля, что О. С. Пушкина сказывала ему про письмо к нему Пушкина, находящееся будто бы у Дельвига, и выражал опасения, что Дельвиг «проспит» его...(Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 362, 363). Письмо это нам неизвестно, если это не наше письмо № 210, от 10 июля.

— Пушкину приписывалось несколько эпиграмм на Карамзина — напр., «Послушайте, я вам скажу про старину», «В его Истории изящность, простота» и т. д. Но принадлежность их (особенно второй) Пушкину основательно подвергается большому сомнению; Вяземский был даже убежден, что вторая эпиграмма — не Пушкина («Старина и Нов.», кн. VIII, стр. 37), относительно же первой склонен был думать, что «Пушкин мог легко написать эту шалость», которая, вероятно, заставила бы усмехнуться самого Карамзина» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 0545, и Соч., т. VII, стр. 341); та же эпиграмма, о которой пишет Пушкин Вяземскому,

[1] В № 63, от 27 мая, было помещено описание похорон историографа (стр. 1 — 2) и приведен текст рескрипта ему Николая I от 13 мая; в № же 64, от 29 мая, был напечатан довольно большой (в 3 столбца) некролог Карамзина, написанный Н. И. Гречем и помеченный 27 мая; ср. также «Journal de St-Pétersbourg» 1826, № 64 (некролог) и № 65 (о погребении).

признавая ее своею, остается нам в точности неизвестною (см. заметку Н. О. Лернера — Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 535); в отрывке статьи своей о Карамзине Пушкин, как и в письме к Вяземскому, также заявил, что «одна из лучших эпиграмм» на Карамзина была ему лишь приписана; за нее, вероятно, или за подлинную негодовал на Пушкина А. И. Тургенев в письме своем к Вяземскому от 28 апреля 1825 г. («Остаф. Арх.», т. III, стр. 117). — В одной из биографий Пушкина была отмечена его «странная характеристическая черта: великий поэт весьма часто обращал предметы недавнего благоговейного восторга в предмет язвительных насмешек — и, наоборот, благоговел перед вещами, недавно возбуждавшими в нем насмешливость, глумление и сарказм... Одни и те же лица нередко служили ему сюжетами восторженных похвал и злейших эпиграмм, таковы: Карамзин, Гнедич, Жуковский, кн. Шаховской и мн. др.» («Русск. Стар.» 1880 г., т XXVII, стр. 145). № 210.

— Смерть Карамзина вызвала указанные выше (стр.166) статьи Греча (перепечатано в «Моск. Вед.», № 46) и «Journal de St. Pétersbourg»; кроме того, некрологи Карамзина были помещены в «Московском Телеграфе» (1826 г., ч.IX, № 9, стр. 80 — 87, № 12, стр. 160—Н. Д. Иванчина-Писарева и № 17, стр. 84 — В. Л. Пушкина), «Вестнике Европы» (К., т.-е. Каченовского — ч. 147, № 9, стр. 69—72), «Отечеств. Записках» (ч. XXVI, стр. 445 — 453), «Историческом Статистическом и Географическом Журнале» (ч. II, № 5, стр. 145—154, В. Золотова), «Дамском Журнале» (ч. XIV, № 12, стр. 239—241, кн. Шаликова) и «Русском Инвалиде» (№ 123, стр. 506 — 507). Соглашаясь с мнением Пушкина о ничтожности этих статей и отвечая на его призыв написать «жизнь» Карамзина, Вяземский писал ему 31 июля из Ревеля, где, как и в прошедшем году, была на морских купаньях О. С. Пушкина: «Сестра твоя сказывала, что ты хотел прислать мне извлечение из записок своих относительно до Карамзина. Жду их с нетерпением... Ты советуешь писать мне о Карамзине: рано! Журнальную статью — так. Но в этом случае: поздно! Карамзин современем может служить центром записок современных в роде записок Garat, но гораздо с большим правом, чем Suard. Всё русское просвещение начинается, вертится и сосредоточивается в Карамзине. Он лучший наш представитель на Сейме Европейском. Ты часто хотел писать прозою: вот прекрасный предмет! Напиши взгляд на заслуги Карамзина и характер его гражданский, авторский и частный. Тут будет место и воспоминаниям твоим о нем. Можешь издать их в виде отрывка из твоих записок» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 362). Пушкин сделал попытку последовать совету друга, но статья его, от которой до нас дошел только отрывок (см. Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. 416 — 417; ср. т. II, стр. 535), ему не удалась, — о чем он сам писал Вяземскому 9 ноября (см. № 215), убеждая его, в свою очередь, «собраться с духом и писать»; по поводу же своих записок писал 14 августа, обещая переслать Вяземскому то, что у него сохранилось (см. № 211). Сознание неисполненного перед памятью Карамзина долга не оставляло его друзей младшего поколения, — Вяземского и особенно А. И. Тургенева, едва ли не самого пламенного его поклонника (см. «Остаф. Арх.», т. III, стр. 146, 151 — 153, 502). Вяземский, в письме к Жуковскому, так высказывался о потере: «Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления. Не к кому из земных приложить его. Любим, уважаем иных, но всё нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в лице поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. Странное сличение, но для меня истинное и не изысканное... Смерть друга, каков был Карамзин каждому из нас, есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь, но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя русского, есть несметное число кругов, всё более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей» (Собр. соч., т. IX, стр. 89 — 90).

№ 240. «Напиши что-нибудь о Карамзине», убеждал Тургенева Вяземский в январе 1827 г.: «если не полное систематическое жизнеописание, то хотя воспоминание о знакомстве своем с ним, о ваших разговорах и проч. Тут не нужно авторствовать, а только давать волю перу, сердцу и памяти. Ты этим совершишь долг приязни. Иванчин-Писарев собирается издать дух Карамзина, про который он тебе уже говорил, и просил на то позволения Екат[ерины] Анд[реевны]. Вот что мне Катинька сегодня пишет на этот счет: «Nous n'avons pu nous empecher de sentir une épingle dans le cœur, en pensant que de tant de plumes amies et éloquentes celle de M-r Pissareff est la seule qui entreprenne de rompre le silence». Оно и правда. Мне казалось, что мне, как близкому, не кстати сгоряча подать первому голос в этом деле благодарности народной. Я думаю со временем написать о Карамзине и веке Карамзина записки, как Garat писал о Suard. Карамзин, точно, может быть у нас средоточием, около коего должно обвести круг нашего просвещения и всех шагов наших на поприще образованности. Все лучи можно откидывать от него и прикидывать к нему, ибо нет сомнения, что он был истинный и единственно-полный представитель нашего просвещения. Теперь еще рано приняться за это дело, и должно мне собраться с силами и обдумать зрело. Но ты, Жуковский, Блудов и Дашков должны бы непременно положить несколько цветков на гроб его. Вы более всех знали его, более моего, ибо с той поры, что я начал мыслить, мы жили с ним розно. Вы живые и полные архивы, куда горячая душа и светлый ум его выгружали сокровеннейшие помышления. Право, Тургенев, опрокинь без всякого усилия авторства память, и сердечную память свою на бумагу, и выльется живое и теплое изображение. Ведь это стыдно же, что из круга просвещенных друзей Карамзина, из почетного легиона народа Русского, не раздается ни один голос, прерывающий гробовое молчание. Воля Ваша, это — равнодушие, преступная беззаботливость. Карамзину не нужны наши похвалы, не нужно нам на руках подымать его; он и так высок, он и так без сравнения выше всего поколения нашего» («Архив Тургеневых», вып. VI, 1921, под ред. Н. К. Кульмана, стр. 54 — 55; ответ Тургенева — там же, стр. 57 — 59; ср. «Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 207 — 208). В марте 1827 г. и Ник. Ив. Тургенев, по поводу книги Босвелля о Джонсоне, писал брату Александру: «Эту книгу желал бы я дать теперь в руки всем приятелям Карамзина. Едва ли кто-либо вел постоянный журнал разговоров Карамзина. Но многое может быть сохранено: один вспомнит одно, другой — другое. Память Блудова будет тут очень полезна. Я не вижу иного средства передать потомству что-либо о Карамзине достойное Карамзина. Биографии порядочной никто у нас написать не в состоянии...» («Русск. Стар.» 1901 г., № 5, стр. 272). Весною 1829 г. князь Вяземский убеждал И. И. Дмитриева заняться биографиею его друга, а тот указывал, что ею следует заняться самому Вяземскому, которому он обещал свое полное содействие («Стар. и Новизна», кн. XII, стр. 333). Пушкин также чувствовал себя в долгу перед памятью Карамзина; 31 июля 1827 г. он писал барону Дельвигу по поводу статьи Булгарина «Вечер у Карамзина»: «Не печатай его в своих Цветах. Ей Богу неприлично. Конечно вольно собаке и на Владыку лаять, — но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; но не Булгарину прерывать его. Это было бы еще неприличнее» (см. ниже, № 250). 21 января 1831 г., по поводу смерти самого Дельвига, поэт писал Плетневу: «Вот первая смерть, мною оплаканная; Карамзин под конец мне был чужд; я глубоко сожалел о нем, как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига». Еще позже, 17 сентября 1832 г., князь Вяземский писал И. И. Дмитриеву из Петербурга: «Мы в это последнее время часто говорили с Пушкиным о необходимости жизнеописания Карамзина. Это совершенно дело ваше по сердцу, по уму, по обстоятельствам... Время уходит и мы уходим. Многое из того, что видели мы сами, перешло уже в баснословные предания или и вовсе поглощено забвением. Надобно сдавать свои драгоценности в сохранное место» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 623 — 624).

Дмитриев отвечал, однако, отказом от исполнения поручения Вяземского и Пушкина, ссылаясь на старость: «В настоящем положении моем, когда старость ослабила мой ум и сделала меня недоверчивым к собственным силам; когда она не охладила во мне одно только чувство благоговения к незабвенному моему другу,—чего можно ожидать от пера моего?»— писал он Вяземскому 12 октября 1832 г. («Стар. и Новизна», кн. II, стр. 168). Пробовал Вяземский воздействовать и на Жуковского, — и когда тот был в Швейцарии, писал видавшемуся с ним там А. И. Тургеневу (19 июня 1833 г.): «Почему Жуковскому, больному, слабому, отдыхающему от трудов, не писать бы воспоминаний о Карамзине? Воспоминания о Карамзине для коротко знавшего его сливаются с современными воспоминаниями о всех важных событиях русских и всемирных, потому что не было ничего чуждого Карамзину: всё имело отголосок в сердце его и отблеск в умѐ. Карамзин был Россия: она около его сосредоточивалась, по крайней мере отражением своим. Этот труд был бы благорастворителен для Жуковского» («Остаф. Архив», т. III, стр. 245). Но и Жуковский не собрался написать о Карамзине... В 1841 г. Шевырев писал Вяземскому, побуждая его к составлению «литературных записок»: «Не предпримете ли вы хоть биографию Карамзина, еще в большем объеме, нежели биография Фон-Визина?—Это ваш труд.—Кому же, если не вам? Это даже обязанность. Извините смелость мою. Но вы меня поймете!» («Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 138). В январе 1847 г. «желал заняться Карамзиным» П. А. Плетнев, который писал по этому поводу, жалуясь Жуковскому: «Только вообразите: ни один человек в его семействе не вызывается мне помочь чем-нибудь в этом деле, повидимому, так им близком. Не передадите ли вы мне каких-нибудь указаний и советов?» (Сочинения, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 578); но Жуковский не отозвался, хотя и одобрил мысль Плетнева; последний благодарил за поощрение, но повторял, что «затрудняется недостаточностью материалов, особенно касательно первого периода жизни Карамзина», который, в его глазах, «есть солнце, около которого двигались все мы, как планеты» (там же, стр. 582). Наконец, уже в ноябре того же 1847 г. Погодин, в свою очередь, работая над жизнеописанием историографа, писал князю Вяземскому: «Что вы не принимаетесь за биографию Карамзина? До 1800 года я собрал всё, что можно, и рад отдать вам. Ничем нельзя заменить живое знакомство. Вы только знаете, что и как сказать можно и должно» («Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 41), а через полгода опять спрашивал: «А что ваши воспоминания о Карамзине? Голос современника... близкого человека — самое драгоценное свидетельство, которое ничем не заменишь. А потом Пушкин! Пушкина уже у нас забывают! Пушкина! Что за ужасное время!» (там же, стр. 42). О том, что Вяземский собирался писать биографию Карамзина, видно по собственноручно им написанной программе такой биографии, предназначавшейся, быть может, для передачи вдове историографа с целью заполнения вопросов, для Вяземского неясных. Эта программа-вопросник опубликована А. В. Старчевским в его Воспоминаниях («Историч. Вестн.» 1888 г., № 10, стр. 122—124). Свод суждений Пушкина о Карамзине дан в статье Н. М. Данилова: «Пушкин и Карамзин. К 150-летнему юбилею со дня рождения Н. М. Карамзина», Казань. 1917 (об эпиграммах на Карамзина—стр. 16—18). № 210.

— Что хотел выразить Пушкин, говоря «скажи *всё*»,—догадаться трудно.—Аббат Фердинанд Галиани (род. 1728, ум. 1787)—философ, историк, археолог и экономист, живой, веселый, остроумный собеседник, обладавший увлекательным даром слова; имя Галиани, много лет спустя после его смерти, приобрело особенную известность благодаря изданию части его обширной переписки с различными учеными и государственными людьми Европы, вышедшему в Париже в 1818 г. под заглавием: «Correspondance inédite de l'Abbé Ferdinand Galiani, conseiller du Roi de Naples, avec M-me D'Epinay, le Baron D'Holbach, le Baron de Grimm et autres personnages célèbres du XVIII-e Siècle. Edition imprimée sur le manuscrit autographe pe l'auteur, revue et accompagnée de notes, par M.***, membre de plusieurs

№ 210. académies. Precédée d'une notice historique sur la vie et les ouvrages de l'auteur, par feu Ginguené, avec des notes par M. Salfi et du Dialogue de l'abbé Galiani sur les Femmes» (2 тома, 348 и 519 страниц). «Переписка» Галиани находила себе многих читателей и в России. Ею интересовались, между прочим, И. И. Дмитриев, Карамзин, князь П. А. Вяземский, сделавший даже выписки из нее в своей «Старой Записной Книжке» (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 16—17), и А. С. Пушкин («Остаф. Арх.» т. I, стр. 517—518), который упоминает Галиани в своем «Послании к вельможе» (1829), именуя его среди других представителей «энциклопедии скептического причта», а в одном из писем к жене (26 июля 1834 г.) приводит из него афоризм о женщине.—Вяземский по поводу «Переписки» Галиани писал про него, что он «бездушная бестья, но ум презабавный! Аттическое или Парижское остроумие с итальянским буфонством» (там же, стр, 142); в другом месте он определил «Переписку», как «скуку умного человека, но здесь и там мелькают иногда резкие черты глубокомыслия и остроумия» («Русск. Арх.» 1866, ст. 1695 — 1696). Письма, специально посвященного цензуре, в «Correspondance» Галиани нет, но в одном из писем его к Madame d'Epinay, от 24 сентября 1774 г., есть место, которое, очевидно, и имеет в виду Пушкин: «Боже вас сохрани от свободы печати, проведенной при помощи указа. Ничто более этого не посодействует огрубению нации, уничтожению вкуса, порче красноречия и всяких способностей. Знаете ли вы мое определение того, что такое *высшее ораторское искусство?* Это — искусство сказать всё,—и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить всё» («Correspondance inédite de l'abbé Ferdinand Galiani», t. II, Paris, 1818, p. 302). Указывая Вяземскому на это мнение, Пушкин, вероятно, и советовал ему сказать *всё,* прибегнув к этому высшему ораторскому искусству, иначе говоря,— к так называемому «эзоповскому» языку.

— Письмо, которое Пушкин писал, еще не зная о смерти Карамзина, см. выше, под № 208.

— Совет Пушкину князь Вяземский давал еще 12 июня (см. выше, стр. 166, в объяснениях к этому же письму № 210); просьба к Николаю I, отправленная Пушкиным (см. ее выше, № 206), действительно, кончалась точно такими же словами, как советовал написать Вяземский, говоривший, что он заключил бы прошение просьбою о дозволении ехать лечиться в Петербург, Москву или чужие края (у Пушкина: «осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего [т-е. лечения] или в Москву или в Петербург, или в чужие края»).

— Свое несочувствие и даже осуждение предприятию декабристов в той *форме,* в какую оно вылилось,—т.-е. в форме вооруженного восстания,—Пушкин выразил и в своей записке «О народном воспитании».

— Барков, Иван (род. 1732, ум. 1763) — студент, а затем копиист, корректор и переводчик Академии Наук, стихотворец, прославившийся своими грубо-порнографическими произведениями («срамными сочинениями», как выразился о них митр. Евгений в своем «Словаре»), никогда, конечно, не появлявшимися в печати, но расходившимися в многочисленных списках, свидетельствовавшим о соответствии их вкусам потребителей, и вызывавшими последователей и подражателей, писавших «под Баркова». «Вы не знаете стихов... Баркова!», говорил Пушкин в 1836 г. молодому князю П. П. Вяземскому: «и собираетесь вступить в университет?! Это курьезно! Барков — это одно из знаменитейших лиц в Русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение... Для меня сомнения нет — продолжал Пушкин — что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут —полное собрание стихотворений Баркова» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II стр. 427 — 428).—«Слава «барковщины» так велика», пишет С. А. Венгеров: «что Баркову сплошь да рядом приписываются вещи, которые совсем ему не принадлежат» («Критико-биографический словарь», т. II, стр. 152). На это и указывает Пушкин, который ту же мысль выразил в своем «Воображаемом разговоре с императором Александром I»: «Ваше Величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение

возмутительное приписывается мне, как всякие остроумные вымыслы — князю Цицианову [Дмитрию Евсеевичу];... от дурных стихов не отказывался, надеясь на свою добрую славу, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться». Позже, в одном из отрывков повести, имеющем несомненно автобиографическую подкладку, Пушкин писал: «Но главною неприятностью платится мой приятель: приписывание (ему) множества чужих сочинений, как-то: Эпитафия в роде покойного Курганова; послание о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен — учись, коли хочешь быть в аду — женись; стихи на брак, достойные Баркова, начитавшегося Ламартина... Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличать стихов Нахимова от стихов Баркова, важно укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэтическим достоинствам»... (Соч., изд. Литер. Фонда, т. IV, стр. 400). О популярности произведений Пушкина и о влиянии их на умы см. в статье П. Е. Щеголева: Император Николай I и Пушкин — сб. «Пушкин. Очерки», С.-Пб. 1912, стр. 228 и след., где приведены показания и упоминания декабристов о Пушкине.

— Катерина Андреевна — вдова Карамзина, сестра кн. П. А. Вяземского; подробности о ней и о ее душевном состоянии во время, последовавшее за кончиной мужа, находятся в письмах кн. П. А. Вяземского к жене из Петербурга, а затем из Ревеля, где осиротевшая семья историографа проводила летние месяцы 1826 г. («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 4 и след.). Неизвестно, писал ли ей Пушкин, который и до ссылки, и после вторичного водворения своего в Петербурге был постоянным посетителем ее дома (см., напр., «Письма Карамзина к Дмитриеву», С.-Пб. 1866; Дневник Б. М. Федорова в «Русск. Библиоф.» 1916, № 6; Б. Л. Модзалевский, «Новые строки Пушкина» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXVIII; А. Л. Бем, «Мелочи о Пушкине» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 32 — 33 (Дневник Пушкина, под редакцией Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923).

211. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 14). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 431 и 1876 г., кн. II, стр. 220 (стихи); подлинник запечатанный перстнем - талисманом на черном сургуче, был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрахиве. Письмо это служит ответом на письмо Вяземского из Ревеля, от 31 июля 1826 г., начинающееся большим стихотворением князя «Море»:

Как стая гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По резвой прихоти своей;
Как упивается мой слух
Их говором необычайным,
Как сладко предается дух
Мечтам пленительным и тайным!
. . . .
. . . .
Людей и времени раба,
Земля состарилась в неволе;
Шутя ее играют долей
Сыны, столетья и судьба!
Но вы всё те ж, что в первый день,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зерцало! и т. д.

«Вот тебе, моему барину на Парнассе, мой смиренный ревельский оброк», писал Вяземский, посылая эти стихи: «Второй год кланяюсь тебе водою. Ты скажешь qu'il faut avoir le diable au corps pour faire des vers par le tems qui court. Это и правда. Но я пою или визжу сгоряча, потому что на сердце тоска и смерть, частное и общее горе...» (Акад. изд. Пере-

№ 211. писки, т. I, стр. 361 — 362). Поэтому-то, в ответных стихах своих Пушкин, уже знавший о казни декабристов и встревоженный дошедшим до него слухом, будто Николай Иванович Тургенев, находившийся во время следствия и суда заграницей, «привезен на корабле в Петербург», — и вспомнил свои стихи «К морю», в которых он славил море, как свободную стихию; «теперь», говорит Н. О. Лернер: «он советовал другу не славить седого Нептуна, вступившего в союз с землею против свободы. Слух о выдаче иностранными властями русским Н. И. Тургенева оказался ложным. Тургенев, отказавшийся явиться в Россию на суд по делу о Тайном Обществе, остался навсегда заграницей эмигрантом или, по выражению русских оффициальных сфер, «неосужденным государственным преступником». За несколько дней до смерти Пушкина, 21 января 1837 г., А. И. Тургенев писал Н. И. Тургеневу: «Когда-то князь Вяземский написал стихи к морю; вскоре после того прошел слух, что тебя схватили в Англии; вот что Пушкин тогда написал к морю»... («Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 47). 30-го января, когда Пушкина уже не было в живых, А. И. Тургенев писал своему родственнику, И. С. Аржевитинову: «За несколько дней, 16 января, прочел он (Пушкин) мне наизусть много стихов, коих я не знал, ибо они не были напечатаны. Одни более других мне понравились и тем уже, что написаны давно, по случаю распространившегося слуха, что будто брат Н[иколай] выдан англичанами; стихи адресованы к другому поэту, который написал стихи *К морю* и славил его»... («Русск. Арх.» 1903 г., кн. I, стр. 144; Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. III, стр. 610). — О Н. И. Тургеневе Пушкин тем более тревожился, что Вяземский, в письме своем от 31 июля, сообщал поэту: «Александр Тургенев ускакал в Дрезден к брату своему Сергею, который сильно и опасно занемог от беспокойствия по брате Николае. Несчастные!» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 362).

— Надежды Пушкина на коронацию не осуществились вполне: для всех осужденных Верховным Уголовным Судом декабристов указом 22 августа 1826 г., по случаю коронации Николая I, были лишь уменьшены размеры наложенных на них наказаний, помилован же никто не был. В конце 1826 г. поэт призывал царя, в своих «Стансах», быть «памятью незлобным», в том же году послал привет сосланным «во глубину Сибирских руд», а в 1827 г. вспомянул товарищей своих, находившихся «в мрачных пропастях земли» в стихах «19 октября 1827 г.» и «Арион». Когда в 1830 г. Николай Павлович приехал в холерную Москву, чтобы успокоить волновавшийся народ, Пушкин писал, 5 ноября: «Каков государь! Молодец! того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровье!»

— О смертной казни Рылеева, Пестеля, Каховского, Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола, совершившейся 13 июля, Пушкин узнал лишь 24 июля, что и отметил в своей тетради записью под стихотворением, посвященным памяти Амалии Ризнич и рисунками (ср. Соч., ред. Венгерова, т. II, стр. 529 — 530). Узнал он о казни вероятнее всего из «Северной Пчелы», где в № 85, от 17 июля (в Михайловское пришедшем к 23 — 24-му), был напечатан манифест Николая I, по поводу окончания действий Верховного Уголовного Суда, о том, что «преступники восприяли достойную их казнь», а «Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся», и с призывом к родителям о нравственном воспитании и образовании детей, к дворянству и другим сословиям. Вслед за манифестом помещено было сообщение о казни — в следующих выражениях: «Приговор Верховного Уголовного Суда, состоявшийся 11-го сего месяца о пятерых государственных преступниках, коих оным решено повесить, исполнен сего Июля 13-го дня поутру в 5-м часу, всенародно, на валу кронверка Санкт-Петербургской крепости. — Государственные же преступники, осужденные к лишению чинов и дворянства, выведены были прежде того на гласис крепости; с них сняли воинские мундиры и знаки отличия и над головами их переломили шпаги. Над морскими офицерами, в числе государственных преступников находившимися, исполнено сие наказание по Морскому Уставу на военном корабле в Кронштадте, того же числа». «До-

несение Следственной Коммиссии» (составленное бывшим «арзамасцем» № 211.
Д. Н. Блудовым) со списком всех преданных суду, было дано в виде приложения к № 72 «Северной Пчелы» от 17 июня. Со всеми пятью казненными Пушкин был лично более или менее близко знаком, т.-е. с Пестелем, Рылеевым, Бестужевым-Рюминым (которого в 1819 г. встречал у А. Н. Оленина — П. Щеголев, «Пушкин», стр. 234), Каховским (см. в книжке Б. Л. Модзалевского: «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1925. стр. 52 и 123 (прим. 75-е), и Муравьевым-Апостолом, а из сосланных был дружен и знаком, — не говоря уже о Пущине и Кюхельбекере и многих «прикосновенных», — с Бестужевыми, кн. С. Г. Волконским, В. Л. Давыдовым, В. Ф. Раевским, Якушкиным, Якубовичем, Мухановым, Корниловичем, Я. Толстым и Н. Тургеневым (не вернувшимися в Россию), М. Ф. Орловым и многими другими.

— В дружественном Пушкину Тригорском приведение в исполнение приговора над декабристами отозвалось также очень болезненно: в числе повешенных оказался внучатный племянник П. А. Осиповой, считавшийся ее кузеном, — Сергей Иванович Муравьев-Апостол, за десять лет до того, в 1816 году, 12 мая, сделавший пророческую о себе запись в ее альбоме (см. «Русск. Вестн.» 1869 г., № 11, стр. 66); брат последнего, Матвей Иванович, и троюродный брат Осиповой — кн. Евгений Петрович Оболенский были в числе сосланных в каторжную работу, в числе же «прикосновенных» — другой троюродный брат — Сергей Николаевич Кашкин, сосланный на службу в Архангельск (о всех их см. в «Алфавите декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925). — Пушкину приписывается эпиграмма на Николая I:

Едва царем он стал,—
И разом начудесил:
Сто двадцать человек тотчас в Сибирь сослал
Да пятерых повесил.

Князь Вяземский, под свежим впечатлением казни декабристов, писал своей жене из Ревеля 20 июля: «О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а всё прибивает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место. Знаешь ли лютые подробности казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости, и их после того возвели на вторую смерть. Народ говорил, что, видно, бог не хочет их казни, что должно оставить их, — но барабан заглушил вопль человечества, — и новая казнь совершилась» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 54 — 55); тогда же в Записной своей книжке он отмечал: «... 13-е число жестоко оправдало мое предчувствие! Для меня этот день ужаснее 14-го [декабря]. По совести нахожу, что казни и наказания несоразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оного. Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказывать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные» и т. д. — «Как нелеп и жесток доклад суда!», писал он далее: «Какое утонченное раздробление в многосложности разрядов и какое однообразие в наказаниях. Разрядов преступлений одиннадцать, а казней по настоящему три: смертная, каторжная работа, ссылка на поселение... Какое самовластное распределение преступников по разрядам... Тургенев, осуждаемый к смертной казни отсечением головы — в первом разряде, — Тургенев, не изобличенный в умысле на цареубийство, — и в шестом разряде осуждаемых к временной ссылке в каторжную работу на шесть лет, а потом на поселение — *участвовавший в умысле цареубийства*» и т. д. (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 81 — 85 и 87 — 88). Негодующее стихотворение Языкова, посвященное памяти Рылеева (написанное 7 августа 1826 г.) см. в сб. «Атеней» 1926 г., кн. III, стр. 11, с заметкою Н. В. Измайлова (стр. 30 — 31).

№ 211. — О записках Пушкина, уничтоженных им после 14 декабря, см. выше, в томе I, в письмах №№ 105, 106, 122, 135, 177, и в объяснениях к ним, стр. 365, 403, 423 и 502; ср. выше, стр. 167. Анненков пишет о них: «Пушкин не отступал до самой смерти своей от намерения представить картину того мира, в котором жил и вращался, и потому сохранял тщательно все даже незначительные источники для будущего своего труда; но труд, разрушенный в самом начале, так сказать при положении первых камней, уже не давался ему более в руки. Не трудно понять, какой памятник оставил бы после себя поэт наш, если бы успел извлечь из своего архива материалов полные, дельные записки своей жизни; но и в уничтожении той части их, которая была уже составлена им в 1825 г., Русская литература понесла невознаградимую утрату. При гениальном способе Пушкина передавать выражение лиц и физиономию событий немногими родовыми их чертами и проводить эти черты глубоким, неизгладимым резцом, — публика имела бы такую картину одной из замечательнейших эпох Русской жизни, которая, может быть, помогла бы уразумению нашей домашней истории начала столетия лучше многих трактатов о ней. Если Томас Мур говорил об уничтоженных им «Записках Байрона», [1] что по жгучести и занимательности содержания они дали бы много бессонных ночей образованным людям всей Европы и склонили бы много голов к своим страницам, — то подобную же роль, вероятно, играли бы у нас и цельные «Записки» Пушкина, если бы существовали» («Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 309 — 310). Об интересе Пушкина к мемуарной литературе см. в нашем Предисловии к изданию «Дневника» Пушкина, изд. Пгр. 1923, стр. II и след.

— Как мы указывали выше (стр. 166), Вяземский, в письме к Пушкину из Петербурга от 12 июня, советовал своему другу написать государю письмо искреннее, убедительное, с сознанием «в шалостях языка и пера», с обещанием «держать впредь язык и перо на привязи» и с просьбою дозволить ехать лечиться в Петербург, Москву или чужие края; а в письме из Ревеля, от 31 июля, по поводу написанного Пушкиным прошения Николаю I (см. № 206), высказывал новые советы: «Я видел твое письмо в Петербурге: оно показалось мне сухо, холодно и не довольно убедительно. На твоем месте написал бы я другое и отправил в Москву. Ты имеешь права не сомнительные на внимание, ибо остался неприкосновенен к общей буре, но должен также и на будущее время дать поручительство в законности жития своего, то-есть, — обещание, что будешь писать единственно для печати и, разумеется, дав честное слово хранить его ненарушимо. Другого для тебя спасения не вижу» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 362). Но он не ограничился этими советами: уже давно в литературе были сообщения о том, что в то же время, в бытность свою в Ревеле (ср. «Остаф. Архив», т. V, вып. 2, стр. 58, 76), он влиял на мать поэта, Н. О. Пушкину: «Из Ревеля, летом 1826 года», рассказывает П. И. Бартенев, конечно — со слов самого Вяземского, — «мать Пушкина послала новому государю в Москву письмо с просьбою о даровании свободы ее сыну. Письмо это до сих пор не найдено: но оно конечно подействовало, отличаясь в ряду всякого рода прошений убедительным красноречием искреннего сердца: его сочинял князь Вяземский» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 471); в другом месте Бартенев передает то же в иных выражениях: «Находясь летом 1826 года в Ревеле, где тогда была мать Пушкина, князь Вяземский написал для нее и от ее имени письмо к новому государю с просьбою о возвращении сына из ссылки. Письмо было так хорошо написано, что последствием его оказались вызов Пушкина из Псковской деревни в Москву и разрешение жить где ему угодно» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. I, стр. 396, примеч.).

Теперь, на основании двух документов, доставленных нам А. А. Сиверсом, мы можем подкрепить предание, сообщенное Бартеневым со слов кн. Вяземского, и отвергнуть уверенность их обоих, — что письмо-прошение

---

[1] См. выше, в томе I, в письме № 177 и в объяснениях к нему, стр. 502.

Н. О. Пушкиной сыграло положительную роль в деле «прощения» Пушкина. В архиве б. Государственного Совета, в делах Комиссии прошений, на высочайшее имя приносимых, в алфавите «входящих бумаг» записано 31 августа 1826 г., под № 8934, прошение Н. О. Пушкиной, которое затем, в журналах Комиссии за январь 1827 г. (по Архиву кн. 129) записано следующим образом: № 211.

«№ 35.

«1827 Года Генваря 4 дня Комиссия прошений слушала следующее всеподданнейшее прошение

Из Ревеля.

8934. *Пушкина*, Надежда, изъясняя, что ветреные поступки по молодости вовлекли сына ее в несчастие заслужить гнев покойного государя и он третий год живет в деревне, страдая Аневризмом без всякой помощи; но ныне сознавая ошибки свои, он желает загладить оные, а она, как мать, просит обратить внимание на сына ее, даровав ему прощение.

Комиссия заключила прошение сие довести до высочайшего его императорского величества сведения.

Подписали: *В. Ланской. Иван Соколов. Александр Казадаев. Николай Лонгинов.* Скрепил: коллежский советник *Глотов.*

На этом подлинном журнале рукою статс-секретаря Н. М. Лонгинова помета: «Высочайшего соизволения на просьбу Пушкиной не последовало». «30 Генв. 1827».»

Затем в книге 56-й «Всеподданнейших докладов» Комиссии за январь — апрель 1827, находим следующий документ по тому же поводу, также, как и первый свидетельствующий о том, что до Николая I прошение Н. О. Пушкиной, полученное Комиссией 31 Августа 1826 г., дошло лишь через *пять месяцев:*

«По журналу 4 Генваря 1827 г.

Надежда Пушкина, изъясняя, что сын ее имел несчастие навлечь на себя гнев покойного государя императора, почему последовало высочайшее повеление жить ему в деревне, где находится уже третий год, одержим болезнию и без всякой помощи, но ныне, усматривая, что сознание ошибок и желание загладить поведением следы молодости успели остепенить ум и страсти, — просит о возвращении его к семейству и о даровании прощения.

Комиссия Прошений заключила: прошение сие довести до Высочайшего вашего императорского величества сведения.

На подлинном докладе рукою императора Николая I карандашем поставлен был знак рассмотрения, а рукою статс-секретаря Н. М. Лонгинова сделана помета: «Высочайшего соизволения не последовало. 30 Генваря 1827».

Любопытно, что резолюция эта была сделана через четыре с половиной месяца после того, что Пушкин, вследствие его *личного* прошения (см. выше № 206), был уже «освобожден» из Михайловского и, как он ошибочно думал, совершенно прощен (см. нашу заметку «Эпизод из жизни Пушкина» в «Красной Газете» 11 февраля 1927 г., № 34(2680); поэтому он не был не прав, когда заранее отнесся с некоторою холодностию и сухостию к Николаю I в своем прошении и когда говорил Вяземскому, что «теперь», т.-е. после совершившейся смертной казни пяти и ссылки в каторжные работы 116 декабристов, у него «перо не повернулось бы» просить о милости к себе.

— Дельвиг жил в доме Эбелинг, а не Эвелинг, как написал Пушкин (ср. выше, письма № 196; «Соврем.» 1854 г., т. 47, кн. 9, отд. III, стр. 6, в статье В. П Гаевского); в нем поселился он после женитьбы своей на С. М. Салтыковой.

№ 212. 212. *П. А. Осиповой* (стр. 15). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 163 (в переводе) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 129; подлинник — в Пушкинском Доме (от М. Н. Понофидина).

Перевод: «Я полагаю, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас, грешных, ничего не делается; мне также дали его для бо́льшей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича, — мне остается только гордиться этим. Еду я прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа этого месяца, и лишь только буду свободен, поспешу возвратиться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце. Псков 4-го Сентября».—

— Вызову Пушкина в Москву предшествовал специальный о нем секретный розыск, произведенный во второй половине июля 1826 г. — Между тем как поэт проводил время в обществе Языкова и обитателей Тригорского — Осиповых и Вульф — и еще не знал о приговоре над декабристами и о казни пятерых из них, — в это самое время о нем шли разговоры в кругах высшей государственной полиции и производилось следствие о его поведении и образе жизни через особого эмиссара, выезжавшего в Опочецкий уезд. По словесному приказанию генерала графа И. О. Витта, был, 19 июля 1826 г., послан туда специальный чиновник, ст. сов. А. К. Бошняк (известный уже агент-провокатор, помогавший Витту в 1824 и 1825 году следить за Тайным Обществом на юге), — «для возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян», и «в сочинении и пении возмутительных песен». Источником подозрений не был донос, а только сплетни и слухи, «столь обыкновенные в деревнях и уездных городах» и вышедшие, главным образом, от генерала П. С. Пущина, соседа Пушкина и его старого, еще Кишиневского знакомца (см. выше, в т. I. в письме № 69 и в объяснениях к нему, стр. 296, а также в письме № 193 и в объяснении к нему стр. 132). Уединенный образ жизни Пушкина, его гуманное отношение к крестьянам — своим и чужим (он здоровался с ними за руку, что̀ в то время было так необычно), — щедрое вознаграждение их услуг, разговоры с ними, посещение ярмарок, появление на них в простом платье — в русской рубахе, подпоясанной розовым пояском, в широкополой соломенной шляпе, с железною тростью, — всё это, в связи с репутацией ссыльного, опального, заставляло говорить о Пушкине, а случайный разговор П. С. Пущина сделал известным эти досужие слухи в Петербурге и вызвал назначение особого расследования о поступках Пушкина, — тем более, что правительство, отыскивая следы влияния декабристов на крестьян, немедленно обратило внимание на слухи о «возбуждении крестьян к вольности»... К счастию для поэта, проверка выяснила всю неосновательность этих вымыслов. Расследование, произведенное среди крестьян и содержателей гостиниц и постоялых дворов, решительно опровергло все слухи о сочинении «возмутительных песен», а тем более — о возбуждении крестьян и даже выставило поэта в удивительно мягком и привлекательном свете. Зато местные чиновники и помещики, знавшие и встречавшие Пушкина (уездный судья Толстой, смотритель по винной части Трояновский, уездный заседатель Чихачев, предводитель дворянства Львов, П. С. Пущин) в своих отзывах не пожалели темных красок при характеристике Пушкина: «яд, разлитый его сочинениями, показывает, сколь человек, при удобном случае, мог быть опасен»; «Пушкин — говорун, часто взводящий на себя небылицы»; он «так болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его присвоить»; он — «человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе неспособный к основанному на расчете ходу действия». Но и они вынуждены были опровергнуть подозрение в возбуждении крестьян и в «поступках, ко вреду государства устремленных»; спрошенный же о Пушкине игумен Святогорского монастыря ответил, что поэт «ни во что не мешается и живет, как красная девка». — Таким образом, на этот раз дело окончилось для Пушкина вполне благополучно, и он

даже не узнал о тайном следствии, произведенном Бошняком (см. подробнее в статье А. А. Шилова «К биографии Пушкина» — «Былое» 1918 г., № 2, февраль, стр. 67 — 77 и у Б. Л. Модзалевского, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925). Негласный розыск этот, совпавший, по времени, с обращением Пушкина к Николаю I (выше, № 206) и давший столь благоприятные для поэта результаты, содействовал удовлетворению его прошения о снятии с него опалы. Со следствием Бошняка и с подачею просьбы Пушкина совпало еще возникновение, в конце июля — начале августа 1826 г., так называемого «дела Алексеева» об отрывке из Элегии «Андрей Шенье», не пропущенного цензурою и не вошедшего в издание «Стихотворений» Пушкина 1826 года, — отрывка, приуроченного досужими любителями к событиям 14 декабря и доставленного полицейским агентом Коноплевым генералу И. Н. Скобелеву. Последний препроводил стихи Пушкина Бенкендорфу, а тот запросил Скобелева: «Какой это Пушкин — тот ли самый, который живет в Пскове, известный сочинитель вольных стихов?» — «Мне сказано, что тот, который писать подобные стихи имеет уже запрещение, но отослан к отцу его!» — ответил Скобелев. «Бенкендорф», пишет П. Е. Щеголев: «обратил особенное внимание на это дело, хотя бы уже в силу одного того соображения, что оно было одним из первых в практике новорожденного III Отделения, бывшего под его начальством. Понятно, ему хотелось провести его возможно тщательнее» («Пушкин. Очерки», С.-Пб. 1912, стр. 256; этой запиской с вопросами Бенкендорфа и ответами Скобелева началось обширное дело III Отделения о Пушкине, окончившееся лишь в 1854 году; оно издано, очень неисправно, вместе с другими делами III Отделения о Пушкине, С. С. Сухониным в С.-Пб. в 1906 г.). Отсюда для Пушкина и для исхода его прошения об освобождении возникала новая и чрезвычайно серьезная опасность: Бенкендорф должен был легко заключить, что ссылка поэта его не угомонила; он имел право негодовать на него, ибо ему представлялось, что одновременно он подавал просьбу о помиловании и писал, по поводу казни декабристов, такие дерзкие слова: № 212.

О горе, о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей? Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас, о позор! и т. д.

Бенкендорф не знал, что это сказано было не про казнь декабристов и восшествие на престол Николая I, а про Робеспьера и Конвент. «При чрезмерно изощренной любви к сыску», говорить П. Е. Щеголев: «нельзя допустить предположение, что Бенкендорф не довел до сведения Николая I полученного им доноса об авторстве Пушкина. Конечно, он тотчас же доложил об этом царю, перед которым лежала и просьба Пушкина. Для нас ясно, что резолюция, положенная Николаем на прошении Пушкина, находится в связи с возникновением дела о распространении стихов из Элегии. Эту резолюцию 28 августа записал Начальник Главного Штаба Дибич так: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем Псковскому губернатору» («Пушкин. Очерки», стр. 258). Вопреки мнению Анненкова и других биографов, П. Е. Щеголев полагает, что уже из самой формы вызова Пушкина можно вывести заключение, что вызов этот далеко не знаменовал собою «помилования»: «Пушкин лично перед Николаем I должен был разрешить недоумение, вызываемое авторством стихов «На 14 декабря», и дальнейшая участь его зависела от его ответа. Судьба его висела на волоске» (там же, стр. 258 — 259). Фельдъегерь, посланный Дибичем из Москвы, с сообщением высочайшей воли о Пушкине, прибыл во Псков 3 сентября, — и в тот же день Б. А. фон-Адеркас отправил нарочного в Михайловское со следующим письмом к Пушкину:

№ 212. Милостивый Государь мой Александръ Сергѣевичъ! Сейчасъ получилъ я прямо изъ Москвы съ нарочнымъ Фельдъегеремъ высочайшее разрѣшеніе по всеподданнѣйшему прошенію Вашему, съ коего копію при семъ прилагаю. Я не отправляю къ вамъ Фельдъегеря, который остается здѣсь до прибытія вашего, прошу васъ поспѣшить пріѣхать сюда и прибыть ко мнѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью пребыть честь имѣю Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Борисъ фонъ Адеркасъ.

Копия с отношения Дибича, приложенная к письму Адеркаса, сохранилась в бумагах Пушкина;[1] вот она:

Главный Штабъ
Его Императорскаго
Величества
По Канцеляріи
Дежурнаго Генерала
въ Москвѣ
31-го Августа 1826
№ 1432.

Копія
Секретно.

Господину Псковскому Гражданскому Губернатору.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, послѣдовавшему по всеподданнѣйшей просьбѣ, прошу покорнѣйше Ваше Превосходительство: находящемуся во ввѣренной вамъ Губерніи Чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемомъ вмѣстѣ съ симъ нарочнымъ Фельдъегеремъ. Г. Пушкинъ можетъ ѣхать въ своемъ экипажѣ, свободно, не въ видѣ арестанта, но въ сопровожденіи только Фельдегеря; по прибытіи же въ Москву имѣетъ явиться прямо къ Дежурному Генералу Главнаго Штаба Его Величества.

(Подписалъ:) Начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ.
Вѣрно. Гражданскій Губернаторъ Б. ф. Адеркасъ.

Свидетель увоза Пушкина — Михайловский кучер Петр, 33 года спустя, рассказывал К. А. Тимофееву, на вопрос, рад ли был поэт, что уезжает: «Рад-то рад был, да только все у нас перепугались. Да как же? Приехал вдруг ночью жандармский офицер из городу, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем — неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеич ее утешает: «Не плачь, мама», говорит, «сыты будем: царь хоть куды ни пошлет, а всё хлеба даст». Жандарм торопил в дорогу, да мы всё позамешкались: надо было в Тригорское посылать за пистолетами, они там были оставши; ну Архипа-садовника и послали. Как привез он пистолеты-то, маленькие такие были в ящичке, жандарм увидел и говорит: «Господин Пушкин, мне очень ваши пистолеты опасны». — «А мне какое дело? Мне без них никуда нельзя ехать; это моя утеха» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1859 г., т. CIII, перепеч. в «Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 273 — 274). — В 1866 г. Тригорская обитательница М. И. Осипова рассказывала М. И. Семевскому: 3 сентября[2] «Пушкин был у нас: погода стояла прекрасная; мы долго гуляли, Пушкин был особенно весел. Часу в 11-м вечера сестры и я проводили Александра Сергеевича по дороге в Михайловское... Вдруг рано, на рассвете, является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина... Она прибежала вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд. Из рассказов ее оказалось, что вчера вечером, не задолго до прихода Александра Сергеевича, в Михайловское приехал какой-то — не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось — фельдъегерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель и через полчаса его уже не было. — «Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой? спрашивали мы няню. — Нет, родные, никаких бумаг не взял и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой что поуничтожила... Что такое? — Да сыр этот проклятый, что Александр

[1] Напечатана у Анненкова, «Пушкин», стр. 321, примеч., и у В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и к Пушкину», стр. 32 — 33.
[2] Собеседница ошибочно указала на 1-е или 2-е сентября.

Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, — и дух от него, от сыра-то этого немецкого, такой скверный»... («С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 163). П. А. Осипова, взволнованная всем происшедшим, отметила в Календаре своем: «В ночи с 3-го на 4-е число [сентября] прискакал офицер из Пскова к Пушкину, — и вместе уехали на заре» (Б. Л. Модзалевский, Поездка в с. Тригорское — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 141). Ср. еще рассказы: П. В. Нащокина — «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 34, и Н. М. Смирнова, переданный, вероятно, со слов самого Пушкина, — «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 231. Желая успокоить своих Тригорских друзей, Пушкин и поспешил дать о себе весточку П. А. Осиповой тотчас по приезде в Псков,[1] откуда он выехал в ночь на 5-е сентября. Губернатор Адеркас 4 сентября уведомил о повелении, полученном им касательно Пушкина, — маркиза Паулуччи, как генерал-губернатора, и барона Дибича, а 7 сентября сообщил Паулуччи, при рапорте за № 189, что «проживавший в Псковской губернии... 10-го класса Пушкин, по явке к нему сего Сентября 5-го [читай 4-го] числа, — того же числа, во исполнение высочайшего государя императора повеления, с нарочно присланным... фельдъегерем отправлен при донесении... в Москву» («Русск. Стар.» 1908 г., т. CXXXVI, стр. 117—118). № 212.

— Везший Пушкина во Псков фельдъегерь Вальш вскоре настолько успокоил Пушкина, что поэт дорогою был очень весел и шутлив, — шутлив до шаловливости. Некий Псковский старожил рассказывал, что Пушкин ехал во Псков с А. Н. Пещуровым («Псковск. Губ. Вед.» 1868 г., № 10; ср. «Русск. Вестн.» 1869 г., № 11, стр. 63). Во Пскове, по малодостоверному рассказу Псковского уроженца П. Рослова, во время перекладки лошадей, он попросил закусить в тамошней харчевне. Подали щей, с неизбежною приправою нашей народной кухни — малою толикою тараканов. Преодолев брезгливость, Пушкин хлебнул несколько ложек и, уезжая, оставил — углем или мелом, на дверях (говорят, нацарапал перстнем на оконном стекле) следующее четверостишие:

Господин фон - Адеркас,
Худо кормите вы нас:
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор.

(«Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVII, стр. 131; ср. выше, т. I, объяснения, стр. 523). Если верить агенту фон-Фока, отметившего о том в своем донесении от 17 сентября, Пушкин, «выезжая из Пскова, написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское. Этот господин», прибавлял Фок: «известен всем за мудрствователя, в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец, — деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Это честолюбец, пожираемый жаждою вожделений и, как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить при первом удобном случае» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», Лгр. 1925, стр. 55).

— До П. А. Осиповой письмо Пушкина дошло не скоро: только под 12-м сентября 1826 г. она отметила в своем Календаре: «Получила письмо от Пушкина из Пскова с радостною вестью, что он будет свободен, и

[1] Анненков (Пушкин, стр. 323) и Н. О. Лернер («После ссылки в Москве» — Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 337) напрасно полагают, что во Пскове Пушкин получил еще любезное письмо Дибича: он в записке к Осиповой имеет в виду присланную ему Адеркасом копию с отношения Дибича к Адеркасу (ср. В. Я. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», стр. 33).

 в стихах — письмо от Языкова» (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в с. Тригорское» — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 144).

213. *П. А. Осиповой* (стр. 15). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 163 (перевод) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 130 — 131; подлинник в Пушкинском Доме (от М. Н. Понофидина).

Перевод: «Вот уже 8 дней, что я в Москве, не имев еще времени написать вам. Это доказывает вам, как я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и до такой степени отдалась празднествам, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, — иначе говоря, по Тригорскому. Я рассчитываю выехать отсюда, самое позднее, — через две недели. — Сегодня, — 15-го Сентября, — у нас большой народный праздник: будет версты на три расставлено столов на Девичьем Поле; пироги приготовлены по саженям, как дрова; так как пироги эти спечены уже несколько недель тому назад, то довольно трудно будет их съесть и переварить, но у почтенной публики будут фонтаны из вина, чтобы смочить их: вот вам последняя новость дня. Завтра бал у графини Орловой. Огромнейший манеж превращен в зал; графиня взяла взаймы бронзы на 40.000 рублей и пригласила 1.000 человек. Много говорят о новых, очень строгих постановлениях относительно дуэлей и о новом Цензурном Уставе, но, не видав его, я ничего не могу сказать о нем. — Простите непоследовательность моего письма, — она обрисовывает вам непоследовательность моего теперешнего образа жизни. Полагаю, что обе m-lles Annettes уже в Тригорском. Приветствую их издалека от всего моего сердца, равно как и всё ваше прелестное семейство. Примите уверение в моем глубоком уважении и неизменной привязанности, которые я посвятил вам на всю жизнь. — Москва. 15 Сент.»

— Пушкин прибыл в Москву утром 8 сентября, употребив на проезд туда из Пскова (свыше 700 верст) только четверо суток. — В тот же день, что́ и Пушкин, в Москву въезжал С. Т. Аксаков — 8 же сентября 1826 г. Он так передает свои впечатления от праздничной столицы, — впечатления, ошеломившие, вероятно, и Пушкина после деревенской тишины: «Москва, еще полная гостей, съехавшихся на коронацию из целой России, Петербурга, Европы, страшно гудела в тишине темной ночи, охватившей ее сорокаверстный Камер-коллежский вал. Десятки тысяч экипажей, скачущих по мостовым, крик и говор еще неспящего четырех сот тысячного населения производили такой полный хор звуков, который нельзя передать никакими словами. Это было что то похожее на отдельные, беспрерывные громовые раскаты, на шум падающей воды, на стукотню мельниц, на гудение множества исполинских жерновов. Никакой резкий стук или крик не вырывался отдельно, всё утопало в общем шуме, гуле, грохоте, и всё составляло непрерывно и стройно текущую реку звуков, которая с такою силою охватила нас, овладела нами, что мы долго не могли выговорить ни одного слова. Над всей Москвой стояла беловатая мгла, сквозь которую светились миллионы огоньков. Бледное зарево отражалось в темном куполе неба и тускло сверкали на нем звезды. И в эту столичную тревогу, вечный шум, гром, движение и блеск — переносил я навсегда из спокойный тишины деревенского уединения скромную судьбу мою и моего семейства» и т. д.

Фельдъегерь привез Пушкина «прямо в канцелярию дежурного генерала, которым был тогда генерал Потапов, и последний, оставив Пушкина при дежурстве, тотчас же известил о его прибытии Начальника Главного Штаба, барона Дибича. Распоряжение последнего, сделанное на самой записке дежурного генерала и показанное Пушкину, гласило следующее: «Нужное, 8-го сентября. Высочайше повелено, чтобы вы привезли его в Чудов дворец, в мои комнаты, к 4 часам пополудни». Чудов дворец занимало тогда августейшее семейство и сам государь император, которому Пушкин и был тотчас же представлен, в дорожном костюме, как был, не совсем обогревшийся, усталый и кажется даже не совсем здоровый» (Анненков, «Пушкин», стр. 321). Прямого рассказа самого Пушкина о его приеме и о разговоре с царем не существует; княгиня В. Ф. Вяземская,

с которою поэт повидался тотчас по приезде в Москву, из рассказа его о свидании с царем впоследствии вспоминала только заключительные слова беседы: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин!» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 307). Об освобождении Пушкина кратко извещал А. И. Тургенева, из Москвы, князь П. А. Вяземский: «Пушкин здесь и на свободе... Государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею... Государь обещался сам быть его цензором» («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, Пгр. 1921, стр. 42). Аркадий О. Россет рассказывал по последнему поводу, что Николай, спросив Пушкина, что он теперь пишет и получив ответ: «Почти ничего, ваше величество, — цензура очень строга», — спросил: «Зачем же ты пишешь такое, что не пропускает цензура?» — Цензора не пропускают и самых невинных вещей: они действуют крайне нерассудительно. — «Ну, так я сам буду твоим цензором, сказал государь: присылай мне все, что напишешь» (Я. К. Грот, «Пушкин», изд. 1899, стр. 288). Сам поэт в письме своем к Осиповой говорил лишь, что государь принял его «самым любезным образом». Эта любезность, по словам Н. О. Лернера, объясняется желанием Николая Павловича, — который не мог «сразить Пушкина одним ударом, как были сражены Пестель Рылеев, Каховский» — поймать поэта на ласку: и «он съумел взять Пушкина в руки легко и мягко; железная рука Николая Павловича подчас облекалась в бархатную перчатку. «Умный покорил мудрого». Младенчески-божественная мудрость гениального певца, человека вдохновения, уступила осторожной тонкости. Пушкин, который сам думал о компромиссе с правительством, об «условиях», вышел от государя безусловно преданный ему, покоренный его личностью» (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 337). В свою очередь Николай I вынес из свидания с поэтом положительное впечатление: «Знаешь ли, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России? — сказал он Д. Н. Блудову, и на недоумение последнего пояснил, что имеет в виду Пушкина («Русск. Арх.» 1865 г., ст. 96 и 389). Позднее, в 1848 году, он, при бароне М. А. Корфе, графе А. Ф. Орлове и Ф. П. Врончевке, вспоминая об этом свидании, рассказывал: «Я впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву, совсем больного и покрытого ранами — известной болезни [!?]. «Что сделали бы вы, если бы 14-го декабря были в Петербурге?» спросил я его, между прочим. — Стал бы в ряды мятежников, отвечал он. На вопрос мой, переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пущу его на волю, наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14-го декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку с обещанием сделаться другим» («Из записок гр. М. А. Корфа» — «Русск. Стар.» 1900 г., № 3, стр. 574; ср. еще 1899 г., т. XCIX, стр. 310). П. В. Нащокин рассказывал П. И. Бартеневу, что, «когда Пушкина привезли из Псковской деревни в Москву, прямо в кабинет государя, было очень холодно. В кабинете топился камин. Пушкин обратился спиною к камину и говорил с государем, отогревая себе ноги; но вышел оттуда со слезами на глазах» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 32, 34, 90). А. Г. Хомутова, свидетельница очень достоверная, в «Воспоминаниях» своих так передает собственный рассказ поэта о свидании с царем (*Перевод*): «Фельдъегерь выхватил меня из моего насильственного уединения и на почтовых привез в Москву, прямо в Кремль, и, всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением? — Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14-м декабря, еслиб был в Петербурге? Непременно, государь, — все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога! — Довольно ты подурачился, — возразил император: надеюсь, теперь будешь рассудителен и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне всё, что сочинишь; № 213.

№ 213. отныне я сам буду твоим цензором» («Русск. Арх.» 1867, ст. 1066). Н. М. Смирнов (должно быть, со слов самого поэта) рассказывает: «По приезде в Москву Пушкин введен прямо в кабинет государя; дверь замкнулась и когда снова отворилась, — Пушкин вышел со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. Государь его принял, как отец сына, всё ему простил, всё забыл, обещал покровительство свое и быть единственным цензором всех его сочинений» (рассказ записан в 1842 г. — «Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 231). — М. М. Попов передает одну подробность свидания: «Ободренный снисходительностию государя, он [Пушкин] делался более и более свободен в разговоре; наконец, дошло до того, что он, незаметно для себя самого, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: «С поэтом нельзя быть милостивым!» («Русск. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 691; ср. возражение Н. П. Барсукова — «Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 1090). [1] Ф. Ф. Вигель, дядя А. И. Алексеева, привлеченного по делу об отрывке из элегии «Андрей Шенье», — рассказывает, что во время свидания с Пушкиным царь спросил его, кем сочинены злополучные стихи, и что «поэт, не обинуясь, сознался, что им, но они были писаны за пять лет до преступления, которое будто бы они выхваляют, и даже напечатаны под названием «Андрей Шенье». В них Пушкин нападает на революцию, на террористов, кровожадных безумцев, которые погубили гениального человека. Небольшую только часть его стихотворения, — впрочем, одинакового содержания, — неизвестно почему, цензура не пропустила, и этот непропущенный лоскуток, который хорошенько не поняли малограмотные люди, послужил обвинительным актом против них [Леопольдова, Молчанова, Алексеева и Пушкина]. Среди бесчисленных забот, государь, вероятно, не пожелал прочитать стихи; иначе государь убедился бы, что в них не было ничего общего с предметом, на который, будто бы, они были написаны. Пушкин умел это объяснить, и его умная, откровенная, почтительно-смелая речь полюбилась государю» (Воспоминания, ч. VII, стр. 111—112). Анненков также говорит, что «искренность и простота ответа, разоблачавшие прямой характер поэта, были причиной высокой доверенности к честному слову Пушкина, какую возымел государь. Он потребовал у него взамен свободы и забвения всего прошлого — только честного слова, что сдержит обязательства, высказанные в подписке. Затем государь выразил намерение занять Пушкина серьезными трудами, достойными его великого таланта... Пушкин был в восторге от необычайно милостивого приема...» «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 325). «В самое то время, когда царская фамилия и весь двор... съезжались на бал к Французскому чрезвычайному послу, маршалу Мармону, герцогу Рагузскому, в великолепный дом князя Куракина на Старой Басманной», — пишет М. Н. Лонгинов: «наш поэт направлялся в дом жившего по соседству (близ Новой Басманной) дяди своего Василия Львовича Пушкина, оставивши пока свой багаж в гостинице дома Часовникова... на Тверской. Один из самых близких приятелей Пушкина [это был С. А. Соболевский], узнавши на бале у герцога Рагузского от тетки его, Е. Л. Солнцевой, о неожиданном его приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках. На другой день все узнали о приезде Пушкина, и Москва с радостию приветствовала славного гостя» («Современник» 1857 г., № 5, отд. V, стр. 73, в статье М. Н. Лонгинова; ср. Соч. Лонгинова, т. I, М. 1915, стр. 165); затем Пушкин переселился на житье к С. А. Соболевскому на Молчановку, у Собачьей площадки, в доме Ренкевичевой. П. И. Бартенев дополняет этот рассказ: Пушкин, подтверждает он, приехал в Москву в день большого бала у маршала

---

[1] Об эпизоде с будто бы оброненным Пушкиным на лестнице дворца лоскутом бумаги со стихами «Восстань, восстань, пророк России» см. заметку Н. О. Лернера — «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 18 — 29, а также заметку М. А. Цявловского в книге: «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 91 — 94.

Мармона, Французского посла, помещавшегося также на Старой Басманной, в доме князя Куракина. «Весть о возвращении Пушкина, об этом высоком и знаменательном на ту пору деле царской милости, облетела многочисленных гостей герцога Мармона и с бала радостно разнеслась по Москве. Один из давних приятелей поэта [С. А. Соболевский] тотчас из дому князя Куракина отправился в дом Василия Львовича и застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро съездить к известному «американцу» графу Ф. И. Толстому [см. выше, т. I] с вызовом на поединок. К счастию, дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противников помирили» («Русск. Арх.» 1865 г., изд. 2, ст. 1240; «Русск. Стар.» 1907 г., т. CXXXI, июль, стр. 104). Как радостно был встречен приезд поэта, видно, между прочим, и из сообщения тайного полицейского агента фон-Фока — некоего Локателли, который доносил своему шефу (*Перевод*): «Уверяют, что император соизволил простить знаменитому Пушкину его вины, в которых этот молодой человек оказался в царствование его благодетеля, покойного императора Александра. Говорят, что его величество велел ему прибыть в Москву и дал ему отдельную аудиенцию, длившуюся более 2 часов и имевшую целью дать ему советы и отеческие указания. — Все искренно радуются великодушной снисходительности императора, которая, без сомнения, будет иметь самые счастливые последствия для Русской литературы. Известно, что сердце у Пушкина доброе, — и для него необходимо лишь руководительство. Итак Россия должна будет прославиться и ожидать для себя самых прекрасных произведений его гения» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3, Лгр. 1925, стр. 56 — 57). — В тот самый день, как Пушкин уведомлял о себе П. А. Осипову, барон А. А. Дельвиг писал своему другу: «Поздравляем тебя, милый Пушкин, с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Слёнин, Керн, Анна Николаевна — все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать, — она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастия упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою. Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою? Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаянным письмом. Обними Баратынского и Вяземского и подумайте, братцы, об моих «Цветах». Не осрамите моих седин перед Федоровым. За канцелярские услуги А. И. Тургенев наградил его статьями Карамзина и Батюшкова! Каково это! Уродливый боец выступит в состязание с заслуженным атлетом и победит его. Ради Бога, собирая фимиам себе, вербуй хорошенькие пьески мне, а более всего своего, Вяземского и Евгения. Тебе и Дмитриев не откажет хотя бы страничку из его журнала. Надеюсь на тебя, как на каменную стену. Да пиши ко мне подробнее обо всем, поласковее к отцу, матери, роду-племени. Пиши скорей к нам; уведомь, куда посылать к тебе деньги и письма и сколько ты останешься в Москве. Прощай, радость моя. Оканчиваю письмо это, чтобы приняться утешать и обрадовать Прасковью Александровну. Жена моя тебе кланяется очень. Между тем позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне. Еще прощай! Guten Tag! Твой Дельвиг» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 371 — 372). Вот какими словами он же утешал соседку поэта П. А. Осипову: «...Плачу добром за испуг. *Александр был представлен, говорил более часу и осыпан милостивым вниманием.* Вот что мне пишут видевшие его в Москве. Сергей Львович и Надежда Осиповна здесь и счастливы, как нельзя больше. Поздравляю вас с общей радостью нашей и целую ваши ручки...» («С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 163 и «Русск. Арх.» 1894 г., кн. III, стр. 143). 29 сентября князь Вяземский сообщал А. И. Тургеневу и Жуковскому за границу: «Пушкин здесь и на свободе. В следствии ли письма его к государю, или доноса на него, или в следствии того и другого государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в ка- *№ 213.*

№ 213. бинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею» («Архив Тургеневых», т. VI, под ред. Н. К. Кульмана, Пгр. 1921, стр. 42). Длинный ряд показаний современников, очевидцев приезда Пушкина в Москву, свидетельствует о том, что радость по поводу «прощения» поэта была, действительно, общею, и что, по словам С. П. Шевырева, «прием от Москвы Пушкина — одна из замечательнейших страниц его биографии» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 329, 333; ср. стр. 361). «Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении его в обществе! Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца — поэта» («Живоп. Обозр.» 1837 г., т. III, л. 10, стр. 79; «Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 250). По словам графа Д. Н. Толстого, «прощение Пушкина и возвращение его из ссылки составляли самую крупную новость эпохи», когда внимание было поглощено и без того чрезвычайным событиями — коронацией и празднествами, ее сопровождавшими («Русск. Арх.» 1885 г., кн. II, стр. 29). М. П. Розберг, познакомившийся с Пушкиным в эту пору у Веневитинова, также вспоминал впоследствии о гулянье под Новинским, где он видел, «как толпы народа ходили за славным певцом Эльборуса и Бахчисарая, при восклицаниях с разных сторон»: укажите, укажите нам его!» (Н. О. Лернер, «Одесса в 1830 году» — «Одесские Новости» 1913 г., 26 февр., № 8958), Графиня Е. П. Ростопчина так впоследствии описывала момент появления Пушкина на гулянье под Новинским:

Вдруг всё стеснилось, — и с волненьем,
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед...
И мне сказали: «*Он* идет!»
«*Он*, наш поэт, *он*, наша слава,
Любимец общий! Величавый
В своей особе небольшой,
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел *он* быстро предо мной...
. . . .
И долго, долго в грезах сна
Арабский профиль рисовался,
Взор вдохновенный загорался»...

(«Две встречи» — Соч., изд. 1890, ч. I, стр. 50 — 51). «Дамский Журнал» (1826 г., ч. XXIV, стр. 256 — 257) свидетельствовал также, что «в бытность поэта в Москве все или почти все Московские дамы познакомились с автором Онегина лично: тем еще *милее* будут для них новые произведения роскошной его Музы». Жандармский полковник И. П. Бибиков доносил в то же время Бенкендорфу: «Je surveille l'auteur P[ouchkin] autant que possible. Les maisons qu'il fréquente le plus souvent sont celles de la P. Zeneide V[olkonsky], du prince Viasemsky, le poëte, de l'ex-ministre Dmitreff et du procureur Gihareff. Les conversations y roulent, la plupart du tems, sur la litterature. Il vient de composer la tragédie de Boris Godounoff, qu'on a promis de me lire et où, a ce que l'on prétend, il n'y a rien de libéral. Il est vrai que les femmes encensent et gâtent le jeune homme; par exemple sur le désir qu'il manifesta, dans une société de prendre du service, plusieurs s'écrièrent à la fois: «Pourquoi servir! Enrichissez notre littérature de vos sublimes productions et d'ailleurs ne servez-vous pas déjà les neufs soeurs? Exista-t-il jamais un plus beau service?» Une autre dit: «Uous servez déjâ dans le génie et ainsi de suite» — Je ne vous en ai pas parlé jusqu'à présent, car les propos sans conséquence ne feraient qu'absorber un tems précieux» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3. Лгр. 1925, стр. 61), Других показаний не приводим; см. их в книге В. В. Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 53 — 56).

— Праздник для народа на Девичьем Поле был назначен сперва на 13-е сентября, но по причине дождливой погоды был отложен на 16-е или 17-е число («Сев. Пчела» 1826 г., № 114); состоялся же он не 15-го, как

писал Пушкин, а 16-го и был организован сенатором князем Цициановым. Николай I и обе императрицы прибыли на место празднества в 12 часов «и были встречены радостными восклицаниями народа, покрывавшего всё пространство обширного Девичьего поля» (там же, № 116). Погодин в дневнике своем так описал впечатление, произведенное на него праздником, на котором в числе зрителей был и Пушкин: «Завтрак народу... Приехал царь. Бросились. Славное движение! Пошел в народ с Соболевским и Мельгуновым. Сцены на Горах. — С татар шапки и проч... Скифы бросились обдирать холст, ломать галлереи. Каковы! Куда попрыгали и комедианты — веревки из под них понадобились. Как били чернь. Не доставайся никому. Народ ломит ду́ром. Мы дожидались, что будут бросать билеты, крепостному [крестьянину] — воля, а государеву [крестьянину] — деньги и в 5 часов на поле было пусто. Обедал у Трубецких за задним [?] столом. Там Пушкин, который относился несколько ко мне. «Жаль, что на этом празднике мало драки, мало движения». — Я ответил, что этому причина белое и красное вино, — если бы Русское, то...» (М. А. Цявловский, Пушкин по документам Погодинского архива — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 76 — 77). Подробное описание «столов и увеселений для народа, с подписью: *М. В.*, помещено было в № 117 «Северной Пчелы», от 30 сентября, стр. 1 — 2; довольно живо описал дикие сцены этого «праздника» и J. Ancelot в своей книге «Six mois en Russie», Paris. 1827, p. 404 — 408.

— Графиня Орлова — камер-фрейлина графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (род. 1785, ум. 1848), в день коронации пожалованная знаками ордена св. Екатерины 2 степени; обладая несметными богатствами и отличаясь крайнею религиозностью, она покровительствовала монастырям и лицам духовного звания, — особенно же знаменитому изуверу, Юрьевскому (Новгородской епархии) архимандриту Фотию; ее отношения к последнему дали повод для написания двух эпиграмм (1818 — 1819 гг.), приписываемых, с большою долею вероятия, Пушкину: «Благочестивая жена»... и «Внимай, что я тебе вещаю...» (см. зам. Н. О. Лернера — «Голос Минувшего» 1913 г., № 4, стр. 82 — 83, и статью В. Драганова: «Приписываемые Пушкину эпиграммы на архимандрита Фотия и графиню Орлову», с примечанием редакции, — в «Пушкинском Сборнике памяти проф. С. А. Венгерова». Пушкинист IV. Пгр. 1924, стр. 270 — 281). Бал, о котором упоминает Пушкин, состоялся у графини Орловой вечером 17 сентября; на нем были государь с государыней и, по словам J. Ancelot, 1200 человек приглашенных («Six mois en Russie», Paris. 1827, p. 402 — 404). Описание этого бала, освещенного 7000 свеч, сделанное некиим П. С. [Свиньиным?], см. в № 118 «Северной Пчелы», от 2 октября 1826 г., стр. 2 — 3. — А. Я. Булгаков сообщает слух, ходивший по Москве, будто бы Фотий «велел графине Орловой продать всё, что̀ осталось после бала ее, а деньги отдать в монастыри и церкви, чтобы выкупить грех свой» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 401).

— Еще манифестом Екатерины II о поединках (1787 г.) участники в них признавались соучастниками в умышленном причинении смерти или телесных повреждений. Император Николай так же строго смотрел на дуэли: он однажды выразился: «Я ненавижу дуэли; это — ва̀рварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского». Убийцу Пушкина Дантеса-Геккерена и секунданта К. К. Данзаса в 1837 г. судили по статьям Воинского Артикула и Манифеста о поединках (см. книгу: «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном», С.-Пб. 1900 г., стр. 104 — 105, 139 — 140 и др.).

— Новый Цензурный Устав, выработанный Шишковым и князем П. А. Ширинским-Шахматовым и получивший от С. Н. Глинки прозвание «чугунного» («Записки», С.-Пб. 1895, стр. 349), был утвержден Николаем I еще 10 июня 1826 года, распубликован же был в начале сентября. 1 августа Председателем вновь учрежденного нового Главного Цензурного Комитета назначен был инженер-генерал-лейтенант Л. Л. Карбоньер, а 4 августа назначены цензорами Комитета: известный изувер

№ 213. А. И. Красовский, В. Г. Анастасевич, И. Я. Ветринский, П. И. Гаевский, К. С. Сербинович и К. К. фон-Поль. 2 октября Главный Цензурный Комитет был торжественно открыт Шишковым и начал свою деятельность («Сев. Пчела» 1826 г., № 121, стр. 1). Новый Устав своею суровостию заранее пугал литераторов, не суля им ничего, кроме новых терний. Так, напр., 20 августа 1826 года П. А. Катенин писал: «Цензурный новый Устав вышел, я его читал, — он превзошел мое ожидание. Местами я не мог понять... Запрещение всех книг, где дело о логике, и философии, очень ясно и бьет прямо в цель просвещения. Ничто не определено постоянно, каждый год цензуре будут даваться новые наставления по обстоятельствам, и суда на притеснение или (что еще чаще встречается) на невежество, глупость и трусость цензоров никакого нет» («Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», под ред. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 91); в том же смысле и молодой поэт Языков писал своему брату Петру из Дерпта 23 сентября 1826 г.: «Вот новость: Пушкина привезли на казенный счет в Москву, и он освобожден. Это хорошо, но вот что̀ худо — и чрезвычайно: вышел и начинает приводиться в действие новый Устав о цензуре — совершенная инквизиция; а этого никак нельзя было ожидать после манифестов, в которых ясно выказывалось желание добра во всех смыслах. Кроме того, что сей Устав мог бы подписать и монарх Высокой Порты, в нем еще обнаруживаются и глупость, и невежество — необходимые спутники угнетения в нашем веке, когда всё стараются прикрывать личиною благорасположения к просвещению и общему благу. Странно и досадно и — несносно!» («Языковский Архив», вып. I, стр. 263). Про новый Устав писал Языков и в недошедшем до нас письме к Пушкину, который отвечал ему: «О цензурном уставе речь впереди» (см. ниже, письмо № 218). — «Что за новый Устав цензурный!» восклицал князь Вяземский 29 сентября в письме к Тургеневу и Жуковскому: «Каждый должен судить по своей части! Пока не увижу, что Правительство не боится просвещения, а призывает его себе в помощники, надежды на Русское благосостояние во мне не будет. Частные меры в управлении не достаточны. В Уставе сказано, что История не должна заключать в себе умствований историка, а быть голым рассказом событий. Рассказывают, что государь, читая Устав в рукописи, сделал под этою статьею вопрос: «в силу этого должно ли было бы пропустить Историю Карамзина? Отвечайте просто: да, или нет?» Они отвечали: нет! Государь приписал тут: вздор; но, между тем, вздор этот остался, и быть по сему... Автор не избегает ответственности ни одобрением Цензуры, ни давностию, потому что Цензор рассматривает книгу поверхностно, а Автор имел время обдумать свой предмет и проч. и проч. А что сказать о нелепости Редакции? В первом пункте сказано, что Цензура имеет целию если не давать хорошего направления Словесности и умам, то, по крайней мере, преграждать порочное; а во втором: из сего следует, что все книги, журналы, картины и музыкальные ноты должны быть цензурованы. Ты должен бы, Жуковский! выписать Устав от Перовского, который, сказывают, участвовал в нем, с братом Алексеем, под названием Шишкова. А еще лучше: решись написать на него замечания и поднеси их царю. Это обязанность твоя! По смерти Карамзина ты призван быть представителем и предстателем Русской Грамоты у трона безграмотного. Не шучу. Равнодушие твое в таких случаях было бы малодушием» («Архив Тургеневых», под ред. Н. К. Кульмана, т. VI, Пгр. 1921, стр. 40 — 41). Сам Управляющий III Отделением М. Я. фон-Фок, в письмах своих к А. Х. Бенкендорфу от 14 и 15 сентября, указывал, что «литераторы в отчаянии, писатели и журналисты носятся со своим негодованием по всем кружкам, которые они посещают», «говорят, что новый Цензурный Устав закрывает им рот»... («Русск. Стар.» 1881 г., т. XXXII, стр. 537 и 538). Этот Цензурный Устав 1826 года просуществовал всего два года.

— M-elles Annettes — Анна Николаевна Вульф и Анна Ивановна Вульф, две кузины; из них первая, влюбленная в Пушкина (см. выше,

в объяснениях к письму № 199, стр. 145—146), узнав об увозе его из Михайловского и напуганная этим известием, писала поэту 11 сентября, из Петербурга, через князя П. А. Вяземского, взволнованное письмо, закидывая его вопросами; не получив еще ответа, но узнав о его освобождении она вторично писала ему, также из Петербурга, 16 сентября, поздравляя Пушкина со свободой и упрекая его за то, что он перестал ей писать (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 369 — 370 и 372 — 373). № 214.

214. *В. А. Муханову* (стр. 16). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 375; подлинник был в Музее П. И. Щукина в Москве. В Акад. изд. и в изд. Венгерова записка эта неправильно отнесена к Александру Алексеевичу Муханову, который осенью 1826 г., во время приезда Пушкина в Москву, был не в Москве, а в Тульчине, в штабе 2-й армии графа Витгенштейна, и которому Е. А. Боратынский 29 октября 1826 г. писал из Москвы, сообщая разные новости из своей жизни: «Двор уехал, Москва глупа и тошна; но мне мало до этого дела, потому что я счастлив дòма. Принялся опять за стихи... Пушкин здесь, читал мне Годунова: чудесное произведение, которое составит эпоху в нашей словесности» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 125; о пребывании А. А. Муханова в Тульчине см. в «Щукинск. Сборн.», вып. III, М. 1904, стр. 182 — 184, вып. IV, М. 1905, стр. 109 — 124, и вып. V, М. 1906, стр. 284).

Перевод: «Здравствуйте, приходите ко мне завтра вечером в 8 часов; мы будем читать Годунова».

— Владимир Алексеевич Муханов (род. 17 июня 1805, ум. 26 ноября 1876) — младший из трех, чрезвычайно дружных между собою братьев Мухановых, больших почитателей Пушкина. В то время как старший, Александр Алексеевич (см. о нем в т. I, стр. 465 и 515—516) служил в Тульчине, адъютантом графа П. Х. Витгенштейна, а второй, Николай Алексеевич (род. 1802, ум. 1871) — в Петербурге, адъютантом же при Петербургском генерал-губернаторе П. В. Голенищеве-Кутузове, — младший, Владимир Алексеевич, проживал в Москве, имея звание камер-юнкера и числясь в «архивных юношах», т.-е. состоя переводчиком при Московском Архиве Министерства Иностранных Дел («Месяцослов» на 1827 г., ч. I, стр. 19). Он был дружен с литературными друзьями своего брата Александра (см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 180, стр. 515 — 516) и вращался в тех же светских кругах, что и Пушкин, с которым, конечно, постоянно встречался у общих знакомых, — между прочим, у Веневитинова, Вяземского, Боратынского и др. По поводу его смерти П. И. Бартенев писал в 1876 г.: «В. А. Муханов не занимал видного места в государственной службе, не служил и по выборам, не участвовал в каких-либо обществах, и голос его не раздавался в многочисленных собраниях. Причиною тому была врожденная ему скромность. И тем не менее, жизнь его прошла плодотворно. Высокообразованный и самостоятельный в суждениях без заносчивости, благотворительный без шума и оказательства, свой в высших кругах общественной сферы и в то же время доступный всякому и умевший вести живую беседу с последним простолюдином, В. А. был явлением поистине дорогим. Он развивал вокруг себя нравственную тишину и ясность. В нем особенно развито было чувство братства. Всем памятна тесная, напоминавшая собой примеры классической древности дружба, которая соединяла его с покойным его братом Николаем Алексеевичем. Можно сказать, что по внутренней природе своей Муханов был брат по преимуществу» («Московск. Вед.» 1876 г., № 309). Те же черты отличали его и в молодости, чтò видно по переписке его с братьями («Щук. Сборн.», вып. IV, стр. 161, вып. V, стр. 270 — 366) и по дневникам 1836 — 1871, напечатанным с пропусками в «Русском Архиве» 1896, 1897 и 1900 гг.; в них есть и записи о Пушкине, опубликованные в «Русском Архиве» 1897 г., в Московском издании «Дневника» Пушкина (1923 г.) и в сборнике «Московский Пушкинист», в. I, М. 1927, стр. 47 — 67. О В. А. Муханове см. в книге А. А. Сиверса: «Материалы к родословию Мухановых», С.-Пб. 1910, стр. 104 — 106. О брате В. А. Муханова, —

№ 214. А. А. Муханове и о критической заметке Пушкина на статью последнего о Mme de Staël см. выше, в т. I, в письмах № 153, 180 и 208 и в объяснениях, стр. 465, 515—516; записки Пушкина к А. А. Муханову см. ниже № 232—233.

— Пушкин неоднократно читал своего «Бориса Годунова» в Москве, во время пребывания своего в столице после освобождения. Первое чтение состоялось через день после приезда — 10 сентября, у Соболевского (а не у Веневитиновых, как говорят обыкновенно: «Пушк. и его соврем.» вып. XIX—XX, стр. 73; Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, ред. П. О. Морозова, т. IV, стр. 126; «Русск. Арх.» 1865 г., изд. 2, ст. 1240 и «Пушк. и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 40, — собственное показание Соболевского); на чтении присутствовали, кроме хозяина, П. Я. Чаадаев, граф Мих. Ю. Виельгорский, И. В. Киреевский и дальний родственник Пушкина (см. «Русск. Арх.» 1885 г., кн. I, стр. 117—118 и «Пушк. и его соврем.», вып. XI, стр. 120) — поэт Д. В. Веневитинов («Русск. Арх.» 1865 г., изд. 2, стр. 1240—1241), при чем на другой день он рассказывал Погодину: «Борис Годунов — чудо. — У него еще Самозванец, Моцарт и Салиери, Наталья Павловна [«Граф Нулин»], продолжение Фауста, 8 песен Онегина и отрывки из 9-ой и проч.» («Пушк. и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 73—74); затем драма была читана, 29 сентября, у князя П. А. Вяземского, потом, повидимому, отдельно, поэту Боратынскому, который с восторгом писал о ней, как мы видели, А. А. Муханову («Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 125), затем еще у Веневитиновых (12 октября), у которых назначенное на 25 сентября чтение не состоялось. В цитированном выше письме от 29 сентября 1826 г. Вяземский писал из Москвы А. И. Тургеневу и Жуковскому: «Пушкин читал мне своего Бориса Годунова. Зрелое и возвышенное произведение. Трагедия ли это, или более историческая картина, об этом пока не скажу ни слова: надобно вслушаться в нее, вникнуть, чтобы дать удовлетворительное определение; но дело в том, что историческая верность нравов, языка, поэтических красок сохранена в совершенстве; что ум Пушкина развернулся не на шутку, что мысли его созрели, душа прояснилась, и что он в этом творении вознесся до высоты, которой он еще не достигал. Сегодня читает он ее у меня Блудову, Дмитриеву; забавно будет видеть классическую чопорность его под стрельбою романтической цепи. Пушкин скачет из года в год, из России в Польшу, из Польши в Россию, из стихов в прозу; монахи говорят по м... Маржерет говорит по-французски et lache de gros mots. Впрочем, тут Пушкин только что тешился, и этих потех и проказ всего навсего страничка: выключить ее легко. Следующие песни «Онегина» также далеко ушли от первой. Государь обещал сам быть его Цензором» («Архив братьев Тургеневых», т. VI, под ред. Н. К. Кульмана, стр. 42; ср. Соч. Вяземского, т. X, стр. 266). Жандармский полковник И. П. Бибиков, доносят Бенкендорфу 8 ноября об отъезде Пушкина из Москвы в Псковское имение, сообщал своему начальнику, успокаивая его: «Sa tragédie de Boris Godounoff, qu'un de mes amis a lu, est, dit-on, un chef d'oeuvre de Poésie. Elle est purement historique, composée dans le genre de celles de Schiller et écrite en vers blancs» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925, стр. 61—62). Известен восторженный и красочный рассказ Погодина о втором чтении у Веневитиновых (см. «Русск. Арх.» 1865 г., изд. 2, стр. 1249—1251; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 43—45; М. А. Веневитинов, О чтениях Пушкиным Бориса Годунова в 1826 г. в Москве — «Русск. Ведом.» 1899 г., № 143 и отд. отт., М. 1899; «Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 97). А. Я. Булгаков писал своему брату из Москвы 5 октября, — после чтения «Бориса Годунова» у кн. П. А. Вяземского: «Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая. Он читал у Вяземского свою трагедию «Борис Годунов», которая объемлет всю его жизнь; он шагает по-шекспировски, не соблюдая никакого единства и позволяя себе всё. Не думаю, чтобы напечатали эту трагедию:

он выставляет между актерами патриарха. Жаль, что писана белыми стихами. Хорошо, кабы бросил язвительные стихи, кои в двадцать лет лишатся и сего мнимого достоинства вовсе, и принялся бы за хорошие трагедии, оды и тому подобное» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 405).

215. *В. А. Муханову* (стр. 16). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 6, с неправильным (ср. выше, стр. 187) отнесением к А. А. Муханову; подлинник был в Музее П. И. Щукина в Москве.

— Хомяковы — Алексей Степанович (род. 1804, ум. 1860), поэт и впоследствии известный мыслитель, и старший и единственный его брат Федор Степанович (род. 1802, ум. 1829), камер-юнкер, переводчик в Коллегии Иностранных Дел; первый, считавший Александра Муханова одним из лучших товарищей своей молодости («Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 125) и близко знакомый с Владимиром и Николаем Мухановыми (Воспоминание Н. А. Муханова об А. С. Хомякове — см. «Русск. Арх.» 1887 г., кн. I, стр. 243 — 244; письма А. С. Хомякова к А. А. и Н. А. Мухановым — в VIII т. Сочинений Хомякова, М. 1900, стр. 19 — 24; к Н. А. Муханову обращено послание А. С. Хомякова «О мудрый друг»), в начале 1826 г. вернулся из путешествия по Франции, Швейцарии и Славянским землям; живя в Париже в 1825 году, он посылал свои небольшие стихотворения в «Московский Телеграф»; там же написал он трагедию «Ермак», которую Пушкин 13 октября 1826 г. слушал в чтении самого автора, в доме Веневитиновых. Погодин оставил любопытное воспоминание об этом вечере, много потерявшем оттого, что он был на другой день после чтения Пушкиным, у Веневитиновых же, «Бориса Годунова» (см. «Русск. Арх.» 1865, изд. 2-е, ст. 1251 — 1252). Ф. С. Хомяков, «даровитый, отлично образованный молодой человек, служил при нашем посольстве в Париже (1824), когда послом был граф Поццо-ди-Борго; потом он перешел [1828] на службу на Кавказ, в дипломатическую канцелярию своего родственника (по Грибоедовым, из рода которых была бабка Ф. и А. Хомяковых, мать их отца) графа Паскевича» (Сочинения А. С. Хомякова, т. VIII, М. 1900, стр. 9). Судя по тому, что Федор Хомяков в конце октября или в начале ноября 1826 г. («Русск. Арх.» 1885 г., кн. I, стр. 118 — 120) выехал из Москвы с Д. В. Веневитиновым к месту своей службы в Коллегии Иностранных Дел в Петербурге, следует предположить, что записка Пушкина к Муханову № 215 писана еще в 1826 году, в сентябре — октябре, как и записка Пушкина № 214 и относится также к Владимиру Муханову, а не к Александру.

216. *В. В. Измайлову* (стр. 16). Впервые напечатано в Акад. издании Переписки, т. I, стр. 376; подлинник (на бумаге с золотым обрезом, без вод. знаков) был у Товарища Председателя Окружного Суда, Влад. Серг. Абакумова (ум. 1897); печатается здесь по копии, снятой с подлинника Л. Н. Майковым; черновой набросок — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2367, л. 36 об., откуда напечатан В. Е. Якушкиным, как черновое письмо к неизвестному лицу, в «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, стр. 345 — 346, а затем включен в Акад. изд. Переписки (т. I, стр. 367) с предположительным отнесением к А. Н. Вульфу и с приурочением, по положению в тетради, к концу августа 1826 г. Писан рядом с наброском послания к Н. М. Языкову, датированного 28-м августа 1826 г., когда, очевидно, и был набросан, но затем, после того как пришло второе письмо от Измайлова, редакцию первоначального наброска пришлось несколько изменить.

— Писано в ответ на письма Измайлова от 19 мая и 29 сентября 1826 г. из Москвы и из подмосковной деревни. В первом он писал:....«Позвольте ветерану в словесности, но счастливому некогда журналисту, передававшему публике первые мастерские опыты ваши в поэзии, напомнить вам о себе несколькими строками и в то же время молить вас именем Аполлона осчастливить меня новым великим подарком. Я готовлюсь выдать к новому году Альманах; но без вашего содействия, без ваших стихов так же не удаются альманахи, как растения без росы и солнца,—бросьте в него несколько цветков вашей музы, Милостивый Государь мой, чтобы

№ 216. дать моей книге свежесть и бессмертие, озарите меня вашею славою, а если возможно, зароните в душу ветхого поэта искру юной жизни пиитической, а я обещаю быть вам вечно благодарным и не допускать в альманахе соперников, не достойных стоять рядом с вами. Между тем буду иметь смелость скоро представить на суд ваш слабый мой перевод в стихах из Казимира Делавиня (его послание к Наполеону), как знак моей совершенной к вам доверенности: примите его на память и простите великодушно пятна и недостатки переводчика» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 350 — 351).—Во втором письме, от 29 сентября, В. В. Измайлов писал Пушкину: «Простите ли смелость мою? Едва сведал я о вашем приезде в Москву и повторяю мою нескромную просьбу и с жадным нетерпением приступаю к вам, занятым трудами славы, чтобы вы из сожаления отбросили хотя один из лучей ее на темный труд мой в литературе, об котором я писал к вам. В сем дерзком требовании ваших стихов в подарок мне и читателям моего Альманаха на новый год вините не меня, но ваши таланты. Слава, какую вы имеете, едва ли приобретается не на условии терпеть скуку от журналистов и нас их собратий, обступающих великого поэта, как неутомимые пчелы осаждают роскошнейшие цветы в природе. Как мне прискорбно, что я не могу, за слабостью здоровья моего, вас видеть и слышать, вам лично удивляться и следовать за вашим торжеством в столице. Завидую Москве. Она короновала императора, теперь коронует поэта.... Извините: я забываюсь. Пушкин достоин триумфов Петрарки и Тасса: но Москвитяне — не Римляне и Кремль — не Капитолий» (там же, стр. 373 — 374).

— Владимир Васильевич Измайлов (род. 1773, ум. 1830), — свойственник Пушкина (сестра Измайлова, Анна Васильевна, умершая в 1827 году, была замужем за родным дядею поэта — Николаем Львовичем Пушкиным) в молодости служил в гвардии; выйдя затем в отставку премьер-майором, он, как поклонник педагогических идей Руссо, завел пансион, который, однако, просуществовал недолго. С молодых лет Измайлов посвятил себя литературной деятельности, став в ряды горячих поклонников и убежденных последователей и подражателей Карамзина и сентиментальной школы; он писал в журналах, выпустил отдельно свои сочинения и переводы, в 1804 г. издавал педагогический журнал «Патриот», в 1814 г. — «Вестник Европы», в котором появились самые первые юные произведения Пушкина: «К другу стихотворцу», «Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала», «Опытность», и «Блаженство», ав 1815 г. — «Российский Музеум или Журнал Европейских Новостей» (4 части); здесь (в ч. I — IV) было напечатано 18 пьес Пушкина, в том числе его стихотворение «Воспоминания в Царском Селе»—впервые с полною подписью его имени и фамилии и с примечанием Измайлова: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, которого талант так много обещает». Об этом и вспоминает Измайлов, называя себя «счастливым журналистом, передававшим публике первые мастерские опыты в поэзии» Пушкина, а последний поэтому и именует Измайлова «первым покровителем своей Музы», на которую указал Измайлову, без сомнения, дядя поэта, Василий Львович Пушкин. Последние годы жизни Измайлов был цензором в Московском Цензурном Комитете. Воейков в своем «Парнасском Адрес-Календаре» дал ему такое определение: «Действительный явный галломан, чувствительный писатель I-го класса, помещен на вакансию Ж. Ж. Руссо, при рескрипте, в котором сказано: «На безрыбье и рак рыба!» Пользуется привилегиею выпускать в Благовещенье из клеток чижиков и заведывает Департаментом истерик.» — Карамзин, которого никак нельзя упрекнуть в злословии, говорил, тем не менее, про своего мало даровитого поклонника и последователя, «что он и письменно так же шепеляет, как устно» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, «Старая записная книжка» князя П. А. Вяземского», ст. 2154). — Пушкин упомянул Измайлова в статье своей (1829 г.) «Отрывок из литературных летописей», в которой отметил благородное выступление Измайлова (тогда цензора) с особым мнением в пользу права свободной литературной критики и против «порабощения

свободы мыслей»: «В. В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана», писал он по этому поводу: «снискал себе новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого» (подробности см. у Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 265 — 275 и Соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова, изд. Просвещения, т. VI, стр. 580 — 583). О В. В. Измайлове и его литературной позиции в конце 1820-х годов см. статью Ю. Г. Оксмана в журн. «Современник», М. 1925, кн. I, стр. 298 — 307. Письма (2) Карамзина к Измайлову см. в «Русск. Арх.» 1869 г., ст. 599 — 600. № 217.

— Василий Львович — Пушкин, поэт, свойственник и приятель Измайлова, давший ему для его альманаха «Литературный Музеум» несколько своих стихотворений («Эпиграмма», «Счастливый младенец», «Отрывок. Подражание Байрону» и еще «Эпиграмму»), а также статейку «Замечания о людях и обществе».

— Альманах, для которого Измайлов просил у Пушкина пьес, — «Литературный Музеум на 1827 год» (М. 1827 г., издание Александра Ширяева; дозволен цензурой 28 декабря 1826 г.). Пушкин сдержал свое обещание: в «Литературном Музеуме» были помещены его стихотворения: «Соловей» («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей» . . ., стр. 311) и «Испанская песня» («Ночной зефир струит эфир» . . ., стр. 320) с нотами к ней А. Н. Верстовского на отдельном гравированном листе в конце книжки. — Измайлов в статье своей «Краткое обозрение 1826 года», помещенной в этом альманахе, восторженно говорит о стихотворениях Пушкина (стр. 25 — 28 и 31): «Другой поэт, с каждым новым гимном похищающий новые лавры, от успеха летящий к успехам и в младых летах готовый, кажется, захватить один высоты Парнасса, — Пушкин возбудил новое удивление своими *Стихотворениями*, напечатанными в одной книге. В них всё дышит свободою гения; всё блестит красотою пиитического выражения. В *Элегиях* слышится тайный стон души, утомленной бурями жизни и борением с человеческими страстями . . . . . Из смешанных стихотворений одно к *Морю*, а другое к *Овидию* кажутся нам превосходнейшими. Какими живыми, пламенными красками изображает Пушкин и море, и соперника своего Байрона, и соперника всех веков Наполеона! С какою величавостию, силою и красотою говорит с Овидием об участи жизни, о тягости славы! и сколько Русский певец побеждает Римского мужеством и силою духа!» и т. д. «Вторая часть *Евгения Онегина, романа в стихах* Ал. Пушкина, заключает блистательным образом ряд изящных стихотворений сего года». — Рецензию на «Литературный Музеум» см. в «Московском Вестнике» 1827 г., № 11, ст. 274 — 292 (М. П. Погодина).

— Уехал Пушкин из Москвы лишь через три недели после письма к Измайлову, который жил в своей деревне — сельце Прокшине, Подольского уезда, в 20 верстах от Москвы,

— Стихотворений Языкова, о которых упоминает Пушкин в первоначальном наброске своего письма к Измайлову, в «Литературном Музеуме на 1827 год» напечатано не было. «Каков Альманах Измайлова?» спрашивал Языков брата из Дерпта 14 февраля 1827 г., а 19 августа писал ему же: «Я получил письмо от Вл. Измайлова и альманах, им изданный; в последнем всего любопытнее и лучше из прозы — письмо Карамзина . . . В. Измайлову пошлю стихов при первом случае» («Языковский Архив», вып. I, стр. 309, 307).

217. *В. П. Зубкову* (стр. 17). Впервые напечатано, с цинкографическим снимком с подлинника, в книге В. Л. Брюсова: Письма Пушкина и к Пушкину, М. 1903, стр. 25 и снимок перед стр. 1-й; в Академическое издание Переписки Пушкина не вошло, но включено М. А. Цявловским в его сборник: «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 15, как письмо к неизвестному и с предположительною неверною датой: [Конец августа? 1830 г.? Москва?]. Подлинник ныне (1927) в Пушкинском Доме Академии Наук; писан на продолговатом клочке писчей бумаги без водяных знаков, разорванном поперек и затем склеенном.

№ 218. *Перевод:* «Я надеялся видеть вас и еще поговорить с вами до моего отъезда; но злой рок преследует меня во всем том, чего мне хочется. Итак, прощайте, дорогой друг, я еду похоронить себя в деревне до первого января. — уезжаю со смертью в душе».

Опубликовывая эту записку, Брюсов не определил ни к кому она обращена, ни к какому, хотя бы приблизительно, времени она относится. П. А. Ефремов в своем издании (т. VII, 1903, № 281), не приписав ее ни к какому определенному лицу, отнес ее, однако, к 1830 году и приурочил к тому моменту, когда у Пушкина произошла размолвка с невестой (см. ниже, письма №№ 364—366); в Академическом издании Переписки Пушкина оно, как уже указано, совсем пропущено, а издание С. А. Венгерова (т. VI, стр. 607) вернулось к мнению Брюсова. Между тем, несомненно, что записка Пушкина касается эпизода неудачного сватовства поэта на Софье Федоровне Пушкиной, приходящегося на октябрь 1826 г. и окончившегося отказом девушки от сделанного ей предложения, после чего Пушкин с болью в сердце покинул Москву и поехал в Михайловское с намерением вернуться в столицу к 1-му января, что̀ и осуществил уже к 20-му декабря. Косвенным подтверждением того, что записка Пушкина относится именно к этому моменту жизни Пушкина, служит еще то, что в письме к княгине В. Ф. Вяземской, писанном 3-го ноября 1826 г. в Торжке (см. № 218), по пути из Москвы, Пушкин употребил то же выражение: «*jè m'en vais m'enterrer* au milieu de mes voisines», т.-е. — «еду похоронить себя в обществе моих соседок». А если так, то всего вероятнее предположить, что записка Пушкина обращена к тому же самому приятелю его Василию Петровичу Зубкову, которому 1-го декабря Пушкин написал из Пскова длинное письмо, прося его сосватать за него С. Ф. Пушкину; об этом эпизоде см. ниже, письмо № 226 и комментарий к нему (стр. 214).

218. *Княгине В. Ф. Вяземской* (стр. 17). Впервые напечатано, по нашему сообщению, в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 379 — 380; подлинник (на бумаге вод. зн.: Бб. Усачевы. 1826), запечатанный талисманом, был в Остафьевском архиве, у графа С. Д. Шереметева; ныне — в Центрархиве.

Перевод: «Спешу, княгиня, послать Вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать Вам мадригал по поводу пояса Венеры, — но мадригал и чувство стали одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и невыносимых ямщиков. Толчки, удары локтями и проч., очень беспокоят двух моих спутников, я прошу у них извинения за вольность обращения, — но когда путешествуешь совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П. [1] — мой добрый ангел, но другая — мой демон; это весьма некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня, — еду похоронить себя в обществе моих соседок. Молите бога за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, — это будет с Вашей стороны вполне милое кокетство. Вы, которая умеете написать записку лучше, чем моя покойная тетушка,— неужели Вы не проявите такой доброты? (NB. *записка* впредь синоним *музыки*). Итак, прощайте. Я у Ваших ног и трясу Вам руку на английский манер, так как Вы ни за что не желаете, чтобы я Вам ее целовал. — Торжок 3 ноября.— Достаточно ли обиняков? Ради Бога не давайте ключа к ним Вашему супругу. Категорически восстаю против этого».

Письмо писано на пути в Петербург из Москвы, откуда Пушкин выехал 1 или 2 ноября, получив на то разрешение Бенкендорфа в письме его от 30 сентября.

— «Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка?»—спрашивал Пушкин князя Вяземского в письме из Михайловского от 9 ноября (№ 221) и, в конце письма, острил по поводу поясов, говоря, что кня-

---

[1] Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин.

тиня «всю прелесть Московскую за пояс заткнет, как наденет его поясы». № 218.
Сама княгиня благодарила за них Пушкина в письме от 19 ноября, упрекая его за то, что он «так легко променивает свои прелестные рифмы и тратит свое золото так зря», и говоря, что количество присланных поясов ее возмутило и что только качество их — они все очаровательны — может послужить ему извинением (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 384).

— Торжок — уездный город Тверской губернии, лежащий на пути между Петербургом и Москвой; славился своими изделиями из сафьяна, шитыми золотом и серебром; ср. «Путеш. Онегина», стр. IV.

— С. П.— София Федоровна Пушкина, предмет нового, пылкого увлечения поэта; о ней см. ниже, в письмах № 221, 226 и 227 и в объяснениях к ним.

— Сергей Пушкин — отец поэта, находившийся тогда в Петербурге. 17 октября 1826 г. в напыщенном письме на французском языке (перлюстрированном на почте и в копии дошедшем до нас в составе архива III Отделения) к брату своему В. Л. Пушкину он так изливал свои чувствования по поводу поведения сына-поэта *(Перевод):* «Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мной. Если он мог в минуту своего благополучия и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отрекаться от меня и клеветать на меня, то как возможно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне. Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для облегчения его изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но он прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы через окно, чем дал бы мне это прощение. Что касается меня, мой добрый друг, то мне нет необходимости прощать его, ибо я прошу у Бога только той милости, чтобы он укрепил меня в моем решении — не мстить за себя. Я еще ни на минуту не переставал воссылать мольбы о его счастии и, как повелевает теперешнее Евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю ему если не как отец,— так как он от меня отрекается,— то как христианин, но я не хочу, чтобы он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды». Мужу своей сестры М. М. Сонцову, он писал в тот же день по тому же поводу *(Перевод):* «Мое положение ужасно и горести, которых я для себя ожидаю, неисчислимы, но моя покорность Провидению и мое упование на бога остаются при мне. Я прошу его всякий день о том, чтобы он подкрепил меня в принятом мною решении — не мстить за себя и переносить всё. Мне очень бы хотелось надеяться, что Александр Сергеевич устанет, наконец, преследовать человека, который ничего не говорит и просит только о том, чтобы его забыли. Более всего в его поведении вызывает удивления то, что, как он меня ни оскорбляет и ни разрывает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности оттуда выезжать. Как примирить это с его манерей говорить о мне — ибо не может ведь он не знать, что это мне известно? — Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания Лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно о ней говорил, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но эти все рассуждения не утешительны для отца, — если я еще могу называть себя так. В конце концов повторяю еще раз: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925, стр. 57 — 60).

— «Другая» — вероятно Анна Николаевна Вульф, влюбленная в Пушкина; который, однако, ни мало не отвечал взаимностью, хотя и отзывался на ее кокетливые письма (см. выше, объяснения, стр. 145), коими она его засыпала, после своего отъезда из Тригорского, — из Малинников и Петер-

№ 219. бурга. Отвечая, 19 ноября, на письмо Пушкина, княгиня Вяземская писала ему: «Добрый ангел и демон дерутся ли еще около вас? Я полагаю, что вы уже давно их отогнали. Кстати, вы так часто меняли *предмет*, что я уже не знаю, кто эта *другая*. Муж мой уверяет меня, что я *надеюсь*, что это — *я*. Да охранит нас обоих бог от этого,— начать с того, что я вовсе не желаю странствовать с вами, я слишком слаба для этого и слишком стара для того, чтобы носиться по проезжим дорогам» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 380).

— Соседки Пушкина — П. А. Осипова и ее дочери.

— Покойная тетушка — Анна Львовна Пушкина, которую поэт в письме № 107 определил как «вертушку» см. еще в письмах № 106, 110, 142, 179.

— Князя П. А. Вяземского в Москве, в момент приезда туда Пушкина, не было: он возвратился туда лишь к концу коронационных празднествъ. Узнав о его приезде, Пушкин, по словам князя, «бросился к нему, но не застал дома, и когда ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, — так что первое их свидание после многолетнего житья в разных местах было в номерной бане» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 307).

219. *А. С. Соболевскому* (стр. 18). Впервые напечатано М. Н. Лонгиновым в «Современнике» 1857 г., № 5, отд. V, стр. 73—74 (стихи и часть письма) и в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 380—381, полностью, по нашему сообщению; подлинник (на бумаге вод. зн.: УФЛП. 1822) был у графа С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, в бумагах С. А. Соболевского (переплет «Avant les voyages», № 112); ныне в Центрархиве.

— О Сергее Александровиче Соболевском, которого в 1828 г. поэт Языков определил как «Московского юношу, приятеля, обожателя, бирюча и Gastfreund'а Пушкина» (см. «Языковский Архив», вып. I, стр. 19) и у которого Пушкин жил по приезде своем в Москву, — см. выше. в т. I, в письме № 8, и в объяснениях к нему, стр. 194, а также заметку Н. О. Лернера — Соч. Пушкина, под ред. Венгерова, т. IV, стр. XII). Характеризуя взаимные отношения Пушкина и Соболевского, биограф последнего, В. И. Саитов, пишет: «Среди многочисленных друзей Пушкина Соболевский занимал далеко не последнее место... Пушкин любил, и уважал Соболевского, ибо видел в нем не только остроумного, веселого собутыльника, но и человека, отличавшегося независимым образом мыслей, благородством характера, одаренного большим умом, литературным вкусом и тонким артистическим чутьем, которое высоко ценилось как самим Пушкиным, так и другими писателями новой школы. Грибоедов, Боратынский, Дельвиг читали ему свои произведения и дорожили его советами. Соболевский пользовался необычайным доверием Пушкина, который посвящал его во все свои дела, не исключая даже семейных... Обладая сильным характером и твердой волей, Соболевский умел влиять на Пушкина... Граф В. А. Соллогуб, рассказывая в своих Воспоминаниях историю последней дуэли Пушкина, замечает: «Я твердо убежден, что если бы С. А. Соболевский был тогда в Петербурге, он, по влиянию его на Пушкина, один мог бы удержать его. Прочие были не в силах.» — Сам Соболевский, вспоминая однажды о своем «незабвенном» приятеле, говорил: «Александр Сергеевич был ко мне весьма расположен и, как другу, поверял свои задушевные мысли. Его стихотворение «Братья разбойники» было издано мною, да и в издании «Руслана и Людмилы» я также принимал большое участие, вместе с Львом Сергеевичем. В знак особого ко мне расположения Пушкин напечатал один экземпляр своей поэмы «Цыганы» на пергаменте и преподнес его мне». — Соболевский относился к Пушкину с истинно дружескою приязнью, неизменно сохранявшеюся в течение двадцати лет. Отношения их были настолько просты и сердечны, что Пушкин свободно допускал Соболевского к устройству своих денежных дел, которые вообще находились в плохом состоянии. Доходило иногда до того, что Соболевский, за неимением свободных сумм, давал Александру Сергеевичу для заклада свое столовое и чайное серебро» («Сборник статей в честь Д. Ѳ. Кобеко», С.-Пб. 1913, стр. 200 — 202). С основанием, в 1826 г., журнала «Московский Вестник» Соболевский вошел в число членов его

редакции. Осенью 1826 г. он наблюдал за печатанием в Москве 2-й главы «Евгения Онегина», — что̀ видно из Дневника профессора Московского Университета и цензора Ив. Мих. Снегирева, который под 18 сентября 1826 г. записал: «Соболевский привез ко мне цензуровать стихи Пушкина», а под 24-м: «Был у А. Пушкина, который привез мне, как Цензору, свою пиесу Онегин, ч. II, и согласился на сделанные мною замечания, выкинув и переменив несколько стихов... Талант его виден и в глазах его: умен и остр, благороден в изъяснении и скромнее прежнего. Опыт не шутка»; 6 октября: «Вечером был у меня Соболевский с рукописью А. Пушкина *Граф Нулин* на щет моих отметок в ней»»; *18 октября:* «После обеда дома приезжал ко мне Соболевский просить от меня письменного удостоверения, что ценсурованная мною II глава Онегина, соч. А. Пушкина, напечатана сходно с подлинником, мною подписанным; написал на оригинале» («Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 47—48). Страстный библиофил и весьма сведущий библиограф (Пушкин, по его собственным словам, «привык пользоваться» библиотекой «своего старинного приятеля» — см. его «Мысли на дороге», 1833 г., I, «Шоссе»), — Соболевский славился своими остроумными эпиграммами и стихотворениями, попытка собрать которые сделана В. В. Каллашем в Москве в 1912 г. в особом издании. Под свежим впечатлением известия о смерти Пушкина, Соболевский, находившийся тогда в Париже, зная запутанность денежных дел своего друга, тотчас стал думать о том, как помочь семье его: «Ему пришла в голову хорошая мысль», — писал 25 февраля 1837 г. А. Н. Карамзин своей матери: «он предлагает открыть по России подписку для детей Пушкина и оставлять проценты с капиталом до замужества дочерей и до полного возраста сына. Он будет об этом сам писать Жуковскому» («Стар. и Новизна», кн. XVII, стр. 293). Проект этот не состоялся; позднее Соболевский принимал участие в заботах об осиротевшей семье своего однокашника и приятеля Льва Пушкина. О нем см. еще в книге: «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского, Пб. 1924, по указ. № 219.

— На порчу Соболевским его коляски Пушкин жаловался и Вяземскому в письме от 9 ноября (см. ниже, № 221).

— «*Жил да был петух индейской*» («Цапли») — стихотворение, приписывавшееся и Боратынскому, и Пушкину, и Воейкову, на самом же деле написанное, по заявлению Соболевского, им и Боратынским вместе в 1825 году, «до приезда Пушкина из деревни» (см. Соч. Боратынского, под ред. М. Л. Гофмана, т. I, стр. 200 и 324 — 325), — быть может по поводу пожалования М. М. Сонцова в камергеры высочайшего двора; это пожалование состоялось 20 марта 1825 г. («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 668).

Жил да был петух индейской,
Цапле руку предложил,
При дворе взял чин лакейской
И в супружество вступил.

*

Он детей молил как дара, —
И услышал бог богов:
Родилася цаплей пара,
Не родилось петухов.

*

Цапли выросли, отстали
От младенческих оков,
Длинны, очень длинны стали
И глядят на куликов.

*

Вот пришла отцу забота
Цаплей замуж выдавать;
Он за каждой три болота
При замужстве хочет дать.

*

№ 219.

*

Кулики к нему летали
Из далеких, ближних мест, —
Но лишь корм один клевали —
И не смотрят на невест.

*

Цапли вяли, цапли сохли,
И увы! скажу, вздохнув,
На болоте передохли,
Носик в перья завернув.

В стихотворении этом, под заглавием «Быль» напечатанном в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1831 г., № 6, стр. 46—47, с подписью «Сталинский», выведена была семья дяди Пушкина — камергера М. М. Сонцова, мужа родной тетки поэта — Елизаветы Львовны и отца двух дочерей девиц, прелестных, по словам Е. И. Раевской, девушек, которым «было в родительском доме житье очень плохое» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. I, стр. 301). Е. Л. Сонцова считала автором стихов Пушкина: 26 июля 1828 г. Вяземский писал Пушкину: «... У этого Бекетова есть сестра Золотарева, баба молодец, с рожи похожая на Сонцова, все главы Онегина знает наизусть и представила мне в лицах, как Сонцова жаловалась ей на тебя за стихи *Жил да был петух Индейской* и заставляла Анну на распев их читать. Ты прыгал бы и катался от смеха» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 70).

— Галлияни или Гальяни—итальянец, содержатель очень популярной и лучшей в свое время гостиницы или трактира в Твери, давшего название Гальяновой улице, впоследствии переименованной в Пушкинскую (см. В. И. Колосов, «А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 г.», Тверь. 1888, стр. 1—3); в ней останавливались обыкновенно более состоятельные проезжающие; она находилась на углу Мироносицкой улицы, и о ней упоминает, как об «известной», уже Вигель, рассказывая о своем путешествии из Москвы в Петербург в 1805 году (Воспоминания, ч. II, стр. 102), упоминает и Вяземский под 1818 г. («Остаф. Арх.», т. I, стр. 142), и А. Я. Булгаков тогда же («Русск. Арх.» 1900 г., кн. III, стр. 102).— 19 января 1821 г. через Тверь проезжал Г. В. Гераков (писатель и стихотворец); он говорит о гостинице Галлияни следующее: «остановился в трактире, где содержатель Италиянецъ; довольно нечисто, но комната моя порядочная; за суп, ночлег и кофе заплатил 9 рублей» («Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям 1820-го и начала 1821-го», Петроград. 1830, стр. 212). Репутация гостиницы была так высока, что, напр., в 1830 г. останавливался в ней великий князь Михаил Павлович («С-Пб. Вед.» 1830 г., № 109, стр. 708); в 1833 г. гостиницу содержала Шарлотта Галлияни, вероятно, вдова ее основателя (см. «Моск. Вед.» 1833 г., № 14, стр. 643); в 1849 г. ее гостиница попрежнему существовала в Твери («Русск. Стар.» 1900 г., № 4, стр. 170). По свидетельству Председателя Тверской Ученой Архивной Комиссии И. А. Иванова (ум. 1927), в гостинице Гальяни был и зал для танцев и других увеселений, так что она заменяла клуб. «Дом где находилась гостиница, был на улицу, двухэтажный, — низ каменный, верх деревянный; в 1879 г. этот дом сгорел, а на его месте построен большой дом, принадлежащий теперь А. А. Пржецлавской» (И. А. Иванов, «О пребывании Пушкина в Тверской губернии», Тверь. 1899, стр. 15).

— Кольони — по-итальянски (coglione) значит, в переносном смысле, глупец, фат, дурак.

— Пожарский — ямщик, основатель и содержатель «славного трактира» в Торжке, упоминаемого Пушкиным в его статье «Мысли на дороге» (гл. X, 1833 г.); с этою фамилиею связано имя знаменитых «пожарских котлет» из курицы и телятины. Содержательницею гостиницы затем была «купецкая девица» Дарья Евдокимовна Пожарская; в ее трактире любители хорошо поесть всегда заказывали себе блюдо котлет, о которых упоминает

в 1837 г. и большой гастроном А. И. Тургенев (см. «Остаф. Архив», т. IV. стр. 4), и Пушкин, в 1833 г. «славно» завтракавший у «толстой m-elle Pojarsky, — той самой, которая варит славный квас и жарит славные котлеты» (письма к жене от 21 и 23 августа 1833 г.). В «Мыслях на дороге», в главе «Торжок», Пушкин также упоминает, как он расположился обедать «в славном трактире Пожарского». Еще в мае 1823 г. А. Я. Булгаков, говоря в письме к брату о проезде через Торжок, писал: «Нигде не нашел я такой чистоты, такой чай, кофе, стол и дешевизны, как у Пожарского в Торжке. Il faut soutenir ce brave homme» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 545); много лет спустя говорит об этой «ресторации» и Греч в описании своей поездки в Москву (Соч., т. V, С.-Пб. 1838, стр. 97) и Жуковский, упоминающий в 1831 г. завтрак в Торжке и «прекрасный дом ямщика Пожарского» (Дневники, С.-Пб. 1903, стр. 215). Г. В. Грудев рассказывал П. И. Бартеневу, что котлеты Пожарской «понравились государю Николаю Павловичу и вошли в моду. Мало-по-малу слава пожарских котлет дошла до того, что сама Дарья уже нанимала с кухни графа Нессельроде поваров готовить их. Ловкая девка, толстая, рослая и себе на уме стала вхожа ко двору; в ней заискивали, — и она умело пользовалась своею близостью к сильным мира сего» («Русск. Арх.» 1912 г., кн. II, стр. 159; ср. стр. 635). Д-р А. А. Синицын в «Воспоминаниях» своих рассказывает, что Пожарская «была женщина большого ума, чрезвычайно властолюбивая и хорошо знавшая людей, а потому умевшая пользоваться ими для достижения своих целей. Она сумела приобресть расположение императора Николая Павловича, хорошо поняв его характер. В своих переездах из Петербурга в Москву он всегда останавливался в ее гостинице. Пожарская встречала его у подъезда с хлебом-солью, под его ноги от кареты до крыльца она расстилала в виде ковра дорогую соболью шубу. Это внимание чрезвычайно трогало императора и, приняв хлеб-соль, он любил беседовать с ней о разных разностях. Она умела также приобрести расположение приближенных к нему: князя Волконского, Орлова и других. Всё это давало ей возможность обделывать разные дела, не всегда чистые»... («Русск. Стар.» 1913 г., апр., стр. 203—204). В зиму 1840 г. ее, по словам графа М. Д. Бутурлина, даже выписывали в Петербург и приютили во дворце, чтобы она научила приготовлению своих котлет царских поваров («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 433). О ее гостинице и славных котлетах подробно рассказывает в своих путевых записках Vicomte d'Arlaincourt, проезжавший через Торжок летом 1842 г. и посвятивший целую страницу рассказу о «madame Pojarsky, l'hôtesse par excellence», открывшей «l'art de griller des côtelettes de veau» («Le Pélerin. L'étoile polaire». Par le Vicomte d'Arlaincourt, v. I, Paris. 1843, p. 305—306). Д. Е. Пожарская умерла 2 мая 1854 г., 56 лет, в Торжке («Провинциальный Некрополь», т. I, стр. 689). **№ 219.**

— Яжелбицы — почтовая станция после Валдая (если ехать от Москвы к Петербургу), на р. Поломеде, в Крестецком уезде Новгородской губернии, упоминаемая еще в путешествии Стрюйса, а также и в «Путешествии» Радищева. М. Н. Лонгинов считал излишним напоминать читателям конца 1850-х годов о том, как славились Яжелбицкие форели (Сочинения, т. I, стр. 166), о которых говорит также М. Жданов в своих «Путевых записках по России» (С.-Пб. 1843, стр. 25—26).

— О Валдайских баранках и «податливых» крестьянках с возмущением и ужасом говорит в своем знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев (глава «Валдай»): [1] «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает Валдайских баранок и Валдайских разрумяненых девок? Всякого проезжающего наглые Валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, вос-

---

[1] Экземпляр этого редчайшего издания Пушкин впоследствии брал из библиотеки Соболевского, большого библиофила (см. «Мысли на дороге», гл. I). Личный Пушкинский экземпляр «Путешествия» теперь в Государственной Публичной Библиотеке.

№ 219. пользоваться его щедростью, на счет своего целомудрия», завлекая, между прочим, в бани, будто бы для мытья с дороги, а на самом деле для обирания проезжих. В любопытном «Ручном дорожнике для употребления на пути между Императорскими Всероссийскими Столицами» Ивана Глушкова (изд. 2-е, С.-Пб. 1802, стр. 92 — 94) имеются следующие сведения о Валдайских крестьянках и баранках: «Здешнее произведение есть *Валдайские баранки* (крупичатые круглые крендели); с ними всякого проезжего тотчас окружит толпа женщин, и каждая с особливым красноречием и нежностию пропоёт в похвалу товару своему и покупщику арию, напр.: «Милинькой, чернобровинькой барин! да купи ж у меня хоть связочку, голубчик, красавчик мой! вот эту, што сахар белую». — После того кто же грубо презрит такие ласки и в удовольствие белокурой Валдайки, у которой на лилейных щеках цветут живые розы, не купит десятка связок вкусных и весьма употребительных при чае и кофе сих кренделей? — Сказывают, прежде торговали оными *баранками* исключительно отборные красавицы, и проезжие тем более их покупали, что̀ за каждую связку милому купцу наградою бывал *поцелуй;* но ныне такая щедрость пресечена корыстолюбием торгашей мужчин, которые возами развозят их во все стороны»... Изображение «Валдайской девки» этой эпохи, как раз со связкою баранков в руках, см. в «Старых Годах» 1909 г. (июль — сентябрь, стр. 452). О Валдайских девках рассказывает значительно позже, уже в Пушкинские времена, и благодушно-сентиментальный Гераков, упомянутый выше; говоря про свой проезд через Валдай (21 января 1821 г.), он замечает: «Напрасно говорят о Валдайских девушках, будто они окружают коляски, кареты, кидают баранки, крича: купите, купите! Со мною сего не случилось, — я видел несколько хорошеньких девушек, поклонился им, сказав несколько ласковых слов, купил баранков и, может быть, более дал, нежели они стоят. Девушки благодарили, краснели, даже мило кланялись. Нескольких пожилых не похвалю за их выражения; всякому говорят: «красавчик, хороший, золотой, пригожий — купи, купи, баранков...!» («Продолжение путевых заметок по многим Российским губерниям 1820-го и 1821-го», Петроград. 1830, стр. 216). Путешественник J. Ancelot (см. выше стр. 159) в своей книге «Six mois en Russie», описывая проезд через Валдай в июле 1826 года, говорит: «Едва путешественник вступает в черту этого города, как опасность, совершенно им непредвиденная, застигает его неопытность. Его карета оказывается быстро окруженною несметною толпою торговок пряниками [баранками?], Армидами в коротких юбках, и назойливое приставание их не оставляет чужестранца ни на минуту в покое; если он проводит ночь в этом городе, то приставание и обольщение удваиваются, ибо эти торговки, по большей части молодые и пригожие, соединяют со своею открытою торговлею — торговлю тайную, менее невинную и более прибыльную. Сообщниками и поверенными их являются содержательницы гостиниц, которые разрешают им вход в до̀м, — и путешественник бывает вынужден призывать в помощь добродетели всё свое благоразумие» («Six mois en Russie», Paris. 1827, p. 243 — 244). Равным образом и А. Дюма в романе своем «Le maître d'armes», описывая свое путешествие из Петербурга в Москву в 1826 г. и говоря о приезде в Валдай, пишет: «Едва мы въехали в этот город, как нас окружила толпа людей с пряниками, напомнившая мне уличных торговцев в Париже. Кроме них мы видели здесь толпы молодых девушек в коротких юбках, которые, как мне показалось, занимаются тайным ремеслом, не имеющим ничего общего с торговлей» («Учитель фехтования», изд. «Время», Лгр. 1925, стр. 194). Описывая совместную поездку с Пушкиным, в середине января 1829 г., из Тверской губернии в Петербург, А. Н. Вульф пишет в Дневнике своем: «Пользовавшись всем достопримечательным по дороге от Торжка до Петербурга, т.-е. купив в Валдае баранков (крендели небольшие) у дешевых красавиц, торгующих ими, в Вышнем Волочке завтракали мы свежими сельдями, а на станции Яжелбицах — ухою из прекраснейших форелей, единственных почти в России, — приехали мы на третий день вечером в Петербург» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII,

стр. 52). В IV строфе «Путешествия Онегина», написанной или как раз в первой половине 1829 года, Пушкин в свою очередь писал:

Тоска, тоска!.... Спешит Евгений
Скорее далее.... Теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли......,

В своей «Старой записной книжке» князь Вяземский рассказывает об одном молодом Поляке, который, проездом через Валдай, был окружен толпою женщин и девиц, назойливо навязывавших свои баранки, влюбился в одну из продавиц и прожил в Валдае около двух лет.... («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, стр. 1791). Граф Л. Н. Толстой свою раннюю повесть «Два гусара» начинает воспоминанием об эпохе 1800-х годов,—«тех наивных временах, когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашнего приготовления, ехали восемь суток.... и верили в *пожарские котлеты, валдайские* колокольчики и *бублики*»....

— На Молчановке, в доме Ренкевичевой, Пушкин останавливался и жил у Соболевского с 19 декабря 1826 до 20 мая 1827 г. Сорок лет спустя, в 1867 году, за три года до своей смерти, Соболевский, находясь под влиянием нахлынувших воспоминаний молодости, писал Погодину: «Мы ехали с Лонгиновым через Собачью площадку; сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевича, в котором жил я, а у меня Пушкин. Сравнялись с прорубленною мною дверью на переулок — видим на ней вывеску: «*Продажа вина и проч.*» Sic transit gloria mundi!!! Стой, кучер! Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин, и где заседал Александр Сергеевич в Самоедском ергаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Баратынский, вы, я.... и другие мужи; вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!! Кабатчик, принявший нас с почтением, должным таким посетителям, которые вылезли из экипажа, очень был удивлен нашему хождению по комнатам заведения. На вопрос мой: слыхал ли он о Пушкине? он сказал утвердительно, но что-то заикаясь. В другой стране, у бусурманов, и на дверях сделали бы надпись: здесь жил Пушкин. И в углу бы написали: здесь спал Пушкин! — и так далее». «Помню, помню живо», писал по этому поводу Погодин: «этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826 и 1827 году, помню его письменный стол между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковского с надписью: *ученику победителю от побежденного учителя.* Помню диван в другой комнате, где за вкусным завтраком — хозяин был мастер этого дела — начал он читать мою «*Русую косу*» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 63 — 64; ср. «Сборник статей в честь Д. Ѳ. Кобеко», С-Пб. 1913, стр. 200).

220. *Н. М. Языкову* (стр. 19). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 173, примеч. (отрывок), а затем, по подлиннику, в «Историческом Вестнике» 1884 г., т. XVI, стр. 324; подлинник ныне неизвестно где находится. Это — первое из дошедших до нас писем Пушкина к Языкову, хотя известно, что были и еще письма, более ранние; так, сам Языков писал брату своему Петру из Дерпта 2 сентября 1826 г.: «У меня завелась переписка с Пушкиным — дело очень любопытное. Дай Бог только, чтобы земская полиция в него не вмешалась! Хи, хи, хи!» («Языковский Архив», вып. I, стр. 261; ср. «Историч. Вестн.» 1883 г., т. XIV, стр. 535). Впрочем, Языков, может быть, имел в виду переписку стихами, а не письмами, т.-е. обмен посланиями: его Пушкину — от 19 августа — и Пушкина к нему — от 28 августа (см. ниже, в объяснениях к этому же письму, стр. 200 — 201).

№ 220. С «вдохновенным», по его выражению, поэтом Н. М. Языковым, которого он еще в 1824 году зазывал к себе в Михайловское известным посланием: «Издревне сладостный союз...», Пушкин познакомился в Тригорском лишь на летних вакациях 1826 г., когда он провел у П. А. Осиповой около полутора месяцев с середины июня по 20 июля. Говоря о лете 1826 года, Анненков пишет, что оно «было знойно в Псковской губернии. Недели проходили без облачка на небе, без освежительного дождя и ветра. Пушкин почти бросил все занятия свои, ища прохлады в садах Тригорского и Михайловского и дожидаясь осени, которая приносила ему, как известно, бодрость и веселье» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 171, изд. 1873 г., стр. 162). «Лето 1826 года», пишет Анненков в другой своей книге о Пушкине: «сделалось для обитателей Тригорского и Зуева (Михайловского) непрерывным рядом праздников, гуляний, шумных бесед, поэтических и дружеских излияний, благодаря тому, что в среде их находился Н. М. Языков, привезенный, наконец, из Дерпта А. Н. Вульфом. Более двух лет его звали и ожидали в Михайловском, и только в 1826 году он сдался на просьбы Пушкина и приглашения Прасковьи Александровны. Языков исполнен был почти религиозного благоговейного чувства к нашему поэту, для которого не находил достаточно песен и восторгов на своей лире — и оно понятно. Соединение в одном лице простоты обращения с даром угадывать людей и ценить их верно по душевным признакам, полное отсутствие чего-либо похожего на мелочное тщеславие при постоянных проблесках гениального таланта и ума, — всё это должно было поразить воображение пылкого, еще не установившегося студента, которого жизнь и поэзия слагались преимущественно из одних порывов. Пушкин чрезвычайно высоко ценил поэтический дар Языкова... Две эти противоположные натуры сошлись на почве Тригорского и Зуева весьма близко, — и так очаровательны были берега Сороти, сени и рощи обоих селений в прекрасное лето 1826 года, так грациозно и весело встречало друзей молодое женское население первого, так вдохновенны и поэтичны были ночи и долгие дни, проведенные ими вместе, что Языков до гроба считал эту эпоху своей жизни лучшим ее мгновением» («Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 318 — 319). Сам Языков в письме к своей матери от 28 июля 1826 г., из Дерпта, по возвращении из Михайловского, писал: «Вот уже четыре дня, как я здесь. Лето провел в Псковской губернии у госпожи Осиповой, матери одного здешнего студента, доброго моего приятеля, — и провел в полном удовольствии. Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь или, лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец, сладости и сласти искусственные, как-то: варенья, вина и проч., — всё это вместе составляет нечто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье!» («Языковский Архив», вып. I, стр. 256 — 257). «Дочери П. А. Осиповой», говорит М. И. Семевский: «отличаясь красотой, грацией, прекрасным образованием и одна из них — высоким музыкальным талантом, совершенно очаровали Языкова», который, чрезвычайно застенчивый от природы, первое время дичился общества сестер своего друга. «В бытность свою в Тригорском [он] по целым часам декламировал оживленные, дышащие силой и поэзией стихотворения. Пушкин с наслаждением, безмолвно внимал юному певцу свободы, вина и граций. Кто не знает, каким неиссякаемым источником высокой поэзии послужило для Языкова шестинедельное пребывание его в Тригорском. Лучшие стихи его... связаны с этим временем. Началом этого цикла стихотворений Языкова было небольшое послание его к А. С. Пушкину» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 721 — 722):

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы... и т. д.,

написанное уже в Дерпте 19 августа 1826 г., затем знаменитое «Тригорское» (1826), «К А. Н. Вульфу» (1826), три стихотворения к П. А. Осиповой (1827 г.) и к няне Арине Родионовне (1827). Перечень пьес, посвященных Тригорскому и Вульф-Осиповым, — см. в «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 203, и вып. I, стр. 120. В одном из посланий к Осиповой Языков с восторгом вспоминал № 220.

...те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское один —
Вольтер и Гете и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый...

В письме своем к брату Петру Языков писал 11 августа 1826 г.: «Об знакомстве моем с Пушкиным и о пребывании в Тригорском я уже писал вам довольно подробно; могу прибавить только то, что последнее мне было так приятно и сладостно, что моя муза начала уже воспевать оное в образе небольшой поэмы, пламенно и торжественно!» («Языковский Архив», вып. I, стр. 259). К сожалению, упоминаемое письмо Языкова с описанием жизни в Тригорском до нас не сохранилось, поэма же, начатая им, — его послание к П. А. Осиповой «Тригорское». — 17 февраля 1827 г. он писал А. Н. Вульфу: «Обитатели Тригорского ошибаются, думая, что я притворялся, когда воспевал часы, мною там проведенные: как чист и ясен день — чиста душа моя! Я вопрошал совесть мою, внимал ответам ее и не нахожу во всей моей жизни ничего подобного красотою нравственною и физическою, ничего приятнейшего и достойнейшего сиять золотыми буквами на доске памяти моего сердца, нежели лето 1826 года! Кланяйся и свидетельствуй мое почтение всему миру Тригорского!» («С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 163, стр. 1).

В 1833 г. Вульф с своей стороны писал: «Лето 1826 года, которое провел я с Пушкиным и Языковым, будет всегда мне памятным, как одно из прекраснейших. Последний ознаменовал оное и пребывание свое в Тригорском прекрасными стихами и самонадеянно предрек, что оно

из рода в род
Как драгоценность перейдет,
Зане Языковым воспето.

(Л. Н. Майков, «Пушкин», стр. 200).

Пушкин также, много лет спустя, в письме Языкову из деревни от 14 апреля 1836 г. с восторгом вспоминал о совместной жизни «на холмах Михайловского, в сени Тригорского».

Об отношениях Языкова к Пушкину-писателю, поражающих своею повышенною восторженностию со стороны Пушкина и нечуткостью с пристрастностью со стороны Языкова, см. в статье В. И. Шенрока: Н. М. Языков — «Вестн. Европы» 1897 г., кн. 11, стр. 162 — 167, и кн. 12, стр. 603, в предисловии Е. В. Петухова к «Языковскому Архиву», вып. I, 1913, стр. 20—21 и заметки Н. О. Лернера — Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. III, стр. 522—523 и т. IV, стр. XLIII — XLIV.

— «Тригорское» — большое, в 232 стиха, стихотворение Языкова, посвященное им П. А. Осиповой; в нем поэт, под свежим еще впечатлением пребывания в Тригорском, вспоминает свою жизнь в деревне, беседы с Пушкиным, общество Тригорских обительниц и т. под. Посылая эту пиесу своему брату Александру Михайловичу, Языков поручал ему переслать ее Н. И. Бахтину для предпринятого последним альманаха, который, однако, не состоялся (см. «Языковский Архив», вып. I, стр. 270 — 277). Письмо Языкова к П. А. Осиповой, при котором ей было послано «Тригорское», до нас не сохранилось. Восторженный отзыв Пушкина о «Тригорском» см. ниже, в следующем письме к князю П. А. Вяземскому, № 221. — С. П. Шевырев в некрологе Языкова писал в 1847 г.: «Языков

№ 221. живописными стихами нарисовал ландшафт Тригорского. Памятно мне, как Пушкин в 1826 году привез это стихотворение в Москву и с восторгом читал его нам. Чувства свои он выразил в послании к Языкову. Он сказал ему, что Ипокрена его

....не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой,
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

Пушкин кланялся стиху Языкова» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 337).

— Еще до получения письма Пушкина, Языков писал своему брату 3 ноября: «Государь сказал Пушкину, чтобы он писал больше, зане он сам его цензор!» и в то же время сообщал: «Здесь носятся слухи, что Пушкин приедет скоро в Петербург. Сделай милость познакомься с ним: этим благословенным поступком ты меня сильно удовольствуешь и, сверх того, можешь получить от него понятие о моем с ним знакомстве, которого главные черты так разительно изъяснены в моем к нему послании» [от 16-го или 19-го августа]. По поводу же волновавшего его нового Цензурного Устава Языков говорил, что «после выхода в свет нового Устава о Цензуре даже приготовление к экзамену сделалось гораздо труднее прежнего: из здешней [университетской] библиотеки нельзя получить ни одной порядочной книги ни по истории, ни по наукам политическим вообще; все таковые запрещены до крайности» («Языковский Архив», вып. I, стр. 269). О Цензурном Уставе см. еще выше, стр. 185 в объяснениях к письму № 213.

— Вульф — Алексей Николаевич, сын П. А. Осиповой, тогда студент Дерптского Университета, друг Языкова. Стихи Пушкина — его послание «К Яз.***» («Яз.***, кто тебе внушил Твое посланье удалое?..»), написанное 28 августа 1826 года, в ответ на послание Языкова к Пушкину от 19 августа («О ты, чья дружба мне дороже...» — см. выше, стр. 200) и напечатанное вскоре в «Московском Вестнике» 1827 г., ч. III (ценз. разр. 23 апреля), № 9, стр. 4 — 5 (см. ниже, в письме № 239).

— Первое послание — стихотворение 1824 г.: «К Языкову» («Издревле сладостный союз Поэтов меж собой связует...»), завязавшее непосредственные, хотя и заочные отношения между Пушкиным и Языковым, которых познакомил Вульф. Языков вначале, как и впоследствии, очень холодно и даже опасливо смотрел на Пушкина. Н. О. Лернер, рассматривая отношения Языкова к Пушкину на всем их протяжении, высказывает убеждение, что «в Языкове боролись два чувства по отношению к Пушкину: с одной стороны, он чувствовал в Пушкине гения (да и понимал, что близость к Пушкину может быть ему только полезна), а с другой — мучительно завидовал ему» (Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. IV, стр. XLIV).

— О Москве Пушкин Языкову написать, повидимому, не собрался; см. ниже, коротенькое письмо от 21 декабря (см. № 229).

— Получив письмо Пушкина, Языков писал брату своему Александру 28 ноября: «Пушкин возвратился в свою деревню; он писал мне раз оттуда и обещает еще написать много о Москве; хочет напечатать Годунова, говоря, что царь освободил его от цензуры» («Языковский Архив», вып. I, стр. 281). Об. этом «освобождении» см. выше, в объяснениях к письмам № 212 и след.

221. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 19). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 432 — 434; подлинник (на бумаге — вод. зн.: УФЛП. 1822) был у графа С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— О С. А. Соболевском см. выше, стр. 194 — 195 № 219 и там же и жалобы Пушкина на то, что Соболевский испортил в Москве его коляску.

— О поясах, купленных Пушкиным в Торжке для княгини В. Ф. Вяземской, и письмо к ней см. выше, № 21.

— «*Она* велела» — Софья Федоровна Пушкина, в которую влюбился тогда поэт; о ней см. выше, в письме к княгине Вяземской № 218, и ниже, в письме к В. П. Зубкову, № 226. Слова Пушкина напоминают его же стих из пьесы: «Сожженное письмо» (1825 г.):

Прощай, письмо любви, прощай! *Она велела*...

— Журнал — «Московский Вестник», задуманный и осуществленный с начала 1827 г. кружком молодых москвичей - шеллингианцев; главными сотрудниками в него вошли Д. В. Веневитинов, Н. М. Рожалин, С. П. Шевырев, В. П. Титов, С. И. Мальцов, С. А. Соболевский, редактором был избран М. П. Погодин, а Пушкин обещал свое постоянное сотрудничество, с вознаграждением по 10.000 рублей с проданных 1200 экземпляров журнала. В число участников вошли затем Дельвиг, Козлов, Языков и другие писатели Пушкинской плеяды за исключением лишь князя П. А. Вяземского, который остался «тверд и верен» «Московскому Телеграфу» Полевого — по той причине, что был «в полном смысле крестным отцом «Телеграфа» и изменить крестнику своему не хотел и не мог» (Полн. собр. соч., т. I, стр. XLVIII — XLIX; т. X, стр. 267). Официальное разрешение на издание «Московского Вестника» было получено в Москве 6 ноября 1826 года, о чем Погодин 15 ноября извещал Пушкина: «...Позволение издавать журнал получено. Подписка открыта. Отрывок из Годунова отправлен в С.-Петербургскую цензуру, но его, может быть, не пропустят (два года тому назад запрещено было помещать отрывки из пьес в журналах), а первый № непременно должно освятить Вами: пришлите что-нибудь поскорее на такой случай. Еще — журналист ожидает обещанной инструкции» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 384). 7 декабря цензурою уже был разрешен № 1-й журнала, вышедший 1 января 1827 г. и начинавшийся (стр. 3 — 10) Сценою из «Бориса Годунова» (Пимен и Григорий). 7-го декабря жандармский полковник И. П. Бибиков сообщал Бенкендорфу плохо собранные сведения *(перевод):* «Ваше Превосходительство найдете при сем журнал Михаила Погодина за 1826 год 〈sic〉, в коем нет никаких либеральных тенденций: он чисто литературный. Тем не менее я самым бдительным образом слежу за редактором и достиг того, что вызнал всех его сотрудников, за коими я также велю следить; вот они: 1) Пушкин. 2) Востоков. 3) Калайдович. 4) Раич. 5) Строев. 6) Шевырев. Стихотворения Пушкина, которые он ему передавал для напечатания в его журнале, — это отрывки из его трагедии «Борис Годунов», которые он не может сообщить никому другому, потому что, по условиям Редакции, он не может предавать их гласности ранее напечатания. Из хорошего источника я знаю, однако, что эта трагедия не заключает в себе ничего противоправительственного» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925, стр. 63 — 64).

— Сушков — Николай Васильевич (род. 1796, ум. 1871), в 1825 — 1827 гг. служивший членом от короны Бессарабского Верховного Совета в Кишиневе, откуда должен был уехать вследствие ссоры с адъютантом графа М. С. Воронцова К. К. Варламом и дуэли с ним (3 июля 1827 г. в Тирасполе), окончившейся смертию Варлама («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 558, 564). Сушков был родным племянником известного Екатерининского статс-секретаря А. В. Храповицкого; питомец Московского Университетского Благородного Пансиона, где был товарищем Грибоедова, он рано начал пробовать свои силы в литературе, вращался в литературных кругах Петербурга, был знаком с Державиным, Карамзиным, Крыловым, Олениным, Гнедичем, Батюшковым, а также и с Пушкиным, только что вышедшим из Лицея (см. Н. Сушков, «Обоз к потомству с книгами и рукописями» — в сборн. «Раут», кн. III, М. 1854, стр. 331; ср. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 309). Сушков еще юношей сотрудничал в «Каллиопе», затем

№ 221. в «Сыне Отечества», «Амфионе», «Благонамеренном», «Соревнователе Просвещения и Благотворения» и других журналах, в которых помещал стихотворения и критические заметки; писал он и для театра (напр., лирическую трагедию «Сафо», М. 1824), что̀ дало повод М. А. Дмитриеву в шутку назвать Сушкова «нашим Шекспиром» («Мелочи из запаса моей памяти», М. 1869, стр. 179). Служба надолго отвлекла его от литературных занятий, к которым он вернулся уже по выходе в отставку, в 1841 году, с поста Минского губернатора. «Литературное поприще мое», говорил он сам: «разломано на-двое: середину между двумя половинами наполняет служебная деятельность. С одного конца — молодость и успехи, на другом конце — старость и помехи»; под последними он разумеет неблагосклонное отношение критики 1840 — 1860 гг. к произведениям этой поры его писательской деятельности (поэма «Москва», драма «Бедность и благотворительность», сборник стихотворений — «Книга печалей», альманах «Раут» и др.). Сушков хорошо знал Пушкина, с которым встречался, как было указано, в Петербурге, во времена до ссылки поэта, и в Москве, а затем снова в Петербурге, в конце 1820-х и в 1830-х годах. Трудно сказать, почему Пушкин в письме к Вяземскому упомянул, наряду с Полевым, Погодиным и Завальевским, именно Сушкова (в конце 1826 года бывшего в Кишиневе — см. Воспоминания Вигеля, ч. VII, стр. 187 — 188); в другом письме к Вяземскому, от 1 декабря 1826 г., Пушкин снова упомянул о Сушкове — и тоже полунасмешливо (см. № 225). По поводу кончины Сушкова П. И. Бартенев писал: «Искреннее благочестие, благородство правил и неиссякаемая доброта Н. В. Сушкова надолго останутся памятны Московскому обществу. В продолжение нескольких десятков лет он умел соединять в своем доме людей разных, иногда враждебных одно другому направлений, — и, выходя от него, всякий чувствовал себя покойнее, как бы примиреннее. Приветливое слово, сближение и обмен мыслей, радушное участие и ходатайство были для этого человека душевною потребностию. Скромный труженик науки или искусства свободно встречался на вечерах его с представителями власти. Проходили годы, менялись взгляды, враждовали партии, — а он всё оставался тот же, ласковый и приветливый» («Русск. Арх.» 1871 г., ст. 1744). Сушков приходился родным дядею известной поэтессе графине Е. П. Ростопчиной и содействовал развитию ее поэтического дарования.

— О Н. С. Завальевском, Кишиневском знакомце Пушкина, которым он забавлялся, — см. выше, в т. I, в письме № 62, и в объяснениях, стр. 282; в письме этом Завальевский упомянут рядом с Н. С. Алексеевым, которого в указанном письме Пушкина к Вяземскому № 225 поэт определил как «род своего Сушкова»; очевидно эти имена связывались в его представлении между собою по какому-то общему признаку. В письме своем к Пушкину из Хотина от 20 марта 1827 г. Н. С. Алексеев сообщил поэту подробный рассказ о дуэли Н. В. Сушкова с К. Варламом, на которой последний был убит (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 12 — 13).

— О более ранних пожеланиях Пушкина по вопросу об издании журнала см. выше, в письмах №№ 123, 167, 187, 197 и 208.

— Говоря о безграмотности Полевого, Пушкин имеет в виду помещенную в ч. VII, № 3 (от 1 марта) «Московского Телеграфа» за 1826 г. (стр. 304 — 309) «Некрологию графа Николая Петровича Румянцова (умершего 3 января 1826 г.) и графа Федора Васильевича Ростопчина (умершего 18 января 1826 г.), которая начинается следующею маловразумительною тирадою: «Если воспоминание есть долг, которого требует от нас память знаменитых современников, оканчивающих земное свое поприще, тем более потребно признательное воспоминание наше к памяти соотечественников, принадлежащих Истории по их подвигам, деяниям или влиянию на просвещение» (стр. 304).

— Прозвище Вертопрахиных (напоминающее действующих лиц комедий XVIII века) Пушкин применил к супругам Вяземским и позже, в письме № 225. Княгиня Вѣтрона — кн. В. Ф. Вяземская.

— Запретная Роза — неизвестная нам по имени Московская красавица, по словам С. Д. Полторацкого — одна из племянниц Е. А. Тимашевой,

рожд. Загряжской; судя по нижеприводимому стихотворению князя Вяземского, появившемуся в «Московском Телеграфе» 1826 г., ч. VIII, № 5 (март), стр. 3 (с подп. *В.*), она была выдана замуж за старика; вот это стихотворение: № 221.

ЗАПРЕТНАЯ РОЗА.

Прелестный цвет, душистый, ненаглядный,
Московских роз царица и краса!
Вотще тебя свежит зефир прохладный,
Заря златит и серебрит роса.
Судьбою злой гонимая жестоко,
Свой красный день ты тратишь одиноко;
Ты про себя таишь дары свои:
Румянец свой, и мед, и запах сладкой,
И с завистью пчела любви украдкой
Глядит на цвет, запретный для любви.
Тебя, цветок, коварством бескорыстным
Похитил шмель, пчеле и розе враг;
Он оскорбил лобзаньем ненавистным,
Он погубил весну надежд и благ.
Счастлив, кто, сняв с цветка запрет враждебный
И возвратив ее пчеле любви,
Ей скажет: цвет прелестный! цвет волшебный!
Познай весну и к счастью оживи!

В написанном незадолго перед тем, 20 октября 1826 г., за несколько дней до отъезда своего из Москвы, в альбоме Е. А. Тимашевой стихотворении, ей посвященном, Пушкин тоже упомянул Запретную Розу:

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.

* * *

Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.

* * *

Соперницы Запретной Розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
И много рифм, и много прозы!

Выражение «Запретная роза», повидимому, было хорошо известно в Москве. Полевой, в статье: «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг.», в «Московском Телеграфе» 1827 (часть XIII, книга I, стр. 5—9) назвал «запретною розою» литературу: «Соловьи свищут около нее, но, кажется, не хотят или не смеют влюбиться постоянно, и только рои пчел и шмелей высасывают мед из цветочка, который ни вянет, ни цветет, а остается так, в каком-то грустном, томительном состоянии. Подумаешь, что русская литература выбрала девизом: вперед не забегай, позади не оставайся и в середине не вертись» (Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, т. IV, стр. 313). По поводу этой статьи Булгарин написал донос в III Отделение на «Московский Телеграф», увидев в пчелах и шмелях намеки на свою «Северную Пчелу» и на самого себя (см. «Русск. Стар.» 1903 г., № 2, стр. 261, и М. К. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», С.-Пб. 1908, стр. 257—258).

№ 221. — Тимашева — Екатерина Александровна, рожд. Загряжская (род. 25 июля 1798, ум. 4 марта 1881); по поводу выхода ее замуж (в г. Дорогобуже), за Егора Николаевича Тимашева, осенью 1815 года, князь Г. С. Волконский (отец декабриста) называл ее «достойной и наилучше воспитанной», а познакомившись с нею лично в Оренбурге, в начале 1816 г., — именовал «добронравной и прекрасной» («Архив Декабриста С. Г. Волконского», под редакцией князя С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1918, стр. 69, 412, 414, 427 и др.). Ее муж, служивший затем ротмистром в л.-гв. Гусарском полку, в 1822 — 1830 гг. был Наказным Атаманом Оренбургского казачьего войска, а с 1833 до 1844 г. — Оренбургским Губернским Предводителем дворянства. Женщина чрезвычайно красивая, она вращалась в кругу Московского большого света, в котором была известна и как поэтесса, хотя из ее произведений известны лишь два стихотворения: «Ответ» на «Святочную шутку» [князя П. А. Вяземского] — в «Северных Цветах на 1831 г.» (стр. 90 — 91) и «К портрету ***» — в «Литературной Газете» 1831 г., № 12, стр. 96; ей же приписывается известный романс: «Я счастлив, как с тобой бываю», с припевом: «Ты не поверишь, как ты мила!» Князь Вяземский посвятил ей (1830 г.) стихотворение «Святочная шутка», Баратынский писал ей (1833 — 1834 г.):

Вам всё дано с щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владеете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой и т. д.

Графиня Е. П. Ростопчина (1831 и 1832) и Н. М. Языков (1832) также посвятили ей стихотворения, в которых воспеты ее дарования и красота. О Тимашевой см. «Остаф. Архив», т. III и «Архив братьев Тургеневых», т. VI. Сын ее, Александр Егорович, бывший в 1868—1878 гг. Министром Внутренних Дел, известен был в свое время как талантливый рисовальщик-каррикатурист и скульптор.

— «Листы о Карамзине» — сохранившийся отрывок из Записок Пушкина, обещанный им Вяземскому в письме от 14 августа (см. выше, № 211, и объяснения к нему, стр. 174). Вяземский еще в 1822 г. написал обширную статью: «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», напечатанную в 1823 году, при 6-м издании «Стихотворений» Дмитриева; отзывы Пушкина об этой статье см. выше, в письмах № 76 и 79.

— Стихи Языкова — его «Тригорское», о котором см. выше, в письме № 220 и в объяснениях к нему, стр. 201 — 202.

— П. И. Бартенев — вероятно, со слов князя П. А. Вяземского — пишет по поводу сказанного Пушкиным о Дмитриеве, что Карамзин — «не Дмитриеву чета»: «За много лет назад, в 1818 или 1819 гг., князь Вяземский полушутя сказал Пушкину, что он завидует стихам И. И. Дмитриева. Пушкин вспыхнул и не отвечал тогда ни слова, а отозвался только в 1826 году. Так был он чуток и памятлив» («Руск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 434, примечание). «Пушкин... не любил Дмитриева», пишет в другом месте сам князь Вяземский: «как поэта, то-есть, правильнее сказать, часто не любил его. Скажу откровенно, он был или бывал сердит на него... Дмитриев классик... не очень ласково приветствовал первые опыты Пушкина, а особенно поэму его *Руслан и Людмила.* Он даже отозвался о ней колко и несправедливо.[1] Вероятно отзыв этот дошел до молодого поэта, и тем более был он ему чувствитель-

[1] См., напр., в письме к князю Вяземскому от 18 октября 1820 г. («Стар. и Новизна», кн. II, стр. 141). Ему же, повидимому, принадлежат слова, сказанные о «Руслане и Людмиле» при ее появлении в свет: «Мать дочери велит на эту сказку плюнуть», — приводимые Пушкиным как «привет» «первоклассного отечественного писателя» «первому опыту молодого поэта»; — в предисловии ко 2-му (1828 г.) изданию «Руслана и Людмилы» (ср. «Вестн. Европы» 1881 г., стр. 37, в статье П. В. Анненкова: «Любопытная тяжба»). *Б. М.*

нее, что приговор исходил от судии, который возвышался над рядом обыкновенных судей и которого, в глубине души и дарования своего, Пушкин не мог не уважать. Пушкин в жизни обыкновенной, ежедневной, в сношениях житейских, был непомерно добросердечен и простосердечен, но умом, при некоторых обстоятельствах, бывал он злопамятен... Помню, что однажды, в пылу спора, сказал я ему: «Да ты, кажется, завидуешь Дмитриеву». Пушкин тут зардел, как маков цвет; с выражением глубокого упрека взглянул он на меня и протяжно, будто отчеканивая каждое слово, сказал: «Как, я завидую Дмитриеву?» Спор наш этим и кончился, то-есть, на этот раз, и перешел к другим предметам, как будто ни в чем не бывало. Но я уверен, что он никогда не забывал и не прощал мне моей неуместной выходки. Если хорошенько порыться в оставленных им по себе бумагах, то наверно найдется где-нибудь имя мое с припискою: *debet*. Нет сомнения, что вспышка моя была оскорбительна и несправедлива. Впрочем, и то сказать, в то время Пушкин не был еще на той вышине, до которой достигнул позднее... Дмитриев, при дальнейших произведениях поэта, совершенно примирился с ним и оказывал ему должное уважение, — так и у Пушкина бывали частые перемирия в отношении к Дмитриеву» (Соч., т. I, стр. 158 — 159).

— «О фамильной» слабости своей к каламбурам Пушкин шутя писал Вяземскому в письме № 140 и Кюхельбекеру в письме № 189; ср. еще в № 144, 180 и др.

— Получив письмо Пушкина, Вяземский 27 ноября писал Тургеневу и Жуковскому: «Наш Годунов пишет мне из деревни, что будет сюда к 1-му Декабря: тогда выпрошу отрывочек из трагедии» («Архив Тургеневых», вып. VI, стр. 52).

222. *М. П. Погодину* (стр. 21). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., т. V, кн. 10, стр. 456; подлинник — в архиве Погодина, в б. Румянцовском Музее в Москве (ныне Библиотека имени Ленина), среди писем 1823 — 1827 гг., кн. I, № 3515, л. 113; письмо на бумаге без вод. зн., запечатано перстнем-талисманом на красном сургуче. — 29 писем Пушкина к Погодину (или, вернее, выдержки из них) были напечатаны в «Москвитянине» (l. c., стр. 456 — 469) в отсутствие Погодина из Москвы, без его ведома. В ноябре 1842 года граф Бенкендорф писал Министру Народного Просвещения С. С. Уварову по поводу их появления в печати: «Как в письмах Пушкина встречаются неприличные выходки против публики, литературы, цензуры и частного лица, г. Полевого, то позвольте изложить вам мое мнение, что ежели издатели «Москвитянина», печатая в журнале своем эти письма, имели намерение познакомить публику с настоящими качествами г. Пушкина, в таком случае цель их истинно похвальна, но не менее того цензор не имел права и не должен был пропускать к печатанию неприличной брани, столь нетерпимой правительством»; далее Бенкендорф приводил пять мест из писем Пушкина, которые вызвали его особенное недовольство цензурою (см. «Русск. Стар.» 1903 г., т. CXIV, апр., стр. 174 — 175).

— Просьба остановить в Московской цензуре отданные туда произведения Пушкина объясняется тем, что Пушкин получил следующее письмо от главы высшей политической полиции А. Х. Бенкендорфа (второе в начавшейся переписке Начальника III Отделения и шефа жандармов с поэтом, отданным под его наблюдение):

«Милостивый Государь, Александр Сергеевич! При отъезде моем из Москвы, не имея времени лично с вами переговорить, обратился я к вам письменно с объяснением высочайшего соизволения, дабы Вы в случае каких-либо новых Литературных произведений ваших, до напечатания или распространения оных в рукописях, представили бы предварительно о рассмотрении оных или чрез посредство мое, или даже и прямо Его Императорскому Величеству. — Не имея от Вас извещения о получении сего моего отзыва, я должен однако же заключить, что оный к Вам дошел, ибо вы сообщали о содержании оного некоторым особам. Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочи-

№ 223. ненную вами вновь Трагедию. Сие меня побуждает Вас покорнейше просить об уведомлении меня, справедливо ли таковое известие или нет. Я уверен, впрочем, что Вы слишком благомыслящи, чтобы не чувствовать в полной мере столь великодушного к вам Монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным оного. — С совершенным почтением имею честь быть Ваш покорный слуга А. Бенкендорф. № 111, 22 ноября 1826. — Его высокоблагородию А. С. Пушкину» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 386). Письмо свое к Пушкину Бенкендорф направил не прямо к поэту, а через Псковского губернатора фон-Адеркаса, которому писал: «С.-Петербург, 22 ноября 1826 г. № 112. Милостивый государь Борис Антонович! Покорнейше прошу ваше превосходительство приказать доставить верным путем включаемое у сего письмо известному сочинителю Александру Сергеевичу Пушкину, отправившемуся из Москвы во вверенную вам губернию. В ожидании ответа Вашего, имею честь быть с совершенным почтением Вашего Превосходительства покорнейший слуга А. Бенкендорф». («Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVII, стр. 135; С. Сухонин, «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 18).

— Узнав из совершенно недвусмысленных слов Бенкендорфа, что за ним внимательно следят и о разговорах и о поведении его доносят в III Отделение (ср. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3, Лгр. 1925, стр. 61 — 62), Пушкин не мог не взволноваться — тем более, что, как видно из дневника И. М. Снегирева, еще 18 сентября 1826 г. Соболевский привез к нему цензуровать стихи Пушкина, а 26-го, по просьбе г-жи Хитрово и графа Зотова, Снегирев читал «Пушкина стихотворения, назначенные ему для цензурования» («Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 47; вряд ли, однако, это были стихотворения для «Московского Вестника», как думает Н. О. Лернер, так как о журнале тогда шли еще лишь самые предварительные разговоры), а 6 октября Соболевский привез Снегиреву в цензуру «Графа Нулина» (там же); «Нулин», однако, лишь в конце августа 1827 г. был пропущен к печати Николаем I, вместе с другими стихами Пушкина (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 39 и 40). Ответ Пушкина на вышеприведенное письмо к нему А. Х. Бенкендорфа см. ниже, под № 223.

— Договор — о постоянном участии Пушкина в «Московском Вестнике» Погодина, за которое он должен был получать 10.000 р. с проданных 1200 экземпляров (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 46; ср. выше в объяснениях к письму № 221, стр. 203). Письмо Пушкина от 29 ноября с отказом от сотрудничества Погодин получил лишь 14 декабря и записал в своем Дневнике: «Ввечеру громом поразило письмо Пушкина, который, по воле начальства, не может участвовать в журнале»; в тот же день Погодин ответил Пушкину, но письмо это до нас не сохранилось («Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 82). Об отказе от сотрудничества писал Пушкин и Соболевскому 1 декабря 1826 г. (см. ниже, письмо № 227).

223. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 21). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 696 (отрывок) и 1880 г., т. XXVII, янв., стр. 137—138; подлинник (на бумаге без вод. зн.) из Архива Департамента полиции — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Письмо Пушкина служит ответом на вышеприведенное письмо к нему А. Х. Бенкендорфа от 22 ноября 1826 г. (см. выше, стр. 207 — 208) с выговором за чтение «Бориса Годунова» до разрешения его высочайшею цензурою и за то, что Пушкин не ответил на письмо к нему Бенкендорфа от 30 сентября 1826 г., написанное перед самым отъездом его с царем из Москвы обратно в Петербург (куда они приехали, переночевав в Царском Селе, 6 октября). Вот это письмо Бенкендорфа, — первое в сношениях его с Пушкиным:

«Милостивый Государь Александр Сергеевич! Я ожидал прихода Вашего, чтобы объявить высочайшую волю, по просьбе Вашей, но, отправляясь теперь в С.-Петербург и не надеясь видеть здесь, честь имею уведомить, что государь император не только не запрещает приезда Вам в Столицу,

но предоставляет совершенно на Вашу волю, с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешение чрез письмо. Его величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности Ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя Ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, Вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить Вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания. — Сочинений Ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой Цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений Ваших и Цензором. — Объявляя Вам сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения Ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от Вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя. — Примите при сем уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть ваш покорный слуга А. Бенкендорф. № 205. Москва. 30 сентября 1826. — Его Благородию А. С. Пушкину» (Академическое издание Переписки, т. I, стр. 374 — 375.) № 223.

— Начальную фразу ответа Пушкина ср. с совершенно тождественною фразою в официальном же письме его к А. И. Казначееву от 25 мая 1824 г. (см. выше, т. I, № 81).

— О чтении Пушкиным «Бориса Годунова» в сентябре и октябре 1826 г. см. выше, стр. 188, в объяснениях к письму № 214.

— Письмо Пушкина к Бенкендорфу было представлено последним государю, который, возвращая его, писал (по-французски): «Я очарован письмом Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение [т.-е. «Годунова»]; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространилась» («Старина и Новизна», кн. VI, стр. 4). Н. П. Барсуков ошибочно предполагает (стр. 13), что Николай I имел здесь в виду майское прошение к нему Пушкина (№ 206).

— На письмо Пушкина Бенкендорф ответил ему лишь 9 декабря, за № 135: «Получив письмо ваше, вместе с препровожденною при оном драматическою пиесою, я поспешаю вас о том известить, с присовокуплением, что я оную представлю его императорскому величеству и дам вам знать о воспоследовать имеющем высочайшем отзыве. — Между тем, прошу вас сообщать мне на сей же предмет все и мелкие труды блистательного вашего пера» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 392 — 393). Об отношениях Пушкина к Бенкендорфу и III Отделению см. в статье чиновника этого Отделения М. М. Попова — «Русск. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 683—714; В. Я. Брюсов, Сношения Пушкина с правительством — «Русск. Арх.» 1906 г., кн. I, стр. 323 — 328; М. К. Лемке, Муки великого поэта — в книге его «Николаевские жандармы и литература 1826 — 1855 г.», С.-Пб. 1906, стр. 465 — 526; П. Е. Щеголев: «Император Николай I и Пушкин в 1826 г.» — в книге его «Пушкин. Очерки», С.-Пб. 1912, стр. 226 — 265; Н. О. Лернер: «После ссылки в Москве» — в Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 350—351; В. Ѳ. Саводник: «Политический донос на Пушкина» — «Русск. Арх.» 1904 г., кн. II, стр. 135 — 140; Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925. — Известный чиновник III Отделения М. М. Попов свидетельствует, что с самого начала сношений своих с Пушкиным «высшая полиция» обратила особенное на него внимание, что «с того времени Бенкендорф и его помощник фон-Фок ошибочно стали смотреть на молодого поэта не как на ветреного мальчика, а как на опасного вольнодумца, постоянно следили за ним и приходили в тревожное положение от каждого его действия, выходившего из общей колеи.... Бенкендорф и его помощник фон-Фок, не восхищавшиеся ничем в литературе и не считавшие поэзию делом важным, передавали царскую волю Пушкину всегда пополам со строгостью, хотя в самых вежливых выражениях. Они как бы беспрестанно ожидали, что вольнодумец их предпримет какой-либо вред-

№ 224. ный замысел или сделается коноводом возмутителей. Между тем, Пушкин беспрестанно впадал в проступки, выслушивал замечания, приносил извинения и опять проступался. Он был в полном смысле слова дитя и, как дитя, никого не боялся. Зато люди, которые должны бы быть прозорливыми, его боялись. Отсюда начался ряд с одной стороны напоминаний, выговоров, а с другой — извинений, обещаний и вечных проступков!» («Русск. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 694 — 695). Получив свободу, Пушкин, по словам А. Ѳ. Кони, «не мог еще предвидеть, как, — согласно народной поговорке «жалует царь, да не жалует псарь», — лукаво и оскорбительно для него извратит шеф жандармов Бенкендорф обещание государя быть *самому* его цензором», — и «уже в ноябре 1826 г. Бенкендорф стал между двумя царями — царем русской земли и царем русской поэзии, ограничивая великодушие первого и стесняя великий талант второго» («Страничка из жизни Пушкина» — «Изв. Отд. Русск. языка и слов.» 1905, т. X, кн. 1, стр. 402 — 403). «Порученный попечению графа Бенкендорфа», пишет В. Ѳ. Саводник, — Пушкин «попадает в положение почти школьника, обязанного давать отчет в каждом своем поступке. Граф Бенкендорф делает ему формальные выговоры за чтение «Бориса Годунова», за напечатание «Анчара», за отъезд на Кавказ без разрешения начальства и т. д.». («Русск. Арх.» 1904 г., кн. 11, стр. 140). Сложную цепь полицейской слежки за Пушкиным, начинавшуюся с негласных и безымянных шпионов и агентов, замыкали Управляющий III Отделением Максим Яковлевич фон-Фок (ум. 27 августа 1831) и шеф жандармов Александр Христофорович Бенкендорф (ум. 11 сентября 1844). Первый был душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицейского аппарата и сосредоточивал в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Человек умный, хорошо образованный и воспитанный (бывший военный), он большими знаниями своими, начитанностью и кипучею деятельностью как бы дополнял своего начальника — Бенкендорфа, человека мало образованного и вялого, ленивого. «Он, в сущности, был более отрицательно-добрым человеком, под именем которого совершалось, на ряду со многим добром, и не мало самоуправства и зла», говорит хорошо знавший Бенкендорфа гр. М. А. Корф, товарищ Пушкина по Лицею: «Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особенно беспамятством и вечною рассеянностью, которые многократно давали повод к разным анекдотам, очень забавным для слушателей или свидетелей, но отнюдь не для тех, кто бывал их жертвою, наконец — без меры преданный женщинам, он никогда не был ни деловым, ни дельным человеком и всегда являлся орудием лиц, его окружавших. Сидев с ним 4 года в Комитете Министров и 10 лет в Государственном Совете, я ни единожды не слышал его голоса ни по одному делу.... При очень приятных формах, при чем-то рыцарском в тоне и словах и при довольно живом светском разговоре он имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно» и т. д. («Русск. Стар.» 1899 г., т. С, дек., стр. 485 — 487). Под бдительный надзор таких-то лиц и был отдан Пушкин, вся дальнейшая жизнь которого прошла под знаком «III Отделения». Войдя в кабинет Чудовского дворца, 8 сентября 1826 г., на аудиенцию к Николаю I, хотя и ссыльным, но духовно свободным человеком, он вышел оттуда, по справедливому выражению Н. О. Лернера, «свободным поднадзорным», — и с этого дня голубая, громоздкая, но мягкая фигура Бенкендорфа становится рядом с поэтом и неотступно, по пятам сопровождает его уже до самой могилы». (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», стр. 102).

224. *Н. С. Алексееву* (стр. 22). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 173 (отрывок), откуда перепечатывалось во всех последующих изданиях; впервые полностью и с точной датой напечатано, по копии из бумаг Анненкова, в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 388 — 389; у нас печатается по подлиннику, принадлежащему ныне Пушкинскому Дому Академии Наук.

— Пушкин отвечает на письмо Н. С. Алексеева из Кишинева от 30 октября 1826 г., в котором тот писал: «Во время, когда я думал писать к тебе посторонними путями, любезный Пушкин, через посредство Крупенской, которая бралась доставить письмо к сестре своей Пещуровой,[1] как узнаю, что ты в Москве. Радость овладела мной до такой степени, что я не в состоянии изъяснить тебе и предоставляю судить тебе самому, если разлука не уменьшила доверенности твоей к моей дружбе. С какою завистью воображаю я Московских моих знакомых, имеющих случай часто тебя видеть; с каким удовольствием хотел бы я быть на их месте и с какою гордостью сказал бы им: мы некогда жили вместе, часто одно думали, одно делали и почти одно любили, иногда ссорились, но расстались друзьями, или по крайней мере я так льстил себе. Как бы желал я позавтракать с тобою в одной из Московских ресторациев и за стаканом Бургонского пройти трех-летнюю Кишиневскую жизнь, весьма занимательную для нас разными происшествиями. Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы, кажется, оба понимали друг друга. Не смотря на названия: лукавого соперника и черного друга, я могу сказать, что мы были друзья соперники и жили приятно! — Теперь сцена Кишиневская опустела, и я остался один на месте, чтоб, как очевидный свидетель всего былого, мог современем передать потомству и мысли, и дела наши. Все переменилось здесь со времени нашей разлуки: Сандулаки вышла замуж, Соловкина умерла, Пульхерия состарилась и в бедности, Калипсо в чахотке; одна Еврейка осталась на своем месте. Но прежних дней уж не дождусь: их нет как нет! Как часто по осушенным берегам Быка хожу я грустный и туманный и проч., вспоминая милого товарища, который умел вместе и сердить и смешить меня. Самая madame Вольф сильно действует на мое расположение, и если ты еще не забыл этот предмет, то легко поймешь меня. . . .! — Место Катакази занял Тимковский, ты его верно знаешь: он один своим умом и любезностью услаждает скуку. Ты, может быть, захочешь узнать, почему я живу здесь так долго; но я ничего тебе сказать не в состоянии: какая-то тягостная лень душою овладела! Счастие по службе ко мне было постоянно: за все поручения мною выполненные с усердием полу-Милорд наградил меня благодарностью и несколько раз пожатием руки; чины же и кресты зависели от окружающих, коих нужно было просить, а я сохранил свою гордость и не подвинулся ни на шаг. Теперь его чорт взял, он отправился в Англию, но я ожидаю способов возвратиться в Москву белокаменную и соединиться с друзьями; но: № 224.

Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!

Между тем я уверен, что ты меня вспомнишь: удостоенный некогда целого послания от тебя, я вправе надеяться получить несколько строк, а также, если можно, и чего-нибудь нового из твоего произведения. Я имел первую часть Онегина, но ее кто-то зачитал у меня: о второй слышу и жажду ее прочесть. . . . Я часто говорю о тебе с Яковом Сабуровым,[2] который вместе со мною в комиссии по делам Варфоломея; он тебя очень любит и помнит. Липранди тебе кланяется, живет по прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги. Прости, с нетерпением ожидаю удостоверения, что в твоей памяти живет еще Алексеев» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 377 — 379).

— Об Николае Степановиче Алексееве см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 62 стр. 283.

— Бык — речка, на которой лежит Кишинев: см. выше, в т. I, в письме № 26.

— Еврейкой в Кишиневе называли Марию Егоровну Эйхфельдт, рожд. Мило; жена горного чиновника, она была женщина хорошенькая, несколько

---

[1] См. выше, в объяснениях, т. I, стр. 354 — 355.

[2] См. выше, в объяснениях, т. I, стр. 361, 433.

№ 224. еврейского типа, хорошо образованная; долгое время она была в близких отношениях с Алексеевым; Пушкин спрашивал о ней в письме к нему от 26 декабря 1830 г. (ниже, № 390). В 1821 г. он упоминал о «Еврейке» в вариантах своего послания к Н. С. Алексееву, а ей самой посвятил в том же году шутливое стихотворение. По предположению Н. О. Лернера, имя Эйхфельдт могло быть занесено Пушкиным в его «Дон Жуанский» список (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. 99; о ней см. там же, т. II, стр. 567—568, 569 и 581).

— О гречанке Калипсо Полихрони см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 54, стр. 258—259, и в «Русск. Арх.» 1866. ст. 1187 и 1246. Пушкин спрашивал о ней Алексеева в письме от 26 декабря 1830 г., № 390.

— Соловкина — Елена Федоровна, по словам И. П. Липранди — «жена полкового командира Охотского полка, рожденная Бем, внука генерала Катаржи»; она была «одною из наиболее интересовавших» Пушкина и «иногда приезжала в Кишинев к сестре своей Марье Федоровне, жене подполковника Камчатского полка П. С. Лишина. Но все усилия Пушкина, чтобы познакомиться в доме, были тщетны» («Русск. Арх.» 1866, ст. 1235). Говоря далее, что Пушкин не был влюблен в Калипсо, Липранди пишет: «были экземпляры несравненно лучше и, как я полагаю, что ни одна из всех бывших тогда в Кишиневе не могла в нем порождать ничего более временного каприза; и если он бредил иногда Соловкиной, то и это, полагаю, не по чему другому, как потому только, что не успел войти в ее дом, когда она по временам приезжала из Орхея в Кишинев» (там же, ст. 1246).

— «Кажется, в 1822 году было сильное землетрясение в Кишиневе», вспоминает А. Ф. Вельтман: «стены дома треснули, раздались в нескольких местах; генерал Инзов принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже...»; однако вскоре «уединение посреди развалин наскучило ему, — и он переехал жить к Алексееву» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 124; ср. «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 403, в рассказе В. П. Горчакова).

— Пущин — Павел Сергеевич, генерал, о коем см. выше, в письме № 193 и в объяснениях к этому письму, стр. 132.

— Варфоломей — Егор Кириллович — член Бессарабского Верховного Совета; о нем см. выше, в т. I, в письме № 51 и в объяснениях, стр. 263, и в письме № 62. «Некогда стоявший с чубуком в руках на запятках *бутки* (коляски) Ясского господаря Мурузи», — пишет о Варфоломее А. Ф. Вельтман: «но потом владетель больших имений в Бессарабии, Председатель Палаты и откупщик всего края, во время Пушкина жил открыто; ему нужен был зять русский, сильная рука которого поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупам. Предчувствуя сбирающуюся над ним грозу, он пристроил к небольшому дому огромную залу, разрисовал ее как трактир и стал давать балы за балами, вечера за вечерами»... (Л. Майков, «Пушкин», стр. 121).

— Надежды нет иль очень мало, — автоцитата Пушкина из его сказки «Царь Никита», хорошо, конечно, знакомой Алексееву, имя которого, как известно, связано и с историей создания «Гавриилиады»:

Одного не доставало, —
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего,
Ничего *иль очень мало*...

— Об Иване Петровиче Липранди (род. 1790, ум. 1880) см. выше, т. I, в письмах № 19 и 31 и в объяснениях, стр. 219 и 237. — 11 ноября 1822 г., выйдя в отставку из 33 егерьского полка полковником, он был зачислен состоящим при графе М. С. Воронцове, при коем и находился до июня 1823 года, после чего 6 октября 1825 г. вновь определен был в службу подполковником — в Свиту его величества по Квартирмейстерской части, привлекался к следствию по делу декабристов, но не только был оправдан, но даже, 11 мая 1826 г., награжден, ввиде вспомоществования, 2000 рублей и 6 декабря 1826 же года, за отличие, произведен в полковники,

а 27 февраля 1827 г. снова получил, под видом вспомоществования, 2000 рублей; перечисленный затем в Генеральный Штаб (27 июня 1827 г.), он 29 января 1832 г. вышел в отставку генерал-майором; года за два до того он в Бухаресте женился на Зинаиде Николаевне Самуркаш (ум. 1877) и, — как сообщал Пушкину Н. С. Алексеев, — «по чувствам» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 216). — Во время службы при Воронцове (с июня 1823 г.) Липранди «имел многие различные поручения, — преимущественно проложение и учреждение всех трактов по Бессарабской области, составление полной статистики, военного и исторического описания; в 1826 году, во время Аккерманских переговоров, посылаем был в Тульчу, Исакчу и другие места для составления описания, как равно и землям Некрасовцев, Запорожцев и Добруджских татар и пр. и находился до открытия кампании 1828 года в Бессарабии» (формулярный список; см. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 177 — 178). Кишиневский приятель Пушкина — В. П. Горчаков — свидетельствует, что Пушкин нередко по вечерам бывал у Липранди, «который своею *особенностию* не мог не привлекать Пушкина: в приемах, действиях, рассказах и образе жизни подполковника много было чего-то поэтического, — не говоря уже о его способностях, остроте ума и сведениях, Липранди поражал нас то изысканною роскошью, то вдруг каким-то презрением к самым необходимым потребностям жизни, — словом, он как-то умел соединять прихотливую роскошь с недостатками. Последнее было слишком знакомо Пушкину» («Москвитянин» 1850 г., № 7, отд. I, стр. 196 — 197). Липранди, судя по его Воспоминаниям, хорошо понимал Пушкина и его значение; встретившая его в 1839 г. у С. Л. Пушкина бар. Е. Н. Вревская, рожд. Вульф, много говорила с ним о Пушкине и вынесла впечатление, что он «восторженно любил» поэта («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII стр. 404 — 405).

— Эпитеты, примененные к Алексееву: «черный друг» и «лукавый друг» взяты из посланий Пушкина к Алексееву 1821 и 1822 г.

225. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 23). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 434 — 435; подлинник, запечатанный перстнем-талисманом, был у графа С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— Пушкин уведомляет о получении писем князя и княгини Вяземских от 19 ноября 1826 г.; отрывки из письма княгини Веры Федоровны, при котором она послала Пушкину чье-то большое письмо, — приведены были выше, в объяснениях к письму № 218; князь же Петр Андреевич засыпал его вопросами: «Как доехал? Что няня? Что любовь? Когда возвратишься? пишешь ли? Вдался ли в запой стихов, или не можешь еще справиться с Московского похмелья? Здесь всё по-старому; один только Завальевский не пишет и не поет, а растянувшись лежит больной. Кривцов[1] проездом в свой новый пашалык живет с нами, жалеет, что тебя уже не застал, и дружески обнимает. А Тургенев и Жуковский просят из Дрездена посылать им с каждою почтою по несколько стихов из Годунова. Пишу им, что твой Борис не французский рагу, что можно подавать в разбивную, а добрая штука мяса Английская, которую должно подать на стол целиком» . . . (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 385).

— «Презренною прозою» Пушкин называет написанную им в Михайловском записку «О народном воспитании» (закончена 15 ноября) составить которую он получил приказание от Николая I в письме Бенкендорфа от 30 сентября (см. выше, в объяснениях к письму № 223, стр. 209).

— Во Пскове Пушкин мог играть в карты со своими знакомцами И. Е. Великопольским и Г. П. Назимовым (см. выше, в письме № 209, и в объяснениях к нему, стр. 164 — 166).

— Французская фраза значит: «Прощайте, парочка, столь ветреная по-видимости, прощайте, князь Вертопрахин и Княгиня Вертопрахина».

---

[1] Николай Иванович, приятель Пушкина, переведенный из Воронежских губернаторов (куда на его место был назначен Псковской губернатор Адеркас) губернатором же в Нижний Новгород 12 сентября 1826 г.

№ 226. Ср. выше, в письме № 221, эго же прозвище, данное супругам Вяземским.

— О Н. С. Алексееве см. выше, в предыдущем письме № 224, о Сушкове — в письме № 221, и в объяснениях к ним, стр. 211 и 203. Н. О. Лернер справедливо замечает, что «в этом сравнении Алексеева с Сушковым заключается, кажется, нечто обидное для Кишиневского друга, какой-то смешной намек. О посредственном Московском литераторе Николае Васильевиче Сушкове (1796 — 1871) Пушкин был довольно невыгодного мнения» (Соч., ред. Венгерова. т. IV, стр. XIII).

— Киселевы — родственники Алексеева (см. выше, в объяснениях к письму № 223); из них Сергей Дмитриевич Киселев (ум. 12 июля 1851) — брат знакомца Пушкина, генерала П. Д. Киселева, впоследствии графа; в 1811 г. он служил в л-гв. Егерьском полку, с другим братом своим Александром (убитым под Бородиным), в октябре 1820 г. произведен был в полковники, а в декабре следующего года вышел в отставку («История л.-гв. Егерьского полка», С.-Пб. 1896, прил., стр. 22); второй сын члена Мастерской Оружейной Палаты в Москве Дмитрия Ивановича Киселева от брака его с княжной Прасковьей Петровной Урусовой, он был в давних приятельских отношениях с князем П. А. Вяземским и Пушкиным; в 1830 году он женился на воспетой обоими поэтами Елизавете Николаевне Ушаковой (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 355 — 377). Сохранились два коротеньких письма Пушкина к С. Д. Киселеву (1829 —1831 гг.), с которым поэт был на «ты», и приписка Киселева на письмах Пушкина и др. к графу Ф. И. Толстому (см. ниже, № 284) и к Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 г. (см. ниже, № 390). Портреты его — в Музее Пушкинского Дома, куда переданы Н. П. Киселевым (1927).

226. *В. П. Зубкову* (стр. 23). Впервые напечатано в «Журнале для всех» 1905 г., № 1, стр. 38 — 42, и в «Известиях Отделения Русского языка и словесности Имп. Академии Наук» 1905 г., т. X, кн. I, стр. 408 — 409; к оттискам «не для продажи» даны были снимки с автографа, писанного на бумаге без вод. зн. и принадлежащего в настоящее время Пушкинскому Дому.

Перевод: «Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня, — и вот этому объяснение: я хотел сам прилететь к вам, как бомба, 1 декабря, т.-е. сегодня и потому выехал пять-шесть дней тому назад из моей проклятой деревни на перекладной, в виду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Взбешенный, я играю и проигрываю. Но довольно об этом: я жду, чтобы как только мне станет немного лучше, пуститься в дальнейший путь на почтовых. — Твои два письма прелестны. Мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но раз уж я нахожусь в гостинице во Пскове, вместо того, чтобы быть у ног Софи, то поболтаем, т.-е. станем рассуждать. — Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т.-е., познать счастье. Ты мне говоришь, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не мое личное счастье меня заботит — могу ли я не быть самым счастливым из людей, находясь близ нее, — я дрожу только при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает — я дрожу при мысли, что не смогу сделать ее настолько счастливою, как мне того хотелось бы. Моя жизнь, доселе такая кочующая, такая бурная, мой характер — неровный, ревнивый, подозрительный, буйный и слабый одновременно — вот что дает мне минуты тягостного раздумья. — Следует ли мне связать с судьбой столь печальною, с характером столь несчастным — судьбу столь нежного, столь прекрасного существа? — Боже мой, как она красива! и как смешно было мое поведение по отношению к ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести. Скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу, а доказательство тому — что́ тебе в голову придет. Мерзкой этот Панин: два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе, — а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь! Если она находит, что Панин прав, она должна думать,

что я сумасшедший, — не правда ли? Объясни же ей, что прав я, что хоть раз увидев ее, нельзя колебаться, что я не претендую увлечь ее собою, что я следовательно прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что, раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти, что она еще более прекрасна, потому что более прекрасной быть невозможно. — Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и жени меня. — А. П. — В Москве я расскажу тебе кое-что. Я дорожу моей бирюзой, как она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова». № 226.

— Василий Петрович Зубков (род. 1799, ум. 1862), — небольшая записка к которому Пушкина была уже приведена выше, под № 217, — был питомец известного Муравьевского Учебного Заведения для колонновожатых (1816 — 1817); выпущенный оттуда прапорщиком в Свиту по квартирмейстерской части, он уже в декабре 1819 г. вышел в отставку подпоручиком, затем путешествовал заграницей, а вернувшись оттуда, вступил в масоны; живя затем в Москве, он сблизился с кружком передовых и либерально настроенных молодых людей — С. Н. Кашкиным, князем Е. П. Оболенским, П. И. Колошиным и его братом П. И. Колошиным, Б. К. Данзасом, наконец, с И. И. Пущиным и другими, составившими Общество Семистороннеи или Семиугольной Звезды («Стар. и Новизна», кн. XXII, стр. 142 — 143). Прослужив недолго при Московском Архиве Коллегии Иностранных Дел, он с марта 1823 г. состоял при Московском генерал-губернаторе князе Д. В. Голицыне, а в августе 1824 г. определился в Московскую Палату Гражданского Суда. 9 января 1826 г. Зубков был арестован в связи с делом декабристов, 9 дней просидел в Петропавловской крепости, подвергался допросу, но уже 20 января был освобожден и вернулся в Москву. О своем заключении в крепости Зубков оставил очень интересные Записки, на французском языке, с рисунками, изданные Б. Л. Модзалевским, с предисловием и примечаниями, в сборнике «Пушкин и его современники», вып. IV, 1906 г. (и отд. отт.; перевод их на русский язык — в книге под ред. В. В. Каллаша: «Декабристы», изд. М. В. Саблина, М. 1907, стр. 215 — 244). В 1823 году Зубков женился на Анне Федоровне Пушкиной (род. 1803, ум. 1889), бедной девушке-сироте, воспитавшейся у Е. В. Апраксиной, рожд. княжны Голицыной, и был очень счастлив в браке. В октябре 1826 года он вышел в отставку и более трех лет прожил частным человеком. Как раз к сентябрю и октябрю 1826 г. и относится знакомство Пушкина с Зубковым, жившим тогда в Москве, в своем доме в Большом Толстовском переулке. С этого же времени Пушкин стал бывать у Зубкова, к которому его заранее располагала их общая дружба с Пущиным; здесь, по свидетельству П. И. Бартенева, Пушкин «проводил беспрестанно время» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 393); он близко сошелся с Зубковым, вскоре был с ним уже «на ты» (см., кроме письма к Зубкову, еще рассказ В. Ф. Щербакова — Соч., ред. Ефремова, т. VIII, стр. 111) и в доме его познакомился с его свояченицей Софьей Федоровной Пушкиной. Знакомство Пушкина с Софьей Федоровной, произведшей на него, как видно из письма его, сильное впечатление, состоялось между 8-м сентября и началом ноября: уже 9-го ноября, сообщая о своем скором возвращении в Москву, поэт писал князю Вяземскому: «Долго здесь не останусь. В Петербург не поеду; буду у вас к 1-му: *она* велела» (см. выше, в письме № 221). Судя по письму Пушкина к Зубкову, в котором он пишет, говоря о Софье Федоровне: «Я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь», — можно судить об исключительной быстроте, с которою возрастало его чувство к миловидной девушке. Эпизод со сватовством Пушкина произошел, вероятно, незадолго до отъезда поэта из Москвы; ко времени второго приезда его туда, — во второй половине декабря (22-го декабря он, в квартире Зубкова, написал свои стансы: «В надежде славы и добра») нужно отнести окончательную неудачу Пушкина в его сватовстве, на возможность которой Зубков, повидимому, указывал поэту в недошедших до нас письмах своих (о них упоминает в своем письме Пушкин и которую сам поэт предчувствовал, говоря в письме к С. А. Соболевскому:

226. «Твои догадки гадки, виды мои гладки» (см. ниже, в письме № 227); и действительно, уже 8 декабря по Москве говорили об имеющей состояться свадьбе С. Ф. Пушкиной с Валерианом Александровичем Паниным (род. 1803, ум. 1880), бывшим впоследствии Смотрителем Московского Вдовьего Дома (1847) и Казначеем Руссийского Общества Любителей Садоводства. — Софья Федоровна (род. 1806, ум. 1862) была младшею дочерью Воронежского губернатора Федора Алексеевича Пушкина (ум. 1810), очень дальнего родственника, вернее — однородца поэта, — от брака его с княжною Мариею Ивановною Оболенскою (ум. около 1816 г.); оставшись сиротою после смерти матери, она была взята, с сестрою своей Анной (потом Зубковой), Е. В. Апраксиною и в ее великосветском доме получила свое воспитание, — также великосветское. Про наружность ее мы знаем (Д. Благово, «Рассказы бабушки», С.-Пб. 1885, стр. 102), что она была «маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хоть не имела ни той поступи, ни осанки, как ее сестра . . ., но личиком была, кажется, еще милее». Другая современница именует ее при перечислении известных Московских красавиц середины 1820-х г. (Е. А. Сабанеева, «Воспоминания о былом», под ред. Б. Л. Модзалевского, С.-Пб. 1914, стр. 92). И действительно, судя по ее портрету, С. Ф. Пушкина была очень хорошенькая девушка, с тонкими чертами лица, несколько «конфектного» типа (портрет ее воспроизведен в издании «Пушкин и его современники», вып. XI, при стр. 107 — 108). Она обладала, повидимому, всеми качествами светской барышни (см., напр., в «Сыне Отечества» 1825 г., ч. 104, № 22, стр. 197 — 207, указание на участие ее в празднестве в селе Городне, у княгини Н. П. Голицыной — «Princesse Moustache» — «Пиковой Дамы»). К предложению поэта и к его восторженному поклонению она отнеслась, повидимому, равнодушно; по свойству своего «преживого и превеселого нрава», она вряд ли и могла отнестись к чувству Пушкина серьезно, и в ее к нему отношении было простое кокетство (ср. фразу Пушкина: «Она велела»); поэтому она и отдала предпочтение заурядному, ничем не выделявшемуся, но, быть может, более «светскому» человеку — Валериану Александровичу Панину. 8 декабря 1826 г. Наталья Александровна Муханова писала сыну своему Александру Алексеевичу: «Новости здешние — интересные свадьбы Офросимова Андрея на Катерине Корсаковой и малютки Панина на крошке Пушкиной» («Щукинский Сборник», вып. IV, М. 1905, стр. 161).

Зубков впоследствии (с мая 1829 г.) служил в Московской Палате Уголовного Суда, действовал в 1831 г. по борьбе с холерой (о незаразительности которой издал в 1831 г. отдельную книжку), в 1838 г. недолго был Директором Ярославского Демидовского Лицея, а с 1839 г. состоял за обер-прокурорским столом и затем обер-прокурором в 6-м (Московском) и других Департаментах Сената, с 1851 г. — в 1 Департаменте в Петербурге, а 8 января 1855 г. назначен был сенатором в Департамент Герольдии, но уже 19 мая того же года по болезни вышел в отставку и через семь лет умер в Москве. Живя здесь до 1851 г., он был близок к литературным кругам, был близко знаком с князем П. А. Вяземским, с Погодиным, М. А. Дмитриевым, Б. К. Данзасом, был деятельным членом Московского Общества Сельского Хозяйства и особенно — Общества Испытателей Природы, где был одно время (1836) Первым Секретарем и не раз выступал в заседаниях и в ученом органе Общества — его «Bulletin»: он специализировался в энтомологии, был большим ее знатоком, и один жук получил от него даже свое имя — Carabus Zubkoffii (см. В. И. Липский, «Г. С. Карелин», С.-Пб. 1905, стр. 172 и след.). — Пушкин еще трижды упоминает имя Зубкова в своих письмах (см. ниже, №№ 234, 276 и 318). Результатом посещений поэтом Зубкова было то, что у последнего остались автографы стихотворений: «Зачем безвременную скуку», «Ответ Х+У» (Ф. А. Туманскому — «Нет, не черкешенка она» (посвящено С. Ф. Пушкиной — см. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 29 и 81 — 82), шестистишие князю П. П. Вяземскому и несколько рисунков Пушкина («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 317).

Слух о сватовстве Пушкина быстро разнесся по Москве, дошел и до Петербурга, до его друзей: так, напр., Дельвиг писал поэту в середине января 1827 г.: «Ты, слышу, хочешь жениться; благословляю, только привези сюда жену познакомиться с моею» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 3); 17 февраля Н. М. Языков, получив в Дерпте письмо от А. Н. Вульфа, отвечал ему: «О Пушкине ничего не слышно; в половине прошлого месяца я писал к нему в Москву, — но ответа не получил. Полагаю, что он загулялся в Белокаменной, занят очарованием тамошних красавиц и не имеет времени отвечать на письма существ отдаленных! Я тоже не верю, будто он намеревается жениться: кроме того, что Пушкин, кажется не создан для мирной жизни семейственной, еще и то сказать, что женатый поэт не может уже так ревностно, как должен, служить господу богу своему, ибо лишен главного условия поэтической деятельности — свободы» («С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 163; «Языковский Арх.», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 412 — 413). Однако, по поводу письма Пушкина к Зубкову А. Ф. Кони писал, что оно «служит доказательством горячего и довольно раннего желания Пушкина свить себе гнездо. Едва почувствовав . . . относительную и весьма условную свободу, окруженный в Москве общим вниманием и ухаживанием, он не разменялся на мелкую монету самоудовлетворения мимолетными и ни к чему не обязывающими успехами. Его, употребляя одно оригинальное выражение известного критика и судебного деятеля Спасовича, так и стало «клонить к браку» (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 182). № 226.

— О бирюзе, упоминаемой Пушкиным в конце письма, А. Ф. Кони писал: «Поэт был суеверен и верил в приметы и талисманы. В качестве последних у него было несколько перстней», из которых один — с маленькой бирюзой: «быть может, в приписке к письму речь идет именно об этом последнем перстне» (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 186).

— Граф Самойлов — Николай Александрович (ум. 23 июля 1841), капитан л.-гв. Преображенского полка и флигель-адъютант, известный в свое время красавец и богач, вскоре (21 июня 1827 г.) вышедший в отставку с чином полковника. В 1817 г. он участвовал в Персидском посольстве Ермолова, затем состоял при нем адъютантом на Кавказе и жил в Тифлисе, где сблизился с Грибоедовым (Соч., ред. Н. К. Пиксанова, т. III, стр. 154, 322 — 323). Он был влюблен в А. А. Римскую-Корсакову, но мать, прочившая ему другую, не позволила ему жениться на любимой девушке (см. М. О. Гершензон, «Грибоедовская Москва», М. 1914, стр. 99 — 107), — и в 1825 г., 25 января, он обвенчался с избранницей его матери, знаменитою красавицею, фрейлиной графиней Юлией Павловной фон-дер-Пален (род. 1803, ум. 1875); брак этот, однако, вышел несчастный, и супруги, прожив вместе лишь год с небольшим, разъехались. По этому поводу было много толков, и молва то мирила, то ссорила графа и графиню. Петербургский Почт-Директор К. Я. Булгаков писал брату в Москву уже 1 ноября 1826 г., что «в городе говорят, что молодой граф Самойлов разлучается с женою, что возвратил всё приданое, едет к Ермолову в армию, а она — к отцу своему гр. Палену. Вот тебе и богатство», прибавлял он: «не делает оно счастливыми. Не знаю, что поводом сей ссоры; но если правда, то очень сожалею о бабушке ее, графине, которую верно очень огорчает вся эта история» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II. стр. 443). 20 ноября князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу и Жуковскому: «Весь Петербург и вся Москва наполнены разрывом Самойловых. Он нашел у жены переписку ее с молодым Лафероне: отослал жену к Литте, — они ее не приняли; теперь везет он ее отцу ее Палену, и живут они в Москве в том же трактире, видаются и разыгрывают роли Adolphe et Clara; но, говорят, развязки той не будет, и муж твердо решил развестись с нею». Известный Московский Почт-Директор А. Я. Булгаков в то же время (12 ноября 1826 г.) сообщал брату из Москвы: «Странная здесь встреча: Самойлов и жена его остановились неумышленно в одном трактире, не зная того ни тот, ни другой. Он идет по лестнице вверх, — видит, что дама, идущая вниз, поскользнулась; он поддержал, не узнавши со-слепа

№ 226. жену, и поднимает ее. Иные говорят, что только и было; а другие, что она ему сказала: «Je vous remercie», и будто он ей отвечал: «Allons donc, c'est moi qui doit vous remercier tant que je vivrai». Верно вздор, но встреча странная. Она еще здесь писала к отцу, от коего ожидает ответа. Сказывала, что будет формально разведена с мужем, но тогда развод будет в пользу его, а не ее; но ей вбили, что, вступая в Католическую веру, она может выйти замуж. Самойлов был у больного Строгонова, где сам рассказывал свою историю довольно хладнокровно. Сбирался в армию»; 30 ноября он же писал брату: «Здесь тоже слухи носились, что Самойловы помирятся, только всё уже будет это plat rechauffé. Какое тут ожидать счастие или доверенность!», а 13 декабря сообщал: «Литта, говорят, простила свою внучку, и Самойлова едет к вам, с мужем видается, обедала у него в именины» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 420, 425 и 430). Приятель Пушкина, Владимир Алексеевич Муханов (см. выше, письмо № 214), тогда же сообщал своему брату: «Самойлова (говорят одни) будто бы идет в монастырь, другие, — что ждет отца, с которым уедет отсюда» («Щукинский Сборник», вып. V, М. 1906, стр. 286, письмо от 30 ноября). Несомненно, что поздравление Пушкина, обращенное к графу Самойлову, было вызвано именно этими, сообщенными, быть может, Зубковым слухами о разводе или о примирении его с женою, на самом деле не состоявшихся: графиня Ю. П. Самойлова три месяца после смерти мужа вышла за итальянского певца Пери (ум. 1847), в третьем же браке была за графом Карлом де-Морнэ. О ней и ее портрет см. в статье В. А. Бернацкого в «Русск. Стар.» 1914 г., ноябрь, стр. 288 — 295. Граф Самойлов приходился дядею приятелям Пушкина — А. Н. и Н. Н. Раевским. В 1829 г., по дороге в Арзрум, Пушкин слышал рассказы о графе Самойлове в Тифлисе, где тот ранее служил в качестве адъютанта у А. П. Ермолова: «Оружие Тифлисское», записывает Пушкин: «дорого ценится на всем Востоке. Граф Самойлов и В., прослывшие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая на-двое барана или отсекая голову быку» («Путешествие в Арзрум», гл. 2-я). Е. Г. Вейденбаум, по поводу этого упоминания имени Самойлова, говорит, что граф, «по общему отзыву, был необыкновенно щедро одарен природою во всех отношениях. По словам В. Андреева, лично его знавшего, Самойлов, при высоком росте, обладал необыкновенною красотою, ловкостью и силою; по характеру и наружности называли его Русским Алкивиадом» («Кавк. Сборн.», вып. I, стр. 18, 19). Скупой на похвалы Н. Н. Муравьев отметил в своих «Записках» под 26 марта 1822 г.: «Прибыл в Тифлис граф Самойлов, тот же отличный человек, каков был прежде, и соединяет в себе все качества нравственные и чувственные» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. I, стр. 117. — См. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис. 1899, стр. 53 — 54). «Алкивиадом» называет Самойлова и «старый Киевлянин» С. Сулима в своих «Заметках» («Киевск. Стар.» 1882 г., № 12, стр. 623 — 624; ср. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 246).

— По поводу письма Пушкина к Зубкову А. Ф. Кони говорит: «Прелесть содержания и языка этого письма бросается в глаза. В нем ярко отразились благородные стороны полной натуры поэта и блеск его искрометного ума. Но оно имеет еще и особое значение для оценки личности» Пушкина: «мы находим в нем характеристику Пушкиным самого себя, сделанную в выпуклых, несмотря на свою сжатость, чертах. Отзывы о самом себе, рассыпанные в его переписке, некоторые места из «Воспоминания», «Коварности» и других стихотворений связаны или с внешними событиями его жизни, или отрывочны и неопределенны; «Mon portrait» и «Моя Эпитафия», написанные в отроческие годы поэта, содержат в себе лишь указания на его молодую резвость и беззаботность и не раскрывают нам свойств его души. В письме же Зубкову, — на пороге между молодостью и зрелым возрастом, уже изведав жизнь и познав себя, — Пушкин дает совершенно определенный отзыв о своем характере, указывая на противоречивые черты в нем и определяя его, как несчастный... Указание Пушкина... на свои сомнения о возможности дать счастье люби-

мому существу еще раз подтверждает, что в душе его не было места не только для грубого себялюбия, приносящего, по мере сил, в жертву своим вожделениям всё, что возможно, не брезгая никаким результатом, но и для более утонченного эгоизма, создающего привычку всегда и при всяких впечатлениях прежде всего думать исключительно о самом себе» (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 182—183).

227. *С. А. Соболевскому* (стр. 24). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1878 г., кн. III, стр. 393; подлинник был у графа С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, в бумагах Соболевского (том «Avant les voyages», № 115), ныне в Центрархиве.

— О запрещении печатать что-либо без особенной высочайшей цензуры государя см. выше, стр. 207 — 208 (в письме А. Х. Бенкендорфа к Пушкину от 22 ноября), в письмах Пушкина к Погодину (№ 222) и к А. Х. Бенкендорфу (№ 223), и в объяснениях к письмам № 219 и 222, стр. 194 — 195 и 208, где указано на деятельное участие Соболевского в проведении через цензуру сочинений Пушкина.

— Слово «щепетильный» в применении к слову «литературщик» Пушкин взял в старинном его значении прилагательного от слова «щепетильник», т.-е. «мелочный торговец». В 1770 г. М. Д. Чулков издавал сатирический журнал «Парнасский Щепетильник», который, быть может, и припомнился Пушкину, когда он писал про альманашников, журнальщиков и щепетильных литературщиков, — т.-е. мелких литературных промышленников, торгашей. «Пушкин», говорит П. И. Бартенев: «забавлялся словом *альманашник* и позднее в Петербургской Гражданской Палате совершил доверенность на имя Плетнева, препоручая ему вести денежные счеты вместо него с альманашниками обеих столиц» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 393). Сам Плетнев в 1853 г. сообщал об этом Бартеневу, говоря, что доверенность, которую Пушкин формально выдал ему на все сделки с альманашниками и прочими литературными факторами, собственноручно им была написана и подписана 7 сентября 1828 г. («Русск. Арх.» 1912 г., кн. II, стр. 311). (Ср. заметку Пушкина «Альманашник», 1829—1830 г.)

— Об уговоре Пушкина насчет участия в «Московском Вестнике» Погодина см. выше. стр. 208, в объяснениях к письму № 222. Об этом письме Пушкина Погодин узнал 14 декабря и отметил в своем Дневнике: «Ввечеру громом поразило письмо Пушкина, который по воле начальства не может участвовать в журнале. — Написал письмо к Пушкину — и я был рад, что попалось в голову написать ему о винограде во сне — успокоился — написал письмо Козлову» («Пушк. и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 82; письмо Погодина к Пушкину до нас не сохранилось).

— Письмо к В. П. Зубкову см. выше, № 226.

— Слова «Твои догадки гадки; виды мои гладки» относятся до сватовства Пушкина на С. Ф. Пушкиной: поэт предчувствовал свою неудачу в этом деле.

— Во Пскове Пушкин прожил еще недели две; здесь, между прочим, 13 декабря 1826 г. он закончил свое известное послание к Ивану Ивановичу Пущину в Сибирь («Мой первый друг, мой друг бесценный»...).

— «Чем ты объелся?» — шутка над слабостью Соболевского к хорошему столу и еде вообще, за которую Пушкин называл своего друга Калибаном, Фальстафом, «обжорой», «животным»... О той же слабости говорит и шуточный гастрономический «itinéraire» от Москвы до Новгорода, сообщенный поэтом в письме к Соболевскому от 9 ноября 1826 г. (см. выше, № 219; ср. ниже, № 276).

— Пушкин, по приезде в Москву 19 декабря, действительно, остановился у Соболевского на Молчановке, близ Собачьей площадки, в доме Ренкевичевой (см. выше, в объяснениях к письму № 218, стр. 199) и прожил у него до 20 мая 1827 г.

228. *И. Е. Великопольскому* (стр. 24). Впервые напечатано Н. О. Лернером в журн. «Былое» 1924 г., № 25, стр. 8, по оригиналу, написанному на писчей бумаге с водяными знаками 1821 г.; перепечатано М. А. Цявловским в его сборнике «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 10 — 11.

№ 229. Подлинник (принадлежащий Т. М. Владимировой) носит на себе помету дочери Великопольского: «Это письмо от Алек. Серг. Пушкина к отцу моему Ивану Ермолаевичу Великопольскому, подарено мною зятю моему Василью Васильевичу Энгельгардту. Надежда Чаплина. 7-е Июля 1880. Село Чукавино». — Об Иване Ермолаевиче Великопольском см. выше, письма № 203 и 209 и в примечаниях, стр. 151 — 152.

Хронологическое приурочение письма к первой половине декабря установлено с полною точностию Н. О. Лернером, который сопоставляет со словами об игре в штос то, что писал Пушкин из Пскова же 1 декабря: В. П. Зубкову, — что он выехал из деревни дней 5—6 тому назад, на перекладной, и так как дороги отвратительны, то он по милости Псковских ямщиков был в пути опрокинут и ушиблен» и теперь «с досады играет и проигрывает», и Вяземскому — что «во Пскове вместо того, чтобы писать седьмую главу Онегина, он проигрывает в штос четвертую»: «во время этого Псковского сидения, ожидая, пока явятся деньги и установится зимняя дорога, скучая и играя в карты, Пушкин и вспомнил о Великопольском», — также страстном, но неудачливом игроке в карты, с которым он неоднократно сражался на «зеленом поле» (см. выше, стр. 151).

— Об отношениях Великопольского к другу Пушкина — Дельвигу см. выше, стр. 151.

— Ни одного письма Великопольского к Пушкину до нас не сохранилось.

229. *Н. М. Языкову* (стр. 25). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 174; подлинник теперь находится в Пушкинском Доме, куда принесен в дар М. Д. Беляевым. Дата на письме Пушкина поставлена ошибочно: *21 ноября* вместо *21 декабря* (см. в статье Н. О. Лернера — «Историч. Вестн.» 1905 г., № 6, стр. 957; его же «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 146; его же — «Русск. Арх.» 1906 г., кн. II, стр. 636 — 637; ср. М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 83).

— Письмо Языкова, о котором упоминает Пушкин в начале своего ответа, до нас не сохранилось.

— Исторические темы очень интересовали Языкова, и прошлое вольных Пскова и Новгорода всегда привлекало к себе его внимание. Так, собираясь съездить на лето 1826 г. к Пушкину, он писал по этому поводу своему брату Александру 5 мая: «Кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печоры, — места священные Музе Русской, — а ты знаешь, как на меня они действуют» («Языковский Архив», вып. I, стр. 249). «Меченосец Аран», «Военная Новгородская песня 1170 года» и т. под., — пьесы, в которых он отдавал дань этому своему интересу. Столь понравившееся Пушкину «Тригорское» (появившееся в № 2 «Московского Вестника» 1827 г., стр. 83 — 90) Языков начинает обращением к прошлому Псковщины:

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян;
Где гордо именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока Московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда Ливонски знамена
Душа высокая водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан

Уже сзывал толпы густые,
Да уничтожит Псковитян,
Да ниспровергнется Россия!

. . . .

В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу Русскому доныне
Красноречиво говорят
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди безпажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам;

. . . .

Там, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоит.

. . . .

. . . .

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова? и т. д.

В послании к Вульфу, Тютчеву и Шепелеву (1826 г.) Языков вспоминал, как

В те дни, мила, являлась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К братолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства Христова
Противу северных князей

и т. д.

— «Вчера привез» — собственно «третьего дня»: из Дневника Погодина видно, что Пушкин приехал в Москву вечером 19 декабря: «Засыпаю», пишет Погодин в этот день: «окончив Коцебу, — вдруг шум и стук. Приезжают Sallii Шевырев, Оболенский, Соболевский, которые восклицают, что приехал Пушкин. Я не верю и бьюсь об заклад с ними», а 20-го записывает: «К Сб. [Соболевскому] — Пушкин приехал в самом деле, и в журнале принимает такое же участие, как я, дает всё; читал с ним корректуры, и он согласился переменить слово по-моему (услан)»[1] (М. А. Цявловский, op. cit. — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 83).

— О «Московском Вестнике», как журнале, в издании которого «участвует преимущественно А. С. Пушкин» и даже «издаваемом А. С. Пушкиным», было помещено особое объявление в «Северной Пчеле» 1826 г. № 156 от *30 декабря* (стр. 1, в фельетонном отделе); оно было сопровождено примечанием издателя несколько двусмысленным по отношению к Пушкину; см. его и о нем у Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 119 — 121.

— Анненков, упоминая, что Пушкин, вторично приехав в Москву, поселился на Молчановке, в доме Ренкевичевой (у Соболевского), так описывает жизнь поэта: «Он вставал поздно после балов и, вообще, долгих вечеров, проводимых накануне. Приемная его уже была полна знакомых и посетителей, между которыми находился один человек, не принадле-

[1] В сцене Пимена и Григория из «Бориса Годунова», помещенном в № 1 «Московского Вестника» 1827 г.

№ 229. жавший к обществу Пушкина, но любимый им за прибаутки, присказки, народные шутки. Он имел право входа к Пушкину во всякое время и платил ему своим добром за гостеприимство. В городской жизни, в ее шуме и волнении, Пушкин был в настоящей своей сфере. Это можно видеть даже из нескольких строк, начертанных карандашом на перебеленной копии Бориса Годунова: Voici ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-meme, mais tous ces jours — j'ai fait le jeune homme...» («Материалы для биографии», изд. 1855 г., стр. 175).

— К А. Н. Вульфу Пушкин относился, как к младшему (Вульф был на $6^1/_2$ лет моложе Пушкина: он родился 17 декабря 1805 г.), всегда несколько покровительственно; в письме № 176, от конца августа 1825 г., он назвал его своим «сыном по духу»; с годами, конечно, тон отношений менялся, но они всегда были дружественны, приязненны. Об отношениях Вульфа и Пушкина см. еще суждение В. В. Вересаева — «Новый Мир» 1927 г., № 1.

— Сообщая своему брату Александру текущие новости, Языков писал 26 декабря 1826 г. из Дерпта: «Пушкин поехал из деревни, кажется, в Петербург; ежели это правда, то сделай милость, познакомься с ним, поклонись ему от меня и скажи, что Вульф выдержал экзамен блистательно, отправился в . . . . [пропуск]; проживет недолго в Тригорском и отправится в Петроград [sic] служить отечеству не с поклонами, не с иконами»; в письме же от 29 декабря к брату Петру рассказывал: «Пушкин в большой милости у государя: это будет иметь благодетельное действие на нашу литературу. Он хочет напечатать свою трагедию Борис Годунов, которую мне читал; она лучше всего, что он сочинил доселе,— удивительно верно изображает нравы тогдашнего времени и вообще подвиг знаменитый». Получив письмо Пушкина от 21 декабря, он 2 января 1827 г. сообщал брату Александру: «Пушкин находится теперь в Москве; пишет мне, что мое *Тригорское*[1] будет напечатано во 2 № Московского Вестника и приглашает прочие мои будущие стихи туда же. Он, видно, принимает деятельное участие в сем журнале; не в охулку сказать почтенному поэту, а участвовать в журнале — дело не поэтическое»... («Языковский Архив», вып. I, стр. 287, 290, 292). Вульфу, в ответ на его письмо, Языков писал 21 января: «Ты мне сообщил очень любопытные известия о нашем Байроне. Продолжай и впредь это делать. Само собою разумеется, что мне всегда хочется знать всё, касающееся до человека, с которым вместе я так роскошно и весело пьянствовал в стране, видевшей лучшее, т.-е. щастливейшее время моей жизни. Он ко мне писал из Москвы: манит и блазнит меня посылать стихи мои в Московский Вестник и хочет, кажется, вовсе втянуть меня в эту единоторговицу словесности русской. Говорит, что пора задушить Альманахи — и, конечно, этот будущий удушитель сил пигмеев есть Московский Вестник» (там же, стр. 412, и «С.-Петерб. Вед.» 1866 г., № 163). — Языков ответил Пушкину на его письмо от 21 декабря (письмо это до нас не сохранилось) и, не получая отклика, жаловался брату своему Петру: «О Пушкине ничего не слышно; в начале сего месяца я писал к нему в Москву, где он тогда находился, по его собственному ко мне писанию, но до сих пор не имею от него ответа» (письмо от 23 февраля 1827 г. — «Языковский Архив», вып. I, стр. 314); еще через месяц, 31 марта, он спрашивал брата Александра: «Не слышно ли чего-нибудь о Пушкине? Где он проживает? Я уже более двух месяцев от него писем не имею, а бог знает, чего-чего не можно предполагать для объяснения сего молчания» (там же, стр. 316).

— «Дельвиг — наш»: он еще в начале августа 1826 г. вошел в письменные сношения с Погодиным, которого благодарил за присылку альманаха «Урания» и у которого просил сотрудничества в «Северных Цветах» (Соч., изд. Севера, 1893, стр. 160). — 17 ноября Д. В. Веневитинов писал Погодину из Петербурга: «Дельвига по сих пор не мог видеть. Какая-то

[1] Языков предполагал напечатать его в альманахе Н. И. Бахтина, но он не осуществился («Языковский Архив», вып. I, стр. 278, 279, 481).

судьба мешает нам познакомиться. Я к нему, он ко мне Я к Пушкиным, он от них» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 65). Месяц спустя, 14 декабря, тот же Д. В. Веневитинов писал Соболевскому, говоря о «Московском Вестнике»: «Попугай Пушкина, — надобно, чтобы в каждом нумере было его имя, подписанное хоть под немногими строчками. Скажу тебе искренно, что здесь [в Петербурге] от этого журнала много ожидают; сам Пушкин писал сюда о нем. Скажи нашим, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и прочих. Истинные литераторы за нас. Дельвиг также поможет и Крылов не откажется от участия» («Русск. Стар.» 1875 г., т. XII, стр. 821); наконец, уже в январе, он успокаивал издателей: «Дельвиг всё болен, а он не изменит; мы с ним дружны, как сыны одной поэзии» (Н. Барсуков, назв. соч., кн. II, стр. 79). Впоследствии князь Вяземский писал: «Я закабалил себя *Телеграфу* Почти в одно время закабалил себя Пушкин *Московскому Вестнику*. Но он скоро вышел из кабалы, а я втерся и въелся в свою всеми помышлениями и всем телом. Журнальная деятельность была по мне. Пушкин и Мицкевич уверяли, что я рожден памфлетером, — открылось бы только поприще. Иная книжка *Телеграфа* была на половину наполнена мною или материалами, которые сообщал я в журнал. Журнал удался: от него пахло новизною...» (Соч., т. I. стр. XLVIII). № 230.

230. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 25). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 697 (часть), а затем в «Историческом Вестнике» 1884 г., т. XV, стр. 73, и в «Русской Старине» 1899 г., т. XCVIII, стр. 248 — 249; подлинник — в Пушкинском Доме.

— Пушкин отвечает на письмо к нему Бенкендорфа от 14 декабря 1826 г. за № 151, в котором шеф жандармов писал ему: «Я имел щастие представить государю императору Комедию Вашу о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее: «Я щитаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, еслиб с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Вальтера Скота». Уведомляя Вас о сем высочайшем отзыве и возвращая при сем сочинение Ваше, долгом считаю присовокупить, что места, обратившие на себя внимание его величества и требующие некоторого очищения, отмечены в самой рукописи и заключаются также в прилагаемой у сего выписке. — Мне крайне лестно и приятно служить отголоском всемилостивейшего внимания его величества к отличным дарованиям вашим» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 393).

Письму этому предшествовал доклад императору, составленный по его приказанию (см. выше в объяснениях, стр. 209); он был представлен при записке Бенкендорфа, в которой тот писал (по-французски): «При сем прилагаю замечания на сочинение Пушкина и выписки из этого сочинения. Во всяком случае эта пиеса не годится для представления на сцене, но с немногими изменениями может быть напечатана; если ваше величество прикажете, я ее верну ему и сообщу соображения, отмеченные в *извлечении*, и предупрежу его, чтобы он сохранил у себя копию, дабы он знал, что он должен быть осторожен» («Старина и Новизна», кн. VI, стр. 4 — 5). Замечания на «Годунова» и извлечения из него, сделанные в III Отделении одним из чиновников (а может быть, — Булгариным), напечатаны: частию — в «Русской Старине» 1880 г., т. XXVII, стр. 139, а полностию — в издании С. С. Сухонина «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 23 — 27.

«Пушкин получил обратно свою трагедию из рук высочайшей цензуры. Дай Бог каждому такого цензора. Очень мало увечья», — сообщал Вяземский Тургеневу и Жуковскому 6 января 1827 г. (Тургеневский архив).

При упомянутой своей записке Бенкендорф представил также и записку Пушкина «О народном воспитании», которую Николай I оставил у себя «посмотреть, что это такое» и не замедлил вернуть Бенкендорфу для отсылки к автору, что̀ тот и сделал при письме от 23 декабря за № 163, в котором писал не без намеренной ядовитости: «Государь император

№ 231. с удовольствием изволил читать рассуждение Ваше о Народном воспитании и поручил мне изъявить Вам высочайшую свою признательность. — Его величество при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание. Впрочем, рассуждения Ваши заключают в себе много полезных истин» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 394).

В конце 1826 г. Бенкендорф доносил Николаю I (по-французски), «Пушкин автор в Москве и всюду говорит о вашем величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью; за ним всё-таки следят внимательно», — по случаю чего Николай I спрашивал: «Ответил ли он вам по поводу замечаний на трагедию?» («Старина и Новизна», кн. VI, стр. 5). 22 декабря 1826 г., в доме Зубковых, поэт написал свои известные «Стансы» («В надежде славы и добра...»), появившиеся, однако, в печати лишь в № 1 «Московского Вестника» за 1828 г. Об этих «Стансах» см. у В. Е. Якушкина в книге «О Пушкине» (М. 1899 г., стр. 61 — 62), у В. Я. Стоюнина: «Пушкин», С.-Пб. 1881 г., стр. 302 — 303; Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр., XXI — XXII. К этому же пребыванию Пушкина в Москве относится трогательный эпизод встречи поэта, 26 декабря 1826 г., на вечере у кн. З. А. Волконской, с кн. Марией Николаевной Волконскою, рожд. Раевскою, ехавшею в Сибирь к сосланному туда мужу-декабристу. «Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения», пишет она в своих Записках: «Он хотел передать мне свое «Послание» к узникам, для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой. Пушкин говорил мне: «Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, проеду дальше и приеду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках» (Записки, изд. 2-е, «Прометея», стр. 64; ср. «Русск. Стар.» 1875 г., т. XII, стр. 822).

231. *В. И. Туманскому* (стр. 26). Впервые напечатано в «Черниговских Губ. Ведом.» 1890 г., апрель (и отд. отт., Черниг. 1890 г., стр. 10), в «Русск. Стар.». 1890 г., т. 67, стр. 381 — 382, и в «Русск. Арх.». 1890 г., кн. III, стр. 96; подлинник (на бумаге без вод. зн.) — в Гос. Публичной Библиотеке (см. Отчет ее за 1890 г., стр. 114).

— О В. И. Туманском см. выше, в т. I, в письмах № 59 и 169 и в объяснениях к ним, стр. 275 — 276 и 489 — 490. К сказанному там добавим, что Туманский благоговел перед Пушкиным: так, напр., в одном письме своем (1823 г.) к А. А. Бестужеву Туманский называет Пушкина «Иисусом Христом нашей поэзии» («Русск. Стар.» 1888 г., № 11, стр. 319); с своей стороны и Пушкин очень доброжелательно относится к Туманскому и в оставшемся ненапечатанным отзыве об альманахе «Северная Лира», приготовленном как раз для «Московского Вестника» 1827 г., писал про него: «Из стихотворений Греческая песня Туманского, к Одесским друзьям, его же, — отличаются гармонией, точностью слога и обличают решительный талант» («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 1; ср. стр. 5).

— Письмецо Пушкина было послано, вероятно, при чьем-нибудь другом письме (быть может, — Погодина?), заключавшем в себе приглашение поэта к участию в «Московском Вестнике».

— Ширяев — Александр Сергеевич, известный Московский книгопродавец, комиссионер Московского Университета и содержатель его книжной лавки, купец 1-й гильдии и, с апреля 1834 г. («Сев. Пчела» 1834 г., № 96, стр. 381), — коммерции советник, весьма популярный и просвещенный деятель книжной торговли, бывший впоследствии членом-соревнователем Московского Общества истории и древностей Российских; он умер 15 февраля 1841 г.

— О степени участия Пушкина в «Московском Вестнике» свидетельствует, между прочим, следующее место из письма Погодина к сотруднику «Вестника» князю В. Ф. Одоевскому от 2 марта 1827 г.: «Разбор Ваш «Памятника Муз» сокращен по настоятельному требованию Пушкина. Вот его слова, повторяемые с дипломатической точностью: «Здесь есть много умного, справедливого, но автор не знает приличий: можно ли о Державине и Карамзине сказать, что имена их возбуждают приятные воспоминания, что с прискорбием видим ученические ошибки в Державине: Державин всё — Державин. Имя его нам уже дорого. Касательно живых писателей также не могу я, объявленный участником в журнале, согласиться на такие выражения. Я имею связи. Меня могут почесть согласным с мнением рецензента. И вообще — не должно говорить о Державине таким тоном, каким говорят об N.N. об G.G. Сим должен отличаться «Московский Вестник». Оставьте одно общее суждение». Мы спорили во многом, но должны были уступить, решились было оставить статью до сношения с вами, но должно было выдавать книжку: Пушкин читал уже по корректуре» («Русск. Стар.» 1904 г., № 3, стр. 705 — 706). № 231.

— Отрывок «Одесса» из «Седьмой главы Евгения Онегина», потом вошедший в «Путешествие Онегина», — был напечатан, без подписи имени Пушкина, в VI, мартовской, книжке «Московского Вестника» (стр. 113 — 118). Специальное толкование к этому отрывку, в котором, как известно, упоминается Туманский, см. в статье К. Зеленецкого в «Москвитянине» 1854 г., № 9, Отд. IV, стр. 14 — 16.

— Левшин — Алексей Ираклиевич (род. 1799 г., ум. 1879 г.), чиновник в Канцелярии графа М. С. Воронцова в Одессе, сослуживец Туманского, его приятель и товарищ по изданию или редактированию (с января 1827 г.) газеты «Одесский Вестник», в котором они оба много писали. Это был человек весьма просвещенный, — и М. П. Розберг был прав, говоря, три года спустя, в письме из Одессы к Н. И. Розанову: «Из чиновников, служащих при графе, первый как по уму, по знаниям, так и по деятельности своей и по своему влиянию есть Левшин; он здесь в Одессе то же, что в театральных группах «grande utilité»: все важные поручения, все дела, требующие размышления, предоставлены ему» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. II, стр. 200). — Впоследствии Левшин был Одесским градоначальником (в 1831 — 1837 г.), товарищем министра внутренних дел и членом Государственного Совета (с 20 мая 1868 г.). Его известное исследование, печатавшееся перед тем отдельными статьями в русских и французских журналах, — «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких Орд и степей», написанное на основании сведений, собранных Левшиным в Архиве Азиатского Департамента в 1822 г. и во время нахождения его в Оренбурге и в степях Зауральских, — сохранилось в числе книг личной библиотеки Пушкина, который пользовался им при работе над «Историей Пугачевского бунта» (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 58, № 213; ср. «Русск. Арх.» 1892 г., кн. I, стр. 403 — 404); там же сохранилась и другая книга Левшина, тоже пригодившаяся поэту для его исторической работы, — «Историческое и статистическое обозрение Уральских Казаков», С.-Пб. 1832 г. (там же, стр. 57 — 58, № 212); ему же принадлежат: «Письма из Малороссии», Харьков. 1816 г. и «Прогулка Русского в Помпее», С.-Пб. 1843 г., статьи в «Одесском Альманахе» (1831 г.) и др.—Левшин исполнил переданное ему через Пушкина желание редакции «Московского Вестника» и прислал статью: «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличие его от подлинных или диких Киргизов», которая и появилась в № XVI (август), стр. 432 — 451.

В свою очередь Туманский в № 30 «Одесского Вестника» поместил заметку о «Московском Вестнике», перепечатав из него отрывки из «Онегина» об Одессе и рекомендуя читателям этот журнал как «прекрасный». Письмо Туманского к самому Погодину см. в сочинении Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 72 — 73. Отвечая Пушкину на его письмо № 231, Туманский писал из Одессы 2 марта 1827 г.: «Ты совершенно прав, любезный мой соловей, приписывая мое безвинное молчание не

№ 232. охлаждению дружбы, а чему-то непонятному. По приезде моем в Одессу я писал к тебе два раза и, полагая, что ты будешь в Петербурге, адресовал мои письма на имя Греча, как человека, который тебя там увидит. Случилось совсем противное: ты не ездил на Север, и три месяца я не знал совершенно, где ты и что с тобой. Очень рад, что Москва тебя приютила; постоянная жизнь на одном месте доставит тебе возможность обрадовать меня, твоего приморского друга, своими весточками; я бы желал, однако, чтобы ты выписал от Греча хотя первое мое письмо: в нем были вещи, для тебя любопытные»... Далее Туманский сообщал Пушкину одесские новости: о графе Воронцове, о графе Палене, о женитьбе И. С. Ризнича на гр. Ржевуской (сестре Собаньской), об А. И. Казначееве и А. Н. Раевском, затем, переходя к литературе и выражая радость по поводу того, что «центр просвещения наконец переведен в Москву», и высказывая уверенность в том, что «влияние этого отечественного города, отдаленного от двора, будет благоприятно для нашей словесности»,—Туманский писал в ответ на просьбы Пушкина: «Пожалуйста, не скупись и присылай мне твой журнал: я готов в нем участвовать, чем бог послал. У Левшина возьму славную для вас статью из 3-го тома его описания Киргизы, а между тем сам займусь для тебя поденною прозою. Стихов частицу при сем присылаю. Я бы желал, чтобы вы прежде всего напечатали стихи: К Гречанке. Я люблю эту пьесу потому, что написал в ночь после бала и ужина, полупьяный и психически влюбленный. В ней есть какая-то дерзость выражений, к которой я обыкновенно не привык. Впрочем, владыко как повелит, так и будет. Исправлять, убавлять и прибавлять в моих пьесах даю тебе полное право. Я прилагаю и свой отрывок об Одессе. За сим целую тебя в быстрые очи и в медовые уста. Исполни мою просьбу на счет высылки журнала и сам пиши, голубчик. Поклон Вяземскому, Баратынскому и Соболевскому, которого прошу извинить, что не отвечаю: писать нечего». (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 7 — 9).

— Не получая ответа на это письмо свое, Туманский еще два раза дружески писал Пушкину: 12 апреля и 20 апреля 1827 г. (там же, стр. 22 — 23 и 24). В конце 1827 г. А. И. Левшин был в Париже, где встречался с А. И. Тургеневым («Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 199).

232. *А. А. Муханову* (стр. 26). Впервые напечатано, в цинкографическом снимке, в альманахе «Северные Цветы на 1901 год», изд. Скорпиона, М. 1901 г., стр. 141; подлинник — на обороте письма Н. А. Полевого к А. А. Муханову от февраля 1827 г., чем и определяется время написания записки, набросанной в квартире отсутствовавшего Муханова на первом попавшемся под руки листке бумаги. Оригинал был в Музее П. И. Щукина в Москве, ныне в Историческом Музее.

— Об А. А. Муханове см. выше, в т. I, в объяснениях к письмам № 153, 180 и 214 и т. I, стр. 455 — 466, 515 — 516 и т. II, стр. 16 и 187—188. В конце января 1827 г. А. А. Муханов из Тульчина приехал в отпуск к родным в Москву, откуда 16 марта писал своему брату Николаю в Петербург: «Я живу по прежнему, т.-е. в шуму и свете, в котором хотя часто и не без радости, но часто и мрачно... Я часто видаю Александра Пушкина: он бесподобен, когда не напускает на себя дури. Чета Вяземских тебе кланяется» и т. д. («Щукинский Сборник», вып. IV, М. 1905 г., стр. 127). В апреле Муханов собирался отправиться «во свояси» (там же, стр. 126), и князь П. А. Вяземский, посылая П. Д. Киселеву, 29 мая 1827 г., письмо с Мухановым, просил Киселева «полюбить его, как истинно благородного молодого человека и желающего деятельности и нужду имеющего в оной»... «Сделай одолжение», просил он Киселева: «обрати внимание на Муханова, давай ему занятий и пищи для избытка его внутренней подвижности, тающейся под опухолью телесною» («Русск. Стар.» 1896 г., № 12, стр. 680).

— *Дядя* — поэт Василий Львович Пушкин, живший в Москве близ Новой Басманной улицы, в собственном доме.

— Известный московский ресторан Яр помещался в те времена на углу Петровки и Кузнецкого переулка.

233. *А. А. Муханову* (стр. 26). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 6; подлинник был в музее П. И. Щукина в Москве, ныне в Историческом Музее. № 233—234

Перевод: «Пришли мне план Петербурга. Когда мы свидимся? А. П. Ты болен? Сегодня вечером я приеду к тебе».

234. *П. П. Каверину* (стр. 27). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 7; Подлинник был у Ю. Н. Щербачева, в его семейном архиве в Харьковской губернии, где, по слухам, и погиб вместе с архивом в революцию 1917 года.

— О Каверине см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 178; о взаимных отношениях его и Пушкина, начавшихся еще в лицейский период жизни поэта, в 1816 г., когда Каверин определился в лейб-гусарский полк, — см. в книге Ю. Н. Щербачева: «Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин», М. 1913 г., стр. 58 — 63. «Пушкин», читаем здесь: «ценил в Каверине его открытый нрав, сердечную доброту, простодушие, неиссякаемую веселость, «мечтам невольную преданность, неподражательную странность», самые «экстравагансы»... уживавшиеся в нем с полною порядочностью и высшею честностью — вообще всё то, что в совокупности делало из него своеобразный, цельный тип, на который не мог не залюбоваться и который не мог не полюбить поэт... Петр Павлович платил Пушкину горячею преданностью за его расположение и открыто исповедывал культ не только к его стихам, но и к нему самому. Как Ф. Н. Глинка, он помимо его таланта любил в нем — «всего его» (стр. 62 — 63).

— «Свиной городок» — Боровск, уездный город Калужской губернии; в Калуге и в селе Колодезях, Козельского уезда той же губернии, Каверин жил в 1824 — 1825 гг., а в 1827 и 1828 гг. жил в Боровске (Ю. Щербачев, назв. соч., стр. 59); 11 сентября 1826 г. он, после $3^1/_2$ лет отставки из Павлоградского гусарского полка, снова поступил в службу в Петербургский драгунский полк, из которого вскоре (23 мая 1827 г.) перешел в Курляндский драгунский же полк, и с ним участвовал в Турецкой войне 1828 — 1829 г.

— О В. П. Зубкове см. выше, письмо № 226.

— «К своим хамам», т.-е. в деревню. О слове «хам», введенном в обращение Н. И. Тургеневым, см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 91, стр. 340 — 341.

— «Съезжая» — в те времена то же, что полицейский участок, «часть».

— У Соболевского тогда жил Пушкин (см. выше, в объяснениях, стр. 199 и 219).

— В середине февраля 1827 г. посетил Пушкина в Москве, на квартире у Соболевского, после встречи 7 февраля в театре, Ф. Ф. Вигель, который в Записках своих пишет: «После ссылки в Псковской деревне Москва должна была раем показаться Пушкину, который с малолетства в ней не бывал и на неопределенное время в ней остался. Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать. Это было почти накануне моего отъезда, и оттого не более двух раз я мог видеть его; сомневаюсь, однако, еслиб и продлилось мое пребывание, захотел ли бы я видеть его иначе, как у себя. Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры, некто Соболевский»... («Записки», ч. VII, М. 1893 г., стр. 133 — 134).— На беспорядочный образ жизни Пушкина в это время, 5 марта 1827 г. указывал и недавно вступивший в должность начальник Округа корпуса жандармов генерал А. А. Волков, доносивший А. Х. Бенкендорфу: «О поэте Пушкине, сколько краткость времени позволила мне сделать разведания, — он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял Музу на Муху [т.-е. «Мушку»], которая теперь из всех игр в большой моде» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», 3-е изд., Лгр. 1925 г., стр. 64). Перед тем, 28 декабря 1826 г., Погодин записывал в своем Днев-

№ 235. нике: «У Пушкина. Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове» («Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 83). О крайне несдержанном поведении Пушкина на лекции лектора французской словесности в Московском Университете Амедея Декампа, в зале М. М. Сонцова (дяди Пушкина) о французской поэзии. — см. рассказ А. П. Елагиной («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925 г., стр. 54 и 132).

— Вера Ф. Де. — Демидова; по сообщению Ю. Н. Щербачева, это была светская дама, давняя симпатия Каверина, отвечавшая ему взаимностью (см. Ю. Н. Щербачев, назв. соч., стр. 5).

— Ерофеич — особенным образом настоенная водка, получившая свое название от малограмотного фельдшера, служившего (в 1769 г.) при Академии Художеств и врачевавшего самыми простыми средствами, при помощи разных отваров целебных трав (см. «Русск. Арх.» 1877 г., кн. III, стр. 385). В одном шуточном стихотворении С. А. Соболевского про брата поэта говорится:

Пушкин Лёв Сергеич,
Истый патриот, —
Тянет *Ерофеич*
В африканский рот.

Академический «Словарь Русского языка» (т. II, в. 1, С.-Пб. 1897 г., стр. 134) дает два совершенно других толкования происхождения этого слова и приводит примеры из Загоскина, Языкова, Некрасова, Салтыкова. Щедрина.

235. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 27). Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в сб. «Литературные Портфели. Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома. I. Время Пушкина», изд. «Атеней», Петербург. 1923, стр. 80; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— В конце февраля 1827 г. Дельвиг написал Пушкину письмо (см. Переписку, Акад. изд., т. II, стр. 3; здесь письмо ошибочно отнесено к середине января), в котором сообщал, что «Цыганы» доставлены им Бенкендорфу и скоро будут печататься, что «нынче» он будет обедать у родителей поэта и провожать отъезжающего на Кавказ брата его Льва Сергеевича, которому А. П. Керн совершенно «вскружила голову», и что, узнав о намерении поэта жениться (тогда прошел слух о женитьбе Пушкина на С. Ф. Пушкиной), он благословляет его на этот шаг. Письмо это разошлось с настоящим письмом Пушкина от 2 марта, на которое Дельвиг отозвался письмом на имя Пушкина лишь от 21 марта (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 13 — 14).

— Веневитинов — Дмитрий Владимирович (род. 14 сентября 1805), талантливый поэт и мыслитель, через несколько дней после того, что Пушкин упомянул его имя в письме к Дельвигу, скончавшийся (15 марта) в Петербурге, — совершенно неожиданно для его многочисленных друзей; к числу последних, лишь за несколько месяцев, примкнул и Пушкин, состоявший с Веневитиновым в отдаленном родстве (они были четвероюродными братьями — см. «Пушк. и его соврем.», вып. XI, стр. 120); они познакомились на третий день по приезде Пушкина в Москву — 10 сентября 1826 г., когда у С. А. Соболевского Пушкин читал своего «Бориса Годунова»; юный поэт на следующий день, делясь впечатлениями о прослушанной трагедии, говорил Погодину: «Борис Годунов» — чудо. У него еще Самозванец, Моцарт и Сальери, Наталья Павловна, продолжение «Фауста», 8 песен «Онегина» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 42; «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 73, в статье М. А. Цявловского «Пушкин по документам Погодинского архива»); через месяц он видел Пушкина на чтении «Ермака» Хомякова, происходившем в доме Веневитиновых (там же, стр. 45), а вскоре затем написал послание к Пушкину, в котором призывал его воспеть в стихах Гёте: из послания видно, что, признавая всю силу дарования Пушкина, но находя, что он еще не

вполне сознал свои силы, Веневитинов, человек с определенным философским мировоззрением, боялся, как бы Пушкин не подчинил свою песню тревоге страстей, как Байрон, или мыслям о политике, на которые наталкивал Пушкина скорбный образ Андрея Шенье, и советовал ему вспомнить о Гёте, об этом великом мастере смирять все страсти, об этом единственном поэте, который с истинной высоты умел смотреть на жизнь, на все волнения толпы в безмятежном покое созерцательного духа (Н. А. Котляревский, «Старинные портреты», С.-Пб. 1907, стр. 125 — 126). Этот вывод Веневитинов сделал после частого общения с Пушкиным в том «Обществе любомудрия», во главе которого стоял, в качестве секретаря, Веневитинов и в который входили: В. Одоевский (председатель), братья Киреевские, Кошелев, Погодин, Шевырев, Рожалин, Мельгунов, Титов, Соболевский, Мальцов и др. (см. о нем у П. Н. Сакулина: «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель», т. I, ч. 1, М. 1913, стр. 104 и след.). Общество интересовалось философией, преимущественно немецкой, — Кантом, Фихте, Океном, Гёрресом, главнейше же учением Шеллинга, его взглядами на искусство; они имели на членов содружества сильное влияние. Но Пушкин не любил отвлеченных тонкостей. Н. А. Котляревский справедливо указал на то, что «Пушкин на чистую теоретическую философию откликался туго, питал к ней чувство уважения и почтения, но отнюдь не любви... Есть поэты, для которых отвлеченная мысль — родник вдохновения. Но случается, что и великий поэт чувствует себя неловко в мире отвлеченностей и избегает их или путается в них, Пушкин в них не путался, но ставил их всегда вне поля своего поэтического зрения. Так, вероятно, поступал он и в кружке московских философов. Он слушал их, вставлял, вероятно, свою реплику в их споры, наслаждался ими, как личностями, — а они были вполне достойны его дружбы и любви, — и выходил из их компании обогащенный, конечно, впечатлениями, быть может и мыслями, но впечатлениями по преимуществу» (Н. А. Котляревский, «Старинные портреты», С.-Пб. 1907, стр. 89). В этом кружке, в котором излюбленной темой жарких споров был вопрос о поэте и его назначении в жизни, Пушкин, легко может быть под влиянием непосредственных впечатлений, вынесенных из общения с членами его, воспринял соответствующие идеи и через два года создал свой знаменитый ямб «Чернь» (1828 г.), в котором, «претворив в образы нити новых мыслей, его поразивших», высказался о призвании поэта (там же, стр. 88, 89, 127). Этот вопрос особенно волновал Веневитинова, и сущность его самых сильных стихотворений, — тех, которые в тогдашней лирике не имели себе равных, — именно гимн поэту как разгадчику великих тайн, царю над страстями, призванному быть выразителем великих идей (там же, стр. 105 — 109). Но другие темы, служившие темой рассуждений молодых философов и их волновавшие, не волновали Пушкина, — и свое отношение к немецкой метафизике он ярко и резко высказал и в тех словах письма к Дельвигу от 2 марта 1827 г., в которых говорит, что он эту метафизику «ненавидит и презирает», считая, что она хороша для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но не для нас, а также и в беседе с Погодиным 4 марта: Погодину, пришедшему к нему, Пушкин «декламировал против философии», при чем тот, сраженный его словами, «не мог возражать дельно и больше молчал», хотя и был «очень уверен в нелепости им говоренного» (М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 84). Высказано это было по поводу «Московского Вестника» (см. выше, стр. 203), который тогда организовывался именно для проведения идей немецкой философии и в который любомудры усиленно зазывали Пушкина. «Очевидно», говорит Н. А. Котляревский: «что молодые философы вывели Пушкина из терпения, когда плели свою тонкую паутину отвлеченностей на его глазах, привыкших к пластическим и осязаемым формам» (назв. соч., стр. 89). Несмотря на это, ценя литературную сторону предприятия своих московских друзей, Пушкин охотно согласился принять в журнале деятельное участие и даже склонен был считать себя, а не

№ 235.

№ 235. Погодина, действительным редактором и вдохновителем журнала. В нем, действительно, участвовали близкие ему по духу люди — Д. Веневитинов, Рожалин, Шевырев, Титов, Мальцов, Соболевский, а затем согласились работать еще Языков, Козлов и сам Дельвиг; но Пушкин, по выражению князя Вяземского, «скоро вышел из кабалы» и охладел к журналу, участие в котором ограничил в течение 1827 г. — помещением 15 пьес, в 1828 — 9-ти, в 1829 — 6-ти и 1830 — всего 2-х.

— Веневитинов, в октябре 1826 г. приехавший в Петербург для службы здесь, намерен был отсюда поддерживать друзей в их литературном предприятии и, в письме своем к С. А. Соболевскому от 14 декабря спрашивая: «Что делает наш журнал?», писал: «Я надеюсь, что ты — из деятельных сотрудников: а именно, понукаешь Погодина вперед, ругаешь Полевого, выжимаешь из Шевырева статьи и выкидываешь терния и зелия недостойная из нашего цветущего сада... Попугай Пушкина, — надобно, чтобы в каждом нумере было его имя, подписанное хоть под немногими строчками. Скажу тебе искренно, что здесь от этого журнала много ожидают; сам Пушкин писал сюда о нем. Скажи нашим, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и прочих. Истинные литераторы за нас. Дельвиг также поможет и Крылов не откажется от участия...» («Русск. Стар.» 1875 г., № 4, стр. 821). Кому и что̀ именно писал Пушкин в Петербург, — нам неизвестно, как неизвестно нам и то «суровое» письмо Пушкина к Веневитинову, о котором он говорит в начале письма своего к Дельвигу; оно если и дошло до Веневитинова, то дошло уже перед самою его смертью: по крайней мере, отвечая Пушкину 21 марта, Дельвиг писал: «Милый друг, бедного Веневитинова ты уже, вероятно, оплакал. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасною молодостью! Письмо твое ко мне или обо мне не дошло до меня, только оно дало пищу больному воображению несчастного друга. Он бредил об нем и всё звал меня» (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 73). Что Пушкин был действительно поражен смертью юного поэта, видно из того, что, когда в 1831 г. умер Дельвиг, Пушкин, перечитывая его письма, остановился на том из них, в котором покойный друг его извещал о кончине Веневитинова (там же и стр. 298). Сам Дельвиг написал на смерть Веневитинова прекрасное шестистишие: «Дева и Роза»; оплакивали поэта и дали оценку его поэтических дарований и обаятельной личности и его друзья-писатели: Киреевский, Хомяков, Мельгунов и др. и поэты: И. И. Дмитриев, кн. З. А. Волконская (в которую Веневитинов был безнадежно влюблен, так как в ответ на свое чувство встречал лишь дружбу, — см. заметку И. А. Кубасова в сб. «Литературные Портфели», вып. I, стр. 86 — 89), декабрист кн. А. И. Одоевский, В. И. Туманский, Кольцов, П. Г. Ободовский и др. Ему же, несомненно, посвящено и четверостишие М. Д. Деларю в «Северных Цветах на 1831 г.» (стр. 80):

МОГИЛА ПОЭТА.

(Посвящается памяти В....ва).

Путник, узнай: здесь лежит Аонид вдохновенный питомец:
Грудь молодую певца огнь вдохновения сжег.
Путник! Бессмертные дорого ценят небес достоянье!
Тяжко страдал Прометей, хищник святого огня!

На могиле Веневитинова, в Симоновом монастыре в Москве, куда прах его был перевезен для погребения, вырезан последний стих из его собственной пьесы «Поэт и друг»:

Как знал он жизнь, как мало жил!

Эту же черту отметил и О. М. Сомов в своем «Обзоре Российской словесности за 1827 г.» (в «Северных Цветах» Дельвига на 1828 г.), сказав, что Веневитинов «раннею зрелостью своих дарований и вкуса как будто бы похитил многие годы у жизни, чтобы стеснить их в немногих, но

прекрасных... Смерть похитила его у Отечества, Муз и друзей на 22 году; но умственная жизнь его, кажется, многими десятилетиями предупредила органическую» (стр. 20, 21). О Веневитинове, кроме указанной статьи Н. А. Котляревского в сб. «Старинные портреты» (С.-Пб. 1907, стр. 75 — 132) см. еще у П. Н. Сакулина, цит. соч., по указ., у А. А. Корнилова: «Молодые годы М. Бакунина». М. 1915, стр. 110 — 114; Е. А. Бобров: Отзыв Н. М. Языкова о Д. В. Веневитинове и о переводах Веневитинова — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.» 1910 г., т. XV, кн. 1, стр. 83 — 88 и 91 — 99, статью М. А. Веневитинова (племянника поэта) — в «Русск. Арх.» 1885 г., кн. I, стр. 113 — 131, статьи В. В. Стратена: «Д. В. Веневитинов и Московский Вестник» — «Изв. Отд. Русск. яз. и словесн. Академии Наук», 1924 г., т. XXIX, стр. 227 — 253, и Ю. Г. Оксмана: «Цензурные материалы о Д. В. Веневитинове» в сб. «Литературный Музеум», Пгр. 1921, стр. 340 — 348. О брате Веневитинова, Алексее Владимировиче, см. в письмах позднейших лет. № 235.

— Слова Пушкина о «весне дуре» напоминают нам его стихи из «Онегина»:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!..

или известные стихи из отрывка «Осень» (1833 г.):

....Я не люблю весны;
Скучна мне оттепель: вонь, грязь; весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены;
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега...

— «Цыганы» были представлены, по просьбе Пушкина, Дельвигом на цензуру Бенкендорфа при письме от 23 февраля 1827 г., вместе с двумя отрывками из 3-й главы «Евгения Онегина» и двумя стихотворениями («Дела III Отделения о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 42). Бенкендорф, поручив одному из своих чиновников дать отзыв об этих пьесах, поручил написать Дельвигу, что ответ свой по существу его просьбы он сообщил прямо Пушкину, которому и было послано письмо от 4 марта, с указанием, что Бенкендорф крайне удивлен, что поэт избрал посредника в сношениях с ним, основанных на высочайшем соизволении (там же, стр. 42 — 46), — и Пушкин оправдывался перед шефом жандармов в письме от 22 марта (см. ниже, № 236 и объяснения к нему).

— Говоря о яме и применяя рассуждения тупого резонёра к «Московскому Вестнику», который философствует, сидя в яме, Пушкин намекает на знаменитую басню И. И. Хемницера «Метафизик», которую Пушкин и пародирует далее; метафизик Хемницера,

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
Сыскать начало всех начал,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, —

внезапно упал в яму, и на слова отца, бросившего ему в яму веревку со словами:

«Ухватися,
Я потащу тебя, смотри, не оборвися», —

№ 235. отвечал:

«Нет, погоди тащить, — скажи мне наперед:
Веревка вещь какая? —
Отец, хоть был и не учен,
Да от природы был умен.
Вопрос дурацкий оставляя,
«Веревка — вещь», сказал: «такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
— На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое. —
«Да время надобно», — отец ему на то:
«А это, благо, уж готово». —
— А время что̀?
«А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди», сказал отец: «пока приду опять».

— Говоря намеками о «веревке», Пушкин, быть может, имел в виду повешенных за полгода перед тем декабристов.

— Лев Сергеевич Пушкин после выхода в отставку из Департамента Духовных дел иностранных исповеданий (24 октября 1826 г.) был, 14 марта 1827 г., определен (после тщетных усилий А. Х. Бенкендорфа заманить его на службу во вновь сформированный жандармский дивизион — «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1487 — 1488, — рассказ И. П. Липранди) юнкером в Нижегородский драгунский полк, под начальство Н. Н. Раевского мл., и ехал на Кавказ, где полк этот находился, принимая тогда участие, в составе войск под начальством Паскевича, в Персидской кампании; Лев Пушкин уже с 12 мая находился в походе (см. Л. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 37, — формулярный список Л. С. Пушкина). — В немногих, добродушно-шутливых словах поэт дал удивительно меткий отзыв о своем брате: всего в нескольких фразах дана исчерпывающая характеристика этого богато одаренного, но беспутного 20-летнего юноши (о нем см. в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», С.-Пб. 1899, и нашу биографическую заметку в «Архиве Раевских», т. II, С.-Пб. 1909, стр. 459 — 462); его склонность к кутежам и к ресторанной жизни (откуда и упоминаемый поэтом долг известному петербургскому ресторатору Andrieux, у которого бывал и он сам), к легким победам над женщинами и к вину (что̀ однажды побудило Пушкина поднести «Милостивому государю братцу» книгу «О запое и лечении оного») (Б. Л. Модзалевский «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 15), уживавшаяся с некоторой сентиментальностью (см. в нашей заметке о стихах Л. С. Пушкина — «Пушкин и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 5 — 7) — всё это подмечено с редкою наблюдательностью...

О подобных Льву Пушкину разочарованных молодых людях вспоминал поэт, когда писал про Ленского, что он «пел разлуку и печаль, и нечто, и туманну даль, и романтические розы», и «те дальные страны, где долго в лоно тишины лились его живые слезы»; как видим, и Лев Пушкин, так же как и Ленский,

Пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет...

— Плетнев назван «мизантропом», конечно, в шутку: человек чувствительный, а по временам меланхолически настроенный, он был идеалистом-мечтателем, но отнюдь не человеконенавистником, — наоборот, был проникнут безграничною любовью и постоянною доверчивостью к людям, отличался благостным мироощущением, желанием всем угодить и быть полезным своим друзьям. Пушкин, перед которым Плетнев благоговел, особенно много пользовался услугами своего преданного друга.

— «Северные Цветы на 1827 г.» — известный альманах Дельвига — вышел в последних числах марта (Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр.41); в нем из стихотворений Пушкина появились

два отрывка из «Евгения Онегина», послание к А. П. Керн и знаменитое «19-е октября 1825 г.». В Москве он был уже в первых числах апреля («Пушкин и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 85, запись в Дневнике Погодина). № 236.

— Следует отметить мальчишески-шаловливую надпись Пушкина на адресе письма, который он начертал и кириллицей, и готическим шрифтом, и скорописью: надпись эта свидетельствует о веселом настроении, в котором тогда пребывал поэт, лишь за полгода до того вырвавшийся из своего михайловского заточения, упивавшийся свободою и жадно вбиравший в себя «все впечатленья бытия».

236. *А. X. Бенкендорфу* (стр. 28). Впервые напечатано в «Историческом Вестнике» 1884 г., т. XV, стр. 63 (часть), в книге «Письма Пушкина и к Пушкину», изд. Скорпиона, под ред. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 44 (не полно), в изд. Суворина под ред. Ефремова, т. VII, стр. 271 — 272 (тоже), и в Акад. Изд. Переписки, т. II, стр. 14 — 15 (целиком); подлинник — в Пушкинском Доме.

— Пушкин отвечает на письмо Бенкендорфа от 4 марта 1827 г., № 403, в котором тот писал поэту: «Барон Дельвиг, которого я вовсе не имею чести знать, препроводил ко мне пять сочинений Ваших: я не могу скрыть Вам крайнего моего удивления, что вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на высочайшем соизволении. Я возвратил сочинения Ваши Г. Дельвигу и поспешаю Вас уведомить, что я представлял оные государю императору. Произведения эти, из коих одно даже одобрено уже Цензурою, не заключают в себе ничего противного Цензурным правилам. Позвольте мне одно только примечание: заглавные буквы друзей в пьесе 19-е Октября не могут ли подать повода к неблагоприятным для Вас собственно заключениям? это предоставляю Вашему рассуждению».

Это письмо, в свою очередь, было написано Бенкендорфом по получении следующего письма к нему барона А. А. Дельвига: «Ваше Превосходительство Милостивый Государь Александр Христофорович. Продолжительная болезнь до сих пор лишает меня возможности лично исполнить препоручения Александра Сергеевича Пушкина. Осмеливаюсь передать их в письме Вашему Превосходительству. Прилагаю при сем в особенном пакете пять сочинений Пушкина: поэма Цыганы, два отрывка из третьей главы Онегина, 19-е Октября и К ***. А. С. Пушкин убедительнейше просит Ваше Превосходительство скорее решить, достойны ли они и могут ли быть пропущены, и доставить их мне, живущему на Владимирской улице, близ Коммерческого Училища в доме купца Кувшинникова Коллежскому Ассесору Барону Антону Антоновичу Дельвигу. Радуюсь случаю, что могу Вас уверить при сем в моем величайшем почтении, с которым имею честь остаться Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейшим слугою Барон Антон Дельвиг. 23 февраля 1827 г. С.-Пб.». Бенкендорф дал присланные пьесы[1] одному из своих чиновников и на докладе последнего о них, с кратким отзывом о каждом (см. в издании С. С. Сухонина: «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб., 1906, стр. 43), написал: «отослать и написать к Пушкину, что я удивляюсь, что он дал другому препоручение мне доставить свои сочинения», самому же Дельвигу ответил 4 марта за № 405, возвращая пьесы Пушкина, что, сколько его ни удивило посредничество его в сем деле, ему приятно уверить Дельвига в чувстве своего к нему почтения (там же, стр. 44).

— Представляется непонятным, почему письмо Бенкендорфа к Пушкину от 4 марта было направлено к нему во Псков, — тогда как в III Отделении по агентурным сведениям несомненно было известно, что он в Москве. Вероятно, дело было в ошибке Канцелярии. Приведем здесь кстати сообщение П. Л. Яковлева (брата лицейского товарища Пушкина)

---

[1] «Цыганы»; «Ночной разговор Татьяны с няней», «Письмо Татьяны», «К ***» и «19-е Октября».

№ 237. о поэте, сделанное им дяде своему А. Е. Измайлову в Тверь, а последним переданное жене в письме от 23 марта 1827 г.: «А. Пушкин живет здесь с одним из Лицейских товарищей. Судя по всему, что я слышал и видел, Пушкин здесь на розах. Его знает весь город, все им интересуются, отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому Аруету [Вольтеру] сбирались все имевшие немного здравого смысла в голове: Со всем тем Пушкин скучает! Так он мне сам сказал. Это покажется удивительным для Карабанова, Хвостова и, с позволения сказать, Б. Федорова. Пушкин очень переменился и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он всё тот же — так же жив, скор и попрежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению. Он ревностно участвует в издании «Московского Вестника», сбирается печатать Годунова и Цыган. Кажется, 8 глав Онегина уже готовы» (Сборник «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902, стр. 249, статья И. А. Кубасова: Вицегубернаторство баснописца Измайлова; его же статья о П. Л. Яковлеве — «Русск. Стар.» 1903 г., № 6, стр. 638).

237. *Н. Н. Раевскому* (?) (стр. 29). Впервые напечатано: первая редакция — в «Материалах» Анненкова, стр. 146 — 147 (отрывки); вторая редакция — там же, стр. 145 — 146, и в акад. изд. Переписки, т. II, стр. 15 — 22 (полностью обе редакции); подлинник первой редакции — на 2 листах с водяным знаком 1825 г.; оба в Рукоп. Отд. Библ. Академии Наук, в собрании Л. Н. Майкова (см. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 33 — 34).

— Это письмо лишь предположительно можно отнести к Н. Н. Раевскому, как лишь предположительно его можно считать и вообще письмом, а не наброском журнальной статьи в форме письма. Анненков (назв. соч., стр. 145) назвал его письмом, П. А. Ефремов в издании 1882 г. (т. VII, стр. 273 — 275) тоже принял его за письмо, отнес к Н. Н. Раевскому по связи содержания его с письмами к нему же от конца июля 1825 г. (№ 158) и 30 января 1829 г. (№ 289) и датировал 1827-м годом на том основании, что, упоминая в письме своем о № 1 «Московского Вестника», в котором была напечатана сцена Пимена и Григория, он не указывает *года* журнала — что̀ «показывает, что строки писаны в год выхода книжки, т.-е. в 1827 году» (стр. 274, примеч.). — В акад. изд. Переписки письмо также включено и отнесено к Н. Н. Раевскому; в издание «Архива Раевских» (т. I) мы в свое время внести его не решились, — отчасти потому, что оно лишь предположительно относилось к Раевскому, отчасти потому, что «оно скорее имеет характер не частного письма, а журнальной статьи или предисловия, в виде письма, к задуманному потом изданию его трагедии»; к тому же, мы полагали тогда, что и «самый тон письма, будь оно обращено действительно к Н. Н. Раевскому, был бы проще» (стр. 330). Из слов письма В. П. Титова к М. П. Погодину от 11 февраля 1828 г. «он [Пушкин] доставит *вам письмо о Борисе Годунове*; что̀ он мне читал, славно» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 182), — можно предположить, что письмо было и адресовано Погодину, как к редактору «Московского Вестника». Как бы то ни было, в виду прочно установившейся традиции и принимая во̀ внимание, что несколько сухой тон письма мог быть придан ему нарочито, в намерении использовать письмо как материал для будущего предисловия к изданию «Бориса Годунова», — мы и теперь включаем рассуждения Пушкина, как письмо его к Н. Н. Раевскому, в наше издание и датируем его, вслед за акад. изд. Переписки, мартом — апрелем 1827 г., на основании слов Пушкина о том, что для него «по стечению непредвиденных и благоприятных обстоятельств», открылась возможность выдать ее [трагедию] в свет»: это с наибольшею вероятностию можно приурочить именно к марту — апрелю 1827 года, когда, с одной стороны, Пушкин считал себя освобожденным от цензуры и мечтал об издании «Годунова», а с другой — Раевский, бывший тогда на Кавказе, успел прочесть помещенную в 1-м № «Московского Вестника» (он вышел 1 января) «сцену в келье», а Пушкин успел получить письмо Раевского,

написанное по этому поводу, и собрался на него ответить; в мае же месяце поэт уже сам стал мечтать о поездке на Кавказ к Н. Н. Раевскому (см. ниже, в письме № 241), да и самое намерение издать в свет «Годунова», под впечатлением раздавшейся вокруг него разноголосицы непонимания и данного ему Николаем I совета переделать трагедию в повесть остыло. Заметим еще, что под *22 апреля 1827 г.* Погодин записал в дневнике своем разговоры с Пушкиным «о правдоподобии в драме», — т. е. о волновавшей тогда Пушкина теме («Пушк. и его соврем», вып. XIX—XX, стр. 85). № 237.

— Рассказав, на основании черновых рукописей Пушкина, о том, как создавалась сцена Пимена и Григория, Анненков в «Материалах» своих писал: «Сам автор любил ее и предназначил ей роль весьма важную. Он поместил сцену Летописца в первом номере журнала, только что появившегося («Московский Вестник» 1827), с целию испробовать на ней вкус публики и узнать впечатление, какое произведет первый опыт драмы, основа которой вращается на историческом изучении и на теории творчества, еще не имевшей у нас приложения. Кажется, что опыт был неудачен. Общее мнение поражено было новым направлением, какое принял поэт, но не увлечено им. Весьма немногие угадали в отрывке поэтическое откровение одной народной эпохи. Наиболее расположенные к поэту еще признавали достоинство стиха, но другие, числительно сильнейшие, — не видели уже прежнего сладкозвучного певца своего за этим белым стихом и сожалели о юношеских, блестящих его произведениях, где рифма заканчивала образ, всем понятный и увлекательный. Толки, возбужденные появившимся в печати отрывком, привели Пушкина к мысли, что весь спор о классицизме и романтизме был оптический обман, созданный журналами, которому и он сам поддался, и что необходимость преобразования литературных форм не лежала в общих потребностях, в действительно возмужалом и изменившемся вкусе публики. Почти с той же минуты стал Пушкин считать трагедию свою анахронизмом и смотреть с иронией на предположение свое создать народную драму. Как ни горек был опыт, но Пушкин нашел ему оправдание в общем французско-классическом воспитании, какое получило всё современное поколение. Мы уже знаем, что Пушкину всегда казались смешными маленькие преобразования, а несвоевременность большого преобразования сама собой привела его к заключению, что автор должен подчиняться литературным законам, уже признанным всеми и всех удовлетворяющим. Он начал развивать эту мысль в длинном письме, одна часть которого была уже совсем обделана» (стр. 144 — 145; изд. 2, стр. 136 — 137). Далее Анненков приводил 2-ю редакцию и отрывки 1-й редакции письма к Н. Н. Раевскому (наш № 237). Для уяснения значения этого письма в его целом важна работа Н. К. Козмина: «Взгляд Пушкина на драму», С.-Пб. 1900, особенно стр. 39 — 40, и «Из истории русской критики. Суждения о романтической драме современников Пушкина» — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1902 г., и отд. отт., С.-Пб. 1902. Интересно отметить, что слова Пушкина: «Смиренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтенной публики», и т. д., вызвали сомнение цензора при цензуровании «Материалов» Анненкова, и последнему пришлось давать пространное объяснение по поводу их: см. в статье Анненкова «Любопытная тяжба» — «Вестн. Европы» 1881 г., январь, стр. 24.

— Французская фраза в конце первого отрывка (стр. 30) означает: «Нет ничего смешнее, как перемена в принятых правилах и т. д.»

— О двух Аристотелевых единствах см. выше, в т. I, в черновике письма к князю П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года (№ 63) и в объяснениях к нему, стр. 286.

— Лагарп — французский критик, драматург и историк литературы; о нем см. в т. I, стр. 479, в объяснениях к письму № 162.

— О пятистопном белом, без рифм, стихе см. выше, в т. I, стр. 504 — 505, в объяснениях к письму № 174, и в работе Н. К. Козмина «Взгляд Пушкина на драму», С.-Пб. 1900, стр. 38 — 39.

№ 237. — По поводу слов Пушкина о «презренной прозе» следует вспомнить стих в III главе «Евгения Онегина» (еще 1824 г.): «Унижусь до смиренной прозы» и отметить вообще некоторое охлаждение Пушкина к рифме и стиху. Об этом см. статью Б. М. Эйхенбаума: «Путь Пушкина к прозе» — в «Пушкинском Сборнике памяти С. А. Венгерова», Пгр. 1922, стр. 59—74, и в сборнике его статей, Лгр. 1927, и брошюру Н. О. Лернера: «Проза Пушкина», изд. 2, Пгр. 1923, стр. 11 и след.

— «Один из самых оригинальных писателей наших» — князь П. А. Вяземский. В своей ранней статье о Владиславе Александровиче Озерове (ум. 1816), приложенной к собранию сочинений этого драматурга, изданному в 1817 году и переизданному в 1824, 1827 и 1828 гг., он «провозгласил его преобразователем русской трагедии и заслугу его в этом отношении сравнивал с заслугой Карамзина в деле преобразования нашего поэтического языка» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 268), а последние страницы своей статьи посвятил общей оценке таланта Озерова и его литературной деятельности; здесь он и высказал суждение, что в то время как трагедии Княжнина и Сумарокова «слеплены с одного образца и могут почесться мертвыми подражаниями французской классической трагедии, в которых иногда кое-как сохранены узаконенные условия, проповедуемые драматическими пиитиками», — «трагедии Озерова занимают между ними середину и в самых погрешностях своих представляют нам отступления от правил, исполненные жизни и носящие *свой* образ. Они уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому *романтическому*, который принят Немцами от Испанцев и Англичан» (см. Соч., т. I, стр. 49). Пушкин, разбирая, с карандашом в руках, эту статью Вяземского об Озерове и высказываясь по поводу различных суждений, в ней высказанных, слова Вяземского о романтизме Озерова отчеркнул по полю книги: «Не будем входить в суждение о том, какое значение имеет здесь слово *романтический*, — пишет по поводу фразы Вяземского и отметки Пушкина Л. Н. Майков: «и как вообще смотрели на романтизм Вяземский и Пушкин в двадцатых годах; заметим только, что с вышеприведенным мнением первого последний не мог быть согласен, ибо видел в Озерове, несмотря на все его пресловутые «отступления от правил», верного последователя псевдоклассической пиитики» (Майков, «Пушкин», стр. 282). В позднейшей *приписке* к своей статье князь Вяземский, говоря о критике на нее Пушкина, с своей стороны писал: «Пушкин Озерова не любил, и он часто бывал источником наших живых и горячих споров. Оба мы были неуступчивы и заносчивы. Я еще более, нежели Пушкин. Он не признавал в Озерове никакого дарования. Я, может быть, дарование его преувеличивал. Современем, вероятно, мы сошлись бы на полудороге. Пушкин критиковал в Озерове и трагика, и стихотворца. Может быть, уже и тогда таились в душе его замысел и зародыш творения, в котором обозначилось и сосредоточилось могущество дарования его. Изображение Дмитрия Донского не могло удовлетворить понятиям живописца, который начертал образ Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца. Сочетание верности историка с вымыслом поэта, может быть, уже и тогда теплилось и молча созревало в нем... Более всего Пушкин не прощал мне сказанного мною, что «трагедия Озерова уже несколько принадлежит к драматическому роду, так называемому *романтическому*». Пушкин никак не хотел признать его романтиком. В некотором отношении был он прав. В другом был и я не совсем виноват. Во-первых я его не решительно провозглашаю романтиком, а говорю, что он *несколько* сближается с романтиками. К тому же в то время значение *романтизма* не было вполне и положительно определено.... На лицо не было ни настоящих классиков, ни настоящих романтиков: были одни подставные и самозванцы.... Пушкин остался тем, что был: ни исключительно классиком, ни исключительно романтиком, а просто поэтом и творцом, возвышавшимся над литературною междуусобицею, которая в стороне от него суетилась, копошилась и почти бесновалась» (Соч., т. I, стр. 55 — 56, 56 — 57). Полнее сам Пушкин высказался об Озерове

в вышеуказанных замечаниях своих на полях статьи Вяземского, где, № 237. между прочим, писал, обращаясь к своему другу: «Озерова я не люблю не от зависти, но из любви к искусству. Ты сам признаешь, что слог его не хорош, а я не вижу в нем и тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять, при появлении истинной критики, совсем исчезнет» (см. у Л. Н. Майкова в сб. «Пушкин», стр. 266—283).

— О Данте-Алигиери, которого через четыре строки Пушкин называет по-итальянски «великий Отец Алигиери», — см. выше, в т. I, в письме № 144; ср. в статье М. Н. Розанова: «Пушкин и Данте» - в «Пушк. и его соврем.», вып. XXXVII.

— Об Альфонсе Ламартине, современном Пушкину французском поэте, см. неоднократные упоминания выше, в т. I, в письмах №№ 63, 90, 137 и 187 и в объяснениях, стр. 286, 300, 338, 425, 426, 530. Пушкин не питал расположения к французским романтикам: см., напр., в его статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе Потерянного рая», а также в книге Л. Н. Майкова: «Пушкин», стр. 352.

— Об итальянском поэте Аріосто (род. 1474, ум. 1533) см. выше, в т. I, в письмах №№ 37, 117, 145, 148 и в объяснениях, стр. 244, 276, 388, 435, 440 и 448.

— Об испанских драматургах Лопе де Вега и Кальдероне см. выше, в т. I, в письме к Н. Н. Раевскому от конца июля 1825 г., № 162, и в объяснениях к нему, стр. 479.

— Сервантес (Miguel Cervantes de Saavedra, род. 1547, ум. 1616) — знаменитый испанский писатель, автор «Дон-Кихота».

— На ошибки в историко-литературных суждениях издателя «Московского Телеграфа» Н. А. Полевого Пушкин указывал еще в начале его журнальной деятельности: см. выше, в т. I, в письмах № 144, 167, 177, 180, и в т. II, № 208, 221.

— Говоря о том, что современные Пушкину читатели и критики не сумели оценить «Сцену Летописца», напечатанную поэтом «для пробы», П. О. Морозов пишет: «Отзывы журналов об этой сцене показали только совершенную неподготовленность тогдашней критики к оценке нового произведения Пушкина. «Московский Вестник», в Обозрении русской словесности за 1827 год (1828, ч. VII, № 1, стр. 68—69; это «Обозрение» принадлежало перу С. П. Шевырева. *Б. М.*), говоря об этой сцене, заметил: «Всякий, постигающий важность сего явления, невольно произнесет правый укор нашим Журналистам, которые даже не упомянули о нем, и с негодованием осмеет тех ничтожных критиков, которые младенчески сожалели о том, что сей отрывок писан не с рифмами, и в этом отношении отдавали преимущество отрывку из сочиненной Трагедии Г. Федорова». [1] Действительно, сцена Пимена прошла почти незамеченной. Только «Отечественные Записки» (1827 г., т. XXIX, стр. 177—178) упомянули о ней в нескольких словах: «Стихотворение сие, как и все другие пера Пушкина, ознаменовано печатью гения; жаль только, что Трагедия сия написана не рифмами, чем — по мнению нашему — она еще бы более выиграла со стороны прелестей Поэзии и гармонии». Таким образом, — говорит П. О. Морозов, — «мнение наших «классиков» не поддавалось никаким доводам, и «Северная Пчела» (1828 г., № 45) иронически замечала, что Пушкину «часто удается слышать, что Поэмы Байрона — не Поэмы, что Трагедии Шекспира — не Трагедии, и большая часть стихов Шиллера и Гёте — не стихи, потому что без рифм. И может ли для него быть обидно, когда его станут мерять тою же меркою?»....

[1] С. Т. Аксаков в своих «Литературных и театральных воспоминаниях» свидетельствует, однако, что «сцена в монастыре между Летописцем Пименом и иноком Григорием произвела глубокое впечатление на всех простотою, силою и гармонией стихов нерифмованного пятистопного ямба; казалось, мы в первый раз его слышали, удивились ему и обрадовались. Не было человека, который бы не восхищался этой сценой» (Соч., изд. «Просвещения», т. IV, стр. 298). *Б. М.*

№ 237. Вне печати новое произведение Пушкина вызвало, может быть, больше толков, но они, повидимому, сводились только к повторению всё тех же суждений о нарушении Пушкиным основных правил драматического сочинения, установленных классическою теориею. С этой точки зрения какой-то г. З. [Загоскин?] говорил, что «Борис Годунов» не стоит модной картинки Дамского Журнала, а Н. И. Надеждин — уже в 1830 г. — советовал поэту «разбайрониться добровольно и добросовестно, сжечь Годунова и докончить Онегина» («Вестн. Евр.» 1830 г., № 7, стр. 200).... «Большинству тогдашних наших читателей произведение Пушкина было мало понятно. «Люди образованные, но с предрассудками французской школы», — писал Погодину Н. А. Мельгунов, — «вовсе не понимают смысла этого произведения, удивляются пятистопным ямбам, тому, что монах выведен на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для них предметом соблазна» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 360; Соч., изд. Академии Наук, т. IV, примеч., стр. 131, 132, 133, 135, 137). Ближайшие друзья Пушкина, наоборот, были в восторге от «Бориса Годунова». «Посылаю вам», писал князь Вяземский Тургеневу и Жуковскому 6 января 1827 г.: «первую книжку Московского Вестника, где найдете сцену из трагедии Пушкина. Правда ли, что удивительная зрелость и трезвость в слоге, напитанном и накуренном духом старины. Вся пиеса так выдержана, и есть места гораздо превосходнейшие» («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 53).

— «Картинки дамск. Журнала» — гравированные и раскрашенные картинки парижских модных платьев, шляп, мебелей и т. под., прилагавшиеся к книжкам «Дамского Журнала» князя П. И. Шаликова.

— «Constitutionnel» и «Quotidienne» — тогдашние французские газеты — политико-литературная, либерально-оппозиционная и консервативно-роялистская. Недописанное зачеркнутое слово «Drap» собственно: «Drap» — с опиской в букве «р» вместо «г», — может быть должно означать название еще одной газеты — «Drapeau Blanc» — крайнего правого органа, прекратившегося в июле 1830 г., после Июльской революции.

— Сцилла, Тиберий, Леонид — действующие лица классических трагедий.

— Вилмен — Abel François Villemain (род. 1790, ум. 1870) — французский критик и историк литературы, член Французской Академии, автор известных «Картин Литературы XVIII века», «Литературы Средних веков» и других сочинений, отличающихся живостью характеристик и изяществом слога. В библиотеке Пушкина сохранились некоторые его сочинения (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 359).

— Кеннинг, вернее Каннинг (Canning, род. 1770), — лорд, знаменитый английский государственный деятель, вскоре (в 1827 г.) умерший.

— О Корнеле см. выше, в т. I, в письме № 162, и в объяснениях к нему, стр. 479.

— «Эсфирь» — трагедия Расина «Esther», написанная в 1689 г. по заказу M-me de Maintenon и поставленная в том же году с большим успехом на сцене.

— «Вереника» — другая трагедия Расина — «Bérénice» (1670 г.), написанная им по заказу Генриетты Английской, жены Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV; в этой пьесе была прозрачно выведена сама герцогиня с ее чувствами к Людовику XIV.

— «Британник» — трагедия того же Расина «Britannicus» (1669), в которой он широкою кистью изобразил картину императорской придворной жизни в Риме при Нероне. Говоря о «намеке» на увеселения двора Людовика XIV в «Britannicus» Расина, Пушкин имел в виду распространенное мнение о том, что молва о Нероне, сообщаемая ему Нарциссом:

Quoi donc! ignorez-vous tout ce qu'ils osent dire?
«Néron, s'ils en sont crus, n'est point né pour l'empire.
Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit:
Burrhus conduit son coeur, Senèque son esprit.

Pour toute ambition, pour vertu singulière,
Il excelle à conduire un char dans la carrière,
A disputer des prix indignes de ses mains,
A se donner lui-même en spectacle aux Romains,
A venir prodiguer sa voix sur un théâtre,
A réciter des chants qu'il veut qu'on idolâtre,
Tandis que des soldats, de momens en momens,
Vont arracher pour lui les applaudissemens».

№ 238.

(Acte IV, конец Scène IV) имела в виду Людовика XIV и его страсть к личному участию в танцах, балетах и празднествах, которые он давал своему двору, — и что эта тирада исправила Людовика от этой неприличной королю слабости. См. в Oeuvres de Jean Racine avec des commentaires, par J. L. Geoffroy, t. II, Paris. 1808, p. 610; то же, изд. 1865, t. I, p. 241.

— Давид Юм (Hume, род. 1711, ум. 1776) — английский философ-скептик, автор считающихся классическими трудов: «Treatise on human nature» («О человеческой природе»). «Moral and political essays» («Моральные и политические опыты»), «История Англии при Стюартах» (1754 — 1756) и других.

— Гораций Вальполь (Walpole, род. 1717, ум. 1793) — английский писатель, автор фантастического романа «Замок Отрантский» («The Castle of Otranto»), трагедии «Таинственная мать» («The mysterious mother»), «Catalogue of the royal and noble authors of England, Scotland and Ireland» (1758 — «Каталог писателей королевского и дворянского происхождения Англии, Шотландии и Ирландии») и других.

238. *В. Д. Соломирскому* (стр. 33). Впервые напечатано в «Русском Вестнике» 1869 г., № 11, стр. 84, в статье М. И. Семевского «К биографии Пушкина», с обширным комментарием; перепечатано в «Русской Старине» 1907 г., № 7, стр. 101—104, в статье Н. О. Лернера «Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 году», и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 23. Подлинник, писанный на маленьком лоскутке бумаги, находился в бывшей собственной его величества библиотеке, в Лобановском ее отделе.

Перевод: «Сию минуту, если вам угодно, приезжайте со свидетелем. А. П. 15 апр.»

«В конце двадцатых годов», — рассказывает М. И. Семевский: «в Москве славился радушием и гостеприимством дом князя Александра Михайловича и княгини Екатерины Павловны Урусовых. Хозяйка, рожденная Татищева, родная сестра знаменитого русского посла... в Вене, Дмитрия Павловича Татищева, была женщина весьма образованная, прекрасно знала иностранные языки и в особенности английский... Но не одно радушие и образованность хозяев влекли в этот дом тогдашнюю молодежь — и туземную, и приезжую. В доме этом были три грации, дочери князя Урусова, три красавицы, справедливо считавшиеся украшением Московского общества того времени... [1] Почти каждый день собирался у него [князя Урусова] тесный кружок друзей и знакомых, преимущественно молодых людей. Таким образом здесь бывал M***, [2] блестящий адъютант знаменитого графа

---

[1] Семевский ошибается, говоря о *трех* княжнах, ибо одна из дочерей Урусовых еще с 1822 г. была замужем за графом И. А. Мусиным-Пушкиным; в 1836 году она овдовела и вышла вторично замуж за князя А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина, впоследствии канцлера («Русск. Стар.» 1909 г., т. CXXXVII, янв., стр. 191). *Б. М.*

[2] Это был Павел Александрович Муханов (род. 1797, ум. 1871), брат знакомца Пушкина Петра Муханова (декабриста), тогда штабс-капитан, л-гв. Драгунского полка, впоследствии член Государственного Совета, д. тайн. сов., Председатель Археографической Комиссии (см. о нем у А. А. Сиверса: «Материалы к родословию Мухановых», С.-Пб. 1909, стр. 121 — 135). Рассказ Семевского основан на рассказах ему П. А. Муханова, свидетеля описываемых событий. Н. О. Лернер («Русск. Стар.» 1907, № 7, стр. 104) ошибается, говоря, что это был А. А. Муханов. *Б. М.*

№ 238. Петра Александровича Толстого, сюда же постоянно являлся родственник княгини Урусовой, артеллерийский офицер С*** [1], человек образованный, хорошо знавший английский язык, угрюмый поклонник поэзии Байрона и скромный подражатель ему в стихах, которые он кропал, так сказать, «про себя». Соломирский был весьма не равнодушен к одной из красавиц княжен Урусовых. В этом же доме особенно часто появлялся, весной 1827 года, Пушкин. Прекрасная среда, его окружавшая, красота и любезность молодых хозяек действовали на нашего поэта возбудительно, и он, проводя почти каждый вечер у князя Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив. В рассказах, импровизациях и шутках бывал в это время неистощим. Между прочим, он увлекал присутствовавших прелестною передачей русских сказок. Бывало, всё общество соберется вечером кругом большого круглого стола,—и Пушкин поразительно увлекательно переносит слушателей своих в фантастический мир, населенный ведьмами, домовыми, лешими, русалками и всякими созданиями русского эпоса... Во время этих посещений Пушкин сблизился с Соломирским; последнему Пушкин подарил сочинения Байрона, при чем сделал на книге надпись в весьма дружественных выражениях. Тем не менее, легко было заметить, что ревнивый и крайне самолюбивый Соломирский чем чаще сходился с Пушкиным у князя Урусова, тем становился угрюмее и холоднее к своему приятелю. Особенное внимание, которое столь справедливо встречал Пушкин в этом семействе, и в особенности внимание молодой княжны,—предмета сокровенного обожания со стороны Соломирского,—возбуждало в нем сильнейшую ревность... Однажды Соломирский «придрался» к Пушкину за нечто смешное, рассказанное последним в его присутствии, о графине Б., [2] но дело не получило дальнейших осложнений; однако, на другой же день, рано утром, на квартиру к Муханову является Пушкин. К величайшему изумлению Муханова, пылкий приятель его, с обычною ему живостью, передал, что не далее, как в это же утро, он получил от Соломирского письменный вызов на дуэль и, ни минуты не мешкав, отвечал ему, письменно же, согласием на принятие вызова» — приведенною выше запискою на французском языке. Муханова Пушкин просил быть секундантом и переговорить с секундантом Соломирского — Алексеем Васильевичем Шереметевым (товарищем по полку Муханова и также адъютантом графа П. А. Толстого). Муханов старался склонить Шереметева попытаться кончить дело миром. «В то же утро Шереметев привел Соломирского к Сергею Александровичу Соболевскому,—на Собачью площадку,—где жил в это время Пушкин. Сюда же пришел Муханов, и при дружных усилиях обоих секундантов и при посредничестве Соболевского, имевшего, по свидетельству Муханова, большое влияние на Пушкина, примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и объяснений, протянули друг другу руки» («Русск. Вестн.» 1869 г., № 11, стр. 81 — 85).

— Владимир Дмитриевич Соломирский—второй из побочных сыновей вышеназванного Дмитрия Павловича Татищева от связи его со вдовою обер-бергмейстера, красавицею Натальею Алексеевною Колтовскою, рожд. Турчаниновою, богатою владелицею Пермских «Турчаниновских» железных заводов; он недолго служил в артиллерии, затем перечислился в гражданскую службу и в 1832 г. был губернским секретарем и обладателем 1100 душ в Гороховском уезде Владимирской губернии («Моск. Ведом». 1833 г., № 92, стр. 4102). В 1831 году он был в Троицко-Савске, откуда писал одному из своих военных приятелей, что он «не без дела»: «написал обозрение торговли России с Китаем; составил проект новых правил, коими наше купечество должно впредь руководствоваться, доказав прежде

---

[1] Это—В. Д. Соломирский, побочный племянник княгини Е. П. Урусовой, см. ниже. Далее мы раскрываем имена Муханова и Соломирского. *Б. М.*

[2] Т.-е. о графине Анне Владимировне Бобринской, рожд. Унгерн-Штернберг (см. «Русск. Арх.» 1894 г., кн. I, стр. 286). *Б. М.*

безрассудную неосновательность ныне существующих. Недавно кончил историческое обозрение Монголо-Бурятского духовенства, для которого ныне занимается составлением особенного устава; сверх того, написал свои путевые записки» («Щукинский Сборник», вып. VI, стр. 421). В 1833 году, состоя в звании камер-юнкера при Департаменте Уделов, он путешествовал по Иркутской губернии вместе с известным изобретателем телеграфа бароном П. Л. Шиллингом-фон-Канштадтом (Архив Конференции Академии Наук, протоколы Конференции за 1833 г.). 17 июля 1835 г. он из Тобольска написал Пушкину (с которым был «на ты») дружеское письмо, сообщая ему отзыв о нем историка Сибири П. А. Словцова, и обещал исполнить просьбу Пушкина «писать ему о Ермаке» («Русск. Арх.» 1894 г., кн. III, стр. 455—456). По словам Л. Н. Майкова, Соломирский не чужд был литературных интересов, писал стихи, но, кажется, ничего не печатал; он был женат на графине Марье Петровне Апраксиной (род. 1811, ум. 1859), которой Лермонтов посвятил стихотворение «Над бездной адскою блуждая...»; прожив всю остальную жизнь частным человеком, он умер в 1884 году (там же, стр. 455).

239 *М. П. Погодину* (стр. 34). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 456; подлинник, на четвертке листа писчей бумаги,— в архиве Погодина в б. Румянцовском Музее, № 3515, письма 1823—1827 гг., кн. I, л. 239.

— «Черкешенка»—стихотворение Пушкина «Ответ Ф. А. Туманскому» (нач.: «Нет, не Черкешенка она»...), относящееся к С. Ф. Пушкиной-Паниной (см. выше, стр. 216); рукопись его находилась у В. П. Зубкова (см. выше, в объяснениях, стр. 216); Погодин исполнил волю Пушкина и не напечатал этой пьески в «Московском Вестнике»; впервые она появилась в печати лишь в издании стихотворений Пушкина 1829 г., ч. II, стр. 78.

— «К Языкову» — стихотворение Пушкина, написанное им 28 августа 1826 года, в ответ на стихи к нему Языкова от 16 (или 19) августа, после возвращения из Тригорского в Дерпт: «О ты, чья дружба мне дороже приветов ласковой молвы»... Оно появилось, как и хотел Пушкин, в «Московском Вестнике» 1827 г., ч. III, № 9 (стр. 4—5), пропущенном цензором И. М. Снегиревым 23 апреля 1827 г., чем и определяется приблизительная дата записки Пушкина к Погодину.

240. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 34). Впервые напечатано в Соч., изд. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VII, 1903, стр. 272; подлинник, на листе почтовой бумаги большого формата,— в Пушкинском Доме. В бумагах Пушкина, на обороте листа бумаги с заметкою его «О народности в литературе», сохранился набросанный карандашом почти дословный (почему мы и не даем его перевода) черновик этого же письма, но на *французском* языке и без окончания; подлинник этого черновика (на бумаге вод. зн. 1823 г.) в Академии Наук, в Рукоп. Отд. Библиотеки, в собрании Л. Н. Майкова (см. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 26).

— Бенкендорф ответил Пушкину письмом из Петербурга от 3 мая за № 849, в котором писал: «На письмо Ваше от 24-го прошлого Апреля честь имею Вас уведомить, что я имел щастие доводить содержание оного до сведения государя императора.—Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное Русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано.—Мне же, с моей стороны, весьма приятно будет с вами здесь увидеться и изустно Вас уверить в совершенном почтении» и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 25—26).

241. *Л. С. Пушкину* (стр. 34). Впервые напечатано в «Библиографических Записках» 1858 г., № 4, ст. 112, с неверною датою: 1829 г. вместо 1827 г., удержанною и следующими издателями, до издания Суворина под ред. Ефремова, где (т. VII, стр. 273) год указан верно, на основании соображений, высказанных Е. Г. Вейденбаумом в его статье «О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 г.» («Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899, стр. 109, примеч.) — Подлинник в б. Моск. Румянцовском

№ 241. Музее, № 1254. Это первое из известных нам писем Пушкина к брату после происшедшей между ними почти за два года перед этим размолвки (см. выше, в т. I, письмо от 28 июля 1825 г., № 159, и объяснения к нему, стр. 473).

— «Твой командир» — Николай Николаевич Раевский, 16 сентября 1826 г. назначенный командиром известного Кавказского боевого полка — Нижегородского драгунского, которым и командовал до конца августа 1829 г., приняв деятельное и блестящее участие в делах Персидской и Турецкой кампаний 1826—1829 г.г. Лев Сергеевич Пушкин, до этого времени мало знакомый с Раевским (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 213), бросив гражданскую службу, 14 марта 1827 г. определился юнкером в Нижегородский полк. Вскоре, 12 мая, полк выступил в поход, в составе других войск, находившихся под начальством генерала Паскевича, и принял участие в осаде крепости Аббас-Абада; 5 июля 1827 г. Л. С. Пушкин получил свое боевое крещение в сражении полка с персианами при Джаван-Булахе, за отличие в котором произведен был (2 октября 1827 г.) в прапорщики. Остальную часть года, весь 1828 и большую часть 1829 г. он провел в непрерывных походах Персидской кампании, после чего получил отпуск в Россию. С 1838 г. он снова служил под начальством Раевского, будучи его адъютантом, как командующего Черноморскою Береговою Линиею (см. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, II и III).

— «Comme on dit» — «как говорится». С родителями Пушкин не виделся уже с осени 1824 г., т.-е. $2^1/_2$ года; см. ниже, в объяснениях к следующему письму № 242, выдержку их письма барона А. А. Дельвига к П. А. Осиповой.

— На Кавказ поэт попал лишь летом 1829 г. (см. ниже, письмо № 293).

— Марья Ивановна Корсакова (по написанию Пушкина видно, что он ее фамилию произносил с ударением на 4-м с конца слоге: Ко́рсакова) — та самая, о которой поэт, по чьей-то просьбе, задавал вопросы князю Вяземскому в письме от 5 апреля 1823 года из Кишенева (см. т. I, № 54). Вяземский был очень дружен с сыном М. И. Римской-Корсаковой — Григорием Александровичем (ум. 1852), «одним из первозванных», по его выражению, «Московских львов», «замечательным человеком по многим нравственным качествам и по благородству характера»; вспоминая о нем впоследствии, он писал: «Особенно памятна мне одна зима или две [1826 — 1827 г.], когда не было бала в Москве, на который не приглашали бы его и меня. После пристал к нам и Пушкин. Знакомые и незнакомые зазывали нас и в Немецкую слободу, и в Замоскворечье. Наш триумвират в отношении к балам отслуживал службу свою на подобие бригадиров и кавалеров св. Анны, непременных почетных гостей, без коих обойтиться не могла ни одна купеческая свадьба» (Соч., т. VII, стр. 170—171). В эту зиму Пушкин стал бывать у Корсаковых; достоверно известно, что он был у Марьи Ивановны 26 октября 1826 г. на вечере, специально устроенном ею для поэта, со множеством званых гостей («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 1065 и сл., запись в дневнике А. Г. Хомутовой). В марте 1827 г. Пушкина видел с Г. А. Римским-Корсаковым на Тверском бульваре В. Ф. Щербаков, который записал в дневнике своем: «В субботу на Тверском я в первый раз увидел Пушкина. Он туда пришел с Корсаковым, сел с несколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили советники Гражданской Палаты Зубков и Данзас, он подбежал к первому и сказал: «Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу!» «Зубков поцеловал его» (Соч. Пушкина, изд. Суворина, ред. Ефремова, т. VIII, стр. 111). В мае Мария Ивановна с двумя незамужними еще дочерьми — Александрой (в которую был так влюблен граф Н. А. Самойлов — см. выше, в объяснениях к письму № 226), и Екатериной Александровнами — отправились на Кавказские минеральные воды, чем Пушкин и воспользовался для пересылки письма брату. Прося его «не влюбиться в дочь», Пушкин как бы намекал на то, что сам к ней неравнодушен. И действительно, из письма князя Вяземского к Тургеневу от 12 декабря 1828 г. видно, что какая-то связь — и довольно серьезная — с семейством Римских-Корсаковых у Пушкина в зиму 1826 —

1827 г. завелась: «Здесь Александр Пушкин, — я его совсем не ожидал... Приехал он недели на три, как сказывает; еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой; не знаю еще, как была встреча» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 408). «Эти последние слова», говорит М. О. Гершензон: «останавливают на себе внимание: значит, от прошлых отношений Пушкина к этому дому, т.-е. от зимы 1826 — 1827 г.г., осталось какое-то осложнение, и увидеться ему теперь с Корсаковыми было *не просто*» («Грибоедовская Москва», М. 1914, стр. 110). Месяц спустя (9 января 1829 г.) тот же Вяземский писал о Пушкине: «Он что-то во всё время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ними было или чего не было, mais il n'était pas en verve. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у Цыганок; и в том, и в другом месте видел я его редко, но видел с теми и с другими — и всё не узнавал прежнего Пушкина» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 409). «Впоследствии», пишет М. О. Гершензон: «Вяземский дважды высказал предположение, что в 52-й строфе седьмой главы «Онегина» Пушкин воспел Александру Корсакову («Русск. Арх.» 1887, III, 578; ср. его Соч., т. VII, стр. 170). Его свидетельство имеет в этом случае большой вес, как свидетельство очевидца; во всяком случае, оно доказывает, что у Вяземского сохранилось воспоминание о влюбленности Пушкина в Корсакову» («Грибоедовская Москва», стр. 110 — 111). Седьмая глава «Онегина» создавалась, действительно, в годы знакомства Пушкина с Корсаковыми — 1827 и 1828. Н. О. Лернер (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 344, и т. IV, стр. 99) высказал убеждение, что одна из двух Александр, внесенных в «Дон-Жуанский» список Пушкина, — Александра Александровна Римская-Корсакова (она в феврале 1832 года вышла замуж за князя Александра Николаевича Вяземского). «Был ли точно Пушкин влюблен в Сашу Корсакову?», спрашивает М. О. Гершензон и отвечает: «Кажется, что да; но наши сведения слишком скудны, чтобы можно было утверждать это положительно» (назв. соч., стр. 111). О программе Романа на Кавказских минеральных водах, в котором Пушкин предполагал вывести М. И. Римскую-Корсакову и ее дочь Александру, — см. статью Н. В. Измайлова в сборн. «Пушкин и его современники», вып. XXXVII.

— Персидская война, начавшаяся 16 июля 1826 г. с внезапного нападения персов на пикеты Русского лагеря при урочище Мираке, а официально объявленная лишь 16 сентября, закончилась 10 февраля 1828 года заключением Туркменчайского мирного трактата с Персией, по которому к России присоединены были ханства Эриванское и Нахичеванское.

— Алексей Петрович Ермолов, главнокомандующий Отдельным Кавказским Корпусом; никогда не любимый Николаем I, он был и скомпрометирован в его глазах тою, хотя и пассивною, ролью, которую ему склонны были приписывать в декабристском движении; поэтому он был уволен от занимаемых должностей и заменен генералом И. Ф. Паскевичем, который, по объявлении Ермолову бароном И. И. Дибичем указа об его увольнении 28 марта 1827 г., и вступил в командование Кавказским Корпусом и в управление Кавказским краем. Ермолов выехал из Тифлиса 3 мая.

— Сестра — О. С. Пушкина.

242. *П. А. Осиповой* (стр. 35). Впервые напечатано в «С-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 163 (в переводе) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 132; подлинник (на бумаге без вод. зн.) — в Гос. Публичной Библиотеке (см. Отчет за 1897 г., стр. 91); запечатан перстнем-талисманом.

Перевод: «Я очень виноват перед Вами, но не настолько, как Вы можете думать. Приехав в Москву, я тотчас писал Вам, адресуя письма мои на Ваше имя в Почтамт. Оказывается, Вы их не получили. Это меня обескуражило, и я не брал больше пера в руки. Так как вы изволите еще мною интересоваться, то что же мне вам сказать о пребывании моем в Москве и о приезде моем в Петербург? Пошлость и глупость обеих столиц наших равны, хотя и различны; и так как я имею претензию быть беспристрастным, то скажу, что если бы мне дали выбирать между тою и другим, то я выбрал бы Тригорское, — почти так, как арлекин,

№ 242. который, на вопрос, что̀ он предпочитает: быть колесованным или повешенным, отвечал: «я предпочитаю молочный суп». — Я уже накануне отъезда и непременно рассчитываю провести несколько дней в Михайловском. Покамест же от всего сердца приветствую вас и всех ваших.»

— Пушкин отвечает П. А. Осиповой на ее письмо, от которого сохранился до нас только конец и при котором она послала поэту список с послания Языкова к няне Пушкина; это послание прислано было Языковым Вульфу при письме от 18 мая 1827 г.:

ПОСЛАНИЕ К НЯНЕ.

Васильевна, мой свет, забуду ль я тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены
Священнодействовал при алтаре Камены —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Когда я навещал Великого Поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой!
Как сладостно твое святое хлебосольство
Наш баловало вкус и жажды своевольство,
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам и брашно подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола.
Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом,
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитренних суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно.

Няня Пушкина — Арина Родионовна (впоследствии Языков, узнав о том, что он ошибочно назвал ее Васильевной, первый стих переделал: «Свет Родионовна, забуду ль я тебя»; в таком виде послание было напечатано в «Северных Цветах на 1828 г.», отд. поэзии, стр. 43 — 44); до нас дошло два трогательных по тону письма ее к Пушкину, писанных под ее диктовку и посланных в Москву: от 30 января и от 6 марта 1827 г. (они хранятся ныне в Пушкинском Доме).

— Пушкин выехал из Москвы в Петербург, которого он не видел ровно 7 лет (с мая 1820 г.), в ночь с 19 на 20 мая 1827 г.: «Александр Пушкин, отправляющийся нынче в ночь, взялся доставить тебе это письмо», писал Александр Алексеевич Муханов (см. выше, письма № 232 и 233) своему брату Николаю 19 мая: «Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлениях, которые возбуждаются в нас его необычайными дарованиями. Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском, в котором, дробясь беспрестанно на мелочь, он только тогда делается для этих самок понятным» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина», вып. X, стр. 353 — 354; «Русск. Арх.» 1899 г., кн. III, стр. 295). — Князь Вяземский, сообщая Тургеневу о Московских новостях, писал ему 6 июня за границу: «Александр Пушкин поехал в Петербург. Кажется, сам еще не знает, что из себя сделает» («Остаф. Архив», т. III,

стр. 163). Любопытное показание о Пушкине в эту пору находим в Дневнике А. В. Никитенка под 8 июня 1827 г. Никитенко встретился с поэтом у Анны Петровны Керн, с которою незадолго перед тем познакомился и успел ею увлечься: «Когда я уже прощался с ней [Керн], пришел поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем, до самых глаз, выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи — прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства» («Моя повесть о самом себе... Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 168). 14 июня 1827 г. барон А. А. Дельвиг писал П. А. Осиповой: ... «Теперь мы в Ревеле, всякой день с милым семейством Пушкина [Сергея Львовича] любуемся самыми романтическими видами, наслаждаемся погодою и здоровьем и только чувствуем один недостаток: хотели бы разделить наше счастие с вами и Александром. Александр меня утешил и помирил с собой. Он явился таким добрым сыном, как я и не ожидал. Его приезд, вы можете одне чувствовать, как обрадовал меня и Сониньку [жену Дельвига]. Она до слез была обрадована, я — до головной боли. Ждем его сюда, пока еще сомневаемся, сдержит ли он обещание, и это сомнение умножит нашу радость, когда он сдержит слово»... (С подлинника; ср. «С. Петерб. Ведом.» 1866 г., № 163). В ноябре 1827 г. князь Вяземский спрашивал Пушкина из Москвы: «Часто ли обедаешь дома, то-есть в недрах Авраама? Сделай милость обедай чаще. Сергей Львов. верно в брата хлебосол и любит кормить. Родительскою хлеб-солью надобно дорожить. Извини мне, что даю тебе совет, но ты знаешь, как я люблю тебя» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 50). Он же в своей «Старой записной книжке» говорит, что «Александр Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих; но не в его натуре было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он, во время разлуки, редко писал родителям своим; редко и бывал у них, когда живал с ними в одном городе. «Давно ли видел ты отца?» Спросил его однажды NN. — «Недавно». — «Да как ты понимаешь это? Может быть, ты недавно видел его во сне? — «Пушкин был очень доволен этою уверткою и смеясь сказал, что для успокоения совести усвоит ее себе» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, стр. 1795).

— По поводу отзыва Пушкина о столицах — Петербурге и Москве — ср. то, что он о них пишет позже, в «Мыслях на дороге» («Москва»).

243. *М. П. Погодину* (стр. 35). Впервые напечатано в «Вестн. Европы» 1887 г., № 5, стр. 405; подлинник в б. Румянцовском Музее, в архиве Погодина, № 3515, Письма 1823 — 1827 гг., кн. I, л. 337, на четвертушке почтовой бумаги.

— Корректура — второй главы «Онегина», печатавшейся тогда под наблюдением С. А. Соболевского.

— «Байбак» было одним из прозвищ, которыми Пушкин называл своего приятеля; он назвал так Соболевского и в письме к Погодину от второй половины августа 1827 г. (см. ниже, № 251).

— Письмо Соболевского к Пушкину до нас не сохранилось.

— Silleri — Sillery — превосходный сорт белого шампанского.

244. *Н. М. Языкову* (стр.36). Впервые напечатано, как письмо, в статье Д. Н. Садовникова в «Историч. Вестнике» 1884 г., т. XIV, № 5, стр. 325 — 326; самое же послание, под заглавием «К Я.» и с двумя звездочками вместо подписи имени, которое указано было в оглавлении, напечатано в «Северных Цветах на 1829 год», в отделе поэзии, стр. 188 — 189. Подлинник — в Пушкинском Доме, которому подарен М. Д. Беляевым.

— «Пушкин давно уже собирался в Дерпт», пишет Н. О. Лернер по поводу этого послания к Языкову: «куда его приглашали и Языков, и А. Н. Вульф, и особенно привлекал своеобразный старо-немецкий колорит города; но ему так и не довелось там побывать. Пушкин был тогда

 в Петербурге, куда приехал недели три назад из Москвы, но обе столицы уже успели ему опротиветь... В Петербурге его действительно держали деловые заботы, между прочим, получение денег от Дельвига и Плетнева (который заведывал изданием «Евгения Онегина» и «Стихотворений»), — этих, действительно, «любезных должников». О запутанности денежных дел Пушкина в это время см., между прочим, в заметке В. И. Чернышева по поводу двух изданий «Братьев Разбойников» в 1827 г. — «Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 133 — 140 и 151 — 152. Собираясь быть летом в Михайловском, Пушкин еще в апреле звал туда Языкова (см. «Историч. Вестн.» 1883 г., декабрь, 525 — 526; «Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 319 — 320). 22 июня Языков писал брату Александру Михайловичу, что Пушкин напрасно ждет его на лето в Тригорское (l. с., стр. 526; «Язык. Арх.», стр. 334); Пушкин вырвался в деревню лишь в конце июля. Стихов у Языкова Пушкин просил для «Московского Вестника» (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. XXXIV).

— Киселев, упоминаемый в стихе 9-м, — Николай Дмитриевич (род. 1802, ум. 1869), брат упомянутого выше, в объяснениях к письму № 225, Сергея Дмитриевича; непродолжительное время — товарищ Языкова по Дерптскому Университету (где слушал лекции в 1820 — 1823 гг.), он затем служил по ведомству Иностранных Дел и умер, будучи Русским посланником во Флоренции («Остафьевский Архив», том III, стр. 683 — 684). Языков «воспел» его в двух посланиях: «Скажи, как жить мне без тебя» (1824) и «Я знаю, друг» (1825); несколько портретов его — в Пушкинском Доме, от Николая Петровича Киселева (1927).

— «Гербовые заботы» — быть может, заботы о долгах по векселям и обязательствам (которые, как известно, пишутся на особой, гербовой бумаге).

245. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 36). Впервые напечатано в изд. Суворина под ред. Ефремова, т. VII, стр. 277 — 278; подлинник в Пушкинском Доме; на письме помета Бенкендорфа: «Пригласить его в Среду в 2 часа в Петер-[бурге]», — т.-е. 6 июля, о чем Пушкину и сообщено было 5 июля (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 31).

— Письмо писано Пушкиным в тот же день, что и вторичное его показание по делу Алексеева и Леопольдова об отрывке из элегии «Андрей Шенье», приуроченном к событиям 14 декабря; это показание, подлинник которого — в Пушкинском Доме, — см. в книге И. А. Шляпкина: «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 339 — 340; ср. П. Е. Щеголев: «Пушкин. Очерки», С.-Пб. 1912, стр. 271. — 30 июня Бенкендорф поручил Московскому жандармскому генералу А. А. Волкову расследовать, сам ли Пушкин выбрал «подозрительную» виньетку, находящуюся на заглавном листе «Цыган», отпечатанных в Москве, в типографии А. Семена и вышедших в свет в середине мая («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 260). Волков ответил 6 июля (там же, стр. 261); 12 июля сам Бенкендорф из своего Эстляндского поместья Фалль доносил императору Николаю (по-французски): «Отец поэта Пушкина здесь [в Ревеле]; его сын приедет сюда на-днях. В день моего отъезда из Петербурга, этот последний, после свиданья со мной, говорил в Английском Клубе с восторгом о вашем величестве и побудил лиц, обедавших с ним, пить за здоровье вашего величества. Он всё-таки порядочный шелопай (un bien mauvais garnement), но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно» («Старина и Новизна», кн. VI, стр. 6).

246. *С. А. Соболевскому* (стр. 37). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1878 г., кн. III, стр. 394, с неверною датою (1828 вместо 1827 г.), указанною, впрочем, самим Соболевским на подлиннике письма, — очевидно, много лет спустя; подлинник был в Остафьевском архиве у гр. С. Д. Шереметева, в бумагах Соболевского (Avant les voyages, № 116); ныне в Центрархиве.

— Это письмо, говорит П. И. Бартенев: «писано вслед за кончиною матери Соболевского, которая во всю его жизнь была ему святынею. Избалованный юноша очутился только с теми деньгами, которые мать запи-

сала на его имя еще при его рождении, и должен был прекратить широкую жизнь и барские затеи. Богатые поместья его матери достались законным наследникам Давыдовым и Апраксиным, а сыну любви пришлось подумать, как упорядочить свое благосостояние, для чего он и занялся Самсониевскою бумагопрядильнею в Петербурге, предварительно побывав в чужих краях и выучившись фабричному производству и порядкам управления. Когда умирала старуха-мать, друзья Соболевского уговаривали его, чтоб он напомнил ей о своем обеспечении; но огорченный Соболевский не решился побеспокоить умиравшую. Узнав об этом, А. С. Пушкин написал ему очень сочувственное, горячее письмо, которое мы читали у Соболевского, но которого теперь в его бумагах не оказалось; в этом письме Пушкин говорил, что до тех пор только любил его, а теперь и уважает» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 394; ср. 1870 г., ст. 2141). 8 июля 1827 г. князь П. А. Вяземский сообщал А. А. Муханову из Остафьева: «Каткова [чит. Лобкова] умерла и, сказывают, ничего не успела завещать Соболевскому. Я давно его не видал. Жаль, если правда» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина», вып. IX, М. 1901, стр. 193). К памяти своей матери, по словам П. И. Бартенева, Соболевский «питал почтительную, нежную привязанность и в последние свои годы нередко ездил на ее могилу», рядом с которой и сам был погребен в 1870 г. («Русск. Арх.» 1896 г., кн. III, стр. 561). № 246.

— Мать Соболевского — вдова бригадира Анна Ивановна Лобкова, рожд. Игнатьева (внучка генерал-поручика и Андреевского кавалера Степана Лукича Игнатьева, коменданта Петропавловской крепости времен Анны и Елизаветы), умерла в начале июля 1827 г. («Моск. Ведом.» 1827 г., № 104, стр. 4316); его отец, Александр Николаевич Соймонов, умер в 1856 году, 76 лет, но Соболевский относился к нему «с холодным равнодушием, хотя и не прекращал с ним сношений» (В. И. Саитов, статья о Соболевском в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко», С.-Пб. 1913, стр. 203).

— «Цыганы» Пушкина были напечатаны в Москве, в типографии Августа Семена, и вышли в свет в середине мая. В знак особого своего расположения к Соболевскому, страстному библиофилу, Пушкин напечатал один экземпляр этой поэмы на пергаменте и преподнес его Соболевскому («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 381).

— Полторацкий — Сергей Дмитриевич (род. 1803, ум. 1884), известный впоследствии библиофил и библиограф, напечатавший несколько заметок о Пушкине (между прочим, в Парижском «Revue Encyclopédique») и опубликовавший некоторые его письма в 1840 — 1860 гг.; в 1855 г. он издал в Лейпциге «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина. В 1818 г. он учился в только что открытом Ришельевском Лицее в Одессе, но пробыл в этом учебном заведении не долго и уже в 1819 — 1820 гг., будучи воспитанником Муравьевского Училища для колонновожатых, участвовал в собраниях молодых людей, большею частию из воспитанников Московского Университета и Благородного Пансиона, устраивавшихся у С. Е. Раича для его учеников, где бывали Погодин, Шевырев, Одоевский, Кошелев и другие писатели. К весне 1821 г. он, повидимому, был уже знаком с Пушкиным («Русск. Стар.» 1887 г., № 10, стр. 131). С годами Полторацкий, в 1827 году вышедший в отставку из военной службы, сделался страстным и притом несчастным игроком. Так, 13-го апреля 1827 г. А. Я. Булгаков сообщал своему брату из Москвы, что там «недавно обыграли молодого Полторацкого, что женат на Киндяковой, на 700.000 рублей: тут потрудились Американец Толстой и Исленев, а теперь известный разбойник Нащокин [Петр Александрович] обдул какого-то молодого человека, коего увез играть в Серпухов» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 31); через неделю Булгаков писал: «Дело Полторацкого не хороший берет оборот: его обыграли на 700.000. Он писал пресильное письмо и жалобу князю Дм. Вл. [Голицыну], рассердясь, что не хотели с ним мириться и сделать уступку. Играло тут много: называют Исленева, Голицына, что женат на Кутайсовой, Пашкова и других. Волков [жандармский генерал] следует это дело» (там же, стр. 32), — за

№ 247. которое Полторацкий был взят под опеку (там же, стр. 540). Тогда же, может быть, и Пушкин играл с Полторацким (ср. ниже, в письме № 279). При печатании впоследствии, в «Полярной Звезде», писем Рылеева к Пушкину по копии, снятой с подлинников самим Полторацким, Герцен, со слов последнего, писал: «С. Д. П[олторацкий] несколько раз просил у Пушкина этих писем для того, чтобы списать их. Пушкин всё отказывался, обещаясь подарить ему самые письма. Раз за игрою П[олторацкий] ставил 1000 р. асс. и предлагал Пушкину против этой суммы поставить письма Рылеева. В первую минуту Пушкин было-согласился, но тотчас же опомнился, воскликнув: «Какая гадость! проиграть письма Рылеева в банк! Я подарю вам их!» Но Пушкин всё откладывал исполнение своего обещания, так что Полторацкий решился как-то перехватить их у него и списал. После этого Пушкин всё еще не отступался от намерения подарить их ему, но, как говорит Полторацкий, вероятно, всё забывал» («Полярная Звезда на 1861 год», Лондон. 1861, стр. 33). Что Пушкин в это время предавался карточной игре, видно из донесения 13 июля 1827 г. фон-Фока Бенкендорфу о наблюдениях тайной агентуры за графом Александром Петровичем Завадовским: фон-Фок сообщал имена лиц, посещавших графа, при чем среди них был назван и Пушкин: «Пушкин, сочинитель, был там несколько раз. Он кажется очень изменившимся и занимается только финансами, стараясь продавать свои литературные произведения на выгодных условиях. Он живет в гостинице Демута, где его обыкновенно посещают: полковник Безобразов, поэт Боратынский, литератор Федоров и игроки Шихмаков и Остолопов. Во время дружеских излияний он совершенно откровенно признается, что он никогда не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского, который, по всем данным, собранным с разных сторон, должен быть человеком весьма опасным» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е. Лгр. 1925, стр. 67, 68). Тот же фон-Фок в записке, составленной для Бенкендорфа в самом конце 1827 года, сообщая о приезде в Петербург Погодина, издателя «Московского Вестника», писал, что Погодин является только *по имени* издателем, но что главными начальниками редакции этого журнала суть «Соболевский, Титов, Мальцов, Полторацкий, Шевырев, Рагозин [читай Рожалин] и еще несколько истинно бешеных либералов» («Русск. Стар». 1902 г., № 1, стр. 34), и что Полторацкий с Титовым намечены для «редактирования» политического отдела в журнале (там же). К 25-му марта 1829 г. относится единственная записка Пушкина к Полторацкому, — см. ниже, № 290.

— Переговорить о будущем, — быть может о совместной поездке за границу: см. ниже, в объяснениях к письму № 257.

— В конце сентября 1827 г. Соболевский собирался из Петербурга к Пушкину в Михайловское по делам «Московского Вестника», в редакции которого принимал тогда участие (см. Б. Л. Модзалевский. «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е. Лгр. 1925, стр. 72).

247. *Е. М. Хитрово* (стр. 37). Впервые напечатано в отдельном издании писем Пушкина к Е. М. Хитрово, выпущенном Пушкинским Домом, Лгр. 1927, стр. 1; подлинник в Пушкинском Доме; он писан на листе почтовой бумаги обыкновенного формата без водяных знаков; письмо сложено конвертом и запечатано перстнем-талисманом.

Перевод: «Не знаю, как выразить вам свою благодарность за участие, которое Вам угодно было проявить к моему здоровью. Мне почти совестно чувствовать себя так хорошо. Одно крайне несносное обстоятельство лишает меня сегодня счастия быть у вас. Соблаговолите принять мои сожаления и извинения, равно как и выражение моего глубокого уважения. Пушкин. 18 июля». *На обороте*: Г-же Хитровой.

Год написания письма определяется лишь предположительно, но официально-светская форма обращения к Хитрово дает основание отнести его к ранним годам знакомства Пушкина с нею, т.-е. к 1827 или, самое позднее, — к 1828 г. (в последующие годы, 1829 — 1831, Пушкин и Хитрово не были в июле, когда написано письмо, в одном и том же месте). Таким

образом, эта записка (которую всё же нам представляется более вероятным отнести к 1827 году) является первым следом знакомства и отношений Пушкина к Е. М. Хитрово. № 247.

— Елизавета Михайловна Хитрово (род. 1783) — любимая дочь фельдмаршала, светлейшего князя М. И. Голенищева - Кутузова - Смоленского; бывшая фрейлина, в 1802 г. вышедшая замуж за флигель-адъютанта графа Ф. И. Тизенгаузена, но в 1805 г. овдовевшая (ее муж умер от ран, полученных под Аустерлицем) и оставшаяся с двумя дочерьми, графинями Екатериной (впоследствии камер-фрейлиною) и Дарьею, «Долли» (вышедшею в 1821 г. за Австрийского посланника во Флоренции, а затем (1829 — 1839), в Петербурге графа Карла-Людвига Фикельмонта). В 1811 г. Елизавета Михайловна снова вышла замуж за генерала Николая Федоровича Хитрово, занимавшего в 1815 — 1817 гг. пост русского посланника во Флоренции и умершего в 1819 году. Проживая за-границей, она в 1823 г., осенью, приезжала в Москву. Князь Вяземский, рассказывая А. И. Тургеневу о ней и о ее дочери, графине Фикельмонт, пишет: «Третьего дня мать говорила о себе: «Quelle est ma destinée! Si jeune encore et déjà deux fois veuve», — и так спустила шаль — не с плеч, а со спины, что видно было, как стало бы ее еще на три или на четыре вдовства» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 355). Граф М. Д. Бутурлин, упомянув о своей встрече с Е. М. Хитрово в Вене в 1824 году, говорит, что она была «склонна к экзальтации». преувеличениям и приводит примеры ее чрезвычайного простодушия («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II. стр. 6 — 7). Впоследствии она поселилась в Петербурге с незамужнею дочерью Екатериной и вела здесь открытый образ жизни, принимая в своей гостиной представителей высшего света. А. О. Смирнова в Записках своих, вспоминая о конце 1828 года, пишет: «Первый танцовальный [вечер] был Элизы Хитровой. Она приехала из-за границы с дочерью, графиней [Е. Ѳ.] Тизенгаузен, за которую будто сватался Прусский Король. Элиза гнусавила, была в белом платье, очень декольте; ее пухленькие плечи вылезали из платья; на указательном пальце она носила Георгиевскую ленту и часы фельдмаршала Кутузова и говорила: «Il a porté celà à Borodino». Пушкин был на этом вечере и стоял в уголке за другими кавалерами... Элиза пошла в гостиную, грациозно легла на кушетку и позвала Пушкина. Всем известны стихи про нее Пушкина: «Лиза в городе жила» ... («Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 190). Повествуя об Е. М. Хитрово и об ее салоне, князь П. А. Вяземский пишет: «В летописях Петербургского общежития имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем продолжавшиеся от часу до четырех по-полудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмонт, неизгладимо врезаны в память тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах», в которых «можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи Французского или Английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение и текущих событий; был и premier Pétersbourg с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, — эта всемирная, изустная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин... В числе сердечных качеств, отличавших Е. М. Хитрову, едва ли не первое место должно занять, что она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить не мудрено; но в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь за себя неблагоприятных последствий, личных пожертвований от ярой битвы не за себя, а за другого». (Соч., т. VIII, стр. 493). Граф В. А. Соллогуб, посвятивший ей свое первое стихотворение, которое исправлял, а потом перевел на французский язык Лермонтов («Отеч. Зап.» 1841 г., кн. 2; см. Записки графа Сол-

№ 247. логуба, стр. 156), говорит, что Е. М. Хитрово «никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не могла назвать ее избранником, что в те времена была большая редкость». Она «даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той всепрощающей добротой, которая только встречается в настоящих больших барынях». В ее салоне, — который он называет «самым оживленным, самым эклектическим», — «кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого[?] и двух-трех других тогдашних модных литераторов». В ее спальне, где она иногда, лежа в кровати поздним утром, принимала избранных посетителей, было излюбленное «кресло Пушкина», «диван Жуковского», «стул Гоголя» и т. д.... «У Елизаветы Михайловны были знаменитые своею красотою плечи; она, по моде того времени, часто их показывала — и даже сильно их показывала» («Воспоминания», С.-Пб. 1887, стр. 132 — 133). «Уже на 50 году», пишет Н. М. Смирнов: она «не переставала оголять свои плечи и любоваться их белизною и полнотою» («Руск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 238). Князь Вяземский также подшучивал над этою слабостью Е. М. Хитрово. «Это истина», писал он по одному поводу А. О. Смирновой уже в 1837 г.: «совсем голая, как плечи нашей приятельницы. Глядя на нее, Василий Перовский сказал однажды: «пора бы уже давно набросить покрывало на прошедшее» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 302). Пушкину с большею или меньшею достоверностью (см. «Русск. Стар.» 1880, т. XXVIII, стр. 330 и 572 — 573) приписывается известная эпиграмма на Е. М. Хитрово (написанная в подражание стихотворению Карамзина «Выбор жениха»):

Лиза в городе жила
С дочкой Долинькой,
Лиза в городе слыла
Лизой голенькой.
У Австрийского посла
Нынче Лиза в grand gala
Не постарому мила,
Но по старому гола.[1]

Отношение её к поэту было восторженное и доходило до поклонения. По выражению князя П. П. Вяземского, Хитрово «питала к Пушкину самую нежную, страстную дружбу», проявляя и в данном случае «доблестные Кутузовские традиции: большое уважение к проявлениям общественной деятельности и горячую любовь ко всему, что составляет славу Русского имени» (Соч., стр. 521). 18 марта 1830 г. она писала Пушкину (по французски): «Я сообщу вам, что третьего дня вечером я была в совершенной радости. Великий князь Михаил Павлович приехал провести вечер с нами и, при виде вашего или, вернее, ваших портретов, он сказал мне: «Знаете ли, что я никогда не видал Пушкина совсем вблизи. У меня было против него большое предубеждение, но по всему, что до меня доходит, я весьма желаю его узнать и особенно желаю иметь с ним продолжительный разговор». Он кончил тем, что попросил у меня «Полтаву». Как я люблю, чтобы вас любили!» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 123). — «Некоторая беспечность нрава» Пушкина, говорит Н. М. Смирнов, «позволяла часто им овладевать; так, например, Хитрово, женщина умная, но странная..., возымела страсть к гению Пушкина и преследовала его несколько лет своею страстью. Она надоела ему несказанно, но он никогда не мог решиться огорчить ее, оттолкнув от себя, хотя, смеясь, бросал в огонь, не читая, ее ежедневные записки; но, чтобы не обидеть ее самолюбие, он не переставал часто навещать ее в приемные часы ее перед обедом» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 238). Несколько писем

[1] Граф Соллогуб в «Записках» своих приводит несколько иной — несомненно худший—текст стихов (стр. 133).

и записок Е. М. Хитрово к Пушкину (начиная с марта 1830 г.), однако, сохранилось; они свидетельствуют об удивительной, восторженной привязанности ее к поэту (см. Акад. изд. Переписка, т. II, стр. 122 — 123, 148 — 149, 152 — 153, 324, 399 и т. III, стр. 377), которую Катенин называет «обожанием» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. III, стр. 207), князь же Вяземский говорит, что Хитрово одно время «пылала языческой любовью» к Пушкину» («Остаф. Архив», т. III, стр. 193); это, вероятно, и дало повод поэту шутя сравнить Хитрово с женою Пентефрия, воспылавшею страстью к прекрасному, невинному Иосифу... В письмах своих Пушкин не раз упоминает о Хитрово,— и всегда с оттенком насмешки. «Лиза голенькая пишет мне отчаянное политическое письмо», говорит он Вяземскому 2 января 1831 г.,— незадолго до своей женитьбы, а 26 марта, уже после свадьбы, сообщая Плетневу из Москвы, что он живет на Арбате в доме Хитровой, прибавляет: «Дом сей нанял я в память моей Элизы; скажи это южной ласточке, смуглорумяной красоте нашей [т.-е., А. О. Россетти?]». В письме к Вяземскому от 14 августа того же года, мечтая об издании, «с помощью божией и Лизы голенькой», трехмесячного журнала, он прибавляет: «Кстати: Лиза написала-было мне письмо в роде духовной: croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au delà du tombeau и проч., да и замолкла; я спокойно себе думаю, что она умерла, — что же узнаю? Элиза влюбилась в вояжера Mornay да с ним кокетничает! Каково? О femme, femme! Créature faible et decevante»... «Ты, кажется, ревнуешь к Голенькой», подшучивает Вяземский в ответном письме: «Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мне о каком-то Mornay. Впрочем, не беспокойся и не верь клевете»... В 1832 г. Пушкин в записке к княгине Вяземской шутит, говоря, что Хитрово готова самоотверженно пожертвовать собою для излечения душевно-больного Батюшкова, которого хотели попробовать лечить общением с женщиною... «Кланяйся и всем моим прелестям: Хитровой первой»,— пишет он жене из Болдина 8 октября 1833 г.: «Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь,— с твердостью, достойной дочери князя Кутузова». В 1834 г., летом, Е. М. Хитрово принимала участие в улажении эпизода с неудачной и неловкой попыткой Пушкина выйти в отставку (см. Акад. изд. Переписки. т. III, стр. 147), а ранее, в 1832 году, при посредстве Пушкина, старалась помочь А. П. Керн, бывшей тогда «в тесных обстоятельствах» (там же, стр. 387 — 388, и «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 154 — 155). Хитрово сохранила свои чувства к Пушкину до самой смерти поэта, которую оплакала горючими слезами («Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 572 — 573) и после которой не убоялась «безусловно и исключительно» стать на сторону защитников памяти Пушкина от великосветских нареканий, пересудов и поношения и, по свидетельству князя Вяземского, «глубоко оплакивала в нем друга и славу России» (Соч., т. VIII, стр. 493). Она была в числе тех, кому были разосланы анонимные, оскорбительные для чести Пушкина письма, и получила от него ответное письмо по этому поводу, до нас не сохранившееся (П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина»—«Пушкин и его соврем.», вып. XXV—XXVII, стр. 069 — 070), как и некоторые письма к ней поэта, за исключением 27 разного размера писем и записок, в 1925 г. найденных в библиотеке дома кн. Юсуповых в Ленинграде, переданных в Пушкинский Дом и изданных им в 1927 г. особым изданием под редакцией и с комментариями М. Д. Беляева, Н. В. Измайлова, Б. Л. Модзалевского и Б. В. Томашевского и с пояснительными статьями, в которых подробно рассмотрены письма Пушкина и определено всё большое значение их для понимания взглядов поэта на современную ему французскую литературу, на политические события (Польское восстание и Июльская революция во Франции) и для биографии Пушкина («Пушкин и Е. М. Хитрова» — очерк Н. В. Измайлова). № 247.

Хитрово немногим пережила Пушкина: она скончалась в Петербурге 3 мая 1839 г. Узнав о ее смерти, графиня Е. П. Ростопчина написала прочувствованное стихотворение, посвященное ее памяти, и отметила в нем ее «осеннюю, но свежую красу», просвещенность, доброту души и то,

 что она «друг Пушкина была» (ср. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. III, С.-Пб. 1910, стр. 9—13; перепечатано в «Русск. Арх.» 1911 г., кн. III, стр. 218—222, и в «Дневнике» Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, Лгр. 1923 г., и Московское издание «Дневника», 1923 г.). По словам П. И. Бартенева, «собою она была невзрачна,— полная, жирная и походившая лицом на отца — фельдмаршала» («Русск. Арх». 1911 г., кн. III, стр. 220). Литографированный портрет ее — в Пушкинском Доме (снимок с него и с бюста Хитрово — в указанном издании Писем к ней Пушкина).

248. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 38). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 699 — 700, и в издании Суворина под ред. Ефремова, т. VII, стр. 278—279 (полнее); подлинник — в Пушкинском Доме. Набросок, упомянутый В. Е. Якушкиным в описании рукописей Пушкина («Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIII, стр. 33), напечатан в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 33—34, как черновик к этому письму, между тем как он представляет собою черновое письмо к А. С. Шишкову от января 1825 г. (см. его в т. I нашего издания, № 116, стр. 112 и объяснения, стр. 386 — 387), которым Пушкин 20 июля 1827 г. лишь воспользовался, составляя письмо к Бенкендорфу.

— Об Евстафии Ивановиче Ольдекопе и об его «плутне»—перепечатке в 1824 г. текста «Кавказского Пленника» при немецком его переводе, сделанном Вульфертом, см. выше, в т. I, в письмах № 66, 92, 98, 107, 118, 120 и ниже, № 255 и 257. В деле этом Пушкина интересовала не столько материальная сторона—причинение ему денежного убытка,—сколько принципиальная, т. е. посягательство на литературную собственность писателя; это он определенно высказал в своем письме к Бенкендорфу от 10 сентября 1827 г. — см. ниже, № 255.

— Просьба С. Л. Пушкина к начальству, т. е. к тогдашнему Министру Народного Просвещения А. С. Шишкову, заслушанная в заседании С.-Петербургского Цензурного Комитета 7 июля 1824 г., изложена в статье Ю. Г. Оксмана: «Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 году» — в Одесском сборнике «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. I, 1925 г., стр. 6 — 11.

— О литературных заработках Пушкина и об отношении его к «ремеслу писателя» см., между прочим, у В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924, стр. 91 — 98.

— Бенкендорф ответил Пушкину письмом от 22 августа за № 1936, в котором писал: «На письмо ваше о перепечатании Г. Ольдекопом Кавказского Пленника вместе с Немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что́ Родителю Вашему объявлено было теми, от которых это зависело. Перепечатание ваших стихов, вме́сте с переводом, вероятно последовало с позволения Цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где находятся положительные законы насчет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 38).

— Письмо свое к Бенкендорфу и следующее за сим письмо к нему же Пушкин отправил перед самым отъездом своим в Михайловское,— и ответы шефа жандармов были доставлены к П. А. Плетневу, который в письме к Пушкину от 27 августа переписал почти дословно оба ответа Бенкендорфа (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 40).

— Ответ Пушкина на письмо Бенкендорфа см. ниже, под № 255.

— 249. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 38). Впервые напечатано в издании Суворина, под ред. Ефремова, т. VII, стр. 279; подлинник — в Пушкинском Доме.

— Из ответа Бенкендорфа Пушкину от 22 августа 1827 г. за № 1937 видно, какие стихотворения Пушкин представил на высочайшую цензуру: «Представленные вами новые стихотворения ваши государь император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение:

1. Ангел к напечатанию дозволяется.

2. Стансы, а равно 3) и третья глава Евгения Онегина тоже.

4. Графа Нулина государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными, а именно следующие два стиха: № 250.

Порою с барином шалит
Коснуться хочет одеяла.

Впрочем прелестная пиеса сия позволяется напечатать.

5. Фауст и Мефистофель позволено напечатать, за исключением следующего места:

Да модная болезнь: она
Недавно нам подарена.

6. Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 39). Текст этих «Песен» нам неизвестен, кроме черновиков двух записей (см. Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 77); в Пушкинском Доме, в архиве Плетнева, имеются лишь Погодинские копии с песен о Стеньке Разине, — быть может по записям Пушкина.

— Содержание ответа, данного Бенкендорфом и полученного, вследствие отъезда Пушкина в Михайловское, П. А. Плетневым, последний сообщил поэту в письме своем к нему от 27 августа (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 40). За получением ответа на просьбу Пушкина Плетнев был вызван в III Отделение следующею запискою: «Д. С. Сов. Максим Яковлевич фон-Фок. свидетельствуя свое почтение Его Высокоблагородию Петру Александровичу, покорнейше просит, не угодно ли ему будет пожаловать завтрашнего числа в час пополудни в III-е Отделение собственной канцелярии его императорского величества, для получения некоторых сочинений Александра Сергеевича Пушкина. 22 августа 1827 г. № 1938.—Его Высокоблагородию П. А. Плетневу» («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.Пб. 1906, стр. 56).

— Пушкин благодарил Бенкендорфа за сообщенный ему отзыв Николая I о его стихотворениях письмом от 10 сентября 1827 г. (см. ниже, № 255).

— Записку о деле с Ольдекопом см. в предыдущем письме № 248.

250. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 39). Впервые напечатано, без стихов, с пропусками имен Погодина и Булгарина и без адреса, в статье В. П. Гаевского о Дельвиге — в «Современнике» 1853 г., т. XXXVII, кн. 2, отд. III, стр. 58, примеч. (одна фраза) и 1854 г., т. XLVII, кн. 9, отд. III, стр. 10, а затем — в «Материалах» Анненкова, стр. 194 — 195, и в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр., 98 — 99 (полнее, но с неверною датою); по подлиннику, бывшему в руках В. П. Гаевского из бумаг В. Н. Щастного, а теперь принадлежащему Б. Л. Модзалевскому, впервые печатается полностью в нашем издании.

— Элегия, которою начинается письмо, написана Пушкиным на смерть Амалии Ризнич, рожд. Риппа, настойчивым и страстным поклонником которой он был в Одессе, где муж этой красавицы, Иван Степанович Ризнич, был видным негоциантом (о нем см. в «Архиве Раевских», под. ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 239 — 240, и статью А. А. Сиверса в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XXXI — XXXII). Ризнич умерла заграницей в мае 1825 г., о чем Пушкин узнал от В. И. Туманского, который написал на ее смерть стихотворение, посвященное Пушкину, помеченное 5-м июля 1825 г. и напечатанное в альманахе «Северная Лира на 1827 год» под заглавием «На кончину Р*... Сонет. (Посвящ. А. С. Пушкину)»:

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо юга.

№ 250.

К твоим стопам с горячностию друга
Склонялся мир — твои оковы нес,
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.
И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? Где страстные рыданья?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,
Уж новый огнь волнует душу их,
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

Об А. Ризнич и стихотворениях Пушкина, ею вызванных, см. в книге П. Е. Щеголева: «Пушкин. Очерки», С.-Пб. 1912, стр. 136 — 225. Здесь только подчеркнем, что под стихотворением Пушкин поставил *1826 год,* почему Анненков и отнес его именно к этому году, и укажем, что оно было напечатано в «Северных Цветах на 1828 год», отд. поэзии, стр. 51; в этом же альманахе (вышедшем в конце декабря 1827 г. и украшенном гравированным Уткиным портретом Пушкина с оригинала Кипренского) были напечатаны: «Отрывки из писем, мысли и замечания» (без подп.), «Граф Нулин», «Отрывок из Бориса Годунова» («Граница Литовская»), «Ангел» («В дверях Эдема Ангел нежный...») и «Череп» (Послание к Д.), с подп. Я).

— «Отрывок из Онегина» появился не в «Северных Цветах»: Пушкин послал его Погодину для «Московского Вестника» (см. следующее письмо № 251). Один из сотрудников «Московского Вестника» — В. П. Титов писал Погодину из Петербурга 18 июля 1827 г.: «Без сомнения величайшая услуга, какую бы мог я оказать вам, это держать Пушкина в узде, да не имею к тому способов. Дома он бывает только в 9 ч. утра, а я в это время иду на службу царскую; в гостях бывает только в клубе, куда входить не имею права; к тому же с ним надо нянчиться до чего я не охотник и не мастер. У него часто бывает Сомов и т. п.; последний взял у него, как говорят, для *Северных Цветов* отрывок из *Онегина* и *Годунова.* Я желал бы знать от Вас, много ли он вам оставил и что обещал? Ибо на его скорый возврат не рассчитывайте. Уведомьте об этом скорее. Я жду возвращения Дельвига из Ревеля: кажется мы друг другу понравились, к тому же он знаком с дядею моим [Д. В. Дашковым, «арзамасцем»], и мы верно сладим; он имеет влияние на Пушкина» (Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 71 — 72).

— Барон А. И. Дельвиг, живший тогда у своего дяди, барона А. А. Дельвига, рассказывает в своих Воспоминаниях, что 17 октября 1827 г., в день его именин, Пушкин, только что приехавший из Михайловского в Петербург, пришел к своему другу и «привез с собой подаренный его приятелем Вульфом череп от скелета одного из моих [Дельвига] предков, погребенных в Риге, похищенный поэтом Языковым, в то время Дерптским студентом, и вместе с ним превосходное стихотворение свое «Череп», посвященное А. А. Дельвигу и начинающееся строфою:

Прими сей череп, Дельвиг, — он
Принадлежит тебе по праву;
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу...

«Пили за мое здоровье за обедом из этого черепа, в котором Вульф, подаривший его Пушкину, держал табак». Чтобы для простоты и скорости провести стихотворение через общую цензуру, минуя высочайшую, Пушкин подписал его буквою Я., сказав: «Никто не усумнится, что *Я — я*» («Мои Воспоминания», т. I, М. 1912, стр. 71 — 72).

— Вдохновение приходило к Пушкину обыкновенно с наступлением осени, о чем сам он не раз упоминает в письмах и в стихах. Н. М. Смирнов, рассказывает по этому поводу: «Осенью он обыкновенно удалялся на два и три месяца в деревню, чтобы писать и не быть развлекаемым. В деревне

он вел всегда одинаковую жизнь, весь день проводил в постеле с карандашом в руках, занимался иногда по 12 часов в день, поутру освежался холодною ванною; перед обедом, несмотря даже на непогоду, скакал несколько верст верхом, и когда уставшая под вечер голова требовала отдыха, он играл один на бильярде или призывал с рассказами свою старую няню. Однажды он взял с собою любовницу. «Никогда более не возьму никого с собою», говорил он мне после: «бедная Лизанька едва не умерла со скуки; я с нею почти там не виделся». — Ибо, как скоро приезжал он в деревню и брался за перо, лихорадка переливалась в его жилы, и он писал, не зная ни дня, ни ночи. Так писал он, не покидая почти пера, каждую главу «Онегина», так написал он почти без остановки «Графа Нулина» и «Медного Всадника» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232). Ср. еще ниже, в следующем письме № 251 и в объяснениях к нему, стр. 257, а также в письмах №№ 275 и 366 и в объяснениях к ним. См. также статью А. А. Тамамшева: «Опыт анализа осенних мотивов в творчестве Пушкина» в сб. «Пушкинист», под ред. С. А. Венгерова, вып. II, Пгр. 1916, стр. 159—203. № 250.

— «Принялся я за прозу»; Анненков пишет по этому поводу: «Он точно принялся за прозу, и это была первая проза, выражаясь его словами, которую представил он публике на другой год в форме *Мыслей и замечаний,* напечатанных в Северных Цветах на 1828 год... В то же лето и начало осени 1827 года Пушкин написал уже большую часть исторической повести *Арап Петра Великого,* которая задумана была еще в 1826 году. Романом этим Пушкин положил основание простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался его достоянием и не имел подражателей» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 198; ср. в Дневнике А. Н. Вульфа: Майков, «Пушкин», стр. 176—178).

— До Языкова вскоре дошел слух, что Пушкин в деревне «пишет историю Петра I и Александра I», хотя 13 октября он и спрашивал Вульфа, правда ли это и «что это значит?» («Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 343 и 413; ср. в Дневнике Вульфа — у Л. Майкова, «Пушкин», стр. 178).

— Дельвиг проводивший с женою лето в Ревеле (как и родители Пушкина с дочерью), писал оттуда П. А. Осиповой (см. выше, стр. 245, объяснения к письму № 242). «Не знаем», говорит его биограф В. П. Гаевский: «много ли и что именно написал Дельвиг в то лето, но впечатления поездки заметны только в сонете Русскому флоту, написанном под влиянием величественного зрелища морских маневр» в июле 1827 г. и напечатанном — лишь после смерти Дельвига — в «Северных Цветах на 1832 год» (стр. 6). — «Заспанною» Пушкин называет Музу Дельвига потому, что Дельвиг отличался большою леностью. «Лучший из друзей, уж, конечно, он был и лучшим из мужей», пишет А. П. Керн: «я никогда его не видала скучным или неприятным, слабым или неровным. Один упрек только сознательно ему можно сделать, — это за лень, которая ему мешала работать на пользу людей. Эта же лень делала его удивительно снисходительным к слугам своим, которые могли быть всё, что им было угодно: и грубыми, и пренебрежительными; он на них рукой махнул, и если б они вздумали на головах ходить, я думаю, он бы улыбнулся и сказал бы свое обычное «Забавно»!... («Пушк. и его соврем.», вып. V, стр. 142). В известной пародии на «Смальгольмского барона» Жуковского «Русская Баллада» («До рассвета поднявшись, извозчика взял»....) про Дельвига говорится между прочим:

....А с бароном я слажу. Барон только спит
Среди ночи, средь белого дня....

(«Русск. Арх.» 1870, стр. 1008). Вспомним еще Лицейскую песню, в которой был куплет: Дельвиг мыслит на досуге: Можно спать и в Кременчуге (К. Я. Грот, «Пушкинский Лицей». С.-Пб. 1911, стр. 229) и стихотворение Пушкина «Пирующие студенты».

— О Булгарине см. выше, в. т. I, письмо № 74 и объяснения к нему.

№ 251. — Сомов, Орест Михайлович (род. 1793, ум. 1833), — журналист, сотрудник «Северной Пчелы» и «Сына Отечества», талантливый писатель, соредактор Дельвига по «Северным Цветам» с 1827 г., а затем и по «Литературной Газете» (см. выше, в т. I, в письме № 66 и в объяснениях к нему, стр. 290). «Сомов, в лагере Греча и Булгарина, а прежде в лагере Измайлова, писал эпиграммы и статьи против Дельвига, и потому появление его в обществе Дельвига было очень неприятно встречено этим обществом», — рассказывает барон А. И. Дельвиг. «Наружность Сомова была также не в его пользу. Вообще постоянно чего-то опасающийся, с красными, точно заплаканными глазами, он не внушал доверия. Он не нравился и жене Дельвига. Пушкин выговаривал Дельвигу, что тот приблизил к себе такого неблагонадежного и мало способного человека. Плетнев и все молодые литераторы были того же мнения. Между тем все ошибались на счет Сомова. Он был самый добродушный человек, всею душою предавшийся Дельвигу и всему его кружку и весьма для него полезный в издании альманаха «Северные Цветы» и впоследствии «Литературной Газеты». Дельвиг не мог бы сам издавать «Северные Цветы», что прежде исполнялось книгопродавцем Слёниным, а тем менее «Литературную Газету». Вскоре однако же все переменили мнение о Сомове. Он сделался ежедневным посетителем Дельвига или за обедом, или по вечерам. Жена Дельвига и всё его общество очень полюбили Сомова. Только Пушкин продолжал обращаться с ним с некоторою надменностью» («Мои воспоминания», М. 1912, т. I, стр. 76). С. Н. Брайловский в своей заметке «Пушкин и О. М. Сомов» («Пушк. и его соврем.», вып. XI, стр. 95 — 100) попытался доказать, что «между Пушкиным и Сомовым существовали очень близкие и дружеские отношения». См. еще его же статью: «К вопросу о Пушкинской плеяде. Историко-литературные материалы и исследования. I. Орест Михайлович Сомов» (отт. из «Русского Филологического Вестника» 1908 г., № 4, и 1909 г., № 1 — 4, Варшава. 1909, 151 стр.). В Акад. издании. Переписки напечатано остроумное, писанное старинным языком письмо, Сомова к Пушкину от 20 ноября 1829 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 101 — 102).

— «Вечер у Карамзина» — статья Булгарина «Встреча с Карамзиным (1819)»; она не была напечатана в «Северных Цветах» Дельвига, а появилась в альманахе «Альбом Северных Муз» 1828 г., стр., 150 — 164 (перепечатано в Сочинениях Булгарина, ч. III, стр. 178 — 202). Пушкин уже в июле 1826 г., через полтора месяца после кончины Карамзина, «бесился» на «холодные, глупые и низкие» статьи об историографе и взывал к Вяземскому, убеждая его написать «жизнь» Карамзина (письмо № 210 и объяснения к нему, стр. 167) и повторял об этом в ноябре (письмо № 221). Любопытно отметить, что в тот же день, что Вяземский вспомнил о Карамзине, т.-е. 31 июля 1827 г., Пушкин написал свой известный «Акафист» дочери Карамзина Екатерине Николаевне, вскоре вышедшей замуж за князя П. И. Мещерского (см. нашу заметку «Новые строки Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXVIII, стр. 1 — 3).

— Дельвиг, по болезни жены, отправился с нею в Ревель, для пользования ее морскими ваннами, 31 мая 1827 г., и пробыл там 4 месяца — до конца сентября (см. В. П. Гаевский, Дельвиг — «Современник» 1854 г., т. XLVII, № 9, отд. III, стр. 9).

251. *М. П. Погодину* (стр. 40). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 456 — 457 (от слов «Что вы делаете» — до конца) и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 35 — 38; подлинник (на бумаге без вод. знак.) — в б. Румянцовском Музее, в архиве Погодина, Письма 1823 — 1827 г., кн. I, № 3515, л. 415 — 418.

— «Женщины. Отрывок из Евгения Онегина» (глава 4, строфы I — IV) появился в «Московском Вестнике» 1827 г., ч. V, № 20, стр. 365 — 367; книжка вышла в конце октября; в отдельном издании этот отрывок был Пушкиным выпущен.

— О «Фаусте», уже разрешенном к печати, см. выше, стр. 253 и в следующем письме № 252.

— «Ц. Цензура» — Царская Цензура, на которую Пушкин послал Бенкендорфу свои новые стихотворения 20 июля 1827 г. (выше № 249). № 251.

— В деревню Пушкин «убежал» около 25 июля; оттуда, между прочим, он писал коротенькое письмо к сестре своей Ольге Сергеевне Пушкиной в Ревель; об этом, неизвестном нам письме упоминает мать поэта Н. О. Пушкина в письме своем к А. П. Керн от 1[illegible] августа 1827 г. (из неизд. материалов Пушкинского Дома).

— «Куда изволил отправиться Пушкин и за чем?» — спрашивал Катенин Н. И. Бахтина, узнав об отъезде поэта из Петербурга: «По чести, мне стыдно за него, что он так мало понравился Вам при первом свидании. Пришлите мне однако его Наташу [«Жених», из «Московского Вестника»]: из некоторых слов его я подозреваю, что это род подражания или состязания с моею, а потому любопытен ее прочесть» («Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», под ред. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 95).

— Любопытный рассказ о посещении поэта в Михайловском 15 сентября 1827 г. оставил в своем Дневнике А. Н. Вульф (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 176 — 178). *Осень* была всегда наиболее благоприятным временем для музы Пушкина: ср. в предыдущем письме к Дельвигу (№ 250), а также в письме к Плетневу от 31 августа 1830 г. (№ 366): «Осень подходит. Это любимое мое время; здоровье мое обыкновено крепнет; пора литературных моих трудов настает»; или в письме к Вяземскому от [illegible] июля 1831 г.: «Не пишу покамест ничего: ожидаю осени». Князь Вяземский в свою очередь писал Жуковскому 4 сентября 1831 г.: «Надеюсь, что Пушкину лучшей осени не нужно: смело может он приняться за стихи. У нас такое ненастье, что не приведи господи!» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. [illegible], стр. 363). Денису Давыдову также была известна эта черта Пушкина: «Вы знаете», писал он А. М. и Н. М. Языковым 7 ноября 1833 г., «что он [Пушкин] запоем пишет только осенью и, как кажется, это время года он не дарит праздности» («Русск Стар.» 1884 г., № 7. стр. 138). Так было и позже: «Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду» — читаем в письме из Михайловского 21 сентября 1835 года, а далее — в письме от октября 1835 г. — сетование: «такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось....». М. В. Юзефович также передает слова Пушкина, «что только осенью овладевает им бес стихотворства» («Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 441; ср. выше, в объяснениях к письму № 250, стр. 254 — 255, рассказ Н. М. Смирнова и примечания к письмам № 275 и 366. — 22 сентября 1827 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике запоздалую новость: «Поэт Пушкин уехал отсюда в деревню» и прибавил: «Он проиграл в карты. Говорят, что он в течение двух месяцев ухлопал 17.000 руб. Поведение его не соответствует человеку, говорящему языком богов и стремящемуся воплощать в живые образы высшую идеальную красоту. Прискорбно такое нравственное противоречие в соединении с высоким даром, полученным от природы. Никто из русских поэтов не постиг так глубоко тайны нашего языка; никто не может сравниться с ним живостью, блеском, свежестью красок в картинах, созданных его пламенным воображением. Ни чьи стихи не услаждают души такой пленительной гармонией. И рядом с этим, говорят, он плохой сын, сомнительный друг. Не верится!.. Во всяком случае в толках о нем много преувеличений и несообразностей, как всегда случается с людьми, которые, выдвигаясь из толпы и приковывая к себе всеобщее внимание, в одних возбуждают удивление, а в других — зависть» («Записки и дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 176).

— Стихотворение Пушкина было названо в редакции «Московского Вестника» «Поэт» и появилось в этом журнале, за подписью Пушкина, в № 23 (стр. 255 — 256), вышедшем в свет около 10 декабря 1827 года.

— «Байбак» — Сергей Александрович Соболевский; Пушкин так назвал его и раньше — в письме к тому же М. П. Погодину (№ 243), который, однако, Соболевскому не симпатизировал (см. его «Дневник» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, в статье М. А. Цявловского). «Бедным» Пушкин называет его потому, что Соболевский незадолго пе-

 ред тем потерял свою горячо любимую мать (см. выше, письмо № 246). Он жил тогда в Москве, но уже подумывал о поездке за границу (см. ниже, в объяснениях к письму № 257).

252. *М. П. Погодину* (стр. 42). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 457 — 458 (с пропусками, восстановленными в «Вестнике Европы» 1887 г., № 5, стр. 405); полностью — в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 41 — 43, где напечатано по оригиналу; подлинник на бумаге без вод. зн. — в б. Румянцовском Музее, в архиве Погодина, Письма 1823 — 1827 гг., кн. I, № 3515, л. 435 — 438; конверт от этого письма — в Пушкинском Доме Академии Наук (Б. Л. Модзалевский, Описание рукописей и других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому — «Изв. имп. Академии Наук» 1911 г., № 7, стр. 511). Начало письма, при напечатании его в 1842 г. в «Москвитянине», вызвало неудовольствие А. Х. Бенкендорфа (см. «Русск. Стар.» 1903 г., № 4, стр. 175).

— Пушкин узнал о разрешении печатать «Сцену из Фауста» из письма к нему П. А. Плетнева от 27 августа (см. выше, в объяснениях к письму № 249); в этом письме Плетнев, между прочим, просил Пушкина «постараться поскорее доставить в «Фауста» два стиха, коими бы заменить непропущенные», с тем, чтобы эту пьесу отдать Дельвигу для «Северных Цветов на 1828 г.», но Пушкин был, очевидно, уже ранее связан обещанием с Погодиным и поручил Плетневу «Сцену из Фауста» переслать в «Московский Вестник». Получив от Плетнева текст пьесы, Погодин направил ее еще к Сергею Тимофеевичу Аксакову, бывшему тогда «сторонним» цензором Московского Цензурного Комитета, и писал ему: «Посылаю вам, Милостивый Государь Сергей Тимофеевич, Фауста, прочтенного самим царем. Он также не скреплен; но я думаю, можно иметь доверенность официальную к письму Пушкина, не говоря уже о бумаге Б[енкендорфа]. Если станете подписывать, то прошу вас подписать на листовом оригинале, а царской мне хочется сохранить. Ваш покорный слуга М. Погодин» («Русск. Арх.» 1903, кн. I, стр. 445). Но и после того «Сцена из Фауста» долго лежала в портфеле издателя «Московского Вестника», прежде чем он решился ее напечатать, так как со стороны цензуры ожидались затруднения. Во всех таких неудобовразумительных случаях издатели обращались к С. Т. Аксакову с просьбой взять на себя ответственность разрешения; кроме того, просили еще его личного совета, уже не в качестве цензора, а как частного человека, которому верили безусловно. «Я решаюсь напечатать «Фауста», пропущенного царем, почтеннейший Сергей Тимофеевич» (писал Погодин). «Как вы думаете? В нем есть соблазнительные выражения, если будем мы смотреть на них порознь; но за ними есть и нравственное. Вникните в запредпоследний монолог Мефистофеля: в грубых наслаждениях нет счастья и проч. Нарочно требую вашего совета» («Русск. Арх.» 1898 г., кн. II, стр. 85). Неизвестно, что посоветовал Погодину Аксаков, но «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем» появилась, за подписью Пушкина, лишь в № 9-м «Московского Вестника» 1828 г., процензурованном С. Т. Аксаковым 9 мая 1828 г. (Н. Синявский и М. А. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 56, № 346).

— «Господин, который вопрошал» и т. д., — цензор, профессор И. М. Снегирев; еще 6 марта 1827 г. он записал в своем Дневнике: «После заутрени и ранней обедни беседовал с Погодиным о ст. А. Пушкина *подражание Фаусту* Гетеву, в коей есть выражения, противные нравственности, и всё основание оной мне не нравится», — почему Снегирев и не пропустил пьесу («Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 48).

— «Урания» — альманах на 1826 год, который Погодин издал в начале января 1826 г. и в котором Пушкин, скрепя сердце, принял участие пятью мелкими стихотворениями, присланными через и по просьбе князя П. А. Вяземского (см. выше, в т. I, в письме № 188 и стр. 531). Издание «Урании» на 1828 год, о котором, очевидно, Погодин писал Пушкину в письме, до нас не сохранившемся, — не состоялось. Против него был и сотрудник «Московского Вестника» В. П. Титов (см. ниже), который писал Погодину: «Такая мысль простительна только

человеку, выведенному из себя семейным несчастием: в 26 году мы более надеялись на свои силы, но и тут разочли с покойным Дмитрием [Веневитиновым], что *Гермес* отнимет хорошие поэмы у *Вестника*; и так, можно ли теперь об этом думать?» (См. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 151—152). № 252.

— «Et tu, Brute» — «И ты, Брут» — слова Цезаря; см. выше, в т. I, в письме № 73 и в объяснениях, стр. 304.

— «Quod licet Uraniae» и т. д. по-латыни значит: «Что позволено Урании, — позволено тем паче Московскому Вестнику; не только позволено, но и *подобает*». Это — пародия латинской поговорки «Quod licet Jovi, non licet bovi», т.-е.: «Что позволяется Юпитеру, того нельзя быку».

— Об Альманашниках и альманахах см. выше, в письмах к С. А. Соболевскому, № 227, и Н. М. Языкову, № 229.

— «Моды у Телеграфа» — картинки заграничных модных костюмов, мебелей, экипажей и т. д., прилагавшиеся к каждому № «Московского Телеграфа».

— «Индейская сказка» — «Переход через реку, приключение Брамина Парамарты», помещенная в «Московском Вестнике» 1827 г., ч. IV, № 15, стр. 231—245, была переведена с немецкого языка, как указал П. О. Морозов (Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 196, примеч. 2; ср. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, С.-Пб. 1889, стр. 129; в оглавлении она подписана буквою *К.*), Владимиром Павловичем Титовым (род. 1807, ум. 1891), племянником Д. В. Дашкова, питомцем Московского Университетского Благородного Пансиона и Университета. Он отличался широким образованием, и Пушкин имел в виду его, когда, создавая свои «Египетские Ночи», обрисовывал тип Вершнева, — как «одного из тех людей, одаренных убийственной памятью, которые всё знают и всё читали и которых стоит только тронуть пальцем, чтоб из них полилась их всемирная ученость», или, в другом отрывке, — как «одного из тех юношей, которые воспитывались в Московском Университете, служат в Московском Архиве и толкуют о Гегеле» (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 49—50). Принадлежа к известному «Обществу любомудров» Одоевского-Веневитинова, он еще смолоду имел влечение к литературе, участвовал в «Мнемозине» Кюхельбекера и Одоевского, в альманахе «Северная Лира на 1827 г.» С. Е. Раича и Д. П. Ознобишина, в «Северных Цветах на 1829 год» (рассказ Пушкина «Уединенный домик на Васильевском» в записи Титова) и на 1831 год, а также в «Московском Вестнике» 1827 г., в коем напечатал оригинальные статьи («Радость и печаль», «Несколько мыслей о зодчестве», «О достоинстве поэта» и др.), рецензии на книги, переводы и извлечения (напр., из сочинения Флетчера о России); см. перечень у Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, С.-Пб. 1889, стр. 126—128; у Н. П. Колюпанова: «Биография А. И. Кошелева», т. I. кн. II. М. 1889, стр. 126 и 323 и у Д. Д. Языкова, «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц», вып. XI, С.-Пб. 1909, стр. 188—191; см. также книжку: «Уединенный домик на Васильевском» Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова». С послесловием П. Е. Щеголева и Федора Сологуба, С.-Пб. 1913, стр. 51—56; ср. зам. Н. О. Лернера в «Сев. Записках» 1913 г., № 1, стр. 184—188, и Н. Л. Бродского — в «Голосе Минувшего» 1913 г., № 4, стр. 270—275. С 1827 г. Титов служил в Азиатском Департаменте, в Петербурге, живя у своего дяди Д. В. Дашкова, которому однажды пришлось защищать его от инсинуаций III Отделения (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925, по указ.); впоследствии он был посланником в Константинополе и Штутгардте, Почетным Опекуном, Членом Государственного Совета и Председателем Археографической Коммиссии. О нем см. заметку Н. И. Бикермана: «Кто такой Вершнев?» — «Пушк. и его соврем.» вып. XIX—XX, стр. 49—55.

— «В Т.» — т.-е., в «Московском Телеграфе» Полевого.

— «В Московском Вестнике», несмотря на дружеские отношения Пушкина к князю Вяземскому, «на первых же порах начали появляться

№ 253. неблагопристойные против него выходки. Так», говорит Н. П. Барсуков, «на страницах этого журнала появилась рецензия на книжку *Жизнь игрока*. Рецензент скрылся под псевдонимом *Зоил 2-й*. Между прочим, в этой рецензии было сказано: «Тот, кто лучшие года жизни провел в качестве игрока, наверное может быть литератором разве только *на выдержку*». А. В. Веневитинов сообщил Погодину, что некоторые толкуют эти строки «в сторону предосудительную для князя Вяземского». Это сообщение очень смутило Погодина. «Мне было», пишет он: «очень и очень неприятно, потому что душевно уважаю его». На другой же день Погодин отправился к князю Вяземскому объясниться» («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 115 — 116). О размолвке между Пушкиным и Вяземским по поводу рецензии последнего на «Цыган» и об эпиграмме Пушкина на Вяземского «Прозаик и поэт», напечатанной в № 4 (февральском) «Московского Вестника» 1827 г., см. в Соч. Вяземского, т. I, стр. 381 — 382, и статью Н. О. Лернера: «Распутанное недоразумение. (О пьесе «Прозаик и поэт») — в «Русском Библиофиле» 1913 г., № 7). — Вероятно поэтому Пушкин и говорит ниже, что считает себя пред ним виноватым и всё собирается загладить вину свою.

— «Альманах издателя Благонамеренного», т.-е. Александра Ефимовича Измайлова — «Календарь Муз», издававшийся им, вместе с его племянником П. Л. Яковлевым, в 1826 и 1827 гг. — «Альманахи эти по своему содержанию и характеру весьма походят на «Благонамеренный» и составляют, так сказать, его отпрыск, продолжение», так как «материал их составляли произведения, по тем или другим обстоятельствам не попавшие на страницы названного журнала, но заранее для него предназначенные» (И. А. Кубасов, «Александр Ефимович Измайлов», С.-Пб. 1901, стр. 112). По свидетельству И. А. Кубасова, эти «бесцветные» книжки успеха не имели, особенно второй «Календарь» — 1827 года (стр. 113). В статье своей об альманахах 1827 года: «Северная Лира», «Календарь Муз», «Невский Альманах», «Незабудочка», «Детский Цветник» и «Памятник Отечественных Муз», помещенной в «Московском Телеграфе» 1828 г., ч. XIII, № 1, стр. 236 и сл. (статья подписана буквами Ас. Б.) Вяземский, между прочим, писал о «Календаре Муз», что «за исключением малого числа стихотворений, заключающих в себе некоторое достоинство, прочее могло бы остаться в рукописи для домашнего обихода. Переписка с кумами, крестниками о зубной боли, о журнале *Благонамеренном* и проч. и проч., эпиграммы в роде следующей:

Как у тебя, брат, красен нос!
— А вот-с:
Пью белое вино-с...

и тому подобное, теряет много от печати. Такие стихи, как некоторые домашние шутки, должно хранить про себя и т. д. (ср. Соч., т. III, стр. 33 — 34).

— «Журнальный сыщик Сережа» — быть может Сергей Дмитриевич Полторацкий, страстный библиофил; о нем см. выше, стр. 247, в объяснениях к письму № 246. Ср. ниже, стр. 296.

— *Стансы к царю* — знаменитое стихотворение: «В надежде славы и добра Гляжу вперед я без боязни»...; оно появилось в «Московском Вестнике» 1828 г., № 1, стр. 3 — 4, без подписи имени Пушкина, которое, однако, было затем указано в оглавлении.

— *О Песнях о Стеньке Разине* см. выше, в объяснениях к письму № 249, стр. 253.

253. *А. П. Керн* (стр. 43). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн в «Библиотеке для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 137, *без даты*, как приписка в письме к Керн Анны Николаевны Вульф; в Акад. издании (т. II, стр. 80), а за ним и в Венгеровском издании неправильно датировано октябрем — ноябрем 1828 г.; подлинник, принадлежавший ранее М. И. Семевскому (который выставлял его на Пушкинской Выставке 1880 г., при чем в Каталоге Выставки правильно указал (стр. 50, № 10),

что приписка эта, с подписью «Яблочный Пирог», находится в письме *Алексея Николаевича Вульфа* «к сестре» от *1 сентября 1827 г.*, ныне находится в Пушкинском Доме; он является частью коллективного письма из Тригорского в Петербург, к Анне Петровне Керн; начатое ее двоюродным братом Алексеем Николаевичем Вульфом, оно было продолжено Анной Николаевной Вульф, затем прервано припискою Пушкина и окончено опять Вульфом. Вот это письмо полностью (оно появится в полном виде с комментарием Н. В. Измайлова, в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII): № 253.

[*Рукою А. Н. Вульфа*]: «Точно, милый мой друг, я очень давно к тебе не писал; главнейшая причина была та, что я надеялся ежедневно ехать в Петерб., но теперь, когда я вижу, что сия желанная минутка не так скоро приблизится, я решился тебе снова написать обо мне. Судьбе угодно, чтобы прежде, нежели я вступил на опасную стезю честолюбия, я бы поклонился праху предков моих, как древние витязи севера, оставляя родину, беседовали на могилах отцов своих, — коих в облаках блуждающие тени — прости, мой ангел, я было хотел себя сравнить с Оссиановыми героями и уже был на пути, — но сестра [*А. Н. Вульф*], которая, стоя перед зеркалом, взбивала кудри, дала мне заметить, как хорошо у ней правая [1] сторона взбита, и тем прервала полет моей фантазии, и [*рукою Анны Н. Вульф*:] Не могу вытерпеть, чтобы не прервать его поэтического рассказа, и чтоб не сказать тебе, что ты обязана сему двум тарелкам орехов и [неразб.] которые он съел для вдохновения et cela par simpathie [неразб.] dans la lettre que tu mangeais des pâtés et lui — mange des noisettes [2] et des pommes etc. etc.

[*Рукою А. Н. Вульфа*:] Ты видишь, что сестра не дает

[*Рукою Пушкина*:] Анна Петровна, я вам жалуюсь на Анну Николавну — она меня не цаловала в глаза, как вы изволили приказывать. Adieu, belle dame.

Весь ваш
Яблочный Пирог.

[*Рукою А. Н. Вульфа*:] равно как и А. П<ушкин> мне сказать тебе, без дальних околичностей, что я на сих днях еду в Тверь, а после, когда бог поможет, и к Вам, в Питер. Вот тебе покуда несколько слов. Приехав в колыбель моей любви, я напишу тебе более. Здравствуй!

1 Сент. 827. Тригорск.

Распечатав пакет, ты найдешь на нем вид Тригорского, написанный А. С. П<ушкиным>. Сохрани для потомства это доказательство обширности *гения* знаменитого поэта, обнимающего всё изящное».

В своих Воспоминаниях А. П. Керн рассказывает, что после встречи своей с поэтом в Тригорском летом 1825 г. (см. выше, т. I, стр. 141, 467 и др.), она опять увиделась с ним в Петербурге, в доме его родителей, где она бывала почти всякий день и куда он приехал из своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. «Он жил», рассказывает Керн: «в трактире Демута, его родители — на Фонтанке, у Семеновского моста, я с отцом и сестрою — близ Обухова моста, и он иногда заходил к нам, отправляясь к своим родителям» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 247). В это именно время и закрепилось расположение Пушкина к молодой женщине, тогда уже бросившей своего ненавистного мужа-генерала; поэтому понятно желание поэта приписать несколько шутливо - любезных слов ей в деревенском письме ее кузена и кузины, за которым он застал их в Тригорском 1 сентября 1827 г., во время своего довольно продолжительного (с конца июля почти до половины октября) пребывания в родной деревне. Молодой Вульф проживал тогда в Тригорском без дела и вел дневник, в который внес несколько ценных записей о встречах с Пушкиным

---

[1] ошибся, — левая.

[2] кои для меня столь же вкусны, как для тебя пироги яблочные.

 в Михайловском (Л. Майков, стр. 176); в намерении поступить на службу в Петербурге, он отправился туда 17 декабря 1827 г. (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 41), но лишь в августе 1828 г. поступил в Департамент разных податей и сборов (там же, стр. 209).

— Об Анне Николаевне Вольф, долго пылавшей к Пушкину неразделенною любовью, см. выше, в т. I, и в т. II, стр. 145.

— «Adieu, belle dame» (в приписке Пушкина) значит: «Прощайте, прелестная барынька».

— Вид Тригорского, нарисованный Пушкиным, до нас, к сожалению, не сохранился.

254. *Неизвестному* (стр. 43). Печатается впервые по беловому, но перечеркнутому самим Пушкиным, тексту, находящемуся на 5-м листе принадлежащей Б. Л. Модзалевскому подлинной рукописи «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», где написано между заметками: «Вдохновение есть расположение души»... и «Coquette, prude. Слово кокетка»... и т. д. По черновому почти дословному (только вместо «представителя *образованной публики*» в черновом — «представителя целого народа» и вместо: «трех литератур» — «двух литераторов») напечатано В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, стр. 539 — по рукописи б. Румянцовского Музея № 2368, л. 30. — Датируется по нахождению среди «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» и на основании положения среди черновых рукописей тетради № 2368; к кому относится, сказать невозможно (быть может, к Н. А. Полевому, издателю «Московского Телеграфа»?); но прав кажется Н. О. Лернер («Труды и дни Пушкина», стр. 168), высказывающий предположение, что эти строки, может быть, не письмо, а черновой набросок какой-нибудь заметки: это предположение подтверждается и тем обстоятельством, что как в черновой рукописи б. Румянцовского Музея № 2368, так и в переписанной на бело, но перечеркнутой и бывшей ранее неизвестной, это письмо находится среди других «Отрывков из писем, мыслей и замечаний».

255. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 44). Впервые напечатано в «Русской Стар.» 1874 г., т. X, стр. 700 и 701 (отрывки) и в Соч., изд. Суворина, ред. Ефремова, т. VII, стр. 284 — 285; подлинник (на бумаге без вод. зн.) в Пушкинском Доме.

— Пушкин отвечает на вышеприведенное письмо Бенкендорфа от 22 августа, служащее, в свою очередь, ответом на два письма Пушкина от 20 июля (№№ 248 и 249).

— О деле с Ольдекопом см. выше в т. I, в письмах №№ 66, 92, 98, 107, 118, 120, и в т. II, № 248 и ниже, № 257.

— Письмо Пушкина осталось без всякого ответа и никаких последствий не получило.

256. *М. П. Погодину* (стр. 44). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 458 — 459; поправка дана в «Вестнике Европы» 1887 г., № 5, стр. 405; подлинник был в архиве Погодина, но уже в 1902 г. его в нем не оказалось, и где он, неизвестно. — Письмо это относилось к исходу, концу 1827 г.; М. А. Цявловский, на основании одной записи в дневнике Погодина, высказывает предположение, что оно писано 23 — 24 октября («Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 87); может быть оно было написано и в течение ноября, но вряд ли позже, ибо посланные в нем «Стансы» появились в январской книжке «Московского Вестника» за 1828 г., процензурованной уже 9 января 1828 г., а в цензуру представленной недели на две или на три ранее.

— Стихотворение Василия Ивановича Туманского «Голубые глаза», взятое для Д., т.-е., для Дельвига, было напечатано, под заглавием «Прекрасным глазам», в изданных Дельвигом «Северных Цветах на 1828 год», стр. 75 — 76. Посланное Пушкиным стихотворение — вероятно, «Песенка», помещенная в «Московском Вестнике» 1828 г., ч. VII, № 2, стр. 151.

— Отрывок из Онегина — «Альбомы» (XXVII—XXX строфы Четвертой главы), был напечатан в № 2 «Московского Вестника» 1828 г., стр. 145 — 150.

— «Стансы» («В надежде славы и добра Гляжу вперед я без боязни»...) были пропущены еще в конце августа, о чем Пушкин узнал из письма Плетнева (см. выше, стр. 252 в объяснениях к письму № 249). **№ 257.**

— «Москва», отрывок из Онегина (нач.: «. .Пред ними Уж белокаменной Москвы...»), напечатан в № 1 «Московского Вестника» 1828 г., стр. 5 — 12. См. ниже, в письмах № 264 и 265.

— Калайдович — Константин Федорович (род. 1792, ум. 1832), трудолюбивый археограф, историк и филолог, сотрудник графа Н. П. Румянцова, приятель Погодина. В 1828 году, вместе с поэтом Дмитрием Петровичем Ознобишиным, он предпринял издание: «Русский Зритель. Журнал истории, археологии и сравнительных костюмов» (см. «Моск. Вестн.» 1827 г., ч. VI, № 22, стр. 254). Калайдович, очевидно, просил у Пушкина пьес для своего издания, — но без успеха: в «Русском Зрителе» ничего Пушкинского не появилось. Вскоре, к тому же, Калайдович повредился в уме. «Вы слышали уже, вероятно», писал Н. А. Полевой В. Г. Анастасевичу из Москвы 15 марта 1828 г.: «о несчастии К. Ф. Калайдовича. Он впутался в дело весьма затруднительное и, кажется, что помешался или, по крайней мере, находится в таком раздражении, что оно походит на сумасшествие. «Зрителя» его напечатано листа с три. Не поверите, как горько видеть этого с большими достоинствами и семейного человека в бедственном его состоянии» («Русск. Стар.» 1901 г., № 5, стр. 403). «Зритель» был допечатан друзьями Калайдовича, который оправился лишь к концу 1829 г. и то не на долго. «Умер бедный Калайдович, патриот и автор хороший», — писал брату своему 4 мая 1832 г. А. Я. Булгаков: «14-е декабря его так поразило, что он от негодования запемог, а там и с ума сошел. Добрый князь Дм. Вл. [Голицын] выпросил ему пансион, хотя он служил в Архиве; я полагаю... Малиновский за это прогневался и теперь не хотел представить о пенсии жене, оставшейся с 4 ребятами в такой нищете, что мы сделали складчину, чтобы его похоронить» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 283). См. еще у Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 225 — 230.

— Высшее Начальство — Бенкендорф и Николай I как личный цензор Пушкина.

257. *С. А. Соболевскому* (стр. 45). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1878 г., кн. III, стр. 393 — 394; подлинник был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева (архив Соболевского, Avant les voyages, № 114); ныне в Центрархиве. — Во всех изданиях, до Акад. изд. включительно, датировалось маем — июнем 1827 г. неправильно, так как в письме говорится о продаже 3-й главы «Онегина», которая была разрешена к выпуску III Отделением лишь 9 октября 1827 г. («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», стр. 61), а в свет вышла и в продажу поступила 10 — 11 октября («Сев. Пчела» 1827 г., № 121, «С.-Петерб. Ведом.» 1827 г., № 81). В издании под ред. Венгерова (т. VI, стр. 30) датировано октябрем — ноябрем 1827 г., но и это не совсем верно, так как Соболевский возвратился в Москву из поездки в Петербург только 2 ноября («Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 87; Н. Колюпанов, «Биография А. И. Кошелева», т. I, ч. 2, стр. 73; Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 134).

— Еще 23 августа 1827 года агент III Отделения (вероятно, Булгарин?) доносил ему, что «Известный Соболевский (молодой человек из Московской либеральной шайки) едет в деревню к поэту Пушкину и хочет уговорить его ехать с ним заграницу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь, как дитя. Он поэт, живет воображением, и его легко увлечь. Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом. Атаманы — князь Вяземский и Полевой; приятели: Титов, Шевырев, Рожалин и другие Москвичи» (М. И. Сухомлинов, «Исследования», т. III, стр. 391, и «Историч. Вестн.» 1886 г., № 3, стр. 522; М. К. Лемке, «Николаевские жандармы», С.-Пб. 1908, стр. 259). Через месяц полиция перлюстрировала письмо Соболевского к только что упомянутому Николаю Матвеевичу Рожалину из Петербурга (дом Устинова) от 20 сентября 1827 г., где он писал: «Старайтесь, молодые люди, о Вестнике. И я стараюсь, то есть еду

№ 257. завтра в Псков к Пушкину условливаться с ним письменно и в этом деле буду поступать пьяно (т.-е. piano). Вот пожива Киреевскому» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е. Лгр. 1925, стр. 72). В деревне у Пушкина Соболевский собирался пробыть дня 4 (там же), но поездка эта, насколько известно, не состоялась, и сам Пушкин 16 октября уже вернулся в Петербург[1] и уже 17 октября был у барона А. А. Дельвига (Барон А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I. стр. 71). — «Поэт Пушкин здесь», доносили Бенкендорфу агенты III Отделения: «он редко бывает дома. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на свой счет. Соболевского прозвали брюхом Пушкина. Впрочем, сей последний ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом»; а несколько позже сообщали: «Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит государя и даже говорит, что ему обязан жизнию, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был Литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над Правительством, ныне хвалили государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: «Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, — свободу: виват!» — На записке этой сделана помета рукою Бенкендорфа карандашом: «Приказать ему явиться ко мне, завтра в 3 часа» (Б. Л. Модзалевский, назв. соч., стр. 73). В бытность свою в Петербурге, Соболевский бывал у барона Дельвига, где часто встречался с Пушкиным (Барон А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, стр. 72 — 73). 27 ноября 1827 г. Жуковский писал из Петербурга А. И. Тургеневу заграницу: «Я тебе ничего не сказывал о Пушкине. Он давно здесь. Написал много. Третья часть Онегина вышла. Доставлю ее тебе с Белизаром... У Пушкина готовы и 4, 5 и 6 книги Онегина. Годунов превосходное творение: много глубокости и знания человеческого сердца. Где он всё это берет; Но боюсь, чтобы легкость писать не обратилась в небрежность. Он часто позволяет себе быть слишком прозаическим» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», М. 1895, стр. 230).

— 3-ю главу «Евгения Онегина» издавал Плетнев; 27 августа, получив уведомление Бенкендорфа о разрешении ее высочайшею цензурой, он писал Пушкину, что уже приступил к ее печатанию (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 40); но дело это внезапно осложнилось неожиданным вступлением в него Министра Народного Просвещения А. С. Шишкова, который 7 сентября 1827 г., за № 5067, писал Бенкендорфу: «Надворный Советник Плетнев представил в рукописи в типографию Департамента Народного Просвещения для напечатания сочинение Александра Пушкина: «Евгений Онегин, роман в стихах. Глава третия». — Как на сей рукописи не было одобрительной подписи Цензурного Комитета, то типография не приняла оную для напечатания. — После сего г. Плетнев доставил в типографию официальное письмо Вашего Превосходительства к г. Пушкину от 22-го августа сего года за № 1937, в коем сказано, что представленные от г. Пушкина новые его стихотворения государь император изволил прочесть с особенным вниманием; почему Ваше Превосходительство, возвращая оные, изъяснили, какие дозволяется напечатать и какие нет. В числе дозволенных к напечатанию находится и третия глава романа «Евгений Онегин». — Вместе с сим Г. Плетнев представил записку, писанную к нему от 27-го августа за № 2006-м в третьем лице от г. д. с. с. фон-Фока, коею уведомляет его, что на известных ему, г. Плетневу, стихотворениях А. Пушкина можно напечатать: «С дозволения Правительства». —

---

[1] 14 октября, на станции Залазы, около Боровичей, произошла известная трогательная встреча поэта с декабристом В. К. Кюхельбекером, описанная поэтом в особой записке в форме дневника под 15 октября 1827 г. (см. письмо Кюхельбекера к Пушкину от 20 октября 1830 г. и заметку Н. О. Лернера — «Русск. Арх.» 1910 г., кн. I, стр. 215 — 216).

Поелику же на самой рукописи романа «Евгений «Онегин» никакой подписи не сделано, кроме того только, что на первой странице карандашом написано: «Позволено», то типография, не имея права, на основании Устава о Цензуре, принять оную к напечатанию, испрашивает моего на то разрешения. В следствие сего, препровождая при сем рукопись, представленную г. Плетневым, покорнейше прошу Ваше Превосходительство при возвращении оной почтить меня уведомлением: какие именно сочинения г. Пушкина государь император высочайше дозволил напечатать? С сим вместе не угодно ли будет Вам, милостивый государь мой, приказать кому следует, дабы в Канцелярии вашей манускрипт сего сочинения скреплен был по листам»... («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», стр. 58). Бенкендорф исполнил просьбу Шишкова 10 сентября, подтвердив, что на пропущенных им сочинениях Пушкина можно делать помету «С дозволения Правительства» (там же, стр. 59), — и 9 октября, как было сказано выше, 3-я глава была разрешена к выпуску из типографии (там же, стр. 61), 15-го же ноября был разрешен к выпуску и «Граф Нулин», отпечатанный в той же Типографии Департамента Народного Просвещения (там же, стр. 62). № 257.

— «Ольдекопничаешь», т.-е. действуешь, как Ольдекоп; см. о деле с ним Пушкина в письмах №№ 66, 92, 98, 107, 118, 120, 248, 255.

— «Воейковствуешь», т.-е. поступаешь, как Воейков, Александр Федорович (род. 1779, ум. 1839), издатель «Сына Отечества» (с Гречем, 1821 — 1822), «Русского Инвалида» (1822 — 1839), «Новостей Русской Литературы» (1822 — 1826), «Славянина» (1827 — 1830) и «Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду» (1831 — 1837), нередко перепечатывавший и даже опубликовывавший в своих изданиях чужие произведения без ведома и позволения авторов или редакторов. Еще в 1821 г. обвинял его Вяземский за то, что Воейков в изданном им «Новом собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 г.» (С.-Пб. 1821) перепечатал стихотворения Вяземского и В. Л. Пушкина, приписав первому некоторые пьесы второго («Русск. Стар.» 1904 г., № 1, стр. 115). По выражению П. И. Бартенева («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 394), «А. Ф. Воейков живал часто на счет людей, которых оглашал друзьями своими и которые не прогоняли его от себя только из уважения к его жене» — известной «Светлане». Ср. выше, в письмах № 72, 73, 78, 85, 125, 135, 190; в III томе см. письмо к нему Пушкина от конца августа 1831 г.; ср. еще в письме А. А. Бестужева к сестрам (1824 г.) — сб. «Памяти декабристов», изд. Академии Наук, вып. I, стр. 47 и 78 — 89. Любопытные примеры приемов журнальной полемики Воейкова приведены в статье В. В. Каллаша: «Пушкин, Н. Полевой и Булгарин» — «Пушк. и его соврем.», вып., II, стр. 32 – 38.

— Мерзляков, Алексей Федорович — профессор Московского Университета, критик и поэт; см. о нем выше, в т. I, в объяснениях, стр. 180 и др.

— «Двое Пушкиных», — т.-е., Василий Львович и сам поэт.

— О Великопольском см. выше, письма №№ 203, 209 и ниже № 269.

— Подолинский — Андрей Иванович (род. 1806, ум. 1886), поэт, тогда еще только начинавший литературную деятельность и в 1827 г. издавший свою поэму «Див и Пери» (рецензия — в «Моск. Вестн.» 1827 г., № 15, стр. 277 — 278). Питомец Петербургского Университетского Благородного Пансиона с мая 1821 г. (вып. в июле 1824 г.), он здесь был младшим товарищем М. И. Глинки (вып. в июле 1822 г.) и С. А. Соболевского (вып. в июле 1821 г., [1] вращался в кружке барона А. А. Дельвига и сотрудничал в «Северных Цветах» и в других альманахах и периодических изданиях. Собрание его сочинений было издано в 1860 году. — С Пушкиным он познакомился в конце июля 1824 г. в Чернигове: он ехал к родным в Малороссию, по окончании курса в Пансионе, а поэт следовал из Одессы в Михайловское в свою вторую ссылку (см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 92, стр. 343). «Однако эта встреча», говорит Подо-

[1] Л. С. Пушкина, исключенного в феврале 1821 г., он в Пансионе уже не застал.

№ 258. линский»: не была началом моего знакомства с Пушкиным. Он вскоре забыл и самую мою фамилию, как я мог удостовериться из того, что когда, в 1827 году, появилась моя первая поэма, Пушкин приписывал ее то тому, то другому из известных уже в то время поэтов, будто бы скрывшемуся под псевдонимом. Он разуверился только тогда, когда, по издании моей второй повести, я, при выходе из театра, был ему представлен, помнится, Булгариным, с которым он не был еще в открытой войне. Пушкин встретил меня очень приветливо и имел любезность насказать мне много лестного. С тех пор знакомство наше продолжалось, но не долго, так как года через два я оставил Петербург» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 863). Наиболее часто Пушкин встречался с Подолинским как раз в зиму 1827 — 1828 г.— у барона Дельвига. А. П. Керн рассказывает в своих Воспоминаниях: «В эту зиму (1827 — 1828 г.) Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю Лицейские товарищи его: Лангер, князь Эристов, Яковлев, Комовский и Илличевский. Кроме этих приходили на вечера Подолинский, Щастный, — молодые поэты, которых выслушивал и благословлял Дельвиг, как патриарх. Иногда даже являлся Сергей Голицын [«Фирс»] и М. И. Глинка, гений музыки, добрый и любезный человек, как свойственно гениальному существу... На вечера к Дельвигу являлся и Мицкевич. Вот кто был постоянно любезен и приятен! — Не помню, встречался ли он часто с Пушкиным, но знаю, что Пушкин и Дельвиг его уважали и любили... Многие из тогдашних писателей читали [у Дельвига] свои произведения. Так, например Щастный читал нам своего «Фариса», переведенного им тогда [из Мицкевича], и заслужил всеобщее одобрение. За этот перевод Дельвиг очень благоволил к нему, хотя вообще Щастный, как поэт, был гораздо ниже других второстепенных писателей. Среди этих последних видное место занимал Подолинский и многими его стихами восхищался Пушкин. Особенно нравились ему следующие:

ПОРТРЕТ.

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она,
Я мыслю: Гурия пророка
С небес не землю сведена...

и т. д. (Л. Майков, «Пушкин», стр. 253 — 254); он и пародировал эти стихи в применении к А. П. Керн (см. «Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVII стр. 145). Поэмы Подолинского, однако, Пушкину не нравились, и Шевырев, сообщая Погодину о встрече с Подолинским у Дельвига 24 февраля 1829 г., передает (в письме от 25 февраля) следующие слова поэта: «Пушкин говорит: Полевой от имени человечества благодарил Подолинского за «Дива и Пери»,—теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за «Борского» (см. Письма Шевырева к Погодину, в Рукоп. Отд. Пушкинского Дома, собрание Дашкова, письмо № 2).

— Говоря о намерении (неосуществившемся) Соболевского перепечатать сочинения перечисленных выше «образцовых великих людей», Пушкин намекал на известное подобное издание: «Собрание новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1822 по 1825 г., служащее дополнением к Собранию образцовых русских сочинений и переводов»; его вторая часть, с портретом А. С. Шишкова, была издана в С.-Пб. в 1826 г. (стр. 315); рецензию на него С. П. Шевырева см. в «Московском Вестнике» 1827 г., ч. VI, стр. 439 — 447. В эту книгу вошли и сочинения Пушкина (отрывки из «Бахчисарайского Фонтана» и др.).

258. *Ф. В. Булгарину* (стр. 45). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1893 г., т. LXXVII, стр. 223; подлинник (на бум. — вод. зн. J. Whatman Turkey Mill. 1826) в Берлинской Библиотеке.

— Отношение Пушкина к Булгарину в течение 1827 года было еще вполне терпимое, и издатель «Северной Пчелы» в журнале своем расточал похвалы произведениям поэта, имя которого упоминалось с неизменным восторгом; лишь с конца 1829 года в отзывах Булгарина начинает уже

отражаться изменившийся взгляд Пушкина на этого литературного деятеля (см. статью П. Н. Столпянского: «Пушкин и Северная Пчела» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, XXIII — XXIV и XXXI — XXXII). В высшей степени добродушный и простосердечный в отношениях своих к людям, Пушкин и к Булгарину относился терпимо, хотя один из ближайших друзей поэта, кн. Вяземский, в письме от 22 ноября 1827 г. (дающем возможность предположительно датировать настоящую записку Пушкина), и писал ему с упреком: «Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина? Не лучше ли обедать в недрах Авраама [т.-е., у родителей]?» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 50). Личное знакомство поэта с Булгариным состоялось только теперь, т.-е. в конце 1827 г. — 26 ноября 1827 г. Пушкин встретился с Булгариным еще и у Дельвига («Русск. Вестн.» 1875 г., кн. 8, стр. 597, в статье М. Ф. Де-Пуле о Второвых.) — 16 января 1828 г. Булгарин, под впечатлением этих встреч, писал литератору В. А. Ушакову: «Я познакомился с Пушкиным. Другой человек, как мне его описывали и каковым он был прежде в самом деле. Скромен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе. Гусары испортили его в Лицее, Москва подбаловала, а несчастия и тихая здешняя жизнь его образумили. Он, кажется, полюбил меня, хотя по правилам сектатора Вяземского меня не должно ему любить» («Щук. Сборник», вып. IX. М. 1909. стр. 161; то же — «Русск. Стар.» 1909 г., ноябрь, стр. 350, с объяснениями Н. О. Лернера и с характеристикой отношений Пушкина к Булгарину). К началу декабря 1827 г. относится любопытная записка Фока к Бенкендорфу с описанием празднования именин у Греча и с сообщением о том, как вел себя здесь же бывший Пушкин. Вот эта любопытная записка, составленная в III Отделении, вернее всего, по информации Булгарина, тогда ревностно сотрудничавшего в этом учреждении: «В день св. Николая журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания Грамматики. Гостей было 62 человека: все литераторы, поэты, ученые и отличные любители Словесности. Никогда не видывано прежде подобных явлений, чтоб столько умных людей, собравшись вместе и согрев головы вином, не говорили по крайней мере двухсмысленного о Правительстве и не критиковали мер оного. Теперь напротив — только и слышны были анекдоты о правосудии государя, похвала новых Указов и изъявление пламенного желания, чтобы государь выбрал себе достойных помощников в трудах. Насчет министров не женировались, как и прежде, - каждый рассказывал какие-нибудь смешные анекдоты и злоупотребления, всегда прибавляя: «При этом государе всё это кончится. На него вся надежда. Он всё знает; он всё видит, всем занимается; при нем не посмеют угнести невинного; он без суда не погубит [sic!]; при нем не оклевещут понапрасну. Он только не любит взяточников и злодеев, а смирного и доброго при нем не посмеют тронуть». — Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его Грамматики: № 258.

1.

Уж двадцать лет прошло, как Гречь
Писать Грамматику затеял;
Конец труду, и тяжесть с плечь, —
Пусть жнет теперь, что прежде сеял.
Лились чернила, лился пот, —
Теперь вино польется в рот.

2.

Явись бокал — ты наш *союз:*
Склонение — к любви и славе;
Глагол сердец — *причастье* Муз.
Знак удивительный в забаве!
Друзья! Кто хочет в счастьи жить,
Спрягай почаще: пить, любить!

№ 258.

3.

В отчаяньи ужь Греч наш был,
Грамматику чуть, чуть не съели:
Но царь Эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
И так, молитву сотворя,
Во-первых здравие царя!

4.

Теперь, ура, друг Николай! (то-есть Греч)
Ты наш жандарм языкознанья.
Трудись, живи да поживай,
Без всяких знаков препинанья...
Друзья воскликнем наконец:
Ура, Грамматики творец!

Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты. Но приятнее всего было то, что куплеты государю повторены были громогласно всеми гостями с восторгом и несколько раз. Куплеты начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал, прохаживаясь:

Итак, молитву сотворя
Во - первых здравие царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной. Нечаев послал их в Москву.

Все удивляются нынешнему положению вещей: прежде не было помину о государе в беседах, — если говорили, то двухсмысленно. Ныне поют куплеты и повторяют их с восторгом!

L'opinion publique a besoin qu'on la dirige! [1] Но направлять общее мнение тогда только можно, когда есть элементы к возбуждению хороших впечатлений, и когда честные и умные люди, видя и чувствуя благие виды Правительства, охотно содействуют к направлению мнений в хорошую сторону. Теперь всё это есть — и элементы, и добрые люди, а через несколько лет можно надеяться, что образ мыслей вообще и в целом примет самый лучший оборот» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е. Лгр. 1925, стр. 74 — 76). — В конце же декабря, когда Погодин, редактор «Московского Вестника», приехал в Петербург, и Булгарин дал в честь Московского гостя обед, — на нем «пировал и сам Пушкин» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 166). «Отношения Пушкина и Булгарина», пишет Н. О. Лернер: «никогда не бывшие дружескими, сначала лишь светски приличные, быстро испортились, и Булгарин вскоре почувствовал силу навеки заклеймивших его львиных когтей Пушкинской сатиры» («Русск. Стар.» 1909 г., ноябрь стр. 355). С 1830 г. они были уже открытыми врагами и оставались таковыми до самой смерти поэта. А. О. Россет рассказывал, что Пушкин говаривал: «Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке — раскланяюсь и даже иной раз поговорю с ним: на большой улице — у меня не хватает храбрости» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. II, стр. 274, примеч. 39); «Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым», стр. 31). Узнав о смерти поэта, Булгарин писал 4 февраля 1837 г. своему приятелю А. Я. Стороженке из имения своего Карлова, под Дерптом: «У нас разнесся слух, что поэт Пушкин убит на дуэли... за жену.... Жаль поэта — и великая, — а человек был дрянной. Корчил Байрона, а пропал как заяц. Жена его право не виновата. Ты знал фигуру Пушкина: можно ли было любить, особенно пьяного!» («Стороженки. Фамильный архив», т. III, стр. 29). Об отношениях Пушкина и Булгарина см. еще в статье Н. К. Пиксанова «Пушкин и Общество Любителей Российской Словесности» — в сборнике Общества «Пушкин», М. 1924, стр. 7 — 9.

---

[1] Т.-е.: общественное мнение нуждается в том, чтобы его направляли.

259. *Л. С. Пушкину* (стр. 45). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 49; подлинник — в Рукоп. Отделении Библиотеки Академии Наук (в собрании В. И. Яковлева; см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 4 — 5).

Перевод: «Скажи Раевскому, чтобы он писал ко мне на адрес отца моего: ты должен был бы поступать таким же образом».

— Эти слова написаны Пушкиным у родителей в коллективном и довольно бессодержательном письме к Льву Сергеевичу Пушкину Надежды Осиповны, Сергея Львовича и Ольги Сергеевны Пушкиных от 21 ноября 1827 г. из Петербурга на Кавказ, посланном с некиим Бухмейером.

— Лев Пушкин в это время участвовал в походах Персидской кампании, в составе Нижегородского драгунского полка, командиром которого был Николай Николаевич Раевский. Поэт бывал у родителей не часто. По словам А. П. Керн, ежедневной посетительницы дома стариков-Пушкиных, он по возвращении в Петербург из Москвы «жил в трактире Демута; его родители — на Фонтанке у Семеновского моста; я с отцом и сестрою — близ Обухова моста, — и он иногда заходил к нам, отправляясь к своим родителям. Мать его Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины свои [2 июня 1827 г.] праздновал он в доме родителей в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности. После обеда Абрам Сергеевич Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?» — И в самом деле, — отвечала я, — мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне. — Он взял кольцо, надел на свою маленькую, прекрасную руку и сказал, что даст мне другое. В этот вечер мы говорили о Льве Сергеевиче, который в то время служил на Кавказе, и я, припомнив стихи, написанные им ко мне, прочитала их Пушкину.... Он остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: «Il a aussi beaucoup d'esprit» он тоже очень умен). На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантиками».... (Л. Майков, «Пушкин», стр. 247 — 248). В этих воспоминаниях А. П. Керн находится много жизненных подробностей о Пушкине в эпоху зимы 1827 — 1828.

260. *Неизвестной* (стр. 45). Впервые напечатано в издании «Евгения Онегина» под ред. В. Е. Якушкина, М. 1887, стр. 270 (неполно и с курьезным предположением, что слова записки представляют собою программу ответа ключницы Татьяне), затем в издании Суворина под ред. Ефремова, т. VIII стр. 504, и Н. О. Лернером — в «Русск. Библиофиле» 1915 г., кн. III, стр. 89; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2371, л. 7; судя по нахождению *поверх* карандашного черновика XXI строфы седьмой главы «Евгения Онегина», — главы, написанной в 1827 — 1828 гг., набросок записки должен относиться к этому же времени. Судя по содержанию, может быть, относится к Е. М. Хитрово (ср. посылку ей «Онегина» при письме № 262 и стр. 398).

Перевод: «Конечно, милостивая государыня, тот час который для вас удобен, — будет самый лучший. Итак до завтра и [пусть 7-я глава Онегина] пусть заслужит»....

261. *П. А. Осиповой* (стр. 46). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 168 (отрывок, в переводе), и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 133; подлинник был у княгини А. А. Хованской, внучки П. А. Осиповой, в Тверской губернии, ныне повидимому погиб в революцию.

Перевод: «Мне так совестно за мое столь долгое молчание, что я едва решаюсь взяться за перо. Только воспоминание о вашем дружеском расположении ко мне, — воспоминание, которое будет для меня вечно сладостным, и уверенность в том, что я пользуюсь вашим добрым снисхождением, еще

№ 262. дают мне смелости на сегодня. Дельвиг, покидающий свои Цветы для дипломатических терниев, расскажет вам о нашем житье-бытье в Петербурге. Признаюсь, что это житье-бытье довольно глупо, и что я горю желанием так или иначе изменить его. Не знаю, приеду ли я еще в Михайловское, между тем как таково было бы мое желание. Признаюсь, что шум и суета Петербурга сделались мне совершенно чуждыми, — переношу их с раздражением. Я предпочитаю ваш красивый сад и прелестный берег Сороти. Вы видите, что мои вкусы продолжают быть поэтическими, не смотря на скверную прозу моего теперешнего существования. Правда, — мудрено писать вам и не быть поэтом. — Примите уверение в моем уважении и полной преданности. От всего сердца приветствую всё ваше прелестное семейство. Довольна-ли M-elle Euphrosine своим пребыванием в Торжке, и много ли одерживает она там побед? 24 янв.»

— Барон Дельвиг в конце января (а не в феврале, как пишет В. П. Гаевский и барон А. И. Дельвиг) 1828 г. был командирован Министерством Внутренних Дел (при котором с 31 июля 1825 г. состоял чиновником особых поручений) на следствие по заготовлению в Слободско-Украинской губернии провианта для войск по высоким ценам (В. П. Гаевский, «Дельвиг» — «Соврем.» 1853 г., т. XXXIX, № 5, отд. III, стр. 21, и 1854 г., т. XLVII, № 9, отд. III, стр. 22 — 23; Барон А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, стр. 77) и по пути туда, очевидно, собирался заехать к Осиповой в ее Тверское имение Малинники, где она тогда находилась с дочерьми (см. Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское» — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 83). Всю весну и большую часть лета он провел с женою в Южной России и, по окончании следствия, заезжал в Чернский уезд Тульской губернии, где умер у него отец (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 69), и лишь позднею осенью (7 октября) вернулся в Петербург (Дневник А. Н. Вульфа — «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 14). Из Харькова он в марте 1828 г. писал Пушкину остроумнейшее письмо (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 55 — 56). Анна Петровна Керн в Воспоминаниях своих рассказывает: «По отъезде отца и сестры из Петербурга, я перешла на маленькую квартиру в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницею свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 253).

— «Берег Сороти» — т.-е. Тригорское, которое, как и Пушкинское Михайловское, лежит на этой живописной небольшой реке.

— В «Торжке» — т.-е. в Новоторжском имении П. А. Осиповой Малинниках, где в 1829 г. гостил и Пушкин (см. ниже, письмо № 297).

262. *Е. М. Хитрово* (стр. 46). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 2. Подлинник — в Пушкинском Доме; он — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, сложен конвертом и запечатан перстнем-талисманом; на обороте, где адрес, помета карандашом, рукою Е. М. Хитрово: «de Poushkin».

Перевод: «Как Вы любезны, что вздумали вспомнить обо мне и тем утешили скуку моего заточения. Всевозможные заботы, огорчения, неприятности и т. д. удерживали меня больше, чем когда-либо, вдалеке от света, и я узнал о несчастном случае с графиней только уже будучи сам болен. Арнт был так добр, что осведомлял меня об ее здоровье и сказал, что ей гораздо лучше. Как только мое собственное состояние мне позволит, я надеюсь иметь счастье тотчас же лично засвидетельствовать Вам свое почтение. Между тем я скучаю, не имея даже развлечения хотя бы в физической боли. Понедельник. Пушкин.

Беру на себя смелость послать Вам только что вышедшие 4 и 5 главы Онегина. От всего сердца желал бы, что бы они вызвали у Вас улыбку.

На обороте: Г-же Хитровой».

— Дата письма определяется временем выхода в свет Четвертой и Пятой глав «Евгения Онегина», которые вышли одною книжкою между 31 января и 2 февраля 1828 г. (Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 51, №№ 321 и 323); понедельник в начале февраля падал на 6-е число.

— Несчастный случай с графиней, — вероятно, с младшей дочерью Е. М. Хитрово, графиней Екатериною Федоровною Тизенгаузен (см. выше, стр. 249 и ниже, № 305 — письмо к ней Пушкина со стихами — и стр 358).

— Чем был болен в это время Пушкин, точно неизвестно; можно думать, что это был ревматизм, о котором упоминает П. А. Плетнев — правда, четырьмя годами позднее — в письме к Жуковскому («Сочинения Плетнева», том III, стр. 521), но может быть это был припадок аневризма в ноге, которым Пушкин страдал еще в Михайловском.

— Арендт, Николай Федорович (род. 1785, ум. 14 октября 1859 г.) — знаменитый врач-практик, по специальности хирург, доктор медицины, в 1828 г. состоявший членом Медицинского Совета Министерства Внутренних Дел и главным доктором заведений С.-Петербургского Приказа Общественного Призрения, а в 1829 г., за успешное лечение Николая I, назначенный (22 апреля) придворным лейб-медиком; он всегда сопутствовал императору во всех его путешествиях и поездках (1829 — 1839), наблюдал за его здоровьем и неоднократно спасал его от опасности при серьезных болезнях. С именем Арендта связана история апокрифического письма Николая I к умирающему Пушкину, к которому Арендт, как лучший хирург, был призван после дуэли поэта с Дантесом; вопрос об этом письме разобран Ю. Г. Оксманом в сборнике Пушкинского Дома: «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского, Пгр. 1924, по указ.; см. также «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 20 и др.; «Московский Пушкинист», I. 1837 — 1927. Статьи и материалы под редакцией М. Цявловского, М. 1927, стр. 51 — 55. — Биографию Н. Ф. Арендта см. в «Русском Биографическом Словаре», т. II, стр. 277 — 279.

263. *Е. М. Хитрово* (стр. 47). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 3. Подлинник в Пушкинском Доме: он — на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков сложен конвертом и запечатан перстнем-талисманом; на обороте, где адрес, — помета карандашом, рукою Е. М. Хитрово: «Poushkin».

Перевод: «Такой печальный больной, как я, не заслуживает вовсе такой любезной сиделки, как Вы. Но я крайне признателен вам за ваше милосердие, столь христианское и столь прекрасное. Я в восторге от того, что вы покровительствуете моему другу Онегину. Ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, — как и всё, что вы говорите; я поспешил бы придти, чтобы услышать и другие, если бы еще немного не хромал и не боялся лестниц, — до сих пор я не позволяю себе подниматься выше первого этажа. Благоволите принять дань моей признательности и отличного уважения. Пушкин. Пятница.

На обороте: Г-же Хитровой».

— Датируется по связи с предыдущим письмом № 262.

— Письмо Хитрово, на которое отвечает Пушкин, нам неизвестно.

— О болезни Пушкина см. в предыдущем письме, № 262 и в объяснениях к нему.

— О том, как приняты были Четвертая и Пятая главы «Онегина», см. заметку Н. В. Измайлова в сборнике Писем Пушкина к Хитрово, стр. 38 — 40.

264. *М. П. Погодину* (стр. 47). Впервые напечатано, неточно, у Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, С.-Пб. 1889 г., стр. 182—183 (отрывок) и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 53 (полностью); подлинник в б. Румянцовском Музее, в архиве Погодина, № 3516, л. 34 об., на проекте заметки Погодина, для № 3 «Московского Вестника», 1828 г., о стихотворении Пушкина «Москва» (из «Онегина»).

№ 264. — Еще в октябре — ноябре 1827 г. Пушкин обещал Погодину прислать для «Московского Вестника» отрывок из 7-й главы «Онегина» — «Москва», который, действительно, и напечатан в № 1-м VII части этого журнала за 1828 г. (стр. 5 — 12). По недосмотру Погодина, в текст стихов вкралось несколько опечаток, которые очень раздосадовали Пушкина, и он попросил Булгарина перепечатать весь отрывок в «Северной Пчеле». Булгарин с радостью исполнил просьбу поэта и сопроводил перепечатку следующим примечанием: «Сей отрывок напечатан был в одном журнале с непростительными ошибками. По желанию Почтенного Автора, помещаем оный с поправками в Сев. Пч. — Повторение стихов А. С. Пушкина (NB с его позволения) никогда не может быть излишним. *Изд.*» («Сев. Пчела» 9 февраля 1828 г., № 17, стр. 3 — 4). Прочтя это примечание, огорчился, в свою очередь, Погодин и поспешил, 14 февраля, написать Пушкину «письмо учтивое и колкое» («Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 89). Вот это письмо или заметка, которую Пушкин, по желанию Погодина, возвратил ему со своей припиской (№ 264) и, конечно — одновременно, — сопроводил особым письмом (№ 265), в котором писал: «Печатайте ваше возражение, если вы думаете, что Северная Пчела того стоит», и т. д.:

«Третий нумер выйдет завтра, и только из великого личного (без всяких отношений) моего почтения к Пушкину, я не печатаю следующего объявления, — чтоб не употребить имени его всуе. Процензуруйте прежде, прибавьте и убавьте, что вам угодно.

«В 17 № Сев. Пчелы перепечатано стихотворение Москва, помещенное в 1 № Моск. В-а. «В одном журнале, говорят издатели, сей отрывок напечатан был с непростительными ошибками. По желанию (?) почтенного автора помещаем оный с поправками в Сев. Пчеле. Повторение стихов А. С. Пушкин (NB с его позволения NB?) никогда не может быть излишним». Стихотворение *Москва* сам Пушкин продиктовал мне в бытность мою в Петербурге, потом дал мне свою черную тетрадь для проверки, и — наконец я показал ему свою копию. — Каково же было мое удивление, когда после всего этого нашли в нем еще какие-то непростительные ошибки! Я вооружился терпением и стал сличать, — что же нашел? вместо Финмуша в М. В. напечатано Флимуш, [1] между третьею и четвертою строфою поставлены знаки пропуска. [2]

Сани вместо дрожки, магазины моды без запятой, и наконец, Петровна с именем [3].

«И такие опечатки гг. издатели называют непростительными и не совестятся перепечатывать из-за них сотни стихов! Не угодно ли попросить теперь позволения у почтенного автора перепечатать все его сочинения, потому что они все напечатаны с такими ошибками. *Может быть, он и согласится*» (Н. Барсуков, назв. соч., стр. 182 — 183; Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 52 — 53).

— По поводу «Примечания» Булгарина В. П. Титов 11 февраля 1828 г. писал Погодину: «Пушкин, отведя глаза на сторону, сказывал, что позволил перепечатать *Москву*, взбесясь на опечатки *Московского Вестника*, а господа Пчелинцы воспользовались и присовокупили примечание. Он [Пушкин] доставит вам письмо о Борисе Годунове; что̀ он мне читал, славно» (Н. Барсуков, назв. соч., кн. II, стр. 181 — 182; ср. выше, объяснения к письму № 237, стр. 234).

— Слова: «Это слишком сериозно» относятся к вышеприведенному проекту «возражения» Погодина Булгарину, которое Пушкин, очевидно,

---

[1] Об этой одной букве, которую не разобрал мой сотрудник, надзиравший за печатанием в мое отсутствие, я писал особливое письмо к автору — доказательство, как я дорожу стихами Пушкина.

[2] Об них автор сказал мне поздно, и письмо мое дошло в Москву, когда нумер был уже напечатан.

[3] Всё это — утверждаю смело — напечатано в Моск. Вестн., как было в рукописи автора.

считал несоответствующим ни тоном, ни размером «примечанию» «Северной Пчелы» и советовал взять за образец следующее краткое замечание, сделанное «Московским Вестником» (1828 г., № 2, стр. 268) на замечание «Московского Телеграфа»: «Издатель Московского Телеграфа советует издателю Московского Вестника соблюдать строжайший выбор при помещении стихотворений не Пушкина в следующем году». И только.—Погодин послушался Пушкина и ограничился напечатанием на последней (396-й) странице III номера «Московского Вестника» следующего заявления: «NB. Для наших читателей. В 17 № Сев. Пчелы перепечатано Стихотворение Москва, помещенное в 1 № М. Вестника по словам Петербургских издателей с непростительными ошибками. Мы сличили оба издания и нашли, что у нас № 265.

Вместо *Финмуш* напечатано Флимуш; *магазины моды* без запятой в средине;[1] *ты* вместо *та*.

Еще в новом издании есть два слова перемененные Автором».

265. *М. П. Погодину* (стр. 47). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 459; поправка дана в «Вестнике Европы» 1887 г., № 5, стр. 406; подлинник в б. Румянцовском Музее, в архиве Погодина. № 3516, л. 35.

— О «примечании» Булгарина см. в объяснениях к предыдущему письму № 264.

— Возражение Погодина — см. там же, стр. 272.

— Слова: «герой Шевырев» вызваны статьями его в «Московском Вестнике»: пока, с конца декабря 1827 г., Погодин был в Петербурге, «Шевырев выпустил в Москве первую книжку «Московского Вестника» на 1828 год. с критическим «Обозрением русской словесности за 1827 год» (стр. 59 — 84, без подп.), в коем он коснулся, между прочим, нравоописательных произведений Булгарина. Разумеется, последний рассердился и назвал Погодина изменником. В этом разборе Шевырев, между прочим, говорил: «Теплота чувства или мысли, которая роднит душу читателя с писателем, совершенно отсутствует в сочинениях г. Булгарина. Главный их характер — безжизненность: из них вы не можете даже определить образа мыслей в Авторе. Слог правилен, чист, гладок, иногда жив, изредка блещет остроумием, — но холоден.... Бесцветные статьи о правах и бесхарактерные повести, писанные с целью доказать весьма известные нравственные правила, напрасно воскресли из двухдневных листов *Северной Пчелы* и забытых книжек многих Журналов. Г. Булгарин, кажется, завладел монополиею в описании *Нравов*, но писатель без своего воззрения на мир, без глубокомыслия, с одними только обветшалыми правилами, без проницательности, без иронии, никогда не успеет в этом роде... Не Русские нравы [он] описывает, а переделывает чужие на Русские... Г. Греч, товарищ г. Булгарина, доказывает достоинство его сочинений числом подписчиков. Аргумент важный; — но.... число подписчиков не всегда зависит от достоинства произведений» («Моск. Вестн.» 1828 г., № 1, стр. 77 — 79). Булгарин ответил на это справедливое суждение Шевырева о пошлости его произведений злобною отповедью («Сев. Пчела» 1828 г., № 11), между тем как Петербургские друзья Погодина и «Московского Вестника» остались чрезвычайно довольны «Обозрением» Шевырева: князь В. Ф. Одоевский, В. П. Титов (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 166 — 169), наконец, как видно из письма № 265, и Пушкин, одобрили выпад Шевырева, как смелый поступок витязя, осмелившегося поднять свой прямой голос против голоса Булгарина; Погодин, отмечая смелость суждений Шевырева, упрекал его в том, что он «помешался на рыцарстве» (Н. Барсуков, назв. соч., кн. II, стр. 171). В «Обозрении» своем Шевырев с восторгом говорил о Пуш-

---

[1] Погодин ошибся и здесь: в «Моск. Вестн.» было напечатано именно с запятою между словами магазины, моды, — тогда как этой запятой ставить не следовало. *Б. М.*

№ 265. кине (стр. 66 — 70) по поводу новых изданий «Братьев Разбойников», «Цыган», «Третьей главы Онегина» и, особенно, сцены из «Бориса Годунова».

— В «Песенке» Василия Кирилловича Тредиаковского (род. 1703, ум. 1769), профессора элоквенции Академии Наук, которую он «сочинил, еще будучи в Московских школах, на свой выезд в чужие края», — есть, действительно, фраза, приводимая Пушкиным (последний куплет):

Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней, а знай штуку:
Стать отишно
И непышно;
Так не будет волн не слышно.

(речь идет о морском путешествии). Подшучивая над Тредиаковским — поэтом, Пушкин первый с уважением отнесся к нему, как к ученому и писателю, и поставил его даже выше Сумарокова, а в «Телемахиде» находил много хороших стихов и счастливых оборотов (см. «Мысли на дороге», «Отрывки из писем, мысли и замечания»; письмо к И. И. Лажечникову от 3 ноября 1835 и др.). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского» (2 т., изд. 1752 г.), носящий следы чтения около 1832 года (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 105 — 106).

— «Пришлю вам прозу»: прозы Пушкина в «Московском Вестнике» не появлялось; быть может, Пушкин имел в виду какое-то письмо о Борисе Годунове, о котором писал Погодину В. П. Титов 11 февраля 1828 г. (см. в объяснениях к письмам № 237 и 264, стр. 234 и 272).

— «Шевыреву пишу особо»: письмо это неизвестно. Степан Петрович Шевырев (род. 1806, ум. 1864), с осени 1827 г. соредактор Погодина и деятельнейший сотрудник «Московского Вестника», поэт, критик, переводчик, был тогда «архивным юношей», т.-е. состоял при Московском Архиве Коллегии Иностранных Дел; впоследствии, с 1834 г., он был профессором Русской словесности в Московском Университете, в 1841 г. был избран адъюнктом, а в 1852 — ординарным академиком Академии Наук по Отделению Русского языка и словесности. В 1835 г. Пушкин начал критическую заметку «Об истории поэзии Шевырева» для I тома «Современника», но не закончил ее. Из писем его к Шевыреву до нас сохранилось только одно (приписка), от 26 апреля 1830 г. (№ 326); Шевырев же оставил краткие, но любопытные воспоминания о Пушкине, с которым познакомился в конце 1826 года в Москве, у Веневитиновых; эти воспоминания напечатаны в статье Л. Н. Майкова в его сборнике «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 318 — 354; в них, между прочим, Шевырев рассказывает: «Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своих близких друзей. Про Боратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного; он сердился на Шевырева за то, что тот раз, разбирая стихи Боратынского, дурно отозвался о некоторых из них» (стр. 331). Пушкин как раз в 1827 г. много думал о Боратынском, писал о нем в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» и начал большую о нем статью, которая была закончена лишь около 1831 года и предназначалась, вероятно, для «Литературной Газеты», но не появилась в печати. Свод отзывов Пушкина о Боратынском см. в статье М. Л. Гофмана — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, и в Соч. Боратынского под ред. его же, т. II, стр. 326 — 327; там же, стр. 331, — отзыв Шевырева о Боратынском, относящийся к 1837 году. — Боратынский платил Пушкину восторженным поклонением, чуждым всякой неискренности: см. его письмо к Полевому от середины ноября 1827 г. («Русск. Арх.» 1872 г. и «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 147) и к Пушкину от конца февраля — начала марта 1828 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 54 — 55), хотя некоторые считали, что он завидует Пушкину (см. полемику И. Л. Щеглова-Леонтьева и В. Я. Брюсова), а П. В. Нащокин говорил П. И. Бартеневу: «Боратынский не был с Пушкиным искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал

ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И Бартеневым», М. 1925, стр. 28).

266. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 48). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 703 (неполно) и в изд. Суворина под ред. Ефремова, т. VII, стр. 292; подлинник — в Пушкинском Доме.

— Пушкин отвечает на письмо Бенкендорфа от того же 5 марта за № 945, в котором тот писал поэту: «Государь император изволил повелеть мне объявить Вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал шестую главу Евгения Онегина. Что же касается до стихотворения Вашего под заглавием «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 56 — 57); на рукописи стихотворения «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю...») Николай Павлович написал: «Cela peut courir, mais pas être imprimé» («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», стр. 66). Прочтя это стихотворение, Языков писал брату Петру 20 сентября 1828 г.: «Стихи Пушкина «К друзьям» — просто дрянь. Этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательством тонкого вкуса литературного в ныне царствующем государе есть то, что он не позволил их напечатать!» («Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 371). На письмо свое Пушкин получил 10 марта за № 1052 записку от Бенкендорфа, в 3-м лице, с приглашением явиться в воскресенье, 11 марта.

— О своем «будущем назначении» Пушкин спрашивал и в письме от 18 апреля 1828 г. (см. ниже, № 270 и 271 и объяснения к ним, стр. 286 — 288).

267. *П. А. Осиповой* (стр. 48). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 168 (перевод) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 134 — 135; подлинник (на бумаге без вод. зн.) был у Евф. Бор. Зубовой, рожд. баронессы Вревской (внучки П. А. Осиповой) во Пскове (1905); фотографический снимок — в Пушкинском Доме.

Перевод: «Беру смелость послать вам 3 последних песни Онегина; желал бы, чтобы они заслужили ваше одобрение. Прилагаю к ним еще один экземпляр для M-lle Euphrosine, принося ей большую благодарность за лаконический ответ, который она соблаговолила дать на мой вопрос. Не знаю, буду ли я иметь счастие видеть вас в нынешнем году. Говорят, что вы хотели приехать в Петербург. Правда ли это? Между тем, я постоянно рассчитываю на соседство Тригорского и Зуева. Как бы судьба ни гадала, всё-таки нужно, чтобы в конце концов мы собрались под рябинами на берегах Сороти. Примите, как вы, так и всё ваше семейство, уверение в моем уважении, в моей дружбе, в моих сожалениях и в моей совершенной преданности». *Помета П. А. Осиповой:* «Получено 13 марта 1828 г.»

— «Евгений Онегин», как известно, выходил отдельно, по главам: глава вторая вышла в 1826 г., третья — в 1827 г., четвертая и пятая (вместе) — в начале февраля, а шестая — 22 — 23 марта 1828 г. Пушкин послал Осиповой, конечно, четвертую — пятую и шестую главы, при чем последнюю мог иметь, до фактического выхода ее в свет, в немногих авторских экземплярах. Дочери Прасковьи Александровны он послал четвертую — пятую главы, сделав на книжке надпись: «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. — Твоя от Твоих. 22 февр. 1828 г.»; в последней надписи видели подтверждение мнения о том, что Евпраксия Вульф послужила прототипом Татьяны Лариной, но М. Л. Гофман убедительно разбил эту легенду, доказав, что слова надписи поэта относятся только к одному месту «Евгения Онегина», — именно к XXXII строфе пятой главы, в которой читаем следующие стихи, несомненно относящиеся к Евпраксии Вульф, или Зизи, как звали ее в семье:

... вот в бутылке засмоленой,
Между жарким и бланманже
Цымлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,

*

№ 268.

Подобно талии твоей
Зизи, кристал души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал....

(см. «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 101 — 105). Экземпляр этот с надписью Пушкина, как и экземпляры шестой главы (с надписью: «Евпраксеи Николаевне Вульф») и последней главы (изд. 1832 г.) пожертвованы баронессой С. Б. Вревской в Пушкинский Дом Академии Наук, где и находятся в настоящее время (Б. Л. Модзалевский, «Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому» — «Известия имп. Академии Наук» 1911 г., стр. 512, и «Временник Пушкинского Дома 1914 г.», стр. 9 — 14). Любопытная заметка о толках, вызванных в Москве Четвертой и Пятой главами «Онегина», появилась в № 3 (1 марта) «Московского Вестника» 1828 г. (стр. 461 — 469).

— Зуево — местное название Пушкинского сельца Михайловского.

268. *С. А. Соболевскому* (стр. 49). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1878 г., кн. III, стр. 395; подлинник был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева, в бумагах Соболевского (Avant les voyages № 113); ныне в Центрархиве.

— Письмо Соболевского к Пушкину, на которое поэт отвечает, до нас не сохранилось, как и все другие его письма: вероятно после смерти Пушкина они были возвращены Соболевскому.

— В статье своей об Анне Петровне Керн, которой Пушкин 19 июля 1825 г. посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье» и писал пламенные письма (см. выше. в т. I, №№ 157, 170, 173 и др.), мы высказали предположение (Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 606), что поэт, в настоящем письме своем к Соболевскому, поддаваясь циническому тону последнего, выразился так цинически о предмете своего восторженного поклонения лишь «для красного словца». Мы не допускали тогда возможности столь грубого выражения о «гении чистой красоты», о женщине молодой и несчастной, которая с таким добродушием и симпатиею рассказывает о Пушкине в Воспоминаниях своих, относящихся именно к зиме 1827 — 1828 г. (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 247—255, 257). Но теперь, после опубликования М. Л. Гофманом дневников А. Н. Вульфа, раскрывших совершенно невероятный любовный быт и взаимные отношения тогдашней молодежи обоих полов, — а также с очевидностью показавших интимную близость А. П. Керн и ее сестры с их двоюродным братом А. Н. Вульфом, — остается допустить полную вероятность того, что Пушкин не прихвастнул перед своим чувственным приятелем — Калибаном (Б. Л. Модзалевский, «Анна Петровна Керн», Лгр. 1924, стр. 90; «Пушкин и его соврем.», вып. XXI — XXII, pass.; ср. П. Е. Щеголев: «Любовный быт в Пушкинскую эпоху» — в фельетонах газ. «День» 1915 г., № 311 и 320; М. А. Цявловский: «Дневник Вульфа» — «Голос Минувшего» 1916 г., № 2, стр. 279 — 286; «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 131 — 132 и 370, замечание Н. В. Яковлева; В. Вересаев, «Заметки о Пушкине. I. Пушкин и Евпраксия Вульф» — «Новый Мир» 1927 г., № 1, стр. 185 — 194). Соболевский, осень 1827 года проводивший в Петербурге, был частым посетителем барона А. А. Дельвига, у которого постоянно бывала А. П. Керн, жившая в одном с ним доме и дружившая с его женою, баронессою С. М. Дельвиг. Он, как выражались в те времена, также «волочился за нею», хотя барон А. И. Дельвиг и пишет в своих Воспоминаниях (ч. I, стр. 74), что «в 1827 году А. П. Керн была уже менее хороша собою, и Соболевский, говоря за.... ужином, что на «Керн» трудно приискать рифму, ничего не мог придумать лучшего, как сказать:

У мадамы Керны
Ноги скверны».

У П. И. Бартенева был листок с собственноручно написанными шуточными стихами Соболевского к А. П. Керн и баронессе С. М. Дельвиг. № 268.

Ну, скажи, каков я?
Счастлив беспримерно:
Баронесса Софья
Любит нас наверно.

— «Что за простота!
Ведь она не та!
Я ж нежней кота,
Легче всякой серны —
К ножкам милой Керны.
Ах, как они скверны!»

Соболевский свидетельствует, что «стихотворение это беспрестанно твердил Пушкин» («Руск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 349). В 1829 г., 23 февраля, Соболевский, в письме Киреевскому, просил, его передать Пушкину просьбу написать ему об Анне Петровне («Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 570). Князь Н. Н. Голицын сообщает еще следующую «альбомную шутку» Соболевского, обращенную к Анне Петровне («Варш. Дневн.» 1880 г., №, 159):

Чтоб писать хвалу вам сносную,
Добрый гений мне шепнул:
В радугу семиполосную
Ты перо бы обмакнул,
Из Эдема взял бы лилию,
Песнь на ней бы начертил
И посыпал легкой пылию
С мотыльковых крыл.

См. еще ниже, в письме № 274.

— По условию, Пушкин должен был получать за участие в «Московском Вестнике» 10.000 рублей с проданных 1200 экземпляров (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 46).

— Смирдин — Александр Филиппович (род. 1795, ум. 1857), известный Петербургский книгопродавец, а затем и издатель, основатель журнала «Библиотека для Чтения»; в 1830 г. он приобрел право на издание, в течение 4-х лет, всех уже ранее вышедших в свет сочинений Пушкина (см. ниже, в письме № 333) и в 1833 г. выпустил первое полное издание «Евгения Онегина»; в 1832 году поэт был у Смирдина на новоселье и изображен на картинке, представляющей этот праздник. К 1831 г. (предположительно) относятся шуточные стихи Пушкина в письме к М. Л. Яковлеву:

Смирдин меня в беду поверг:
У торгаша сего семь пятниц на неделе, —
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

Однако, поэт относился с уважением к деятельности Смирдина и называл его «libraire-gentilhomme» — «книгопродавец-дворянин» (см. «Портретная Галлерея», вып. I, С.-Пб. 1841, стр. 7): Смирдин искренно был предан интересам литературы и ее деятелей, поддерживал их высокими для своего и даже для нашего времени гонорарами, а его лавка была своего рода литературным клубом, где сходились писатели для деловых свиданий. Так, Измайлов писал Смирдину:

Когда к вам ни придешь,
То литераторов всегда у вас найдешь
И в умной, дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде.

№ 268. Известна пародия Пушкина на эти стихи: «Коль ты к Смирдину войдешь, Ничего не купишь» и т. д. (см. Воспоминания гр. В А. Соллогуба). Широко развив издательскую деятельность (он предпринял серию собраний сочинений русских авторов), Смирдин, однако, не справился с финансовою стороной дела, разорился и умер в бедности.

— Калибан — одно из действующих лиц в драме Шекспира «Буря» — «дикий и уродливый невольник», тип человека чувственного, сластолюбца. Пушкин называл Соболевского еще именем другого Шекспировского героя (из трагедии «Генрих IV») — «Фальстафа», типичного сластолюбца, обжоры и пьяницы (ср. выше, в письме № 227). Ср. еще в письме № 275.

— «Атенеической Мудрец»: в начавшем выходить в Москве, в 1828 г., журнале профессора М. Г. Павлова «Атеней. Журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов», была помещена (1828 г., ч. I, № 4, стр. 76 — 89; ценз. дозв. 10 февр. 1828 г.) критическая статья о Четвертой и Пятой главах «Евгения Онегина», подписанная буквою *В.*; в ней неизвестный автор утверждал, что в «Онегине» нет ни характеров, ни действия. «Легкомысленная только любовь Татьяны оживляет несколько оное. От этого эти главы сбиваются просто на описания то особы Онегина, то утомительных подробностей деревенской его жизни и пр. От этого такая говорливость у него, так много заметных повторений, возвращений к одному и тому же предмету и кстати, и не кстати; сколько отступлений особенно там, где есть случай посмеяться над чем-нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себе и пр. в подобном роде» (цит. по Н. Барсукову: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 183). Критик далее замечал по поводу отдельных выражений: «Лучинка, друг ночей зимних, трещит перед девой, прядущею в избушке . . . Скажи это кто-нибудь другой, а не Пушкин, — досталось бы ему от наших должностных Аристархов... «На красных лапках гусь тяжелый, задумав плыть по лону вод», — не далеко уплывет... «Бордо благоразумен». Открытие. Попьем, попишем: может быть откроем в нем еще какие-нибудь достохвальные качества» и т. п. (цит. по Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 557). Кс. А. Полевой, проводивший весну 1828 г. в Петербурге, рассказывает, что в одно из свиданий с Пушкиным, в последнем «пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в «Атенее»... Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако, он отыскал клочки синей бумаги, на которой оно было написано, и прочел мне кое-что. Это было собственно не возражение, а насмешливое и очень остроумное *согласие* с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, повидимому соглашаясь с ним. Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь «Атенею», но он не согласился, говоря: «Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатаю возражения, но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе» (Записки, С.-Пб. 1888, стр. 273 — 274; ср. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 26, № 9: рукопись ответа Пушкина на критику «Атенея» писана, действительно, на синей бумаге). По поводу этой запомнившейся ему «критики» Пушкин писал впоследствии в одной из заметок:.. «Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании Четвертой и Пятой песни Евгения Онегина. Разбор сих глав, напечатанный в Атенее, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика, — например, «можно ли сказать *стакан шипит,* вместо *вино шипит в стакане? Камин дымит,* вместо *пар идет из камина?* Не слишком ли смело *ревнивое подозрение? неверный лед?* Как думаете, что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывался, однакож, что это значит, что мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо: № 268.

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед.

Критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть...

и справедливо замечал, что не далеко уплывешь на красных лапках». — «Пушкин», сообщал Погодину из Петербурга В. П. Титов: «бесится на *Атенея*, утешается, браня своего критика матерщиною за одно с Булгариным. А мне смешно. Несмотря на глупость разбора Аксакова или Дмитриева, много есть поделом. Я бы душевно желал, чтобы его побольше пощелкали за *Онегина*. Вы, я чаю, знаете, что он едет за государем на юг». Не менее Пушкина возмущен был этою критикою и князь В. Ф. Одоевский. «Что за пакость», писал он, «во 2-й книжке *Атенея!* Как не стыдно Павлову!», а князь П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву 24 марта 1828 г.: «Критика Атенея на Пушкина во многом ребячески забавна. Критик не позволяет сказать: *бокал кипит, безумное страданье, сиянье розовых снегов*. После этого должно отказаться от всякой поэтической вольности в слоге и держаться одной голословной и буквальной положительности. Да и можно ли Пушкина школить, как ученика из гимназии? Встречаются и должны встречаться недостатки в каждом произведении; но таланты, каков талант Пушкина, и особливо же у нас, должен быть всегда предметом уважения: не раболепного и слепого идолопоклонничества, но еще более — и не насмешливой привязчивости и педантического исправления» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1716; см. еще в издании Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 38—39).

«Московский Вестник» с своей стороны напечатал у себя следующую, принадлежащую, вероятно, перу Шевырева, заметку — отповедь «Атенею» (ч. VIII, № 5, 1 марта, стр. 120—131): «В Атенее кто-то насчитал множество ошибочных выражений в Онегине. — Читал ли Г. Критик, занимаясь старыми своими Грамматиками, прочие Стихотворения Пушкина? Заметил ли он, что у Пушкина особливое достоинство — верность и точность выражения, и что это достоинство принадлежит ему предпочтительно пред всеми нашими поэтами? Пушкин следовательно мог, если бы захотел, избежать тех ошибок, в которых его упрекают (впрочем, из замеченного только $^{1}/_{10}$ справедливо), но у него именно, кажется, было целию оставить на этом произведении печать совершенной свободы и непринужденности. Он рассказывает вам роман *первыми* словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении Онегин есть феномен в Истории Русского языка и стихосложения. К нему удачно можно применить, что Тасс говорит о Софронии:

Non sai ben dir, s'adorna o se negletta,
Se caso od arte il bel volto compose»...

Языков назвал «Атеней» за эту критику «Отступником Пушкина, злодеем, Благонамеренным Московским» (см. ниже в письме № 275).

— Зубарев — по всей вероятности Дмитрий Елисеевич (род. 1802, ум. в Петербурге 20 октября 1850 г.), сотрудник «Вестника Европы» 1825—1827 гг., в 1825 году на страницах этого журнала (ч. 141, № 11, стр. 187) выступивший с критическими замечаниями на V том «Истории Государства Российского» Карамзина, в которых, по словам «Московского Телеграфа», проповедывал, что Карамзин «только перефразировал историю князя Щербатова, и что Иоанн Экзарх Болгарский ничем не лучше Иоакимовой летописи, и что ученый Каченовский доказал это» («Московск. Телегр.» 1827 г., № 10, смесь, стр. 85—91; ср. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 145; перечень статей Зубарева см. у М. П. Полуденского: «Указатель статей... помещенных в «Вестнике Европы» 1802—1830»,

№ 268. стр. 230, 231, 232, 240, 244, 247 и 248); он в 1827 г. критиковал в «Северной Пчеле» книгу А. З. Зиновьева: «О начале, ходе и успехах критической Российской Истории». В 1832 г. Зубарев, будучи коллежским ассесором и чиновником особых поручений в Казенной Экспедиции Верховного Грузинского Правительства в Тифлисе («Месяцеслов» на 1833 г., ч. II, стр. 393), издавал вместе с П. С. Санковским и Г. С. Гордеевым литературное отделение «Тифлисских Ведомостей» (Н. М. Лисовский, «Библиография Русской периодической печати», Пгр. 1915, стр. 75); позднее Д. Е. Зубарев сотрудничал в «Энциклопедическом Лексиконе» Плюшара. Умер в должности Председателя Губернского Суда в Енисейске, в чине д. с. советника. Вероятно, задорные и претенциозные нападки Зубарева на Карамзина дали повод Пушкину поставить его на одну доску с «дураком» Иваном Савельевичем, хотя, повидимому, Зубарев не заслуживал такого сравнения: в Записках его Кавказского сослуживца поэта В. Н. Григорьева, в рассказе о совместной командировке, в начале 1829 г., на описание Кавказских провинций, находим следующую характеристику Зубарева: «По одному со мною пути ехал один из моих товарищей З.б.р., которому поручено было описать Эриванскую область. Зубр. приехал в Грузию только что окончивши курс наук в Московском Университете. Он был высок ростом, плечист, одним словом богатырского телосложения. Язык его я называл бритвою: беда, если кто ему не нравится или сказал ему что-либо колкое: пощады тому не было. Вообще во всем он был человек энергичный: много ел, еще более пил, но, благодаря своему крепкому сложению, никогда пьян не был. Особенной приязни я никогда к нему не чувствовал, но, за всем тем, он всегда был со мною в хороших отношениях. В дороге он был приятный товарищ, забавлял меня своими рассказами и, своею необыкновенною подвижностию и резкостию выражений, оживлял однообразное странствование наше» (В. Н. Григорьев. Заметки из моей жизни — в Рукописи. Отд. Гос. Публ. Библ-ки, шифр F. IV. № 881, по верхн. нумер. л. 18, по нижн. нум. лл. 39—40; сообщ. С. Я. Гессен).

— Иван Савельевич — пользовавшийся по Москве широкою популярностью «дурак», т.-е. шут, по фамилии Сальников; он жил в доме князя В. А. Хованского, тестя А. Я. Булгакова (см. «Русск. Арх.» 1900 г. кн., II, стр. 235 и 1901 г., кн. II, стр. 41) и упоминается, как *известность*, уже в 1809 г. в письмах братьев Булгаковых (из коих Александр был женат на княжне Нат. Вас. Хованской: «Русск. Арх.» 1899 г., кн. I, стр. 561 и 1902 г., кн. III, стр. 216; ср. 1900 г., кн. II, стр. 235 и 304); так, напр., сообщая брату об обеде у своего отца, Я. И. Булгакова, в Москве, в апреле 1809 г., он писал: «Папà был очень весел. Был тут Иванушка, дурачок Хованских. Папа заставил его плясать и бросил под ноги хлопушки. Он прошелся по ним, — и как только раздался выстрел, дурак бросился наземь, начал делать крестные знаменья и кричать, как будто ему перерезали горло» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. III, стр. 88); а сам Я. И. Булгаков немного ранее (в феврале 1809 г.) писал сыну: «Посетил меня Иванушка в бархатном кафтане, шитом серебром и золотом, в красных чулках. Вместо звезды превеликий букет цветов; убранство сие подарил ему Всеволодской, — и за ним гоняются люди по улицам» («Русск. Арх.» 1898 г., кн. II, стр. 382). Так потешался над Савельичем один из просвещеннейших вельмож Екатеринина века; другие, в том числе и А. Я. Булгаков, ему подражали (см., напр., «Русск. Арх.» 1899 г., кн. III, стр. 185), создавая Иванушке большую популярность; много лет спустя (в 1821 г.) тот же Александр Булгаков, рассказывая о повредившемся в уме писателе Н. И. Ильине (малом ростом), сообщал брату, что «на улице за ним шло несколько сот мальчишек, как, бывало, за Иваном Савельевичем» (там же, 1901 г., кн. I, стр. 272). В феврале 1824 г., на запрос К. Я. Булгакова, А. Я. Булгаков писал из Москвы: «Ты спрашиваешь, жив ли Савельич? жив, но более не шутит. Он разбогател шутками своими, приятели построили ему дом, всем мастеровым заплатил он шутками. Теперь торгует чаем и всякою всячиною. У нас бывает очень редко» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 41). Тот же К. Я. Булгаков писал брату из Петербурга в августе 1825 г.:

«Кто, ты думаешь, вчера неожиданно к нам явился? — Иван Савельич: № 268. его взял сенатор Гагарин проводить себя до заставы да и увез сюда. Постарел, но всё смешон и нас целый день веселил. Англичанка так и каталась от него. Он намерен пробыть здесь недели с две. Обещал бывать у нас. Его, было, Гагарин к нам не пускал, а он ему: «Ох, ты, дурак! Да как же мне здесь не повидаться с моими родными?» Он мне напомнил приятное Московское житье и много рассказал новостей» (там же, 1903 г., кн. II, стр. 198, 208). «Явление Савельича очень тебя позабавило», — отвечал брату А. Я. Булгаков 18 августа из Москвы: «Хотя он и шут, но у него точно благородные чувства, и поведение его с детьми делает ему честь: воспитал их славно. Сын его — один из лучших портных в городе, имеет хорошую лавку, шьет на меня — и очень хорошо; дочь выдал он за весьма хорошего башмачника, коего ввел во все дома, ему знакомые... On m'a dit que ce soit-disant дурак était allait à Pétersbourg pour arranger le mariage du fils du prince Gagarine avec la fille de m-me Ивашкин». (там же 1901 г., кн. II, стр. 203); им пользовался даже граф Ф. В. Ростопчин во время Отечественной войны: Савельич перед занятием Москвы развозил, по поручению графа, по домам известные патриотические Ростопчинские афиши; об этом свидетельствует декабрист А. П. Беляев в своих Воспоминаниях («Русск. Стар.» 1880 г., № 9, стр. 19. Е. П. Янькова также говорит, что «дурак» Иван Савельич «был на самом-то деле преумный: он иногда так умно шутил, что не всякому остроумному человеку удалось бы придумать такие забавные и смешные шутки. Хованские его очень любили и баловали. Для него была устроена особая одноколка и лошадь дана в его распоряжение, и он пользовался этим экипажем и езжал на гулянья, которые бывали на маслянице и на Святой неделе. В чем он катался зимой, не помню, а в летнее время он отправлялся на гулянье под Новинским в своей одноколке: лошадь вся в бантах, в шорах, с перьями, а сам Савельич во французском кафтане, в чулках и башмаках, напудренный, с пучком и с кошельком и в розовом венке; сидит он в своем экипаже, разъезжает между рядами карет и во всё горло поет: «Выйду ль я на реченьку» или «По улице мостовой шла дѣвица за водой». И все эти вздоры забавляли и потешали тогдашнюю публику!» (Д. Д. Благово, «Рассказы Бабушки», С.-Пб. 1885, стр. 308). Вышеупомянутый декабрист Беляев, видывавший Савельича в детстве своем, описывает его так: «Он разъезжал в маленькой коляске с шутовскою сбруей, в шутовском французском кафтане, провожаемый толпою мальчишек. Он был маленького роста, плотный, совершенно лысый; походка его была очень странная, как будто он подкрадывался к чему-нибудь; вся фигура его была вполне шутовская... Он знал много французских слов и в искаженном виде перемешивал их с русскими всегда шутовски и остро; тершись в большом свете, он понимал французский разговор, был умен и остер в своих шутках» («Русск. Стар.» 1880 г., № 9, стр. 19—20). Князь Н. С. Голицын также говорит о Савельиче, что он был «преоригинальная личность, кажется, из отставных приказных, не лишенный некоторого образования. Он был человек не молодой, но и не очень старый, далеко не глупый, но большой плут, умевший сделаться любимцем высшего общества и особенно дам. Они так избаловали его, что без него не обходилось ни одно собрание в высшем обществе, и он позволял себе как с мущинами, так и с дамами и даже девицами невероятные шутовства в речах и словах... Савельич был в этих чопорных собраниях до такой степени бесстыжим и развязным, что теперь даже трудно поверить тому... Кажется, что при этих шутовствах своих он не прочь был служить и посредником в любовных делах... В 1830-х г. он был в Петербурге, но уже далеко не в той силе и славе, как бывало в Москве. Он был уже в бедности и жил тем, что продавал в разнос дамские шляпки, которые делали его дочери» («Русск. Стар.» 1890 г., т. LXVI, стр. 712). Москвич И. В. Селиванов в Записках своих повествует: «Иван Савельич был последним могиканом или представителем того поколения шутов, которые составляли почти необходимую принадлежность всякого богатого барского дома или даже двора в старину. Когда

№ 268. я его видал, это был старик лет за шестьдесят, державшийся, впрочем, прямо и ходивший в чем-нибудь особенном, но далеко не шутовском наряде. Чаще всего я его встречал в белом суконном сюртуке с висячим воротником, по тогдашней моде, — и чрезвычайно длинных панталонах, лилового или серого цвета, которые большими сборками доходили до полу, представляя его чем-то в роде мохнатого петуха. Летом я его встречал в черной пуховой шляпе с большими полями и очень узкой тульей в верху, в роде тех, какие носили во Франции во время большой революции 1793 года, а с этой шляпы висел большой пук развевающихся по ветру разноцветных атласных лент». Ему, по словам Селиванова, «позволялось многое, о чем, конечно, теперь даже никто и думать бы не осмелился, и что, конечно, привело бы в изумление всякого непосвященного. Иногда у него были такие сальные, даже и для тогдашнего времени, выходки, что теперь, когда мода на эти шутки прошла, — теперь даже и поверить трудно, что их допускали в порядочном доме. Ко всем дамам и девицам он обращался, называя их уменьшительными именами и прибавляя фамильярное «ma chère» («Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXIII, стр. 625 — 626). В том же роде и рассказ Е. П. Самсонова («Русск. Арх.» 1884, кн. I, стр. 456 — 457). Москвичка того же поколения, — поэтесса К. К. Павлова, в Воспоминаниях своих также пишет, что «Иван Савельич, этот последний Московский шут, был вхож во все аристократические дома. Он часто навещал графиню Строганову, которую он называл Катькой, — и она всегда принимала его как желанного гостя. Я не могла постигнуть, почему с ним обращались так ласково и находили так забавным то, что он говорил. Мне он казался несносным, и я глядела на него с непреодолимым отвращением, неясно и безотчетно понимая жалкое ремесло этих шутов, которых деспотические вельможи прежних времен, в надменном издевании над идеею народных прав, делали каррикатурой независимого человека и забавлялись такой безнравственной пародией равенства, им ненавистного» (Собрание сочинений. изд. К. Ф. Некрасова, под ред. В. Я. Брюсова, М. 1915, т. II. стр. 285 — 286). Но Павлова была исключением: большинство Москвичей забавлялось проделками Савельича и находило очень остроумным и смешным, когда он, по словам Д. А. Ровинского, «всенародно бегал на гулянье в Подновинском декольте, в шитом красном мундире, в женской юбке и в женской шляпке задом наперед». Он «был любимцем старухи К. П. Толстой, которую он звал запросто Пердовной, и многих Московских бар и барынь 1820 — 40-х годов. Он занимался разноскою по домам чая, сахара, табаку и разных мелочей и продажею винограда; всякий покупал у него охотно за его прибаутки и присказки. Он отличался особенным искусством по части легкого пороха и исполнял при его посредстве марши и целые пьесы» («Русские народные картинки», кн. V, С.-Пб. 1881, стр. 273 — 274), а однажды, побившись об заклад, что «за одним проходом произведет известный звук сто раз сряду», — он выиграл двухэтажный каменный дом («Русск. Стар.» 1882 г., кн. XXXIII, стр. 632). Сальников был так популярен в Московском обществе, что известный водевилист Ф. А. Кони написал даже особую шутку-водевиль на тему: «Иван Савельевич», которая была напечатана в Москве в 1835 г. и дана на Московском театре 18 октября того же года в бенефис актрисы Репиной (Верстовской). Постановка пьесы вызвала недовольство москвичей, так как в ней были выведены поэт князь П. И. Шаликов и другие москвичи; был недоволен и сам Савельич, который, по словам А. Я. Булгакова, говорил Директору театров М. Н. Загоскину: «Как ты глуп, Мишенька! Уж ежели ты хотел меня вывести на сцену, то лучше бы пустил меня самого: я сам себя лучше всех бы представил, а не то выучил бы твоего актера всем моим ужимкам и ухваткам» («Русск. Арх.» 1906, кн. III, стр. 221. 222). Однако, снисходительный рецензент пошлой Булгаринской «Северной Пчелы» приветствовал водевиль Кони и писал о нем: «Ба! Старинный знакомый, бесценный Савельич, с которым мы часто видались в Москве лет десять тому назад; остроумный, веселый, шутливый Савельич: всеобщий Московский знакомый, знающий все сплетни и всех сплетниц, который самым строгим весталкам безнаказанно говорит: *монамур*, самым

брезгливым дамам — *машер*, самым бранчливым старухам — *мопанш*. Где Иван Савельич, — там настоящий праздник: смех, хохот, рассказы, песни, игры, веселье. Когда он идет по улице, распевая песенки, тысячи беленьких ручек зазывают его к себе, — и Иван Савельич отдает предпочтение самой беленькой. Под маскою шута он завладел удивительным правом: говорить всякому правду и горькую истину. Слушают его, сердятся на него и потом прибавляют: «Да ведь он шут!» — и опять начинаются рассказы, песни и шутки». По словам И. В. Селиванова, крепостной Сальников был впоследствии отпущен на волю своим господином и даже приобрел состояние, которое оставил в наследство сыну, бывшему пробирным учеником в Московском Горном Правлении («Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXIII, стр. 632). Об Иване Савельиче см. еще заметку Н. О. Лернера в журнале «Солнце России» 1913 г., № 22 (173), стр. 12—14, а также «Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 36 — 37. О весьма похожем на Ивана Савельича шуте — Иване Степановиче рассказывает и Пушкин в «Записках П. В. Нащокина» (1830). В имени дядьки молодого Гринева — Савельича, а также в имени камердинера Пелымова («Русский Пелам») как будто также слышится воспоминание Пушкина об известном Московском шуте. **№ 269.**

269. *И. Е Великопольскому* (стр. 49). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1884 г., кн. I, стр. 469; подлинник был у П. И. Бартенева; нам остался недоступен.

О Великопольском см. выше, в объяснениях к письмам №№ 203, 209 и 228. В начале 1828 г. в Москве он выпустил изящное издание своего стихотворения «Эрасту (Сатира на игроков)»; здесь он рассказал, в назидание читателям, печальную историю молодого человека, игрока Ариста, который в одну ночь проиграл в карты всё свое состояние опытному игроку Дамону, погубил свою честь и сошел с ума. В Булгаринской «Северной Пчеле» (1828 г., № 26, от 1 марта) появилась краткая рецензия на это произведение; автор, вероятно, не преминул послать его и Пушкину, с которым был лично знаком и которого очень ценил как поэта, хоть и не долюбливал как человека. Пушкин, прочтя сатиру и вспомнив свои карточные состязания с ее автором, страстным, но неудачливым игроком, написал остроумное «Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков» и дал его Булгарину для напечатания в «Северной Пчеле», в которой оно и появилось 10 марта, в № 30:

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру:
Ему полезен розги свист.
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь — и так пропал!
Дамон твой — человек ужасной;
Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюся в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Эраста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник...
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:

№ 269.

Некто, мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув Кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ, его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, — и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировал!
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать,
И до полдневного сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Стихи появились без подписи Пушкина, но с примечанием издателя: «Имени сочинителя сих стихов не подписываем: ex ungue leonem». Великопольский сразу узнал автора и был задет за живое, — тем более, что буква В., которою поэт обозначил адресата послания, ничего не скрывала, так как в той же «Северной Пчеле», где оно было напечатано, лишь за четыре номера была, как мы указали, помещена заметка о «Сатире». Прочтя стихи, — Великопольский тотчас, 17 марта, написал следующее ответное послание Пушкину, которое и отправил к Булгарину, прося напечатать его в «Северной Пчеле»:

Узнал я тотчас по замашке
Тебя, насмешливый поэт!
Твой стих весенней легче пташки
Порхает и чарует свет.
Я рад, что гений удосужил
Тебя со мной на пару слов.
Ты очень мило обнаружил
Беседы дружеских часов.
С твоим проказником соседним
Знаком с давнишней я поры, —
Обязан другу он последним
Уроком ветреной поры!
Он очень помнит, как, сменяя
Былые рублики в кисе,
Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе...
Блуждая в молодости шибкой,
Он спотыкался о порог;
Но где последняя ошибка, —
Там первый мудрости урок.

Булгарин, однако, не решился напечатать стихи Великопольского в «Пчеле», да и Пушкин не согласился на это, усмотрев, почему-то, в стихах этих бо́льшую «личность», чем та, которая заключалась в его собственном послании; о своем несогласии он уведомил Великопольского письмом (№ 269), которое Великопольский получил 5 апреля, а 7-го числа писал Булгарину: «Милостивый Государь, Фаддей Венедиктович! Третьего дня получил я письмо Ал. С. Пушкина. Он уведомляет, ссылаясь на вас, что без его согласия цензура не пропускает, как личность, моих к нему стансов; а что он согласиться не может. — Это меня очень удивило. Разве его ко мне послание не личность? В чем онаго цель и содержание? Не в том ли, что сатирик на игроков сам игрок? Не в обнаружении ли частного случая, долженствовавшего остаться между нами? — Я слишком уверен в благородстве Пушкина, чтобы предполагать такой донос на дружбу

истинным его намерением; но дело не в намерении, а в самом деле; и стихи, вышедшие из-под типографского станка, берут направление сами, независимо от автора. Почему же цензура полагает себя в праве пропускать личности на меня, не сказав мне ни слова, и не пропускает личности на Пушкина, без его согласия? Позволив одному посмеяться над другим, тот не обязан ли, ежели он беспристрастен, не отнимать по крайней мере у другого способов отыграться? И даже противный поступок, будучи притеснением для одного, не может ли почесться неуважением к другому? Простите, ежели я, может быть, неуместно так распространился. Я хотел оправдать себя в вашем мнении и доказать односторонность действий цензуры, при котором литературный бой никогда не может быть равен. — Но Пушкин, называя свое послание одною шуткою, моими стихами огорчается более, нежели сколько я мог предполагать. Он даже дает мне чувствовать, что следствием напечатания оных будет непримиримая вражда. Надеясь, что он имеет ко мне довольно почтения, чтобы не предполагать во мне боязни, дорожу его дружбою и прилагаемым при сем к нему письмом (которое по незнанию адреса, имею честь вас просить доставить) отдаю на его полную волю, при некотором условии, не читать мои стансы и не печатать, предоставляя себе в последнем случае отыграться в другом месте, другим образом. — Я счел неизлишним вас об этом уведомить, полагая, что вам самим неприятна такая односторонность цензуры. — Москва, апреля 7-го 1828 г.». — Жалоба Великопольского на «обнаружение частного случая», которого Пушкин не должен был оглашать, подтверждает забавный рассказ Пушкина о «соседе», говорит Н. О. Лернер: «Надо думать, что Великопольский читал Пушкину свою сатиру раньше появления ее в печати, и что это чтение закончилось именно так, как рассказал Пушкин, т.-е. падением строгого сатирика в ту самую пучину греха, от которой он хотел предостеречь других. Справедливое требование Великопольского не было удовлетворено, и его ответ не был напечатан. Следует помнить, что Пушкин считал за Великопольским некоторый «долг» за Послание 1826 года, в котором Великопольский советовал ему поменьше «мытарствовать» [см. выше, в объяснениях, стр. 165]. Потом противники помирились. Составив в 1829 году «Ответ на отзыв журналов о Сатире на игроков», Великопольский показал его Пушкину, который посоветовал: «непременно напечатать!» — В конце «Ответа» Великопольский добродушно рассказывает о своем столкновении с Пушкиным: «В заключение могу ли позволить себе сказать слово о «Послании» ко мне, напечатанном в 30-м нумере «Северной Пчелы» прошлого года? Любезный сочинитель, которого блистательное в словесности нашей имя слишком хорошо узнается без всякой надобности для того в подписи, доставил мне прекрасными своими стихами истинное удовольствие. Признаюсь, что сначала я не так это принял, чему главною причиною было, собственно, не «Послание», а недобрая присоединенная к нему выноска («ex ungue leonem») издателя газеты, дававшая обращенным ко мне стихам вид не приятельской шутки, а сатирической насмешки. Теперь, пообдумав и порассудив, а главное — перечитав стихи с хладнокровием, я очень рад, что автор «Послания» не согласился на напечатание ответных моих станцов (как сам уведомил меня о том), слишком наскоро мною написанных и посланных издателю газеты на другой же день получения листка его в Москве» (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. LXIV — LXV; Б. Л. Модзалевский, И. Е. Великопольский — в сборн. «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902 г., стр. 365 — 372). — «Вероятно еще до примирения Пушкин написал на Великопольского эпиграмму, может быть, даже не вполне отделанную и оставшуюся без распространения: «Поэт — игрок, о Беверлей — Гораций»... Насмешка над поэтом-игроком, который с радостью поставил бы на карту тетрадь своих стихов, если бы его «стих ходил хотя в копейку», очевидно, служит ответом на напоминание Великопольского о проигрыше Второй главы «Онегина». «Рукописи Пушкина», говорит Н. О. Лернер, бойко котировались на игорной бирже. Еще в 1820 году он проиграл Н. В. Всеволожскому тетрадь своих

№ 270. стихотворений, которую выкупил в 1825 г. [см. выше, т. I, письма №№ 87, 89 и др.]. В другой раз ему случилось проиграть и тут же отыграть назад Пятую главу «Онегина» («Русск. Стар.» 1874 г., т. IX, стр. 564, зам. Н. Кичеева)» (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. LXV). Вообще Пушкин был игрок азартный до самозабвения. Так, князь П. А. Вяземский, говоря об известных людях, отличавшихся страстью к карточной игре (Талейран, Бенжамен Констан, граф С. П. Румянцов), пишет об одном эпизоде из жизни Пушкина: «Страстные игроки были везде и всегда... Умнейшие люди увлекались игрою... Пушкин, во время пребывания своего в Южной России, куда-то ездил за несколько сот верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехав в город, он до бала сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял и все деньги свои, и бал, и любовь свою» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2253).

— Такую же угрозу о «включении неприязненных строф в Онегина» Пушкин выразил ранее по адресу графа Ф. И. Толстого — Американца (см. выше, т. I, в письме № 141), но ни по отношению к нему, ни по отношению к Великопольскому ее не осуществил.

270. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 50). Впервые напечатано в Соч., изд. Суворина, под ред. Ефремова, т. VII, стр. 294; подлинник в Пушкинском Доме.

— Еще 5 марта, в письме к Бенкендорфу, Пушкин интересовался узнать «будущее свое назначение», — следовательно, уже до этого он подымал вопрос о командировке своей на Кавказ, к сражавшимся против Персов войскам, в которых, под начальством Н. Н. Раевского, находился и Лев Пушкин. 9 апреля А. Я. Булгаков передавал брату распространившийся в Москве слух, что «поэт Пушкин принят в службу в Собственную Канцелярию государя», и прибавлял: «Что, кабы да исправился этот шалун! Август и Людовик XIV имели великих поэтов. Пушкин достоин воспевать Николая» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 142); Жуковский в это же время [15 апреля] писал А. А. Воейковой («Светлане»): «Вчера вышел манифест о войне. Пушкин взят и едет в армию Тиртеем начинающейся войны» (Н. В. Соловьев, «История одной жизни», Пгр. 1916 г., стр. 68; ср. «Пушк. и его соврем.», вып. XIV, стр. 190, прим.). Слухи эти, как известно, были неверны (см. ниже, в объяснениях к № 271 и № 272), но они подтверждают факт каких-то разговоров о назначении Пушкина к какому-то месту еще до объявления войны. Вел. кн. Константин Павлович, отвечая Бенкендорфу, писал из Варшавы 14/26 апреля 1828 г. (по-французски): «Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за Главной императорской Квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, в виду прежнего их поведения, как бы они ни старались теперь выказать свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаковых с ними принципов и число которых перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 318—319). — Манифест Николая I о войне с Турцией был обнародован 14 апреля — и это дало Пушкину повод вновь поднять вопрос о поездке своей на войну, на которую одновременно просился и князь Вяземский, побужденный предложением П. Д. Киселева занять место при Главной Квартире, — разумеется, по гражданской части (Соч. князя П. А. Вяземского, т. IX, стр. 96, и Соч. князя П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893 г., стр. 515; «Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 70). — 18 апреля кн. П. А. Вяземский, совершив с Пушкиным прогулку за Невою (Н. О. Лернер, «Труды и дни», изд. 2, стр. 171), писал А. И. Тургеневу: «Пушкин... просился следовать за Главною Квартирою, и ему позволили, — только неизвестно еще, в каком виде» («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 65). Но сообщение Вяземского было преждевременно: 20 апреля Бенкендорф так отвечал на письмо поэта: «Я докладывал государю императору о желании Вашем, милостивый государь, участвовать в начинающихся против турок военных действиях; его импе-

раторское величество, приняв весьма благосклонно готовность Вашу быть полезным в службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может Вас определить в Армию, поелику все места в оной заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающих определиться в оной, но что он не забудет Вас и воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные Ваши дарования в пользу отечества» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 62 — 63). В тот же день, 20 апреля, Бенкендорф написал ответ и Вяземскому: «В следствие доклада моего государю императору о изъявленном мне вашим сиятельством желании содействовать в открывающейся против Оттоманской Порты войне, его императорское величество, обратив особенно благосклонное внимание на готовность вашу, милостивый государь, посвятить старания Ваши службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может определить Вас в действующей против Турок армии, по той причине, что отнюдь все места в оной заняты. Ежедневно являются желающие участвовать в сей войне и получают отказы. Но его величество не забудет Вас и коль скоро представится к тому возможность, он употребит отличные дарования Ваши для пользы Отечества» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 1093 — 1094). — «Можно подумать», иронически замечает Вяземский по поводу этого ответа, «что я просил командования каким-нибудь отрядом, корпусом или по крайней мере дивизией в действующей армии»... (Соч., т. IX, стр. 98). 27 апреля он с горечью писал А. И. Тургеневу по поводу этого отказа: «Что ни делайте, не берите меня за Дунай, а в каталогах, а в биографических словарях всё таки имячко мое всплывет, когда имя моего отца и благодетеля Александра Христофоровича [Бенкендорфа] будет забыто, ибо вероятно Россия не воздвигнет никогда Пантеона Жандармов. Как никто не доложит власти о таких истинах и не напомнит, что нельзя же всех людей принимать в виде Титулярных и Коллежских Советников. Добро одного меня, как же не отличить Пушкина, который также просился и получил отказ после долгих обещаний. Эти ребячества похожи на месть Толстой-Протасовой, которая после Петербургского наводнения проехала мимо Петра на площади и высунула ему язык» («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 70). «Неужели вы думаете», писал великий князь Константин Бенкендорфу 27 апреля (9 мая), — еще не зная об отказе в просьбе поэтов, — «что Пушкин и князь Вяземский действительно руководствовались желанием служить его величеству, как верные подданные, когда они просили позволения следовать за императорской Главной Квартирой? Нет, не было ничего подобного: они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения с большим успехом и с большим удобством своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 321 — 322; ср. у М. К. Лемке: «Николаевские жандармы», С.-Пб. 1908 г., стр. 487 — 489). Н. В. Путята, хорошо знакомый с Пушкиным, передает также, что когда началась Турецкая война, то «Пушкин пришел к Бенкендорфу проситься волонтером в армию. Бенкендорф отвечал ему, что государь строго запретил, чтобы в действующей армии находился кто-либо, не принадлежащий к ее составу, но при этом благосклонно предложил средство участвовать в походе: «Хотите», сказал он: «я определю вас в мою Канцелярию и возьму с собою?» «Пушкину», — восклицает по этому поводу Путята: «предлагали служить в Канцелярии III Отделения!» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 351).

№ 271. 271. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 50). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1874 г., т. IX, стр. 394 — 395, с обширным комментарием А. А. Ивановского; подлинник — в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук (см. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 46).

— «Когда», повествует Андрей Андреевич Ивановский: «генерал Бенкендорф объявил Пушкину, что его величество не изъявил согласия

№ 272. [на определение его в армию], «Пушкин впал в болезненное отчаяние..., сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась в нем, и он опасно занемог», но успел написать Бенкендорфу новое письмо (т.-е. № 271), в котором просил разрешения на поездку в Париж и на переиздание некоторых стихотворений своих. «На другой же день по получении этого письма», говорит Ивановский: «А. Х. Бенкендорф узнал о положении Пушкина. 23-го числа, утром в 12-м часу, генерал, готовясь отправиться в Зимний Дворец и отдавая мне это письмо Пушкина, сказал: «Ведь ты, mon cher, хорошо знаком с Пушкиным? Он заболел от отказа в определении его в армию и вот теперь чего захотел..... Пожалуйста, повидайся с ним; постарайся успокоить его и скажи, что он сам, размыслив получше, не одобрит своего желания, о котором я не хочу доводить до сведения государя. Впрочем, пусть он повидается со мною, когда здоровье его позволит». «Тронутый вестию о болезни поэта», Ивановский поспешил к нему в гостинницу Демута, захватив с собою своего приятеля Алексея Поликарповича Бочкова, молодого литератора (впоследствии иеромонах Антоний). Они нашли Пушкина «в постели, худого, с лицом и глазами, совершенно пожелтевшими. Нельзя было видеть его без душевного волнения и соболезнования». Ивановский передал Пушкину поручение Бенкендорфа, указав, что в отказе государя ему следует видеть доказательство внимания, а не немилости, что государь пожалел определять поэта, дарование которого он высоко ценит, простым юнкером, не желая рисковать его жизнию. Успокоенный этими уверениями, поэт, по словам Ивановского, отказался от мысли о Париже, оживился и с радостью принял приглашение Бенкендорфа явиться к нему на другой день, часов в 7 утра, для беседы (см. «Русск. Стар.» 1874 г., т. IX, стр. 392—399; ср. М. К. Лемке, «Николаевские жандармы», стр. 489—491; М. А. Цявловский, «Тоска по чужбине у Пушкина» — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 56—58). Тем не менее, через две недели, провожая до Кронштадта какого-то знакомого, уезжавшего морем за границу, Пушкин, если верить рассказу А. О. Смирновой, едва устоял против сильнейшего искушения — «спрятаться где-нибудь в каюте и просидеть там до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море» (Записки, ч. I, С.-Пб. 1895, стр. 33). Между тем, слух о намерении Пушкина ехать на войну распространился и передавался уже в совершенно положительном смысле. «Пушкин», сообщал баснописец А. Е. Измайлов жене своей из Москвы 11 мая 1828 г.: «отправился с государем в армию, отнюдь не в качестве поэта, как говорили в Твери, а причислен только к Канцелярии Бенкендорфа, чтобы, так сказать, быть под надзором. Погубит он себя, если начнет опять блажить попрежнему. Впрочем, действительно, исправился он в поведении» (сообщ. И. А. Кубасов); ср. еще сообщение П. А. Каратыгина от 4 мая 1828 г. — в письме к П. А. Катенину: «Пушкин (адрес его здесь в П-бурге, в трактире Демута) просился также ехать с царем, но получил отказ» («Библиогр. Записки» 1861 г., ст. 599 и «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 0242). Ср. еще в письме А. Я. Булгакова — ниже, стр. 375.

— Вследствие просьбы Пушкина, 2 мая 1828 г. III Отделение разрешило выпустить в свет отпечатанное в Типографии Департамента Народного Просвещения 2-е издание «Кавказского Пленника»; в конце марта выпущено было 2-е издание «Руслана и Людмила», отпечатанное в той же Типографии.

272. *Княгине В. Ф. Вяземской* (стр. 51). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 64, по подлиннику, найденному нами в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева (ныне неизвестно где находится); настоящее письмо Пушкина — приписка на письме князя П. А. Вяземского к жене от 24 апреля 1828 г. В Остафьевском же архиве был еще сложенный пакетом полулист почтовой бумаги большого формата, запечатанный облаткою, — от несохранившегося письма Пушкина к княгине Вяземской с адресом, писанным его рукою: «Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Өедоровнѣ Вяземской — въ Пензу» и с красным почтовым штемпелем: «С.-Петербургъ 1829, Фев. 6» (ныне в Центрархиве).

— Вяземский приехал тогда на время в Петербург и в цитированном уже письме к А. И. Тургеневу в Париж от 18 апреля 1828 г. писал: «Пушкин посылает тебе с Ломоносиком шесть частей Онегина и новые издания: «Руслана» и «Бахчисарайского Фонтана». Он просился следовать за главною Квартирою, и ему позволили, только неизвестно еще, в каком виде. Он читал нам на днях у Жуковского несколько глав романа в прозе, à la Walter Scott, о деде своем Аннибале. Тут является и Петр. Много верности и живописи и живости в нравах и в рассказе. Должно желать, чтобы он продолжал его. Здесь ведет он жизнь самую рассеянную, и Петербург мог бы погубить его. Ратная жизнь переварит его и напитает воображение существенностью. До сей поры главная поэзия его заключалась в нем самом. Онегин хорош Пушкиным, но, как создание, оно слабо» («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, С.-Пб. 1921, стр. 65). В упомянутом выше письме к жене от 24 апреля Вяземский, между прочим, писал: «Пушкину отказали ехать в армию и мне отказали самым учтивым образом». № 273.

— Настоящее письмо писано в село Мещерское, Саратовской губернии, — имение Петра Александровича Кологривова, вотчима княгини Веры Федоровны Вяземской; туда в конце лета 1828 г. приехал и князь Вяземский («Остаф. Архив», т. III; «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина», вып. IX, М. 1901, стр. 193—194). В письме отсюда к А. А. Муханову от 5 августа 1828 г. Вяземский спрашивал: «Горюет ли Пушкин, что его оставили дома? Я, право, мало горюю: как приятное развлечение, конечно турецкая прогулка лучше Саратовской, но не вижу исторического великолепия в этой драмме» [т.-е. Турецкой войне].

— «Е<го> С<иятельство> Павел» — князь Павел Петрович Вяземский (род. 1820, ум. 1888), восьмилетний тогда сын князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских, впоследствии Попечитель Казанского Учебного Округа, Председатель Комитета Иностранной Цензуры, Начальник Главного Управления по делам печати (1881), сенатор, основатель (1877) Общества любителей древней письменности, автор нескольких исследований по древней русской литературе, а также — весьма ценной статьи и воспоминаний: «Пушкин по документам Остафьевского архива» (С.-Пб. 1880); Собрание сочинений его издано его зятем, гр. С. Д. Шереметевым, в 1893 году. В детский альбом Павла Вяземского Пушкин записал шуточные стихи:

Душа моя Павел,
Держись моих правил,
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то;
Кажись, это ясно, —
Прощай, мой прекрасной!

См. ниже, в письмах №№ 279 и 312.

Перевод французского окончания письма: «Во-вторых, благодарю Вас за прелестное письмо, которым Вы почтили меня. Его нет в эту минуту у меня на сердце (т.-е. в кармане), почему и сохраняю за собой до другого времени удовольствие поболтать и совершить перед Вами полную и всестороннюю исповедь, которую Вы у меня требуете. Будьте здоровы. А. П.».

273. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 51). Впервые напечатано в сборнике «Старина и Новизна», вып. VIII, С.-Пб. 1904, стр. 86; подлинник (на бумаге без вод. зн.) в б. Румянцовском Музее, в собрании И. Е. Бецкого.

— Строчка Пушкина написана, вслед за подписью Алексея Алексеевича Оленина, на следующей «циркулярной» записке князя П. А. Вяземского:

«Да будет известно честным господам, что я завтра еду в Царское-Село и предлагаю в четверг вечером или в пятницу в обеденное время, или в ужинное составить прощальный пикник где, как и у кого

№ 273. угодно. Вот предлагаемые или, лучше сказать, предполагаемые собеседники:

Алексей Оленин junior.
Грибоедов.
Киселев.
Пушкин.
К. Сергей Голицын.
Шиллинг.
Мицкевич.

Если проект мой будет одобрен честными господами, то приглашаю их приступить к принятию потребных мер в отношениях личных, местных и съестных, а тем паче питейных. Я за ранее даю на всё свое согласие. В четверг явлюсь за ответом» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 65).

— Записка эта датируется сопоставлением ее с следующим местом письма князя П. А. Вяземского к Николаю Алексеевичу Муханову от 22 числа [мая 1828 г.]: «Сейчас еду в Царское Село до четверга. В пятницу [25 мая] едем в Кронштадт с Мицкевичем, Пушкиным, Сергеем Голицыным и проч. Поезжайте с нами» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», вып. X, М. 1902, стр. 411, и «Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 330); следовательно, записка Вяземского, писанная накануне поездки в Царское Село (к вдове Карамзина), была составлена 21-го мая, которое в 1828 году приходилось на понедельник; 23 июня 1828 г. Вяземский был уже в Москве и спрашивал оттуда Муханова: «Что Пушкин? Уехал ли Киселев? Что Сергей Голицын? Скажите, что жду его в наши степи. Что черные глаза? [Россетти]. Что глаза голубые, синие, красные, белые, пегие, карие, сивые?»... (там же, вып. IX, М. 1901, стр. 196). Грибоедов, упоминаемый в записке, прибыл в Петербург с Персидским Туркманчайским мирным договором 14 марта 1828 г., а выехал в Персию (куда 25 апреля был назначен министром-резидентом) 6 июня. «На литературных вечерах в Петербурге в те же дни можно было наслаждаться редким зрелищем трех великих славянских поэтов — Пушкина, Мицкевича и Грибоедова», говорит биограф последнего, Н. К. Пиксанов: «Так, у графини Лаваль Пушкин читал [16 мая 1828 г.] «Бориса Годунова» в присутствии Грибоедова» (Соч., т. I, стр. LXXXIV). С Алексеем Алексеевичем Олениным (род. 1798, ум. 1855) Пушкин весною 1828 г. дружил особенно потому, что как раз в это время был очень увлечен (и даже, говорят, сватался) его сестрою — Анною Алексеевною (род. 1808, ум. 1888), которой в это время написал стихи «Город пышный, город бедный.....» и «Ты и вы» (ср. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 77. — намек об Олениной в каламбуре о Приютине, имении Олениных). Николаю Дмитриевичу Киселеву (род. 1802, ум. 1869), товарищу Языкова по Дерптскому Университету, только что назначенному секретарем Посольства в Париже и ехавшему в Карлсбад, Пушкин 4 июня 1828 г. написал четверостишие: «Ищи в чужом краю здоровья и свободы»... (ср. ниже, в письме № 284).[1] В письме от 1 сентября 1828 г. к князю Вяземскому (см. № 279) Пушкин снова упоминает Киселева, А. А. Оленина и князя Сергея Григорьевича Голицына (род. 22 июля 1806, ум. 19 ноября 1868); последний, известный остряк, поэт и меломан, приятель Пушкина и М. И. Глинки (который написал музыку на переведенные им из Мицкевича стихи: «Когда, в час веселый, откроешь ты губки» и на другие слова его сочинения), был, по словам Вас. Ден. Давыдова, «один из остроумнейших и приятнейших собеседников своего времени, Русский образованный барин в полном смысле слова и один из таких рассказчиков, каких весьма редко можно слышать» («Русск. Арх.» 1871 г., ст. 0949); Голицын числился с 1825 г. в Коллегии Иностранных Дел, с 1828 г. был

[1] Киселев проезжал через Дерпт, и Пушкин послал с ним «записочку» Языкову, которую тот 26 июня 1828 г. переслал брату Александру («Языковский Архив», вып. I, стр. 364); записочка эта до нас не сохранилась.

камер-юнкером, а затем до 1837 г. служил в военной службе, до чина капитана (Е. Серчевский, «Записки о роде кн. Голицыных». С.-Пб. 1853, стр. 138—139); он был широко известен в обществе под прозвищем «Фирс» и славился «любезностью, остроумием и талантами»; «очень приятный музыкант и стихотворец», он написал «несколько преостроумных эпиграмм и других очень милых пьес» (Сочинения М. Н. Лонгинова, т. I, стр. 512—514; Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. VI, стр. 438—439; Ф. П. Фонтон, Воспоминания, т. II, Лейпциг. 1862, стр. 17; см. еще ниже, стр. 304).— Имя барона Павла Львовича Шиллинга-фон-Канштадта (род. 5 апреля 1786 г., ум. 25 июля 1837), известного изобретателя (1832) электромагнитного телеграфа и изолированных кабелей, а также востоковеда, в специальной Пушкинской литературе упоминается только в связи с неосуществившимся желанием Пушкина в 1829 г. ехать с бароном Шиллингом в Сибирь, на границу Китая (см. рассказ Н. В. Путяты — «Русс. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 351; ср. «Литерат. Газету» 1830 г., № 60, стр. 189—191; «Русск. Арх.» 1902, кн. I, стр. 280); барон Шиллинг, питомец Первого Кадетского Корпуса, служил в Свите е. в. по квартирмейстерской части, а с 1803 г. — в Коллегии Иностранных Дел, был кавалером посольства в Мюнхене (1810), затем был (с 1813 г.) Сумским гусаром и снова служил в Коллегии Иностранных Дел; с 1827 г. он состоял Председателем Комитета по изданию Полного Собрания Законов; в декабре того же 1827 г. избран был членом-корреспондентом Академии Наук по разряду литературы и древностей Востока и в 1835—1837 гг. был Старшим Советником Министерства Иностранных Дел. Он был знаком с Пушкиным еще в 1818 году («Остаф. Арх.», т. I, стр. 150), находился в приятельских отношениях с А. И. Тургеневым, Жуковским, Батюшковым, князем Вяземским (там же, т. I и II); последний писал А. Я. Булгакову из Остафьева 2 ноября 1830 г., говоря о холере и Французской революции (Июльской): «Что за лихорадка такая потрясает весь свет? Одному нашему Шиллингу житье. Он брюхом своим берет у Китайцев. Я читал в Литературной Газете, в описании Кяхтинского праздника, что Китайцы были поражены *важною осанкою его*» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 103). Барон Шиллинг изобрел усовершенствованный способ литографского печатания и около 1815 г., для образца, налитографировал «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина (см. «Русский Биографический Словарь», т. III, статья П. Гуревича). Товарищ его по Корпусу, граф П. Х. Граббе, характеризует его, как «умного, ученого, всегда веселого и любезного человека» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. II, стр. 850); то же говорит и Э. И. Стогов, видевший его в Троицкосавске: «Это необычайно толстый человек, с большими связями, ученый, весельчак, отличный говорун, знавший всю аристократию столиц Европы. На него смотрели, как на какую-то загадку» («Русск. Стар.» 1903 г., № 4, стр. 126). Яркую, хоть и в шутливой форме, характеристику Шиллинга делает Ф. П. Фонтон. Рассказывая о том, что генерал Шильдер для взятия крепости Силистрии (1829 г.) в первый раз на деле для зажигания мин при осадных работах «намерен употребить бароном Шиллингом задуманное средство, — электрическим током произвести взрыв», говорит: «Кто же барон Шиллинг? скажешь ты. Он тоже [как и электричество] имеет таинственную силу, но не принадлежит к неосязаемым и невзвешиваемым веществам, ибо он неимоверной толщины и огромного весу. Несмотря на это, он Калиостро или что-то приближающееся. Во-первых, он чиновник нашего Министерства Иностранных Дел. Во-вторых, он говорит, что знает по-Китайски, что весьма легко, ибо никто в этом ему противоречить не может.... Третье, барон Шиллинг играет в шахматы две партии вдруг, не глядя на шахматную доску, и обоих противников в один и тот же момент побеждает. Четвертое, он сочинил для Министерства такой тайный алфавит, то-есть так называемый шифр, что даже австрийский, так искусный тайный кабинет и через полвека не успеет прочесть! В-пятых, барон Шиллинг выдумал способ в угодном расстоянии, посредством электрицитета произвести искру для зажжения мин.... В-шестых, что весьма мало известно, ибо никто не есть пророком в своей № 273.

№ 274—275. земле, барон Шиллинг изобрел новый образ телеграфа»…. (Ф. П. Фонтон, «Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма…», том II, Лейпциг. 1862, стр. 20—23). Ко всему этому следует прибавить, что Шиллинг, несомненно, состоял тайным агентом III Отделения (см. С. Я. Штрайх, «Провокация среди декабристов». М. 1925, стр. 39. 42 и сл., 68, 70). О Шиллинге и его портрет см. в книге: «Министерство Внутренних Дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии», С.-Пб. 1902, стр. 131—134). Что касается Адама Мицкевича, то Пушкин, во время пребывания польского поэта в Петербурге, постоянно встречался с ним в разных домах, а также принимал его у себя. К 7 января 1828 г. относится записка Пушкина, поданная им Бенкендорфу, с ходатайством о разрешении Мицкевичу возвратиться на родину, в Польшу (см. Б.Л. Модзалевский, «Пушкин — ходатай за Мицкевича», газ. «Ирида» 3 июня 1918 г., № 1, стр. 2—3 (фельетон) и «Пушк. и его совр.», вып. XXXVI).

274. *С. А. Соболевскому* (стр. 51). Впервые напечатано в книге В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы». М. 1903, стр. 17 по копии; подлинник — в Пушкинском Доме.

— Анна Петровна — Керн (см. выше, в письме № 268 и в объяснениях к нему, стр. 276).

— Из-за отсутствия экземпляров Второй главы «Евгения Онегина», за которое Пушкин упрекал Соболевского еще в ноябре 1827 г. (см. выше, письмо № 257), остановилась продажа Первой, Третьей, Четвертой—Пятой и Шестой глав романа; из них последняя вышла в свет в конце марта 1828 г.

— О Калибане см. выше, в письме № 268, и в объяснениях к нему, стр. 278, и в следующем письме № 275.

— Какого Трубецкого имеет в виду Пушкин, — не знаем.

— Погодин и «они» — редактор и члены редакции «Московского Вестника»; см. следующее письмо № 275.

— Один из современников Пушкина, князь А. Ф. Прозоровский-Голицын, рассказывал П. И. Бартеневу: «Пушкин любил веселую компанию молодых людей. У него было много приятелей между подростками и юнкерами. Около 1827 года в Петербурге водил он знакомство с гвардейскою молодежью и принимал деятельное участие в кутежах и попойках. Однажды пригласил он несколько человек в тогдашний ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит: «Однако, Александр Сергеевич, видно туго набит у вас бумажник!» — «Да ведь я богаче вас», отвечает Пушкин: «вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв Русской азбуки» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. III, стр. 468).

— Сергей Львович — Пушкин, отец поэта.

— Баронесса — Софья Михайловна Дельвиг, жена поэта; в бытность свою в Петербурге Соболевский был частым посетителем их дома (см. Барон А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, стр. 72—73, и выше, стр. 276—277).

275. *М. П. Погодину* (стр. 52). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., ч. V, № 10, стр. 459—460; поправки даны в «Вестнике Европы» 1887 г., № 5, стр. 406; подлинник в б. Румянцовском Музее, в архиве Погодина, № 3516, л. 165.

— За свое молчание Пушкин извинялся перед Погодиным и в предъидущем письме к Соболевскому (№ 274).

— Осень была у Пушкина наиболее плодотворным временем года (ср. выше, письма № 250 и 251 и стр. 254 и 257, и ниже, в № 366). В первой половине октября 1828 г. князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из села Мещерского: «Пушкин, сказывают, поехал в деревню; теперь самое время случки его с музою; — глубокая осень. Целое лето кружился он в вихре Петербургской жизни, воспевал Закревскую… Еще написал он народную балладу «Утопленник», где много силы… Вероятно, всё это

будет в «Северных Цветах» («Остаф. Архив», т. III, стр. 179). Во второй августовской и во второй сентябрьской книжках «Московского Вестника» (№№ 15 и 17) были, однако, помещены стихотворения Пушкина: «Недоконченная картина» и «К К. 1817» (т. е. «К Каверину»). № 275.

— «Годы 1824 — 1827 образуют тот период времени», пишет В. А. Розов: «когда имя Гёте чаще всего встречается в произведениях Пушкина. Повидимому, их и следует считать временем его ознакомления с великим немецким поэтом. Оно завершилось, наконец... сношениями обоих поэтов через посредство Жуковского, имевшими место в том же 1827 году, и определением в уме Пушкина места, которое Гёте занимает в мировой поэзии... В 1828 году он упоминает о Веймарском мудреце лишь раз и по особо исключительному случаю. Веневитиновскому кружку удалось довести до сведения патриарха Германской поэзии о своем существовании, своем преклонении пред ним и основании журнала для проповеди германских идей в России. Гёте отнесся благосклонно к Русским поклонникам своего гения и отозвался весьма любезным письмом, которое и было напечатано на страницах «Московского Вестника». Об этом-то письме и пишет Пушкин Погодину 1 июля 1828 года» («Пушкин и Гёте», Киев. 1908, стр. 134 — 135). Письмо Гёте, содержавшее в себе «много лестного вообще для муз российских, много поучительного, было адресовано некоему Н. Борхарду и написано из Веймара 1 мая 1828 г. в ответ на посланную ему Борхардом статью о Шевыревском разборе «Фауста» (эта статья Шевырева была напечатана в «Московском Вестнике» 1827 г., № XXI, при переводе отрывка из междудействия к «Фаусту» — «Елена»); письмо Гёте появилось в «Московском Вестнике» 1828 г., ч. IX, стр. 326 — 333, в подлинном немецком тексте и в переводе на русский язык и произвело сильное впечатление, явившись, по словам В. В. Каллаша, «любопытным фактом раннего литературного общения между русскими и немецкими писателями на почве культа «великого старца», с одной стороны, и признания известных прав за русскою литературой — с другой» («Русские отношения Гёте» — в сборнике: «Под знаменем науки», М. 1902, стр. 178 — 184). В 1-м же № «Московского Вестника» (1827 г.) был помещен литографированный портрет Гёте, по рисунку Ив. Серг. Мальцова.

— Шевырев, сторонник немецкой романтической эстетики, проводивший ее основные положения в статьях своих в критическом отделе «Московского Вестника», бывшем в его заведывании, был восторженным поклонником Пушкина, с которым познакомился лично у Веневитиновых, осенью 1826 г., на чтении «Бориса Годунова». Он, по словам Н. С. Тихонравова, «с жадностью прислушивался к задушевным домашним импровизациям Пушкина о поэзии и искусстве: из них он хотел извлечь материалы для теории поэзии. Беседы с Пушкиным о поэзии и русских песнях (говорил он), чтение Пушкиным этих песен наизусть принадлежат к числу тех плодотворных впечатлений, которые содействовали образованию моего вкуса и развитию во мне истинных понятий о поэзии» (Соч., т. III, ч. 2, стр. 223). Ценные воспоминания Шевырева о Пушкине опубликованы Л. Н. Майковым и вошли в его книгу «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 318 — 354. С. М. Соловьев передает в своих «Записках», что Шевырев, «физически слабый пред вином», — «как немного охмелеет, то сейчас растает и начнет говорить о любви, о согласии, братстве и любви и о всякого рода сладостях: сначала, в молодости, и это у него выходило иногда хорошо, так что однажды Пушкин, слушая пьяного оратора, проповедующего довольно складно о любви, закричал: «Ах, Шевырев! Зачем ты не всегда пьян!» («Записки», изд. «Прометей», стр. 48).

— Булгарин в 1828 г. вел борьбу с «Московским Вестником», который он, между прочим, попытался высмеять в особой клеветнической статье под именем «Эдинбургского Вестника», при чем задел и Пушкина под именем Лорда Байрона (в № 38 «Северной Пчелы» 1828 г.; см. В. В. Каллаш: «Пушкин, Н. Полевой и Булгарин. Из журнальной полемики конца 20-х гг. XIX в.» — «Пушк. и его соврем.», вып. II, стр. 38 — 40). «Московский Вестник», в свою очередь, посвятил большую статью (С. П.

№ 275. Шевырева) строгому критическому обозрению «Северной Пчелы», ее литературных приемов и нравов, разоблачив их и указав на недобросовестность, пристрастность Булгарина, его нетерпимость, заносчивость, личности, празднословие (ч. VIII, № 8, стр. 398—424). В это время, по сведениям III Отделения, полученным, повидимому, от Булгарина (так, по крайней мере, думал Вяземский),—«в Москве опять составилась партия для издания Газеты политической, ежедневной, под названием «Утренний Листок». Хотят издавать или с нынешнего года с июня, или с 1-го января 1829.—Главные издатели суть те же самые, которые замышляли в конце прошлого года овладеть общим мнением для политических видов, как то было открыто из переписки Киреевского с Титовым.—Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедуют Либерализм. Ныне известно, что партию составляют князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, князь Одоевский, два Киреевские и еще несколько отчаянных юношей. Но ныне такое между ними условие: поручить издателю «Московского Вестника» Погодину испрашивать позволение. Погодин предан душою правилам якобинства, которые составляют исповедание веры толпы Московских и некоторых Петербургских юношей и служит им орудием. Сия партия надеется теперь через Немецких ученых Круга и Аделунга снискать позволение князя Ливена через князя Вяземского и Пушкина, действовать на Блудова посредством Жуковского, а чрез своего партизана Титова, племянника Статс-Секретаря Дашкова, снискать доступ к государю чрез графа Нессельроде или самого Дашкова»... (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е. Лгр., 1925. стр. 82—92). Издателем «Утренней Газеты» «не должен был быть ни Погодин, ни Вяземский, но последнему было официально запрещено предпринимать это издание (Соч. Вяземского, т. II, стр. 85—111, т. IX, стр. 99—108; Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 218—219; «Остаф. Архив», т. III, стр. 183 и 538 и ниже, письмо № 288 и стр. 324; Письма А. Я. Булгакова к брату—«Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 198—199, 204, 205—206).

— Федоров — Борис Михайлович (см. выше, т. I, стр. 513, 534). В апреле и мае 1828 г. он неоднократно встречался с Пушкиным и в Дневнике своем за это время оставил краткие записи об этих встречах (см. В. В. Майков: Из дневника Б. М. Федорова—«Русский Библиофил» 1911 г., № 5). В единственной вышедшей тогда 1-й книжке своего журнала «Санктпетербургский Зритель» за 1828 г. Федоров поместил написанный им разбор четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»,—разбор бездарный, состоявший из мелочных придирок к отдельным словам и выражениям. «Твой Федоров издает журнал», писал князь Вяземский А. И. Тургеневу из Петербурга 18 апреля: «и в нем критикует Пушкина, а пуще всего требует от него нравственности. После того встретились они у меня, и Пушкин насмешил меня с ним: «От чего не описываете Вы картин семейного счастья?» и тому подобное говорил ему нравоучитель, а тот отвечал ему по своему» («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 67).

— «Мысль» — стихотворение С. П. Шевырева, напечатанное в № VIII «Московского Вестника» 1828 г. (ч. VIII, стр. 357—358):

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но придет час, и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком.
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана:
Не подточить его червям времен,
Не смыть корней волнами океана,
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потопам дождевым
Его коры, исписанной летами.

Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей
И миллион оплаканных могил,
И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,
Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.

С. Шевырев.

№ 275.

— Мстя Шевыреву за вышеуказанный его разбор «Северной Пчелы», Булгарин немедленно откликнулся в ней сперва в № 37 «Северной Пчелы» от 27 марта статьею «О высоком и прекрасном в сочинениях Г. Степана Шевырева. (Письмо к Издателям Сев. Пчелы)», за подписью: «С. Объективин», в которой подверг придирчивой и бранчивой критике стихотворение Шевырева «Каин» (из «Альбома Северных Муз»); эта статейка появилась в № 52 «Северной Пчелы», от 1 мая, а в № 58-м, от 15 мая 1828 г., был помещен второй выпад против Шевырева в «Письме к Издателям Северной Пчелы»: «Желая научиться прекрасному и высокому, о котором, как слышно, много толкуют Издатели Московского Вестника, я подписался на их издание» — так начинается это письмо. — «Ожидаю присылки сего журнала в нетерпении видеть образцы *Изящного*, получаю и принимаюсь читать последний вышедший нумер сего Вестника. Вообразите мое удивление, когда, развернув 8-й нумер, я увидел в отделении *Изящной Словесности*, на первом месте, стихотворение господина *Шевырева*, под названием *Мысль*. Желаете ли иметь полное понятие об сей удивительной мысли? Препровождаю к вам *вполне* это чудесное произведение Московского Пиита-Журналиста. Выписываю *от слова до слова*, чтоб не подумали, что я пропустил что-нибудь из красот: слушайте и удивляйтесь!» Приведя первые шесть стихов, автор спрашивает: «О ком говорит Сочинитель: *падет в наш ум чуть видное зерно?* — Вероятно о себе. Чтоб придать цены своим строкам, плохие Сочинители обыкновенно говорят *мы*, вместо *я*, и *свое* мнение величают для важности *нашим*. Но не о том дело; а каково: *жизни соком?* — Сочное словцо! — Но у зерна — рамена — это как вам покажется?» Далее автор, подписавшийся псевдонимом от последних слов: «*Б. Зернов-Раменин*», глумится над остальными стихами и отдельными выражениями пьесы Шевырева и пишет: «В главе зерно! у зерна — *рамена!* из зерна — кедр, под кедром *черви времен, трупы царств без сил, миллион могил, миллион колыбелей* и какой-то *истлевший* (Убийственная Поэзия!). Милостивые Государи, Издатели Московского Вестника! и это вы называете Изящною Словесностию? — И помещая такие стихи, вы беретесь судить о Русских Писателях!.. Извините, Милостивые Государи, Издатели Северной Пчелы», заключает автор: «за это маленькое отступление. Я только прошу вас сообщить ваше мнение, справедливо ли названы *мыслью*, и не будет ли справедливее назвать *бестолковщиною* — стихи *Г. Шевырева*, отнести ли этот философическо-аллегорический вздор к *Изящной поэзии*, или к новейшим подражателям блаженной памяти стихотворца *Патрикеича?*»

— «Северные шмели» — Булгарин и Греч, издатели «Северной Пчелы». Воейков, отвечая на вышеуказанный пасквиль Булгарина на «Московский Вестник» под именем «Эдинбургского Вестника», назвал ее в своем ответе «Лондонским Трутнем» («Пушк. и его соврем.», вып. II, стр. 40 — 46).

— «Московский Телеграф» за 1827 год был подвергнут подробному критическому разбору в специальной статье С. П. Шевырева: «Обозрение Русских журналов в 1827 году. Московский Телеграф» (ч. VIII, № 5, стр. 61 — 105), начатой с заявления, что «Телеграф есть явление весьма за-

№ 275. мечательное в современной истории нашей Литературы. Решительно можно сказать, что в нем более, нежели в каком-либо другом журнале, как в вогнутом зеркале, каррикатурно отражаются вся хорошая сторона и все возможные недостатки нашего образования» (стр. 68); затем критик рассматривал «понятия» *Телеграфа*: о науке вообще, о теории изящного, об истории, о географии, о юриспруденции, о грамматике, о словенском языке и т. д. и т. д., отмечая промахи Полевого и его сотрудников, опрометчивые суждения их, прямые ошибки, неясные, сбивчивые утверждения и т. под. Попутно отмечено «замечательное явление» — «торжественное примирение «Московского Телеграфа» с «Северною Пчелою», «Сыном Отечества» и «Северным Архивом» «после двухлетней беспрерывной, неутомимой войны, славной в Летописях русской журнальной полемики, но пятнающей историю русского журнализма, как часть истории нашей словесности» (стр. 94). Досталось в этом обозрении и «Журнальному сыщику», т.-е. князю П. А. Вяземскому, писавшему под этим псевдонимом бойкие статейки в отделе *Смеси* «Московского Телеграфа» (стр. 97; ср. Соч. князя Вяземского, т. I, стр. XLVIII — XLIX). О враждебных отношениях «Московского Вестника», в лице Шевырева и Погодина, к «Московскому Телеграфу» и Н. А. Полевому подробно рассказывает в своих Записках К. А. Полевой (С.-Пб. 1888. стр. 201 — 210).

— Ксенофонт Алексеевич Полевой (род. 1802, ум. 1867)—брат издателя «Московского Телеграфа» и деятельный его сотрудник. В марте 1828 г. он приехал в Петербург (где пробыл до июня) хлопотать о пропуске через цензуру перевода Вальтер - Скоттовой «Жизни Наполеона» и по делам типографским. В Записках своих Кс. Полевой оставил довольно подробный рассказ о знакомстве своем с Пушкиным, с которым часто видался во время своего пребывания в Петербурге, о его жизни и занятиях. «В первое время по приезде в Петербург», пишет Полевой: «я жил в гостиннице «Демут», где обыкновенно квартировал А. С. Пушкин. Я каждое утро заходил к нему, потому что он встречал меня очень любезно и привлекал к себе своими разговорами и рассказами. Как-то в разговоре с ним я спросил у него, знакомиться ли мне с издателями «Северной Пчелы»? — «А почему же нет? — отвечал не задумываясь Пушкин. — Чем они хуже других? Я нахожу в них людей умных. Для вас они будут особенно любопытны». Тут он вошел в некоторые подробности, которые показали мне, что он говорит искренно»... (стр. 268). Познакомясь с Булгариным, Полевой встречал у него Грибоедова, Мицкевича, Пушкина и других писателей. Несколько страниц Записок Полевого посвящены рассказу о беседах его с Пушкиным, различным эпизодам его знакомства с ним, описанию его наружности и характера (Записки С.-Пб. 1888, стр. 273 — 278).

— Калибан — прозвище С. А. Соболевского: см. выше, в письмах № 268 и 274. Записку к нему Пушкина при посылке денег см. ниже, № 276.

— О стихах, присланных Пушкиным для «Московского Вестника», см. выше, в начале объяснений к настоящему письму.

— «Славянин» — «военно-литературный» еженедельный журнал, издававшийся в 1827 — 1830 гг. А. Ф. Воейковым (см. выше, в объяснениях к письму № 257, стр. 265).

— Шишков — Александр Семенович, адмирал, бывший в 1824—1828 гг. Министром Народного Просвещения, долголетний Президент (1813 — 1841) Российской Академии: это устарелое, архаическое, давно себя пережившее учреждение единственно благодаря Шишкову поддерживало свое существование и закрылось уже через 6 месяцев после его смерти.

— Стихи Языкова, из которых Пушкин приводит выдержку, — «Послание о Журналистах» (нач.: «Не называй меня поэтом!»...), посвященное А. Н. Вульфу; здесь поэт писал:

... Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?
Стихи — куда мне их девать?

Везде им горькая судьбина!
Теперь ведь будут тяжелы
Они заплечьям «Славянина»
И крыльям «Северной Пчелы».
Что ж? В белокаменную с Богом,
В «Московский Вестник»? Трудно, брат,

и т. д., как цитирует Пушкин, с тою разницею, что «Афиней» (т. е. «Атеней») — журнал М. Г. Павлова, поместивший незадолго перед тем придирчивую и вздорную критику на Четвертую и Пятую главы «Евгения Онегина» (см. выше, в письме № 268, и в объяснениях к нему, стр. 278) в окончательной редакция Языкова назван журналом «мудрено - философским». Во всей тираде Пушкину более всего, вероятно, понравилось сравнение «Атенея» с тогда уже прекратившимся Петербургским журналом баснописца А. Е. Измайлова «Благонамеренный» (1818 — 1827), — журналом, носившим на себе все отличительные черты своего издателя— человека грубоватого, примитивного по своим приемам, неряшливого, неаккуратного, подчас циничного, хоть и добродушного. — Послание Языкова, еще в середине марта 1828 г. посылавшего Пушкину поклон через А. Н. Вульфа («Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 486), Пушкин скорее всего мог узнать от Алексея Николаевича Вульфа, который получил его в письме самого автора из Дерпта, от 7 июня 1828 г.: «Здесь прилагается к тебе послание», писал Языков. «На сих днях привел меня бог увидеть, как ничтожил издатель Телеграфа, еще в начале текущего года, мою Музочку. Поэты раздражительны вообще, а мне надобно же хоть чем-нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентские. Молва гласит, что Полевой ополчился на меня Дмитриева-старца ради за апологи. Да будет это послание только излияньем души моей, по части полемики, — не пускай его по рукам, — всё это будь сказано между нами! Кланяйся Пушкину и небожителям Тригорского»... («С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 168, стр. 1; «Русск. Арх». 1867 г., ст. 741 — 742). Передавая Пушкину поклон, Вульф, вероятно, не удержался, чтобы не сообщить своему другу и послание Дерптского приятеля - поэта; последний 1 ноября 1828 г. писал Вульфу, что «послание о журналистах, кажется, не годится для печати, зане писано собственно для домашнего обихода» («С.-Петерб. Вед.», l. с.). Эта пьеса впервые появилась в печати лишь в 1859 — в «Русской Беседе», № 4, стр. 7.

276. *С. А. Соболевскому* (стр. 53). Впервые напечатано в книге В. Я. Брюсова; «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы», М. 1903. стр. 18; подлинник (на бумаге без вод. зн.), писанный карандашом, был в Остафьевском архиве у гр. С. Д. Шереметева, в бумагах Соболевского, Avant les voyages, № 111; ныне в Центрархиве.

— О Василии Петровиче Зубкове см. выше, письмо № 226, и объяснение к нему, стр. 215.

— «Писать пока некогда»: от лета 1828 г. сохранились всего лишь два письма Пушкина; объясняется это, вероятно, рассеянным образом жизни поэта. «Целое лето кружился он в вихре Петербургской жизни, воспевал Закревскую»,—писал Вяземский А. И. Тургеневу 15 октября 1828 г. (П. Бартенев, «Пушкин», вып. II, стр. 39; «Остаф. Архив», т. III, стр 179); П. А. Муханов летом также сообщал Погодину, что «Пушкин учится английскому языку, а остальное время проводит на дачах» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 185). Вторая половина лета прошла у него, кроме того, в беспокойстве по делу о «Гавриилиаде» (см. ниже, в письмах № 278 и 279) и об элегии «Андрей Шенье» (см. выше, стр. 149 и 177 и статью П. Е. Щеголева «Пушкин в политическом процессе 1826 — 1826 гг.»— «Пушк. и его соврем.», вып. XI, стр. 1 — 51): последнее закончилось 28 июля 1828 г. утверждением «Положения» Государственного Совета, по коему постановлено было за сочинителем Пушкиным иметь секретный надзор.

— Плетнев был учителем Российской словесности в Училище Ордена св. Екатерины.

№ 277. 277. *Н. В. Путяте* (стр. 53). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1899 г., кн. II, стр. 253, в статье: «Из записной книжки Н. В. Путяты»; подлинник — у Ник. Ив. Тютчева в Москве (1927), по копии которого записка и напечатана впервые полностью в нашем издании. Датировке более точной не поддается.

— Путята не указал, когда произошла ссора Пушкина с Лагренэ; Ефремов (изд. Суворина, т. VII, стр. 669) отнес записку к 1836 г., а П. И. Бартенев («Русск. Арх.» 1903 г., № 10, обл., стр. 2) исправил эту датировку на 1828 — 1829 г.; Акад. изд. (т. II, стр. 83) отнесло записку ко времени второй половины 1828 — первой четверти 1829 г.; мы относим к июлю — октябрю 1828 г. — на основании соображений о времени пребывания Пушкина в Петербурге, о службе Путяты, который в апреле 1829 г. отправился уже на войну, и об упоминании о дрожках, на которых пришлось ездить Путяте по делу (ср. В. Вересаев, «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 109).

— Николай Васильевич Путята (род. 22 июля 1802, ум. 29 октября 1877) был питомец Муравьевской школы для колонновожатых, где, по выражению П. И. Бартенева, «вместе с военными и математическими познаниями он получил живую любознательность, но при том в счастливом сочетании с строгою отчетливостью мыслей и с привычкою отвлекать существенные стороны явлений от мелочных и побочных подробностей» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 125). Службу начал он в марте 1820 г. в Свите е. в. по квартирмейстерской части (т.-е. в Генеральном Штабе), в ноябре же 1823 г. перешел в л.-гв. Конно-егерский полк и был назначен адьютантам к Финляндскому генерал-губернатору А. А. Закревскому, при чем в 1826 г. перевелся в л.-гв. Уланский полк; во время службы в Финляндии Путята сдружился со ссыльным поэтом Боратынским, с которым позднее (в 1837 г.) породнился, женившись на его свояченице, Софье Львовне Энгельгардт. В апреле 1829 г. он был прикомандирован к Штабу 2-й армии, действовавшей против турок, и участвовал в походах и делах этой кампании, в 1830 г. состоял при Закревском во время его поездки по России для принятия мер против холеры, затем служил в Статс-Секретариате Великого княжества Финляндского — до 1851 г., когда вышел в отставку и в 1856 г. переселился в Москву. Человек большого ума и основательного образования, приобретенного преимущественно благодаря личной любознательности и стараниям, Путята с юных лет тяготел к литературе и ее деятелям, был, в начале 1820-х гг., участником известного кружка С. Е. Раича, где сблизился с Одоевским, Вяземским, Погодиным, Языковым, Веневитиновым, Шевыревым, Киреевским и другими писателями, в Петербурге вращался также в литературных кружках Плетнева, Жуковского, Вяземского, Одоевского, графа Соллогуба. После переселения в Москву он был избран членом (1862), а затем (с 1866 до 1872 г.) и Председателем Общества Любителей Российской Словесности. О его литературно-научной деятельности см. статью Б. Л. Модзалевского в «Русском Биографическом Словаре», т. П. — Р.

— *Перевод*: «Когда я подошел вчера к одной даме, разговаривавшей с г. Лагренэ, последний сказал ей довольно громко, чтобы я услыхал: «прогоните его!» Будучи вынужденным просить объяснения этим словам, прошу вас, милостивый государь, соблаговолить съездить к г. Лагренэ и переговорить с ним по этому поводу. Пушкин». *На обороте*: «Господину Путяте. Просьба об ответе».

— Лагренэ был секретарем Французского посольства в Петербурге. Н. В. Путята в записной книжке своей, рассказывая о знакомстве с Пушкиным в сентябре 1826 г. и о последующих с ним сношениях, пишет: «Не хвастаюсь дружбой с Пушкиным, но в доказательство некоторой приязни его и расположения ко мне могу представить... одну записку его на французском языке. Пушкин прислал мне эту записку с своим кучером и *дрожками* (курсив наш). Содержание записки меня смутило, — вот она [приведен текст]. Я тотчас сел на дрожки Пушкина и поехал к нему. Он с жаром и негодованием рассказал мне случай, утверждал, что записка

написана им в такой форме, так церемонно именно для того, чтоб я мог показать ее Лагренэ, и настаивал на том, чтоб я требовал у него удовлетворения. Нечего было делать: я отправился к Лагренэ, с которым был хорошо знаком, и показал ему записку. Лагренэ, с видом удивления, отозвался, что он никогда не произносил приписываемых ему слов, что вероятно Пушкину дурно послышалось, что он не позволил бы себе ничего подобного, особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважает, как знаменитого поэта России, и рассыпался в изъявлениях этого рода. Пользуясь таким настроением, я спросил у него, готов ли он повторить то же самому Пушкину. Он согласился и мы тотчас отправились с ним к Александру Сергеевичу. Объяснение произошло в моем присутствии, противники подали руку друг другу, — и дело тем кончилось. На другой день мы завтракали у Лагренэ с некоторыми из наших приятелей» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 353). № 278.

— Лагрене (Théodose-Marie-Melchior-Joseph de Lagrené, род. 1800, ум. 1862) в 1823 — 1825 и 1828 — 1830 гг. жил в Петербурге, состоя при Французском Посольстве; в 1834 г. он из Петербурга был назначен Французским министром-резидентом в Дармштадт; до выезда своего к месту нового служения он женился, 4 сентября 1834 г., на любимой фрейлине великой княжны Марии Николаевны — Варваре Ивановне Дубенской, — «птичке-Дубенской», как называл ее князь П. А. Вяземский, питавший к ней, как и А. И. Тургенев, нежные чувства. Жуковский также хорошо знал фрейлину своей ученицы; в 1847 г. он писал из Дармштадта А. С. Хомякову, что видается с Лагренэ редко: «он умен и любезен, но этот французский персифлирующий, бессовестный ум, проникнутый каким-то общим всякому французу, — и умному и глупому, — остроумием, как халат немецкого профессора — табачным дымом, мне не по нутру; при нем както сам тупеешь и холодеешь, и сердечное убеждение не участвует в том, что уста глаголют» (Соч., изд. 7, т. VI, С-Пб. 1878, стр. 639 — 640). Пушкин внес имя Лагренэ в список лиц, которым намерен был послать новое (1829 г.) издание своих «Стихотворений» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV, стр. 351). П. И. Бартенев неуверенно сообщает, что Лагренэ переводил на французский язык стихи Пушкина («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1074).

278. *А. Х. Бенкендорфу* (стр.53). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIII, стр. 43 — 44; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2371, л. 23 — 23 об.

— Письмо это, быть может, оставшееся только в черновом наброске (в беловом виде оно неизвестно), писано Бенкендорфу по поводу возникшего 28 мая 1828 г. в Собственной его величества Канцелярии, а затем 29 июня 1828 г. и в III Отделении дела «О дурном поведении Шт.-Капит. Митькова, Владимира, Семена и Александра Шишковых, Мордвинова, Карадыкина, губ. секр. Рубца, чиновн. Таскина и фехтовального учителя Гомбурова», в которое оказался вовлеченным и Пушкин: на Митькова поступила от его дворовых людей жалоба в том, что он «развращает их в понятиях православной, ими исповедуемой христианской веры, прочитывая им из книги его рукописи некое развратное сочинение под заглавием Гаврилиады». Для расследования доноса, по приказанию Николая I, была назначена особая комиссия в составе гр. В. П. Кочубея, гр. П. А. Толстого и кн. А. Н. Голицына, которая постановила (25 июля 1828 г.) допросить Пушкина, через Петербургского Военного Генерал-Губернатора П. В. Голенищева-Кутузова, он-ли сочинил «Гавриилиаду», в котором году и имеет-ли у себя экземпляр поэмы, при чем взять с него подписку в обязательстве «впредь подобных богохульных сочинений не писать под опасением строгого наказания». Пушкин был допрошен в первых числах августа — и отрекся от авторства (его показание, подлинник коего в Пушкинском Доме, — «Стар. и Новизна», кн. XV, стр. 205); однако, ответ этот не удовлетворил Николая I, вследствие чего 12 августа было повелено вновь допросить Пушкина. 19 августа поэт собственноручно написал следующий ответ на заданные ему вопросы:

№ 278. «1828 года, августа 19-го, нижеподписавшийся Х-го класса Александр Пушкин, вследствие высочайшего повеления, объявленного Г. Главнокомандующим в С-Петербурге и Кронштадте, быв призван к Петербургскому Военному Генерал-Губернатору, спрашиван, от кого именно получил поэму под заглавием Гавриилиады, показал [подлинник — в Пушкинском Доме]:

«Рукопись ходила между офицерами Гусарского полку, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомню. Мой же список сжег я, вероятно, в 20-м году.

«Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я особенно раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне произведение столь жалкое и постыдное. 10-го класса Александр Пушкин».

Этот документ был представлен императору Николаю и на нем последовала резолюция: «Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему, моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог Правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем».

Пушкин при объявлении ему этой резолюции, «по довольном молчании и размышлении», попросил позволения написать письмо государю; получив его, он написал письмо, запечатал его и вручил графу Толстому. Это письмо (остающееся неизвестным), по определению Комиссии, было представлено нераспечатанным государю, — и на том дело в отношении Пушкина остановилось (см. «Дела III Отделения об А. С. Пушкине». С.-Пб. 1906, стр. 311—369; «Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 3—6, кн. XIII, С.-Пб. 1909, стр. 1—2 и кн. XV, С.-Пб. 1911, стр. 184—213; «Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, С.-Пб. 1913, стр. 74 — 76,— сообщение Б. Л. Модзалевского; «Гавриилиада. Полный текст. Вступительная статья и критические примечания Валерия Брюсова», изд. «Альциона», М. 1918 (два издания); Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, т. III, С.-Пб. 1912, примеч., стр. 250 — 258; М. К. Лемке, «Николаевские жандармы», С.-Пб. 1908, стр. 491 — 493; «Гавриилиада. Поэма. Редакция, примечания и комментарий Б. Томашевского». Труды Пушкинского Дома, С.-Пб. 1922, с подробной библиографией, стр. 106 — 109; см. еще «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 42, 109—110). — Общая уверенность в авторстве Пушкина, однако, не поколебалась: так, еще П. И. Бартенев,со слов П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкого и других приятелей и современников Пушкина, прямо утверждал: «К 1822 году следует отнести и ту рукописную поэму, в сочинении которой Пушкин потом так горько раскаивался... Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивал, отнимал их и сердился, когда ему напоминали о ней. Уверяют, что он позволил себе сочинить ее просто из молодого литературного щегольства. Ему захотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше стихов Вольтера и Парни» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1179). Фаддей Булгарин, стоявший всегда в центре литературных сплетен и закулисных преданий, уже в 1845 г., доказывая, в письме к Начальнику III Отделения Л. В. Дубельту, свои права, как писателя благонамеренного, на получение какой-то денежной ссуды, в которой ему было отказано, писал: «Я думал, если сочинителю *Гавриилиады*, *Оды на вольность* и *Кинжала* оказано столько милостей и благодеяний, то почему же не дать взаймы мне» (цит. по Н. Барсукову, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 19). Достоверный современник, М. В. Юзефович, познакомившийся с Пушкиным на Кавказе в 1829 году, передает, что когда «однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме и стал было читать из нее отрывок, — Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтоб взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости» («Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 438). Наконец,

С. А. Соболевский, в письме к М. Н. Лонгинову высказываясь о «Материалах для биографии Пушкина» Анненкова и попрекая последнего за то, что он ни слова не упомянул о «Гавриилиаде» и не привел из нее стихов, что было бы весьма легко сделать в виде отрывка или перемешивая с повествованием», писал: «касательно сего последнего пункта je le fais en toute sureté de conscience au nom et de la part du défunt; помня как он глубоко горевал и сердился при всяком, даже нечаянном напоминании об этой прелестной пакости» («Пушк. и его соврем.», вып. XXXI — XXXII, стр. 39). Свод доказательств авторства Пушкина, не оставляющих никаких в том сомнений, см. еще у Б. В. Томашевского в упомянутом выше издании поэмы; ср. еще статью А. К. Виноградова в «Веч. Москве» 1927 г., № 177. № 279.

— Обер-Полицийместеру С.-Петербургскому (генерал-маиору Александру Сергеевичу Шкурину) было предписано опечатать и рассмотреть бумаги упомянутого В. Ф. Митькова и, вследствие постановления Комиссии по исследованию его дела, от 25 июля 1828 г., взять с Пушкина подписку в том, что он не будет впредь писать подобных «Гавриилиаде» богохульных сочинений «под опасением строгого наказания» («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», стр. 320, 326, 327); в опубликованных доныне делах, однако, такой подписки Пушкина не найдено: вероятно, она была в архиве Петербургского Обер-Полицийместера, сожженном в февральскую революцию 1917 года.

— О цензуре произведений Пушкина см. выше, в письмах № 220, 222, 223, 227 и в объяснениях к ним.

279. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 54). Впервые напечатано в газ. «Берег» (в статье князя П. П. Вяземского) 1880 г., № 111 (отрывок), откуда перепечатано в «Русском Архиве» 1884 г., кн. II, стр. 403, затем в сб. «Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 16 — 17 (полностью); черновик—в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIII, стр. 43, и, полнее, — в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 75; подлинник — в рукоп. б. Румянцовского Музея № 2371, л. 20.

— Пушкин благодарит Вяземского за письмо его от 26 июля 1828 г. из с. Мещерского, Саратовской губернии:

«Где ты, прекрасный мой, где обитаешь?
Там ли, где песни поет князь Голицын [1],
Ночи певец и картежник?

В самом деле где ты, как ты, что ты? С самого отъезда из Петербурга не имею о тебе понятия, слышу только от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несется один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли? Ах! голубчик, как тебе не совестно. — Ради бога, облегчи меня; вот уже второй день, что меня пучит и пучит стих:

Быть может, некогда восплачешь обо мне,

который ты же мне натвердил. Откуда он? Чей он? Перерыл я всего Батюшкова, Озерова, тебя, — нигде не нахожу, а это перевод стиха Французского, который кончается так:

l'amant qu'elle a perdu.

Да и подлинника сыскать не могу, ни припомнить. Ради бога, сжалься и наведи меня на след. — В нашем соседстве есть Бекетов, двоюродный брат Сонцова...... У этого Бекетова есть сестра Золотарева, баба молодец, с рожи похожая на Сонцова, все главы Онегина знает наизусть и представила мне в лицах, как Сонцова жаловалась ей на тебя за стихи «жил да был петух Индейский» [2] и заставила Алину на распев их читать. Ты прыгал бы и катался от смеха. Приезжай зимою к нам в гости и поедем недели на две в Пензу. — Здесь тебе поклоняются и тебя обожают. Шутки

---

[1] Сергей Григорьевич, по прозванию «Фирс» (см. выше, стр. 290).
[2] См. выше, в письме № 219 и в объяснениях к нему, стр. 195.

№ 279. в сторону, приезжай. Что тебе стòит прокататься? А лучше всего приезжай в конце августа в Нижний на ярмарку, или ярмонку (как лучше?) и возвратимся вместе в Пензу... Я всю зиму проведу в здешнем краю. Я говорю, что я остепенился, потому что зарылся в степь. Я говорю que je suis dans la Saratovie petrée (от Петра Александровича Кологривова),[1] que je me suis empetré, по тому же словопроизводству.[2] Здесь есть милая бабочка, Всеволожская, Пелагея Николаевна и один Вигель, который влюблен в нее. Его в Пензе прозвали: Мосье Финмуш от твоих стихов:[3]

У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг Мосье Финмуш.

В провинциях прелесть. Здесь только, как в древности или в Китае, поэт сохраняет свои первобытные права и играет свою роль не хуже Капитана исправника или Дворянского заседателя. В столицах мы считаемся по армии в человеческом роде. Вот портрет Всеволожской, на днях написанный:

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ, —

*

Всё в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.

*

Пусть спесь губернской прозы трезвой
Чинясь косится на нее, —
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмет свое.

*

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью и шутя
Она влечет к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

*

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик, всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик
Грозит и смертным, и богам.

*

У них во всем одни приемы,
В сердца играют заодно:
Кому глаза ее знакомы,
Того уж сглазил он давно.

*

Ее игрушка: сердцеловка.
Поймает сердце и швырнет:
Простоволосая головка
Всех поголовно поберет.[4]

Сделай милость, на эту тему напиши мне что-нибудь и на листочке формата письма моего: я обещал ей дать твоего письма в альбом, да пришли еще что-нибудь своего неизданного для того же альбома. Только прошу не убивать меня в своем ответе: тебе прибыли издали никакой не будет, а меня только погубишь. Приезжай же зимою в Пензу: я здешней публике обещался показать тебя. Дай мне похвастаться твоею дружбою ко мне. Я у Павлуши нашел в тетради: критика на Евгения Онегина и по началу можно надеяться, что он нашим критикам не уступит. Вот она: И какой тут смысл: заветный вензель О да Е. В другом же месте он просто приводит твой стих: какие глупые места. L'enfant promet. Булгарин и теперь был бы рад усыновить его Пчеле. — Прости, моя милая душа. Я в гостях у Сабурова, а жена дома, а то верно и она написала бы тебе, хотя ты у нее всё в долгу. Пиши к нам прямо и просто в Пензу, только пиши. — Что Киселев, Сергей Голицын? Скажи Николаю Муханову, что в нем нет совести. — Ольге Сергеевне мое дружеское рукопожатие, а Родионовне мой поклон в пояс» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 69 — 72).

* * *

---

[1] Вотчим жены князя П. А. Вяземского.

[2] Ср. «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина, вып. IX, стр. 195, где повторяется этот каламбур.

[3] Из «Евгения Онегина» — см. выше, в письме № 264.

[4] Это стихотворение было напечатано в «Северных Цветах на 1829 г.». *Б. М.*

— Хлопоты и неприятности были у Пушкина в связи с делом о «Гавриилиаде» (см. в объяснениях к предыдущему письму № 278) и о стихотворении «Андрей Шенье» (см. выше, в объяснениях к письму № 276). № 279.

— «Танкред», — трагедия Вольтера, в стихотворном переводе Николая Ивановича Гнедича, была издана в Петербурге в 1816 году, с портретом актрисы Екатерины Семеновны Семеновой в роли Аменаиды. Вяземский, вспоминая в своей «Старой записной книжке» о Гнедиче и о переведенном им «ради прекрасных глаз Семеновой» «Танкреде», говорит: «Пушкин имел всегда на очереди какой-нибудь стих, который любил он твердить. В года молодости его и сердечных припадков было время, когда он часто повторял стих из этого перевода:

Быть может некогда восплачешь обо мне».

(«Русск. Арх.» 1873 г., кн. II, ст. 1022; Соч., т. VIII, стр. 116). Следует, однако, указать, что и Пушкин, и Вяземский не совсем точно цитируют стихи Вольтера и Гнедича, — очевидно, по памяти и без справок в книгах: у Вольтера приводимая Пушкиным цитата из «Tancrède» читается так (Acte IV, sc. II, слова Танкреда):

Elle regrettera l'amant qu'elle a trahi,
Le coeur qu'elle a perdu, ce coeur qu'elle déchire...

У Гнедича же эти две строки переведены одним:

Но некогда о мне восплачет и она...

(Действие IV, явл. II).

— Киселев — Николай Дмитриевич (см. выше, стр. 290, в объяснениях к письму № 273); несколькими строками ниже Пушкин передает неверный слух, будто Киселев «уже в армии»: он незадолго до того поехал в Карлсбад, по пути в Париж, куда был назначен секретарем Посольства.

— О С. Д. Полторацком см. выше, в письме № 246, и в объяснениях к нему, стр. 247.

— Приведенное Пушкиным четверостишие, в приличной редакции (с заменой пропущенных нами слов словами: «Бог их прости»), сообщено было еще А. П. Керн в ее Воспоминаниях (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 252); она говорит, будто оно было написано Пушкиным у князя Голицына, «во время карточной игры, мелом на рукаве», а затем переслано через нее барону Дельвигу. Этот же куплет Пушкин взял, как эпиграф к первой главе «Пиковой Дамы». Некоторыми издателями он совершенно произвольно присоединялся к шуточному стихотворению Рылеева «Ах, где те острова»... (ср. выше, т. I, стр. 68 и 300). См. заметку Н. О. Лернера «Баллада об игроках» — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 20 — 29, Соч., ред. Венгерова, т. V, стр V, и сборник «Недра», вып. № 3. — О стихах, написанных Пушкиным у князя Сергея Григорьевича Голицына (по прозвищу «Фирса»), упоминаемого несколькими строками ниже, см. в заметке М. Н. Лонгинова: «Анекдот о Пушкине» (Сочинения М. Н. Лонгинова, изд. Л. Э. Бухгейма, М. 1915, т. I, стр. 512 — 514) и у Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. III, М. 1926, стр. 22; ср. выше, в объяснениях к письму № 273, стр. 290 — 291.

— Junior — Алексей Алексеевич Оленин (см. выше, стр. 290, в объяснениях к письму № 273), сын Президента Академии Художеств, члена Государственного Совета и Директора Публичной Библиотеки Алексея Николаевича Оленина (род. 1763, ум. 1843). — В доме Оленина, нарисовавшего картинку для первого издания «Руслана и Людмилы» (см. выше, т. I, письмо № 21). Пушкин бывал еще в 1819 г. и здесь, между прочим, познакомился с его племянницей по жене — А. П. Керн (см. выше, в т. I, стр. 467 — 468, в объяснениях к письму № 154); тогда же он узнал, конечно, и сыновей Оленина, — в том числе и Алексея, в 1817 г. выпущен-

№ 279. ного из Пажеского Корпуса прапорщиком в Гвардейский Генеральный Штаб с прикомандированием к Военно-Топографическому Депо. С января 1827 г. А. А. Оленин служил в Азиатском Департаменте, но вскоре перешел в Департамент Уделов, а в феврале 1830 г. — в Министерство Юстиции; впоследствии еще много раз менял службу. Оленины были помещиками Новоторжского уезда Тверской губернии, куда, вероятно, и уехал на лето А. А. Оленин.

— Князь Сергей Григорьевич Голицын (по прозвищу «Фирс» — см. выше, стр. 290, в объяснениях к № 273) «возился» тогда с Михаилом Ивановичем Глинкою (род. 1804, ум. 1857), знаменитым композитором, товарищем по Университетскому Благородному Пансиону Льва Сергеевича Пушкина. Поэт коротко узнал его в доме барона А. А. Дельвига, у которого Глинка часто бывал, вместе с князем С. Г. Голицыным, в зиму 1827—1828 гг. (Воспоминания А. П. Керн — Л. Майков, «Пушкин», стр. 253—254). Глинка уже начинал в то время приобретать известность своими романсами; вскоре затем он написал музыку и на слова Пушкина: «Не пой, красавица, при мне» (изд. 1831). В 1836 г. Пушкин принял участие в сочинении шуточного похвального «Канона» Глинке («Пой в восторге русский хор!..»; подлинник в Пушкинском Доме), написанного и изданного по поводу постановки оперы «Жизнь за Царя»: тогда же была начата Глинкой опера «Руслан и Людмила», законченная уже после смерти Пушкина, с либретто барона Е. Ф. Розена. — Князь С. Г. Голицын (род. 1806, ум. 1868), как музыкант - любитель, близко сошелся с Глинкою в 1828 г., и знакомство это, по собственному признанию Глинки, имело важное влияние на развитие его музыкальных способностей. Голицын, пишет Глинка в своих Записках [говоря о весне 1828 г.], «был милый, веселый, подчас забавный молодой человек, хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом. Я был тогда чрезвычайно застенчив; он умел ободрить меня и ввел в круг молодых людей высшего тона. Благодаря его дружескому участию я приобрел много приятных и полезных знакомств. Сам же он умел ловко возбуждать меня к деятельности, писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения»; тогда же он с Глинкою задумал издать «Лирический Альбом», но «дело долго не шло на лад, — и издание это было выпущено в 1829 г. при деятельном участии Николая Ивановича Павлищева, за полгода перед тем женившегося (26 января 1828 г.) на сестре Пушкина — Ольге Сергеевне («Записки», С.-Пб. 1887, стр. 45, 49). «Около этого времени», пишет Глинка: «я часто виделся с известнейшим поэтом нашим Алекс. Серг. Пушкиным (который хаживал и прежде того к нам в Пансион к брату своему, воспитывавшемуся со мною в Пансионе), и пользовался его знакомством до самой его кончины. Провел около целого дня с Грибоедовым, автором комедии «Горе от ума». Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс: «Не пой, волшебница, при мне» (стр. 48).

— «Я пустился в свет»... П. А. Муханов, в письме к М. П. Погодину из Петербурга 11 августа 1828 г. писал: «Пушкин учится английскому явыку, а остальное время проводит на дачах» («Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 70).

— По поводу слов Пушкина, что он «бесприютен», князь Вяземский, в ответном письме своем от 18 — 25 сентября острил: «Ты говоришь, что ты *безприютен*: разве уже тебя не пускают в Приютино?» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 77), т.-е. в имение Олениных под Петербургом, вверх по Неве, где жила Анна Алексеевна Оленина, в которую тогда был влюблен Пушкин (см. выше, стр. 290, в объяснениях к письму № 273).

— «Медная Венера» — Аграфена Федоровна Закревская (род. 1799, ум. 1879), с 1818 г. — жена генерал-адъютанта, Министра Внутренних Дел, Финляндского генерал-губернатора и Командира Финляндского Отдельного Корпуса Арсения Андреевича Закревского, впоследствии графа. Рожденная графиня Толстая, бывшая фрейлина, она, по словам князя А. В. Мещерского, «была женщина умная, бойкая и имевшая немало приключений,

которыми была обязана, как говорили, своей красоте» (Воспоминания, М. 1901, стр. 135); этими приключениями она, действительно, была богата до преклонных лет и даже в глубокой старости, как говорит П. А. Ефремов, «отличалась своими эксцентрическими выходками, удивлявшими Москву» (Соч., изд. Суворина, т. VIII, стр. 286). Она кружила голову всем, кто был около нее... 28 октября 1822 г. гр. М. С. Воронцов писал Н. М. Лонгинову: «Что вы пишете про Закревскую, меня не удивляет, — мне всегда казалось, что в ней все диспозиции к кокетству, и только недоставало случая» (Пушкинский Дом, Архив Н. М. Лонгинова, письма гр. Воронцова, 1822 г., л. 74), а через год высказывал радость, что «Закревский соединен опять с женою. Хотя, впрочем, мало верю Петербургским вздорам, но думаю, что наш бедный Закревский мог бы найти лучшую супругу, и боюсь, что она много горьких дней ему готовит» (там же, 1823 г., л. 48): тогда ходили слухи о связи ее с Принцем Кобургским («Русск. Арх.» 1903 г., т. I, стр. 475, 476, 477, 480). В 1825 г. ею увлечен был поэт Боратынский и друг его Н. В. Путята. Боратынский писал ей в то время № 279.

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина плачешь ты
И как русалка ты хохочешь!

Не без основания приписывают ей и еще четыре стихотворения Боратынского (см. Соч., ред. М. Л. Гофмана, т. I, стр. 257—258). Пушкин посвятил ей стихотворения, написанные в одно время: «Портрет», «Щастлив, кто избран своенравно» и «Наперсник», а также пьесу «Когда твои младые лета»... (см. заметку Н. О. Лернера в «Русск. Арх.» 1911 г., кн. I. стр. 641—642, и Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. XXVII—XXVIII; «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 29, 82—83). В первом он так обрисовал эту оригинальную и привлекательную, хоть и порочную женщину:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О, жены Севера, меж вами
Она является порой, —
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

Сообщая А. И. Тургеневу последние четыре стиха, князь Вяземский писал ему 15 октября 1828 г., что Пушкин «целое лето кружился в вихре Петербургской жизни» и «воспевал Закревскую» («Остаф. Арх.», кн. III, стр. 179). Знавшая ее уже в 1850-х годах графиня Л. А. Ростопчина пишет про нее: «Графиня Закревская была весьма оригинальной личностью, выведенной во многих романах того времени [между прочим, у Б. М. Маркевича в «Четверть века назад». *Б. М.*]. Она давала обильную пищу злословию, и по всей Москве ходили сплетни на ее счет. Очень умная, без предрассудков, нисколько не считавшаяся с условными требованиями морали и внешности, она обладала способностью искренней привязанности... Графиня была очень высокого роста и очень хороша собой, но страдала излишней полнотой и вечно задыхалась»; в один жаркий день она «с неподражаемой непринужденностью оделась в широкий кисейный капот, отделанный кружевами, небрежно накинутый на батистовую рубашку, которую даже слепой не принял бы за полотняную. Вид был ужасный, когда графиня расхаживала по комнатам, освещенным с одной стороны;

№ 279. но когда она стала принимать гостей в бальной зале, выходившей одновременно на двор и в сад, получилось нечто поразительное; лучи солнца пронизывали легкие покровы и обнаруживали все тайные изгибы монументального тела» («Семейная хроника», М. Изд. Н. Орфенова, стр. 257). Эта монументальность ее фигуры, как бы изваянной, дала повод Пушкину в письме к Вяземскому назвать Закревскую «Медной Венерой». «Я уже слышал», писал ему Вяземский 25 сентября: «что ты вьешься около моей медной Венеры, но ее ведь надобно и пронять медным благонамеренным. Спроси ее от меня: как она поступает с тобою, — так ли, как со мною: на другую сторону говорит и любезничает, а на мою кашляет. Так расстался я с нею за обедом у Белосельской» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 77). Монументальность Закревской (под именем Нины Воронской) отметил Пушкин и в «Евгении Онегине» (гл. 8, строфа XVI), описывая, как Онегин встречает Татьяну на великосветском балу:

Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И верно б согласились вы,
Что Нина *мраморной красою*
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была...

В выпущенных строфах той же 8-й главы «Онегина» находим изображение появления Нины Воронской в бальной зале в таком же прозрачно-соблазнительном костюме, какой выше описывала гр. Л. А. Ростопчина:

Смотрите, — в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей.
В волненьи перси, плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вкруг стана вьются и трепещут
Прозрачной сетью кружева;
И шелк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах.

(См. М. Л. Гофман, Пропущенные строфы «Евгения Онегина», С.-Пб. 1922, стр. 291—294). В. В. Вересаев дает такую общую ее характеристику: «С своей пылающей душой, с своими бурными страстями» — А. Ф. Закревская «яркою беззаконною кометою проносилась в 20-х годах по небосклону чинного и лицемерно-добродетельного «большого света». Все стихи поэта и письма как Пушкина, так и Боратынского, рисуют ее дерзко презирающею мнение света, бешено-сладострастною и порочною, внушающею прямо страх заразительною силою сатанинской своей страстности. Пушкин: «Таи, таи свои мечты: боюсь их пламенной заразы, боюсь узнать, что знала ты!». И Боратынский: «Страшись прелестницы опасной, не подходи: обведена волшебным очерком она; кругом ее заразы страстной исполнен воздух». И еще вот как Боратынский: «Кого в свой дом она манит, — не записных ли волокит, не новичков ли миловидных? Не утомлен ли слух людей молвой побед ее бесстыдных и соблазнительных связей? Но как влекла к себе всесильно ее живая красота».... («Новый Мир» 1927 г., кн. 1, стр. 194). Это была, говорит Н. О. Лернер, «не простая распутница, а жрица любви, вакханка, менада, неслыханно служившая матери наслаждений, сложная натура, в которой жила томительная мечта; ей была знакома тоска душевной пустоты; в ней сочетались Русалка и Магдалина. Такая женщина, да еще вдобавок красавица, не могла не заинтересовать Пушкина, и недаром он внес ее имя в свой «Дон-Жуанский список» (Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. III, и т. IV, стр. 100). Племянница графини А. Ф. Закревской — М. Ф. Каменская рассказывает в своих Воспоминаниях, что когда тело

умершего Пушкина после отпевания было поставлено в склеп Конюшенной церкви и поклонники поэта приходили с ним прощаться, то «дамы даже ночевали в склепе, и самой ярой из них оказалась тетушка Аграфена Федоровна Закревская. Мало того, что ее сон не брал всё время, как тело стояло в склепе, мало того, что она, сидя около гроба в мягком кресле, не переставала обливаться горючими слезами, — нет, она еще знакомила ночевавших с нею в склепе барынь с особенными, отличительными, интимными чертами характера дорогого ей человека. Разумеется, она первым делом с наслаждением поведала барыням, что Пушкин был в нее влюблен без памяти, что он ревновал ее ко всем и каждому. Что еще недавно в гостях у Соловых он, ревнуя ее за то, что она занималась с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь... И тетка с гордостью показывала любопытным барыням повыше кисти видные еще следы глубоких царапин. А потом она еще рассказывала, что в тот же вечер, прощаясь с нею, Пушкин шепнул ей на ухо: «Peut être vous ne me reverrez jamais». И точно, она его живым больше не видала. Тетка Аграфена Федоровна... была очень хороша собой... Кроме того, она была бесспорно умная, острая женщина, немного легкая на слово, но это не мешало тому, чтоб Пушкин любил болтать с нею, читал ей свои произведения и считал ее другом»... («Историч. Вестн.» 1894 г., № 10, стр. 54 — 55). По мнению П. Е. Щеголева, именно Закревскую Пушкин попытался изобразить в том же 1828 г. «по свежим следам, в неоконченном наброске «Гости съезжались на дачу» в героине Зинаиде Вольской» («Пушк. и его соврем.», вып. XIV, стр. 190; ср. заметку В. В. Вересаева в журн. «Новый Мир» 1927 г., № 1, стр. 195 — 196), про которую герой отрывка — Минский говорит почти словами Пушкинского письма к Вяземскому: «Она занята; я просто ее наперсник или что вам угодно. Но я люблю ее от души: она уморительно смешна». Чрезвычайно симпатичными красками рисует облик Закревской режиссер С. П. Соловьев, близко узнавший графиню в 1850-х годах: она была страстной любительницею драматического искусства и деятельною участницею в устройстве «благородных» любительских спектаклей (см. «Русск. Арх.» 1874 г., кн. 1, ст. 203 — 222). О Закревской см. еще в книге П. К. Губера: «Дон-Жуанский список Пушкина», С.-Пб. 1923, стр. 224 — 226. Два портрета ее см. в сборнике портретов П. И. Щукина, вып. 4, № 39 и 71; литографированный портрет — в Пушкинском Доме. № 279.

— «Благонамеренный» — журнал А. Е. Измайлова; Пушкин здесь говорит в тон шутки князя Вяземского, который в письме своем к поэту от 26 июля 1828 г. острил, приводя стих из «Онегина»:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С *Благонамеренным* в руках!

— Стих: «Прямо, прямо на восток» принадлежит Жуковскому и находится в стихотворении «Путешественник» (из Шиллера):

И в надежде, в уверенье
Путь казался не далек.
«Странник», слышалось: «терпенье!
«Прямо, прямо на восток!»

— О «Гавриилиаде» см. выше, стр. 299 и сл., в объяснениях к письму № 278. Говоря, что «Гавриилиада» принадлежит перу сатирика князя Дмитрия Петровича Горчакова, которого он указал и в своих официальных показаниях как автора «Гавриилиады», Пушкин хотел таким способом лишний раз отвести от себя подозрение в написании поэмы и, быть может, косвенным образом предупредить князя Вяземского о необходимости именно таким образом опровергать в обществе слухи об авторстве Пушкина. «Опасаясь», говорит В. Я. Брюсов: «обычной в те дни

№ 279. перлюстрации писем, Пушкин не решился выразиться определеннее,— но князь Вяземский понял его и писал ему в ответ: «Сердечно жалею о твоих хлопотах по поводу «Гавриила», но надеюсь, что последствий худых не будет». Заметим, что, намекая, как на автора «Гавриилиады», именно на Горчакова, Пушкин поступал очень осторожно. Горчаков и ранее был известен как автор разных нецензурных стихов. Новая такая поэма не изменяла ничего в его худой или доброй славе. Лично же кн. Горчакову никаких неприятностей угрожать не могло: он был уже вне земного суда, так как скончался четыре года назад — в 1824 г.» («Гавриилиада», изд. 2-е, Альционы, М. 1918, стр. 41; ср. также издание «Гавриилиады» под ред. Б. В. Томашевского, С.-Пб. 1922). У князя Вяземского был собственноручный Пушкина список «Гавриилиады». который он завещал своему сыну уничтожить (там же, стр. 91); по слухам, этот список цел до сих пор.

— О критике юного князя Павла Петровича Вяземского см. выше, в объяснениях к этому письму, стр. 302.—«Дух критики», писал он впоследствии по этому поводу: «воспитан был в нас отцом моим с детства несправедливым предпочтением Дмитриева в ущерб Крылову, бесспорно господствовавшему в нашей детской среде. Нас заставляли учить наизусть апологи Дмитриева, чтение же басен Крылова едва допускалось. И. И. Дмитриев, друг моего деда, был пестуном отца моего и законодателем и верховным судьей литературного приличия и вкуса. Пушкин в своей переписке упрекает отца моего в несправедливости по отношению к Крылову и пристрастии. Нет сомнения, что из всех членов Арзамаса отец мой был более прочих человеком партии, и почти он один таковым был даже и тогда, когда он пережил всех своих друзей» (Соч. князя П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 510—511).

— Пел. Ник.— Пелагея Николаевна Всеволожская, рожд. Клушина; стихотворный портрет ее, написанный Вяземским, см. выше, в объяснениях к этому письму, стр. 302; он был напечатан в «Северных Цветах на 1829 год» (см. Соч. князя Вяземского, т. IV, стр 23—24, и т. IX, стр. 71). Пушкин так и не собрался написать ей послание. С нею был знаком поэт Д. В. Давыдов, который в одном из писем к князю П. А. Вяземскому 1836 г. рассказывает о том, какой переполох произошел в Пензе, когда Ив. Вас. Сабуров напечатал статью «Четыре роберта жизни» и в ней «осмеял, разругал, осрамил *простоволосую* головку» (см. «Стар. и Новизна», кн. XXII, стр. 63 — 64).[1] В других письмах Давыдов называет ее «Стриженою головкою» и просто «Простоволосою» (там же, стр. 41, 47, 51 и 56).— В 1831 г. Всеволожскую в Москве видывал бар. А. И. Дельвиг, который говорит, что она была женщина «чрезвычайно живая, милая, хорошенькая и с порядочным состоянием... Впоследствии муж ее совсем промотался и бежал за границу. Она долго жила в Петербурге в совершенной бедности; теперь (1872) она живет в Петербурге в доме своего брата сенатора Клушина» («Мои воспоминания», т. I, стр. 145—146).

— Княгиня Вера — жена князя П. А. Вяземского, Вера Федоровна; Пушкин подружился с нею в Одессе летом 1824 года (см. выше, в т. I, стр. 82, 83 и др.). На фразу Пушкина княгиня Вяземская отозвалась припиской к письму мужа к Пушкину из с. Мещерского от 23 февраля 1829 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 86).

— «Происшествия в Од. (Ра . . . и Гр. В.)» — неприятная история, разыгравшаяся летом 1828 г. в Одессе между Пушкинским «демоном» Александром Николаевичем Раевским и Новороссийским генерал-губернатором гра-

---

[1] «Четыре роберта жизни. Олицетворенная дума Мурзы Чета», С.-Пб. 1835, 8°. Здесь на стр. 35 — 36 говорится, что Давыдов («в дни мира счастливый певец, любезный собеседник и душа общества, при звуке трубы— военный, лихой наездник, Партизан») написал красками Рубенса и кистью Грёза портрет этой поэтической женщины. Всеволжскую Сабуров охарактеризовал, повидимому, на стр. 6 — 7 своей довольно сумбурной книжки.

фом Михаилом Семеновичем Воронцовым. Последний приревновал Раевского к своей жене (в которую тот был издавна влюблен) и обратился к Одесскому полицеймейстеру, прося его, «как частный человек», оградить честь его от посягательств Раевского; при этом Воронцов прибегнул к клевете, сообщив в Петербург, что Раевский дурно отзывается о правительстве и о военных тогдашних действиях. Следствием жалобы Воронцова была высылка Раевского из Одессы в Полтаву, с запрещением въезда в столицы. Отец Раевского 12 июля 1828 г. обращался к императору Николаю с протестом против обвинения сына в политической неблагонадежности, утверждая, что он «не в состоянии говорить, ни мыслить против правительства», но не отрицал его «несчастной страсти» к графине Воронцовой, — однако ничего не добился («Архив Раевских», т. I, стр. 396 — 397). 25 сентября он писал младшему своему сыну Николаю на Кавказ: «Гр. Воронцов, желая отдалить из Одессы твоего полусумасшедшего брата, нашел благоразумный способ сыскать на него доносчика, будто он вольно говорит о правительстве и военных действиях! Ты знаешь, мой друг Николушка, может ли быть; эти все дурачества влюбленного человека он действительно делал, но предосудительного, — с его чувствами не сходно. И думая скрыть свое действие, извещает меня о том, что по повелению государя велено ему ехать в Полтаву, впредь до рассмотрения, уверяя притом, что он сему не причиной, что он сему не верил, но справлялся и действительно нашел, что донесение на него справедливо. Я писал государю всю истину и в том, что клеветник есть граф Воронцов, но дела военные, важные обстоятельства причиною, что по сие время не имею никакого решения... Алексаша живет свободно, но при душевном его положении ему это убийственно, все в Одессе знают всю истину» (там же, стр. 401 — 402). «Точно, что нет счастья совершенного на земле. Кажется, чего не достает нашему милому Воронцову», — писал 1 октября 1828 г. А. Я. Булгаков брату: «Сколько у него есть завистников? Но ежели справедлива история, которую на ухо здесь рассказывают, о поступке глупом молодого Раевского с графинею, то не должно ли это отравить спокойствие этого бесценного человека?... Графиня совершенно невинна; но всё очень неприятен эдакий есклaндр. Вот так-то один бешеный негодяй может нарушить спокойствие такого примерного семейства. Меня очень это опечалило» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 185, 187). Через месяц, 7 декабря 1828 г., тот же Булгаков сообщал брату, со слов Н. М. Щербининой, что «Воронцов убит известною историею графини..., что счастье его семейственное потеряно... Эта заноза для души чувствительной, какова Воронцова, ужасна!» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 207). — «О Воронцове скандалезное известие», — писал князь Вяземский А. И. Тургеневу: «он жаловался государю на Александра Раевского, сына Николая Николаевича... и Раевского вывезли из Одессы с жандармом в Полтаву для прожития под присмотром. Подробности не достоверны, но сущность дела несомнительна»... («Остаф. Арх.», т. III, стр. 179). См. еще Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. III, стр. 530 — 531, примеч. Н. О. Лернера к стих. «Коварность». № 279.

— Итальянская фраза значит: «Прощай, мой обожаемый, мой идеал» (следовало бы сказать: «idolo mio»).

— Князь Вяземский ответил Пушкину на это письмо 18 — 25 сентября из Остафьева (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 76 — 78).

К черновому:

— Острота поэта М. В. Милонова об А. Е. Измайлове касалась, конечно, плохонького журнала, издававшегося последним, — «Благонамеренного». Вяземский сравнил красавицу П. Н. Всеволожскую со стихом Пушкина в упомянутом выше стихотворении, ей посвященном:

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ —

№ 280.

Всё в ней так молодо, так живо,
Так непохоже на других,—
Так поэтически игриво,—
Как Пушкина веселый стих...

— Tu m'adula, ma tu mi piace — итальянская фраза, по-русски значит: «ты мне льстишь, но я тебя люблю».

280. *А. Н. Вульфу* (стр. 56). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 168 и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 157 — 158; подлинник у Б. Л. Модзалевского.

— Под 11 — 12 сентября 1828 г. Алексей Николаевич Вульф, уже окончивший курс Дерптского Университета, живший в это время в Петербурге, служивший в Департаменте разных податей и сборов («подлостей и вздоров», — как тогда острили) и часто встречавшийся с Пушкиным,— записал в своем дневнике: «Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что̀ мне весьма неприятно, ибо от этого пострадает доброе имя и Сестры и Матери [обе были весьма неравнодушны к Пушкину], а Сестре и других ради причин это вредно» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 9). —4 — 5 октября он отметил, что недавно, заходя к Пушкину, застал его пишущим «Полтаву», с которою поэт тут же и познакомил своего приятеля (стр. 13 — 14), 11 числа записал, после встречи с Пушкиным у только-что вернувшегося в Петербург барона Дельвига, что поэт пишет уже 3 песню своей Полтавы и дошел «до Полтавской виктории», а 13-го, что Пушкин читал ему уже почти оконченную поэму; обедал Вульф у Сергея Львовича Пушкина, который проводил лето этого года в Михайловском (стр. 15), куда, вследствие того, и не ездил поэт против обыкновения, предпочтя другой план — осеннюю прогулку в Малинники, Тверское имение П. А. Осиповой. 19 октября он видался с Вульфом, который отправил с ним письмо к своей матери (стр. 18), посетил Анну Петровну Керн, у которой записал на бывшей с ним книжке «L'Achilléide et les Sylves de Stace» (изд. 1802 г.) шуточную напутственную песенку:

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей!

*

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила не хороша
Без тебя, моя душа!

(См. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1910, стр. 342, со снимком; Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 194). Вечером Пушкин, в первый раз после своего отъезда из Петербурга в 1820 году, был на обычном Лицейском собрании и собственноручно записал протокол его:

«Собрались на пепелище скотобратца курнофеиуса Тыркова (по прозвищу кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг — Тося, Илличевский — Олосенька, Яковлев — Паяс, Корф — дьячок-мордан, Стевен — Швед, Тырков (смотри выше), Камовский — лиса, Пушкин — француз (смесь обезьяны с тигром).

«a) Пели известный лицейский пэан Лето, знойна. NB Пушкин — француз открыл, и согласил с ним соч[инителя] Олосенька, что должно вместо общеупотребляемого припева «Лето знойно» петь, как выше означено. b) Вели беседу. c) Выпили вдоволь их здоровий. d) Пели рефутацию г-на Беранжера. e) Пели песню о царе Соломоне. f) Пели скотобратские куплеты прошедших шести годов. g) Олосенька, в виде французского тамбурамажора, утешал собравшихся. h) Тырковиус безмолвствовал. j) Толковали о гимне ежегодном и негодовали на вдохновения скотобратцев. k) Паяс представлял восковую персону. i) И завидев на дворе час первый и стражу

вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея Пушкину-Французу, иже написа сию грамоту». Следуют собственноручные подписи присутствовавших с их прозвищами (в скобках), а в заключение — написанное рукою Пушкина его четверостишие: № 280.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы. Мне в дорогу,
А вам в постель уже пора».

С подорожной до Торжка, выданной Пушкину тоже как «воспитаннику императорского Царскосельского Лицея» (см. «Старина и Новизна», кн. V, стр. 6), он и выехал в Малинники (Старицкого уезда, вёрстах в 30 от Старицы), в столь любимую им деревенскую обстановку, в которой осенью ему так легко и охотно писалось. 27 октября, в тот день, как писал он Вульфу, он закончил посвящение «Полтавы» той, которая была для него «сокровищем, святынею, любовью для сумрачной души его»,—по догадке П. Е. Щеголева — княгине М. Н. Волконской, рожд. Раевской, жене декабриста, последовавшей за ним в Сибирскую каторгу («Пушк. и его соврем.», вып. XIV, стр. 178 — 179). Деревня Вульф - Осиповой Пушкину очень понравилась, и он впоследствии, по свидетельству Анны Н. Вульф, часто приговаривал: «Хоть малиной не корми, да в Малинники возьми» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 351).

* * *

— Письмо Пушкина Вульф получил 2 ноября и записал в своем Дневнике: «Вечером принесли мне письмо от Матери и Сестры, а в последнем — милую приписку от Пушкина, которая начинается желанием здравия *Тверского Ловеласа С.-Петербургскому Вальмону.* — Верно он был в весьма хорошем расположении духа и, любезничая с тамошними красавицами, чтобы пошутить над ними, писал ко мне, — но и это меня очень порадовало» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 23).

— Ловелас — один из героев большого нравоописательного романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу» [1]; он, во французском переводе, был в Тригорской библиотеке (см. Б. Л. Модзалевский, «Поездка в с. Тригорское» — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 26 — 27), а ныне — в Пушкинском Доме; был и в личной библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 321). Ср. выше, в т. I, в письме № 106, и в объяснениях к нему, стр. 368. В 1829 г. в письме к Вульфу, также из Малинников, Пушкин назвал своего приятеля Ловеласом Николаевичем (см. ниже, письмо № 297, и письмо к Языкову от 14 апреля 1836 г.)

— Вальмон — vicomte de Valmont, главное действующее лицо в известном нравоописательном романе Choderlos de Laclos (ум. 1803): «Les Liaisons dangereuses. Lettres recueillies dans une société et publiées pour l'instruction de quelques autres». Par C... de L... (4 части. 1782), в котором описываются романические похождения героя, человека безнравственного. Говоря о письмах Пушкина к Вульфу, Л. Н. Майков написал: «Если судить по ним, то с первого взгляда может показаться, что короткость отношений между переписывавшимися обусловилась преимущественно жаждой материальных наслаждений и основывалась на кутежах, на ухаживании за женщинами и т. п. Известно, какою страстною натурой обладал поэт и как дорого платился он за свои сердечные увлечения, а вместе с тем известно и то, что смолоду он любил преувеличивать свои пороки и как бы выставлять их на показ. Это объясняет тон его писем к Вульфу; в них Пушкин называет то себя, то его Ловеласом, то величает его Вальмоном и сообщает ему разные новости несколько игривого свойства. Вульфу, который был на шесть лет моложе Пушкина, товари-

[1] Которым в молодые годы (т.-е. в начале 1840 - х гг.) зачитывался еще Г. П. Данилевский (см. его роман «Девятый вал», ч. I, гл. VI).

№ 281. щеское его обращение, очевидно, было приятно, и хотя в сущности это был человек иного нрава, гораздо менее пламенный, он не желал отставать от Пушкина и к тому же, по своей крайней молодости, имел слабость, как говорит предание, «влюблять в себя молоденьких барышень и мучить их» (В. И. Колосов, «А. С. Пушкин в Тверской губернии», Тверь. 1888, стр. 11). Такое стечение обстоятельств давало повод к разным эпизодам, иногда комического свойства»... (Л. Майков, «Пушкин», стр. 165—166). Теперь мы знаем, по Дневнику Вульфа, опубликованному М. Л. Гофманом («Пушк. и его соврем», вып. XXI—XXII), что отношения Пушкина и Вульфа были иными: ср. В. В. Вересаев, «Пушкин и Евпраксия Вульф»—«Новый Мир» 1927 г., № 1, стр. 185—190.

— Сведения насчет петербургского поведения Вульфа интересовали находившуюся в Малинниках Елизавету Петровну Полторацкую (сестру А. П. Керн), влюбленную в Вульфа, бывшую в близких с ним отношениях и узнавшую, что он ей изменяет. О всем этом Вульф откровенно рассказывает в своем Дневнике 1828—1829 гг. («Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, по указ.), где пишет, что, приехав в Малинники 18 декабря 1828 г., он от сестры узнал всё, что здесь делали его красавицы и Пушкин, «клеветавший на него, пока он тут был» (там же, стр. 45),

— Борисова — молоденькая девушка, сирота, дочь тверского дворянина и старицкого помещика Василия Гавриловича Борисова, жившая в доме Петра Ивановича Вульфа, дяди Алексея Вульфа; по словам В. И. Колосова (назв. соч.), «она была очень красива, имела выразительные глаза и черные волосы». Алексей Вульф также ухаживал за этой хорошенькой девушкой в бытность свою в Малинниках зимою 1828 г. «Не будучи красавицею», вспоминает он, «она имела хорошенькие глазки и для меня — весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 46).

— Анна Петровна—Керн, жившая в Петербурге и бывшая в интимных отношениях с Вульфом, как и упоминаемая вслед засим баронесса—Софья Михайловна Дельвиг (см. Дневник Вульфа — «Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, по указ.; Б. Л. Модзалевский, «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1925). Это поручение дружеского рукопожатия баронессе, записанное Пушкиным, возбудило ревность влюбленной в Вульфа Е. П. Полторацкой (см. там же, стр. 24).

281. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 56). Впервые напечатано в «Современнике» 1854 г., т. XLVII, кн. 9, отд. III, стр. 23—25, в статье В. П. Гаевского о бароне Дельвиге, но без стихов,— как и перепечатывалось всеми последующими издателями; полностью печатается впервые в настоящем издании: подлинник у Б. Л. Модзалевского.

— Говоря о подготовке Дельвигом «Северных Цветов на 1829 год» при помощи О. М. Сомова, В. П. Гаевский пишет, что «самым деятельным сотрудником альманаха, душою и жизнью издания был Пушкин... Он не только участвовал в «Северных Цветах» своими трудами, но приглашал к тому же своих литературных приятелей и отдавал их произведения в альманах Дельвига предпочтительно перед другими изданиями. Таким образом Пушкин отдал в «Северные Цветы» «прекрасное», по его мнению, стихотворение Катенина—«Старая быль» и несколько других стихотворений. «Ответ Катенину» напечатан в «Северных Цветах на 1829 год» (стр. 120) с подписью *А. П*... Для объяснения этого послания необходимо припомнить содержание «Старой были» Катенина и посвящение этого стихотворения Пушкину. В стихотворении Катенина князь Владимир, празднуя свою победу и свадьбу, присутствует при состязании двух певцов и награждает одного из них — грека — персидским конем и дорогим оружием, а его соперника — русского — заветным кубком, добытым Святославом в войне с Цимисхием. В послании Пушкину, сопровождавшем это стихотворение, Катенин, посмеявшись над археологами и романтиками, говорит, что из этих наград остался только кубок, попавший к «настоящему поэту», который вливает в него через край «свое волшебное питье». Пушкин не решился напечатать это посвящение и поместил в той же

книжке «Северных Цветов» только свой *Ответ Катенину*, — известное **№ 281.** послание, начинающееся стихами:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь...,

которые без пояснения не совсем понятны. Послание Катенина напечатано в 1832 году, в собрании его «Сочинений» (часть I, стр. 98 — 100), вслед за стихотворением «Старая быль» (стр. 85 — 97) («Современник», l. c., стр. 23 — 24, примеч.). В стихотворении этом относится к Пушкину следующее место, где Катенин говорит, что заветный кубок не потерян и находится теперь в руках Пушкина:

Из рук он в руки попадался
И даже часто невпопад,
Гулял, бродил по белу свету,
Но к настоящему поэту
Пришел, однако, на житье:
Ты с ним, счастливец, поживаешь,
В него ты через край вливаешь
Свое волшебное питье,
В котором Вакха лоз огнистых
Румяный, сочный, вкусный плод
Растворен свежестию чистых,
Живительных Кастальских вод.
Когда за скуку в утешенье
Неугомонною судьбой
Дано мне будет позволенье,
Мой друг, увидеться с тобой, —
Из кубка, сделай одолженье,
Меня питьем своим напой и т. д.

См. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», изд. А. А. Чебышевым, С.-Пб. 1911, стр. 100, 110, 112, 114, 116, 125, 128, 130, 135, а также Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 59 — 60 (письмо Катенина к Пушкину из Шаева от 27 марта 1828 г., при котором он послал поэту «Старую быль» и посвящение ее Пушкину); В. В. Каллаш, «Русские поэты о Пушкине», М. 1899, стр. 33 — 35 (перепечатка послания Катенина). Тонкий разбор «Ответа Катенину» и историко-литературную интерпретацию отношений Пушкина и Катенина см. в работе Ю. Н. Тынянова: «Пушкин и архаисты» в сборнике «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926.

— Об «ответе Готовцевой» см. в следующем письме, № 282.

— Софья Остафьевна — содержательница «известного» увеселительного заведения в Петербурге, конечно хорошо знакомого и Пушкину. О нем упоминает Бестужев-Марлинский в записной книжке под 1824 г. (сборник «Памяти декабристов», изд. Академии Наук, вып. I, Лгр. 1926, стр. 60 и 91), упоминает и Пушкин в одном наброске повести (1830-х гг., нач.: «Года четыре тому назад»...). 17 апреля 1834 г. поэт писал уехавшей из города жене, что когда, по отъезде ее, явился он к Дюме в ресторан, появление его произвело общее веселие: «Холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне? Всё это меня смутило...». Н. И. Куликов, рассказывая о своих встречах с Пушкиным летом 1833 г. в Петербурге, передает, что однажды поэт и Нащокин вспоминали, как они в былое время заходили к Софье Евстафьевне провести остаток ночи с ее компаньонками и где Александр Сергеевич, бывало, выберет интересный субъект и начинает расспрашивать о детстве и обо всей прежней жизни, потом усовещивает и уговаривает бросить блестящую компанию, заняться честным трудом — работой, итти в услужение, при том даст деньги на выход, и таким образом не одну жертву спас от погибели, а всего лучше, что благонравная Софья Евстафьевна жаловалось на поэта полиции, как на безнравственного человека, развращающего ее овечек» («Русск. Стар.» 1881 г., № 8, стр. 613). Заведение ее процветало еще в конце 1839 года, когда молодой Белинский, приехав в Петербург, писал В. П. Боткину: «Славный город Питер! Софья Астафьевна — mauvais genre, но собою очень интересна, — с усами и бородою — словно ведьма из Макбета» (Письма, ред. Е. А. Ляцкого, т. II, С.-Пб 1914, стр. 8 и 35). Упоминает о ней еще и Достоевский в своем рассказе «Чужая жена и муж под кроватью».

— Переписка между Боратынским и Пушкиным от этого времени не сохранилась.

№ 281. — Пр. Алекс. — Прасковья Александровна Осипова, проводившая осень и зиму 1828 г. с дочерьми Анной и Евпраксией и падчерицей Александрой в Малинниках. В «Северных Цветах на 1829 год» было напечатано стихотворение Пушкина «В альбом П. А. О.» («Быть может, уж недолго мне»...).

— Мунито — известная в то время собака, умевшая, по свидетельству очевидцев, делать сложение, различать цвета, угадывать карты и вообще удивлявшая своею необыкновенною понятливостью. «Эта замечательная смышленная собака», говорит Я. К. Грот со слов князя Трубецкого: «которую долго показывали за деньги, впоследствии куплена была в Карлсбаде нашим послом при Венском дворе Татищевым и им подарена императору Николаю, который переименовал ее *Гусаром*. Она была так понятлива, что иногда заменяла камердинера. Когда государю угодно было позвать к себе кого-нибудь из живших во дворце, он только отдавал приказание о том *Гусару*, — собака мигом бежала к названному лицу и теребила его за платье; все уже знали, что̀ это значит. Когда она околела, кажется, в 40 годах, ее похоронили в Царском-Селе, в собственном государевом саду, около колоннады, — и поставили над нею род памятника» («Труды Я. К. Грота», т. III, прил., стр. 159 — 160). Современный рассказ очевидца о способностях Мунито помещен был в журнале «Furet, journal de littérature et des théâtres» 1830 г., в статье «Les bêtes savantes»—№ 11, стр. 43 («Соврем.» 1854 г., т. XLVII, кн. 9, отд. III, стр. 24).

— Петр Маркович — Полторацкий (род. около 1775, ум. после 1851), отец А. П. Керн и упоминавшейся выше Елизаветы Петровны Полторацкой, влюбленной в Вульфа; он был женат на Екатерине Ивановне Вульф, сестре первого мужа П. А. Осиповой. Начав службу в л.-гв. Семеновском полку, он в 1796 г. вышел в отставку подпоручиком и с июля 1802 по январь 1809 г. был лубенским, Полтавской губернии, уездным предводителем дворянства. Прожектёр и фантазёр, он пускался в коммерческие предприятия и спекуляции, устраивал фабрики, но неизбежно прогорал, постоянно нуждался в деньгах и бедствовал. В 1828 г. он жил с дочерьми в квартире отсутствовавшего барона Дельвига, — и Пушкин заходил к нему узнавать новости о своем друге, — а потом жил у своего племянника, А. Н. Вульфа (Л. Майков, «Пушкин», стр. 252; «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, по указ.)

— Борис Михайлович — Федоров (см. выше, стр. 294); Пушкин имеет в виду упомянутую выше (стр. 294) «критическую» статью Федорова о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина», помещенную в его журнале «С.-Петербургский Зритель» 1828 г., стр. 139. О ней впоследствии Пушкин вспоминал в одной заметке: «Г-н Б. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главу Онегина, заметил, однакож, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею уж, что и называл он ужами, а что в риторике зовется единоначатием. Осудил он также слово корова и выговорил мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных, назвал девчонками (что, конечно, не учтиво), между тем, как простую деревенскую девку называл девою:

В избушке распевая, дева прядет...»

— Сестра — Ольга Сергеевна Павлищева; она просила за своего мужа, Николая Ивановича (род. 1802, ум. 1879), за которого вышла замуж 26 января 1828 г. и который тогда, вместе с М. И. Глинкой и князем С. Г. Голицыным, готовил альманах «Лирический Альбом на 1829 год»; последний вышел в свет в самом конце 1828 года, и в нем, на втором месте, была помещена песня «Ворон к ворону летит», положенная на музыку графом М. Ю. Виельгорским; текст же стихотворения, без нот и с заглавием «Два ворона» («Ворон к ворону летит»...), был напечатан в Дельвиговских «Северных Цветах на 1829 год» (стр. 31 — 32). Н. И. Павлищев был музыкант-любитель, и Пушкин соглашался на то, чтобы в «Лирическом

Альбоме» были помещены ноты (их тогда гравировали или литографировали со словами), а в «Цветах» — текст; так и было сделано.

— «Vale et mihi favere» — по-латыни значит: «Будь здоров и ко мне благосклонен».

— Баронесса — Софья Михайловна Дельвиг.

282. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 57). Впервые напечатано в «Современнике» 1854 г., т. XLVII, № 9, отд. III стр. 25 — 26 (в статье В. П. Гаевского о бароне Дельвиге, — отрывок, с курьезною ошибкою: «езжу на пароме» вместо «езжу по пороше») и в Соч., изд. 1882 г., ред. Ефремова, т. VII, стр. 143—144 (полностью, но без стихов и с тою же ошибкою, повторенною и всеми последующими изданиями); со стихами и с адресом впервые печатается в нашем издании; подлинник принадлежит Б. Л. Модзалевскому.

— В письме от 18 сентября 1828 г. князь Вяземский писал, между прочим, Пушкину из Остафьева: «Ты, неблагодарный, не отвечаешь мне на мои письма, а я по всем великороссийским губерниям своднячаю для тебя и горячу воображение и благородные места молодых дворянок. Вот тебе послание от одной Костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцева точно милая девица телом и душой. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи в Северных Цветах? надобно побаловать женский пол, тем более, что и он нас балует, а еще тем более, что весело избаловать молодую девицу. Вот и мои к ней стихи: мы так и напечатали бы эту Сузану между двумя старыми прелюбодеями. А приписка — Бартенева, умного, образованного и великого чудака, настоящего Квакера...[1] Я пробуду в Москве дней 15, а там возвращусь в свои степи довершать победы и раздавать Стихотворческие знаки отличия заслуженным Красавицам. На днях доставлю я тебе эти знаки, выбери из них, что вздумаешь, и отдай в Цветы» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 76 — 77).

— Костромитянка, послание которой к Пушкину было приложено к этому письму князя Вяземского, — Анна Ивановна Готовцева, впоследствии, по мужу, Корнилова, жена помощника управляющего Костромскою Удельною Конторою (1840 — 1850 гг.) Павла Петровича Корнилова (род. 1803); юной девушкой выступила она в печати — в «Московском Телеграфе» 1826 г. (ч. IX, № 11, стр. 115), где было напечатано ее небольшое стихотвореньице «К NN, нарисовавшей букет поблекших цветов»; из примечания к пьесе видно, что оно было сообщено в «Телеграф» не самою Готовцевою (быть может, кн. Вяземским же?). В «Сыне Отечества» за тот же 1826 год (ч. 106, № 5) было напечатано ее, заимствованное из Ламартина стихотворение «Одиночество», а в альманахе В. В. Измайлова «Литературный Музеум на 1827 год» — стихотворение «Видение» (стр. 162 — 163) и «К П***» (стр. 280; не к Пушкину); в «Северных Цветах на 1829 г.» появились ее послания к Ю. Н. Бартеневу и к Пушкину; последнее, как и хотел Вяземский, было напечатано между посланиями к Готовцевой его самого (стр. 178 — 179) и Пушкина (стр. 182, под заглавием «Ответ»). Стихотворениями: «К артисту Гюломи» (альм. «Подарок бедным на новый 1834 год», Одесса. 1834) и «К перу» («Галатея» 1839 г., ч. 4) за-

---

[1] Известного Юрия Никитича, костромича, покровительствовавшего Готовцевой, как и другим молодым дарованиям. Послание Готовцевой к нему было напечатано в «Северных Цветах на 1829 год». Три письма князя П. А. Вяземского к Бартеневу (1832 — 1833 г.) напечатаны в «Русск. Архиве» 1897 г., кн. III, стр. 283 — 286; в одном из них Вяземский называет Бартенева: «почтеннейший Квакер — Беверлей, мистик, философ, классик, романтик и хиромантик, естествоиспытатель, первый чудодей по Костромской губернии и едва ли не третий или много что четвертый по всей империи и разве десятый по целому Божьему миру» (стр. 285), а в другом просит его передать сердечное почтение «поэтической Готовцевой» (стр. 284).

№ 282. кончилась, повидимому, навсегда литературная деятельность Готовцевой, которая в конце 1820-х или в начале 1830-х гг. вышла замуж и впоследствии отдалась воспитанию своих двух дочерей и двух сыновей; нам известно еще только одно ее стихотворение: «Вечер на 17 Сентября 1850 года», посвященное Ю. Н. Бартеневу и тогда же записанное в его альбом в Костроме (см. Б. Л. Модзалевский, «Альбом Ю. Н. Бартенева» — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.» 1910 г., т. XV, кн. I, стр. 219; ср. там же, стр. 213); а между тем Белинский готов был считать ее поэтическое дарование выдающимся и ставил ее имя в ряду четырех замечательных женских имен Пушкинского периода русской литературы: княгини З. А. Волконской, Марьи Лисицыной и Н. С. Тепловой. — Князь Вяземский в своих стансах Готовцевой наговорил ей комплиментов:

Благоуханием души
И прелестью, подобно розе,
И без поэзии, и в прозе,
Вы достоверно хороши.
. . . .
Дается редкому поэту
Быть поэтическим лицом:
В гостиной смотрит сентябрем,
Кто чародей по кабинету.
Но в вас, любимице наук,
С плодом цвет свежий неразлучен:
С улыбкой вашею созвучен
И стих ваш, — сердца чистый звук.

Пушкин в своем ответе, действительно, доставил «мало барыша» Готовцевой, которая в послании к поэту писала:

О, Пушкин! Слава наших дней!
Поэт, любимый небесами!
Ты век наш на заре своей
Украсил дивными цветами:
Кто выразит тебя сильней
Природы блеск и чувства сладость,
Восторг любви и сердца радость,
Тоску души и пыл страстей?
Кто не дивится вдохновеньям,
Игривой юности мечтам,
Свободной мысли выраженьям,
Которые ты предал нам?
    В неподражаемой картине
Ты нам Кавказ изобразил
И деву гор, и плен в чужбине,
Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил;
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонтан любви, грузинки месть
Из края в край, не умолкая,
Гласят поэту славы весть.
Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!
. . . .
. . . .
Не справедлив твой приговор;
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор.

Две строки точек, под которыми должно было скрываться разъяснение упрека по адресу Пушкина, заинтриговали поэта. «Быть может»,

догадывается В. П. Гаевский (а за ним П. В. Анненков): «поводом к этим упрекам послужил отрывок из «Евгения Онегина под заглавием «Женщины», напечатанный в «Московском Вестнике» 1827 г. (ч. V, № 20, стр. 365 — 367)...., или «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные, без подписи Пушкина, в «Северных Цветах на 1828 год» (стр. 208 — 226), где он писал: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка; но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Боратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения,—и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки». В своем «Рославлеве» (1831 г.) он также, устами неизвестной «дамы», говорит: «Вот уже, слава Богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-Русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке (NB. Автору «Юрия Милославского» грех повторять пошлые обвинения: мы все прочли его, и, кажется, одной из нас обязан он и переводом своего романа на Французский язык). Дело в том, что мы и рады бы читать по-Русски, но словесность наша, кажется, не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же от всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем мы только Историю Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назад: между тем, как во Франции, Англии и Германии книги, одна другой замечательнее, следуют одна за другою. Мы не видим даже и переводов; а если и видим, то воля ваша, я всетаки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для наших литераторов. Мы принуждены всё известия и понятия черпать из книг иностранных, таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы. Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы Русские книги, похожи на жалобы Русских торговок, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлер и не довольствуемся произведениями Костромских модисток»... «Пушкин, только из учтивости отвечавший на это стихотворение», — пишет Гаевский, «очень затруднялся и медлил ответом» («Современник» 1854 г., т. XLVII, № 9, отд. III, стр. 25 — 26, примеч.). № 282.

— Волновала Дельвига и медленность князя Вяземского в доставлении стихотворений для «Северных Цветов», хотя в этом, быть может, был виноват также и Пушкин, через которого Вяземский намерен был послать свою «подачку» Дельвигу. «Пишу на удачу, не зная найдет ли вас письмо сие в Москве», читаем в письме Дельвига к Вяземскому от 3 ноября 1828 г.: «Прошу домовых леших Арбатских удержать вас, *а бога в особенности немцев*, [1] хотя за фамилию мою, помочь мне и внушить вам охоту сейчас же послать мне поэтическую подачку, без которой Северные Цветы не совсем б дут вкусны их потребителям ежегодным. Пушкин написал милые стихи Готовцевой. Досадно, ежели придется их напечатать без ваших...» («Стар. и Новизна», кн. V, стр. 37). Вяземский и позже не прерывал литературных сношений с Готовцевою: в альманахе «Денница 1830 г.» (стр. 122 и сл.) он напечатал «Письмо к А. И. Г-ой», содержавшее ряд литературных советов и суждений опытного литератора начинающей писательнице (Соч., т. II, стр. 139 — 144). Скажем, кстати, что Готовцева приходилась родною теткой поэтессе Ю. В. Жадовской, и что две сестры ее, Мария и Наталия, также были писательницами.

---

[1] Стих из пьесы Вяземского «Русский бог». *Б. М.*

№ 283. — «Ces petits vers froids et coulants» — «Эти стишки, холодные и гладкие»; эти французские слова — стих Вольтера из послания его к Madame de Saint-Jullien:

Ces petits vers froids et coulants
Sentent un peu la décadence и т. д.

— «Зарыться в смоленской крупе»: Дельвиг, вероятно, собирался в это время ехать в Смоленскую губернию.

— «Илиада» Гомера в переводе Гнедича была издана в конце 1829 г., в 2 частях. Сам он по болезни целый год — с 9 августа 1827 г. по 17 августа 1828 г. — провел в отпуску и жил в Одессе, где лечился морскими ваннами, а вернувшись в Петербург, занялся печатанием «Илиады» («Русский Биографический Словарь», т. Г., статья Г. П. Георгиевского).

— Дельвиг отвечал Пушкину 3 декабря 1828 г. и писал ему, между прочим: «Два письма со стихами получил от тебя, друг Пушкин, и скажу тебе, что, несмотря на мое красноречие, город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрышь ли какой был причиною; второй уверяет, что ты для материалов 7-й песни «Онегина» отправился; третий утверждает, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться; четвертый же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву. Я ничего не думаю, а желаю тебя поскорей увидеть и вместе с Боратынским, который, если согласится ехать в Петербург, найдет меня в оном. В противном же случае закопаюсь в Смоленскую крупу, как Мазепа в «Войнаровском» закутался в плащ. Благодари любезнейшую Прасковью Александровну [Осипову] за добрые воспоминания.... «Цветы» цветут славно. Жуковский дал слишком 800 стихов, Крылов — три басни, твоих — 16 пьес и пр. пр. Гнедич классически обнимает романтическую фигуру твою; жена приседает на чопорный поклон твой; я просто целую тебя и желаю здравия. Прощай» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 82).

283. *Издателям «Северных Цветов на 1829 год»* (стр. 58). Впервые напечатано в «Северных Цветах на 1829 год» (ценз. дозв. 27 декабря 1828 г.), стр. 33, при стихотворении Катенина: «Старая быль» (отд. Стихотворений, (стр. 33 — 45), распорядиться которым Катенин разрешил Пушкину письмом из Шаева еще от 27 марта 1828 г., в коем писал: «Посылаю тебе, любезнейший Александр Сергеевич, множество стихов и пылко желаю, чтоб ты остался ими доволен, как поэт и как приятель. Во всяком случае, прошу мне сообщить свое мнение просто и прямо и признаюсь, что я даже более рад буду твоим критическим замечаниям, нежели общей похвале. И повесть, и приписка деланы во-первых для тебя, и да будет над ними твоя воля, то есть ты можешь напечатать их когда и где угодно; я же ни с кем из журналистов и альманахистов знакомства не вожу. Теперь только принужден был обратиться к Погодину (не зная даже, как его зовут), чтобы через него отыскать тебя» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 59). См. выше, в объяснениях к письму № 281, стр. 312, а также у Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 257.

— Письмо это написано, вероятно, уже из Москвы, куда Пушкин приехал из Малинников 6 декабря 1828 г. (М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 91; Н. Барсуков, «Жизнь и Труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 257; «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 38). 12 декабря князь Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Здесь Александр Пушкин; я его совсем не ожидал. Он привез славную новую поэму «Мазепу», но не Байроновского, а своего. Приехал он недели на три, как сказывает; еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой [см. выше 242 — 243], — не знаю еще, как была встреча. Я его всё подзываю с собою в Пензу, — он не прочь, но не надеюсь, тем более, что к тому времени вероятно

он влюбится. Он очень тебе кланяется. Он вовсе не переменился, хотя, кажется, не так весел. Кончил он также и седьмую песнь Онегина, но я еще не слыхал» (Соч. князя П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 518). В январе, 4—5 числа, Пушкин снова уехал в Старицу и в Старицкий уезд, откуда вернулся в Петербург с А. Н. Вульфом, в дневнике которого находится несколько любопытных подробностей о житье поэта в деревне и о поездке его в Петербург («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 50 — 53). № 284.

284. *Князь П. А. Вяземский, Д. Н. Бологовской, Пушкин и С. Д. Киселев — графу Ф. И. Толстому* (стр. 59). Впервые напечатано (неточно) в Акад. изд. Переписки, т. III, стр. 457 — 458, с неверным прочтением фамилии Бологовского (которая прочтена: «Соболевский»), среди писем неизвестных годов. В издании под ред. Венгерова ошибка в чтении фамилии повторена, при чем письмо отнесено к 1828 — 1829 г., — хотя к 1829 году ни в каком случае относимо быть не могло бы, так как уже в начале ноября 1828 г. Соболевский (этот «Московский юноша, приятель, обожатель, бирюч и Gastfreund Пушкина», как охарактеризовал его поэт Языков) проехал через Дерпт за границу («Языковский Архив», вып. I, стр. 374; ср. «Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 567 — 570), где прожил до 1833 года. Мы печатаем записку по фотографии с оригинала, полученной от Николая Петровича Киселева.

— В 1853 г., перечитывая «Полтаву», князь Вяземский вспоминал: «В первый раз Пушкин читал нам *Полтаву* в Москве у Сергея Киселева при Американце Толстом и сыне Башилова, который за обедом нарезался и которого во время чтения вырвало чуть ли не на Толстого» (Соч., т. X, стр. 3). Чтение это относится, повидимому, к январю 1829 г., и сопоставление имен участников собрания (Вяземский, Пушкин, С. Киселев и Толстой) дает возможность с некоторым основанием коллективную записку № 284 отнести к этому же времени (ср. у Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 345). 19 февраля 1829 г. С. Д. Киселев писал поэту Н. М. Языкову: «Пушкин живет в одном доме со мною: у Демута. Он помышляет о напечатании «Мазепы» [т.-е. «Полтавы»], но игра занимает его более поэзии, и один приезд *твой* может обратить его на путь истины» («Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, стр. 528).

— Граф Федор Иванович Толстой — известный «Американец», о котором см. выше, в т. I, в письмах № 28, 31, 40, 45 и 141. В первый же день своего приезда в Москву из ссылки, 8 сентября 1826 г., Пушкин послал через Соболевского вызов Толстому, с которым у него были давние счеты (см. выше, стр. 183, в объяснениях к письму № 213), но с которым потом он не только помирился, но и подружился. О нем см. книжку С. Л. Толстого: «Федор Толстой Американец», М. 1926.

— Болховской, подписавшийся первым под строками князя Вяземского, — Дмитрий Николаевич Бологовской (его имя писалось: «Болховской», «Бологовской» и «Болговской»); это был давний знакомый Пушкина — еще с Кишинева; принадлежа к семье старинного дворянского рода, он родился 30 апреля 1775 года, 1 мая 1781 г. записан был сержантом в л.-гв. Преображенский полк, а с 1783 г. служил, до капитана, в Измайловском полку (с 28 января 1797 г. был прапорщиком); будучи еще сержантом, он находился на ординарцах при кабинете Екатерины II, — в то утро, когда она была поражена апоплексическим ударом в своей уборной, — и тогда он имел случай сделать то курьезное наблюдение, о котором позднее говорил при Пушкине (см. ниже и «Русск. Стар.» 1876 г., № 5, стр. 178); он вышел в отставку 19 апреля 1802 г., так как был прикосновенен к убийству Павла I, за что поплатился и ссылкою («Русс. Арх.» 1871 г., ст. 1159); впоследствии, когда однажды, в присутствии имп. Александра I, было произнесено его имя, государь сказал одному из своих друзей: «Знаете ли вы, что это за человек? Он схватил за волосы мертвую голову моего отца, бросил ее с силой о-земь и крикнул: «Вот тиран!» (К. Валишевский, «Сын великой Екатерины», С.-Пб. 1914, стр. 607; сборник

№ 284. «Цареубийство 11 марта 1801 г.», изд. Суворина, С.-Пб. 1907, стр. 367; подробнее — см. в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 192 — 193; «Полярная Звезда» 1855 г., изд. 2, Лонд. 1858, стр. 133; ср. Записки Я. И. де-Санглена — «Русск. Стар.» 1883 г., т. XXXVII, стр. 32, 35 — 36, 394). Проживая в Москве, он был близко знаком с Сергеем Львовичем и Василием Львовичем Пушкиными, что видно из одной их доверенности, на которой он подписался свидетелем. Бологовской был замешан в деле Сперанского и одновременно с ним и Магницким, в марте 1812 г., был выслан из Петербурга — в свою Смоленскую деревню («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 1367 и 1871 г., ст. 1157 и след.; Н. К. Шильдер, «Имп. Александр Первый», т. III и др.; «Русск. Стар.» 1902 г., № 3, стр. 497—498 и № 4, стр. 9 — 10, 17, 24 — 25; подробнее об этом — в нашем издании «Дневника» Пушкина, Пгр. 1923, стр. 193, и московское издание, 1923 г., стр. 370 — 371). После ссылки по делу Сперанского он принят был снова в военную службу и участвовал в Бородинской битве, будучи прикомандирован Кутузовым к Московскому пехотному полку, и в ноябре 1812 г. назначен и. д. дежурного штаб-офицера 6-го корпуса; затем состоял при Дохтурове, своем родственнике, за рану под Лейпцигом получил орден Георгия 4-й степени и участвовал в походах 1813 — 1814 гг., в 1818 г. (5 февраля) определен полковником в Московский гренадерский полк, 29 января 1819 г. назначен командиром Малороссийского гренадерского полка, 19 февраля 1820 г. произведен в генерал-майоры с назначением командиром 2-й бригады 22-й пехотной дивизии, а 7 августа того же года — 1-й бригады 16-й пехотной дивизии (М. Ф. Орлова), стоявшей в Кишеневе. Здесь с ним и сблизился Пушкин, который, по словам И. П. Липранди, был постоянным посетителем оживленных обедов Бологовского, за которыми собирался «цвет» кишиневского военного общества. Пушкин у него «часто обедал, вначале по зову, но потом был приглашен раз навсегда. Стол его и непринужденность, умный разговор хозяина, его известность — очень нравились Пушкину; но один раз он чуть-чуть не потерял расположение к себе генерала из одного самого неловкого поступка. Их отношения к счастию уладились, ибо Пушкин откровенно сознался, что всему причиной было его шипучее, и продолжал бывать, но как-то реже» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1257 — 1258 . В Кишиневе Бологовской прослужил до 7 октября 1823 г., когда по болезни зачислился «по армии». В 1829 — 1831 гг. он проживал в Москве и водил дружбу с И. А. Яковлевым, отцом Герцена («Русск. Стар.» 1876 г., № 11, стр. 539); в 1830 г. он действовал по прекращению холеры, а 31 января 1834 г. совсем вышел в отставку, в которой пробыл до 20 февраля 1836 г., когда был назначен военным губернатором г. Вологды и вологодским гражданским губернатором; произведенный 18 апреля 1837 г. в генерал-лейтенанты и назначенный 30 декабря 1840 г. сенатором в Москве (ср. «Русск. Стар.» 1905 г., № 12, стр. 383 — 386), он здесь умер 27 августа 1852 года. Об нем упоминается в письмах А. Я. Булгакова за 1829 и 1831 г. («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 325, 330, 551, 553, и 1902 г., кн. I, стр. 119). В письме к Пушкину из Москвы от середины января 1830 г. князь Вяземский, — тоже хорошо знавший Бологовского, — рассказывает о нем: «Вчера ночью возвращались мы с Болховским с бала; говорил он о романах В. Скотта, бранил их: «Вот романы, прибавил он — Les liaisons dangereuses, Faublas, это дело другое: читая их, так и глотаешь дух их, глотаешь редакцию». — Хорошо? Доволен ли? Захохотал? поблагодари же меня!» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 109). После него остались записки («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 1097), из коих один отрывок напечатан в книге В. Харкевича: «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников», вып. 1, Вильна. 1900, стр. 226 — 243; ими пользовался историк Отечественной войны А. Н. Попов (см. «Русск. Стар.» 1877 г., № 1, стр. 25 — 26). — Пушкин в своем Дневнике за 1834 год записал под 3-м июня: «Генерал Болховской хотел писать свои Записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишеневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй, да о чем ты будешь писать? Что ты видел? — Что я видел? возразил Болховской [на-

мекая на то, что он видел Екатерину II тотчас после ее смерти от удара], № 285.
Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет, начиная с того, что я видел голую жопу государыни [Екатерины II-й, в день ее смерти]». Говоря о Д. Н. Бологовском, как о начальнике Вологодского края, Ф. Н. Фортунатов пишет: «Он памятен за это время не одним только вологжанам, но и присланным на жительство в этот край; он был горячим ходатаем о прощении тех из удаленных в Вологодскую губернию административным порядком, в которых находил исправление в образе мыслей или поведении. Число лиц, получивших прощение по его ходатайству или переведенных в теплейший, более благорастворенный климат, очень велико; к ним, например, относятся из писателей наших Николай Иван. Надеждин (ср. М. К. Лемке, «Николаевские жандармы», изд. 2-е, 1909, стр. 459 — 461) и Влад. Игн. Соколовский.... Прекрасная, высоко-христианская кончина Бологовского в 1852 году в Москве, где он был сенатором, достойно завершила его жизнь, исполненную добрых дел... В молодые свои годы Д. Н. Бологовской, когда был еще гвардейским офицером, пользовался особенным благорасположением митрополита Платона, весьма выхвалявшего его способность прекрасного, вразумительного чтения.... В выдержках из дневника Влад. Петр. Горчакова, помещенных в «Москвитянине» за 1850 год, упоминается о Дм. Никол. Бологовском, напр., в 3 № на стр. 240, как Бологовской встретил Мих. Фед. Орлова в 40 верстах от Кишенева и проч. («Воспоминание Вологжанина о Преосв. Архиепископе Иринее», Ф. Н. Фортунатова, стр. 16 — 17 корректурного оттиска в Пушк. Доме). — «Пустой и хвастливый болтун», как характеризует его барон М. А. Корф (Лицейский товарищ Пушкина), «известный своею наклонностию ко лжи» («Русск. Стар.» 1902 г., № 3, стр. 497), — Д. Н. Бологовской, по словам обязанного ему поэта В. И. Соколовского, был «добрый, умный и благороднейший губернатор» («Русск. Стар.» 1898 г., № 5, стр. 338); крестник же Бологовского, известный педагог Н. Ф. Бунаков считает, что он «был вельможа... которому надо бы быть не Вологодским губернатором, а гораздо повыше» («Записки», С.-Пб. 1909, стр. 4). Он был женат на Варваре Сергеевне Салтыковой, в августе 1819 г. овдовел, а лет пять спустя женился вторично, довольно романическим образом, на Екатерине Григорьевне Осиповой, дочери Смоленского губернатора («Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 162, 164 — 165); он имел четырех сыновей (Николая, Сергея, Дмитрия и Петра) и дочь Софью в 1824 г. уже окончившую курс в Смольном институте и умершую, в апреле 1838 г. О знакомстве Бологовского с князем Вяземским см. «Русск. Арх.» 1865 г., ст. 923.

— О Сергее Дмитриевиче Киселеве см. выше, письмо № 225 и стр. 214, 290, 319, и ниже, письма к нему Пушкина от 15 ноября 1829 г. (№ 299) и от марта 1831 г.

285. *Е М. Хитрово* (стр. 59). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина и Хитрово, Лгр. 1927, стр. 33, без определенного хронологического приурочения, но с предположением, что, скорее всего, оно принадлежит к ранней поре знакомства, до женитьбы Пушкина, к переходным и бурным годам 1828—1829. Выдержка из этого письма приведена (в переводе и в неточной редакции) в статье Д. Д. Благого: «Миф Пушкина о декабристах (Социологическая интерпретация Медного Всадника)» — в журн. «Печать и Революция» 1926 г., кн. 4, стр. 16, и, в изложении, В. В. Вересаевым в его «Заметках о Пушкине» — в «Новом Мире» 1927 г., № 1, стр. 196. — Подлинник — в Пушкинском Доме, на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без вод. знаков; сложено конвертом и запечатано облаткой; на обороте, возле адреса, — позднейшая помета Е. М. Хитрово, карандашом: «Пушкин».

Перевод: «Боже мой, бросая слова на ветер, я никогда и не помышлял о неуместных намеках. Но вот каковы вы все, и вот почему я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки, — это и гораздо короче, и гораздо удобнее. Если я не прихожу к Вам, так это оттого, что я очень занят и могу выходить

 из дому лишь весьма поздно, что мне нужно видать тысячу людей, которых я не вижу. — Хотите вы, чтобы я говорил с Вами вполне откровенно? Быть может, я изящен и приличен в своих писаниях, но мое сердце совсем вульгарно, и все наклонности у меня совершенно мещанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастие быть в связи с особой умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я и люблю ее всем сердцем. Этого более, чем достаточно для моих забот и особенно для моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность? не так ли? Простите же мне слова, которые не имели никакого значения и никоим образом не относились к Вам. *На обороте*: Госпоже Хитровой».

— Кого имеет в виду Пушкин, говоря о связи своей «с особой умной, болезненной и страстной», — сказать трудно. Быть может, если предполагать здесь какую-нибудь реальную женщину, прав В. В. Вересаев, ставящий эти слова в связь с местом отрывка «Гости съезжались на дачу» (Минский получает записку от Зинаиды Вольской) и считающий, что они относятся к Аграфене Федоровне Закревской (см. выше, стр. 304 — 307): последняя, по всем имеющимся о ней данным, была, повидимому, форменной истеричкой, с резкой сменой настроений, с чисто-детскою озорною шаловливостию, с «судорожным весельем», то плачущей, как Магдалина, то хохочущей, как русалка — по словам Боратынского. Пушкин был весьма близок с нею в течение лета и осени 1828 г. («Новый Мир» 1927 г., № 1, стр. 196). Н. В. Измайлов, напротив, склонен допустить, что Пушкин имеет здесь в виду свою Музу: он ставит письмо в связь с незаконченным стихотворением Пушкина: «Рифма, звучная подруга», относящимся как раз к осени 1828 г.

286. *Е. М. Хитрово* (стр. 60). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Хитрово, Лгр. 1927, стр. 34. Подлинник в Пушкинском Доме; он — на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без вод. знаков; сложено конвертом и запечатано печатью-облаткой. На обороте — адрес, для передачи с нарочным. Письмо не поддается датировке, даже приблизительной. Судя по одинаковости бумаги и печаток, оно, вероятно, принадлежит той же эпохе, что̀ и предыдущее; о том же говорит и резкий тон письма, позволяющий предполагать в авторе некоторую несдержанность молодости.

Перевод: «Откуда, чорт возьми, Вы взяли, что я рассердился? Но у меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и мой якобинский слог. Среда.

На обороте: Госпоже Хитровой».

— Ответ на неизвестное нам письмо или записку Хитрово к Пушкину.

287. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 60). Впервые напечатано, по копии П. И. Бартенева, М. А. Цявловским в «Голосе Минувшего» 1920 — 1921 г., стр. 119, с комментарием; подлинник — в б. Московском Румянцовском Музее; факсимиле — в «Путеводителе Государственного Румянцовского Музея», изд. Френкеля, 1923 г., стр. 235 — 237, где опубликовано Г. П. Георгиевским; здесь печатается по этому факсимиле.

— Дата записки означена на обороте ее рукою Сергея Дмитриевича Полторацкого (см. выше, стр. 247); она несколько противоречит указанию А. Н. Вульфа, который в Дневнике своем записал: «В Крещение (6-го января 1829 г.) приехал к нам в Старицу Пушкин»; можно подозревать описку на один день или у Полторацкого, или у Вульфа, т.-е. или, что записка писана не 7-го, а 6-го, даже 5-го января, или что у Вульфа отнесен приезд Пушкина в его имение неправильно к 6-му января, тогда как он состоялся числа 8-го января; между Москвой и Старицей по тогдашней почтовой дороге было через Тверь 231 верста («Голос Мин.» 1920 — 1921 г., стр. 119).

— En petit couragé — переделанное на русский лад французское выражение — «en petit courage» — «в несколько приподнятом настроении», т.-е. «немного в кураже», «на веселе», «под хмельком». По поводу этого шутливого выражения, бывшего в ходу среди приятелей Пушкина, князь П. А.

Вяземский вспоминал впоследствии: «Забавный чудак, служивший когда-то при Московской Театральной Дирекции, был, между прочим, как и следует Русскому человеку, а тем паче Русскому чиновнику, охвачен повальною болезнью чинолюбия и крестолюбия. Он беспрестанно говорил и писал кому следует: «Я не прошу кавалерии через плечо или на шею, а только маленького *анкураже* (encouragé) в петличку». — Пушкин подхватил это слово и применял его к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета ее: то-есть, с одной стороны, ухаживание, а с другой — снисходительное и ободрительное кокетство. Таким образом, в известном кругу и слово *анкураже* пользовалось некоторое время правом гражданства в Московской речи» (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 434 — 435). № 288.

— En grand cordonnier — т.-е. «как сапожник».

— Поэт Евгений Абрамович Боратынский в это время жил в Москве и постоянно видался там с Вяземским и Пушкиным (см., напр., Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 77, 82, 85, 86).

288. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 60). Впервые напечатано в «Старине и Новизне», кн. V, С.-Пб. 1902 г. стр. 14 — 16; подлинник (на бумаге без вод. зн.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве. Датируется по сопоставлению с рассказом Пушкина о неприятностях, случившихся с князем Вяземским в конце 1828 года (см. ниже, стр. 324 — 326), и со словами его: «Я в Петербурге с неделю, не больше», — в Петербург же он вернулся с А. Н. Вульфом вечером 18 января 1829 г. («Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 147, и вып. XXI — XXII, стр. 51 — 52 и 245), совершив перед этим поездку в Старицкое поместье П. А. Осиповой — Малинники. А. Н. Вульф в своем Дневнике дает любопытный рассказ об этой поездке поэта в деревню и о путешествии его оттуда в Петербург: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, «Слава наших дней, Поэт, любимый небесами», — как его приветствует Костромской Поэт, госпожа Готовцева. Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский, блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском... В таких занятиях, в охоте и в поездках... провел я еще с неделю до отъезда с Пушкиным в Петербург. Путешествие мое в Петербург с Пушкиным было довольно приятно, довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщиков. Мы понадеялись на честность их, не брали подорожной, а этим они хотели пользоваться, чтобы взять с нас более... На станциях, во время перепрягания лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь и пр. Пушкин говорил очень хорошо; пылкий, проницательный ум обнимает быстро предметы; но эти же самые качества служат причиною, что его суждения о вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро; женщин же он знает, как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оного. Пользовавшись всем достопримечательным по дороге от Торжка до Петербурга, т.-е. купив в Валдае баранков (крендели небольшие) у дешевых красавиц, торгующих ими, в Вышнем-Волочке завтракали свежими сельдями, а на станции Яжелбицах — ухою из прекраснейших форелей, единственных почти в России. Приехали мы на третий день вечером в Петербург прямо к Andrieu (где обедают все люди лучшего тона). Вкусный обед нам еще более показавшийся таким после трехдневного путешествия, в продолжение которого, несмотря на всё, мы порядочно не ели, — запили мы каким-то, не помню, новым родом шампанского (Bourgogne mousseux, которое одно только месяц тому назад там пили, уже потеряло славу у его Гастрономов). Я остановился у Пушкина в Демутовой гостинице, где он всегда живет, несмотря на то, что его постоянное пребывание — Петербург» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 50 — 53).

№ 288.

— Первая половина письма Пушкина посвящена эпизоду из жизни кн. Вяземского, чрезвычайно для него неприятному. «Дело в том», — писал А. И. Вяземский Тургеневу 14 ноября 1828 г.: «что по поводу какого-то журнала, о котором я понятия не имел, сказали государю, что я собираюсь издавать журнал под чужим именем, а он велел мне через князя Дмитрия Владимировича Голицына объявить, что запрещается мне издавать оную газету, потому что ему известна моя развратная жизнь, недостойная образованного человека, и многие фразы, подобные этой.[1] Я прошу следствия и суда; не знаю, чем это кончится, но если не дадут мне полного и блестящего удовлетворения, то я покину Россию. Я уверен, что удовлетворения мне не дадут, потому что и теперь уже слышно, что сбиваются на какое-то письмо мое, которое должно было мне повредить.[2] Эпиграмма — не преступление и не разврат. При первом случае постараюсь тебе доставить мою и обо мне официальную переписку» («Остаф. Архив», т. III, стр. 183). Эта переписка началась с письма графа П. А. Толстого к князю Д. В. Голицыну от 3 июля 1828 г., — в коем, сообщая о высочайшем повелении воспретить Вяземскому издавать газету, на том основании, что «его императорскому величеству известно бывшее его поведение в С.-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека», — граф Толстой передавал Голицыну поручение «внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оного не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки», — «в сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни» (Голицын сообщил Вяземскому письмо графа Толстого лишь 26 сентября). Легко можно себе представить, как оскорблен был Вяземский этим незаслуженным обвинением; поводом к нему, как он догадывался впоследствии, послужил злостный донос Булгарина (см. его выше, в объяснениях к письму № 275), испугавшегося, что новая газета «может отнять несколько подписчиков» у его «Северной Пчелы» и желавшего доносом в III Отделение нанести из-за угла удар предполагаемому сопернику[3]; с другой стороны, как пишет Вяземский, «Пушкин уверял,[4] что обвинение в развратной жизни моей в Петербурге не иначе можно [было] вывести, как из вечеринки, которую давал нам Филимонов [о нем см. выше, в т. I, стр. 397 — 398, в объяснениях к письму № 121], и на которой были Пушкин и Жуковский и другие. Филимонов жил тогда чорт знает в каком захолустье, в деревянной лачуге, точно похожей на бордель. Мы просидели у Филимонова до утра. Полиции было донесено, вероятно, на основании подозрительного дома Филимонова, что я провел ночь у девок» (там же, стр. 103). К тому же, князя Вяземского волновал дошедший до него слух, о котором он 14 ноября писал Жуковскому: «Бенкендорф, говоря о Пушкине, сказал, что он, Пушкин, меня называет *своим Демоном*, что без меня он кроток, а что я его пеню. Ты знаешь меня и Пушкина. Есть ли во мне какое-нибудь мефистофельство, и буде было бы, Пушкин — такой ли человек, чтобы признаться, что есть в людях ключ, способный его заводить? Похоже ли подобное признание на самолюбие Пушкина? А между тем, такой нелепый слух — одна из заповедей жандармских, дошедшая до меня с разных и достоверных сторон» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 197; см. также об этом в «Моей исповеди» князя Вяземского — Соч., т. II, стр. 97 — 98). Не удовольствовавшись частною перепискою с Жуковским, который, по словам самого Вяземского, «вступился за него, рыцарским пером воевал за него с Бенкендорфом, несколько раз объяснялся с государем etc.» (Соч.,

---

[1] Ср. выше, в объяснениях к письму № 275, стр. 294.

[2] К Н. А. Муханову, адъютанту Кутузова — см. «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 196 — 197.

[3] См. еще «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 202.

[4] В письме к Вяземскому № 288.

т. IX, стр. 103; ср. рассказ К. Я. Булгакова в письме к брату от 20 ноября 1828 г. — «Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 148) и к которому Вяземский в горячих письмах излагал волновавшие его чувства (см. письма эти в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 195 — 208), и не успокаиваясь официальной перепискою с князем Д. В. Голицыным и Бенкендорфом (см. Соч., т. IX, стр. 99 — 114), князь Вяземский в ноябре — декабре 1828 года написал пространную «Исповедь», в которой старался нарисовать свой психологический портрет, дать объяснение образу своего поведения и своих настроений и раскрыть причину открывшихся на него гонений, — которую усматривал в интриге Булгарина (см. Соч., т. II, стр. 85 — 111, и т. X, стр. 267—268, 291); наконец, 9 февраля 1829 г. он написал краткое письмо к императору Николаю, прося его обратить внимание на эту «Исповедь» и взывая «к правосудию и бесстрастному могуществу своего государя» («Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 279). Любопытно отметить, что Вяземский, как некогда, в 1824 г., Пушкин в столкновении с отцом в ссылке (см. выше, в т. I, в письме № 102, стр. 95), считал себя в этом деле поставленным «как будто вне закона, отлученным от закона, hors la loi» («Руск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 201), и что он, как тогда Пушкин, взывал к помощи и защите Жуковского, именуя его своим «адвокатом» (стр. 199) и «отцом духовным» (стр. 202). Через него он послал свое письмо к имп. Николаю от 9 февраля 1829 г. (см. «Русск. Стар.» 1902 г., сентябрь, стр. 204 — 205). — Князь Вяземский отвечал на письмо Пушкина уже из с. Мещерского, 23 февраля[1], и писал ему: «Спасибо за письмо, которое меня нашло уже здесь больного, или покрайней мере нездорового. Теперь ты уже должен знать от Жуковского о том, что̀ я сделал. Что из этого выйдет? Увидим. Может быть и ничего; и то в порядке. Смешон ты мне, говоря: «забудь развратное поведение». О том всё и дело. Не будь этого обвинения и мне нечего спорить. Что мне за дело, когда запрещают мне издавать Газету, о которой мне и во сне не снилось. Всё равно, как бы вдруг запретили мне въезд в Пекин; но, если по поводу Пекина, или Газеты, при сей верной оказии наговорят мне тьму оскорбительных ругательств, то дело другое. Тут уже вступаешься не за запрещение, а за следствия» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 85). Отголосок этой, по выражению П. И. Бартенева, «пакостной» истории с князем Вяземским см. еще ниже, в письме № 315. Письма князя Вяземского к Жуковскому от ноября — декабря 1828 г. по его делу напечатаны в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 195 — 203; письма же Жуковского к Вяземскому в печати еще не появлялись. № 288.

— Письмом к Г. — т.-е. к государю. — «Жуковский советует ему [Вяземскому] писать прямо к Государю», — сообщал А. Я. Булгаков своему брату 27 ноября 1828 г.: «Вяземский готов бы, но коротко нельзя объяснить всего, а может ли он льститься, чтобы длинное письмо обратило на себя внимание государя, столь занятого другими, важнейшими делами. Всего бы лучше, я думаю, ехать ему в Петербург и исповедь свою сделать Бенкендорфу и всё подробно объяснить. Бенкендорф сам отец, да и добрый, справедливый человек. Вяземский, впрочем, не требует ни малейшего снисхождения, но просто объяснения откровенного. Я думаю, нет ли тут авторской зависти, и не интриги ли это Булгарина, коего перо хорошо, но душа, говорят, скверная»... («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 206).

— Кн. Д. — князь Дмитрий Владимирович Голицын, Московский Военный Генерал-Губернатор, причастный к делу князя Вяземского (см. выше стр. 324).

— К Б.—т.-е. к Бенкендорфу; Вяземский не соглашался писать к нему, считая, что это будет совершенно бесполезно, ибо они друг друга понять не могут («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 198, 202).

— Французские фразы означают: «...давать знать об них лицам, которые служат предметом этих сплетен. Но так как, в сущности, это честный и достойный человек, слишком рассеянный для того, чтобы злопамятовать на тебя и слишком умный, чтобы искать случая тебе повредить, — не

[1] А не января, как в Акад. изд. Переписка, т. II, стр. 85 — 86.

№ 288. позволяй себе входить в злобу и постарайся поговорить с ним совершенно откровенно».

— Ж. — Жуковский, вместе с Пушкиным, Вяземским и другими бывший у В. С. Филимонова на злополучной вечеринке в его небольшом доме, в отдаленной и глухой Коломне. О Филимонове см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 124, стр. 397 — 399.

— Говоря о «бабочке» Филимонове и о его «бабочке», Пушкин имел в виду двухнедельный журнал, который издавал Филимонов: «Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития»; он начал выходить в 1829 году (см. «Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 703; прекратился в 1831 году), но Филимонов вскоре же передал его К. И. Зейделю, так как сам, будучи 27 января 1829 г. назначен чиновником особых поручений при Министерстве Внутренних Дел, 22 марта того же года был определен губернатором в Архангельск и должен был, поэтому, выехать из Петербурга. В № 6 «Бабочки» за 1829 г. был, между прочим, помещен восторженный отзыв о «Графе Нулине». — И. И. Дмитриев, в письме к князю Вяземскому от 1 мая 1829 г., касаясь записки Вяземского об его деле, писал ему, между прочим: «От этой шайки не далеко перескочить и к дурацкому колпаку: хозяин его [Филимонов] уже отправляется в Архангельск губернатором. Вероятно встретится на дороге *с благонамеренным* [А. Е. Измайловым] и сделает его опекуном своей щадушной бабочки. Последнему теперь досужно: он причислен только к Министерству Финансов» («Стар. и Новизна», кн. XII, стр. 331). Называя журнал Филимонова «Парнасскою Варюшкою», Пушкин вспоминает действующее лицо в «Опасном Соседе» В. Л. Пушкина.

— Стихи, приведенные Пушкиным, — из послания Боратынского «К—», напечатанного впервые в «Новостях Литературы» 1824 г., кн. IX, июнь, а затем перепечатанного в «Собрании новых русских стихотворений» 1826 г., ч. II и в издании Стихотворений Боратынского 1827 г. Лишний пример того, как любил Пушкин стихи Боратынского.

— «Princesse Moustache» — «Княгиня Усатая» — мать Московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, престарелая княгиня Наталья Петровна, рожд. графиня Чернышева (род. 17 января 1741, ум. 20 декабря 1837, 97 лет), вдова с 1798 г., статс-дама, внучка, по матери, страшного начальника Тайной Розыскной Канцелярии графа А. И. Ушакова (ум. 1747); женщина умная и энергичная, она в старости была очень нехороша собою: с бородой и большими усами, от чего и получила свое прозвище. Жила она в Петербурге, в своем доме на углу Большой Морской и Гороховой. «Хотя она и была довольно надменна с людьми знатными, равными ей по положению, но вообще она была приветлива» (Д. Д. Благово, «Рассказы бабушки», С.-Пб. 1885, стр. 112). Она создала себе в свете такое положение, что ей оказывали внимание все государи и государыни, начиная с Екатерины II и кончая императором Николаем I; ее уважало всё высшее общество, считавшее за честь бывать у нее в доме. В высшей степени своенравная, она властвовала в свете, всеми признанная: к ней везли на поклон каждую молодую девушку, начинавшую выезжать; гвардейский офицер, только что надевший эполеты, являлся к ней, как по начальству. Будучи очень преклонных лет, она считала всех молодежью, — поэтому все высоко ценили малейшее ее внимание, но за то мало кто ее не боялся. Семья вся «трепетала» перед княгиней, с детьми она была очень строга даже тогда, когда они сами уже давно пережили свою молодость (см. «Русские Портреты XVIII и XIX столетий», издание в. к. Николая Михайловича, т. I, С.-Пб. 1905, № 42). 18 января 1821 г. К. Я. Булгаков писал брату своему в Москву: «Вчера было рождение старухи Голицыной. Я ездил поутру ее поздравить, нашел там весь город; приезжала также императрица Елизавета Алексеевна. Вечером опять весь город и бал, хотя никого не звали. Ей вчера, кажется, стукнуло 79 лет, а полюбовался я на ее аппетит и бодрость» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 497). Через 6 лет он же дает такую же фотографически верную картинку с натуры: «Вчера утром», пишет он 18 января 1827 г.: «ездили мы с женою поздравлять с рожденьем или именинами, не знаю, княгиню

Наталью Петровну, которая не очень здорова была, что-то хилеет. Мы нашли ее окруженную дочерьми, семейством и гостями. Императрица-мать, великий князь с великою княгинею, а после обеда — государь были у нее; императрица Александра Федоровна прислала ее поздравить и сказать ей, что очень сожалеет, что не может у нее быть по нездоровью. Старушка в восхищении, говорят, была от всех этих милостей. Балу у нее не было, но так, вечеринка, на которой множество было» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 552). Ровно через 8 лет — картина та же: 18 января 1835 г. К. Я. Булгаков пишет своему брату: «Вчера утром ездили мы поздравлять княгиню Наталью Петровну, где нашли весь город. Дай бог доброй старушке еще несколько лет прожить. Я нашел ее довольно бодрою; только кажется глаза слабеют; не узнает вдруг, — надобно ей всех называть. На лестнице встретили великую княгиню... Вверху нашел я и нашего и вашего князя Голицына»... («Русск. Арх.» 1904 г., кн. I, стр. 556; ср. еще ibid. 1903 г., кн. III, стр. 587). Свидетельством общего уважения, каким пользовалась «Princesse Moustache», могут служить стихи Василия Львовича Пушкина, написанные в ее честь (1819 г.) и в которых он писал: *№ 288.*

В кругу детей ты счастие вкушаешь;
Любовь твою нам счастие дарит;
Присутствием своим ты восхищаешь,
Оно везде веселие родит.
Повелевай ты нашими сердцами!
Мы все твои; тобою мы живем,
И нежну мать, любимую сердцами,
В день радостный с восторгом мы поем:
Да дни твои к отраде всех продлятся!
Цветами их мы будем украшать;
Друзья твои с детьми соединятся,
Чтоб всякий час тебя увеселять.

Когда была напечатана в «Библиотеке для Чтения» Пушкинская «Пиковая Дама», поэт записал в своем Дневнике, что «при дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся». Несомненно, что Пушкин воспользовался некоторыми характерными чертами такой типичной личности, какою была «Princesse Moustache», для изображения своей графини, образ которой вышел у него таким жизненным. О ней см. очерк Н. О. Лернера «Оригинал Пиковой Дамы» — «Столица и Усадьба» 1916 г., № 52, стр. 11 — 13; Дневник Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 132 — 133, и Московское издание Дневника, М. 1923, стр. 365 — 367.

— Обеды Зинаиды — княгини Зинаиды Александровны Волконской, рожд. княжны Белосельской-Белозерской (род. 1792, ум. 1862), частым посетителем салона которой и участником происходивших в нем увеселений был, между прочим, и Пушкин во время своего пребывания в Москве (см. свидетельство Л. Н. Обера в «Русск. Курьере» 1880 г., № 158, — цитирую по В. Вересаеву: «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 69; Воспоминания Шевырева — Л. Майков, «Пушкин», стр. 331); он посвятил ей (1827) небольшое изящное стихотворение при посылке ей экземпляра вновь вышедших «Цыган»:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.

№ 288.

Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Дочь просвещенного вельможи, кн. А. М. Белосельского-Белозерского, прозванного «Московским Аполлоном», — она восемнадцати лет от роду вышла замуж за егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконского [брата декабриста]; «но брак ее был не из счастливых», говорит Н. О. Лернер: «Волконская не любила своего мужа и не была ему верна. Это была чрезвычайно живая, артистическая и разносторонняя натура; отличаясь недюжинною красотою, обладая большим богатством, Волконская блистала при дворе (молва считала ее, быть может, не без оснований, любовницей Александра I), но придворных лавров ей было мало, и она подвизалась и на сцене, — то в комедии, то в опере (особенно в репертуаре Россини); то сама сочиняла оперу, то вдруг бралась за литературу и писала французские стихи и новеллы и русскую прозу и стихи... В 1826 году Пушкин встретил радушный прием в салоне Волконской, которая очень ценила Пушкина; после его временного отъезда из Москвы в Михайловское она писала ему (29 октября 1826 г., по-французски): «Возвращайтесь к нам. Московский воздух легче. Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, и творец Бориса Годунова принадлежит городу царей! Какая мать зачала человека, гений которого — весь сила, изящество, непринужденность, — кто сам то дикарь, то европеец, то Шекспир и Байрон, то Аруэт, то Анакреон, но, всегда оставаясь русским, переходит от лирики к драме, от сладких, любовных, простодушных, подчас суровых, романтических или едких песен к важному и безыскусственному тону строгой истории...» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 376 — 377). Послание Пушкина служит как бы поэтическим ответом на эти похвалы» (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. XXXV). «В Москве дом княгини Зинаиды Волконской», пишет князь Вяземский: «был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавцы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Всё в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилеттантами и любительницами представления Итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома... Помнится и слышится еще, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела Элегию его, положенную на музыку Генищтою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения» (Соч., т. VII, стр. 329). — «Известная в свое время красавица, женщина очаровательного ума, блестящих художественных дарований, друг Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Шевырева, Веневитинова, она оставила след в истории нашего художественно-литературного развития»,—пишет о ней князь С. М. Волконский: «Еще не перешла в потомство вся прелесть этого характера, столь же живого, разностороннего, сколько пламенного. — Утонченная представительница юного романтизма в его сочетании с пробуждающимся и мало еще осознанным национализмом, она была типичный продукт западной цивилизации, приносящий себя на служение родного искусства, родной литературы. Под влиянием Карамзинского отношения к отечественной истории, того дидактизма, которым проникнуто его изложение, под влиянием «Венециановского» понимания русского народа, вослед романтическому увлечению

рыцарством, которое позднее нашло себе выражение в Николаевской готике, — пошла в культурных слоях нашего общества полоса какого-то странного славяноготического патриотизма. Люди, не имевшие или очень мало имевшие корней в своей стране, получившие умственное пробуждение с запада, душою всё же тяготели к родине и желали видеть ее культурно-равною другим странам. Этим желанием, гораздо более, нежели побуждениями внутреннего свойства, объясняются те же сюжеты из древней славянской истории, в которых вращалось тогдашнее творчество патриотических празднеств, игр, кантат, триумфов и живых картин. Княгиня Зинаида заплатила дань этому влечению в своих писаниях и своих музыкальных произведениях. Но в ней всё это — пришлое, навеянное — было согрето пламенем искренней любви к искусству, к родине и, что ценнее всего, — к людям. Она умела принять, обласкать человека, поставить его в ту обстановку, — нравственную, физическую и общественную, — которая была нужна для его работы, для его вдохновения. Так она приняла и обласкала Веневитинова, так она согрела тяжелые дни Гоголя в Риме, так она спасла от болезни, привезя его с собой в Рим, Шевырева» («Архив декабриста», под редакцией князя С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I, Пгр. 1918, стр. XXXVIII — XXXIX). С. П. Шевыреву, отправляясь в Италию в феврале 1829 г., княгиня Волконская предложила принять на себя приготовление ее сына, князя Александра Никитича, к университетскому экзамену, — на что Шевырев и согласился («Русск. Арх.» 1882, кн. III, стр. 76 — 77; Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 302 — 303). На отъезд княгини в чужие края Боратынский написал стихотворение: № 288.

Из царства виста и зимы,
Где под управой их двоякой
И атмосферу, и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь — какой-то тяжкий сон,
Она спешит на зов прекрасной...,

напечатанное в альманахе Дельвига «Подснежник» 1829 г., стр. 151 — 153. — О княгине Волконской см. статью Н. А. Белозерской в «Истор. Вестн.» 1897 г., № 3 и 4, очерк князя С. М. Волконского в «Архиве декабриста», т. I, Пгр. 1918, и цитированную статью Н. О. Лернера в Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. XXXV — XXXVI.

— Граф Риччи — красавец-певец; в бытность еще в Италии, в Риме, он женился на русской — дочери генерала-лейтенанта Петра Михайловича Лунина, Екатерине Петровне (ум. 8 февраля 1886 г., 99 лет — «Русск. Арх.» 1911 г., кн. II, стр. 613), также славившейся своим голосом и участвовавшей, в 1826 — 1827 г., в качестве примадонны, в домашних операх у княгини З. А. Волконской («Русск. Арх.» 1898 г., кн. II, стр. 315). В 1826 г. Риччи уже пользовался известностью, как певец, в Москве («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 48 и др.). В 1824 г. граф М. Д. Бутурлин встречал супругов Риччи в Московском салоне княгини З. А. Волконской. «Граф Риччи», рассказывает он: «десятью, если не более, годами моложе жены, был флорентинец, без всякого состояния. Певал он с большим вкусом и методом, но басовый голос его был не ясен и не силен, от чего нельзя было ему пускаться на сцену и на публичные концерты. Был он превосходный комнатный певец и особенно хорошо певал французские своего сочинения романсы, тогда бывшие в ходу в Москве... Супруги Риччи жили довольно открыто в своем доме, у верхней части Тверского бульвара, на углу Ситниковского переулка и Бронной. В средине 1827 года они разъехались, граф возвратился в Италию, и о нем более я ничего не слыхал ни в России, ни в Италии, где я жил позднее» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 178 — 179). Разъезд супругов состоялся, впрочем, позднее, в конце 1828 г. («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 127, 142). Поручая А. И. Тургеневу «поцеловать ручку у милой княгини Зинаиды и благодарить за письмо», князь Вяземский писал из Петербурга

№ 288. 7 февраля 1833 г.: «Кланяйся от меня графу Риччи и благодари его за память обо мне; и моя верна ему. Что̀ голос его, здравствует ли? Дай бог ему здоровья! Я обязан ему многими сладостными минутами. А что голос княгини Зинаиды? Сохранила ли она его посреди болезней своих? Здесь нет такого музыкального мира, как бывало у нее в Москве. Там музыка входила всеми порами, on était saturé d'harmonie... Дом ее был, как волшебный замок музыкальной феи: ногою ступишь на порог, — раздаются созвучия; до чего ни дотронешься, — тысяча слов гармонических откликнется. Там стены пели, там мысли, чувства, разговор, движения, — всё было пение» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 223). — Граф Риччи, к тому же, был и поэт. Так, в № XIII (июль) «Московского Вестника» за 1828 г. было напечатано (стр. 6 — 7) стихотворение «Лотос», в переводе с Итальянского Ш[евырева], с таким примечанием от редакции: «Подлинник написан графом Риччи. Кстати известим наших читателей, что гр. Риччи, с успехом занимающийся Итальянскою Словесностью, посвящает досуги свои переводам образцовых пьес Русских. Дабы познакомить Италию с произведениями нашего родного Севера, он намерен издать Русскую Антологию на Итальянском языке. Многие пиесы переведены им весьма удачно, а именно: *На смерть К. Мещерского*, соч. Державина, *Светлана* Жуковского, *Демон* и *Пророк* Пушкина. Переводчик умел сочетать удивительную близость к подлиннику с изяществом выражения». — Из надгробия его жены видно, что граф Риччи почему-то имел чин полковника («Русск. Арх.» 1911 г., кн. II, стр. 613).

— Похвалы Булгарина Вяземскому в «Северной Пчеле» любопытно сопоставить с доносом на него (см. выше, стр. 294, в объяснениях к письму № 275, и стр. 324), навлекшим на Вяземского такие неприятности. «Каков Раич?» писал Вяземский Пушкину 23 января: «Булгарин из плутовства хвалит меня, а тот из глупости меня ругает. Хорошо напечатал он и твои стихи к Ушаковой...» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 85).

— «Северные Цветы на 1829 год» вышли в самых последних числах декабря 1828 года; в них был помещен отрывок из «Арапа Петра Великого» и 16 произведений Пушкина, — в том числе «Ответ Готовцевой» и «Портрет» (гр. Закревской). Князь Вяземский напечатал там свои стихотворения: «Послание к А. А. Б[естужеву]», «Предостережение», «Стансы А. И. Готовцевой», две Эпиграммы, «Простоволосая головка» (П. Н. Всеволожской) и «Ирландская мелодия».

— «Море» — Элегия Жуковского, написанная еще в 1822 г., была помещена там же (стр. 152):

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты... и т. д.

Об этом стихотворении Жуковского И. В. Киреевский, в своем известном «Обозрении Русской словесности 1829 г.» («Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем», стр. XL — XLI) писал: «*Море* Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны его прежней лиры отозвались в одном душевном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии».

— «Отрывки из Илиады» в переводе Жуковского, помещенные в тех же «Северных Цветах на 1829 г.» (стр. 76 — 119), сопровождены были таким замечанием редакции «Северных Цветов»: «Сей перевод сделан по некоторым особенным причинам. Переводчик, не знающий по-гречески, старался только угадывать Гомера, имея перед глазами немецкие переводы Илиады — Фоссов и Штольбергов. Сей опыт его не должен быть сравниваем и не может выдержать сравнения с переводом Н. И. Гнедича, который передает нам самого Гомера, вслушиваясь в природный язык его; здесь, так сказать, отголосок отголоска»... Напечатание Дельвигом этих «Отрывков» в «Северных Цветах» действительно послужило, по свиде-

тельству барона А. И. Дельвига, поводом к размолвке с Гнедичем, уже печатавшим тогда свой перевод отдельным изданием, которое Пушкин, по выходе его в свет, приветствовал небольшою заметкою в «Литературной Газете» Дельвига (1830 г., № 2): в № 17 «Газеты» Пушкин, по поводу статейки «Галатеи» (1830 г., ч. XI, № 4, стр. 228 — 230), обвинявшей «Литературную Газету» в партийной пристрастности в пользу Гнедича, вынужден был выступить с объяснением, отметив в нем, что «нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу *не суть дружеские*» («Современник» 1854 г., т. XLVII, № 9, отд. III, стр. 22; Сочинения Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 136 — 137; Бар. А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания, т. I, стр. 56; ср. Н. К. Замков: «К цензурной истории произведений Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 49 — 53, и ниже, в объяснениях к письму № 307). Князь Вяземский утверждает, что Гнедич «в литературе держался всегда без страха и без укоризны. Он высоко дорожил своим званием литератора и носил его с благородною независимостью. Он был чужд всех проделок, всех мелких страстей и промышленностей, которые иногда понижают уровень, с которого писатель никогда не должен бы сходить. Он был в приятельских отношениях с Крыловым, Батюшковым, Жуковским, Пушкиным, Боратынским, Дельвигом, Плетневым, Тургеневым. Он был свой человек в гостеприимном и литературном доме А. Н. Оленина. В литературе оставил он по себе труд и памятник капитальный»... (Соч., т. VIII, стр. 455). № 289.

289. *Н. Н. Раевскому* (стр. 61). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 133 — 135 (не полно и в переводе) и 445 — 444 (франц. текст), а затем в «Вестнике Европы» 1881 г., № 2, стр. 647 — 649 (полностью); также в «Архиве Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 425 — 428; подлинник (из Тургеневского архива) — в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук («Пушк. и его соврем.», вып. II, стр. 9 — 10). «Письмо это», писал Анненков: «носит пометку: «1829 S. P. b.» и при ней число 30-е, но с неразборчивым обозначением месяца, которое можно читать одинаково: juin и janvier. Слова «S. P. b.» к удивлению также зачеркнуты, так что мы теперь имеем одно только несомненное указание года, а указания места и числа недостает. С равной основательностию можно думать, что Пушкин написал его до отправления в Арзрум, когда он был в Петербурге, или в самом Арзруме, где он находился в июне месяце 1829 г.» (l. c., стр. 133). Действительно, одна из заметок, несомненно относящаяся к предисловию для «Бориса Годунова», носит на себе ясную помету: «19 июля 1829. Арзрум» («Русск. Стар.» 1884 г., ноябрь, стр. 347; Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, т. IV, примеч., стр. 139); с другой стороны, помета, хотя и зачеркнутая, «S. P. b.», дает повод отнести заметку к Петербургскому пребыванию Пушкина, следовательно,— к январю, да и название месяца скорее можно прочесть как «janvier», а не как «juin» или «juillet» (В. П. Гаевский в «Вестн. Европы» 1881 г., № 2, стр. 649, склоняется к чтению: январь; В. И. Срезневский также определенно читает «janvier» — «Пушк. и его соврем.», вып. II, стр. 9); в бытность в Арзруме поэт мог снова вернуться к черновому своему наброску и зачеркнуть на нем помету, тем более, что посылать это письмо Н. Н. Раевскому, около которого и с которым он в июне — июле 1829 г. находился, не было уже надобности, и вообще неясно, что̀ представляет собою настоящий набросок: действительно ли письмо (как сказано в конце его) или статью в форме письма, подобно напечатанным выше письмам-наброскам № 158 и 237. При рассмотрении в цензуре «Материалов» Анненкова места̀ этого письма Пушкина с мнением его о Шуйском, сравнением французского Короля Генриха IV с Дмитрием Самозванцем, с отзывом Грибоедова и с суждением о Марине Мнишек и Гавриле Пушкине вызвали сомнение цензора, — и Анненкову пришлось давать подробные объяснения, чтобы отстоять хотя бы часть этих мест; см. в статье П. В. Анненкова: «Любопытная тяжба» — «Вестн. Европы» 1881 г., январь, стр. 22 — 24, а также в книге: «П. В. Анненков и его друзья», С.-Пб. 1892 г., стр. 400—402.

№ 289. *Перевод:* «Вот моя трагедия, раз вы непременно ее желаете; но я требую, чтобы прежде, чем читать ее, вы пробежали последний том Карамзина. Она исполнена славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, как наши Киевские и Ка̀менские обиняки. Надо понимать их — это непременное условие. — По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. под. Стиль ее — смешанный. Он площадной и грубый там, где мне приходилось выводить простолюдинов и грубых лиц; что касается грубых непристойностей, — не обращайте на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке. Мне очень улыбалась мысль о трагедии без любовной интриги; но кроме того, что любовь входила существенною частью в романтический и страстный характер моего авантюриста, — я заставил еще Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить необычный характер этой последней. У Карамзина он только лишь очерчен, но, конечно, эта была странная красавица; у нее была только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить. Посмотрите, как она, попробовав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то казачью палатку, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она стойко переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с Польским Королем [как равная], как коронованное лицо с равным себе, и жалостно кончает свое столь бу́рное и столь необычайное существование. У меня для нее только одна сцена, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мои дни. Она волнует меня, как страсть. Она ужас, что̀ за полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской]. — Гаврила Пушкин — один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он обладал большими талантами и как воин, и как царедворец, в особенности, — как заговорщик. Это он вместе с Плещеевым обеспечил успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я опять нашел его в Москве [между], в числе 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 г. — в Думе, где он заседал рядом с Козьмой Мининым, потом — воеводой в Нижнем, потом — между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом — послом. Он был всем, чем угодно, — даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он выжег в наказание не знаю за что, подобно [комиссарам] проконсулам Национального Конвента. — Я намерен также вернуться еще к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый [выступает против него с обвинением] начинает заговор [который], и он же, заметьте, первый старается извлечь выгоду из положения, он же кричит, обвиняет, из начальника делается отчаянной головой. Он близок к тому, что бы лишиться головы, но Дмитрий дает ему помилование уже на лобном месте, посылает его в ссылку, а затем, с тем ветреным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова возвращает его к своему двору и осыпает милостями и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший [на казнь] под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, добивается успеха, делается царем, падает, при чем в крушении своем сохраняет больше достоинства и силы духа, чем в продолжение всей своей жизни. — Дмитрий сильно напоминает Генриха IV. Как тот — он храбр, великодушен и хвастлив, как тот — равнодушен к религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба соблазняются [призраками] и призрачными проектами, оба падают жертвою заговоров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано, и, что̀ до меня, то я считаю своею священной обязанностию ему не верить. — Грибоедов критиковал мое изображение Иова, — патриарх действительно

был человек очень умный, я же, по недосмотру, сделал из него глупца.— Создавая своего «Годунова», я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наиболее неизвестный вид произведений. Законы его старались создать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самою сущностию драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две половины, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках. 2) *Язык*. Например у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Всё это не есть ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии никогда не заботились о каком-либо другом правдоподобии, кроме правдоподобия характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в Сиде: «А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте! и тут же нагромоздил событий на целых 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких поправок к общепринятым правилам. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи «в сторону», — он их уничтожает, но за то удлиняет монологи. Какое ребячество! — Письмо мое вышло длиннее, чем я хотел. Прошу вас, сберегите его, так как оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие. А. П. 1829. 30 ян. С.-Пб.» № 289.

— Этот замечательный по содержанию набросок письма стоит в тесной и неразрывной связи с другим проектом письма к тому же Н. Н. Раевскому — от конца июля 1825 г. (см. его выше, в т. I, под № 162) — по поводу того же «Бориса Годунова» — и во второй своей части почти буквально повторяет часть этого раннего письма, в объяснениях к которому (стр. 478 и след.) нами даны были все необходимые комментарии, — а также с письмом к нему же № 237. Настоящий набросок относится ко времени, когда Пушкин, после некоторого охлаждения к своему произведению, вызванного тем приемом, который был оказан первому появившемуся в печати отрывку из него, снова стал подумывать о возможности напечатать «Бориса Годунова»; тогда же он вернулся и к мысли о предисловии, в котором намерен был изложить свои теоретические взгляды на драму вообще; в черновых бумагах его сохранилось, кроме проектов в письме к Н. Н. Раевскому, 10 набросанных в разное время и в разных тетрадях заметок, имеющих прямое отношение к теме задуманного предисловия (см. их в Акад. изд. Сочинений Пушкина, т. IV, С.-Пб. 1916, примеч., стр. 139 — 146). Ср. ниже, в письме № 333 и в объяснениях к нему, стр. 426 и сл. Отзыв Пушкина о двух последних томах «Истории Государства Российского» Карамзина см. выше, в т. I, в письмах № 172 и 180.

— «Киевские и Ка̀менские обиняки» имеют связь, вероятно, с какими-нибудь условными словами, названиями или выражениями, употреблявшимися в среде членов Тайного Общества в Киеве и в имении Давыдовых Ка̀менке, где Пушкин бывал в 1820, 1821 и 1822 гг.

— Со словами Пушкина о Марине следует сравнить его отзыв о ней в письмах №№ 180 и 184.

— Любомирская — княжна или княгиня, неизвестная нам носительница имени одной из знатнейших Польских фамилий; Любомирские владели большими имениями в Волынской, Могилевской и Киевской губерниях (см., напр., «Архив Раевских», т. I, стр. 125).

— Пушкин вывел в «Борисе Годунове» двух членов своей фамилии: несуществовавшего Афанасия Михайловича и Гаврнила Григорьевича. О последнем поэт несколько раз упоминает в своих сочинениях; один из черновых набросков для предисловия к «Борису Годунову» посвящен также ему: «О Гавриле Григорьевиче Пушкине. Предался самозванцу, был им с Плещеевым послан возмущать Москву — пожалован им в великие сокольничие (небывалый чин), находился потом думным дворянином (1616 г.) с Мининым, получая 120 руб. окладу. — В 1630 году находился в том же чине. 1 октября 1619 года у Сретенских ворот, с Макс. Радиловым, защищает Москву против Владислава и Сагайдашного. В Вильне принимает возвращающегося

№ 289. из плена Филарета. В 1643 году он Елатомским наместником и послом в Польше (о границах)». (Соч., изд. Акад. Наук, т. IV, примеч., стр. 139); в другом наброске он также имеет в виду Г. Г. Пушкина: «Нашед в истории одного из предков моих, человека, игравшего важную роль в сию нещастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия. — [Если бы из этого стали заключать о моей спеси то я] con amore, но безо всякой дворянской спеси. Изо всех моих подражаний Байр. дворянская спесь была самое смешное. Древнее русское дворянство не может быть уважаемо — — —» (там же, стр. 142). В августе 1608 г., находясь в Погорелом Городище (в нынешней Тверской губернии), Г. Г. Пушкин послал в Тверь уведомление о поимке им мужиков, везших грамоты «Тушинского вора» о задержании на дороге Литовских послов. — О Г. Г. Пушкине (ум. в 1638 г. в монашестве с именем Герасима) подробнее см. в статье Б. Л. Модзалевского: «Род Пушкина» — Соч., ред. Венгерова, т. I, стр. 9 — 10, и статью В. Д. Корсаковой в «Русском Биографическом Словаре», т. П. — Р., стр. 308 — 309. Разорение Погорелого-Городища произведено было, повидимому, для борьбы с Лисовским, чтобы лишить его опорного пункта при его набегах. См. «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 97 и след. Грамота, которую упоминает Пушкин, напечатана в «Актах Исторических, собранных и изданных Археографическою Комиссией», т. III, С.-Пб. 1841, № 102, стр. 139 — 140, с отметкою: «Подлинник из архива Погорельской Городской Думы» (Сообщ. акад. С. Ф. Платонов).

— Говоря о проконсулах Национального Собрания, Пушкин имеет в виду таких деятелей Французской революции, как Председатель Конвента Жорж Кутон (Couthon), военный министр Дюбуа-де-Крансе (Dubois de Crancé) и др., при которых был издан декрет конвента о совершенном разоружении Лиона, возмутившегося против революционной власти.

— Говоря о Генрихе IV (род. 1553, ум. 1610), Пушкин имеет в виду французского короля Henri Quatre.

— Царевна Ксения Борисовна Годунова, дочь царя Бориса, пережив низложение и смерть брата своего, царя Федора Борисовича (удавленного 10 июня 1605 г.) и прожив два месяца у убийцы ее брата и матери — князя В. М. Рубца-Масальского, по приказанию Лжедмитрия, который не велел ее убивать во время свержения ее брата-царя, «дабы лепоты ее насладитись», — с августа по декабрь жила у него, и он ее имел своею наложницей, а затем, по настоянию отца своей невесты, кн. Мнишка, удалил ее в Горицко-Вознесенский монастырь, Белозерского уезда, где она и пострижена была в монахини с именем Ольги. Ее печальная судьба увековечена в народных песнях; она умерла в 1622 г., будучи монахиней Княгининского Нижегородского монастыря. О ней см. статью в ж. «Рассвет» 1862 г.

— Еще 16 апреля 1827 г. Грибоедов писал Булгарину из Тифлиса: «Желал бы иметь целого «Годунова». Повеса Лев Пушкин здесь, но не имел ко мне достаточно внимания и не привез мне братнина манускрипта.... В первой сцене «Бориса» мне нравится Пимен-старец, а юноша Григорий говорит как сам автор, вовсе не языком тех времен» (Соч., ред. Н. К. Пиксанова, т. III, стр. 199). Всего «Бориса Годунова» Грибоедов прослушал через год, в мае 1828 г., в Петербурге, в чтении самого Пушкина, на вечере у графини А. Г. Лаваль; тогда, вероятно, он и высказал Пушкину свое суждение о характере Патриарха Иова. Любопытно, что имя Грибоедова Пушкин упомянул в этом письме, писанном как раз в день трагической смерти автора «Горя от ума» в Тегеране — 30 января 1829 года. Спустя $4^1/_2$ месяца, 11 июня Пушкин, будучи на Кавказе и едучи из укрепления Гергер к Безобдальскому перевалу, повстречался с телом Грибоедова, которое везли из Персии в Тифлис для погребения.... «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — Из Тегерана. — «Что вы везете?» — *Грибоеда*. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия.

Я было хотел его успокоить, — он мне сказал: Vous ne connaissez ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами Персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем Тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетной пулею. Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности.... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна. Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей, но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и не любопытны» («Путешествие в Арзрум», гл. II).

— Пушкин не совсем точно цитирует тираду из трагедии известного критика Жана-Франсуа Лагарпа (род. 1739, ум. 1803) «Philoctète», — там Филоктет говорит *до* слов Пирра следующую фразу:

Repondez que je puisse entendre votre voix,
Reconnaître des Grecs l'accent et le langage.

290. *С. Д. Полторацкому* (стр. 63). Впервые напечатано М. А. Цявловским в «Голосе Минувшего» 1920 — 1921 г., стр. 120, по копии П. И. Бартенева, затем в сборнике М. А. Цявловского: «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 12. — Подлинник неизвестно где находится. Дата сообщена самим С. Д. Полторацким и указывает, что записка относится ко времени почти двухмесячного пребывания Пушкина в Москве, проездом на Кавказ.

О Полторацком см. выше, в письмах № 246, 279 и 287 (и стр. 247, 303 и 322), в которых Пушкин упоминает имя Полторацкого в связи с карточною игрою, коей тот предавался; поэтому М. А. Цявловский высказывает предположение, что, может быть, и «ласковая записочка поэта» приглашала Полторацкого именно для игры в карты.

291. *И. М. Снегиреву* (стр. 63). Впервые напечатано (без адреса) в «Историческом Вестнике» 1880 г., т. II, № 6, стр. 205, по сообщению П. Я. Дашкова: подлинник в начале 1927 г. мы видели в альбоме автографов, принадлежащем Вере Николаевне Петровой-Званцевой в Москве.

— Письмо писано в Москве; Пушкин уехал из Петербурга 9 марта, взяв в генерал-губернаторской Канцелярии подорожную до Тифлиса и обратно. Тайная полиция следила за ним, по донесениям агентов, — и Бенкендорф 22 марта 1829 г. распорядился о том, чтобы за поэтом был продолжен секретный надзор на Кавказе («Дела III Отделения об А. С. Пушкине», стр. 82 — 84). В октябре Пушкину был сделан запрос, почему он уехал без разрешения (см. ниже, письмо № 298); он поехал на Кавказ после сделанного им через графа Ф. И. Толстого-Американца предложения Н. Н. Гончаровой, не получив определенного ответа. Останавливался он в Москве в этот приезд у П. В. Нащокина (Анненков, «Материалы», изд. 1855 г., стр. 216).

— Об Иване Михайловиче Снегиреве (род. 23 апреля 1793, ум. 1868), ординарном профессоре Латинской словесности Московского Университета, цензоре Московского же Цензурного Комитета, известном археологе, см. выше, в объяснениях, стр. 258. В письме № 252, к Погодину, Пушкин подтрунивал над Снегиревым по поводу разрешения к печати своего «Фауста», в котором этот старозаветный цензор находил «выражения, противные нравственности», при чем и «всё основание» его не нравилось ему («Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 48). «С Сне-

№ 291. гиревым», говорит Н. О. Лернер: «Пушкин не раз встречался в 20-х и 30-х годах, наезжая в Москву. Им были процензурованы вторая глава «Евгения Онегина», первое издание «Братьев-разбойников». Издавая «Современник», Пушкин собирался написать разбор «Русских в своих пословицах» Снегирева, интересовался его замечаниями на «Слово о полку Игореве» и приглашал его участвовать в «Современнике» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 170—171). Снегирев упоминает о Пушкине в одном из писем своих к В. Г. Анастасевичу, 1828 г. («Древняя и Новая Россия» 1880 г., т. XVIII, стр. 544; «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 45).

— В «Московском Телеграфе» появились, в апреле месяце, две эпиграммы Пушкина на издателя «Вестника Европы» Каченовского: в № 7-м (ч. XXVI, стр. 257), процензурованном С. Н. Глинкою 27 марта 1829 г. и вышедшем в начале апреля (нач. «Журналами обиженный жестоко, Зоил Пахом печалился глубоко. На цензора вот подал он донос»....), и в № 8-м (ч. XXVI, стр. 408), процензурованном И. М. Снегиревым 23 апреля 1829 г. (нач. «Там, где древний Кочерговский над Ролленем опочил»). Замечание, посланное Пушкиным в «Телеграф» и не пропущенное Снегиревым, касалось, очевидно, также Каченовского или его деятельного в то время сотрудника Н. И. Надеждина, выступившего тогда против Пушкина с обвинениями в безнравственности за его «Графа Нулина» («Вестн. Евр.» 1829 г., февраль, № 3), а затем разбранившего и «Полтаву» (там же, № 8 и 9). «С неделю тому назад»,—писал С. Т. Аксаков С. П. Шевыреву 26 марта 1829 г.: «завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Михаила Петровича [Погодина]. Первый держал себя ужасно гадко, второй—прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что *второй* два раза принужден был сказать: «Гг., порядочные люди и наедине и сами с собою не говорят о таких вещах!»—Вчера получили поэму Пушкина, которую он перекрестил из *Мазепы* в *Полтаву*. Вчера же я прочел ее четыре раза и нашел гораздо слабейшею, нежели ожидал: есть места превосходные, но за то все разговоры, все чувствительные явления мне не нравятся; даже описание, а особливо конец сражения весьма неудачны; эпилог тоже. Одним словом, это стихотворение достойно Пушкина: но сказать, что он подвинулся вперед, что Мазепа выше всех его сочинений, по моему мнению, никак нельзя» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 50). В свою очередь и Погодин, отметив в Дневнике своем под 4-м апреля 1829 г., что он «целое утро убеждал Пушкина, чтобы он не намекал на царскую цензуру своим критикам. Бесится без памяти за обвинение в безнравственности» («Пушк. и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 102),—28 апреля, сообщая С. П. Шевыреву литературные новости, писал: «Полтава Пушкина вышла, но принята холоднее, чем заслуживает. У Пушкина публика вычитает теперь из должных похвал прежние лишние. Гораздо больше шуму в Петербурге сделал Выжигин Булгарина.... Булгарин почитает себя соперником теперь одного Пушкина и выступил против его Полтавы с ужасно нелепою статьею. Лучшее место в поэме, говорит он, есть песнь о казаке, и если бы десять таких мест было, то поэма была бы вдесятеро лучше.... Киреевский написал против него для Галатеи... Баратынский написал презлую эпиграмму на него: «Булгарин уверяет нас, что красть грешно, лгать стыдно». Кстати об эпиграммах. Пушкин написал и напечатал две преругательные на Каченовского. Пушкин бесится на него за то, что помещает статьи Надеждина, где колют его нравственность. Надеждин вооружается и говорит много дела между прочим, хотя и семинарским тоном».... («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 79—80). Только что упомянутый Боратынский писал в это же время Вяземскому: «Полтава вообще менее нравится, чем все другие поэмы Пушкина: ее критикуют вкривь и вкось. Странно! Я говорю это не потому, чтобы чрезмерно уважал суждения публики и удивлялся, что на этот раз оно оказалось посрамительным; но Полтава, от настоящего ее достоинства, кажется имеет то, что доставляет успех: почтенный титул, занимательность содержания, новость и народность предмета. Я право уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных!... Знаете ли вы, что разошлось 2000 экз. этой

глупости?...» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 45). О том же писала княгиня Е. Н. Мещерская И. И. Дмитриеву 15 апреля 1829 г. (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 30 — 31). В. А. Каратыгин, в письме к своему учителю и покровителю П. А. Катенину от 25 мая 1829 г. говорил: «Читали ли вы Пушкина новую поэму Полтава? Может быть я ошибаюсь, но по моему надо переменить П. на Б. Что за стишонки! В разговоре Мазепы с Марией я так и вижу Шаховского: благоволил помочь, творец!.. С каким носом остались безусловные хвалители Пушкина!.. Трубили, кричали — и гора родила мышь. Она решительно не понравилась, и Пушкин в бешенстве, зовет нас дураками. Натурально, что у него в дурном найдется хорошее. Но тут его очень мало» («Библ. Зап.» 1861 г., ст. 599 и «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 0213). Приведем еще слова поэта Языкова, который писал А. Н. Очкину 20 апреля 1829 г. из Дерпта: «Полтаву Пушкина здесь уже прочли; мнения различны: одни читатели без ума превозносят, другие такожде хулят. Мне кажется, что Пушкин не успел (верно торопился) вполне воспользоваться своим предметом; есть места восхитительные — кое где есть дух русской (вот главное! сказал Карамзин). Еще мне кажется, что в сей поэме слишком видное стремление Пушкина описывать и выражаться как можно проще часто вредит поэзии и вводит его в прозу! Характеры вообще подгуляли» («Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 485). Нечего удивляться, что подобное отношение публики и критики волновало и «бесило» Пушкина, — и он, не выступая, по обыкновению, с антикритиками, ограничивался эпиграммами на своих литераутрных противников. Ср. ниже, письмо № 296 и стр. 345.

№ 292.

292. *Н. И. Гончаровой* (стр. 64). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 496 — 497, с современной копии, полученной от О. К. Гончаровой; эта копия была еще в 1917 г. в Музее Калужской Ученой Архивной Коммиссии («Известия Калужской Ученой Архивной Коммиссии», вып. 1901 г., стр. 3 — 4); подлинник неизвестен. В копии слова «ivre» нет: вместо него — многоточие.

Перевод: «На коленях, проливая слезы благодарности, — вот как должен был бы я писать вам теперь, — после того, как граф Толстой привез мне ваш ответ. Этот ответ не есть отказ: вы позволяете мне надеяться; и если я еще ропщу, если печаль и горечь еще примешиваются к ощущению счастия, — не обвиняйте меня в неблагодарности. Я понимаю осторожность и нежность матери. Но простите нетерпению сердца больного и (опьяненного?) счастьем. — Я уезжаю сейчас и увожу в глубине души своей образ небесного существа, вам обязанного жизнью. Если у вас есть для меня приказания, — соблаговолите передать их графу Толстому, который передаст их мне. Удостойте, милостивая государыня, принять дань моего глубокого уважения. Пушкин. 1 мая 1829».

— Наталья Ивановна Гончарова, рожд. Загряжская (ум. 2 августа 1848), будущая тёща Пушкина, была побочною дочерью генерал-лейтенанта Ивана Александровича Загряжского (ум. 19 дек. 1807) [1] и 27 января 1807 г., в Петербурге, вышла замуж за Николая Афанасьевича Гончарова (род. 20 октября 1788 г., ум. 8 сентября 1861), недолго служившего в Коллегии Иностранных Дел, а затем проживавшего или в Москве, или при отце своем, Афанасии Николаевиче, в известном Калужском имении Гончаровых — Полотняном Заводе. Жизнь Н. И. и Н. А. Гончаровых сложилась несчастливо: муж был в зависимости у своего деспота-отца, изнывал в бездействии и постепенно, с 1814 г., когда он упал с лошади и расшибся («Русск. Арх.» 1881 г., кн. III, стр. 17), начал впадать в меланхолию (его мать также была умственно расстроена — «Русск. Арх.» 1881, кн. III, стр. 52), а затем, в 1823 г., и совсем сошел

[1] Ее сестры: Софья Ивановна—была замужем (с 1813 г.) за генерал-майором графом Ксаверием Местром, а Екатерина Ивановна (род. 1779, ум. 1842)—была фрейлиною.

№ 292. с ума [1] и «дожил до старости в глубоком уединении», по словам воспитавшегося вместе с ним А. П. Бутенева («Русск. Арх.», 1881 г., кн. III, стр. 36). «Гнётом ложилась эта болезнь на всю семью, а особенно на подрастающих детей. Хотя жизнь Гончаровых в Москве по наружности оставалась прежней, но приходилось думать о том, как свести концы с концами, «внутренний обиход» подвергался урезкам и лишениям. Болезнь Николая Афанасьевича часто выражалась в буйных припадках; доходило до того, что он иногда бросался преследовать прежде так горячо любимую жену с ножом в руках ... » (В. А. Средин, «Полотняный Завод»—«Старые Годы» 1910 г., июль — сентябрь). Н. А. Гончаров был одарен большим талантом к музыке: он прекрасно играл на скрипке, а также на виолончели, на которой любил играть до конца своей долголетней жизни, несмотря на умоповреждение («Русск. Арх.» 1881 г., кн. III, стр. 17 и примеч., стр. 22—23). «Переживаемые испытания»,—пишет А. П. Арапова (ум. в феврале 1919 г.): [2] «оставляли двойственный и как бы друг другу противоречивший след на характере Натальи Ивановны. Ее религиозность принимала с годами суровый, фанатический склад, а нрав словно ожесточился, и строгость относительно детей, а дочерей в особенности, принимала раздражительный, придирчивый оттенок. Всё свободное время проводила она на своей половине, окруженная монахинями и странницами, которые свои душеспасительные рассказы и благочестивые размышления пересыпали сплетнями и наговорами на неповинных детей или не сумевших им угодить слуг и тем вызывали грозную расправу.... В самом строгом монастыре молодых послушниц не держали в таком слепом повиновении, как сестер Гончаровых. Если, случалось, какую-либо из них призывали к Наталье Ивановне не в урочное время, то пусть даже и не чувствовала она никакой вины за собой, — сердце замирало в тревожном опасении, и прежде чем переступлен заветный порог, — рука творила крестное знамение и язык шептал псалом, поминавший царя Давида и всю кротость его» («Новое Время» 1907 г., прилож. к № 11409, стр. 7; ср. «Воспоминания Л. Н. Павлищева», М. 1890, стр. 209—215). Вся семья Гончаровых проживала в Москве, в своем доме по Никитской улице на углу Скарятинского переулка, и состояла из трех сыновей: Дмитрия (род. 1808), Ивана (род. 1810) и Сергея (род. 1815) и трех дочерей: старшей — Екатерины, средней — Александры (род. 1811) и младшей — Наталии [3] (род. в Кореяне, Тамбовской губернии, 26 августа 1812, ум. 26 ноября 1863), в 1831 г. вышедшей замуж за Пушкина.—«Н. Н. Гончаровой только минуло 16 лет, когда она впервые встретилась с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз. Слава его уж тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем; толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению, — не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта» (А. П. Арапова, «Н. Н. Пушкина-Ланская» — «Нов. Вр.» 1907 г., № 11409, прилож., стр. 7). «Пушкин поражен был красотой Н. Н. Гончаровой с зимы 1828 — 1829 года», рассказывает князь П. П. Вяземский: «он, как сам говорил, начал помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог трепать его по плечу на бале и звать

[1] Хотя еще 18 февраля 1831 г. смог собственноручно подписаться под брачным обыском своей дочери и Пушкина (см. Н. Невзоров, «К биографии А. С. Пушкина. Материалы из архивов и др. малоизвестных источников», С.-Пб. 1899, стр. 8).

[2] Дочь Н. Н. Пушкиной от ее второго брака с П. П. Ланским.

[3] Дочь Софья, родившаяся в 1818 году, в том же году и умерла.

в неприличное общество.... Холостая жизнь и несоответствующее летам положение в свете надоели Пушкину с зимы 1828 — 1829 г. Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на-шутку около начала 1829 года» (Сочинения, стр. 520). — По рассказу Сергея Николаевича Гончарова, «Пушкин, влюбившись в Гончарову, просил Американца графа Толстого, старинного знакомого Гончаровых, чтоб он к ним съездил и испросил позволения привести Пушкина. На первых порах Пушкин был очень застенчив, тем более, что вся семья обращала на него большое внимание..... Пушкину позволили ездить. Он беспрестанно бывал. А. П. Малиновская (супруга известного археолога) по его просьбе уговаривала в его пользу; но с Натальей Ивановной (матерью) у них бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче, а у Натальи Ивановны была особая молельня со множеством образов, и про покойного государя она выражалась не иначе, как с благоговением. Пушкину напрямик не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотреть, что дочь еще слишком молода и проч.» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 497 — 498). «Поразительная красота шестнадцатилетней барышни Наталии Гончаровой приковала взоры Пушкина при первом же ее появлении в 1828 году в большом свете Первопрестольной», говорит П. Е. Щеголев. «Когда я увидел ее в первый раз», писал Пушкин в апреле 1830 года матери Натальи Николаевны: «ее красота была едва замечена в свете: я полюбил ее, у меня голова пошла кругом» (см. ниже, письмо № 322). Но красота Наталии Гончаровой очень скоро была высоко оценена современниками. О ней и об Алябьевой шумела молва, как о первых Московских красавицах. Пушкин, желая похвалить эстетические вкусы князя Н. Б. Юсупова, в известном послании «К вельможе», написанном как раз в пору своего сватовства — 23 апреля 1829 г. — говорил: № 292.

.... Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

(См. Б. Л. Модзалевский, «Послание к Вельможе» — «Художеств. сокровища России» 1907 г., № 6, стр. XXII — XXVI). — Князь П. А. Вяземский сравнивал красоту Алябьевой avec une beauté classique, а красоту Гончаровой avec une beauté romantique и находил, что Пушкину, первому романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице» («Дуэль и смерть Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXV — XXVII, стр. 023 — 024). В тот же день, 1 мая 1830 г., В. А. Муханов писал брату Николаю из Москвы: «Пожалей о первой красавице здешней Гончаровой.... Она идет за Пушкина. Это верно, и сказывают, что он написал ей стихи, которые так начинаются:

Я пленен, я очарован —
Я совсем огончарован

(«Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 356 — 357). История сватовства и женитьбы Пушкина рассказана в очерке П. О. Морозова: «Семейная жизнь Пушкина» — в Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. 201 — 225.

— О графе Федоре Ивановиче Толстом — «Американце» см. выше, в т. I, стр. 233 и др., в т. II, стр. 37 и 395, а также книжку С. Л. Толстого «Федор Толстой Американец», М. 1926.

— В тот же день, когда Пушкин написал настоящее письмо, он отправился в поездку на Кавказ, откуда вернулся лишь через $4^1/_2$ месяца — около 20 сентября. Ко времени пребывания Пушкина в Москве в марте — апреле 1829 г. относится его увлечение Екатериной Николаевной Ушаковой и ее сестрою Елизаветою. «Пушкин собирается писать историю Малороссии», сообщал Шевыреву Погодин 28 апреля и прибавлял: «Он теперь увивается в Москве около Ушаковых» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. II, стр. 80 — 81). «Все думали», пишет Н. М. Смирнов в своих «Памятных заметках», «что Пушкин влюблен в Елизавету Николаевну Ушакову; но он

№ 293. ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтобы два раза в день проезжать мимо окон Гончаровой». Е. Н. Ушакова вышла замуж за Сергея Дмитриевича Киселева. Она жила на Средней Пресне, а Гончаровы — на углу Скарятинского переулка и Большой Никитской» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. II, стр. 232, и 1883 г., кн. II, стр. 90). Об отношениях Пушкина к Ушаковым см. особый очерк Л. Н. Майкова (в его книге. «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 355 — 377), в котором описан альбом Е. Н. Ушаковой, носящий на своих страницах ряд рисунков, относящихся к обстоятельствам тогдашней жизни Пушкина в Москве, между прочим — к его сватовству на Н. Н. Гончаровой. См. также в книге В. В. Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 77, 79, 117. Слух о Московских увлечениях Пушкина и о сборах его в путешествие дошел и до бывшего заграницей С. А. Соболевского, который 23 февраля (7 марта) 1829 г. писал И. В. Киреевскому из Флоренции: «Прошу тебя написать мне больше о Пушкине, — как и когда приехал, где и как жил, в кого влюблялся и когда едет..... Желаю иметь список взятых Пушкиным книг...; скажи Пушкину», прибавлял он далее: «что я пришлю ему 200 бутылок Aliatico на следующих условиях: 1) он мне напишет восемь страниц сплетен своего сердца, 2) известит меня об здоровьи Людмилки, Анны Петровны [Керн] и Лизы [Полторацкой]; 3) назначит мне, к кому адресовать в Петербурге, 4) заплатит мне 250 рублей, ибо Aliatico здесь не более 125 centimes il fiasco, 5) пересылку выплатит, но это, впрочем, вздор, равно как и пошлина», — а в конце письма обращался прямо к поэту: «О Пушкин, Пушкин, пиши мне!!! Я тебя здесь хвалю, величаю: не то напечатаю свой перевод *тебя*, — и горе, горе посрамленному!» («Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 567 и 570).

293. *Б. Г. Чиляеву* (стр. 64). Впервые напечатано в «Русской Стар.» 1884 г., т. XCIV, стр. 371; подлинник — в рукописи Московскаго б. Румянцовскаго Музея № 2382, л. 106 об. Беловое письмо неизвѣстно; о нем Пушкин упоминает в «Путешествии в Арзрум» (Глава I): «Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоял переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадей, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написал отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу к Г. Ч.*** начальствующему в здешней стороне, — и мы легли спать в ожидании подвод...» Дата письма определена Е. Г. Вейденбаумом, установившим совершенно точный маршрут путешествия Пушкина («Пушкин на Кавказе в 1829 году» — «Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 675 — 680).

— Чиляев — Борис Гаврилович (род. 1798, ум. 1850), родом грузин, питомец Горного Кадетского Корпуса (где был товарищем декабриста Бестужева-Марлинского), затем офицер л.-гв. Финляндского полка (1816), 7 апреля 1827 г. перешел на службу на родной ему Кавказ — в 7-й (впоследствии Эриванский) карабинерный полк майором; приняв с полком участие в делах Персидской кампании, он с 3 февраля 1828 по 28 июня 1829 г., по распоряжению генерала И. Ф. Паскевича, находился в Душете и Квишете, по Военно-Грузинской дороге, управляя, в звании Пристава, местными горскими народами. 3 июля 1828 г. Чиляев принимал у себя в Коби Грибоедова, ехавшего в Тифлис, а без малого через год — Пушкина, который в «Путешествии в Арзрум» отметил, прибыв в Квишет: «Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Ч. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее. Здесь начинается Грузия»... Всю остальную жизнь Чиляев прослужил на Кавказе в разных должностях и под конец был, в чине генерал-майора, Начальником Джаро-Белоканского военного округа и Лезгинской кордонной линии; умер в крепости Закаталах 5 ноября 1850 г. Он был человек образованный, благожелательный, веселый и остроумный; друзей и людей, к нему искренно расположенных и ценивших его, было у него много, а это лучше всего свидетельствует о его нравственных достоинствах. Письма к Б. Г. Чиляеву разных Кавказских деятелей и знакомых (в том числе Н. А. Грибо-

едовой) напечатаны, вместе с биографией его, Б. Л. Модзалевским в «Русском Архиве» 1907 г., кн. I, стр. 115—174.

— О поездке Пушкина на Кавказ в 1829 г. см. в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 216—223 (где приведены выдержки из №№ 29 и 32 «Тифлисских Ведомостей» и №№ 110 и 138 «Северной Пчелы» 1829 г. о пребывании Пушкина на Кавказе), а также в статье Е. Г. Вейденбаума: «О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году» в книге: «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис. 1899, стр. 103—127; там же полное издание «Путешествия в Арзрум» под редакцией и с примечаниями Е. Г. Вейденбаума (стр. 1—44 и 45—65); см. его же статью «Пушкин на Кавказе в 1829 году» — в «Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 675—680; Л. Н. Майкова: «О поездке Пушкина на Кавказ в 1829 г.» — в сборнике «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 378—396, в «Русск. Стар.» 1874 г., авг., стр. 703 (ср. «Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 1092—1093), и в «Архиве Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I. С.-Пб. 1908, стр. 441—442, 464, 468; о пребывании Пушкина именно в Коби и о шутке, которою он там насмешил и напугал горцев, см. в рассказе Н. Б. Потокского в «Русск. Стар». 1880 г., т. XXVIII, стр. 579 (перепечатано в книге В. Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 142—143). Об участии Пушкина в стычке с турками 14 июня 1829 г. на высотах Саган-Лу см. в заметке Н. О. Лернера; «Пушкин в сражении» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 6—7 и в Воспоминаниях декабриста А. С. Гангеблова; Гангеблов, наблюдавший Пушкина во время пребывания его среди войск Паскевича, при Н. Н. Раевском рассказывает, что «во время пребывания в отряде, Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч, находился только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым».

— Бауман — лицо, нам неизвестное.

— Граф Мусин-Пушкин — Владимир Алексеевич (род. 31 марта 1798, ум. 1854), капитан л.-гв. Измайловского полка, за «прикосновенность» к делу декабристов переведенный сперва в армейский Петровский пехотный полк (7 июля 1826), а затем, 4 февраля 1829 г., — на Кавказ, в Тифлисский пехотный полк. — Пушкин съехался с ним в Новочеркасске и, узнав, что тот едет тоже в Тифлис, «сердечно ему обрадовался». «Мы согласились путешествовать вместе», рассказывает Пушкин: «Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка; мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы; в южной — книги, мундиры, шляпы etc. etc. С западной и восточной стороны она загружена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов и таким образом мы проводим время как нельзя лучше» («Путешествие в Арзрум», гл. I). Граф Мусин-Пушкин с 4 мая 1828 г. был женат на Эмилии Карловне Шернваль (род. 1810, ум. 17 ноября 1846), сестра которой, Аврора Карловна, известная красавица, была с 1836 г. замужем (вторым браком) за Андреем Николаевичем Карамзиным, сыном историографа. — В конце декабря 1829 г. Паскевич уволил графа Мусина-Пушкина в отпуск в Москву, для раздела имения, оставшегося после смерти его матери, графини Екатерины Алексеевны, рожд. княжны Волконской (ум. 17 ноября 1829), и 7 ноября 1831 г. уволен был от службы, с обязательством, однако, жить в Москве и не выезжать заграницу; 4 января 1834 г. он был, наконец, освобожден от надзора. — Пушкин и впоследствии, в Петербурге, поддерживал отношения с графом Мусиным-Пушкиным: так, 24 июня 1832 г. он обедал у него вместе с князем П. А. Вяземским Н. А. Мухановым, красавицей А. К. Шернваль и др. («Русск. Арх.» 1897 г., кн. I, стр. 653). Мусин-Пушкин был любителем живописи и дружил с К. П. Брюлловым (см. его письма к нему, 1843 г., в «Архиве Брюлловых» под ред. И. А. Кубасова, С.-Пб. 1900, стр. 183). В 1840-х гг. он числился чиновником особых поручений при Министре Финансов; о нем см. в «Алфавите декабристов», изд. под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 194 и 360.

№ 294. 294. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 65). Впервые напечатано в изд. Суворина под ред. П. А. Ефремова, т. VII, 1903, стр. 320, по копии с чернового наброска, переписанного Анненковым; подлинник неизвестен; предположение Ефремова (т. VIII, стр. 607) о том, что письмо Дельвигу осталось непереписанным для отсылки, опровергается письмом отца поэта, С. Л. Пушкина, который (если верить сообщению Л. Н. Павлищева) в июле 1829 г., говоря своей дочери, Павлищевой, в письме из Тригорского (в Михайловском тогда строился дом), что очень беспокоится о сыне, о котором не имеет прямых известий с Кавказа, писал ей (по-французски): «А каков Сашка? Дельвиг показывал мне его письмо из Тифлиса, но уже давно; Дельвигу пишет, а нам нет; ревную к нему Сашку, а он в письме к Дельвигу ни месяца, ни числа не проставил. Христос его знает, о чем он думал; вот теперь прошло больше месяца с тех пор, как Дельвиг письмо получил. Но да будет воля Неба» (Л. Павлищев «Из Семейной Хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине», М. 1890, стр. 122). Пушкин писал Дельвигу еще из Эрзерума (следовательно, в промежуток времени между 27 июня и 21 июля): 30 августа 1829 г. Дельвиг сообщал из Петербурга князю Вяземскому: «Если вы не имеете известий о Пушкине, то скажу вам, что мы получили от него письмо из Арзерума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казацкой лошади» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 38). Письмо это до нас не сохранилось.

— Из письма Пушкина видно, что оно писано в Тифлисе, а сюда он прибыл 27 мая, выехал же 10 июня (Е. Г. Вейденбаум, «Пушкин на Кавказе в 1829 г.» — «Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 678). «В Тифлисе я надеялся найти Раевского», рассказывает поэт в «Путешествии в Арзрум», «но, узнав, что полк его уже выступил в поход, я решился просить у графа Паскевича позволения приехать в армию. В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель «Тифлисских Ведомостей», рассказывал мне много любопытного... об А. П. Ермолове и проч..... Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи. Наконец получил я записку от Раевского. Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было итти далее. Я выехал на другой же день». — В газете своей упомянутый П. С. Санковский поместил две заметки о Пушкине: по поводу его приезда в Тифлис — в № 29, от 28 июня, и по случаю обратного проезда поэта, — в № 32, от 9 августа (см. в «Кавказской поминке о Пушкине», стр. 52 и 60; тоже в Соч. Пушкина, изд. «Просвещения», т. VI, стр. 668).

— «Первые же строки своего «Путешествия в Арзрум», говорит Е. Г. Вейденбаум: «Пушкин посвящает опальному Ермолову, которым восхищался с давних пор. Еще с 1820 году, возвратясь в Кишинев с Кавказских вод, поэт писал своему брату Льву: «Ермолов наполнил Кавказ своим именем и благотворным гением». Неудивительно поэтому, что Пушкин не затруднился сделать лишних 200 верст для свидания с прославленным Кавказским вождем. Замечателен отзыв Пушкина о наружности Ермолова. Считается почти обязательным называть голову Ермолова львиной. Но Пушкин говорит, что у него голова тигра на геркулесовом торсе и затем прибавляет: «улыбка неприятная, потому что не естественна». Если припомнить, что в характере Ермолова была известная доля двуличности и хитрости, давшая великому князю Константину Павловичу повод называть его патером Грубером (известный в Петербурге генерал ордена иезуитов), то сравнение Пушкина должно признать более метким, чем сравнение со львом, придуманное безусловными панегиристами Ермолова. Оно еще раз подтверждает независимость мнений Пушкина и правдивость его в отзывах даже о тех, кого он искренно почитал» («Кавказская поминка о Пушкине». Тифлис, 1899, стр. 112). В письме к князю Вяземскому от 30 декабря 1829 г. поэт Д. В. Давидов, спрашивая об адресе Пушкина, писал: «Кстати о Пушкине: он проездом в Грузию заезжал к Ермолову, который пишет мне: «Был

у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения. Ему также, я полагаю, необыкновенным показался простой прием, к каковым жизнь в столице его верно не приучила». В другом месте письма, хваля сочинения Пушкина, он говорит: «Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомого Грибоеда, от *жевания* которых скулы болят. К счастию моему, Пушкин, как кажется, не написал ни одного экзаметра — род стиха, который может быть и хорош, *но в мой рот не умещается*». Этому я очень смеялся, будучи сам противник экзаметров. («Старина» и Новизна», кн. XXII, стр. 38 — 39). Некий В. В. Хлопов, в статье своей: Вечер с А. П. Ермоловым» сообщает, что, при воспоминании об Алексее Петровиче и об отношениях к нему русских поэтов, ему припомнилась надпись, сделанная Пушкиным на экземпляре присланных им Ермолову своих сочинений. К сожалению, я помню только последние два стиха: № 94.

Захочет — о себе как Тацит он напишет
И лихо Летопись свою переплетет.

Автограф этого послания, без сомнения, находится в библиотеке Московского Университета, куда... поступило собрание книг, принадлежавших А. П. Ермолову» («Русск. Стар.» 1873 г., № 5, стр. 200). На самом деле это — надпись Жуковского (см. Александр Ермолов, «А. П. Ермолов. Биографический очерк», С.-Пб. 1912, стр. 188). В 1833 г. Пушкин намеревался писать историю жизни и деятельности Ермолова (род. 24 мая 1777, ум. 12 апреля 1866) и предлагал издать его Записки (см. в т. III, черновик письма к Ермолову, 1833 г., а также в т. I, стр. 12 и 210).

— Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, впоследствии светлейший князь Варшавский (род. 1782, ум. 1856), с конца марта 1827 г. был командиром Отдельного Кавказского Корпуса (заместив в этой должности А. П. Ермолова, впавшего в немилость императора Николая, который не доверял ему, считая его причастным к Тайному Обществу) и был главнокомандующим войск, действовавших в 1827 против персов, а в 1828 — 1829 г. — против турок. Ряд побед над турками, завершивших эту войну Адрианопольским миром (22 сентября 1829 г.) и давших Паскевичу звание генерал-фельдмаршала, не ослепили Пушкина: Муза его осталась нема перед сомнительными подвигами Паскевича, который несомненно ожидал, что поэт не преминет «воспеть» их. Погодин писал Шевыреву 31 августа 1829 г., что «Пушкин при войске Паскевича — поэтом» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 98); в № 29 «Тифлисских Ведомостей» по этому поводу писали в том же смысле: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он попросил дозволения находиться в походе при действующих войсках и 16-го июня прибыл в лагерь при Искан-су. Первоклассный Поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам Кавказского Пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в Бессарабии Цыганов, во внутренних провинциях описал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. С. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем любимый Поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего Поэта среди ужасов брани» (перепечатано в № 88 «Сев. Пчелы» 1829 г.; ср. «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 160—161, № 80 и 82). Когда Пушкин вернулся с Кавказа, Булгарин также писал в своей «Северной Пчеле» (№ 138, 16 ноября): «Александр Сергеевич Пушкин возвратился в здешнюю Столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств Русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для Русского.

№ 294. Многие почитатели его Музы надеются, что он обогатит нашу Словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых могучая рука Эриванского героя водрузила Русские знамена». — Пушкин во время поездки пользовался полным вниманием Паскевича, который, при прощальном визите поэта, 21 июля 1829 г. в Арзруме, подарил ему турецкую саблю (см. Н. Лернер «Труды и дни», стр. 192 и 193; сабля эта теперь в Пушкинском Доме). Но, как мы сказали, Пушкин не вдохновился подвигами Паскевича, и последний охладел к поэту. Впрочем, два года спустя, Пушкин посвятил Паскевичу строфу в «Бородинской годовщине», по случаю взятия Варшавы. Получив от Жуковского экземпляр изданной в сентябре 1831 года брошюры «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (в которую вошли: «Клеветникам России» и «Бородинская Годовщина» Пушкина и «Старая песня» Жуковского), Паскевич писал последнему из Варшавы, 2 октября 1831 г.: «Прошу Вас принять нелицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими сочинениями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости. Сладкозвучные лиры первостепенных поэтов наших долго отказывались бряцать во славу подвигов оружия. Так померкнула заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войн, и голос выспреннего вдохновения едва-едва отозвался в Отечестве в честь тогдашних успехов наших. Упрек сей впрочем не относится до вас, ибо и в ту эпоху вы обязали меня поэтическим вниманием. Приятно видеть, что настоящие дела храбрых сильнее возбудили огонь истинной поэзии и возвеличены волшебным талантом певцов, украшающих Россию» («Русск. Арх.» 1875 г., кн. III, стр 460). Отповедь на эти слова Паскевичу и тем, кто в 1829 г. полагал, что Пушкин поехал на войну «с тем, чтобы воспевать будущие подвиги», поэт дал в 1836 г., печатая в своем «Современнике» предисловие к «Путешествию в Арзрум» (т. I, стр. 18 — 19) и упоминая, как «прославленный Полководец ласково принял его под сень своего шатра и находил время посреди своих великих забот оказывать ему лестное внимание». Коренившееся в нем чувство скрытого недоброжелательства к Пушкину Паскевич сохранил навсегда, и когда поэт погиб, — он, в письме к Николаю I из Варшавы от 19 февраля 1837 г., писал: «Жаль Пушкина, как литератора, в то время когда его талант созревал; но человек он был дурной» («Изв. Отд. Русск. яз. и слов» 1896 г., т. I, кн. 1, стр. 106).

— С Кавказа было несколько писем Пушкина, но ни одно из них до нас не дошло. Так, Н. О. Пушкина писала дочери 22 августа из Тригорского в Ораниенбаум: «Enfin mes inquiétudes au sujet de tes frères sont terminées, ma bonne amie: nous venons de recevoir une lettre d'Alexandre, dont je t'envoye une copie, je ne puis me séparer de l'original, trop heureuse de l'avoir... C'est le bon baron Delvig qui nous a envoyé cette lettre»; С. Л. Пушкин в том же письме сообщал, что «Александр очень весел, судя по письму, где он пишет, что Лев здоров и предполагает вернуться в Петербург». «Il parâit qu'Alexandre est enchanté de son voyage. Il écrit à Плетнев [письмо это также до нас не дошло] et lui fait un tableau detaillé de son genre de vie au camp. Il monte au cheval cosaque, une нагайка à la main, et le meilleur de tout cela c'est qu'il compte bientôt revenir.» (Из неизд. писем, находящихся в Пушкинском Доме). 9 сентября он же писал дочери: «Alexandre aussi s'est trouvé à la fameuse bataille qui a decidé l'Arzerum. As-tu de quelque part encore un article de lui dans les gazettes dans lequel on se félicite de l'avoir là ?... Je voudrais bien écrire à Alexandre, mais je ne sais òu le trouver: il echappe, comme dit M-me Осипов, quand on s'y attend le moins. J'espère que cette fois-ci ce sera pour se réunir à nous»; 20 сентября он сообщал дочери: «Nous venons d'apprendre par un petit Médecin de Новоржев... qu'Abeille du Nord dit qu'Alexandre est parti pour Astracan par le Caucase»; 27 сентября он уведомлял, что «Александр скоро возвратится и Лев также», а 1 октября

Н. О. Пушкина писала (всё еще из Тригорского): «Je m'empresse de t'envoyer encore une copie de la lettre d'Alexandre que nous avons reçue hier. Qu'il me tarde de partir d'ici; je suppose que tes frères seront bientôt à Pétersbourg» (Из неизд. писем). Кроме этих, упомянутых здесь писем, которые до нас не сохранились, Пушкин посылал с Кавказа письма еще Павлу Воиновичу Нащокину; в одном из них он писал, что путешествует с особым денщиком, и солдаты, видя его может быть одного из русских разъезжающим в статском платье, считали его немецким попом («Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 402).

295. *М. П. Погодину* (стр. 65). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 94; подлинник на почтовой бумаге (с вод. зн.; Гг... 182...) в архиве Погодина в Московском б. Румянцовском Музее, Письма, т. II, № 3516, л. 721; вклеено между письмами за октябрь 1829 г. и относится, повидимому, ко времени пребывания поэта в Москве уже после возвращения туда с Кавказа. Указание на «священную обязанность» намекает, быть может, на жениховство Пушкина, тогда еще не объявленное, и на постоянное пребывание в доме Гончаровых. По записи П. В. Анненкова со слов Н. Н. Ланской, Пушкин, приехав в Москву по возвращении с Кавказа, «только проехал по Никитской, где был дом Гончаровых, и тотчас же отправился в Малинники к Вульфовым, где и были написаны стих. «Зима» и проч. (рукоп. в Пушкинском Доме, в Анненковском архиве). Однако, по свидетельству С. Н. Гончарова, дело было иначе; он хорошо помнил приезд Пушкина с Кавказа и появление его у них в доме: «Было утро», рассказывает он: «мать [Н. И. Гончарова] еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает про Наталию Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 498), — приняла довольно холодно, так что поэт покинул Москву «со смертью в душе» (см. ниже, в письме № 322).

296. *П. А. Плетневу* (?) (стр. 65). Впервые напечатано в «Современнике» 1838 г., т. IX, Современные записки, стр. 59—62, по случаю помещенного в том же томе журнала перевода Байронова «Мазепы», — как «строки, доставленные к издателю [т.-е. Плетневу] из частного письма Пушкина и относящиеся столько же к «Мазепе» Байрона, сколько к «Полтаве» самого Пушкина»; подлинник письма неизвестен; к Плетневу отнесено уже в изд. Литер. Фонда (т. V, стр. 134), как и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 94 — 95. Датируется по соображению с возвращением Пушкина из Путешествия и с появлением критик на «Полтаву».

— Письмо это вызвано теми разнообразными и противоречивыми статьями в журналах 1829 г., которыми встречено было появление «Полтавы» в отдельном издании, вышедшем в свет около 1 апреля, т.-е. за месяц до отъезда поэта на Кавказ (а именно 1 мая 1829 г.; см. выше, стр. 339, в объяснениях к письму № 292). — «Во Владикавказе [10 августа].... у [М. И.] Пущина на столе нашел я русские журналы», рассказывает Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум»: «Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца. Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» (ср. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 347 — 350). Вопреки своему обыкновению не отвечать на критики, Пушкин не только написал заметку по поводу статей, вызванных «Полтавой», но и напечатал ее в альманахе

№ 297. М. А. Максимовича «Денница на 1831 г.», на стр. 124 — 130: «Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)»; эта заметка, начинающаяся словами: Habent sua fata libelli. Полтава не имела успеха. Вероятно она и не стоила его....», сопровождалась в конце таким примечанием издателя: «Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критик. Из оной видно, что Поэт не опровергал критик потому только, что не хотел». Она повторяет, в некоторых местах почти дословно, суждения, высказанные в отрывке из письма к Плетневу (?), которое, может быть, тоже предназначалось к печати, как письма к Раевскому о «Борисе Годунове» (см. № 162 и 289). О «Полтаве в историческом и историко-литературном отношениях» см. статью И. Н. Житецкого в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. III, стр. 6 — 28, где приведены суждения критиков, вызвавшие отповедь Пушкина. Здесь скажем лишь, что любопытный рассказ А. Н. Вульфа о том, как создавалась на его глазах «Полтава», находится в Дневнике его, изданном М. Л. Гофманом в сб. «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 13 — 14, 15, 221; см. также любопытный рассказ М. В. Юзефовича, со слов Пушкина, — в «Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 441.

— Об эпиграфе к «Бахчисарайскому Фонтану» Пушкин писал еще 14 октября 1823 г. князю П. А. Вяземскому (см. выше, в т. I, в письме № 60): «Бахчисарайской фонтан, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть».

297. *А. Н. Вульфу* (стр. 66). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 168 (отрывок) и в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 158—160 (с пропусками); подлинник — у Б. Л. Модзалевского.

— Алексей Николаевич Вульф, находившийся с апреля 1829 г. на театре Турецкой войны, получил письмо Пушкина лишь 15 февраля 1830 г. в Сарыкиое, при чем записал в своем Дневнике: «Дельво..... принес большой пук писем. В нем нашлось и два ко мне: оба Сестрины [Анны Н. Вульф] от Октября, в одном же из них — приписку от Пушкина, в то время бывшего у них в Старице, проездом из Москвы в Петербург. Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петербург о тамошних красавицах [см. выше, письмо № 280], так и теперь, величая меня имянем Ловласа, сообщает он известия очень смешные об них, доказывающие, что он не переменяется с летами и возвратился из Арзерума точно таким, каким и туда поехал, — весьма циническим волокидою. — Как Сомов дает нам ежегодно обзоры за Литературу, — так и я желал бы от него каждую осень получать обзоры за нашими красавицами. — Сестра в первом своем письме сообщает печальное известие, что Кусовников оставляет Старицу, а с ним все радости и надежды её оставляют. Это мне было уже не новость. Во втором же она пишет только о Пушкине, его волокидствах за Netty».... («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 115 — 116). На другой день, 16 февраля, отвечая сестре на вышеупомянутые письма ее от 12 и 17 октября, Вульф писал ей: «Из первого твоего письма узнал я о потере, которую сделали ваши уланы в особе любви достойного Алексея Степановича [Кусовникова]. [1] Об ней я уже тебе писал и прибавляю теперь со вздохом: «О *ноги, ноги*, где вы ныне?» — Во-втором же мне было два сюрприза...: если мне неожиданным удовольствием было найти в нем Пушкинское донесение о наших красавицах, то не менее я удивился любезности Netty, с которой она пользуется правом Берновской хозяйки.... Как Сомов в Северных Цветах ежегодно дает обзор за-годовой Литературы, точно также Александр Сергеевич сообщает мне известия о Тверских красавицах. Кажется, самое время не имеет власти над ним, он не переменяется: везде и всегда один и тот же. Возвращение наших барышень, вероятно, отвлекло его от Netty, которой он говорит нежности или относя

---

[1] Вульф ошибся в отчестве Кусовникова, которого звали Алексеем Михайловичем (см. ниже, стр. 347).

их к другой, или от нечего делать. — В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем окончится любопытный его заезд из *Арзрума в Павловское*. По происхождению его, Азиатские вкусы не должны быть чужды [ему]: не привез ли он какого-нибудь молодого *Чубукчи-Пашу* (податель трубки)? Это было бы нужно для оправдания его слов. По письму Анны Петровны [Керн], он уже в Петербурге, она одного мнения с тобою в том, что цинизм его увеличивается» (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское» — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 85 — 86). № 297.

— Ловеласом Пушкин в 1828 г. назвал себя самого в письме к Вульфу (см. выше, в письме № 280), а в письме к Н. М. Языкову из Голубова от 14 апреля 1836 г. писал: «Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый Агроном, *Тверской Ловлас*, — по прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год».

— Малинники — имение П. А. Осиповой (вернее ее первого мужа, Н. И. Вульфа) в Старицком уезде Тверской губернии, в 35 верстах от Старицы. Описание его, — И. А. Иванова, — см. в брошюре 1899 г.: «О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии» (Тверь, изд. Тверск. Общ. истории, археол. и естествозн.) и, современное нам, — С. Фессалоницкого, в статье «Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г.» — в «Материалах Общества Изучения Тверского края», вып. 3, Апрель 1925 г., стр. 22 — 23 (ср. у В. Вересаева, «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 123 — 124).

— Ан. Ник. — Анна Николаевна Вульф, сестра А. Н. Вульфа, ранее так пламенно любившая Пушкина (см. выше, т. I, стр. 348, 363 и т. II, стр. 145). В это время, по словам Е. Е. Синицыной, «она была уже зрелая, здоровая такая» (В. Колосов, «Пушкин в Тверской губернии», Тверь. 1888, стр. 16) и уже нисколько не интересовала Пушкина. В 1847 г. она, вспоминая Пушкина, припоминала и шуточный refrain его:

Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми!

(«Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 351).

— Евпр. Ник. — Евпраксия Николаевна Вульф, Зизи, Зина, — сестра Вульфа, впоследствии баронесса Вревская (см. выше, стр. 275 — 276).

— Ал. Ив. — Александра Ивановна Осипова, сводная сестра Вульфа и его сестер, дочь их вотчима от его первого брака (см. выше, стр. 166). О ней много интимных подробностей передает Вульф в своем Дневнике.

— Новые уланы — офицеры стоявшего на квартирах в г. Старице Оренбурского уланского полка, командиром которого был полковник барон фон-Торнау 1-й.

— Кусовников — Алексей Михайлович; будучи поручиком «в баталионе её имп. высочества», он участвовал в Отечественной войне, затем с 1815 по 1825 гг. служил в л. гв. Гусарском полку в Царском-Селе, где с ним, конечно, был знаком Пушкин; выйдя в отставку полковником 24 января, 1825 г. (см. К. Манзей, «История л.-гв. Гусарского полка», ч. III. С.-Пб. 1859, стр. 76 — 77), он потом служил в Оренбургском уланском полку, а в 1830 г. был командиром Тираспольского конно-егерьского полка («С.-Пб. Вед.» 1830 г., № 272, стр. 2570). — Описывая времяпрепровождение зимою 1828 — 1829 г. в Старице, Вульф пишет в своем Дневнике: «Самый приятный человек из общества был для меня полковник Кусовников. Еще на первом вечере у Торнау в Рождество был он со мною так предупредительно вежлив и любезен, что, несмотря на малое наше знакомство, привязал меня много к себе. — Имея очень хорошее состояние, служил он в лейб-гусарах, был Адьютантом у принца Виртемберского («Шишки»). Жизнь в лучшем кругу дала ему приятное обращение, получившее особенную приятность от добродушия, которое видно было в каждом его движении. Блестящего ума не имея, вознаграждал он за него приятными искусствами: он мастерски рисовал и прекрасно играл на скрипке. Наружность его была отпечаток его души; я не встречал мужчины, лучше его

№ 297. сотворенного, особенно ноги его хороши. Его благорасположение ко мне должно, кажется, приписать тому, что он немного волочился за Сестрою [Анною Николаевною]. Во время пребывания Пушкина в Старице мы чаще еще видались, ибо Пушкин знал Кусовникова еще будучи в Лицее» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 61). В конце 1829 г. он был назначен полковым командиром Тираспольского конно-егерьского полка и покинул Старицу, что весьма огорчило А. Н. Вульф, мечтавшую о выходе за него замуж (там же, стр. 62, 98, 115 — 116). Впоследствии Кусовников был генерал-лейтенантом и Виленским Комендантом и умер в Вильне 20 сентября 1853 г. («Виленский Некрополь», стр. 209 — 210).

— Юргенев — Александр Тихонович, впоследствии (1848) подполковник, помещик сельца Подсосенья, Старицкого уезда, знакомец Алексея Николаевича Вульфа и других Тверских Вульфов; впоследствии он женился на Анне Сергеевне Сомовой (род. 1807, ум. 1848; погребена в с. Бернове); умер 6 сентября 1867 г., 82 лет; их дочь Серафима Александровна в 1852 г. вышла замуж за Николая Павловича Панафидина (род. 1819, ум. 1895), двоюродного брата А. Н. Вульфа (см. «Письма морского офицера 1806 — 1809 П. И. Панафидина». С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1916, стр. 4).

— Гретхен — Екатерина Васильевна Вельяшева (род. в с. Бернове 9 февраля 1813), кузина А. Н. Вульфа, дочь Старицкого исправника, штабс-ротмистра Василия Ивановича Вельяшева (ум. 1856), женатого на Наталии Ивановне Вульф (ум. 1855), родной тетке Алексея Вульфа. — Описывая посещение Пушкиным Старицы в начале января 1829 г., Вульф пишет в своем Дневнике: «С ним [Пушкиным] я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, от чего его и прозвали Сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретьхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 50). В рассказе о тех, кого он увидел в этот свой приезд в Старицу, Вульф пишет про юную Гретхен: «Здесь я нашел две молодых красавицы: Катеньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета» (там же, стр. 46). — Одна современница, Е. Е. Синицына, передавая свои воспоминания о пребывании Пушкина в Старице, рассказывает, что заметила, как Пушкин с другим молодым человеком «постоянно вертелись около Е. В. Вельяшевой» — и прибавляет: «Она была очень миленькая девушка: особенно чудные у ней были глаза. Как говорили после, они старались не оставлять ее наедине с Алексеем Николаевичем Вульфом, который любил влюблять в себя молоденьких барышень и мучить их» (В. Колосов, «А. С. Пушкин в Тверской губернии», Тверь. 1888, стр. 10 — 11). 18 января 1829 г., по дороге из Старицы в Петербург с Вульфом, Пушкин сочинил в ее честь стихи, напечатанные затем в «Северных Цветах на 1830 г.» — «К ***:»

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии [Тверской],
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.

Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет.... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

М. Л. Гофман, определяя точную дату этой пьесы, высказывает предположение, что Вельяшевой же посвящено и другое стихотворение Пушкина (обычно относимое к Олениной), — «Приметы» («Я ехал к вам, живые сны»....), написанное также в самом начале 1829 года (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 247 — 250). «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу», читаем в письме Пушкина к жене от 23 августа 1833 года: «Из Павловского, между Берновым и Малинниками, о которых вероятно я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу [Вульфу], который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники: но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc., живет управитель Парасковии Александровны Рейхман, который потчивал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве, но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе: также ли ты хороша, как сказывают, и какая ты—брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая?...» Вскоре затем, 29 апреля 1834 г., Е. В. Вельяшева вышла замуж за Александра Александровича Жандра (род. 1812, ум. 6 февраля 1865 в Лужском уезде), с которым была помолвлена еще в 1833 г. (см. Б. Л. Модзалевский, «Семейные летописцы», М. 1915, стр. 11; «Провинциальный Некрополь», т. I, М. 1914 г. стр. 295); в 1829 году из Пажеского корпуса выпущенный корнетом в л.-гв. Уланский полк, Жандр принимал участие в Польской кампании и был взят в плен; с февраля 1832 по февраль 1839 года служил во Владимирском уланском полку, затем был переведен (24 февраля 1839 г.) в л.-гв. Конно-Гренадерский полк, а из него, в ноябре 1852 г., уже в чине полковника, — в Ямбургский уланский полк и 26 апреля 1856 г. назначен командиром Новотроицко-Екатеринославского кирасирского полка. Зачисленный 1 сентября 1860 г. в запасные войска он 13 января 1861 г. вышел в отставку генерал-майором. Летом 1834 г. А. Н. Вульф писал сестре своей Анне, что видел приехавших из Твери «молодых» Жандров, причем прибавлял: «об них скажу только, что Катенька дурнеет, а муж ее страсть имеет особенную ездить на козлах и неприлично ревнив» (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское» — «Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 108). Позднейшая судьба Е. В. Жандр нам неизвестна. Знаем только, что она была жива в 1860 г. и имела одну дочь Варвару (род. в Твери 17 апреля 1835), умершую девицей 15 апреля 1907 г. в Петербурге.

— Павловское — имение дяди А. Н. Вульфа (брата его отца) — Павла Ивановича Вульфа (род. 1775, ум. 17 марта 1858 г. в г. Торжке)—в Старицком уезде, между Берновом и Малинниками (называлось оно собственно «Подлизево»; о Павловском в 1923 г. см. в цитированной выше, на стр. 347,

№ 297. статье, С. Фессалоницкого); в 1783 — 1797 г. он служил в л.-гв. Семеновском полку, из которого вышел в отставку подпоручиком. Пушкин очень его любил и, гостя у него, играл с ним в шахматы и в вист. «На Павла Ивановича упади стена, — он не подвинется, право не подвинется» — неоднократно, шутя говорил Пушкин. Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему» — рассказывала Е. Е. Синицына (В. И. Колосов, «Пушкин в Тверской губернии», Тверь. 1888, стр. 14). Фредерика Ивановна (или Фрицинька, как ее в шутку называли) — жена П. И. Вульфа, по определению А. Н. Вульфа, — «Гамбургская красавица, которую Дядя привез из похода и после женился на ней» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 51). П. И. Вульф, по характеристике того же Алексея Вульфа, — «такой флегматик, каких я редко встречал. Оставив в молодости еще военную службу, жил он всегда в деревне, в доме отца своего; сделав кампанию 12 года в Тверском Ополчении, возвратился он с девкою из Гамбурга, на которой через несколько лет женился. Фридерика, сделавшись хозяйкою, завела в доме немецкий порядок, который делает приятное впечатление на всякого приезжающего к ним. Не имея детей, живут они без лишней роскоши, по своему состоянию, спокойно» (там же стр. 63). Впоследствии, однако, П. И. Вульф, «человек в высшей степени добродушный и гуманный», разорился и умер в бедности (В. И. Колосов, «А. С. Пушкин в Тверской губернии», Тверь. 1888, стр. 5 и сл., 26). О его жене М. Л. Гофман передает, что «и до сих пор еще в Малинниках и в Бернове, а также и во всей Берновской округе сохраняются рассказы о том, как А. Н. Вульф и его друзья потешались над «Фрицинькой», до конца дней своих безжалостно относившейся к русскому языку» (там же, стр. 220). Она умерла в 1848 г. в Старице, от холеры.

— «Минервою» Пушкин называет кузину А. Н. Вульфа — Екатерину Ивановну Гладкову (род. 26 июня 1805), старшую дочь Ивана Ивановича Вульфа и сестру Netty Вульф; это была очень красивая, пышная молодая женщина, с января 1825 г. бывшая замужем за ротмистром стоявшего в Старице Оренбургского уланского полка Яковом Павловичем Гладковым (впоследствии подполковником). Алексей Вульф за нею ухаживал в свое пребывание в Бернове, — и, повидимому, не без успеха. О переезде ее в Саратов он упоминает в своем Дневнике под 24 ноября 1829 г. Несколькими днями раньше он дает подробный рассказ о своих отношениях к ней: «Катеньку, вопреки письменным доказательствам, я не могу причислить к моим красавицам [поклонницам]: очарование у ней слишком скоро рассеялось. Сошедшись опять с нею, не знаю, удержусь ли я, чтобы не попытать воскресить в ней прежние чувства ко мне. Эта женщина подходит ближе всех встреченных мною в жизни [1] к той, которую я бы желал иметь женою. Не достает ей только несколько ума. Несмотря на то, что ее выдали замуж против воли, любит она своего мужа более, нежели другие, вышедшие замуж по склонности. Детей своих любит она нежно, даже страстно; живучи в совершенном уединении, она лучшие годы своей жизни посвящает единственно им и кажется не сожалеет о том, что не знает рассеянной светской жизни. Несмотря на пример своего семейства и на то, что она взросла в кругу людей, не отличавшихся чистотою нравственности, она умела сохранить непорочность души и чистоту воображения и нравов. Приехав в конце 1827 года в Тверь напитанный мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами, весьма довольный, что на время оставил Сашеньку, [2] предпринял я сделать завоевание этой добродетельной красавицы. Слух о моих подвигах любовных давно уже дошел и в глушь Берновскую. Письма мои к Александре Ивановне давно ходили здесь по рукам и считались образцами в своем роде. Катенька рассказывала мне, что она сначала боялась

[1] Вульфу было в это время невступно 24 года! *Б. М.*
[2] Свою сводную сестру, А. И. Осипову. *Б. М.*

приезда моего, так же, как бы и Пушкина. Столь же неопытный в практике, сколько знающий теоретик, я первые дни был застенчив с нею и волочился, как 16-летний юноша. Я никак не умел (как и теперь) постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность. За то первая она стала кокетничать со мною, день за день я более и более успевал; от нежных взглядов я скоро перешел к изъяснениям в любви, к разговорам о ее прелестях и моей страсти; но трудно мне было дойти до поцелуев, и очень много времени мне это стоило»... Рассказав о дальнейшем сближении, Вульф так кончает повесть об этом своем романе: «Проживши $1^1/_2$ месяца с моей красавицей, со слезами на глазах мы расстались... Когда я через год (в 1828) опять увидел ее, то хотя она и обрадовалась моему приезду, но любви я уже не нашел у нее... и мои старания воскресить ее остались напрасными. Вот история моей любви с этой холодной прелестью. Теперь, я думаю, она и не вспомнит обо мне» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 87 — 89, 93).

— О Netty Вульф, впоследствии, по мужу, Трувеллер, которой Пушкин в 1828 г. (а может быть именно в пребывание свое в Тверской губернии в 1829 г.) написал шуточное четверостишие:

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R. и O. позабываю
Для N. и W., —

см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 127, стр. 411 — 412.

— Миллер, — быть может, корнет стоявшего в Торжке, Тверской губернии, Владимирского уланского полка, сослуживец Я. П. Гладкова, женатого на сестре Netty; какой-то барон Меллер-Закомельский в 1829 г. безуспешно сватался на Елизавете Петровне Полторацкой (сестре А. П. Керн и кузине Алексея Вульфа: см. его Дневник, l. c., стр. 48); наконец были Миллеры — помещики сельца Васильков, близ Вульфовского Бернова; кого из них имел в виду Пушкин, сказать не можем.

— Поповна, которую Пушкин сравнивает с героиней известного романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (см. выше, в т. I, стр. 368 и т. II, стр. 311, объяснения к письму № 280), — Екатерина Евграфовна Смирнова, 17-летняя дочь Тверского Козьмодемьянского священника Евграфа Андреевича Смирнова, уроженца села Бернова. Три года она воспитывалась у бездетного Павла Ивановича Вульфа в его имении Павловском и потом иногда гостила у него. Рассказывая о времени, проведенным им и Пушкиным в январе 1829 г. в Старицком уезде, и описывая совместную с поэтом поездку к Павлу Ивановичу Вульфу в Павловское, Алексей Вульф упоминает о том, как они подпоили привезенным Пушкиным люнелем жену П. И. Вульфа — «Фрицыньку», невесту его «управителя» и «молодую, довольно смешную девочку, дочь прежнего Берновского попа, тоже жившую под покровительством Фридерики. Я упоминаю об ней потому», пишет Вульф: «что имел после довольно смешную с ней историю. Мы танцовали и дурачились с ними много, и молодая селянка вовсе не двухсмысленно показывала свою благосклонность ко мне. Это обратило мое внимание на ее, потому что прежде, в кругу первостатейных красавиц, я ее совсем и не заметил. Я вообразил себе, что очень легко можно будет с ней утешиться за неудачи с другими, — почему через несколько дней, приехав опять в Павловское, я сделал посещение ей в роде Графа Нулина, — с тою только разницею, что не получил пощечины» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 51; ср. Л. Майков, «Пушкин», стр. 166). В. И. Колосов, передавая об этом смешном случае, рассказывает со слов самой Катеньки Смирновой, что на утро неудачное похождение Вульфа стало всем известно. Пушкин превозносил девушку за смелость и находчивость, а приятеля беспощадно поднял на смех («Пушкин в Тверской губернии», Тверь. 1888, стр. 14 — 15; Л. Майков, «Пушкин», стр. 166). Впоследствии она вышла за священника Тверской Затьмацкой Покровской церкви Синицына и в 1888 году, будучи 76-летней старушкой-вдовой,

№ 298. передала В. И. Колосову несколько правдивых рассказов о Пушкине и об его пребывании в Старице и в Старицком уезде в начале 1829 г. По ее воспоминаниям Пушкин «был очень красив: рот у него был прелестный, с тонко и красиво очерченными губами, и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее. Ходил он в черном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом [в Павловском, у П. И. Вульфа], у него было множество туалетных принадлежностей, ногтечисток, разных щеточек и т. п. Все относились к Александру Сергеевичу с благоговением. Все барышни были от него без ума» и т. д. (В. И. Колосов, назв. соч., стр. 14—15).

— Писарев и князь Максутов — офицеры стоявшего в Старице Оренбургского уланского полка; первый — поручик, а второй — штабс-ротмистр (см. «Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии». С.-Пб. 1829, стр. 116—117). Из них Писарев, Дмитрий Иванович (род. 1805), брат известного писателя-водевилиста А. И. Писарева (ум. 1828; см. выше, т. I, стр. 86, 87, 336) и дядя знаменитого критика Д. И. Писарева (род. 1840, ум. 1868), в 1830 году, действительно, был уволен в отставку штабс-ротмистром; в 1840 г. он служил по Министерству Государственных Имуществ; был жив еще в 1865 г. (см. В. И. Чернопятов, «Тульский родословец», ч. VI, стр. 474—475).

— Иван Иванович Вульф, отец вышеупомянутых Е. И. Гладковой и Netty Трувеллер; он родился 14 сентября 1776 г., с 1783 г. был на службе л.-гв. в Семеновском полку, из которого вышел в 1802 г. поручиком и с тех пор не служил, проживая в своем имении «Берново», Старицкого уезда, в 25 верстах от уездного города Старицы. Женат он был на Надежде Гавриловне Борзовой, от которой, кроме дочерей, имел сыновей Петра (род. 1804, ум. 1842), Николая (род. 1808) и Александра; умер в Бернове 24 ноября 1860 года, 84 лет. Алексей Вульф в Дневнике своем пишет, что этот дядя его, «женившись очень рано на богатой и хорошенькой девушке, несколько летней жизнью в Петербурге расстроил свое имение. Поселившись в деревне, оставил он жену и завел из крепостных девок гарем, в котором и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законных своей жене. Такая жизнь сделала его совершенно чувственным, ни к чему другому неспособным» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 64). По поводу этой характеристики, М. Л. Гофман замечает, что сам автор Дневника, «повидимому, многими чертами напоминал своего дядю: рассказывают, что в Малинниках Алексей Николаевич устроил себе гарем из 12 крепостных девушек; кроме того, он присвоил себе jus primæ noctis» (там же, стр. 256).

— Помета, сделанная Вульфом на письме много лет после его получения, по памяти, — ошибочна.

298. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 67). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1899 г., т. XCVIII, май, стр. 249—251 (с переводом); краткое извлечение-пересказ, в переводе, было помещено в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 703—704; подлинник — в Пушкинском Доме; черновое напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 99; подлинник его — в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, в собрании Л. Н. Майкова (см. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 34, № 6).

Перевод: «Генерал! С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество был недоволен моим путешествием в Арзрум. Снисходительная и неограниченная доброта Вашего Превосходительства и участие, которое Вы ко мне всегда выказывали, заставляют меня с доверчивостью еще раз прибегнуть к Вам и откровенно изъясниться. — Приехав на Кавказ, не мог я устоять против желания повидать своего брата, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я находился в разлуке в продолжение 5 лет. Я полагал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав туда, я уже не застал армию. Я написал письмо Н. Раевскому, другу детства, чтобы он выхлопотал для меня разрешение прибыть в лагерь. Я приехал туда в самый день перехода через Саган-лу. Раз я

уже был там, я счел неудобным избегать принять участие в делах, которые должны были там произойти — и таким образом я находился в походе полу-солдатом, полу-путешественником. — Чувствую, насколько мое положение было фальшиво, а поведение — опрометчиво, но по крайней мере всё это было только опрометчивостью. Мысль, что поступок мой можно объяснить каким-либо другим побуждением, была бы для меня невыносима. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому обязан всем, кому готов принести в жертву самое свое существование, — и это не фраза. — Умоляю Ваше Превосходительство быть в этом случае моим провидением и есмь с величайшим уважением, генерал, Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. — 10 Ноября 1829 г. Ст.-П.». **№ 298.**

— Французский текст черновика почти дословно совпадает с беловым текстом письма.

— Свое намерение съездить на Кавказ Пушкин привел в исполнение без ведома Бенкендорфа; III Отделение, узнав об отъезде поэта из Петербурга, приняло ряд мер к тому, чтобы и в Москве, и на Кавказе за ним был установлен тайный полицейский надзор (переписку по этому поводу см. в книге «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 82 — 84, 91—94—95, 97—98, в «Русск. Стар.» 1875 г., т. XXV, стр. 753 и 1880 г., т. XXVII, стр. 146 — 147, 1884 г., т. XLII, стр. 636; «Петерб. Курьер» 1914 г., № 127); узнав, что поэт вернулся в Москву (около 20 октября), Бенкендорф обратился к нему со следующим письмом: «Милостивый Государь Александр Сергеевич! Государь император, узнав по публичным известиям,[1] что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, Высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же с своей стороны покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в Закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие. В ожидании отзыва Вашего для доклада его императорскому величеству, имею честь быть с истинным почтением и преданностию, милостивый государь, ваш покорнейший слуга А. Бенкендорф. № 4360. 14 Октября 1829». — Письмо это поэт получил лишь по возвращении своем из Тверской губернии (где он пробыл, повидимому, до конца октября или до первых чисел ноября) и поспешил ответить Бенкендорфу, составив свое объяснение в выражениях, очень близких к черновому наброску предисловия к «Путешествию в Арзрум» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV, стр. 373 — 374). Н. В. Путята слышал от Пушкина, что Николай I спросил поэта, как он смел поехать в армию, и на ответ, что главнокомандующий ему это позволил, возразил: «Надобно было проситься у меня. Разве не знаете, что армия моя?» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 351).

— Лев Сергеевич Пушкин, которого его старший брат-поэт не видал с лета 1824 г., когда приехал из Одессы на житье в Михайловское и застал там родителей, сестру и брата, был, с июня 1829 года, в походе против турок, в рядах Нижегородского драгунского полка, коим командовал Н. Н. Раевский, и участвовал во взятии Арзрума и крепости Байбурт, при чем за отличие произведен был в поручики. Конец 1829 г. и 1830-й год провел он в Москве и в Петербурге. О приезде Пушкина в лагерь, о встрече с братом и о дальнейшем пребывании его в войсках за Кавказом см. в Воспоминаниях М. В. Юзефовича («Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 434 и след.), М. И. Пущина (Л. Майков, «Пушкин», стр. 387 — 389 и «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 546 и сл.), декабриста А. С. Гангеблова (М. 1888, стр. 188), Э. В. Бриммера («Кавказский Сборник», т. XVI, 1895, стр. 83) и Н. Б. Потокского («Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 583), а также в книге В. В. Вересаева, «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 140 — 150.

---

[1] См., напр., «Сев. Пчела» 1829 г., № 88, 101, 110; перепечатка — в «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX, стр. 160 — 161.

№ 299. — Переход через Саган-лу и лагерь на его высотах Пушкин описал в Третьей главе «Путешествия в Арзрум».

— Об участии Пушкина в сражении с турками на высотах Саган-лу 14 июня 1829 г., кроме часто цитируемого историка войны. Н. И. Ушакова («История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах», т. II, С.-Пб. 1836, стр. 305—306), рассказывают еще Ф. Фонтон (Felix Fonton, «La Russie dans l'Asie-Mineure, ou campagnes du maréchal Paskévitch en 1828 et 1829», Paris, 1840, p. 558—559) и декабрист А. С. Гангеблов (Воспоминания, М. 1888, стр. 188); ср. заметку Н. О. Лернера: Пушкин в сражении — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX—XXX, стр. 6—7; ср. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», С.-Пб. 1908, стр. 109, № 402.

299. *С. Д. Киселеву* (стр. 68). Впервые напечатано в «Русских Ведомостях» 1899 г., № 151, стр. 3, ст. 6; подлинник на бумаге с вод. зн.: Гг. Х. 1827 Г. был у Ады Ив. Киселевой в Москве, ныне в Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

— О С. Д. Киселеве см. выше, в объяснениях к письмам № 225 и 284, а также в очерке Л. Н. Майкова: «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых (1826—1830)» в его книге «Пушкин» (С.-Пб. 1899, стр. 355—377). С этим семейством Пушкин, как известно, был очень дружен и ухаживал за обеими барышнями — старшей — Екатериной и младшей — Елизаветой Николаевнами, которым посвятил четыре стихотворения (1827, 1829 и 1830 гг.). Елизавета Николаевна (род. 9 сентября 1810, ум. 21 сентября 1872) в 1830 году вышла замуж за С. Д. Киселева; узнав, в марте 1830 г., о сватовстве своего приятеля, Пушкин писал князю П. А. Вяземскому (воспевшему в 1828 г. Елизавету Николаевну): «Киселев женится на Лизавете Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости» (см. ниже, в письме № 315 и стр. 388). В. А. Муханов тоже писал брату Неиколаю 27 марта 1830 г.: «Ушакова меньшая идет за Киселева... О старшей не слышно ничего, хотя Пушкин бывает у них всякий день почти» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 356). С. Д. Киселев умер в Москве 12 июля 1851 г., будучи Председателем Московской Казенной Палаты; сын его Павел (ум. 1906) в 1873 г. получил титул своего дяди, графа Павла Дмитриевича Киселева и был гофмейстером. Приписку С. Д. Киселева на письме Пушкина к Н. С. Алексееву см. ниже, № 390.

— Пушкин вернулся в Петербург в первых числах ноября 1829 г.,— до 10-го числа, когда он писал к Бенкендорфу (см. выше, № 298). 16 ноября в «Северной Пчеле» (№ 138), в отделе «Литературных Известий», появилось такое сообщение: «Александр Сергеевич Пушкин возвратился в здешнюю столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств Русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для Русского. Многие почитатели его Музы надеются, что он обогатит нашу Словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых могучая рука Эриванского героя водрузила Русские знамена» (ср. выше, стр. 343—344).

— Демут — известная и старинная (со времен Екатерины II) гостиница в Петербурге, на Большой Конюшенной, около Невского проспекта; в ней всегда жил Пушкин до своей женитьбы.

— По поводу слов Пушкина: «В Петербурге тоска, тоска.....» см. ряд любопытных сопоставлений с другими местами писем и стихотворений Пушкина в книге В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924 г., стр. 81.

— Вяземский был хорошо знаком с Ушаковыми и, как выше сказано, посвятил стихотворение старшей сестре: «Биография Елизаветы Николаевны Ушаковой», написанное в Москве 19 февраля 1828 г. (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 367—369).

— Прозвище «Карс», для нас непонятное, было ясно Киселеву: в альбоме Е. Н. Ушаковой, заполненном рисунками Пушкина, были, между прочим, изображения барышни под которыми было написано несколько

раз слово «Карс». Та же особа представлена была еще на одной картинке, о чем можно заключить по надписи на ней, сделанной женским почерком: «О горе мне! Карс, Карс! Прощай, бел свет! Умру!» Здесь изображена обращенная спиной женская фигура в пестром платье, с шляпкой на голове, и с веером в руке, на котором написано: «Stabat Mater dolorosa». Дополнением к этим трем рисункам является еще четвертый, изображающий очень отчетливо нарисованное — быть может Пушкиным — лицо пожилой женщины сурового вида, в чепце, с подписью (неизвестного почерка): «Маменька Карса». «Предание, сохраненное Н. С. Киселевым, дает ключ к объяснению этих рисунков: Пушкин называл Карсом Наталью Николаевну Гончарову, которая уже нравилась ему в то время, но казалась столь же неприступною, как знаменитая Турецкая крепость... «Маменька Карса», как известно, долго держала влюбленного поэта на искусе и, по свидетельству Н. С. Киселева, Пушкин намекал на это испытание, когда в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой рисовал себя облеченным в монашескую рясу и клобук. Почти двухлетний искус Пушкина был для него временем тяжелых волнений и тревог, когда он буквально не находил себе места: его видели то в Москве, то на берегах Невы, то за Кавказом, то в Тверской или Нижегородской губернии» (Л. Майков, «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 375). Этим душевным состоянием и вызвано восклицание Пушкина в письме к С. Д. Киселеву: «В Петербурге тоска, тоска»... № 300.

300. *И. А Яковлеву* (стр. 69). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1882 г., кн. III, стр. 309, по подлиннику, принадлежавшему тогда Оскару Ильичу Квисту (ум. 1890), а ныне неизвестно где находящемуся. Датируется предположительно; Н. О. Лернер («Труды и дни», изд. 2-е, стр. 200) относит его к ноябрю — декабрю 1829 г., Академическое издание (т. II, стр. 101) — ко второй половине ноября; Ефремов (изд. Суворина, т. VII, стр. 323) — к декабрю, на том основании (!), что 8 декабря 1829 г. Яковлев был уже в Париже.

— Иван Алексеевич Яковлев (род. 15 сентября 1804, ум. 12 апреля 1882), — правнук известного богача, таможенного откупщика, железного и медного заводчика и полотняного фабриканта Саввы Яковлевича Яковлева (Собакина), старший сын отставного гвардии корнета Алексея Ивановича Яковлева (род. 29 октября 1768, ум. 15 апреля 1849). Наследник многомиллионного состояния (по формулярному списку за ним состояло: 13.820 десятин земли, горные и железоделательные заводы в Перми и 3 каменных дома в Петербурге), Яковлев жил на широкую ногу и вел большую игру. В 1825 г. у него собирались игроки в его доме на Васильевском Острове, в Загибенином переулке («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 434): в последние же годы жизни он проживал в доме своем на Михайловской, в Петербурге. Кн. Д. Д. Оболенский рассказывает: «Обеды Яковлев давал лукулловские. Был он оригинал большой руки и про него ходили различные курьезные рассказы, — как о его несметном богатстве, так и о причудах его. В молодости он вел очень крупную игру и был постоянным посетителем когда-то знаменитого Политковского, похитившего миллион из инвалидного капитала в начале 50-х годов. Пышные пиры и праздники, даваемые Политковским в Петербурге и Петергофе, приписывали деньгам Яковлева, которые тот будто спускал Политковскому; но оказалось, что это был продукт крупного хищения Политковского, который заведывал инвалидным капиталом». Оболенский рассказывает, что Яковлеву намекнули, что было бы хорошо, если бы он возместил растрату своего приятеля. «Думал, думал Яковлев, да и пожертвовал миллион», — за что и получил (1853 г.) орден Владимира 3-й степени и звание камергера, а в 1854 г. — чин статского советника (он числился состоящим по особым поручениям при Попечительном Совете заведений общественного призрения в Петербурге). Вскоре потом Яковлев «переселился в Париж, где удивлял парижан своими странностями, и почти 20 лет жил безвыездно в Париже, а вернулся в Россию к концу царствования Александра II» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. I, стр. 367 — 368; ср. «Русск. Стар.» 1875 г., т. XV, стр. 216, — опровержение Яковлева о по-

№ 301. жертвовании им миллиона, — и 1890 г., т. LXVI, стр. 701). — Весною 1829 г. Яковлев был в Москве («Русск. Арх. 1901 г., кн. III, стр. 317), — и тогда-то Пушкин, вероятно, и заключил у него заем 6000 р., а вернее — проиграл их ему в карты. 8 (20) декабря 1829 г. Яковлев был уже в Париже, откуда писал Н. А. Муханову: «Благодарю за несколько слов о Пушкине. Если он не уехал в деревню на зиму, то кланяйтесь поэту-герою. Он чуть ли не должен получить отсюда небольшого приглашения анонимного. Дойдет ли до него? А не худо было бы ему потрудиться пожаловать, куда зовут. Помнит ли он прошедшее? Кто занял два опустевшие места на некотором большом диване в некотором переулке? Кто *держит* известные его предложения и внимает погребальному звуку, производимому его засученною рукою по ломберному столу?» («Русск. Арх.» 1899, кн. II, стр. 356). Письмо это намекает, повидимому, на новые планы Пушкина о поездке заграницу, — быть может при помощи или при поддержке Яковлева. О последнем Пушкин упоминает в письмах к другому своему кредитору — О. М. Судиенке от 22 января 1830 г. (см. ниже, № 311) и от 15 января 1832 г.; сохранилось еще одно письмо поэта к Яковлеву — от 9 июля 1836 г., касающееся также долговых их отношений: об этом долге, повидимому, сохранилась заметка Пушкина в списке его кредиторов, а в делах Опеки над детьми Пушкина имеется расписка Яковлева от 17 мая 1837 г. в получении 6.000 р. от Опеки (см. Б. Л. Модзалевский, «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 103 и 104 — 105).

— Английское выражение «delicacy of gentleman» означает: «щекотливость, щепетильность, деликатность благородного человека».

— 301. *Н. И. Гнедичу* (стр. 69). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIV, стр. 352 (не полно); подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея, № 2382 [1829 — 1830 гг.], л. 28 об.

— Еще 23 февраля 1825 г. Пушкин писал Гнедичу: «Брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический, Европейский подвиг в нашем Отечестве (чорт возьми это Отечество). Но отдохнув после Илиады, чтò предпримете вы в полном цвете Гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахил в вертепе Кентавра? Я жду от вас Эпической Поэмы... Когда Ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожиданьи толпы, — стыжусь вам говорить о моей мелочной лавке № 1-ый. Много у меня начато, ничего неокончено» (см. выше, в т. I, письмо № 124 и объяснения. стр. 405 — 406). Как видим, Пушкин намерен был воспользоваться уже раз употребленными им, почти за пять лет перед тем, выражениями о нагруженном сокровищами корабле и о мелочной лавке № 1 (ср. у В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина», Лгр. 1924, стр. 98 — 101), но письмо, повидимому, осталось назаконченным, а вместо него он через некоторое время написал другое (см. ниже, письмо № 307).

— Многолетний труд Гнедича появился в свет в середине декабря 1829 г. под следующим заглавием: «Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем, Членом Императорской Российской Академии, Членом - Корреспондентом Императорской Академии Наук, Почетным членом Императорского Виленского Университета, Членом Обществ Любителей Словесности, С. Петербургского, Московского, Казанского и проч.», в 2 частях, отпечатанных в Типографии императорской Российской Академии, с приложением гравированной карты Поля Троянского. Пушкин получил экземпляр от самого Гнедича со следующею надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения от Переводчика. 1829, Дек. 23. С.-П. бург». (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 28 — 29, № 95). Последнею датою определяется и приблизительное время чернового Пушкинского письма.

— «Вы требуете сочинений моих». — вероятно экземпляра вышедших в конце мая и в конце июня 1829 г. I и II частей «Стихотворений Александра Пушкина», отпечатанных и поступивших в продажу во время поездки Пушкина на Кавказ. Имя Гнедича значится, рядом с именем

Крылова, в списке лиц, которым поэт предполагал разослать, повидимому, именно свои «Стихотворения» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV, стр. 351).

302. *В редакцию «Литературной Газеты»* (стр. 69). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1888 г., т. LVII, стр. 237, при чем указано, что первая фраза написана не Пушкина рукой, и в «Отчете имп. Публичной Библиотеки за 1898 год». С.-Пб. 1902, стр. 146, где обе фразы приписаны самому Пушкину; подлинник в Гос. Публичной Библиотеке, на первом (с жандармскою цифрою 57) — из восьми — листке с отрывками из «Путешествия Онегина», в виде приписки сбоку, на поле.

— Записка обращена, вероятно, к Оресту Михайловичу Сомову (его искусно и остроумно составленное на церковно-славянском языке письмо к Пушкину от 20 ноября 1829 г. см. в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 101—102), который с самого зарождения «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига явился его помощником и правою рукою в повседневной редакционной работе, так как к последней Дельвиг, по свойствам своей натуры, был мало способен. Пушкин также весьма энергично поддерживал журнальное предприятие своего ленивого друга и даровитого единомышленника. Так, еще 12 декабря 1829 г. О. М. Сомов, приглашая к сотрудничеству в «Газете» М. А. Максимовича, писал ему: «Пушкин, Баратынский и многие другие sommités littéraires будут сотрудниками; надеемся, что и кн. Вяземский не откажется. Жуковский обещается снабжать выписками из английских журналов и подчас собственными произведениями... Лангер будет у нас писать о художествах. Титов и Одоевский тоже нашего полку. Если вы дружны с Киреевским, то нельзя ли и его уговорить доставлять нам коечто из своих трудов?» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 260). Месяц спустя, 15 января 1830 г., вышеупомянутый И. В. Киреевский, гостивший у Жуковского в Петербурге перед отъездом своим заграницу, писал родным: «Пушкин был у нас вчера и сделал мне три короба комплиментов об моей статье. Жуковский читал ему детский журнал («Полночную Дичь»), и Пушкин смеялся на каждом слове, и всё ему понравилось. Он удивлялся, ахал и прыгал; просил Жуковского «Зиму» напечатать в «Литературной Газете», но Жуковский не дал. На «Литературную Газету» подпишитесь непременно, милый друг папенька: это будет газета достоинства европейского; большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средства в критике, в простом извещении о книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах. В его извещении об Исповеди Амстердамского Палача вы найдете, говорит Жуковский, и ум, и приличие, и поэзию вместе» (см. «Уткинский Сборник», т. I, М. 1904, стр. 51, из Сочинений И. В. Киреевского, т. I, М. 1861, стр. 26; «Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 586). Заметку к вопросу об участии Пушкина в «Литературной Газете» см. в книге Б. В. Томашевского: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Лгр. 1925, стр. 118—126.

— Посланный Пушкиным «Отрывок из VIII главы Евгения Онегина», начиная со стиха: «Прекрасны вы, брега Тавриды» и кончая стихом: «Зарему я воображал», — был напечатан в №1-м «Литературной Газеты» (процензурованном К. С. Сербиновичем 30 декабря 1829 г. и вышедшем в свет в среду, 1 января 1830 г.), — на стр. 2—3. Судя по тому, что автограф Пушкина оказался после его смерти в бумагах самого поэта и попал под жандармскую нумерацию, Сомов исполнил желание Пушкина и вернул ему его рукопись.

303. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 69). Впервые напечатано в т. IV Собрания Сочинений князя П. А. Вяземского (С.-Пб. 1880), Приложения, стр. II, в примечаниях к стихотворению Вяземского «К ним» (там же, стр. 74—75). Относится к концу 1829 г., так как стихотворение, посланное из Москвы в Петербург на критику Пушкина, было затем переслано еще и Боратынскому, который, возвращая стихи Вяземскому, писал: «Посылаю вам вашу пьесу «*К ним*», перемеченную Пушкиным. Признаюсь, что и я согласен с его замечаниями», а в другом письме говорил, что «с не-

№ 304—305. терпением ждет мнения Вяземского о замечаниях Пушкина на стихи его «*К ним*» («Старина и Новизна», кн. V, стр. 49); пьеса появилась в «Литературной Газете» в то время, когда редактор ее, Дельвиг, был в Москве (см. ниже, письмо № 312), а именно в № 5, от 21 января 1830 г., разрешенном цензурою 20 января.

Объяснения к этой записке см. ниже, стр. 377—378, в комментариях к письму № 312. Ср. еще в рецензии Н. О. Лернера на сборник М. А. Цявловского: «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925, — в «Вечерней Красной Газете» от 8 января 1926 г., № 7.

— 304. *Неизвестной* (стр. 70). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 103: подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук, в собрании К. Р.; писано на четвертушке почтовой бумаги; на предъидущей странице, на коей жандармская цифра *40*, в обратном направлении, сверху вниз, находится черновой набросок строф «Кружусь ли, я в толпе мятежной», переходящих на вторую страницу (где записка), а с другого конца — «Хотя бесчувственному телу равно повсюду истлевать...», с датой: 26 дек. 1829. С. П. Б. 3 часа 5 м.» и сбоку, карандашом, строфа: «Брожу ли я вдоль улиц шумных»...

Перевод: «Напишите Ольге без всякого злопамятства. Она вас очень любит, и ее утешит ваше воспоминание».

Записка, может быть, обращена к А. П. Керн, с которою сестра поэта, Ольга Сергеевна Павлищева, была в дружеских отношениях, а, может быть, к баронессе С. М. Дельвиг. Лето и осень 1829 г. Павлищева провела в Ораниенбауме, будучи довольно серьезно больна (см. Л. Н. Павлищев, «Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине», М. 1890, стр. 137 и сл.).

305. *Графине Е. Ф. Тизенгаузен* (стр. 70). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 4. Подлинник в Пушкинском Доме; он писан на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без водяных знаков; сложено конвертом и запечатано сетчатою печатью. Письмо разорвано пополам, так что стихотворение отделено от остального текста, а затем склеено.

Перевод французского текста: «Само собою разумеется, графиня, что Вы будете настоящим Циклопом. Примите эту плоскость, как доказательство моей полной покорности Вашим приказаниям. Если бы у меня было сто голов и сто сердец, они все были бы к Вашим услугам. — Примите уверение в совершенном моем почтении. — Пушкин. 1 января».

На обороте: «Графине Тизенгаузен».

— Графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен (род. 1803, ум. 26 апреля 1888 г.) — старшая дочь Елизаветы Михайловны Хитрово (см. выше, № 247 и др.) от ее первого брака с флигель-адъютантом графом Фердинандом (Федором Ивановичем) Тизенгаузеном, смертельно раненым под Аустерлицем. Пожалованная во фрейлины, как внучка генерал-фельдмаршала Голенищева - Кутузова - Смоленского, десятилетнею девочкою (27 февраля 1813 г.), она начала действительную придворную службу, конечно, гораздо позже, уже при императрице Александре Федоровне, и к концу царствования Николая I пользовалась, по словам Баварского посланника графа Оттона де-Брэ, ее особым расположением и доверием и, как всегдашняя спутница императрицы и ее доверенное лицо, занимала при дворе исключительное положение («Русск. Стар.» 1902 г., № 1, стр. 136—137). Однако, до этого, по словам Н. В. Измайлова, «и в юности — за границей, и позднее — в России, гр. Тизенгаузен в своей семье стояла всегда на втором плане, заслоняемая, видимо, общественным значением матери и блистательною красотою младшей сестры, графини Фикельмон. К тому же, в 1830-х годах она, в качестве фрейлины императрицы Александры Федоровны, жила большею частью во дворце и следовала за императрицей в ее путешествиях. Этим определяется круг, в котором она вращалась, — замкнутый, интимно-придворный, несравненно более узкий, чем круг ее матери и сестры. Ее имя мелькает постоянно в мемуарах, касающихся придворного быта в эпоху Николая Павловича, и в переписке

ближайших придворных чинов императора... В пользу ее говорил бы рассказ гр. В. А. Соллогуба («Воспоминания», С.-Пб. 1887, стр. 134) о том, как, по его просьбе, графиня Тизенгаузен, через посредство императрицы, выхлопотала заграничный паспорт для А. И. Герцена, — но он, повидимому, является только легендой. Очень резкий отзыв о ней, как о деятельнице благотворительных обществ 1840 — 1850-х годов и как о человеке вообще, дают «Записки» В. И. Инсарского. Сохранившиеся в ее бумагах письма к ней Александры Федоровны, — ее личного, близкого друга, — показывают, что не всё в жизни гр. Тизенгаузен было спокойно и ясно» (Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 41). Впоследствии гр. Тизенгаузен была пожалована в камер-фрейлины и была кавалерственною дамою ордена св. Екатерины меньшего креста. С Пушкиным у нее не было сколько-нибудь близких отношений, которые, повидимому, не выходили за пределы светского знакомства и встреч в салонах Е. М. Хитрово, гр. Д. Ф. Фикельмонт и других. № 306.

— Начинающее письмо Пушкина стихотворение «Циклоп» написано им по просьбе гр. Е. Ф. Тизенгаузен для произнесения на костюмированном балу, происходившем 4 января 1830 г. в Аничковом дворце и данном как бы «нечаянно» великою княгинею Еленою Павловною императрице Александре Федоровне: все великосветские участники бала были одеты в костюмы богов и богинь Олимпа, при чем каждый обращал к императорской чете, сидевшей отдельно, особое стихотворение, для данного случая написанное. Графиня Е. Ф. Тизенгаузен была в костюме Циклопа. Военный атташе Французского посольства барон Поль де-Бургуэн, участник бала-маскарада и автор некоторых стихотворений, говорит, что маскированные были одеты — одни в пышные и изящнейшие одеяния, другие — переодеты смехотворным образом: «Русские и французские стихи были прочтены или пропеты этими аллегорическими лицами. Особенные одобрения заслужили переодевания молодых дам, выбранных нарочно для того, чтоб представлять привлекательную противоположность с теми божествами, чьи военные доспехи или грозные атрибуты они носили. Так, красавица графиня Строганова явилась в пурпуровой тунике, в золотой кирасе и в пернатом шлеме бога Марса. Точно так же прелестная графиня София Апраксина, замечательная тонкостью и правильностью черт лица, вышла на середину зала, одетая Геркулесом; она имела на себе шкуру Немейского льва и держала огромную палицу, поразившую Лернейскую гидру. Остановясь перед императорскою фамилией, графиня прочитала стихотворение, в котором Геркулес просил поручить ему одному работу, предпринятую тогда по приказанию государя, — именно обделать и принести в Петербург Александрийскую колонну, названную так в честь императора Александра I. Этот памятник должен был быть вытесан в скалистых горах Финляндии из одной глыбы розовато-серого гранита. Монолит, по своим размерам, был совершенно равен нашей колонне на Вандомской площади. Таков был камешек, который, по выражению этого Геркулеса, недовольного, как он говорил, своими двенадцатью подвигами, должен был быть поставлен им одним на Дворцовой площади» (там же, стр. 44 — 45). — Пушкин на балу этом не был (см. там же, стр. 46).

306. *Е. М. Хитрово* (стр. 70). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово (Лгр. 1927, стр. 5); подлинник — в Пушкинском Доме; он писан на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков, сложен конвертом и запечатан облаткой; дата определяется содержанием письма.

Перевод: «Вы должны счесть меня за очень неблагодарного, за большого негодяя, но заклинаю Вас, не судите по видимости. Мне невозможно сегодня предоставить себя в ваше распоряжение, хотя, не говоря уже о счастии быть у вас, одного любопытства было бы достаточно, чтобы привлечь меня к вам. Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! Да ведь это в самом деле находка! А. П.»

На обороте: «Госпоже Хитровой».

№ 506. — Под «стихами христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты», — Пушкин разумеет известный ответ знаменитого митрополита Филарета (Дроздова) на стансы Пушкина: «Дар напрасный, дар случайный», написанные 26 мая 1828 г., но появившиеся в печати лишь в «Северных Цветах на 1830 г.» (стр. 98); альманах вышел в свет в последних числах декабря 1829 г., — и Филарет прочел их, по одному указанию — у Е. М. Хитрово («Остафьевский Архив», т. III, стр. 192 — 193), а по другому — у себя дома, куда Хитрово привезла их. Ответ Филарета лишь в 1840 г., в искаженной редакции, появился в журн. «Маяк» (кн. 10, в статье С. Бурачка), а в 1848 г. — в журн. «Звездочка» (№ 10, стр. 16) и представлял собою, собственно, пародию на стихи Пушкина, из которых взяты были и построение, и отдельные стихи и рифмы:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана.
Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждется тобою
Сердце чисто, светел ум.

Прослушать эти стихи Филарета и звала Пушкина Е. М. Хитрово. «Если», говорит Н. В. Измайлов: «чтение их не состоялось в тот вечер, о котором говорится в письме, то, во всяком случае, Пушкин узнал их вскоре и сейчас же написал ответ, помеченный «19 января 1830. С.-Петербург», который он, под заглавием «Станцы» («В часы забав иль праздной скуки, Бывало, лире я моей»...), поспешил напечатать в «Литературной Газете» (1830, т. I, № 12, от 25 февраля, стр. 94). Такая, несвойственная Пушкину поспешность может быть объяснена только тем, что поэт был живо задет «христианскими стихами», сурово осудившими его «скептические куплеты». Сопоставление дат — выхода «Северных Цветов» и написания «Станцов» Пушкина — дает основание довольно точно датировать его записку к Е. М. Хитрово... Митрополит Филарет, возражая Пушкину, воспользовался целиком его же стихами, взяв их построение, их рифмы, некоторые стихи повторяя целиком, а другие лишь слегка переделав. Несправедливость осуждения по существу и примитивно-пародическая форма стихов митрополита должны были раздражить Пушкина, очень чувствительного к личным, выходящим за пределы литературной критики нападениям. По крайней мере князь П. А. Вяземский, в письме к А. И. Тургеневу от 25 апреля 1830 г., в таких словах определял отношение Пушкина к стихам митрополита и характер последних, вместе с тем, не без иронии, очерчивая отношение к обоим этим лицам со стороны Е. М. Хитрово: «Ты удивишься стихам Пушкина к Филарету [т. е «Станцам» — «В часы забав»...]: он был задран стихами его преосвященства, который пародировал или, лучше сказать, палинодировал стихи П[ушкина] о жизни, которые нашел он у общей их приятельницы Елизы Хитровой, пылающей к одному христианскою, а к другому — языческою любовью» («Остафьевский Архив», т. III, стр. 192 — 193). Ответ Пушкина был, конечно, непонятен для непосвященных в обстоятельства дела, но и для знавших о выступлении митрополита он не мог не казаться странным: так мало стансы Пушкина соответствовали и тому лицу, к кому они были обращены, и настроению поэта, если рассматривать последнее в плане биографических его отношений с митрополитом (ср. интересные замечания об этом у В. Вересаева в статье: «Об автобиографичности Пушкина» — «Печать и Революция» 1925, книга V — VI, стр. 42 — 43)» («Письма Пуш-

кина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927, стр. 48; ср. там же, стр. 189 — 190, о дальнейших попытках Хитрово сблизить Пушкина с митр. Филаретом. № 307.

307. *Н. И. Гнедичу* (стр. 71). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1880 г., т. XXVIII, стр. 552; воспроизведение автографа — в издании Ефремова 1882 г., т. VII, в журн. «Всемирная Иллюстрация» 1887 г., т. XXXVII, № 941, стр. 92, в журн. «Новый Мир» 1899 г., № 10, стр. 205, и в др. изданиях; подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Во 2 № «Литературной Газеты», от понедельника, 6 января 1830 г., на стр. 14 — 15, в отделе «Библиографии», Пушкин напечатал, без подписи, заметку «О выходе Илиады в переводе Гнедича» (нач.: «Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожиданный перевод Илиады»...). Гнедич, прочтя эту заметку и догадываясь, кто ее автор, обратился к Пушкину со следующей запиской, не датированной, но написанной, вероятно, в самый же день выхода «Газеты»: «Любезный Пушкин! Сердце мое полно; а я один; прими его излияние. Не знаю, кем написаны во 2-м номере Лит. Газеты несколько строк об Илиаде; но едва ли целое похвальное слово, в величину с Плиниево Траяну, так бы тронуло меня, как эти несколько строк! — Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, что было бы сказано так благородно и было бы мне так утешительно и сладко! Это лучше царских перстней. Обнимаю тебя. — Не ешь ли ты сегодня у Андрие пирога с бобом? Твой Н. Гнедичь».

— Andrieux — известный тогда и много позже Петербургский ресторан и гостиница, — между Гороховой и Морской улицами, в доме Клосcена («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 30 — 31; ср. «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 122, 158), в котором, по словам А. Н. Вульфа (1829), «обедали все люди лучшего тону» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 52. Ср. выше, в письме № 235 и стр. 232). В то время, — в конце 1820-х — начале 1830-х годов, по словам А. О. Пржецлавского, «ресторационная часть в Петербурге была еще в детстве. В лучших Русских трактирах почти нельзя было обедать. Кроме дурного приготовления, постоянно дурного масла, там строго еще держались разделения кулинарных продуктов на допетровские категории. И так даже у пресловутого Палкина вы читали, например, следующую карту обеда: *горячее* — ботвинья и окрошка; *холодное* — бифштекс и бёв ламод; *соус* — раки; *жаркое* — всегда нечто вареное; *пирожное* — компот. Единственное спасение холостякам, не имеющим своей кухни, были французский table d'hôte у Андрие на углу Малой Морской и Гороховой, и так называемые pensions bourgeoises (хозяйские столы) у нескольких француженок и немок на главных улицах. Стол у Андрие был хорош, но довольно дорог, и при том общество было слишком смешанное, — и в нем неизбежный один или два фискала» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1897).

— Напомним, что, по выходе «Илиады», Пушкин одновременно написал два двустишия в гекзаметрах на это событие:

Слышу божественный звук умолкнувшей эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой —

и

Крив был Гнедич поэт, прелагатель слепого Гомера, —
Боком одним с образцом схож и его перевод...

— О выходке «Галатеи» по поводу заметки Пушкина об «Илиаде», об его ответе и вызванных им цензурных сомнениях см. в статье Н. К. Замкова — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 49 — 53. См. выше, в объяснениях к письму № 288, стр. 330.

— Через несколько дней Пушкин должен был встретиться с Гнедичем на вечеринке, устроенной Жуковским для гостившего тогда у него, перед отъездом заграницу, И. В. Киреевского: «Сегодня», пишет последний родителям 16 января 1830 г.: «Жуковский делает для меня вечер, зовет Крылова, Пушкина, Гнедича, Перовского (Погорельского), Плетнева, Титова, Кошелева и Одоевского» («Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 587 и 588), но

 Гнедич не пришел (там же, стр. 588); однако, уже 20 января Киреевский писал: «Видел Гнедича, — и его перевод сделался мне еще противнее после знакомства с переводчиком» (там же, стр. 589).

308. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 71). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1864 г., ст. 192—193 или 967—968 (изд. 2-е); подлинник (на бумаге без. вод. зн.) — в Историческом Музее в Москве, куда поступил с Чертковскою библиотекою, которая приобрела его у Н. П. Грекова; черновое напечатано в «Русской Старине» 1894 г., т. XLIV, стр. 352 (одна фраза), и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 107; подлинник — в рукоп. б. Румянцовского Музея, № 2382, л. 28.

Перевод: «Генерал! Явившись к Вашему Превосходительству и не имев счастья застать вас, беру на себя смелость, обратиться к вам с просьбою, которую Вы разрешили вам изложить. Пока я еще и не женат, и не зачислен на службу, я бы желал совершить путешествие — либо во Францию, либо в Италию. В случае же, если бы это не было мне разрешено, я бы просил милостивого дозволения посетить Китай вместе с посольством, которое туда вскоре отправляется. Осмелюсь ли еще вас обеспокоить? В мое отсутствие г. Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения. Так как я не имею состояния, то мне было бы стеснительно лишаться суммы тысяч в 15 рублей, которые может мне принести моя трагедия, и мне было бы грустно отказаться от обнародования сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее доволен. Поручая себя вполне вашему благорасположению, остаюсь, генерал, Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. 7 января 1830 г.».

Перевод чернового: «Явившись к Вашему Превосходительству и не имев счастия застать вас, беру на себя смелость [вас] обратить к вам просьбу, которую вы [в крайнем] мне любезно разрешили изложить вам. Пока я еще и не женат, и не зачислен на службу, а состояние моих дел мне позволяет его предпринять [путешествие], я бы хотел совершить путешествие, — либо во Францию, либо в Италию. [Если, однако, его величество не даст мне разрешения], а еслибы мне не было разрешено [посетить] поехать [поехать] в Европу, прошу милостиво разрешить мне посетить Китай вместе с посольством, которое [подготовляется туда] туда вскоре отправляется. — Осмелюсь ли, генерал, еще вас обеспокоить? В мое отсутствие, Г-н Ж. хотел напечатать мою трагедию о Г<одунове>, он на то не [получил] получил формального разрешения. Так как я не имею состояния, то мне было бы очень стеснительно [неприятно] лишиться суммы в [12] 15 тысяч рублей, которые [должны] может мне принести мое [сочинение] трагедия, и мне было бы тяжело отказаться от обнародования сочинения, которое я наиболее обдумывал и единственное, которым я доволен. Однако, если такова будет воля Гос., — я с [вел.] радостью [я готов принести ее как безмерную жертву]. Единственное доказательство. С радостью, которую я мог бы дать [в доказательство] моей [приверженности, преданности]. [Эта трагедия написана в духе самой чистой нравственности и монархизма], а что касается политических идей, — они вполне монархические».

— Бенкендорф на это письмо отвечал Пушкину лишь 17 января (по-французски же), что «его величество император не удостоил согласиться на его просьбу о разрешении отправиться за границу, полагая, что это очень расстроит его денежные дела и в то же время отвлечет от его занятий»; что же касается желания Пушкина сопровождать посольство наше в Китай, то оно также не может быть исполнено, так как все чиновники в него уже назначены и не могут быть переменены без уведомления о том Пекинского двора; о напечатании же «Бориса Годунова» Бенкендорф обещал в ближайшие дни дать окончательный ответ (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 110), который и последовал 21 января в виде просьбы «переменить еще некоторые слишком тривиальные места» в трагедии, для представления ее государю.

— В связь с просьбой разрешить поездку во Францию, Италию или Китай следует поставить известный «Элегический отрывок», набросанный

Пушкиным 23 декабря 1829 года и содержащий в себе намеки на мучившую поэта любовь к Гончаровой: *№ 308.*

Поедем, я готов: куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи. —
Повсюду я готов. Поедем... Но, друзья,
Скажите, в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?
. . . .

«Интерес Пушкина к Китаю был не случайный», говорит Н. О. Лернер. «В его библиотеке сохранились книги о Китае, подаренные ему известным Иоакинфом Бичуриным, знатоком и поклонником китайской культуры (см. «Пушк. и его соврем.», вып. IX — X, №№ 267, 347; см. также №№ 139, 531, 591, 596, 756, 1426, 1491, стр. 362).[1] В музее Калужской Архивной Комиссии И. Л. Щеглов («Три дня в городе Калуге» — «Новое Время» 1900 г., № 8830; также «Подвижник слова», С.-Пб. 1909, стр. 36) видел список книг, которыми пользовался Пушкин во время своего пребывания у Гончаровых в Полотняном Заводе; в нем значатся две книги о Китае. «Богдыханы» названы им в числе своих «знакомцев давних, плодов мечты» в перечне поэтических видений, содержащемся в стих. «Осень». После этого можно поверить рассказу А. О. Смирновой («Записки», ч. I, стр. 45) о следующем разговоре с Пушкиным: «Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и великую стену? Что за идея смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел «Китайского сироту», в котором нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера». См. также заметку З.: «Действительно ли Пушкин интересовался Китаем?» («Новое Время» 1900 г., № 8832). Еще больше манила его, конечно, Европа и особенно Париж...» (Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. XLII). Ср. выше, в письме № 208. — «Для полного счастья Пушкину недоставало только одного: он никогда не бывал за границей», — писал в некрологе поэта хорошо его знавший Леве-Веймарс (см. «Русск. Стар.» 1900 г., т. CI, янв., стр. 78). «В первой юности препятствием к его путешествию по Европе служил его пылкий образ мыслей, а впоследствии его не выпускали из России семейные обстоятельства. С каким страданием во взгляде упоминал он в разговоре о Лондоне и в особенности о Париже» и т. д. — О проекте Пушкина ехать в Сибирь, на границу Китая, вместе с бароном П. Л. Шиллингом-фон Канштадтом, посланным туда и проведшим в различных пограничных с Китаем областях несколько лет, — см. выше, стр. 291 — 292, в объяснениях к письму № 273; о пребывании Шиллинга в Кяхте в августе 1830 г. см. «Литер. Газету» 1830 г., № 60, стр. 189 — 191.

— В черновом наброске следует отметить некоторые отличия от белового письма в самом конце — в отзывах Пушкина о «Борисе Годунове», как о произведении, которое он наиболее других обдумывал, и единственное, которым он доволен, а также совершенно отброшенные в беловом письме слова о монархических воззрениях, которыми «Борис Годунов» проникнут.

---

[1] В начале 1830 г. о. Иоакинф как раз ехал в Китай и мог соблазнять Пушкина на путешествие с собою (см. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 139). Ср. «Лит. Газ.» 1830 г., № 1, стр. 5 — 6, и № 28, стр. 226. *Б. М.*

№ 309. 309. *М. Н. Загоскину* (стр. 72). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1853 г., № 1, стр. 37, в биографии Загоскина, написанной С. Т. Аксаковым; подлинник — в Гос. Публичной Библиотеке.

— Это — первое из трех писем Пушкина к Михаилу Николаевичу Загоскину (род. 14 июля 1789, ум. 23 июня 1852), известному писателю-драматургу, одному из первых наших исторических романистов, автору «Юрия Милославского», «Рославлева» (ср. Пушкинского «Рославлева, отрывок из неизданных записок дамы»), «Аскольдовой могилы»; многие пиесы его для театра пользовались в свое время большим успехом и известностью. С 30 марта 1823 г. он служил в Конторе Дирекции Московского Театра членом по хозяйственной части. 30 апреля 1830 г. назначен был Управляющим этою Конторою, а в 1831 г. определен Директором Московских Театров и пожалован в камергеры. С 1842 г. и до смерти состоял Директором Московской Оружейной Палаты. «Еще до окончания комедии «Благородный театр», пишет С. Т. Аксаков, «овладела Загоскиным мысль написать русский исторический роман. Ему до смерти надоело, как он сам мне часто говаривал, «таскать кандалы условных, противоестественных законов, которые носит сочинитель, пишущий комедию, да еще шестистопными стихами с проклятыми рифмами»... Роман казался ему «открытым полем, где могло свободно разгуляться воображение писателя...». Обдумав содержание, выбрав эпоху и прочтя добросовестно всё, к ней относящееся, с необыкновенным одушевлением принялся он писать, — и в 1829 году напечатал «Юрия Милославского, или Русские в 1612 году», в 3-х томах. «Появление этого романа составляет эпоху в жизни Загоскина, в литературном и общественном отношении. Восхищение было общее, единодушное: немного находилось людей, которые его не вполне разделяли. Публика обеих столиц и вслед за нею или почти вместе с нею публика провинциальная пришли в совершенный восторг... Все обрадовались «Юрию Милославскому», как общественному, приятному событию, все обратились к Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы — обратились со всеми знаками уважения, с восторженными похвалами; все, кто жили или приезжали в Москву, ехали к Загоскину; кто был в отсутствии, писали к нему. Всякий день получал он новые письма, лестные для авторского самолюбия». Как образчики, Аксаков приводит далее письма Жуковского и Пушкина, упоминает о письмах Дмитриева, князя Шаховского, Гнедича, Оленина и приводит из письма Шаховского интересное описание литературного обеда у гр. Ѳ. П. Толстого [художника - медальера], которое показывает впечатление, произведенное «Юрием Милославским» при первом его появлении в печати: «Я уже совсем оделся, чтобы ехать на свидание с нашими первоклассными писателями, как вдруг принесли мне твой роман; я ему обрадовался и повез с собою мою радость к графу Толстому. Но там меня ею уже встретили. Первое действующее лицо авторского обеда, явившееся на сцену, был Пушкин, — и тотчас же заговорил о тебе. Пушкин восхищался отрывками твоего романа, которые он читал в журнале; входит Крылов из дворца: расспросы о тебе и *улыбательные* одобрения твоему роману; входит Гнедич: в восхищении от прекрасного твоего романа; наконец является Жуковский и, сказав два слова, объявляет, что не спал вчера всю ночь — от чего же? Всё таки от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть кое-что и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трех томов»... («Собрание сочинений С. Т. Аксакова», под ред. А. Г. Горнфельда, т. IV, С.-Пб. 1910; ср. изд. «Просвещения», стр. 104 — 108). В письме своем к Загоскину от 12 января 1830 г., сам Жуковский писал автору «Юрия Милославского: «Вот что со мной случилось: получив вашу книгу, я раскрыл ее с некоторою к ней недоверчивостью, с тем только, чтобы заглянуть в некоторые страницы, получить какое-нибудь понятие о слоге вообще; но с первой страницы перешел я на вторую, вторая заманила меня на третью, — и вышло, наконец, что я все три томика прочитал в один присест, не покидая книги до поздней ночи. Это для меня решительное доказательство достоинства вашего

романа» (там же, стр. 106 и сборн. Н. В. Сушкова «Раут», кн. 3, М. 1854, стр. 301 — 304; благодарственный ответ Загоскина — в «Русск. Стар.» 1903 г., август, стр. 450 — 452; ср. рассказ Ю. Венелина со слов князя А. А. Шаховского — у Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 117; письмо А. Н. Оленина, о том же, от 3 января 1830 г. — в «Русск. Стар.» 1902 г., т. CXI, июль, стр. 82 — 81; письмо А. Н. Муравьева — там же, сент., стр. 619). С другой стороны, Погодин писал С. П. Шевыреву 27 января 1830 г.: «Роман Загоскина имел блистательный успех, и издание разошлось в месяц. Даже наши корифеи восхищаются им; но я не верю. Это ряд сцен, из которых иные очень хороши, и только. Много изобретения, но мало искусства. Ничего полного, отделанного, совершенного» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 130). О восторге Пушкина от «Юрия Милославского» рассказывает и недостоверный свидетель — Л. Н. Павлищев в своих Воспоминаниях: «Из Семейной хроники», М. 1890, стр. 196 — 197; ср. также в письме Пушкина к князю Вяземскому № 312. — «Юрий Милославский» был очень популярен, — не даром Хлестаков хвастался, что он его автор; за первым изданием романа, 1829 г., последовали издания 1830 (2-е и 3-е), 1832, 1838, 1841, 1846 и т. д., переводы на немецкий, французский (о нем Пушкин упоминает в своем отрывке «Рославлев»), польский, датский, английский, финский языки. О романе Загоскина см. еще в книге И. Н. Замотина: «Романтизм двадцатых годов XIX стол. в Русской литературе», т. II, изд. 2-е, С.-Пб. 1913 г., стр. 290 — 313. *№ 309.*

— Статьи Алексея Алексеевича Перовского, писавшего под псевдонимом Погорельского и сотрудничавшего в «Литературной Газете»» 1830 г. (см. о нем выше, в т. I, в объяснениях к письму № 135, стр. 420 — 421), о «Юрии Милославском» не появлялось; вместо него такую статью написал сам Пушкин («Литературная Газета» 1830 г., № 5, от 21 января, отдел Библиографии, стр. 37 — 38), сделав в ней несколько частных замечаний и подтвердив «блистательный, вполне заслуженный успех» романа Загоскина. — О намерении Пушкина поручить отзыв о «Юрии Милославском» Погорельскому писал Загоскину и Ф. Ф. Вигель. Передавая об обеде у Д. В. Дашкова, на котором, кроме В. П. Титова, его и Жуковского, было еще несколько человек, и сообщая отзыв последнего и поручение сказать Загоскину, что роман его «он не прочел, а пожрал», — Вигель рассказывает: «Другой наш поэт, не совсем безызвестный, Пушкин, в восторге от вас. Я исполнил ваше поручение и послал ему назначенный экземпляр, но он уже прежде читал. Третьего дня приносил прилагаемое у сего письмо, но я был болен и не мог его видеть и принять. Говорят, что Алексей Перовский-Погорельский хочет одною журнальною статьею венчать своего соперника, а Пушкин говорит, что если он не отдаст всей справедливости, и похвалы его будут слабы, то он берется за перо — и накатает всё, что чувствовал при чтении вашего творения» (А. О. Круглый, «М. Н. Загоскин. Биографический очерк», С.-Пб. 1889, стр. 70).

— Загоскин благодарил Пушкина за его письмо и писал ему: «...Не нужно, кажется, уверять вас, что я с сердечною благодарностию и величайшим удовольствием прочел обязательное письмо ваше. — Вам грешно — и даже смешно бы было принять за комплимент, если я вам скажу: что, читая ваши похвалы моему роману, я несколько минут был причастен тяжкому греху — гордости... Мне очень приятно, что Г. Погорельский хочет написать рецензию на мой роман; но признаюсь был бы еще довольнее, если бы этот разбор вам не понравился и вы бы сделали то, о чем мне намекнул в своем письме Филипп Филиппович Вигель...». В приписке Загоскин прибавлял: «Сей час прочел рецензию на меня в Северной Пчеле — может быть Булгарин и прав — да не хорошо кричать: «пожалуйте к нам, господа! — милости просим! наш товар лучше!» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 108 — 109). Булгарин впоследствии, 29 октября 1843 г., писал Загоскину, что автором ругательного отзыва о его романе в «Северной Пчеле» был не он, а его сотрудник А. Н. Очкин («Русск. Стар.» 1902 г., т. CXI, сентябрь, стр. 632 — 633). За Загоскина вступился Воейков и в своем «Славянине» нещадно обругал Булгарина и всех его сотрудников.

№ 310. Николай I, которому «Юрий Милославский» очень понравился, приказал Бенкендорфу объявить воюющим сторонам, чтобы они прекратили бой. Несмотря на это, Булгарин напечатал в «Северной Пчеле» (№ 13) отповедь Воейкову. Вследствие этого Булгарин, Греч и Воейков были 30 января 1830 г. посажены на гауптвахту («Русск. Стар.» 1871 г., т. IV, стр. 502—506; ср. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 132, 133, 134).

310. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 73). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1864 г., стр. 968—970 (с переводом); подлинник — в Историческом Музее (в Москве), куда поступил с Чертковскою библиотекою, которая приобрела его у поэта Н. П. Грекова.

— *Перевод:* «Генерал! Я только что получил письмо, которое Ваше Превосходительство соблаговолили мне написать. Сохрани Бог, чтобы я сделал хоть малейшее возражение против воли того, кто осыпал меня столькими благодеяниями. Я подчинился бы ей даже с радостью, лишь бы только я мог быть уверенным, что я не навлек на себя его неудовольствия. Весьма не во-время хочу прибегнуть к благосклонности Вашего Превосходительства, но священный долг меня к тому обязывает. Я связан узами дружбы и признательности с семейством, которое ныне находится в большом несчастии: вдова генерала Раевского пишет ко мне и просит предпринять шаги в ее пользу перед теми, кто мог бы довести ее голос до престола его величества. Уже то, что она с этим обратилась ко мне, свидетельствует, до какой степени у нее мало друзей, надежд и способов. Половина семьи в ссылке, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов громадного долга. Г-жа Раевская ходатайствует, чтобы полное жалованье ее мужа было обращено ей в пенсию с переходом, в случае ее смерти, — к ее дочерям. Этого будет достаточно, чтобы предохранить ее от нищеты. Обращаясь к вам, генерал, надеюсь заинтересовать скорее воина, чем министра и скорее человека с добрым чувствительным сердцем, чем государственного мужа, судьбою вдовы героя 1812 года, великого человека, жизнь которого была столь блестяща, а смерть столь печальна. Благоволите принять, генерал, выражение моего высокого почтения. Остаюсь с уважением Вашим нижайшим и покорнейшим слугою Александр Пушкин. 1830, 18 января, С.-Пб.».

— Пушкин в начале этого письма отвечает на письмо Бенкендорфа от 17 января 1830 г. (см. выше, стр. 362, в объяснениях к письму № 308).

— Николай Николаевич Раевский старший, генерал-от-кавалерии и член Государственного Совета (см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 16, стр. 207—208, и в этом томе № 193 и 194), отец Александра Николаевича (см. выше, в объяснениях к письмам № 194 и 279) и Николая Николаевича, с которым Пушкин незадолго до того виделся на Кавказе (см. выше, в письме № 298), — скончался в своем Киевском имении Болтышке 16 сентября 1829 г., всего на 59 году от роду; кончина его ускорена была тяжкими ударами судьбы, свалившимися на голову этого сильного духом, но весьма доброго сердцем человека: буря 14 декабря отняла у него и ввергла в бедствия сводного брата — Василия Львовича Давыдова, двух зятьев — Михаила Федоровича Орлова и князя Сергея Григорьевича Волконского, а главное — его любимую дочь, жену последнего, — княгиню Марию Николаевну, в конце декабря 1826 года уехавшую за мужем-каторжанином в Нерчинские рудники (см. статью Б. Л. Модзалевского: «Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике» — в сб. «Бунт декабристов», под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева, Лгр. 1926, стр. 332—360). Смерть внука, Николеньки Волконского, в начале 1828 г. (Пушкин написал ему известную эпитафию), а затем — высылка, в июне 1828 г., старшего сына, Александра, из Одессы в Полтаву, с запрещением въезда в столицы (см. выше, стр. 308—309), также очень его расстроили. О смерти его см. в «Архиве Раевских», т. I, С.-Пб. 1908, стр. 485—487; о пенсии — там же, т. II, стр. 5—6. П. В. Нащокин вспоминал однажды, — быть может, преувеличивая роль своего друга в деле назначения пенсии С. А. Раевской: «Пушкин... пользовался царскою милостью на пользу другим. Так, когда умер Н. Н. Раевский, Пушкин выпросил его вдове

(внуке знаменитого Ломоносова) пенсион: государь ей назначил 12000 пенсиону» («Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым», ред. М. А. Цявловского. М. 1925, стр. 32). № 311.

— Князь П. А. Вяземский побуждал поэта Д. В. Давыдова заняться описанием жизни Раевского, но тот отказывался от этой задачи, «зная скудность своего дарования», так как считал, что «жизнь Раевского есть Аполлон Бельведерский. Мадонна Рафаилова, оратория Гейдена». «Напрасно ты думаешь», говорил Давыдов: «что надо быть военным человеком, чтобы описать жизнь Раевского удачно. Нет, не существовало у нас полководца, которого бы жизнь более подлежала перу философа. Надо иметь только душу с отзывом высокой, чувствительной и пламенной души покойника. Он был отличный воин, герой на полях битвы, это правда; но на него глядеть надо не с одной этой точки зрения. Этот героизм военный был ничто иное, как один из лучей великой души его; вот горнило, которое вмещало в себе все гражданские, военные и семейственные добродетели! Я не знаю, кому-то я уже писал, что Раевский был обломок древних веков и никак не принадлежал нашему» и т. д. («Стар. и Новизна», кн. XXII, стр. 39—40). — Когда, в конце этого же 1829 года, вышла «Некрология Н. Н. Раевского» (написанная М. Ф. Орловым), Пушкин в «Литературной Газете» (1830 г., 1 января, № 1, стр. 8) поместил, без подписи, коротенькую о ней заметку, в которой высказывал желание, чтобы автор описал «пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека»,— каковым он считал Раевского. Вдова последнего, прибегнувшая к посредничеству Пушкина для исходатайствования пенсии себе и двум младшим дочерям своим — фрейлинам Елене (род. 1803, ум. 1852) и Софье (род. 1806, ум. 1881) Николаевнам,— Софья Алексеевна (род. 1769, ум. 1844), рожд. Константинова, была внучкою великого Ломоносова, — дочерью единственной дочери последнего — Елены Михайловны (род. 1749, ум. 1772), бывшей замужем за библиотекарем Екатерины II Алексеем Алексеевичем Константиновым (род. 1728, ум. 1808), греком по происхождению.

311. *М. О. Судиенке* (стр. 73). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1898 г., кн. I, стр. 165 (с переводом) по подлиннику, принадлежавшему тогда внучке Судиенки — Марье Александровне Егоровой, рожд. Судиенко, по второму браку Скаржинской.

Перевод: «Мой дорогой Суденко, если тебе до сих пор не уплочены деньги, то виноват в этом мой поверенный, который потерял адрес твоего поверенного; что же касается меня, то я совершенно позабыл его имя,— и твои 4000 ждали тебя совершенно готовые, в конверте, более 6 месяцев. Приехав в Петербург, я написал тебе в Чернигов (?), для того, чтобы узнать твой точный адрес, поздравить тебя с женитьбою и предложить взять 50 руб. Ты сообщаешь мне, что потерял аппетит, и что ты больше не завтракаешь так, как бывало некогда. Это жалко, делай физические упражнения, приезжай на почтовых в Петербург,— и всё это вернется...» (далее по-русски).

— Михаил Иосифович Судиенко (род. 1802, ум. 8 сентября 1874) был усыновленный 21 июня 1804 г. «воспитанник» тайного советника и члена Главного Почтового Правления Иосифа Степановича Судиенки (ум. 1811), человека близкого к канцлеру Безбородке и ему обязанного своим благосостоянием. Воспитывался он в семье одного из своих опекунов, — малороссийского генерал-губернатора, а затем Члена Государственного Совета, князя Я. И. Лобанова-Ростовского. Здесь «просвещение, начитанность и изящный вкус с детства усвоились молодому Судиенке», и вырос он «в лучшем обществе тогдашней знати». Определенный затем в Пажеский Корпус, Судиенко из пажей был, в апреле 1824 г., выпущен корнетом в лейб-Кирасирский ее величества полк, в январе 1827 г. произведен в поручики, а 5 сентября того же года назначен адъютантом к шефу жандармов и Командующему императорскою Главною Квартирою А. Х. Бенкендорфу; 15 января 1829 г. он, однако, уже вышел в отставку штабс-ротмистром (Полк. Марков, «История л.-гв. Кирасирского ее величества полка», С.-Пб. 1884, прил., стр. 116). — Быть может Пушкин познакомился с ним в прием-

№ 312. ной III Отделения, когда являлся к Бенкендорфу. «Высокообразованный, богатый, красавец собою, в первые годы Николаевского царствования Судиенко выделялся в кругу молодежи и светских приятелей А. С. Пушкина»,—говорит П. И. Бартенев («Русск. Арх.» 1898 г., кн. I, стр. 168). Женившись в 1829 г. на Надежде Михайловне Миклашевской (дочери сенатора) и выйдя в отставку, Судиенко проживал в своем селе Очкине Новгород-Северского уезда, на р. Десне; здесь, в портретной галлерее, собранной Судиенком, был, среди других, и портрет Пушкина, масляными красками, типа Кипренского (см. журн. «Стол. и Усадьба» 1914 г., № 21, стр. 4; об Очкине см. «Старые Годы» 1910 г., № 7 — 9, и журн. «Столица и Усадьба» 1914 г., № 21, где, на стр. 9-й, воспроизведен портрет Судиенка), затем в Москве, где 27 августа 1833 г. Пушкин посетил его, о чем 2 сентября писал жене своей: «Обедал у Судиенки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть, но у него 125000 доходу, а у нас, мой Ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобедали втроем, а я, без церемонии, предложил здоровье моей имянинницы и выпили мы все, не морщась, по бокалу шампанского». В июле 1838 г. Судиенку «с милою женою» встретил Жуковский в Эмсе (см. «Дневники В. А. Жуковского», с примеч. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 402). В 1835 — 1837 и 1838 — 1841 гг. Судиенко был Новгород-Северским Уездным Предводителем дворянства, Попечителем Новгород-Северской, Черниговской и Белоцерковской гимназий, в пользу которых много жертвовал денег и книг, в 1848—1857 гг. был Председателем Временной Комиссии для разбора древних актов при Киевском, Волынском и Подольском генерал-губернаторе и издал ценный сборник «Материалов для Отечественной Истории» (2 тома, Киев. 1853 — 1855) и другие книги по истории Малороссии; наконец, был членом Черниговского Комитета по улучшении быта помещичьих крестьян; о нем см. у В. Л. Модзалевского в «Малороссийском Родословнике, т. IV, Киев. 1914, стр. 799 — 800, и ниже, письма от 12 февраля 1830 и 15 января 1832 г., а также «Русск. Стар.» 1898 г., № 4, стр. 53 и 1904 г., № 7, стр. 234 и сл.).

— Об Иване Алексеевиче Яковлеве см. выше, письмо № 300, стр. 355.

— Долгорукий — вероятно, князь Василий Андреевич (род. 1804, ум. 1868), штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка, вскоре (в сентябре 1830 г.) пожалованный во флигель-адъютанты, впоследствии генерал-адъютант, Военный Министр (1852 — 1856), Шеф жандармов, Начальник III Отделения, член Государственного Совета, обер-камергер. С конца 1829 г. князь Долгорукий находился в отпуску.

312. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 74). Впервые напечатано в сборнике «Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 17 — 18; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском Архиве; ныне в Центрархиве.

— Пушкин отвечает на письмо князя Вяземского от середины января 1830 г. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 109). Вскоре Вяземский, назначенный (18 апреля 1830 г.) чиновником особых поручений при Министре Финансов графе Е. Ф. Канкрине, переселился в Петербург.

— Дельвиг тогда был в Москве, в которой прожил более месяца, гостя у тестя своего М. А. Салтыкова; он приехал в Москву в начале января—5-го числа, как сообщала его жена Софья Михайловна своей приятельнице А. Н. Карелиной (письмо в Пушкинском Доме, в архиве Боратынских; ср. «Московские Ведомости» 1830 г., № 4, стр. 168),—а уехал оттуда 10—13 февраля (см. ниже). Из Москвы он совершил поездку в Черский уезд, к матери (письмо С. М. Дельвиг); 8 февраля у него обедал издатель «Денницы» М. А. Максимович (см. «Русск. Стар.» 1908 г., № 9, стр. 470).

— «Северные Цветы» (писал Дельвиг к М. А. Максимовичу по приезде в Москву) «приветствуют появившуюся Денницу, а садовник их желает обнять самого Люцифера». По этому извещению Московские приятели поэта и вкладчики «Денницы» узнали о его приезде. Дельвиг проводил бóльшую часть времени в их веселом обществе. Между тем, только

что явившаяся «Литературная Газета» издавалась и в отсутствие Дельвига прежним порядком, при деятельном участии Пушкина и князя Вяземского, многие сочинения которых являлись в газете без подписи» (В. П. Гаевский — «Современник» 1854 г., т. XLVII, кн. 9, отд. III, стр. 41). Дельвиг выехал из Москвы 10—13 февраля 1830 г. (что́ отмечено в «Московских Ведомостях» 1830 г., № 14, стр. 667), всё время торопясь вернуться в Петербург: Еще 13 января 1830 г. его жена писала своей подруге А. Н. Карелиной из Москвы: «К первым числам февраля будем в Петербурге; муж спешит туда, — он кроме Северных Цветов начал с 1-го января издавать Литературную Газету, которая выходит каждые пять дней; без себя он препоручил хлопоты А. Пушкину, но всё-таки лучше скорее самому ехать смотреть за своим делом»... (Неизд. письмо в Пушкинском Доме, в архиве Боратынских). № 312.

— Орест — Сомов (см. выше, стр. 256 и 357, объяснения к № 250 и 302) — помощник Дельвига по изданию «Литературной Газеты» и «Северных Цветов». — Недоверчиво встретив новорожденную «Литературную Газету», Языков писал Погодину: «Дельвиг чрезвычайно ленив, а Сомов сердит да не силен. Едва ли удастся им действовать против имен, как бы то ни было уже укрепившихся на нашем Парнасе» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, С.-Пб. 1890, стр. 11). В свою очередь и Погодин писал С. П. Шевыреву в Рим 27 января 1830 г.: «В Петербурге выходит «Литературная Газета» (титулярный советник без имени, как говорит Греч), — изд. Дельвиг. Следовательно, ты перечтешь сотрудников. В явившихся нумерах несколько порядочных еще только стихов, но прозаических. Статейки слабейшие, младенческие понятия о теориях . . . «Литературная Газета» издается с целию убить Булгарина и Полевого; а этот говорит: постойте, я (Полевой) втопчу их в грязь (Пушкина, Баратынского и пр.); ведь я их поднял, мною они дышали, и начинает ругать их наповал. Газета устоит не больше, как на два месяца: Пушкину наскучит, — и останется редактором мизерабельный Сомов» . . . («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 130). Пушкин относился к Сомову с несомненным расположением; когда умер Дельвиг, и судьба Сомова, жившего только на литературный заработок, становилась неопределенна, он писал Плетневу 31 января 1831 г.: «Бедный Дельвиг! помянем его Северными Цветами, — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову — он был искренно к нему привязан, и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжеле: чувства души слабеют и меняются, — нужды жизненные не дремлют».

— Пушкин благодарил князя Вяземского за прозу для «Литературной Газеты», в которой тот стал деятельным сотрудником. «Дельвиг просил меня написать статью о Московских журналах. Вот она. Кажется, слишком растянута; перетяни ее как хочешь, выкинь частности, одним словом делай, что хочешь», — писал Вяземский Пушкину из Москвы в середине января (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 109) и далее прибавлял, ознакомившись с первыми нумерами «Литературной Газеты»: «Бумага Литературной Газеты очень дурна. За чем не поместить хорошей рецензии иностранной на какую-нибудь новую замечательную книгу? Статья с м е с ь во 2-м листе ужасно слаба. — Возьмите у Жуковского писем Александра Тургенева и напечатайте извлечениями» (там же, стр. 110). 1 февраля Вяземский послал Пушкину продолжение своей статьи о Московских журналах и писал: «Вот и вторая статья. Справься, так ли стих: les gens que vous tuez etc. Разделите статью по журналам, в ней рассмотренным: для каждого листа по особенному журналу, а целиком много. Должно бы сказать в примечании, что этот журнальный смотр один раз на всегда, а не будут следовать за каждою новою книжкою журналов, разве в каком экстренном случае. — Отыщи епиграмму мою на Булгарина, где я жалуюсь на похвалы его; она, говорят, у Барона Розена, и напечатайте ее в Газете» (там же, стр. 115). — Начиная с № 2 «Литературной Газеты», в ней было напечатано большое количество стихотворений и статей Вяземского; из прозы — «Введение в Жизнеописание Фон-Визина» (№ 2 и 3, от 6 и 11 января), «О Московских журналах» (№ 8, от 5 февраля), «Отрывок из Жизнеописания Фон-Ви-

№ 312. зина» и «Несколько слов о полемике», «О Телеграфе и Сыне Отечества» (№ 17, от 22 марта) и т. д.

— О «Юрии Милославском», романе М. Н. Загоскина, см. выше, в письме № 309, и в объяснениях к нему, стр. 364. Сам кн. Вяземский, насколько знаем, не бранил «Юрия Милославского», но в конце вышеупомянутой статьи своей «О Московских журналах», говоря об «Атенее», он привел довольно подробные выписки из статьи этого журнала, в которой «Милославскому» «не совсем посчастливилось», ибо здесь, «по пословице, ему мягко стелят, а жестко спать» (ср. Соч., т. II, стр. 132). «Действительно утешительное явление в нашей литературе в нынешнем году — это «Юрий Милославский или Русские в 1612 году», — писал С. П. Шевыреву один из его Петербургских приятелей в Италию, в апреле 1830 г.: «Я никогда не думал, чтобы Загоскин мог так удачно написать что-либо в сем роде. В этом романе столько Русского, родного, оригинального, что невольно привязываешься к нему, как к другу. С ним сливаются также и некоторые приятные воспоминания. Булгарин с остервенением напал на него, произошла перебранка по сему случаю между ним и В[оейко]вым, и в следствие сего за разные их дерзости и неприличия велено было, по высочайшему повелению, рассадить по гаубвахтам этих двух молодцов и с ними Греча, которые и высидели там несколько часов, в утешение всех честных людей и в поучение Полевых с братиею» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 49). Рассказывая С. Т. Аксакову о литературных новостях, драматург князь А. А. Шаховской писал из Петербурга 8 января 1830 г., что роман Загоскина «превозносится до небес всеми читавшими его, кроме Греча и товарищей. Но на них», прибавляет он: «восстает большая гроза, — два новых журнала издаются с намерением укротить их самохвальство и наглость, и оба издателя были у меня. Первый и опаснейший для триумвирата журнальных шишимор — Алекс. Пушкин: он до приезда сюда Дельвига надзирает за изданием Литературной Газеты; а другой — бедный Олин, который нарахтится пощипать Польско-немецких торгашей совестью и просил моей помощи. Однако я, обещав дать ему несколько стихов, вступил в союз с Пушкиным и прочими, хотя и не думаю, чтобы у них, несмотря на известность имен, достало терпения и настойчивости для совершенного очищения нашей словестности от пакостников... Я обещал Пушкину прислать речь Лизецкого из моей пиесы в Литературную Газету» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. I, ст. 0472, 0474).

— Высказываясь о Булгарине, — незадолго до того, одновременно с ним и Боратынским, избранном в члены Московского Общества Любителей Российской Словесности, в качестве «Корифеев Словесности нашей» (см. статью Н. К. Пиксанова в сборнике «Пушкин», изданном Пушкинской Комиссией названного Общества, М. 1924, стр. 5 и след.), — Пушкин имел в виду его романы «Иван Выжигин», «Дмитрий Самозванец» и др. Говоря об успехе «Ивана Выжигина», кн. Е. Н. Мещерская, рожд. Карамзина, писала И. И. Дмитриеву: «Вообразите, что несмотря на отвратительные беспрерывные описания порока во всех видах, на невероятность гнусного разврата во всех действующих лицах, почти без исключения, на совершенный недостаток малейшего интереса к самому Герою романа и на подлую тривиальность слога, его разкупили здесь в несколько дней и начали печатать второе издание» («Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 30). И. В. Киреевский отозвался еще резче: «Пустота, безвкусие, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток — вот качества сего сочинения, — качества, которые составляют его достоинство, ибо они делают его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая от азбуки и катихизиса приступает к повестям и путешествиям. Что есть люди, которые читают *Выжигина* с удовольствием и следовательно с пользою, это доказывается тем, что Выжигин расходится. Но где же эти люди? спросят меня. — Мы не видим их, точно так же, как и тех, которые наслаждаются *Сонником* и книгою *О клопах*; но они есть, ибо и *Сонник*, и *Выжигин*, и *О клопах* раскупаются во всех лавках» (альманах «Денница на

1830 год», стр. LXXIII — LXXIV; ср. «Литературную Газету» 1830 г., № 45, стр. 72). — С отзывом Пушкина и И. В. Киреевского любопытно сопоставить передаваемый последним отзыв Жуковского о сочинениях Булгарина вообще: «Про Булгарина он [т.-е. Жуковский] говорит», — сообщает Киреевский в письме к родным от 12 января 1830 г.: «что у него есть что-то похожее на слог, и однако нет слога: есть что-то похожее и на талант, хотя нет таланта; есть что-то похожее на сведения, но сведений нет; одним словом, это какой-то восковой человек, на которого разные обстоятельства жизни положили несколько разных печатей, разных гербов, и он носится с ними, не имея ничего своего. «Выжигин» ему крепко не нравится, также и «Самозванец»; он говорил это самому Булгарину, который за то на него сердится. «Юрий Милославский» ему очень понравился» («Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 583). — «Появлению «Самозванца» я с некоторой стороны радуюсь», — писал Шевыреву один его Петербургский приятель: «он отразил всю душу Булгарина. Все, даже защитники его, в один голос кричат против сего романа. Вообразите, что Выжигин перед ним чудо» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 49). — Князь А. А. Шаховской, рассказывая С. Т. Аксакову о вечере, проведенном им у Жуковского с Крыловым, Пушкиным, Гнедичем и И. В. Киреевским, говорит, что «во время ужина начались суждения о Булгарине и новом журнале [«Литературной Газете»]. Иван Выжигин был выжжен единогласно из Русской словесности, а сочинитель его объявлен мерзавцем со всеми своими собутыльниками и сидельниками. Его мерзости против меня и еще более восстание на Карамзина вооружили против него всех, и он признан большим светом человеком без воспитания и кабацким писателем, а наш Мих. Ник. [Загоскин] старшинством голосов поставлен выше Купера» («Русск. Арх.» 1873 г., кн. I, ст. 0472 — 0473). Между тѣм, «Выжигина» восторженно хвалил, из личных видов, Полевой в «Московском Телеграфе», называя его «блестящим литературным явлением» (см.: «Моск. Телегр.» 1829 г., № 7, 12 и 13). — До Булгарина дошли (через В. Н. Олина) неблагоприятные отзывы Пушкина о его произведениях и о плагиате из «Бориса Годунова». Булгарин отозвался по поводу этих сплетен письмом к Пушкину от 18 февраля, в котором «честью уверял», что не читал «Годунóва», при чем подписался: «с истинным уважением и любовью есмь ваш на веки», а через три недели, в ответ на эпиграмму Пушкина: «Не то беда, что ты поляк», — ответил пасквилем на Пушкина в № 30 «Северной Пчелы» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 118 — 119; ср. ниже, стр. 398 и сл., в объяснениях к письму № 318). № 312.

— Первый том «Истории Русского Народа» Николая Полевого появился в свет в конце 1829 г.; он был посвящен автором «Б. Г. Нибуру, первому историку нашего века», — автору «Римской Истории» (ум. 1831), представителю скептической школы (идеи которой Полевой проводил в своем «Московском Телеграфе»); VI-й и последний том «Истории» вышел в 1833 г.; в нем изложение было доведено лишь до начала казней Иоанна Грозного. Издание, таким образом, не было закончено, хотя при выходе I тома и была объявлена подписка сразу на всё издание — в 12 томах, — долженствовавшее довести изложение событий до Адрианопольского мирного трактата 1829 г. — Появлению I тома предшествовала статья Полевого в «Московском Телеграфе» (1829 г., № 12), в которой подвергнута была резкому разбору «История Государства Российского» Карамзина и вообще его сочинения. Карамзин, по мнению Полевого, «уже не может быть образцом ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русского. Период его кончился. Его русские повести — не русские: его проза далеко отстала от прозы других новейших образцов наших; его стихи для нас проза; его теория словесности, его философия для нас недостаточны»; «как философ-историк [он] не выдержит строгой критики. Он и не прагматик. Карамзин нигде не представляет вам духа народного» и т. д. Эта статья, а затем и появление «Истории Русского *Народа*», самым своим названием показывавшей, что она написана в противовес Карамзинской «Истории *Государства* Российского» (последний том ее был издан

№ 312. Д. Н. Блудовым при участии К. С. Сербиновича в 1829 г.), возмутили Пушкина, кн. Вяземского, Погодина, Надеждина и других представителей литературы и науки, которые на выходку Полевого не могли смотреть иначе, как на дерзость в научном и нравственном отношениях. Сообщая С. П. Шевыреву о литературных новостях, один из его корреспондентов писал ему в Италию из Петербурга 18 апреля 1830 года: «После вас было три замечательных явления, наделавших много шума и толков: История Русского Народа Полевого, Дмитрий Самозванец Булгарина и Юрий Милославский, Загоскина. За двое первых без греха можно бы было повесить Полевого и Булгарина. Дерзость, невежество, смешение всех новейших идей, нелепости и противоречия на каждой странице: вот отличительные черты новой Истории, между тем как для самой Истории ничего не сделано, всё в том же виде, только с примесью чего-то Полевовского; везде является не народ Русский, а Николай Алексеевич Полевой во всем блеске своем. До сих пор только один том вышел, а будет их с десяток!!! Не больно ли смотреть на это? Русская История, которая попадает в такие руки! Погодин написал на нее критику довольно дельную, но с излишним остервенением. Впрочем, нельзя и писать об ней без негодования» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 49: ср., однако, «Русск. Арх.» 1887 г., кн. I, стр. 383 — 388). — Пушкин в №№ 4 и 12 «Литературной Газеты», от 16 января и 25 февраля, напечатал резкую статью об «Истории» Полевого (статья была подписана буквою *Р.* и осталась незаконченной), и Погодин писал о ней 27 января 1830 г. С. П. Шевыреву: «Пушкин в критическом разборе Истории Полевого является острым, веселым; но об исторической критике, о Карамзине говорит, как младенец. Где им!» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 130). Он и на словах «ругал» книгу Полевого, — напр., будучи у драматурга князя А. А. Шаховского, 22 января 1833 г. (Н. Барсуков, «Жизнь и Труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 117). Разошедшийся к тому времени с редактором «Московского Телеграфа» кн. П. А. Вяземский откликнулся на появление книги Полевого остроумною статьею: «История Русского Народа. Критика на нее Вестника Европы, Московского Вестника, Славянина. I том на лицо и XI будущих томов» («Литер. Газета» 1830 г., № 31, стр. 250 — 252; ср. Соч., т. II, стр. 145 — 146). — 7 января 1831 г. князь Вяземский, прося М. А. Максимовича прислать ему в Остафьево I том «Истории» Полевого, писал: «Теперь времена холеры миновались: можно опять приниматься за смех. А для меня после «Притчей» Хвостова (NB первого издания) ничего нет смешнее некоторых страниц «Истории Русского Народа» («Записки имп. Акад. Наук», т. XXXVI, стр. 199, в статье С. И. Понамарева: «Памяти князя П. А. Вяземского»). Историю своего расхождения с Полевым князь Вяземский рассказал в своей автобиографии — Соч., т. I, стр. XLIX и т. X, стр. 267 — 268 и 291; см. также «Записки» Кс. А. Полевого, С.-Пб. 1888, стр. 279 — 295. — Позже, уже в 1836 г., Пушкин писал по одному поводу: «О Полевом не худо бы напомнить и пространнее. Не должно забывать, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести, — не говоря уже о плутовстве подписки, что̀ уже касается Управы Благочиния, а не Академии Наук».

— Муравьев, Николай Назарьевич (род. 1775, ум. 1845), статс-секретарь и Управляющий Собственною е. в. Канцеляриею, в 1828 году издал три части собрания своих сочинений, под заглавием: «Некоторые из забав отдохновения, с 1805 года, Николая Назарьевича Муравьева, статс-секретаря Е. И. В., Тайн. Совет. Сенат. Почетн. Чл. Императорских Росс. Академии и Университетов: Москов. и Вилен. и Москов. Учен. Обществ: Истории и Испытател. природы»; дальнейшие части (всех было 14) выходили постепенно, — последняя посмертно — в 1851 году. Сочинения Муравьева, — в которых находится множество автобиографических указаний, заключают в себе статьи по философии, истории, археологии, правоведению, политической экономии, промышленности, торговле, естествознанию, астрономии, физике, живописи, а также повести и стихотворения, уродливостью своею

напоминающие вирши Тредиаковского, — курьезны своею претенциозностью, напыщенностию слога, фанфаронством, хотя и бессознательным. Барон М. А. Корф, рассказывая о Муравьеве, вспоминает, как последний, живя уже не у дел в своей деревне по Шлиссельбургской дороге, «и оттуда не переставал громить публику разными философическими трактатами, под названием его «Досугов», публикациями о своих хозяйственных изобретениях и усовершенствованиях, о «ржи-муравьевке» колоссальном картофеле, исполинской капусте и пр., наконец, самого государя — диссертациями и утопиями по разным частям государственного управления. Во всем этом, с притязанием на глубокую мыслительность, появлялись всегда одни высокопарные нелепости, выраженные самым диким и неуклюжим языком. «Досуги» Муравьева, не менее, чем и хозяйственные объявления, смесь бесвкусия, каких-то почти ребяческих полу-мыслей и, при крайней самоуверенности, отсутствие всякого такта морили публику со смеха». Далее Корф, приводит несколько примеров из нелепых рассуждений Муравьева (см. «Русск. Стар.» 1899 г., № 9, стр. 492). Эти-то качества сочинений Муравьева и давали повод к неудержимым насмешкам над ними. Вяземский, сообщая А. И. Тургеневу о выходе «Забав» Муравьева, писал, имея в виду критическую статью о них С. П. Шевырева: «Этому статс-секретарю, государственному редактору, «Московский Вестник» доказывает, что он без логики, без грамматики и без человеческого смысла. Тут выводится заключение: если таково его отдохновение, то какова его работа?.. «Телеграф» говорит о книге или «Забавах»: «Читая их, видим, что автор создал себе особенный род сочинений, слога, мыслей и даже слов» («Осаф. Архив», т. III, стр. 182 и 534 — 536), а Жуковский в то же время посылал Тургеневу самые сочинения Муравьева «для особенного наслаждения» и прибавлял: «полюбуйся и порадуйся» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», под ред. И. А. Бычкова, М. 1895, стр. 248). № 312

— Критическая статья Погодина об «Истории» Полевого была напечатана в «Московском Вестнике» 1830 г., ч. I, стр. 165 — 190 и ч. VI, стр. 165 — 200; она отличалась небывалою резкостью своего тона и начиналась словами: «Самохвальство, дерзость, невежество, шарлатанство в высочайшей и отвратительнейшей степени, высокопарные и бессмысленные фразы. *Самохвальство:* «Утвердительно скажу, что я верно изобразил Историю России, столь верно, сколь мне отношения позволили». Спрашиваю: кто, кроме боговдохновенного Моисея, осмелится сказать так о своей Истории? *Невежество:* Здесь надо начать с самого заглавия. Что̀ такое История Русского Народа? Разве история народа не заключается в истории государства? Разве народ, не составляющий государства, может иметь историю? Разве правительство не есть часть народа, не есть его представитель? Разве не из него образуется?... *Дерзость:* Вот что и как говорит он об *Истории* Карамзина: «Это повествовательный рассказ, а не История». *Шарлатанство:* «Я брал из Гиббона всё, что касалось до Греческой Истории, сличая только источники Гиббона и поверяя их новейшими открытиями». Прочесть текст Гиббона — труд; прочесть его примечания — работа; сличить его с источниками — невозможность, ибо у нас во всей Москве нет тысячи книг, которые были источниками Английского писателя; не говорю уже о рукописях... *Высокопарные и бессмысленные фразы:* «Дикое стремление новых веков хотело ожить в древних формах... Погибшее навсегда для потомства, долженствовавшего создать новые»... Этою рецензиею сам Погодин был очень доволен, по крайней мере, вот что писал он Шевыреву: «Я написал гремящую статью, которая произвела эффект в городе, и даже лютейшие мои враги отдали честь. Никогда я не был так раздражен, и негодование водило пером. Это случилось среди двух болезней моих, и сильно чувствовал — у меня желчь поднимался. Теперь смеюсь» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 40 — 41.) Между тем, Пушкин в упомянутой выше статье своей об «Истории» Полевого писал: «Московский Вестник... (et tu autem, Brute!) сказал свое мнение на счет г. П. еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, — непростительнейшим, ибо Издатель «Моск.

№ 312. Вестника» доказал, что чувство приличия ему сродно, и что следственно он добровольно пренебрегает оным. Как не вспомнить, по крайней мере, совета старинной сказки:

То же бы ты слово,
Да не так бы молвил».

(«Литер. Газета» 1830 г., № 12, стр. 97—98).

— В «Вестнике Европы» Каченовского была напечатана небольшая статья об «Истории» Полевого, подписанная буквами Н. Н. и принадлежавшая перу Николая Ивановича Надеждина (1830 г., ч. 169, № 1, стр. 37—74; ср. Н. Барсуков, назв. соч., стр. 41—43). О ней Пушкин с негодованием писал в своей статье об «Истории» Полевого: «В журнале, издаваемом ученым, известным профессором Каченовским, напечатана статья, в коей брань доведена до исступления, более, чем на тридцати страницах грубых насмешек и ругательств нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания» и т. д. («Литер. Газ.» 1830 г., № 12, стр. 97).

— «Моя Гончарова» — Наталия Николаевна, через год ставшая женою поэта; сообщая своему брату, 30 декабря 1829 г., о бале, данном Московским генерал-губернатором князем Д. В. Голицыным на святках, А. Я. Булгаков, в описании поставленных на этом бале живых картин, говорил, что, по его мнению, живая картина, представлявшая Дидону, была великолепна: «Лазарева была восхитительна, хотя ее бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прелестной Магдалины. Но кто была очаровательна, — это маленькая Алябьева — красавица; маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 382). В свою очередь кн. П. А. Вяземский писал Пушкину: «А что за картина было в картинах Гончарова! ты <·······> бы от восхищения» (письмо из Москвы от 2 января 1830 г., — Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 105). — «В 1830 г.», пишет Анненков, рассказывая о сватовстве Пушкина: «прибытие части высочайшего двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточением веселий и празднеств. Наталья Николаевна [Гончарова] принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и, смеем сказать, удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим — в великолепных живых картинах, данных Московским Генерал-Губернатором князем Дмитрием Владимировичем Голицыным. Молва об ее красоте и успехах достигла Петербурга, где жил тогда Пушкин. По обыкновению своему он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил прежние свои искания» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 278). — Кн. П. А. Вяземский впоследствии рассказывал П. И. Бартеневу, что, зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, и увидав ее на балу у кн. Д. В. Голицына, он поручил И. Д. Лужину, который должен был танцовать с Гончаровой, заговорить с нею и ее матерью мимоходом о Пушкине, с тем, чтобы по их отзыву догадаться, как они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 307). — В вопросе Пушкина Вяземскому о невесте звучит волнение, плохо скрытое под личиной равнодушия.

— «Архивный» Мещерский — т.-е. служивший при Московском Архиве Коллегии Иностранных Дел; это был один из тех двух Мещерских, которые поступили в Архив около 1825 года, почти одновременно с А. И. Кошелевым, Д. В. и А. В. Веневитиновыми, В. П. Титовым, С. П. Шевыревым, Н. А. Мельгуновым, С. И. Мальцовым, Соболевским и другими «хорошо образованными Московскими юношами» («Записки А. И. Кошелева», Берлин. 1884, стр. 10—21), а именно — князь Платон Алексеевич (род. 26 ноября 1805, ум. 26 июля 1889 г. в Москве); вместе с братом Александром (род. 1807) он, в середине 1820-х годов, был посетителем салона княгини З. А. Волконской и, как любитель, участвовал в ее музыкальных предприятиях; здесь, несомненно, Пушкин встречался с обоими

братьями Мещерскими. Еще 21 марта 1829 г. А. Я. Булгаков писал брату своему из Москвы, что накануне он с семьей провел очень приятно вечер дома, в обществе Ф. Ф. Вигеля и «Архивного князя Платона Мещерского». «Давно к нам просится поэт Пушкин в дом»: пишет Булгаков: «я болезнию отговаривался, — теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его к нам ввести. Я видал его всегда очень maussade у Вяземского, где он как дома, а вчера был очень любезен, ужинал и пробыл до 2-х часов. Восхищался детьми и пением Кати, которая пела ему два его стихотворения, положенные на музыку Геништою и Титовым. Он едет в армию Паскевича, узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть это всё. «Ах! Не ездите, сказала ему Катя: там убили Грибоедова». — Будьте покойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев? Будет и одного! Но Лелька ему сделала комплимент хоть куда. «Байрон поехал в Грецию и там умер; не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном». Какова курноска! Пушкина поразило это рассуждение. Ему очень понравилось, что дети, да и мы вообще все, говорили более по-русски, т.-е., как всегда... Наташа всё твердила ему, чтобы избрал большой, исторический, отечественный сюжет и написал бы что-нибудь достойное его пера; но Пушкин уверял, что никогда не напишет Эпической поэмы. Peut être que cela viendra avec le temps» («Русск. Арх.» 1901, кн. II, стр. 298 — 299; ср. «Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 328, и 1902 г., кн. I, стр. 53 — 54). 1 марта 1831 г., через две недели после женитьбы Пушкина, Мещерский с ним и его молодою женою участвовал в масляничном катанье на больших санях («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 57). — Е. И. Раевская называет князя Платона «тогдашним Московским львом» и говорит, что он был «молодой человек замечательно умный, образованный и хотя не красавец в прямом смысле этого слова, но обладавший весьма приятной наружностью. Он был среднего роста, брюнет, с матовой белизной лица и выразительными черными глазами. Князь Платон был богат, остроумен, ловок, джентельмен с ног до головы, — словом, пользовался всеми качествами, способными, по его желанию, вскружить голову неопытной девушке» («Русск. Арх.» 1885 г., кн. III, стр. 300). Мещерский состоял при Архиве и в 1833 г., имея звание камер-юнкера, каковое носил и в 1841 году, будучи чиновником особых поручений VI класса при Министре Внутренних Дел, а в 1842 г. на службе уже не значился. В «Русск. Арх.» 1886 г. (кн. I, стр. 219—221) он поместил замечание на вышеприведенный рассказ о нём Е. И. Раевской, рожд. Бибиковой, где с редкою теплотою отзывается о поэтессе гр. Е. П. Ростопчиной, с которою был хорошо знаком в 1820—1830-х г.г. (ср. «Русск. Мысль» 1916 г., кн. 11, стр. 35 — 53) — Он, повидимому, всегда остался холостяком. В начале 1840-х г.г. А. С. Хомяков писал А. В. Веневитинову по поводу женитьбы брата князя П. А. Мещерского: «Когда-то кн. Платон вздумает жениться? Его сватовство будет вероятно совершеннейшим образцом всех тонкостей этикета, и надобно будет издать описание с картинками для поучения потомков» (Соч. А. С. Хомякова, т. VIII, М. 1900, стр. 59). № 312.

— Выражение «Архивные юноши», попавшее и в «Евгения Онегина» (Седьмая глава, строфа XLIX), принадлежит С. А. Соболевскому, который, как мы сказали выше, также служил одно время при Московском Архиве Министерства Иностранных Дел. В своем романе «Иван Выжигин» Булгарин задел «архивных юношей»: «Лучшее Московское общество», говорит он: «составляют, во-первых, так называемые старики, отслуживщие свой век..., вовторых чиновники, занимающиеся действительной службой..., в-третьих, чиновники, не служащие в службе или матушкины сынки, т.-е. задняя шеренга фаланги, покровительствуемой слепою фортуной. Из этих счастливцев большая часть не умеет прочесть псалтири, напечатанной славянскими буквами, хотя все они причислены в почет русских антиквариев. Их называют архивными юношами. Это наши петиметры, фашионебли, женихи всех невест, влюбленные во всех женщин, у которых только нос не на затылке и которые умеют произносить oui и non. Они то дают тон Московской молодежи на гульбищах, в театре и гостиных. Этот разряд

№ 312. так же доставляет Москве философов последнего покроя, у которых всего полно через край, кроме здравого смысла, писателей рифм и отчаянных судей словесности и наук». — В заметке, посвященной критике Булгарина на VII главу «Евгения Онегина», «Литературная Газета», отводя на самого Булгарина его обвинение Пушкина в том, будто бы он, описывая Москву, «взял обильную дань из *Горя от ума* и, *просим не прогневаться, из другой известной книги,»* — спрашивала: «из какой, просим не прогневаться, другой известной книги Пушкин что то похитил? Не называет ли Северная Пчела известною книгою *Ивана Выжигина*, где находится странное разделение Московского общества на классы, в числе коих один составлен из Архивных юношей? Кажется, что так; и мы также обвиним Пушкина, хотя, по какой-то игре случая, его описание Москвы было написано прежде Ивана Выжигина и напечатано в Северной Пчеле почти за год до появления сего романа»... [9 февраля 1828 г., № 17] («Литер. Газета» 1830 г., № 20, стр. 161). С другой стороны и Полевой, перешедший в то время на сторону Булгарина и из врага его сделавшийся его соратником и хвалителем, давая восторженный отзыв об «Иване Выжигине», писал, что в этом «блестящем литературном явлении» и он заметил «некоторые пятна»: «В пример мы укажем на описания, коими автор касается Москвы. Видно, что общество Московское ему известно только по наслышке. Где у нас юноши-философы? Что за отдел людей *архивные юноши?* Это кажется заметным только издали; вблизи это очень мелко»... («Московский Телеграф» 1829 г., № 12; цитируем по Н. Барсукову, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 333). Об «архивных юношах» см. заметку Е. А. Боброва в его статье: «Из истории Русской литературы XVIII и XIX столетий» — «Известия Отделения Русского языка и словесности имп. Академии Наук» 1907 г., т. XII, кн. 2, стр. 419 — 425.

— Ушакова — Екатерина Николаевна (род. 1809, ум. в Петербурге в 1872), старшая из сестер Ушаковых, к которым поэт питал нежные чувства и постоянным посетителем дома которых был в приезды свои в Москву в 1826 — 1830 г. (см. выше, стр. 354 — 355). Екатерина Ушакова, по словам П. И. Бартенева, «была в полном смысле красавица — блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нее женихов; но по молодости лет она не спешила замуж» («Русск. Арх.» 1912 г., кн. III, стр. 300). Неравнодушный к ней Пушкин посвятил ей три стихотворения, подарил ей сборник своих «Стихотворений», ч. I, С.-Пб. 1829, с надписью: «Всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой. От А. П. 21 сентября 1829. Москва. Nec femina nec puer», — намекая этим, очевидно, на ее резвость и шаловливость («Материалы Общества изучения Тверского Края», вып. 3, Апрель 1925, Тверь, стр. 17). Однако, по мнению Н. О. Лернера: «чувство, которое возбудила в Пушкине Екатерина Ушакова, было не столько любовью, сколько симпатией: умная, добрая, веселая и хорошенькая девушка просто нравилась Пушкину, и их отношения могли бы привести к браку, если бы не роковая встреча Пушкина с Гончаровой, которая была и гораздо моложе, и красивее Ушаковой. Стихи, посвященные Пушкиным Екатерине Ушаковой, свидетельствуют не о сильном любовном чувстве, а об одном из «рядовых», очередных для Пушкина увлечений» (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. XXXII; ср. т. III, стр. 346 — 347; Л. Майков, «Пушкин»; «Из дневника Е. С. Телепневой 1827 — 28 гг.» — «Пушк. и его соврем.», вып. V, стр. 119 — 124). Между тем, упорно говорили, что поэт на ней женится: так, напр., Погодин писал 23 марта 1830 г. из Москвы в Рим С. П. Шевыреву: «Говорят, что он [Пушкин] женится на Ушаковой старшей (а меньшая выходит за Киселева) и заметно степенничает» («Русск. Арх.», 1882 г., кн. III, стр. 161), а В. А. Муханов сообщал своему брату из Москвы же 27 марта 1830 г.: «Ушакова меньшая идет за Киселева... О старшей не слышно ничего, хотя Пушкин бывает у них всякой день почти» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 356). Николай Михайлович Смирнов также утверждает в своих Воспоминаниях, что «все думали, что он [Пушкин] влюблен в Уша-

кову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон первой» [т.-е. Н. Н. Гончаровой] («Русск. Арх.», 1882 г., кн. II, стр. 232). Неизвестный нам современник Пушкина рассказывал П. И. Бартеневу, что когда Пушкин, осенью 1826 года, явился в Москву и увидел Екатерину Ушакову в Благородном Собрании, — он влюбился в нее и затем познакомился. «Завязывается тесная сердечная дружба, и наконец после продолжительной переписки Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж»; однако затем, узнав, что Пушкин, вопреки ее просьбе, был у известной Московской гадальщицы, которая предрекла ему, что он «умрет от своей жены», Ушакова «объявила поэту, что так как он не послушался ее и был у гадальщицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны предвещание, хотя бы и несбыточное, всё-таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит, если сделается его женою; поэтому она и решается отказать ему для него же самого... Когда она умирала, то приказала дочери [Елизавете, бывшей впоследствии замужем за Дмитрием Николаевичем Обресковым] подать шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: «Мы любили друг друга горячо — это была наша сердечная тайна; пусть она и умрет с нами» («Русск. Арх.», 1912 г., кн. III, стр. 300 — 301). Уже после смерти Пушкина Е. Н. Ушакова вышла замуж за вдовца Дмитрия Михайловича Наумова, о котором нам известно лишь то, что он был коллежский советник и что, из ревности к Пушкину, перед свадьбой своей, потребовал уничтожения двух девических альбомов Екатерины Николаевны, исписанных и исчерченных рукой Пушкина, и переделки в другие вещи золотого браслета с зеленою яшмою и турецкою надписью, подаренного ей поэтом в знак дружбы (Л. Майков, назв. соч., стр. 362 — 377; о Пушкине и Ушаковых см. еще в книге В. В. Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. II, М. 1926, стр. 131; портрет Наумова, набросанный Пушкиным, пером, на небольшом клочке бумаги, — в собраниях Пушкинского Дома).

— Пушкин выехал в Москву 4 марта 1830 г., а приехал в нее 12 числа; почему так долго пробыл он в дороге, неизвестно; где-нибудь он останавливался, — быть может в Малинниках, но во всяком случае не мог ездить в далекое Нижегородское Болдино, как думает Н. О. Лернер («Труды и дни», изд. 2, стр. 206; ср. ниже, стр. 385, в объяснениях к письму № 314).

— Возмущенный и оскорбленный клеветою, на него взведенною, и доносами (см. выше, в письме № 288, и в объяснениях к нему, стр. 324 и сл.), кн. Вяземский написал горячую отповедь по адресу своих неблагожелателей, которая и появилась в № 5 «Литературной Газеты» 1830 г., на стр. 36:

К НИМ.

За что служу я целью мести вашей,
Чем возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мирской, непраздпуемый гость,
Не обойден ли я пирующею чашей?
Всмотритесь; истиной прочистите глаза:
Она утешит вас моею наготою,
Быть может язвами, которыми гроза
Меня прожгла незримою стрелою.
И что же в дар судьбы мне принесли?
В раскладе жребиев участок был мне нужен.
Что? две-три мысли, два-три чувства, не из дюжин,
Которые в ходу на торжищах земли,
И только. Но сей дар вам не был бы по нраву;
Он заколдован искони;
На сладость тайную, на тайную отраву
Ему подвластные он обрекает дни.

№ 312.
Сей дар для избранных бывает мздой и казнью;
Его ношу в груди, болящей от забот,
Как мать преступная с любовью и боязнью
Во чреве носит тайный плод.
 Еще до бытия приял, враждой закона,
 Он отвержения печать;
 Он гордо ближними от их отринут лона,
 Как бытия крамольный тать.
И я за кровный дар перед толпой краснею;
И только в тишине и скрытно от людей
Я бремя милое лелею
И Промысл за него молю у алтарей.
 Счасливцы! Вы и я — мы служим двум фортунам;
 Я к вашей не прошусь; моя мне зарекла
 Противопоставлять волненью и перунам
 Мир чистой совести и хладный мир чела.

В Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева сохранялся автограф этого стихотворения с позднейшею пометою Вяземского: «Мои стихи вчерне с замечаниями Пушкина». Вот эти замечания, как они пересказаны в Полном Собрании сочинений князя П. А. Вяземского, т. IV, С.-Пб. 1880, примеч., стр. II — III: После общего замечания Пушкина, приведенного нами выше, стр. 69, под № 303-м: «Ради Христа, очисти эти стихи — они стоят *Уныния*» [стихотворение Вяземского же]. Пушкин сделал следующие замечания. К стиху: *Она* утешит вас моею наготою... замечено: «Она (истина)», К стиху: «Меня прожгла незримою стрелою» — слова «незримою стрелою» поставлены Пушкиным в скобки и замечено: «Лишнее». В стихах: «И что же в дар мне принесли судьбы? Новорожденному дар на зубок был нужен» — в первом стихе Пушкин переставил слова согласно с напечатанным, а ко второму сделал замечание: «Княгиня права, что морщится». Этот стих был потом выпущен автором. — В стихе: «Ему подвластные он обрекает дни» Пушкин подчеркнул слова «Ему подвластные» и заключил их в скобках; слово *дни* им же зачеркнуто и сбоку им же написано: «наши дни». — При стихах от: «Сей дар для избранных бывает мздой и казнью» и до конца стихотворения Пушкин сделал общее замечание: «прекрасно». В печатном тексте стихотворения сделаны были некоторые отмены против автографа. Замечания Пушкина, с которыми был согласен и Боратынский, были пересланы через последнего кн. Вяземскому («Стар. и Новизна», кн. V, стр. 49; ср. выше, стр. 357 — 358).

— О критике Павлуши Вяземского (сына князя Петра Андреевича) на сочинения Пушкина, см. выше, стр. 302 и 308, в объяснениях к письму № 279.

— «Галатея. Журнал литературы, новостей и мод» — издавался в 1829 — 1830 и 1839 — 1840 гг. Семеном Егоровичем Раичем, человеком просвещенным, почтенным, скромным до застенчивости; несмотря на это, его журнал, в котором Пушкин поместил два своих стихотворения («В Альбом (Е. Н. Ушаковой)» — в № 5 и «Цветок» — в № 2), вошел в совершенно неприличную по тону полемику с «Московским Телеграфом» Полевого. 7 апреля 1829 г. князь Вяземский писал И. И. Дмитриеву из с. Мещерского, Сердобского уезда Саратовской губернии: «Сюда только по Северной Пчеле, Московским Ведомостям и Галатее доходит до меня невнятный гул действий русского литературного мира. Других журналов не вижу, но довольно и этих, чтобы знать, что всё еще дерутся. Не понимаю, как Раич мог унизиться до такой степени. Галатея его напоминает мне Московских баб, торгующих на перекрестках гнилыми яблоками: тот же товар и те же ругательства. Мне всё не верится, что сам Раич хозяин своего журнала: я ожидал бы от него более благопристойности и по характеру его, и по прежним мнениям об общей невежливости наших журналистов.... Критики его более отзываются героем поэмы Василия Львовича [Пушкина — «Опасный Сосед»], чем воспитанником Виргилия и Тасса,

образовавшегося в школе Георгик и Освобожденного Иерусалима. Ради бога, вымойте ему голову порядком».... («Русск. Арх.» 1868 г., № 4, ст. 605). 27 июля 1829 г. он же писал Дмитриеву:... «Здесь на вольном воздухе, в уединении кабинета, право, зажимаешь себе нос и закрываешь глаза при чтении журнальных пакостей; а ум от них и сам сжимается. Может ли что̀ быть неприличнее печатной переписки издателей «Телеграфа» и «Галатеи»? Эти господа признают за остроумие отвержение формул вежливости и общежития, узаконенных даже и между простолюдинами. Надписав статью *господину такому-то*, они думают, что рассмешили публику.... Читая Галатею его» [Раича], — писал он: «мне всё сдается, что он спился. Трезвому невозможно таким образом и так скоро опошлиться» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1719, 1720). — Погодин о той же полемике лаконически заметил в письме к Шевыреву: «Телеграф с Галатеею грызутся так, что клочья вверх летят» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 329), № 313.

— «Павлушка — *медный лоб* (приличное названье!)» — первый стих известной басни Александра Ефимовича Измайлова «Лгун», написанной на Павла Петровича Свиньина, издателя «Отечественных Записок».

313. *К. М. Бороздину* (стр. 75). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIV, стр. 369; в Акад. изд. Переписки Пушкина пропущено; с оригинала напечатано в сборнике «Писем Пушкина и к Пушкину», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 12 — 13 и 44; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2382, л. 66 об.; датируется на основании слов Пушкина, что цензор Щеглов дан «Литературной Газете *недавно*, — в первый же раз он подписал свое разрешение под № 6-м, от 26 января 1830 г. Письмо Пушкина, быть может оставшееся не отправленным, было обращено, без сомнения, к Попечителю С.-Петербургского Учебного Округа (1826 — 1832) Константину Матвеевичу Бороздину (род. 1781, ум. 1848), который в то же время был, по должности, и Председателем Санктпетербургского Цензурного Комитета (см. «Месяцеслов» на 1830 г., ч. I, стр. 370): от него ближайшим образом зависело распределение работы между подчиненными ему цензорами (ср. «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 178). К такому же заключению приходит и Н. К. Замков в своей заметке «О черновом письме Пушкина к «неизвестному сановнику» (1830 г.)» — в «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 63 — 66. К. М. Бороздин был человек просвещенный и ученый, занимавшийся, главным образом, Русской историей, в частности — генеалогией и издавший несколько разработанных им родословий (между прочим, Измайловых, Нащокиных, Бенкендорфов). Он был членом Российской Академии (с 1833 г. — сочленом Пушкина), а по ее закрытии — Почетным членом Отделения Русского языка и словесности Академии Наук. По словам А. В. Никитенки, Бороздин был человек с благородным сердцем, «в полном смысле слова то, что мы называем человеком просвещенным. Он не учился систематически, но̀ читал много и, — что чудо между нашими дворянами и администраторами, — размышлял еще более....» («Записки и Дневник», т. I, С.-Пб. 1905, стр. 197). Кн. Вяземский, служивший с К. М. Бороздиным в 1818 г. в Варшаве при Н. Н. Новосильцеве, дает о нем также благоприятный отзыв («Остафьевский Архив», т. I, стр. 101 и 453).

— Сербинович, Константин Степанович (род. 1796, ум. 1874), питомец Полоцкой Иезуитской Коллегии, службу начал в 1818 г. в Коллегии Иностранных Дел, вскоре затем познакомился с Карамзиным, — который привлек его к своей работе над «Историей Государства Российского», — а через него, в 1820 г., с А. И. Тургеневым, определившим его на службу под свое начальство в Департамент Духовных Дел; в это время познакомился он и с кн. Вяземским, с И. И. Дмитриевым, Д. Н. Блудовым; последний в 1826 г. привлек Сербиновича, с 1824 года служившего чиновником особых поручений при Министре Народного Просвещения Шишкове, — к работам Верховной Следственной о декабристах Комиссии, и существует сомнительное указание, будто именно Сербинович составил известное

№ 313. «Донесение» Комиссии, которое Блудов лишь проредактировал. С 4 августа 1826 по 5 июля 1830 г. Сербинович был «сторонним цензором» С.-Петербургского Цензурного Комитета, с мая 1828 г. действовавшего по новому Цензурному Уставу. До 28 апреля 1833 г. он служил начальником Отделения в Департаменте Народного Просвещения, а затем, в течение почти 23 лет (1833 — 1856), состоял редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения»; одновременно, с 1836 г., он служил Директором Канцелярии Обер-Прокурора св. Синода, при гр. Н. А. Протасове, и на других ответственных постах по ведомству Синода, а в 1859 г. был назначен членом Комиссии Прошений. «Наружность Сербиновича», говорит Погодин: «и вообще обращение носило следы Полоцкого иезуитского воспитания, которое и помогло ему удержаться при всех начальниках, самых противоположных... Умеренность и осторожность, исправность, благоразумие — его достоинства, и он представлял тип Петербургского чиновника в хорошем смысле. Резких суждений, порицаний ни лиц, ни вещей от него нельзя было услышать никогда» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. IV, С.-Пб. 1891, стр. 149). Однако, «при многих достоинствах исполнительного чиновника, Сербинович был в канцелярских делах и в личных сношениях формален до педантизма, до мелочности» (И. А. Чистович, «Руководящие деятели духовного просвещения в России», С.-Пб. 1894, стр. 357), по словам же одного из его подчиненных, Н. Н. Терпигорева, это был человек «хитрый, придирчивый, раздражительный и до крайности мелочной, а как начальник — невыносимый» («Истор. Вестн.» 1890 г., т. XLI, стр. 340). Как всегда очень ценные и содержательные письма А. И. Тургенева к Сербиновичу за 1826, 1831, 1835, 1837, 1838 и 1840 — 1842 гг. опубликованы в «Русск. Стар.» 1881 и 1882 гг. (т. XXXI, XXXII и XXXIV). Сохранилась одна записка Сербиновича к Пушкину, от 18 февраля 1832 г. с приглашением приехать к Д. Н. Блудову в Архив Иностранной Коллегии, где Пушкин тогда только что получил разрешение заниматься собиранием материалов для «Истории Петра Великого». — По своей цензорской должности Сербинович цензуровал «Литературную Газету», но лишь до № 5, т.-е. до 20 января 1830 г., после чего, вследствие откомандирования его для особенных занятий к Товарищу Министра Народного Просвещения Д. Н. Блудову, К. М. Бороздин назначил на его место цензора колл. сов. Щеглова («Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 65 — 66). Таким образом с № 6-го (от 26 января) «Газета» поступила в ведение цензора Санктпетербургского Цензурного Комитета, ординарного профессора физики в Петербургском Университете Николая Прокофьевича Щеглова (род. 1794). Питомец Главного Педагогического Института, человек с несомненными научными заслугами, издатель ученого журнала «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии» и научно-промышленной еженедельной газеты «Северный Муравей», автор нескольких трудов по своей специальности, Щеглов, конечно, не был подходящим лицом для цензурования чисто-литературного издания, каковым была «Газета» Дельвига, чем и вызвал недовольство Пушкина: в письме к Плетневу из Болдина от 9 сентября 1830 г. он шутя сравнивал цензора Щеглова с невестою, которая «язык и руки связывает» (см. ниже, № 369), а получив известие о его смерти, писал кн. Вяземскому 3 июля 1831 г.: «К стати о цензуре: Щеглов умер — не нашего полку, — чужого» (ср. статью Н. О. Лернера: «Заметка Пушкина об «Адольфе» Б. Констана» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 175 — 176); действительно, Щеглов умер 26 июня 1831 г. от свирепствовавшей в то время в Петербурге холеры («Записки и Дневник» А. В. Никитенки, т. I, С.-Пб. 1905, стр. 216; Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 261). Об отношениях Сербиновича и Щеглова к «Литературной Газете» см. подробнее в статьях Н. К. Замкова: «К истории «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига» — «Русск. Стар.» 1916 г., май, стр. 245 — 281, и «К цензурной истории произведений Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 49 — 62, а также «Мнение цензора Сербиновича о рассказе Сплетница» — ibid, стр. 68 — 71.

— Бируков — Александр Степанович (род. 2 июня 1772, ум. 31 мая 1844), знаменитый своею строгостью и тупостию цензор Петербургского Цензурного Комитета. Начав службу учителем в Харьковском Коллегиуме в августе 1791 г., он с марта 1803 г. был экспедитором «по ученой части» в Канцелярии Главного Училищ Правления, с ноября 1817 г. — начальником Отделения в Департаменте Народного Просвещения, а кроме того, со 2 апреля 1821 г., и цензором, каковым оставался до 2 октября 1826 г.; 31 марта 1830 г. награжденный чином д. с. советника, он 10 июня 1831 г. вышел в отставку, «прослужив четырем государям и отечеству близ пятидесятилетия», — как сказано на его надгробном памятнике. Его имя всегда соединялось в представлении писателей-современников с именем знаменитого своим скудоумием и юродством другого цензора — Красовского (см. ниже, стр. 382). «Цензоры с бедными авторами суровее, нежели когда-нибудь», писал Д. В. Дашков И. И. Дмитриеву 22 января 1823 г.: «одна от них бывает поживка, а именно, когда Бируков поссорится с товарищем своим Красовским; тогда он пропускает на зло между позволенным иногда и сомнительное» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 598 — 599); он же в 1824 г. справлялся у барона Дельвига, прошел ли его «контрабандный товар сквозь строгую заставу *четы соименных*» — Бирукова и Красовского («Русск. Арх.» 1892 г., кн. II, стр. 359). — «Я употребил хитрость, чтобы взбесить Красовского», — читаем в письме А. И. Тургенева к князю Вяземскому от 1 декабря 1821 г.: «и отдал стихи Воейкову, который уверен, что Бируков их пропустит» («Остафьевский Архив», т. II, стр. 230 — 231). «Я хлопочу не о Бирукове и не о Красовском», писал однажды князь П. А. Вяземский в начале 1823 г.: «а о том, чтобы показать, что цензура у нас руководствуется нелепыми причудами» (там же, стр. 295). «Что Красовский, Бируков? — спрашивает он же А. И. Тургенева и прибавляет: «Право, скучно! Уж лучше без обиняков объявить мне именное повеление не держать у себя бумаги, перьев, чернил и дать росписку, что отказываюсь навсегда от грамоты» (там же, стр. 323). Даже благодушный барон Дельвиг писал однажды (1824): № 313.

Перед вами — нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской
Цензируя, жмете нас.
Славьтесь, Бируков, Красовский!

(Сочинения, С.-Пб. 1895, стр. 62 — 63). В 1824 г. Пушкин жаловался на то, что «скучно писать про себя или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского» (см. выше, т. I, стр. 92), что «Бируков и Красовский не в терпеж глупы, своенравны и притеснительны» (там же, стр. 83), и тогда же заклеймил обоих цензоров известной своей эпиграммой:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну, право, их умней покойный был Тимковский!

Еще ранее, в конце декабря 1822 г., он обратил именно к Бирукову свое «Первое послание цензору», предназначенное не для печати, а для рукописного распространения (Сочинения, изд. Академии Наук, т. III, примеч., стр. 233 — 236); к нему же обращено и «Второе послание цензору», 1824 года (там же, стр. 422 — 423), и хотя в 1825 г. Пушкин и выражался, что «Бируков — человек просвещенный», и что «кроме его он ни с кем дела иметь не хочет», так как-де «он и в *грозное время* был милостив и жалостлив», почему поэт «ныне повинуется его приговорам безусловно» (Письма, наше издание, т. I, стр. 122). — однако, как раньше (там же, стр. 42, 47, 54, 62), так и позже (стр. 206, 230, 235), он не переставал жаловаться и досадовать на него, а впоследствии, уже в феврале 1835 г., в Дневнике своем отметив, что цензура не пропустила в его «Золотом Петушке» нескольких

№ 313. стихов, вспоминал своих притеснителей и писал: «Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова» (Дневник, изд. под ред. Б. Л. Модзалевского. Лгр. 1923, стр. 27), а в 1836 г. писал, что «в последнее пятилетие царствования покойного императора [Александра I] вся литература сделась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову» (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 356). Репутация Бирукова была так прочна и определенна, что еще Салтыков-Щедрин, в одном из своих «Пестрых писем» (1884 г.) вспоминал этого почти легендарного по своей придирчивости цензора (Сочинения, изд. Маркса, 1906 г., т. VI, стр. 84), на рассмотрение которого суждено было попасть и «Кавказскому Пленнику» (1822 г.), и первой главе «Евгения Онегина» (1825 г.), и первому сборнику «Стихотворений» (1825 г.), а также длинному ряду отдельных произведений Пушкина, — О Бирукове см. еще в объяснениях к т. I нашего издания, стр. 260 и др., а также в Московском издании Дневника Пушкина, 1923 г., стр. 541 — 542.

— Красовский — Александр Иванович (род. в ноябре 1780, ум. 10-го ноября 1857), Председатель (с 11 марта 1833 г. по смерть) Комитета Цензуры Иностранной, с 26 ноября 1821 по 1828 гг. бывший цензором Петербургского Цензурного Комитета и приобретший грустную известность, как тупой и фанатический «гасильник», преследовавший и вытравлявший всякую свободную и живую мысль и вошедший в историю русской литературы, как синоним изувера-психопата, Пушкин и на себе не раз испытывал тяжелую руку цензора Красовского, и еще 13 июня 1824 г. писал брату, узнав о назначении Шишкова Министром Просвещения: «С переменою Министерства ожидаю и перемены Цензуры. А жаль... la coupe étoit pleine, Бируков и Красовский не в терпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться»! — «Скучно писать про себя или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского», восклицал он в том же году, и затем называл его «кичливым», «подлецом»... (см. выше, т. I, стр. 92 и др.); о нем идет речь в «Посланиях к цензору» и в эпиграмме «Тимковский царствовал», в шутке «Ах, тетушка, ах Анна Львовна»... С возмущением упоминают о нем и князь Вяземский, и Тургенев в своей переписке («Остафьевский Архив», т. II, pass.), а первый в стихотворении своем «Цензор» (1830 г.) называет Красовского «Паркою ума и мыслей, и свободы» (Сочинения, т. IV, стр. 95); цензор-профессор Никитенко, по поводу смерти Красовского, помянул его, как «человека с дикими понятиями, фанатика и вместе лицемера, всю жизнь, сколько мог, гасившего просвещение» (Дневник, т. I, стр. 497); по словам его сослуживца А. И. Рыжова, Красовский, «детище своего времени, сшитый из материала, на который, как ему казалось, был спрос», — был «целиком казенный человек, как понимали казенного человека в старину, и он шел к своей служебной добыче всегда верхним чутьем, которое никогда его не обманывало. В нем всё было напоказ; тело и душа в мундире; набожность, православие, человеческое чувство, служба, — всё форменного покроя. Водотолочное усердие, принизительное смирение, угодливость пред высшими, рассчитанное ханжество, — всё это служило ему ходулями в продолжение всей его деятельности по Комитету Цензуры Иностранной» («Русск. Стар.» 1874 г., № 1, стр. 107 — 108). Другой сослуживец — А. П. Баласогло (Петрашевец) называет его «человеком непостижимого малоумия и самой педантской, самой женской злости» (см. сб. «Петрашевцы», под ред. П. Е. Щеголева, т. II, Лгр. 1927, стр. 233 — 234). О его цензорском изуверстве сохранилось множество рассказов; оно отмечено и в одном месте Воейковского «Дома сумасшедших», в котором читаем:

Ба! Зачем здесь князь Ширинский?
  Как палач умов здесь тих!
Это что? «Устав Алжирский
  О печатании книг!»
Вкруг него кнуты, батоги
  И Красовский — ноздри рвать!...

Запись о Красовском в Дневнике Пушкина, 1835 г., см. выше, стр. 382. № 313. См. еще в Дневнике запись под 2 июня 1834 г., о представлении Пушкина вел. кн. Елене Павловне совместно с Красовским. О нем вообще см. еще в нашем издании Писем, т. I, pass., и Московское издание Дневника, 1923 г., стр. 450 — 452.

— Давыдов — Денис Васильевич, поэт-партизан; о нем см. в т. I, стр. 430, и в Дневнике Пушкина, под нашею редакцией, стр. 230 — 231. О послании его к Зайцевскому, вызвавшем сомнения цензора Щеглова, см. ниже, стр. 384.

— Зайцевский — Ефим Петрович, второстепенный поэт Пушкинской эпохи; начав и продолжая службу во флоте, в Черном море, гардемарин с 16 июля 1817 г., мичман с 3 марта 1819 г. и лейтенант с 21 апреля 1824 г., он в 1828 г., во время Турецкой войны, на корабле «Париж», крейсировал с флотом у крепостей Анапы и Варны и участвовал под Варною в «вырезке» турецких судов, за что был награжден орденом Владимира 4-й ст. с бантом; при осаде этой крепости он находился в траншейных работах и награжден был золотою саблею за «храбрость», во время же осады Варны, командуя сотнею матросов-охотников, первыми ворвавшихся в крепость, был тяжело ранен пулею в руку, за что награжден был Георгиевским орденом 4-го класса, получил 2.000 рублей на излечение раны и за отличие произведен в капитан-лейтенанты. 1829-й год он провел на Кавказских минеральных водах, а с мая 1830 г. до начала 1834 г. находился в заграничном отпуску — до излечения раны. 1 января 1846 г. произведенный в капитаны 2-го ранга, Зайцевский состоял при Русской миссии в Неаполе, 8 апреля 1851 г. назначен был Русским генеральным консулом в Сицилию, 6 декабря 1852 г. произведен в капитаны 1 ранга, 28 июля 1853 г. снова назначен состоять при миссии в Неаполе, где, в конце 1860 или в начале 1861 г., скончался (исключен из списков в приказе от 6 марта 1861 г. — см. «Общий Морской Список», ч. VII, С.-Пб. 1893, стр. 114 — 115). С молодых лет начав писать стихи, он постепенно входил в общение с писателями; в 1819 г. с ним в Николаеве сблизился Даль («Русск. Арх.» 1872 г., кн. II, ст. 2250); в 1825 году поэт В. И. Туманский писал А. А. Бестужеву-Марлинскому, из Николаева-же: «В моих разъездах по Херсонской губернии виделся я с рифмоплетом Зайчевским, который просил меня доставить к тебе.... стишки свои для напечатания в «Звездочке». Прилагая их при этой записке и сим исполняя желание моего Парнасского собрата, я кланяюсь низенько тебе» и т. д. («Русск. Стар.» 1905 г., № 4, стр. 211 — 212). В мае 1830 года О. М. Сомов, помощник Дельвига по редакции «Литературной Газеты», писал поэту В. Г. Теплякову (участвовавшему в 1829 г. в действиях против Варны): «Пушкин, князь Вяземский, барон Дельвиг и Зайцевский вам кланяются: все они называют вас своим знакомцем по чувству и таланту. Последний из них оставил нас на днях и снова пустился под парусами, — только не в Абхазию и не под Варну, а в тихую, добрую и счастливую Германию, к теплым водам, для излечения, если можно, правой руки своей, заклейменной Варнинским штемпелем» («Русск. Стар.» 1896 г., № 3, стр. 662); полтора года спустя, 29 октября 1831 г., А. И. Кошелев, рассказывая кн. В. Ф. Одоевскому о своем заграничном путешествии, сообщал: «Во Франкфурте (в августе — сентябре) столкнулся с Зайцевским, весьма с ним познакомился, и уговорились вместе провести зиму», — в Женеве, по приезде куда Кошелев писал: «Здесь тьма русских. Всякий день видаюсь с Соболевским [С. А.], Зайцевским, Галаховым [П. А.] и многими другими соотчичами» («Русск. Стар.» 1904 г., № 4, стр. 209, 211); был знаком он и с Денисом Давыдовым, послание к которому напечатал в «Литературной Газете» 1830 г. (№ 11). Литературная производительность Зайцевского была, однако, очень невелика: нам известно лишь около двух с половиною десятков его стихотворений, — преимущественно элегических, которые появились в «Новостях Литературы» 1825 г., в «Полярной Звезде» 1825 г., «Невском Альманахе» 1826, 1827 и 1828 гг., «Северных Цветах» 1828 и 1829 гг., «Радуге» 1830 и «Венере» 1831 г., «Телескопе» 1832 г., «Весенних Цветах» 1835, «Маяке» 1840, «Ново-

№ 313. селье» 1845 г. и др. (перечисление их см. в «Русском Биографическом Словаре», т. Ж — З, стр. 179). Восемь пьес Зайцевского включены в антологический сборник Ю. Н. Верховского «Поэты Пушкинской поры», М. 1919, стр. 104 — 115, — в том числе стихотворение «Черное море» (1826 г.), в коем он говорит, между прочим, что шум ночной, лазуревые воды моря отрадны ему,

Как, в час вечерний, милой девы
Любви веселые напевы,
Как лира Пушкина; как тень
Прохладной рощи в знойный день и т. д.;

включено в антологию и послание Зайцевского к Д. В. Давыдову. Послание же Давыдова «Зайцевскому, поэту-моряку», присланное для помещения в «Литературной Газете», вызвало сначала сомнение цензора двумя своими стихами:

О, будьте вы оба [1] отечества щит,
Перун вековечной Державы.

Об этом и писал Пушкин наблюдавшему тогда (в феврале 1830 г.) за редакциею «Газеты» К. М. Бороздину (ср. в статье Н. К. Замкова — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 63 — 65). Приводим послание Давыдова (1828 г.) в «Литер. Газете» 1830 г., № 9, на которое указанное выше стихотворение Зайцевского является благодарственным ответом:

Счастливый Зайцевский, поэт и герой!
Позволь земледельцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой
И в честь тебе высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!

*

Лавр первый из длани Камены младой
Ты взял на Парнасских вершинах,
Ты, собственной кровью омытый, другой
Сорвал на гремящих твердынях;
И к третьему, с лаской вдали колыхая,
Тебя призывает равнина морская.

*

Мужайся! Казарский, живой Леонид,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба отечества щит,
Перун вековечной Державы!
И гимны победы с ладей окрыленных
Пусть искрами брызнут от струн вдохновенных!

*

Давно ль под мечами, в пылу батарей,
И я попирал дол кровавый,
И я, в сонме храбрых, у шумных огней,
Наш стан оглашал песнью славы?..
Давно ль... Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит.

(Сочинения, изд. «Севера», ред. А. О. Круглого, т. I, С.-Пб. 1893, стр. 56 — 57 и 76). Посвятил Зайцевскому послание и один из друзей молодости Пушкина — поэт А. А. Шишков 2-й — см. «Литер. Прибавления к Русскому Инвалиду» 1832 г., № 28, стр. 222 — 223. — В начале 1834 г. Зайцевский, одновременно с Пушкиным, принял участие в обсуждении вопроса

[1] Т.-е. Зайцевский и герой Турецкой войны А. И. Казарский. *Б. М.*

об издании «Энциклопедического Лексикона», но когда некоторые из приглашенных Гречем в дело поняли, по выражению Пушкина, что «этот Лексикон будет не что иное, как Северная Пчела и Библиотека для чтения, в новом порядке и объеме», то Пушкин, Одоевский, Гаевский и Зайцевский уклонились от всякого участия в издании (см. Дневник Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 11 и 106).

314. *М. О. Судиенке* (стр. 75). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1898 г., кн. I, стр. 166, по подлиннику, принадлежавшему тогда М. А. Егоровой. О М. О. Судиенко и о долге ему Пушкина см. выше, письмо № 311 и объяснения к нему, стр. 367—368. Письмо его к Пушкину, на которое последний отвечает, до нас не сохранилось.

Перевод: «Ты написал мне ужасно церемонное письмо, мой дорогой Суденко, и совершенно меня им огорошил. 4000 рублей, о которых идет речь, ждали тебя в запечатанном конверте с июля месяца; но я потерял адрес твоего поверенного, а твоего адреса у меня не было. Уже месяц тому назад г. Лерх явился с требованием этой суммы и тотчас же получил ее. Я хотел послать тебе росписку, которую он у меня оставил, но не знаю, куда я ее дел. Еще раз извини и прими мою благодарность за снисходительную любезность, проявленную в отношении меня столь долгим ожиданием. На днях я уезжаю из Петербурга; лето проведу я, вероятно, в деревне. Может быть, приеду в ваши края. Надеюсь, ты мне разрешишь тогда постучаться в твою дверь. Если, между тем, ты захочешь мне написать, — адресуй твои письма Е. В. Петру Александровичу Плетневу в Екатерининском Институте. Прощай, до свидания. А. Пушкин. 12 февраля 1830».

— Из Петербурга Пушкин выехал в Москву, как сказано было выше (стр. 377), 4 марта и приехал в нее 12 числа, проведя в дороге 8 дней; такая продолжительность поездки, обычно совершавшейся в 3—4 дня, объясняется, быть может, тем, что Пушкин в пути захворал; по крайней мере до Е. М. Хитрово, поклонницы поэта, дошел слух, что он заболел в Торжке (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 122. Ср. выше, стр. 377, в объяснениях к № 312, и ниже, стр. 397). Часть лета, до 14 июля, поэт провел в Москве, с 19 июля был в Петербурге, в начале августа съездил в Михайловское, 10 августа выехал в Москву, а 31-го — в Нижегородское имение, с. Болдино, Лукояновского уезда, откуда, из-за холеры, смог вернуться в Москву лишь к 5 декабря.

315. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 76). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I. ст. 435—437; подлинник был у гр. Д. И. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— Московский обер-полицеймейстер генерал-майор А. С. Шульгин, обязанный иметь секретный полицейский надзор за Пушкиным, донес Московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну, что поэт прибыл из Петербурга в Москву 13 марта 1830 г. (по письму самого Пушкина — 12 марта) и остановился Тверской части в доме Черткова, в гостинице Коппа, в Глинищенском переулке, между Тверскою и Большою Дмитровкою («Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 236).

— N. Гончарова — Наталья Николаевна, невеста Пушкина, тогда, однако, еще не давшая поэту окончательного своего согласия (см. ниже, письмо № 322).

— Княгиня Вера — жена кн. Вяземского, княгиня Вера Федоровна.

— Братья Полевые — Николай Алексеевич, издатель «Московского Телеграфа», и Ксенофонт Алексеевич, деятельный его сотрудник и помощник (см. его письмо к Пушкину от 15 февр. 1836 г.). Встреча с ними была Пушкину очень неприятна, так как в то время он очень сердился на Николая Полевого, об «Истории» которого напечатал две статьи в «Литературной Газете» 1830 г., № 4 и 12 (от 16 января и 25 февраля). М. П. Погодин в Дневнике своем записал под 18 марта: «Из Университета к Пушкину . . . . Рассказывал о скверности Булгарина, Полевого хочет в грязь втоптать и пр.» («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 103). Ср. в конце письма — о намерении «затащить в полемику» с Полевым и И. И. Дмитриева, друга Карамзина.

№ 315. — Неожиданный приезд Николая I в Москву, в ночь на 6 марта, находился отчасти в связи со следующим трагикомическим происшествием. В частном Московском французском театре, содержимом артиллерии подпоручицею Софьею Васильевною Карцовою (родом француженкою), 25 января 1830 г. член Дирекции и секретарь антрепренерши Берт нанес пощечину любимице публики, молодой актрисе Альфред. В дело, — весть о котором быстро распространилась по Москве, — должны были вмешаться Московский обер-полицеймейстер Дмитрий Иванович Шульгин и даже генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын (бывший тогда в Петербурге), не говоря о Московском жандармском генерале Александре Александровиче Волкове, который «под рукою» делал свои наблюдения и сообщения А. Х. Бенкендорфу. Когда завсегдатаи французского театра Карцовой, желая заступиться за актрису Альфред, которую Дирекция не только лишила уже назначенного бенефиса, но и уволила от службы, потребовали, чтобы бенефис был дан, — в театре произошел шум и скандал, главными зачинщиками которого, по донесению Шульгина, оказались: полковник Воейков, гвардии поручик граф Потемкин, гвардии ротмистр Пашков и коллежский ассесор Сибилев. Им всем пригрозили полицейскими мерами воздействия, а между тем в Петербурге на Московское «неистовство» обратил внимание Николай I, который через Бенкендорфа объявил князю Д. В. Голицыну, 7 февраля, свою волю, чтобы он, Голицын, сделал выговор Шульгину за то, что тот не принял мер прекратить в самом начале шум, происшедший во французском театре от требования некоторыми лицами, дабы непременно дан был бенефис актрисе Альфред, а поименованных выше главных зачинщиков шума посадить в полицию, в городской частный дом, на 8 дней, а нескольких из числа прочих лиц, замеченных в поддержании того шума, — на гауптвахту, тоже на 8 дней: «Фрондирующая Москва», пишет Н. О. Лернер: «заволновалась. Началось настоящее паломничество к арестованным, и улицу перед гауптвахтой и съезжим домом запрудили кареты и экипажи. Всё, что было в Москве недовольного администрацией и полицией, спешило засвидетельствовать свое сочувствие «жертвам произвола», арест которых обратился в сплошной пир горой». Князь Вяземский, еще в 1821 г. «кормившийся иногда», по его шуточному выражению, «у Потемкина птичьим молоком» (письмо к А. И. Тургеневу 25 апреля 1821 г.) и в своей «Старой записной книжке» оставивший подробный рассказ о происшествии в театре «русской барыни Карцовой», пишет: «В числе временных жильцов Съезжей был и богатый граф Потемкин. Сей «великолепный» Потемкин, если не «Тавриды», а просто Пречистенки, на которой имел он свой дом, перенес из него в Съезжий дом всю роскошную свою обстановку. Здесь давал он нам лакомые и веселые обеды. В восьмой день заключения приехал во время обеда обер-полицмейстер Шульгин 2 и объявил узникам, что они свободны. Всё это было довольно драматически и забавно, и Замоскворецкий Съезжий дом долго не забудет своих неожиданных и необычайных арестантов» (Соч., т. VII, стр. 225). Из них наиболее популярным в Москве представителем высшего общества древней столицы был граф Сергей Павлович Потемкин (род. 1787, ум. 1858), человек умный, образованный, талантливый и симпатичный, великодушный, беспечный, отличавшийся большим хлебосольством. Он, пишет М. Н. Лонгинов: «рожден был с наклонностию ко всему изящному и прекрасному», «был тонкий ценитель драматического искусства, архитектуры, стихов, музыки. В доказательство его вкуса можно привести великолепный иконостас Чудова монастыря, сооруженный под главным и непосредственным его наблюдением. Врожденное изящество руководило им во всем; что бы ни предпринял он, — всё, как бы каким-то волшебством, делалось роскошно, оригинально и прекрасно: меблировка ли комнат, постройка дома, устройство праздника, всё равно вы узнавали во всем руку мастера..... Московский Английский Клуб обязан графу Потемкину теперешним своим помещением: в 1831 году он был старшиной и более всех способствовал переводу Клуба в дом графини Разумовской, который

был отделан по его указаниям. — Москва помнит его роскошные пиры... С графом Потемкиным умерло предание о старинном хлебосольстве, которым так прежде славились наши богачи». Но «главною страстию графа Потемкина был театр. Он когда-то сам был превосходным актером, а впоследствии, втечение многих лет, посещал ежедневно спектакли. Артисты все знали его, уважали его суждения и собирались к нему часто, встречая самый дружеский прием.... Он не был исключителен, любил не один Русский театр, но и французские спектакли, и балет, и оперу».... (Н. М. Лонгинов, Сочинения, т. I, М. 1915, стр. 333). По словам А. В. Кочубея, знавшего Потемкина уже много позже, когда он разорился, — граф, «несмотря на лето и плохое состояние своих дел, каждый день бывал в театре и всегда — поклонником какой-нибудь танцовщицы. Его всегда можно было видеть в первых рядах кресел, иногда спящим, а по временам даже храпящим, — но привычкам своим он никогда не изменял. Случатся у него деньги — сейчас задает обед, для которого ему приходилось нанимать даже мебель. На таких обедах у него бывало самое разнообразное общество» («Семейная Хроника», С.-Пб. 1890, стр. 30 — 31). Он и сам писал стихи, писал о театре и для театра, перевел «Гофолию» и «Британика» Расина, переделал «Душеньку» Богдановича в оперное либретто (1808) и т. д. (см. «Остаф. Архив», т. III, стр. 667 — 668). Он был женат на княжне Елизавете Петровне Трубецкой (сестре декабриста кн. С. П. Трубецкого и Одесского знакомца Пушкина — кн. П. П. Трубецкого — см. в т. I, стр. 332), которая впоследствии, в 1859 г., вышла замуж за сенатора Ипполита Ивановича Подчаского (род. 1792, ум. 1879). Она на свадьбе Пушкина и Н. Н. Гончаровой была посаженою матерью невесты («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 53); стихи Пушкина с упоминанием ее имени опубликованы Б. Л. Модзалевским в сб. «Атеней», вып. I-II, 1924, стр. 5 и 12 — 13, со сведениями и о гр. Е. П. Потемкиной. № 315.

— Сибилев, другой участник театрального эпизода, упоминаемый в письмах Пушкина[1] — настоящем и следующем (№ 316), не был, по словам Вяземского, «оригинал тонкой и примечательной грани: всё было в нем довольно грубо и аляповато, со всем тем все любили его. Он вхож был во все лучшие дома. Дамский угодник, он находился в свите то одной, то другой Московской красавицы. Откуда был он? Какое было предыдущее его? Какие родственные связи? Никто не знал, да никто и не любопытствовал узнать. Знали только, что он дворянин Сибилев, — и довольно. Аристократическая, но преимущественно гостеприимная Москва не наводила генеалогических справок, когда дело шло о том, чтобы за обедом иметь готовый прибор для того и для другого. Сибилев имел в Москве, вероятно, двадцать или тридцать таких ежедневно готовых для него приборов. Хоть и нахлебник, не был он, так сказать, дворовым ни в одном доме, а держал себя пристойно и даже с некоторою независимостью. Бедный или, по крайней мере, весьма ограниченный в средствах своих, никогда не был он подлипалою перед богатою знатью. Еще одно достоинство: несмотря на проживанье его то там, то здесь, он не был сплетником и не переносил сору из одного дома в другой. Вообще был он нрава веселого и большой хохотун. У него были кошачьи ухватки. Он часто лицо свое словно облизывал носовыми платками. Князь Юсупов говорил про него: «Он не только Московский Ловелас, но и Московский ложелаз». Так прозвал он его потому, что, бывая во всех спектаклях, он никогда ничего не платил за вход, а таскался по ложам знакомых своих барынь. Забавно, что, не зная французского языка и не понимая на нем ни полслова, он попался в театральную французскую историю»...... М. А. Дмитриев («Мелочи из запаса моей памяти») характеризует Сибилева так же: «Человек самый смиренный, толстый, красного лица, который являлся безмолвно на бульварах и имел привычку бывать в театрах, ходить по ложам всех

---

[1] Вероятно — Евграф Иванович, коллежский ассесор, умерший 27 февраля 1839 г., 80 лет от роду («Московский Некрополь», т. III, С.-Пб. 1908, стр. 98).

№ 315. знакомых, что̀, как известно, не принято в свете». Когда известный вельможа кн. Н. Б. Юсупов делал свои предсмертные распоряжения для сообщения их своему сыну, он на первом месте среди лиц, которым желал выдать вспоможение или награждение, назвал Сибилева, назначая ему 5000 р. «Бедный дворянин, над коим князь всегда трунил», — пояснял по этому поводу А. Я. Булгаков, сообщавший о том брату своему 16 июля 1831 г. («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 76). 21 августа 1830 г. Пушкин в Москве встретился с Сибилевым у Вяземского, у которого тогда же собрались Ю. Н. Бартенев, С. Н. Глинка и П. В. Нащокин (Соч. князя Вяземского, т. IX, стр. 139). — Николай I лично старался успокоить дворянство. М. А. Дмитриев передает, что «на вечере у князя С. М. Голицына он изъявил желание играть в карты в одной партии с графиней Потемкиной, был с ней очень любезен, выиграл у ней пять рублей ассигнациями и, получая у ней деньги, сказал ей очень благосклонно, что сохранит эту бумажку на память. Графиня отвечала ему, что она, с своей стороны, не имеет нужды в напоминании, чтобы помнить о его величестве. Государь отвечал: «А, вы всё еще на меня сердитесь за мужа! Забудемте это с обеих сторон». — «Последнее слово», говорит Н. О. Лернер: «осталось всё-таки за Москвой. Она зло отомстила Петербургу остроумной карикатурой. На ней были изображены все жертвы театрального дела, а впереди их — добродушный Сибилев; под его портретом было написано: «глава заговора» (см. очерк: «Эпизод из истории Московской дворянской фронды. (Театральный скандал 1830 г.)» — в «Литер. и популярно-научных прилож Нивы» 1914 г., № 8, ст. 587 — 600; тот же эпизод рассказан в жур. «Наша Старина» 1915 г., № 6, стр. 542 — 543; см. также в письме Погодина к Шевыреву от 19 февраля 1830 г. — «Русск. Арх.» 1882, кн. III, стр. 135; об антрепризе Карцовой, прекратившейся в июне 1830 г., см. в книге В. П. Погожева: «Столетие организации императорских Московских Театров. (Опыт исторического обзора)». Вып. I, кн. III, С.-Пб. 1908, стр. 213 — 229 и 236 — 241.

— Кн. В. Ф. Вяземская говорила с Бенкендорфом по поводу дела своего мужа, обвиненного им в «развратном поведении» (см. выше, в письме № 288 и в объяснениях к нему, стр. 324). Французская фраза означает: «Что касается г-жи Карцовой, то всё, что она говорит, она словно поет.... А жена твоя: Вы могли заметить, генерал, что она поет фальшиво..... Так как мы сейчас откровенничаем, — то вы мне позволите, генерал, повторить Вам просьбу графини Потемкиной — об оправдании моего мужа».

— Мемории князя Вяземского — его «Исповедь», посланная, через Жуковского, Бенкендорфу 9 февраля 1829 г., одновременно с письмом к Николаю I (см. выше, в объяснениях к письму № 288).

— О С. Д. Киселеве, бывшем тогда женихом Елизаветы Николаевны Ушаковой, см. выше, в объяснениях, стр. 354 и 376. Катерина — ее сестра, Екатерина Николаевна Ушакова (см. там-же). «Ушакова меньшая идет за Киселева... О старшей не слышно ничего, хотя Пушкин бывает у них всякий день почти», — сообщал В. А. Муханов брату Николаю из Москвы 27 марта 1830 г. («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 356). Пушкин впоследствии говорил Н. М. Смирнову, на его слова, что все думали будто поэт влюблен в Ушакову, — но что он для того лишь ездил «всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон Гончаровой» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. I, стр. 232).

— Дмитриев — Иван Иванович, поэт, бывший Министр Юстиции.

— Жихарев — Степан Петрович (род. 18 февраля 1788, ум. 31 августа 1860), питомец Московского Университетского Благородного Пансиона (1805 — 1806), где познакомился и сдружился с братьями Тургеневыми, Жуковским, Дашковым, Блудовым и др.; служил в Петербурге в Коллегии Иностранных Дел, в Канцелярии статс-секретаря П. С. Молчанова, в Театральном Комитете, был Московским Губернским Прокурором (1823 — 1827), Обер-Прокурором 8-го (Московского) Департамента Сената (1828 — 1839), наконец — сенатором (1839 — 1843), а затем, по переселении в Петербург, — Председателем Театрально-Литературного Комитета при

Дирекции Театров. Имя Жихарева связано со многими выдающимися именами русской литературы первой четверти XIX столетия, — он был в более или менее дружеских отношениях со всеми современными ему литераторами от Пушкина до Шишкова и знал всех актеров своего времени, так как с юных лет был страстным любителем театра; он делал попытки писать театральные пьесы, но они были неудачны; тем не менее, имя его тесно связано с историей нашего театра благодаря, между прочим, «Дневнику Студента» («Москвитянин» 1853) и «Воспоминаниям старого театрала» («Отеч. Зап.» 1854); они написаны были на основании дневников, которые он вел в течение 48 лет и которые изданы лишь отчасти («Дневник Студента» и «Дневник Чиновника» изданы вместе редакцией «Русского Архива» в 1890 г.). С Пушкиным Жихарев был знаком еще по «Арзамасу», в который был принят, с именем «Громобоя», еще в конце 1815 года, при чем при вступлении в «Арзамас» должен был, как прежний член Шишковской Беседы любителей Русского слова, подвергнуться особой церемонии отпевания, исполненного над ним секретарем «Арзамаса» — Жуковским. Арзамасцы относились к нему с доверчивостью и дружеским расположением, хотя Жихарев далеко не всегда был достоин этой близости; однако, как человек умный и ловкий, он умел поддерживать свои старые связи с друзьями молодости, которых ему суждено было почти всех пережить. О Жихареве см. статью Б. Л. Модзалевского в «Русском Биографическом Словаре» (том на Ж., стр. 49 — 52). № 315.

— У Дмитриева было несколько причин сердиться на Полевого: как представитель старой литературной школы, признававший новые литературные течения лишь с известными оговорками и ограничениями, он не мог примириться с суждениями увлекающегося, пылкого редактора «Московского Телеграфа», на страницах которого проповедывались самые крайние романтические идеи; с другой стороны, как ближайший и старейший друг Карамзина, он был возмущен Полевым за его статью об «Истории Государства Российского» и за «Историю Русского Народа»; кроме того, «Телеграф» в это время, по выражению Погодина, «ругал без памяти» не только Пушкина, Боратынского, Дельвига, но и самого Ив. Ив. Дмитриева; «Телеграф, остервенелый и застрахованный», — писал Погодин Шевыреву в письме от 29 марта 1830 г.: «кажется, пишет пародии на него [Пушкина], Боратынского, И. И. Дмитриева, Дельвига, Языкова, Вяземского, — почти напрямки» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 135 и 162); наконец, сверх этих ближайших причин, недовольство на Полевого и на Сергея Николаевича Глинку, как цензора его журнала, было вызвано, тем, что в «Московском Телеграфе», еще в конце 1828 года, были напечатаны статьи против Каченовского, а последний, усмотрев в одной статье «Телеграфа» место, будто бы оскорблявшее в его лице всё сословие профессоров Московского Университета, послал с товарищами «прошение к Министру Народного Просвещения, где выставлял издателя «Московского Телеграфа», как оскорбителя ученого сословия, и просил расправы с дерзким своевольником, а еще более с явным его сообщником — цензором Глинкою, который дозволяет ему печатать всё, что он хочет» («Записки К. А. Полевого», С.-Пб. 1888, стр. 249 — 250). Полевому грозило закрытие журнала, но он, не убоявшись этого, стал печатать резкие и насмешливые статьи, за подписью «Иван Бенигна», которые писал под влиянием глубокого негодования, изобразив в них «многолетние литературные проделки Каченовского»: последний «был засыпан указаниями на его ошибки, промахи, озлобление, чаще всего выражавшиеся против истинных дарований, начиная от Карамзина до Пушкина, против которого в это самое время писал в «Вестнике Европы» тогдашний сотрудник Каченовского Надеждин, подписывавший свои статьи псевдонимом *Надоумка*. Николай Алексеевич нарочно избрал разговорную форму его статей, ввел в свои статьи даже одно из лиц, изобретенных Надеждиным, и дал полный разгул своему перу. Это была, может быть, самая жестокая из всех его полемических выходок» (там же, стр. 250 — 251); она окончилась благополучно и для Полевого, и для его цензора Глинки; равным образом не

№ 315. имела дурных для них последствий и жалоба Каченовского с товарищами, признанная неосновательною (там же, стр. 259—254; «Записки С. Н. Глинки», С.-Пб. 1895, стр. 352—353; Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 264—275; ср. заметку Пушкина; «Отрывок из Литературных летописей», написанную 27 марта 1829 г.). Не так окончилась для Глинки другая история, возникшая почти одновременно. В «Московском Вестнике» (№ 1 за 1830 г., в отделе «Нравы») была помещена статья «Рекомендации Министра» (она принадлежала перу цензора С. Т. Аксакова), а в альманахе «Денница», изданном М. А. Максимовичем, на стр. 121-й, была напечатана элегия С. С. Тепловой на смерть одного утонувшего или утопившегося студента-юноши, под заглавием «К***»; в ней, неизвестно почему, усмотрели намек на гибель Рылеева или кого-нибудь другого из декабристов, а под гробницею, в которую бьют волны, уразумели Петропавловскую крепость. Бенкендорф, 30 января 1830 г., сообщил Московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну, что император «с неудовольствием изволил заметить» эти статьи, из коих первая, «кроме явного неприличия, написана слогом площадным, позорящим Отечественную Словесность, стихи же, очевидно, имеют направление не благоправное». Так как обе сии статьи одобрены были к напечатанию Ценсором Сергеем Глинкою, то его величеству угодно было повелеть за такую неосмотрительность посадить его на две недели на гауптвахту». («Щукинский Сборник», вып. I, М. 1902, стр. 296—297). Кс. А. Полевой, в «Записках» своих нарисовавший живой портрет Глинки, пишет по этому случаю: «Сначала его посадили на гауптвахту, бывшую во дворе Сената (в Кремле). Когда знакомые Глинки, — а кто не знал его в Москве? — услышали, что он сидит на гауптвахте, многие поехали навестить его. Число посетителей увеличивалось беспрестанно, так что через несколько дней Сенатская гауптвахта представляла что-то вроде гулянья: подле нее было всегда несколько экипажей, и гостей у Глинки собиралось иногда так много, что в небольшой занимаемой им комнате бывало тесно. Он был очень рад этому, встречал всех с веселым лицом, смеялся, шутил и говорил без умолку или пел французские романсы, аккомпанируя себе на маленьком фортепьяно, которое велел себе привезти из дому. К нему привозили всяких припасов, фруктов, вина, и он пировал сам и угощал посетителей. Раз, в веселом расположении, он вздумал угостить солдат, державших караул на гауптвахте, достал как-то полведра пеннику и отдал его солдатам, приглашая их выпить за здоровье всех добрых людей. Офицер, видно, не досмотрел этого и встревожился, когда увидел своих солдат пьяными и готовыми кричать ура Глинке. Он тотчас донес об этом по начальству, явился плац-майор, добрый толстяк, кажется, даже приятель Глинки, и, вероятно, сам смеясь внутренно, стал объяснять ему, что арестант не имеет права потчивать водкою своих стражей. Глинка восстал против него, засыпал его филантропическими возгласами, и тот, видя, что с ним не сговоришь, почел необходимым доложить коменданту о необыкновенном происшествии, случившемся на Сенатской гауптвахте. Комендант приказал перевести Глинку на главную гауптвахту (бывшую тогда под Ивановской колокольнею) и держать его там построже. На другой день плац-майор явился для исполнения приказания коменданта, но не рано, когда у Глинки была уже толпа гостей. После нескольких обиняков он объявил ему, что комендант приказал перевести его на главную гауптвахту. Глинка запрыгал и, прищелкивая, запел какую-то французскую песню. «Очень рад, очень рад!» — сказал он потом. «Приятно прогуляться по чистому воздуху! А приятели проводят меня!» прибавил он, обращаясь к своим гостям. «Фортепиано пойдут со мной под арест и туда: дайте же мне людей перенести их!» — сказал он плац-майору. Вскоре все вещи Глинки были расхвачены гостями, слугами их и несколькими инвалидами; началось шествие от Сената до Ивановской колокольни: впереди шел Глинка с плац-майором; вокруг них и позади — толпа гостей арестанта, которые несли кто кисет, кто трубку его, кто кружку и всё остальное. Тут же несли фортепиано. Всё это составляло невиданную процессию, не

унылую, а веселую и смешную импровизированную комедию. — С ликованием Глинка водворился в новой своей квартире. Плац-майор не мог же гнать гостей его, видя в них по большей части людей порядочных; так это и продолжалось до окончания ареста Глинки, неожиданно сократившегося тем, что из Петербурга дано было знать о немедленном освобождении заключенного цензора, которого назначено было продержать под арестом три дня, а по ошибке или недоразумению написано было: три недели. Плац-майор был рад освобождению его чуть ли не больше всех и уверял, что никогда еще не бывало в ведении его такого беспокойного арестанта» (Записки, С.-Пб. 1888, стр. 244 — 245). Кн. Вяземский, сообщая об этом эпизоде А. И. Тургеневу, рассказывал, что Глинка «просидел неделю на гауптвахте с Ценсурным Уставом. «В самом деле», он говорил: «не я взят под караул, а Устав» — и нес его через улицу в сопровождении полицейского офицера» («Остаф. Архив», т. III, стр. 209). М. А. Дмитриев пишет, что арестное заключение «было торжеством Глинки! Как узнали в Москве, что Глинка на гауптвахте, бросились навещать его: в три-четыре дня перебывало у него человек триста, с визитом. Дядя мой [Ив. Ив. Дмитриев], бывший некогда Министром Юстиции, один из первых навестил его. Не всякий бывший министр на это бы решился» («Мелочи из запаса моей памяти», М. 1869, стр. 109). Вслед за этим происшествием (о нем см. еще в «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 132) у Глинки вышло крупное столкновение с Ценсурным Комитетом и новым Попечителем Университета князем С. М. Голицыным из-за несоблюдения формальностей при пропуске Глинкою стихов некоего Н. А. Кашинцова (родственника Л. В. Дубельта и затем тайного агента III Отделения) на приезд Николая I в Москву (о нем см. выше, на стр. 386 — 388: о театральном скандале в театре С. В. Карцовой). Глинка, считая себя незаслуженно оскорбленным, отправился в Петербург, куда уже послана была Попечителем бумага Министру Народного Просвещения князю К. А. Ливену, — с жалобою к этому самому Министру, — но вместо объяснения вышла обоюдная перебранка, при чем Министр грозил ему даже жестами. «Взволнованный светлейшими кулаками министра», рассказывает Глинка: «я, по выходе от него на улицу кричал, что от самоуправства министров будут вспыхивать каждый день *четырнадцатые* декабри. Чем кто ближе к престолу, тем виновнее, если в человеке забывают человека» «Записки», С.-Пб. 1895, стр. 354 — 356). По возвращении в Москву Глинка потерпел окончательное крушение: за пропуск в «Московском Телеграфе», летом 1830 года, пасквиля «Утро в кабинете знатного барина», в котором были задеты князь Н. Б. Юсупов и Пушкин по поводу его «Послания к вельможе» (Глинка, не читавший «Послания», не понял смысла пасквиля), он был, в конце июля, уволен от службы по высочайшему повелению (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 19 — 23; Б. Л. Модзалевский, «Послание к Вельможе» — «Художеств. Сокровища России» 1907 г., № 6, стр. XXII — XXIV; Н. К. Козмин, «Очерки из истории русского романтизма», С.-Пб. 1903, стр. 501 — 502; два письма с ходатайством о Глинке кн. П. А. Вяземского — к Е. М. Хитрово и к Д. Г. Бибикову см. в «Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 83 — 88 и Прилож. к Отчету имп. Публичной Библиотеки за 1895 г.). Следом личных отношений Пушкина и С. Н. Глинки, о «пылкости и неустрашимости духа» и «красноречии сердца» которого поэт с сочувствием упоминает в названной выше статье своей «Отрывок из литературных летописей», — являются лишь два письма, которыми они обменялись в марте 1836 г. по поводу «Записок» Глинки (их, повидимому, Пушкин предполагал печатать в своем «Современнике»). О самом Глинке (род. 1776, ум. 1847; ср. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 171, стр. 492) приведем слова хорошо его знавшего кн. Вяземского, посвятившего Глинке особую заметку, вызванную его смертью: «Недавно жил среди нас Русский писатель, который во время оно проливал слезы слушая «Семиру» Сумарокова, и смеялся вчера, слушая «Ревизора» Гоголя. Он был современником и учеником Княжнина и одним из литературных сподвижников в эпоху Карамзина. Он беседовал с Пушкиным — и многими *№ 315.*

№ 315. годами пережил его. Он известен с 1784 года и кончил свое земное и литературное поприще в 1847 году. Во всё течение этих долгих годов он был преимущественно, беспрерывно и почти исключительно писателем и более ничего... В продолжение этого, свыше пятидесятилетнего периода писатель сей с добросовестною и неутомимою деятельностью, по мере сил и способностей своих, служил и содействовал общей пользе. Умирая, мог он, себе в отраду, другим в назидание, сказать, что в оставшихся по нем творениях он ни единою строкою не изменил священнейшей обязанности писателя: искренно и честно обращаться со словом, — по прекрасному выражению Гоголя. Писатель сей — Сергей Николаевич Глинка» и т. д. (Соч., т. II, стр. 335 — 347). Отзывы других современников также благоприятны для Глинки, который в истории Русской словесности первой трети XIX века представляет живую и оригинальную фигуру.

— Катерина Андреевна — Карамзина, вдова историографа, сестра кн. П. А. Вяземского, внебрачная дочь его отца, кн. Андрея Ивановича; она с семьею жила в Петербурге. Пушкин в молодые годы был к ней неравнодушен (см. «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 53), а затем питал к ней почтительно-нежные чувства и относился к ней с большим и неизменным уважением, — что доказывается, между прочим, тем, что он вспоминал о ней во все важные моменты своей жизни: «Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? Я уверен в ее участии, — но передай мне ее слова: они нужны моему сердцу, и теперь не совсем щастливому», — писал он кн. П. А. Вяземскому 2 мая 1830 г. (см. ниже, в письме № 330). Уже перед самою смертью он опять обратился к ней мыслью — и пожелал ее видеть и просил перекрестить его (см. П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXV — XXVII, стр. 40 и др). О Карамзиной см. в нашем издании «Дневника» Пушкина, Пгр. 1923, стр. 31 — 35, и Моск. издание «Дневника», стр. 83 — 84. С членами семьи Е. А. Карамзиной поэт был также очень близок и во время своих приездов в Петербург был частым у них гостем. В альбоме двух сестер Карамзиных — старшей, Софии Николаевны, и младшей, Екатерины Николаевны (в 1828 г. вышедшей замуж за князя Петра Ивановича Мещерского) Пушкин в конце 1827 г. записал свои стихотворения: «Три Ключа» и «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» (см. Б. Л. Модзалевский, «Новые строки Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXVIII, стр. 1 — 4, и его же: «Из альбомной старины» — «Русский Библиофил» 1916 г., кн. VI, стр. 66 — 83).

— Коп — содержатель известной в свое время гостиницы и ресторана в Москве, близ Тверской, в Глинищенском переулке («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 437); ср. выше, стр. 385. Пушкин упоминает о нем в одной из отброшенных строф «Домика в Коломне» (см. «Домик в Коломне», под ред. М. Л. Гофмана. — Труды Пушкинского Дома, Пб. 1922, стр. 62 и 63).

— Гагарин Театральный — князь Сергей Сергеевич (род. 24 ноября 1795 в Москве, ум. 5 сентября 1852 г. в Петербурге); он служил в Коллегии Иностранных Дел, с 1815 г. был камер-юнкером, в 1820 г. перешел в Придворно-Конюшенное ведомство и состоял с 1821 г. советником Придворно-Конюшенной Конторы, в 1827 г. служил в Капитуле Орденов и в 1828 г. пожалован был в гофмейстеры. В 1827 — 1828 гг. он был членом Комитета, заведывавшего императорскими Театрами, а с 1829 по май 1833 г. был Директором императорских Театров (ср. «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1556 — 1557), в истории которых его имя связано с некоторыми важными реформами; отзывы современников о нем, как о театральном деятеле, однако, весьма противоречивы. Последние годы жизни Гагарин был обер-гофмейстером и Президентом Гоф-Интендантской Конторы. Летописец Петербургских театров А. И. Вольф пишет, что кн. Гагарин «в продолжение четырехлетнего управления привел театральное хозяйство в некоторый порядок. Суммы на расходы стали отпускаться своевременно, все заготовки стали дешевле и лучше, но артисты не очень пожалели о князе: он был груб, вспыльчив, недоступен, Русским театром вовсе не занимался, не любил его и заглядывал туда очень редко. Несколько лет спустя, князь Гагарин был

убит каким-то отставным сторожем, который требовал себе пенсию из Кабинета и, не получив ее, приписал это недоброжелательности Вице-Президента» («Хроника Петербургских Театров», ч. I, С.-Пб. 1877, стр. 37). Письмо к нему Пушкина до нас не сохранилось, и даже неизвестно его содержание. № 316.

316. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 77). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 437—439; подлинник был у графа С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— «Письмо, давно написанное», — вероятно, предыдущее, № 315.

— Под «проектом новой организации» можно подразумевать, вероятно, ходившие тогда слухи об освобождении помещичьих крестьян с землею и о других крупных реформах. По поводу первого П. И. Бартенев говорит: «Этот проект не удался вследствие несогласия великого князя Константина Павловича, которому государь, из братской вежливости, посылал на рассмотрение все важнейшие государственные бумаги ...» (см. «Девятнадцатый Век», кн. 2, стр. 176; «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 437 — 438; 1884 г., кн. I, стр. 306). По этому же поводу Погодин писал Шевыреву 23 марта 1830 г.: «Говорят о больших преобразованиях, уничтожении чинов [т.-е. Петровской «Табели о рангах»] и проч.; но это всё слухи, хотя и достоверные, да без подробностей» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 162). — Князь Вяземский 17 июня 1830 г. писал Ив. Ив. Дмитриеву: «Государя ожидают сюда к 24-му, а вслед за ним — Петергофский праздник и обнародование, столь давно обещанное, новых постановлений и преобразований государственных и гражданских» («Русск. Арх.» 1868, № 4). Слухи эти, не оправдавшиеся на деле (см. ниже, в письме Пушкина № 379, и в объяснениях, стр. 478), имели своим источником деятельность секретного Комитета (обыкновенно называемого Комитетом 6 декабря 1826 г., — по дате его учреждения), состоявшего под председательством гр. В. П. Кочубея и имевшего своею задачею пересмотр всего государственного устройства и управления; его главные работы закончились к концу апреля 1830 года. Все они сосредоточились около двух главных пунктов: около вопроса о высших государственных учреждениях, их взаимоотношениях и об отношениях к ним местных учреждений, и около вопроса о государственных состояниях (сословиях) — отчасти в связи с вопросом о порядке прохождения государственной службы; был, между прочим, выработан проект «дополнительного закона о состояниях». Проекты Комитета предполагалось, по обсуждении в Государственном Совете, облечь в торжественную форму манифеста. «Не изменяя ничего по существу в основах государственного и общественного строя», говорит М. А. Полиевктов: «такою мерою думали, повидимому, удовлетворить общественное мнение, удрученное исходом попытки декабристов и постигшею их суровою карою. В действительности, дальнейшее движение получили лишь проекты дополнительного закона о состояниях и присоединенных к нему указов. 6 марта 1830 г. эти проекты были внесены в Государственный Совет, где и обсуждались до конца июня т. г. В Государственном Совете все эти проекты встретили ряд сильных возражений.. Проект вызвал возражения и со стороны цесаревича Константина Павловича. Представленные им по этому поводу в Государственный Совет две записки имели, повидимому, решающее значение». Между тем, по словам цитированного новейшего историка царствования Николая I, «Европейские события 1830 и 1831 гг., июльская революция во Франции, Бельгийская революция и Польское восстание, отчасти в связи с тяжелыми событиями, происходившими одновременно в самой России (холерная эпидемия, бунт в Севастополе и в военных поселениях), окончательно определили то направление как внешней, так и внутренней политики императора Николая I, которое начало уже складываться в первые годы Николаевского царствования. Все эти события пробудили в нем с новою силою решимость бороться с революционным духом и стать на защиту монархического принципа... Правительственная политика теперь, под влиянием этих событий, принимает большую устойчивость и окончательно складывается в консервативную программу...

№ 316. Во внутренней политике экстренные меры запретительного характера начала царствования уступают место последовательно развитой и последовательно проводимой охранительной системе» (М. Полиевктов, «Николай I. Биография и обзор царствования», М. 1918, стр. 85 и 113, 204, 207). — Вопросы сословные, занимавшие Комитет 6 декабря 1826 г. и вскоре получившие разрешение в целом ряде законоположений, касавшихся дворянства и его благосостояния и ограждения, почетного гражданства, крестьянства (см. назв. соч., стр. 291 — 320), в 1830 году очень интересовали и Пушкина; он написал по этому поводу значительное количество заметок, законченных и черновых, в которых касался волновавшего его вопроса о родовой и литературной аристократии (см. Соч., ред. Венгерова, т. IV и V, стр. 903, 904, 906, 911, 913, 917, 918, 922, 923, 925). Это и была та «политическая проза», в которую «пустился» Пушкин. «Литературная Газета» в статьях и других сотрудников также касалась этой темы (см., напр., № 36, стр. 293, № 43, стр. 72 и др.). Ср. также в письмах Погодина к Шевыреву от 23 декабря 1829 г. и кн. П. А. Вяземского к М. А. Максимовичу от 23 января 1831 г. — «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 125, 126.

— 4 июня 1821 г. Кн. Вяземский был исключен из службы в Варшавской Канцелярии Н. Н. Новосильцова; оскорбленный этим, он подал прошение и о выключке его из придворного звания камер-юнкера, которое носил с 1811 г. (См. рассказ самого Вяземского в «Русск. Арх.» 1888 г., кн. III, стр. 172 — 173). «Сей крутой и необыкновенный разрыв со службою запечатлел», по его словам, в глазах многих его «политическое своеволие», поставил его в ряды оппозиции и принудил к почти девятилетнему служебному бездействию. Лишь 18 апреля 1830 г. он снова вступил в службу, быв назначен чиновником особых поручений при Министерстве Финансов (Министром был гр. Е. Ф. Канкрин). — «Моя участь почти решена», писал он А. И. Тургеневу 21 апреля: «Ты знаешь, что всё это время был я целью доносов, предубеждений и прочего. Приехав сюда, увидел я, что никто не может помочь мне: один Бенкендорф имеет доступ, а этот Бенкендорф, по месту своему, именно источник и проточник, через который прибивался прилив и отлив неблагоприятных впечатлений для меня. Как же ожидать от него противодействия в собственном деле?.. Всё, что я мог от него надеяться, это — прекращение враждебного действия, несколько слов слабых и неподсказанных внутренним убеждением, — всё это до первого доноса Булгарина или другого нашего Видока. Ничего не мог основать я прочного на таких пособиях и решился написать прямо к государю письмо, в котором говорил, что я был оклеветан перед ним... Государю мое письмо понравилось; он велел мне сказать, что принимает меня в службу обеими руками и хотел, чтобы я определился по Министерству Финансов. Таким образом я при Канкрине чиновником по особым поручениям; ибо я не захотел вице-губернаторского места, не осмотревшись прежде... Приходило так, что непременно должно было мне или в службу, или вон из России» («Остаф. Арх.», т. III. стр. 191 — 192). В столь несвойственную характеру князя Вяземского службу, как Министерство Финансов, он был определен по желанию имп. Николая, хотевшего «отрезвить» князя от «политических мечтаний» (Русск. Арх.» 1906 г. кн. III, стр. 134). Вскоре затем (8 августа 1830 г.) кн. Вяземский был перемещен членом Общего Присутствия Департамента Внешней Торговли и командирован (9 августа) в Москву — в качестве члена Комитета для устройства там Выставки Российских изделий. 5 августа 1831 г. он был пожалован в звание камергера, что означало примирение с ним правительства. Впоследствии кн. Вяземский был Вице-Директором Департамента Внешней Торговли, академиком Отделения Русского языка и словесности Академии Наук (с 19 октября 1841 г.), а затем Товарищем Министра Народного Просвещения.

— Солнцев — Матвей Михайлович Сонцов (род. 1779, ум. 1847) — дядя Пушкина, муж его родной тетки Елизаветы Львовны, рожд. Пушкиной (род. 1776, ум. 1848), камергер, Непременный Член Мастерской Оружейной Палаты, богатый помещик Зарайского уезда Рязанской губернии. Е. Л. Сонцова, по словам знавшей ее в 1832 г. Е. И. Раевской, рожд. Биби-

ковой, «была уже пожилой женщиной, но полна претензиями. Позднее о Пушкине не говорила она иначе, как вздымая очи к потолку: «Mon neveu, pauvre victime!» Невольно, глядя на нее, бывало, вспомнишь Грибоедова:

«Словечка в простоте не скажет, —
Всё в ужимкой»!

Когда однажды дочь Е. Л. Сонцовой заболела, последняя встретила вызванного доктора «в гостиной, лежа на диване в живописной позе и нюхая какие-то соли из флакона. Ломаясь, начала она распространяться ему о своем материнском чувстве... А в сущности двум ее дочерям, прелестным девушкам, было в родительском доме житье очень плохое» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. I, стр. 301). Ольга Матвеевна — одна из этих двух дочерей Сонцовых; она умерла 21 января 1880 г.; о них см. выше, в письмах №№ 142 и 219 и в объяснениях к ним, т. I, стр. 435 и т. II, 195.

— О Сибилеве см. выше, стр. 75 и 387.

— Приписка на письме Пушкина принадлежит руке графа Федора Ивановича Толстого («Американца»), который, как мы упоминали выше (стр. 339), как раз в это время выступал сватом Пушкина перед Натальей Ивановной Гончаровой. При первой публикации письма в «Русск. Архиве» 1874 г. приписка Толстого была означена, как приписка «неизвестного лица»; в Акад. изд. Переписки (а за ним и в издании под ред. С. А. Венгерова, т. VI) неправильно отнесена к П. В. Нащокину; судя по почерку подлинника — вновь нами просмотренного для нашего издания, она несомненно принадлежит гр. Ф. И. Толстому, что̀ и понятно в виду частых свиданий с ним Пушкина в этот приезд его в Москву; через него Пушкин добивался согласия своей будущей тещи на брак с Н. Н. Гончаровой. О графе Ф. И. Толстом см. выше, в т. I, стр. 24, 25, 34, 233—234, 248, 430, 433 и книжку С. Л. Толстого: «Федор Толстой Американец», М. 1926.

317. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 77). Впервые напечатано, в пересказе, в «Русской Старине» 1874 г., т. X, стр. 704, в «Русск. Стар.» 1899 г., т. XCVIII, май, стр. 252 (неполно) и в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 124—125 (полностью); подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Пушкин отвечает на письмо Бенкендорфа от 17 марта 1830 г., за № 993, в котором тот писал следующее: «К крайнему моему удивлению услышал я, по возвращении моем в Петербург, что вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предваря меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня вас просить о уведомлении меня, какие причины могли вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины, вас побудившие к сему поступку, будут довольно уважительны, чтобы извинить оный; но я вменяю себе в обязанность вас предуведомить, что все неприятности, коим вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведению» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 121).

— Французская фраза в письме Пушкина означает: «Вы всегда на больших дорогах»... Ответив Бенкендорфу 21 марта, Пушкин 24 марта снова писал к нему по поводу полученного выговора (см. ниже, № 319); на оба письма Бенкендорф ответил ему 3 апреля и старался его успокоить уверениями в том, что положение его вовсе не так непрочно и неверно, как ему кажется.

318. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 78). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г. кн. I ст. 439—440; подлинник был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева; ныне в Центрархиве. Письмо можно датировать: «не ранее 18 марта» (см. М. А. Цявловский — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 103, примеч. 3-е).

— «Доношение» от Бригадира Александра Сумарокова в Государственную Штатс-Контору включено в «состряпанную» князем Вяземским статью «О Сумарокове», вошедшую в № 28 «Литературной Газеты» от 16 мая 1830 г., стр. 222—225; статья эта составилась: из вступительной заметки Вяземского (в которой он очертил облик Сумарокова как человека и дал

№ 318. объяснение двум опубликованным в статье документам), из упомянутого «доношения» и из письма Сумарокова к Потемкину-Таврическому с приложением записки о денежном деле с Демидовым; последние — т.-е. письмо и записка — сообщены были по копии с подлинника, находившегося тогда у Сергея Николаевича Глинки. «Две бумаги Сумарокова, здесь предлагаемые», писал, между прочим, Вяземский: «живо отражают его запальчивость, необузданность, сатирические и комические выходки ума его. Достоверность этих фактов не подвержена сомнению. Подлинник жалобы на Ломоносова отыскан в бумагах Миллера *надорванный*, — вероятно в Присутствии. Сохранен ли он, как любопытный документ, или как свидетельство, могущее повредить Ломоносову? Предоставляем другим решить недоумение, заметив, однако же, что Ломоносов и Миллер были врагами». В «доношении» своем, или доносе, как называет его Пушкин, не имеющем даты, Сумароков протестовал против взыскания с него денег, издержанных за напечатание его трагедий в типографии Академии Наук, — о чем Ломоносов, как Советник Академической Канцелярии, писал в Штатс-Контору. «Оный Ломоносов», говорит Сумароков: «яко человек, на которого я имею подозрения, по челобитью моему, в силу указов, как известный мне злодей, будет от моих дел отрешен. Оный Ломоносов, может быть, принял дерзновение делать таковые на меня нападения от того, что он часто от пьянства сходит с ума, что всему городу известно и (как уповательно), то он ту промеморию подписал на меня в обыкновенном своем безумстве; ибо Академия причины не имеет взыскивать с меня деньги таковым порядком; понеже я не только от казенных, но и ни от каких никогда не отпирался. Я Государственную Штатс-Контору нижайше прошу, чтобы она не состоящего под своим ведомством человека, по тому только одному, что он от нее жалованье получает, наказывать не благоволила; ибо ежели бы Академия хотела с меня деньги взыскивать, *(оскорбляя)* так чувствительно и меня, честного человека, то бы должна была она писать не в то место, от которого я жалованье получаю, но где я под ведомством состою; ибо всегда и часто с ума сходящий Ломоносов не может повелением своим ни одной полушки удержать из моего жалованья, хотя бы он и в целом уме был... А он, Ломоносов, таковые в пьянстве дерзновения делал неоднократно, за что содержался несколько времени под караулом и отрешен был от присутствия Конференции. А что он не в полном разуме, в том я свидетельствуюсь сочиненною им Риторикою и Грамматикою». Это окончание доноса Сумарокова в Штатс-Контору должно было особенно понравиться Пушкину.

— Гончаров, брат красавицы (т.-е. Натальи Николаевны), — Иван Николаевич, второй из трех братьев будущей жены Пушкина (старший, Дмитрий, был в это время при посольстве в Персии); он родился 22 мая 1810 г., 6 января 1829 г. из юнкеров л.-гв. Конно-Пионерного эскадрона был произведен корнетом в л.-гв. Уланский полк и участвовал в Польской кампании 1831 г. (о случае с ним после Остроленкской битвы см. в «Журнале для чтения воспитанн. Военно-Учебных Заведений» 1836 г., т. II, № 8, стр. 421 — 428) и 13 ноября 1831 г. переведен был в л.-гв. Гусарский полк. В сентябре 1833 г. Пушкин в письме к жене упоминал о какой-то неудачной матримониальной истории Ивана Гончарова и высказывал надежду, что свадьба его расстроится. В ноябре 1836 г. он принял участие в улажении первой ссоры поэта с Дантесом, а в январе 1837 г. был свидетелем на бракосочетании последнего со старшею своею сестрою Екатериною Николаевною (см. П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXV — XXVII). 27 апреля 1837 г., будучи поручиком л.-гв. Гусарского полка, И. Н. Гончаров женился на княжне Марии Ивановне Мещерской (ум. 31 июля 1859 г.), которая, по словам ее племянника, князя А. В. Мещерского, «была с молоду очень красива и соединяла блестящие дарования и остроумие с подкупающей добротой и с необыкновенной пылкостью и отзывчивостью сердца» («Русск. Арх.» 1900, кн. II, стр. 261); ее брат, князь Петр Иванович Мещерский, был с 1828 г. женат на дочери историографа Карамзина — Екатерине Николаевне, которой Пушкин на-

писал «Акафист»). В апреле 1840 г. Гончаров вышел в отставку гвардии ротмистром (К. Манзей, «История л.-гв. Гусарского полка», ч. III, С.-Пб. 1859, стр. 130), с января 1850 по октябрь 1852 г. был Уездным Предводителем дворянства в Волоколамске (Московской губ.), где у него было знаменитое имение Ярополец, посещавшееся и Пушкиным еще в 1833 году; потом он опять поступил на службу и 6 декабря 1854 г., во время Крымской кампании, произведен в полковники; в 1858 году Гончаров был избран кандидатом в члены от Волоколамского уезда в Московский Комитет для составления проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян («Моск. Ведом.» 1858 г., № 58), а в 1860 г. состоял для особых поручений при Рижском Военном, Лифляндском, Эстляндском и Курляндском Генерал-Губернаторе. Овдовев, он в 1861 г. женился снова — на дочери генерал-майора Екатерине Николаевне Васильчиковой (род. 1828), Произведенный в генерал-майоры, он в 1862 — 1863, 1872—1875 и 1878 — 1881 гг. был Волоколамским Уездным Предводителем дворянства. Умер 19 ноября 1881 г. и погребен в Волоколамском Иосифовом монастыре. В 1834 — 1837 гг. Гончаров был сослуживцем Лермонтова по л.-гв. Гусарскому полку; акварельный портрет его, в гусарской форме, находится в Пушкинском Доме. По словам хорошо его знавшего, в середине 1830-х годов, Андрея Николаевича Муравьева, это был «весьма блистательный лейб-гусарский офицер, светски образованный» («Русск. Обзор.» 1896 г., т. XXXVII, стр. 513). Имя И. Н. Гончарова не раз упоминается в письмах Пушкина к жене, но от него самого не осталось никаких указаний на его отношения к своему зятю — поэту; об отношениях его с Дантесом см. статью В. С. Нечаевой по материалам Гончаровского архива в сборнике «Московский Пушкинист», под ред. М. А. Цявловского, вып. I, М. 1927. № 318.

— Приводя отрывок из настоящего письма в статье своей «А. С. Пушкин, 1826 — 1837, по документам Остафьевского архива», кн. П. П. Вяземский писал: «Пушкин поражен был красотой Н. Н. Гончаровой с зимы 1828 — 1829 года. Он, как сам говорил, начал помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог трепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество. Почти те же выражения, которые приходилось впоследствии слышать от Пушкина, встречаются и в письме к жене его, от 17 апреля 1834 года, когда он говорит о своей временной холостой жизни в Петербурге... Холостая жизнь и несоответствующее летам положение в свете надоели Пушкину с зимы 1828 — 1829 года. Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на шутку около начала 1829 года. Напускной же цинизм Пушкина доходил до того, что он хвалился тем, что стихи, им посвященные Н. Н. Гончаровой 8 июля 1830 г.:

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец, —

что эти стихи были сочинены им для другой женщины» (Соч., изд. 1893, стр. 520—521).

— Елиза — Елизавета Михайловна Хитрова (см. выше, стр. 249 и др.), питавшая к Пушкину чувства пламенной дружбы и в это время, повидимому, уже знавшая о его решении свататься на Н. Н. Гончаровой. Как только он уехал из Петербурга, она стала писать ему письма; за две недели она послала ему четыре письма, из коих до нас сохранилось лишь одно, писанное как раз в то время, когда Пушкин писал о ней Вяземскому, — от 18 — 21 марта; приводим его здесь в переводе, для обрисовки тогдашнего отношения Хитрово к Пушкину: «Едва я начинаю успокаиваться по поводу вашего пребывания в Москве, как опять мне приходится дрожать за ваше здоровье — меня уверяют, что вы больны в Торжке. Ваша бледность — одно из последних впечатлений, оставшихся от вас у меня. Я беспрестанно вижу вас у этой двери, близ которой я на вас смотрела с блаженством, полагая, что, может быть, увижу вас на другой день, — а вы, бледный, расстроенный, несомненно сознавали ту горесть, которая мне

№ 318. предстояла в тот же вечер, — вы уже тогда заставили меня трепетать за ваше здоровье. Не знаю, к кому обратиться, чтобы узнать правду. Вот уже четвертый раз, что я вам пишу; завтра пятнадцатый день, как вы уехали: совершенно непонятно, что вы не написали ни одного слова; вы слишком хорошо знаете всю мою нежность, столь для меня тревожную и раздирающую; это не в вашем великодушном характере оставлять меня без известий о себе. Запрещайте мне говорить вам о себе, но не лишайте меня счастия быть вашим коммиссионером. Я буду говорить вам о большом свете, об иностранной литературе, о предположениях относительно перемены министерства во Франции. Увы, я у источника всякого рода вещей, но я одного лишена — счастия. Я сообщу вам, что радость третьего дня вечером была у меня полная. Великий князь Михаил Павлович приехал провести вечер с нами, и при виде вашего или, правильнее, ваших портретов,[1] сказал мне: «Знаете ли, что я никогда не видал Пушкина совсем близко? У меня были против него большие предубеждения; но по всему, что до меня доходит, я весьма желаю его узнать и особенно — желаю иметь с ним продолжительный разговор». Он кончил тем, что попросил у меня «Полтаву». Как я люблю, чтобы вас любили! — Хотя я с вами (не смотря на то, что знаю, как вы того не терпите) и тиха, и безобидна, и безропотна (resignée), всё же, по крайней мере, уведомляйте меня время от времени о получении моих писем. Я буду в восторге от одного вида вашего почерка. Я также желала бы узнать от вас самого, мой дорогой Пушкин, осуждена ли я свидеться с вами лишь через несколько месяцев. Сколько тягостного, раздирающего в одной мысли об этом. Но, видите ли вы, во мне есть внутренное убеждение, что, если бы вы знали, до какой степени мне необходимо вновь видеть вас, вы сжалились бы надо мною и вернулись бы ко мне на несколько дней!! Спокойной ночи, — я ужасно устала.

«20-го. Я только что вернулась от Филарета; он рассказал мне о недавнем происшествии в Москве, о котором ему ныне доносят; он присовокупил: расскажите это Пушкину. Я написала это на моем плохом Русском языке, точно так, как эта история была мне рассказана, и посылаю вам ее, не смея его ослушаться. — Благодарю бога: говорят, что вы благополучно прибыли в Москву; позаботьтесь о себе, будьте благоразумны. Как можно такую прекрасную жизнь бросать за окошко!

«21. Вчера вечером на репетиции каруселя, много говорили о вашей Седьмой песни [«Онегина»; ср. выше, стр. 269]: она имела общий успех. — *Императрица не ездит больше верхом.* — Итак, пишите мне правду, как бы она ни была прискорбна. Увижу ли я вас к Пасхе?» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 122—123; перевод — в сб. П. И. Бартенева: «Пушкин», вып. II, стр. 44 — 45; см. еще в сб. Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 174 — 176, в статье Н. В. Измайлова: «Пушкин и Е. М. Хитрова».

— Княгиня Мещерская — Екатерина Николаевна (род. 22 сентября 1806, ум. 10 ноября 1867), дочь Карамзина, которой Пушкин в 1827 г. посвятил «Акафист», — см. выше, стр. 392. Она была сердечно расположена к Пушкину, и смерть его очень ее огорчила; известно письмо ее о смерти поэта, получившее широкое распространение в копиях: см., напр., «Архив «Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, С.-Пб. 1909, стр. 344 — 348, и «Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 94 — 97. По ее заказу П. Ф. Соколов сделал автокопию с своего известного акварельного портрета Пушкина, которая до революции принадлежала графине Е. П. Клейнмихель, а ныне (1927) принадлежит Пушкинскому Дому Академии Наук. Выдержки из ее Дневников 1820 — 1826 гг. см. в «Стар. и Новизне», кн. XIII, стр. 3 — 26; об «Акафисте» ей и ее портрет см. в статьях Б. Л. Модзалевского в «Русск. Библиофиле» 1916 г. и в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. XXVIII.

— Выходка Булгарина — помещение им в № 30 «Северной Пчелы» 1830 г., от 11 марта, пасквиля на Пушкина, в виде «Анекдота», будто бы

---

[1] Судьба этих портретов Пушкина — без сомнения живописных — неизвестна. *Б. М.*

взятого из английского журнала. Пасквиль был вызван, ближайшим образом, появлением, в № 14 «Литературной Газеты» от 7 марта, анонимного критического отзыва о новом романе Булгарина «Дмитрий Самозванец»: отзыв, написанный бароном Дельвигом, Булгарин приписал Пушкину — и решил отомстить ему «Анекдотом», который приводим полностью, в виду значения его в биографии Пушкина (в это время Булгарин из восторженного почитателя сделался врагом поэта): «Путешественники гневаются на нашу *старую* Англию (Old England), что чернь в ней невежливо обходится с иноземцами и вместо бранных слов употребляет название иноземного народа. Но подобные невежды есть везде, и даже в классе людей, имеющих притязание на образованность. Tous les Gascons ne sont pas en Gascogne! — Известно, что в просвещенной Франции иноземцы, занимающиеся Словесностью, пользуются особенным уважением туземцев. Мальте-Брун, Деппинг, Гофман и другие служат тому примером. Надлежало иметь исключение из правила, и появился какой-то Французский стихотворец, который, долго морочив публику передразниванием Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец упал в общем мнении, от стихов хватился за Критику и разбранил новое сочинение Гофмана самым бесстыдным образом. Чтобы уронить Гофмана во мнении Французов, злой человек упрекнул Автора тем, что он не природный француз, и представляет в Комедиях своих странности Французов с умыслом для возвышения своих земляков, Немцев. Гофман, вместо ответа на ложное обвинение и невежественный упрек, напечатал к одному почтенному Французскому Литератору письмо следующего содержания: «Дорожа вашим мнением, спрашиваю у вас, кто достоин более уважения из двух Писателей: перед вами предстают на суд, во первых: природный Француз, служащий усерднее Бахусу и Плутусу, нежели Музам, который в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины, у которого сердце холодное и немое существо, как устрица, а голова — род побрякушки, набитой гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея; который, подобно исступленным в басне Пильпая, бросающим камнями в небеса, бросает рифмами во всё священное, чванится перед чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных, чтоб позволили ему нарядиться в шитый кафтан; который марает белые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленых листах, и у которого одно господствующее чувство—суетность. Во-вторых,—иноземец, который во всю жизнь не изменял ни правилам своим, ни характеру, был и есть верен долгу и чести, любил свое отечество до присоединения оного к Франции и после присоединения любит вместе с Францией, который за гостеприимство заплатил Франции собственною кровью на поле битв, а ныне платит ей дань жертвою своего ума, чувствований и пламенных желаний видеть ее славною, великою, очищенною от всех моральных недугов, который пишет только то, что готов сказать каждому в глаза, и говорит, что рад напечатать. Решите, М. Г., кто достоин более уважения?»—На сие Французский Литератор отвечал следующее: «В семье не без урода. Трудитесь на поле нашей Словесности и не обращайте внимание на пасущихся животных, потребных для удобрения почвы. Пристрастная критика есть материал удобрения; но этот материал, согнивая, не заражает ни зерна, ни плода, а напротив утучняет ниву». Утешься, Джон Буль! [подстрочное примечание: «Название Английского народа в переносном смысле. Изд.»] не ты один бросаешь камнями и грязью в добрых иноземцев (Из Англ. Журнала)» (Ср. «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 163—165). Не довольствуясь этим выпадом против Пушкина, Булгарин в №№ 35 (от 22 марта) и 39 (от 1 апреля) «Северной Пчелы» поместил еще рецензию на только что перед тем вышедшую в свет Седьмую главу «Онегина» (см. там же, стр. 165 — 171), — рецензию, полную глумления, издевательств и придирок, — настолько резких, что Николай I, прочтя первую статью (в № 35), писал Бенкендорфу (по-французски) записку следующего содержания: «Я забыл вам № 318.

№ 318. сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение: поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения: и, если возможно, запретите его журнал». («Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 7—8). Бенкендорф доложил государю: «Приказания вашего величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина. — Я прочел ее, государь, и должен сознаться, что ничего личного против Пушкина не нашел; эти два автора, кроме того, уже два года в довольно хороших отношениях между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за Кавказскими горами и великие события, обессмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того Московские журналисты ожесточенно критикуют Онегина. Прилагаю при сем статью против Дмитрия Самозванца, чтобы ваше величество видели, как нападают на Булгарина. Если бы ваше величество прочли это сочинение, то вы нашли бы в нем много очень интересного и в особенности монархического, а также победу легитимизма. Я бы желал, чтобы авторы, нападающие на это сочинение, писали в том же духе, так как сочинения — совесть писателей» (там же, стр. 8—9). — «Однако эта горячая защита Булгарина с лукавым обвинением самого Пушкина», говорит П. А. Ефремов: «хотя и выгородила первого, но не вызвала ему поощрения. Государь написал; «Я внимательно прочел критику на Самозванца и должен сознаться, что так как я не мог пока прочесть более двух томов и только сегодня начал третий, то про себя или в себе (j'ai fait pour moi même ou en moi même) размышлял точно так же. История эта, сама по себе, более чем достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главного события. А потому с этой стороны критика мне кажется справедлива. — Напротив того в критике на Онегина только факты и очень мало смысла, хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менее благородному, нежели его Полтава. Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде» (там же, стр. 9—10) Еще не прочтя статьи Булгарина об «Онегине», Пушкин обратился, 24 марта, с письмом к Бенкендорфу (см. ниже, № 319), заранее желая оградить себя от новых возможных выступлений своего врага, в № же 20 «Литературной Газеты» от 6 апреля появилась (стр. 162) известная статья Пушкина «О Записках Видока»; написанная еще в первой половине марта, она предназначалась для помещения в «Московском Вестнике», но Погодин уклонился от этого (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 109; Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 17); статья Пушкина (без подписи) была послана из Москвы, вероятно, одновременно с письмом поэта к Бенкендорфу от 24 марта (ниже, № 319; ср. Соч., изд. Суворина, ред. Ефремова, т, VIII, стр. 607), но должна была пройти еще через цензуру, почему несколько и запоздала появлением в свет; по словам барона А. И. Дельвига, Пушкин особенно хотел, чтобы она появилась именно 6 апреля, в день св. Пасхи, в виде «красного яичка» Булгарину («Мои воспоминания», т. I, стр. 101—102). Она, действительно нанесла жестокий удар Булгарину (он, по выражению Дельвига, даже «поглупел» от нее), на критику которого на «Онегина» Дельвиг в том же № ответил (стр. 161) остроумною заметкой.[1] О дальнейшей полемике см. ниже, в объяснениях к письму № 330, и в статье А. Г. Фо-

[1] По сопоставлению времени появления критики Булгарина (1 апреля) и ответа «Литературной Газеты» (6 апреля) видно, что Пушкин не мог принимать участия в составлении этого ответа, как ошибочно полагает Н. О. Лернер («Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 11—13).

мина «Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов» — в Соч. Пушкина, под ред. Венгерова, т. V, стр. 464 и след. В то же время, когда Булгарин сердился на Пушкина, он причинял неприятности и Жуковскому, — повидимому, наклеветав на него, — и Жуковский вынужден был оправдываться перед самим Николаем I (см. в письме его от 30 марта 1830 г. — «Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 112 — 113). № 318.

— Граф Панин — Александр Никитич (род. 1791, ум. 1850) (а не граф Виктор Никитич, который в 1830 г. был Поверенным в делах в Греции), бывший «архивный юноша» (1809 — 1812), участник Отечественной войны, контуженный под Лейпцигом, кирасир, а затем кавалергард (1817 — 1820) и снова кирасир, с мая 1825 г. был в отставке, в которой провел около 5 лет, — до 27 апреля 1830 г., когда, по предложению Николая I, занял место чиновника для особых поручений при Попечителе Московского Учебного Округа кн. С. М. Голицыне. при чем его надзору был вверен Университет и частные мужские учебные заведения. Формалист и «деспот» в отношении к студентам и к профессорам, никогда не говоривший с первыми, а лишь повелительно кричавший на них своим густым басом, он в кругу родных и знакомых слыл за человека кроткого нрава и возвышенных чувств. Князь П. А. Вяземский знал его очень близко в период Московской своей жизни, о чем свидетельствует граф М. Д. Бутурлин («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 205), который рассказывает о нем такой случай: «Граф А. Н. Панин был чрезмерно высокого роста. Во время занятия Парижа в 1814 году, он..., сидя однажды в первых рядах партера, заслонял собою сидевших позади его, которые воображали, что впереди их стоит, а не сидит зритель, и потому начался крик: «assis, m-r l'officier, assis!» («Садись, г. офицер, садись!»). Тогда граф Панин встал на ноги и, обернувшись к публике, сказал во всеуслышание: «Messieurs, me voilà debout» («Теперь, господа, я стою») и затем, опустившись на кресло, добавил таким же громким голосом: «et maintenant, messieurs, me voilà assis!» («А теперь, господа, я сижу»). «Bravo, m-r l'officier!» — был ответ на эту находчивость» (там же, стр. 430). — Впоследствии Панин был Помощником Попечителя Харьковского Учебного Округа (1833 — 1838) и Членом Главного Правления Училищ (1838 — 1839), последние же годы жизни провел частным человеком, ревностно работая в Обществе Сельского Хозяйства и в своих имениях. Его биографию см. в Сборнике биографий кавалергардов, т. III, С.-Пб. 1906, стр. 314 — 317 (статья Н. П. Чулкова). Гр. М. В. Толстой, бывший студентом Московского Университета в 1830 и след. годах, пишет про гр. А. Н. Панина, что, будучи помощником кн. С. М. Голицына по Управлению Московским Учебным Округом, он «почти ежедневно ходил по аудиториям и особенно занимался исправностью в одежде и прическе студентов... Необыкновенно высокий ростом, гр. Панин, глядя сверху вниз, очень внимательно осматривал головы казенных студентов и если замечал длинные или мало остриженные волосы, тотчас же приказывал остричь по солдатскому образцу, для чего постоянно имелся в готовности цирульник» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 51).

— Дядя — Василий Львович Пушкин.

— Дмитриев — Иван Иванович. Часто с отрицанием относясь к новым течениям в русской литературе и представляя этот период ее как «анархию, рабское обезьянство новизнам иностранным, холопской язык, мечтание о мечтательности или бессильное стремление производить в читателях судороги, отрицание принятых правил и вкуса и наглое презрение к предшествовавшим авторам» (письмо от 6 ноября 1830 г.), Дмитриев, в то же время, признавался, что «из всех наших романтиков уважает и любит и ум, и талант, и сердце Пушкина и князя Вяземского» («Стар. и Новизна», кн. II, стр. 162 и 163).

— Зубков — Василий Петрович, о коем см. выше, в письме № 226 и в объяснениях к нему; он был избран тогда, вероятно, в члены Московского Английского Клуба; служил он в ту пору в Московской Палате Уголовного Суда и вскоре принял энергичное и самоотверженное участие

№ 318. в борьбе с ужасною первою холерною эпидемиею в Москве (см. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 174, 175—176; Б. Л. Модзалевский, «В. П. Зубков и его Записки» — «Пушк. и его соврем». вып. IV, стр. 109—110).

— Ушаков — писатель Василий Аполлонович Ушаков (род. 1795, ум. 27 марта 1838), приятель Полевого и Булгарина, отставной военный (воспитанник Пажеского Корпуса), ветеран Отечественной войны, автор повести «Киргиз-Кайсак» и др., сотрудник «Московского Телеграфа». «Друг Видока — Булгарина, его достойный, Адольф Жермани из третьего действия «Жизни Игрока» и наружностью и душою, — одним словом Ушаков написал на меня такой гнусный пасквиль за перевод «Скупого», — писал С. Т. Аксаков С. П. Шевыреву в мае 1830 г., — «которого я не желаю читать вам, ибо вы, любя меня, оскорбитесь. Естьлиб не куча детей, то надобно бы драться с ним или просто бить его. И в добавок никто из журналистов ни слова!» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 53). Князь Вяземский, вторя И. И. Дмитриеву в его насмешливых выражениях про Полевого и Ушакова (см. сборн. «Стар. и Нов.», кн. II), спрашивал его 19 июля 1832 г.: «Что̀ делает кривой романист и слепой историк?» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 622), имея в виду, несомненно, двух Московских друзей Булгарина — Ушакова и Полевого. Портрет Ушакова, на котором обращают внимание какие-то странные, косые глаза, — помещен в III томе сборника «Сто русских литераторов». Об Ушакове см. в Записках Кс. Полевого, а также заметку Н. О. Лернера в «Русской Старине» 1909 г., № 11. Впрочем, может быть, в письме Пушкина имеется в виду другой Ушаков — Николай Васильевич, отец Екатерины и Елизаветы Николаевны, с которыми был так дружески-близок Пушкин с зимы 1826 — 1827 гг.: судя по его портрету, переданному в Пушкинский Дом Николаем Петровичем Киселевым в 1927 году, Ушаков на одном глазу имел большое бельмо, которое делало его «кривым» (вспомним эпиграмму Пушкина на кривого на один глаз Гнедича: «Крив был Гнедич-поэт»...).

— Погодин мечтал тогда — и уже не в первый раз — о путешествии заграницу, — в Италию (к С. П. Шевыреву), Германию, Грецию, Египет, Иерусалим, Константинополь... 2 июля 1830 г. он вошел в Совет Московского Университета с просьбою об исходатайствовании ему позволения отправиться в чужие края на один год, — но последовавшие политические события (Июльская революция во Франции, а затем Польское восстание) и разразившаяся в Москве холера помешали осуществлению этого желания Погодина, о котором он сообщал и Пушкину, прося его содействия; в краткой записи в Дневнике Погодина под 18 марта читаем («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 103): «Из Университета к Пушкину. — «Я думал, что вы сердитесь на меня»; обещал исходатайствовать всё, что хочу. — Вот разве при путешествии. — Рассказывал о скверности Булгарина, Полевого хочет в грязь втоптать и пр. — Давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булг.), и взял. — Советовал писать роман...»

— Дмитрий Николаевич Блудов, бывший «Арзамасец», тогда уже статс-секретарь, Член Государственного Совета, Главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий, большой приятель кн. Вяземского, был в 1828 — 1832 гг. Товарищем Министра Народного Просвещения (при министре кн. К. А. Ливене). О нем см. выше, т. I, в объяснениях к письму № 146, стр. 445.

— Строев—Павел Михайлович (род. 1796, ум. 1876), известный археограф и историк, с 1826 г. член-корреспондент Академии Наук, а с 1841 г. адъюнкт и затем академик по Отделению Русского языка и словесности Академии, сотрудник «Московского Вестника» Погодина. Он еще в 1824 году сделал самому Карамзину предложение «составить *ключ* к его *Истории*. Историограф согласился на это предложение. С того времени Строев посвящал этому по-истине египетскому труду всё свое свободное от других занятий время». «Помню», писал М. А. Максимович Н. П. Барсукову

в 1870 г.: «когда, бывало, ни зайдешь к П. М. Строеву, жившему в доме Селивановского на Дмитровке [в Москве], — вечно застаешь его над Ключом к Истории Карамзина». Об этом труде своем сам Строев писал следующее: «Сей тяжелый, чрезмерно утомительный труд, сия мелкая, но неоцененно важная критика, сводящая в едино раздельные мнения и суждения Историка, обнаруживающая обширность или тесные пределы его знаний, подстерегающая его ошибки и промахи и вместе выясняющая блеск его гения, — сей труд и сия критика едва было не истощили мое терпение». Однако, ни ходатайство Пушкина через Вяземского, ни просьбы гр. Ф. А. Толстого (известного собирателя рукописей) не достигли успеха: «Хотел добиться от Ливена толку на счет *Ключа* твоего», — писал Толстой Строеву: «но добился не в пользу твою, — он решительно отказался, в нынешнее военное время, беспокоить государя побочными расходами» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 116; ср. его же: «Жизнь и труды П. М. Строева», С.-Пб. 1878, стр. 95 — 97). Ю. Венелин 22 февраля 1830 г. писал Погодину, что «Строев после-завтра едет в Москву, не кончив ничего. *Индекс* его к Истории Карамзина он выпросил обратно» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 123). С своей стороны, Погодин, сообщая С. П. Шевыреву, 8 марта 1830 г., что «Строев отправился на 2 года [в «археографическую экспедицию»], прибавлял: «Index к Карамзину, раздраженный, принужден был взять назад, и теперь он не печатается» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 139). Ключ Строева (или «Table des matières», как охарактеризовал Пушкин этот «циклопический», по выражению Н. П. Барсукова, труд) вышел в свет только в 1836 году, в двух частях (398+300 стр., с 15 таблицами), при чем Пушкин, почитатель Карамзина и его заслуг, поместил в своем «Современнике» (т. IV, стр. 306) следующую заметку: «Издав сии два тома, Г. Строев оказал более пользы Русской Истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхогляды, принуждены будут в том сознаться. Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение Русской истории». «Ключ составлен по второму изданию «Истории Государства Российского», самому полному и исправному», пишет Г. Строев. Издатели «Истории Государства Российского» должны будут поскорее приобрести право на перепечатание «Ключа», необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина».

— «В доносе» — т. е. Сумарокова на Ломоносова (см. выше, стр. 395—396, в тексте «доноса»).

— Поэт К. Н. Батюшков, после неудачных попыток излечить его сумасшествие при помощи заграничных врачей, в 1828 г. был привезен сперва в Петербург, а потом в Москву и водворен здесь в небольшом домике в Грузинах, под наблюдением умного и внимательного доктора Дитрихса и под любящим надзором старой покровительницы своей — Е. Ф. Муравьевой (матери декабристов и вдовы товарища Министра Народного Просвещения и писателя М. Н. Муравьева), проживавшей тогда в Москве. Болезнь его не поддавалась лечению, — и все усилия были направлены лишь на облегчение участи и состояния больного и на успокоение бурных проявлений душевного недуга. Батюшкова навестил в это время Погодин, который в Дневнике своем писал: «Говорят, Батюшков очень дурен. Неужели он умрет?», а в другом месте, под 14 марта, отмечал: «В роковые idus Martii к нему [Батюшкову] с Дитрихсом. Чрез окно. Лежит почти неподвижный. Дикие взгляды. Взмахнет иногда рукою, мнет воск [он занимался скульптурной лепкой]. И так лежит он два месяца. Боже мой! Где ум и чувство? Одно тело чуть чуть живое. Страшно!» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 36). Слух о смерти Батюшкова был, однако, не верен: он проболел еще 25 лет и умер лишь 7 июля 1855 г. О его болезни Пушкин говорит еще и в позднейшем письме — от 4 июня 1832 г. — к кн. В. Ф. Вяземской.

319. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 79). Впервые напечатано в «Историческом Вестнике» 1884 г., № 3, стр. 482 (отрывок) и в изд. Суворина под ред. Ефремова, т. VII, стр. 336 (полностью); подлинник (на листе почтовой бумаги боль-

*

№ 319. шого формата, без вод. зн. и со следами почтового штемпеля) — в Пушкинском Доме Академии Наук.

Перевод: «Генерал! Письмо, коим вы меня почтили, причинило мне истинное огорчение; умоляю вас уделить мне минуту снисхождения и внимания. Несмотря на четыре года поведения безупречного, я не смог приобрести доверия власти! С огорчением вижу я, что всякий шаг мой возбуждает подозрение и недоброжелательство. Простите мне, генерал, свободу, с которою я высказываю свои сетования, но ради неба, удостойте хоть на минуту войти в мое положение и посмотрите, как оно затруднительно. Оно так непрочно, что каждую минуту я чувствую себя накануне несчастия, которого я не могу ни предвидеть, ни избегнуть. Если до сего времени я еще не претерпел какой-либо немилости, то я обязан этим не сознанию своих прав, своего долга, но единственно вашей личной благосклонности ко мне. Однако, перестань Вы завтра быть министром, — я после-завтра же буду упрятан. Г-н Булгарин, который, по его словам, пользуется у вас влиянием, сделался одним из наиболее жестоких моих врагов, — из-за критической статьи, которую он приписал мне. После гнусной статьи, которую он напечатал обо мне, я считаю его способным на всё. Я считаю невозможным не предупредить вас о моих отношениях к этому человеку, так как он в состоянии причинить мне чрезвычайное зло. Я предполагал из Москвы проехать в Псковскую деревню, но если Николай Раевский приедет в Полтаву, убедительно прошу Ваше Превосходительство разрешить мне отправиться к нему туда. Примите, генерал, свидетельство моего высокого почтения и совершенной преданности. Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. 24 марта 1830. Москва».

Перевод пометы Бенкендорфа: «Отвечать ему, что Булгарин никогда не говорил мне о нем, — по той простой причине, что я вижу его 2—3 раза в год, — и то лишь для того, чтобы его побранить, а один раз и для того, чтобы отправить его на гауптвахту [см. выше, стр. 366 и 370]. Что его, Пушкина, положение вовсе не непрочно, но что, действительно, его последний, крайне поспешный отъезд в Москву не мог не возбудить подозрения». — В этом смысле и было составлено ответное письмо Бенкендорфа к Пушкину — от 3 апреля 1830 г. за № 1310: он писал, что не считает положение поэта непрочным, но что от него самого зависит сделать его еще более устойчивым, что никто не оказывает на него, Бенкендорфа, влияния во вред Пушкину, и т. д.; что же касается просьбы о поездке к Раевскому в Полтаву, то государь определенно запрещает эту поездку, так как имеет основание быть недовольным поведением Раевского в последнее время (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 129).

— Письмо Пушкина служит вторым ответом на письмо Бенкендорфа от 17 марта за № 993 (см. выше, в объяснениях к письму № 317) и вызвано желанием обезопасить себя от каких-нибудь новых выпадов Булгарина указанием Бенкендорфу, что он, поэт, на-стороже, на-чеку. А. Г. Фомин справедливо указывает, вопреки мнению Н. О. Лернера («Труды и дни Пушкина», стр. 207), что в письме этом, «собственно, Пушкин вовсе не прибегает к защите Бенкендорфа и не думает просить его, чтобы он заставил Булгарина замолчать. Это важно оттенить.... Сам Пушкин в статье «Отрывок из литературных летописей» в «Северных Цветах на 1830 год» резко осудил Каченовского за то, что тот, задетый статьями о нем Полевого, подал в Цензурный Комитет прошение, в котором просил оградить его... от нападок Полевого. И выходит, что, спустя короткое время, поэт сам яко бы прибег к аналогическому средству. Но на самом деле тут только самозащита, а не желание насильственно заградить уста противнику» (Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. 462). Письмо Бенкендорфу, по мнению П. А. Ефремова, «показывает, в каком положении находился Пушкин, если даже Бенкендорфа считал своим защитником и заявлял ему, что, в случае его смены, самого поэта на другой же день *упрячут*. Между тем, сам же Бенкендорф, как видно, из.... записки его от 20 июля 1829 г. по поводу поездки поэта на Кавказ, своевременно зная все подробности и тотчас же

распорядившись о надзоре жандармском и административном, повидимому, доложил государю о ней, как о какой-то неожиданности (о которой будто бы узнал только из газет), в надежде, может быть, что Пушкина действительно *упрячут* (on lui assignera un endroit)» (Соч., изд. Суворина, ред. Ефремова, т. VIII, стр. 607—608). Критическая статья, которую Булгарин приписал Пушкину, и которая была на самом деле написана бароном Дельвигом,—касалась романа Булгарина «Дмитрий Самозванец» (см. выше, в объяснениях, стр. 398—401). *№ 320.*

— О «гнусной статье» Булгарина о Пушкине см. выше, в объяснениях к письму № 318, стр. 398—401. Один их Петербургских приятелей С. П. Шевырева писал ему в Италию, 18 апреля 1830 г., сообщая о литературных новостях: «Журнальные партии всё те же: Полевой и Булгарин закадышные приятели, но... произведения их [«История Русского Народа» и «Дмитрий Самозванец»], а пуще всего дерзость, с которою нападают они на всех истинно достойных людей,—наложили на них какую-то всеобщую и утешительную печать отвержения. Вообразите, что эти собаки, для которых ничего нет священного, залаяли и на Пушкина, растерзавши сперва Дельвига. Недавно Булгарин в Северной Пчеле своей смешал Пушкина с грязью: величал его и бессмысленным, и злодеем, развращающим народ, и даже подлецом, шмыгающим в передних, чтоб добиться шитого мундира!! Каково вам это кажется!? Честное слово, я не преувеличиваю нисколько. Разумеется, что всё это он говорил иносказательно, но так, что всякий мужик поймет, о коим дело идет» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. II, стр. 49).

— Николай Николаевич Раевский, бывший командиром Нижегородского драгунского полка, по доносу Н. А. Бутурлина (адъютанта Военного Министра гр. А. И. Чернышева) о «предосудительных» сношениях его с некоторыми из сосланных в Кавказские войска декабристами, был, по высочайшему повелению, 10 декабря 1829 г. арестован домашним арестом, с выражением ему строжайшего выговора за нарушение порядка службы, и затем, согласно желанию Паскевича, назначен к переводу на службу в Россию (см. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 495—498 и т. II, стр. 43—74). После этого Раевский, 14 декабря 1829 года назначенный состоять при начальнике 5 Уланской дивизии, долго не мог уехать с Кавказа, задерживаемый формальностями сдачи своего бывшего полка новому командиру: только в июле *1831* года он покинул Тифлис (там же, т. II, стр. 83). В Полтаву он собирался ехать потому, что там в 1830 г. проживал, с матерью и двумя незамужними сестрами, его старший брат, А. Н. Раевский («демон» Пушкина), высланный в Полтаву в 1828 г. по жалобе на него графа М. С. Воронцова (см. выше, в письме № 279, и в объяснениях к нему, стр. 308—309). Естественно, что Николай I не хотел допустить свидания трех «неблагонадежных» в его глазах людей.

— Об аресте Булгарина на гауптвахте см. выше, в объяснениях к письму № 310, стр. 366 и 370.

320. *Н. А. Полевому* (стр. 80). Впервые напечатано в «Отчете имп. Публичной Библиотеки за 1861 г.», С.-Пб. 1862, стр. 63, и в «Русской Старине» 1880 г., т. XXVIII, стр. 806; подлинник (на бумаге без вод. зн.)—в Гос. Публичной Библиотеке.

— Еще 23 декабря 1829 г. Пушкин был избран в действительные члены Общества Любителей Российской словесности при Московском Университете, которое тогда было под председательством (со 2 ноября 1829 по 31 мая 1830) генерал-лейтенанта Александра Александровича Писарева (род. 1780, ум. 1848),—писателя и члена Российской Академии, до 3 февраля 1830 г. состоявшего Попечителем Московского Учебного Округа, а впоследствии бывшего Варшавским военным губернатором. Избрание Пушкина состоялось в торжественном заседании Общества, в котором Полевой (член Общества с 30 марта 1829 г.) читал отрывки из своей «Истории Руского Народа», Загоскин—отрывки же из «Юрия Милославского», Верстовский исполнил написанную им музыку для музыкальной

№ 320. части заседания, Мочалов читал с кафедры и т. д., при чем, одновременно с Пушкиным, были избраны, также, как «Корифеи Словесности нашей», Боратынский, А. Н. Верстовский и Булгарин; об этом было помещено сообщение в «Московских Ведомостях» 1830 г., № 1, от 1 января, а 2 января кн. Вяземский, бывший действительным членом Общества еще с февраля 1816 года, писал Пушкину: «Сделай милость, откажись от постыдного членства Общества Люб. Русск. Слова. Мне и то было досадно, то есть не мне, но жене моей, менее меня благопристойной и ездившей на святошные игрища литературы, что тебя и Баратынского выбрали вместе с Верстовским, а вчерашние Московские Ведомости довершили мою досаду: тут увидишь: «*Предложение об избрании в члены Общества Корифеев Словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и отечественного Композитора Музыки А. Н. Верстовского*». NB. Это написано не Шаликовым, потому что в этой статье хвалят историю Полевого. Воля твоя, ненадобно спускать такие наглые дурачества. Мы худо делаем, что пренебрегаем званием литераторским: это звание не то, что христианина. Тут нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поедем к Вельможе, который станет нас принимать наравне с канальями, с Булгариными и другими нечистотами общественного тела. Разве здесь не то же? Гордиться приемами наших Вельмож и наших литературных обществ смешно и невозможно человеку с здравым смыслом; но не спускать ни тем ни другим, когда они поступают с нами невежливо, должно, неотменно должно. Сатурналы нашей литературы дошли до того, что нельзя, по крайней мере отрицательно, если не действительно, не протестовать против этих исступлений бесчинства» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 103—104). Пушкин не отказался от членства, но и он считал оскорбительным для себя свое одновременное с Булгариным избрание. Так, когда Погодин, избранный Секретарем Общества, просил Пушкина принять активное участие в занятиях его присылкою новых стихотворений, поэт отвечал Погодину в начале апреля 1834 г.: «Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно — Общество Любителей поступило со мной так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забалотирован в Англ. клубе (NB в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник,—в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке: мне нужно было доказать публике, которая в праве была удивляться моему долготерпению, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова: Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc.—Воля Ваша: это—пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня. «Я всякому, ты знаешь, рад». Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов, — но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии» (см. в т. III). Лишь 21 марта 1830 г., т. е. три месяца спустя после избрания, А. А. Писарев известил о нем Пушкина официальным письмом, в котором писал: «Общество Любителей Российской Словесности, уважая любовь Вашу к Отечественной Словесности и труды, в пользу оной подъятые, избрало Вас в Действительные Члены. Имея честь поздравить Вас с избранием, на общем мнении об отличных достоинствах Ваших основанном, препровождаю к Вам при сем Диплом на новое ученое Ваше звание. Общество удостоверено, что Вы с сим избранием изволите принять участие в деле, близком сердцу каждого Русского; ибо успехи отечественного языка и словесности служат знамением степени народной образованности и вместе с сим народного благоденствия» и т. д. (Акад. изд Переписки, т. II, стр. 124).

В ответ на запрос Пушкина, что̀ ему делать с Писаревым, его Обществом и своим дипломом, Полевой в тот же день, 27 марта, отве-

чал: «Ничего, совершенно ничего, Милостивый Государь Александр Сергеевич. Мы все, старые члены, ничего не делаем, по крайней мере от этого и выводится закон, так как по старым решениям иностранные юристы составляют законы. Избрание Ваше сопровождалось рукоплесканиями и показало, что желание Общества украсить список своих членов вашим именем было согласно с чувствами публики, весьма обширной. За диплом взносят члены (т.-е. за пергамент) 25 рублей. Если в самом деле решатся поднять Общество, как было хотели, вы, я уверен в этом, не отказались бы участвовать. Но, теперь... Бог знает, что сделается с Обществом, и не будет ли оно иметь участи Общества Соревнователей — никто не ручается» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 128). Сам Полевой был избран из сотрудников Общества Любителей Российской Словесности в действительные его члены 30 марта 1829 г., — в особом эстраординарном собрании; это избрание вызвало много толков и волнений, так как перед тем Университет (при котором состояло Общество) считал себя оскорбленным полемическими выпадами Полевого (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 264—272). Почему Пушкин, только что выступавший с резкими статьями против Полевого (см. выше, в объяснениях к письму № 312, стр. 371) и вообще к этому времени с ним разошедшийся (см. «Записки К. А. Полевого» С.-Пб. 1888, стр. 312—318), нашел возможным и нужным обратиться с своим запросом именно к Полевому, — трудно объяснить. Об отношениях Пушкина к Обществу и обратно — см. в «Словаре членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете» М. 1911, стр. 234—236, и статью Н. К. Пиксанова: «Пушкин и Общество Любителей Российской Словесности» — в сборнике первом Пушкинской Комиссии этого Общества «Пушкин», М. 1924, стр. 1 — 30.

321. *Е. М. Хитрово* (стр. 80). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 6. Подлинник — в Пушкинском Доме: он — на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, без вод. знаков; сложено конвертом и запечатано гербовой печатью Пушкина; на обороте, кроме адреса, помета рукою Е. М. Хитрово: «Пушкин». *№ 321.*

— Датировка письма — предположительная и основывается на следующих соображениях: письмо написано не в Петербурге, но из другого города, и вручено Льву Сергеевичу Пушкину для передачи лично Е. М. Хитрово, в качестве рекомендательного при первом знакомстве. Последнее не могло состояться ранее возвращения Л. С. Пушкина с Кавказа, по окончании войны 1829 года, так как Лев Пушкин вступил на службу в Кавказские войска весною 1827 года (зачислен юнкером в Нижегородский Драгунский полк 14 марта). Вернулся он из армии не ранее середины декабря 1829 года, т.-е. в то время, когда Пушкин, приехав с Кавказа, был уже в Петербурге: приказ об отпуске Льва Сергеевича на четыре месяца в Петербург был отдан Главнокомандующим Кавказским Корпусом графом Паскевичем 14 декабря 1829 года (см. послужной список Л. С. Пушкина, переданный нами в Пушкинский Дом). Время приезда Л. С. Пушкина в Петербург определить невозможно: ни «С.-Петербургские», ни «Московские Ведомости» за 1830 год в списках приехавших и выехавших не сохранили его имени. 16-го апреля родители еще ждали его в Петербург (см. ниже, стр. 411), а 3 мая 1830 г. он, во всяком случае, уже был в Петербурге («Русск. Стар.» 1903 г., № 8, стр. 454 — 455). В это время Лев Пушкин был уже знаком с Хитрово, ибо Надежда Осиповна Пушкина, в письме к О. С. Павлищевой от 22 июля 1830, говоря об отъезде Льва Пушкина из Петербурга (в воскресенье, 20 июля), замечает: «Ses adieux avec Herminie ont été très tendres» («Его прощание с Эрминией [т.-е. Е. М. Хитрово] было очень нежно»; ср. еще Соч. кн. П. А. Вяземского, т. IX, стр. 119). — Всего вероятнее предположить, поэтому, что Лев Пушкин проживал зимою 1829 — 1830 года в Москве и еще был там в то время, как приехал в Москву (12 марта) его старший брат, а затем вскоре выехал в Петербург, взяв с собою эту записку поэта. В таком случае понятна и первая фраза письма последнего к Хитрово —

№ 322. просьба о прощении за «бесстыдную» леность, объясняющуюся тем, что «почта для него пытка». Вспомним, что весной 1830 года Хитрово писала поэту ряд взволнованных писем (см. выше, объяснения к письму № 318, стр. 397—398), на которые он не отвечал; повидимому, его первое в настоящем смысле *ответное* письмо к Хитрово — записка от 18 мая (см. ниже, № 337), *раньше* которой, таким образом, написано наше письмо. Всё это заставляет датировать письмо Пушкина именно весною 1830 года, между получением Пушкиным писем Е. М. Хитрово, написанных в Москву, т.-е. концом марта, и письмом Л. С. Пушкина к Жуковскому, писанным в Петербурге 3 мая («Русск. Стар.» 1903 г., № 8, стр. 454 — 455); дата эта наиболее вероятна, — до тех пор, пока не найдется других, уточняющих или меняющих ее показаний.

Перевод: «Прошу у вас миллион извинений за то, что был так бесстыдно ленив. Что вы хотите, — это сильнее меня. Почта для меня просто пытка. — Позвольте мне представить Вам моего брата и не откажите уделить ему часть той благосклонности, которою Вы удостаиваете меня. — Примите уверение в совершенном моем уважении. Пушкин.

На обороте: «Госпоже Хитровой».

322. *Н И. Гончаровой* (стр. 80). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1873 г., кн. I, ст. 736 — 740 (с переводом), по подлиннику, который тогда принадлежал Н. О. Эмину, получившему его от С. Н. Гончарова и передавшему его затем в Публичную Библиотеку (см. Отчет Библиотеки за 1873 г., стр. 49 — 50), где этот автограф теперь и находится; копия с него, неизвестным почерком сделанная, 1850-х гг., имеется в б. Румянцовском Музее, в рукоп. № 1254, л. 68 — 70, при письмах Пушкина к Л. С. Пушкину.

— Письмо, вероятно, писано в Страстную субботу (samedi) *5 апреля 1830 г.*, накануне дня, в который Пушкин сделал предложение Н. Н. Гончаровой и получил ее согласие; это согласие было получено им, по словам Анненкова, «в самый день Светлого Христова Воскресенья», которое в 1830 году приходилось на 6 апреля.

Перевод: «Теперь, когда вы дали мне позволение писать вам, я так же взволнован, взявшись за перо, как если бы находился в вашем присутствии. Мне так много нужно высказать, и чем больше я о том думаю, тем больше приходит мне в голову мыслей печальных и обескураживающих. Я хочу изложить их вам во всей их искренности и бессвязности, умоляя вас быть терпеливой, а главное снисходительной. — Когда я увидал ее в первый раз, красоту ее только что начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, — я просил руки ее. Ответ ваш, при всей его неопределенности, свел меня на мгновение с ума; в эту же ночь я уехал в армию. Вы спросите, зачем? Клянусь вам, что сам совершенно не знаю, но непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог в ней вынести присутствия ни вашего, ни ее. Я к вам писал, надеялся, ждал ответа, но он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представлялись моему воображению. Они были слишком тяжки, а клевета сделала их еще более тяжелыми; молва о них, к несчастию, стала всеобщею. Вы могли ей поверить, я не смел на то жаловаться, но был в отчаянии. Сколько мучений ожидало меня по моем возвращении! Ваше молчание, ваш холодный вид, оказанный мне м-ль Натали прием, — столь безразличный, столь невнимательный... У меня не хватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл роль довольно смешную; я был робок в первый раз в жизни, а робость в человеке моих лет не может понравиться девушке в возрасте вашей дочери. Один из друзей моих едет в Москву, привозит оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, — я несчастнее, нежели когда-либо. Постараюсь объясниться. — Привычка и долгая близость одни могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться привязать ее к себе с течением долгого времени, —

но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться. Если она согласится № 322.
отдать мне свою руку, — я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? и станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой союз, более для нее равный, более блестящий, более достойный ее, — может быть такие разговоры будут и искренни, но ей то они уж покажутся таковыми. Не станет ли она сожалеть? Не будет ли она смотреть на меня, как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог свидетель, что я готов умереть за нее, — но погибнуть для того только, чтобы оставить ее блистательной вдовою, свободною избрать себе завтра же нового мужа, — эта мысль для меня ад. — Поговорим о материальных средствах; я придаю им мало значения. Моего состояния мне было до сих пор достаточно. Будет ли достаточно для женатого? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где ей должно блистать и развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы сделать ей угодное, я готов пожертвовать всеми моими вкусами, всем, что я страстно люблю в жизни, самым существованием моим, совершенно свободным и богатым приключениями. Однако, не будет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестяще, как она заслуживает и как я того хотел бы? — Таковы, отчасти, мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их вполне благоразумными. Есть еще одно, которое я не могу решиться доверить бумаге. — Соизвольте принять выражение моей совершенной преданности и высокого уважения. А. Пушкин. — Суббота».

— О Наталье Ивановне Гончаровой, будущей теще Пушкина, кн. Е. А. Долгорукова рассказывала следующие подробности: «Отец ее, Загряжский, богатый помещик и владелец села Ярополчи (Волоколамского уезда), имел уже несколько человек детей, когда уехал один за границу и в Париже женился на одной француженке. С нею он прижил Наталью Ивановну, которая родилась в Париже. Через несколько времени Загряжский с новою женою и дочерью приехал прямо в деревню к прежней жене и детям. К удивлению, всё обошлось ладно и обе жены очень подружились между собою, так что первая жена не отличала от своих детей Наталью Ивановну и дала ей долю в наследстве... В молодости Наталья Ивановна являлась при дворе и по красоте своей была замешана в какую-то историю: в нее влюбился некто Охотников, в которого была влюблена имп. Елизавета Алексеевна, так что тут была ревность... Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах... В Москве она жила почти бедно и когда Пушкин приходил к ней в дом женихом, она всегда старалась выпроводить его до обеда или до завтрака. Дочерей своих бивала по щекам. На балы они иногда приезжали в изорванных башмаках и старых перчатках... Впоследствии она полюбила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому... У Пушкиных она никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Ярополье и стала очень несносна: просто-напросто пила. По лечебнику пила. «Зачем ты берешь этих барышень?» [т.-е. сестер жены] — спросил у Пушкина Соболевский. — Она целый день пьет и со всеми лакеями < живет >, отвечал Пушкин (см. «Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 62 — 64). — Свадьба ее с Николаем Афанасьевичем Гончаровым состоялась 27 января 1807 г. в церкви Зимнего дворца; умерла она 2 августа 1848 г. и погребена в Иосифовом Волоколамском монастыре; муж пережил ее на много лет и умер 8 сентября 1861 г., на 74 году жизни (погребен в Московском Новодевичьем монастыре).

— Письма Пушкина к Н. И. Гончаровой (о которых он упоминает в этом письме), писанные в Москву из поездки его на Кавказ в мае — октябре 1829 года, до нас не сохранились.

№ 323. — По поводу выражения Пушкина: «le mot de bienveillance» («одно благосклонное слово»...) кн. П. А. Вяземский впоследствии высказывал предположение, что «это относится вот к чему. Зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, увидев ее на балу у кн. Д. В. Голицына, князь Вяземский поручил И. Д. Лужину, который должен был танцовать с Гончаровой, заговорить с нею и с ее матерью мимоходом о Пушкине, — с тем, чтобы по их отзыву доведаться, как они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 307).

— Свадьба Пушкина состоялась 18 февраля 1831 года. Представлявшаяся ему адом мысль — умереть, оставив блестящую вдову, свободную, чтобы снова выйти замуж, — осуществилась: овдовев 29 января 1837 г., Н. Н. Пушкина через 7 лет, 18 июня 1844 г., имея всего 32 года от роду, вторично вышла замуж, — за Петра Петровича Ланского, которого нежно любила и от которого имела трех дочерей.

323. *С. Л. и Н. О. Пушкиным* (стр. 82). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 132; подлинник, писанный частию чернилами, частию карандашом, — в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, в собрании Л. Н. Майкова («Пушк. и его соврем»., вып. IV, стр. 34, № 9, с неверно предположенною датой), на бумаге без вод. зн., с жандармскими красными цифрами 2 и 3; на тексте письма нарисовано 4 профиля и женская фигура до пояса (быть может, Н. Н. Гончарова); средний профиль напоминает отца поэта, С. Л. Пушкина; на обороте — список стихотворений Пушкина.

Перевод: «Дорогие родители, обращаюсь к вам в такой момент, который [решит] [определит] остальную мою жизнь. — Я обращаюсь к вам в момент, который определит мою судьбу на всю остальную мою жизнь. [Уже год, как] [Уже]. [Я намерен жениться на девушке, которую я люблю уже год] — [М. Г., о которой вы] [М-ль Натали Гонч.]. [Это М-ль Гонч.]. Я получил ее согласие и согласие ее матери. Прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением в том, что это благословение необходимо для моего [нашего счастия, т.-е. для счастия моего нашего] благополучия — [Надеюсь] и да будет последняя половина моего существования [более] для вас более утешительна, чем моя печальная молодость. [Я получил согласие]. — [Состояние г-жи Г.] [служит препятствием] [будучи] [есть] [очень расстроено] и находится в зависимости [мое собственное] [она должна была сделать мне. Я получил согласие м-ль Гончаровой. — У меня] отчасти от состояния ее свекра. Эта статья — единственное [возражение] препятствие для моего счастия — [Любя безнадежно]. [Я был бы] [Я был бы] [Я был бы очень несчастлив — но если, получив ее согласие]. У меня нет [смелости] силы даже помыслить от него отказаться. Для меня гораздо более [подход.] легко надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что можете вы сделать для...»

— Письмо это, говорит П. О. Морозов в статье своей «Семейная жизнь Пушкина», — «видимо, стоило ему большого труда, так как приходилось касаться вопроса о материальной стороне дела» (Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. 206). Что касается просьбы Пушкина благословить его и слов, что это благословение не пустая формальность, — то следует сказать, что вопрос о религиозности Пушкина вообще неясен (см. статью Е. Кислицыной в «Пушкинском Сборнике памяти С. А. Венгерова. Пушкинист IV». Под ред. Н. В. Яковлева). В просьбе его сказывается, быть может, скорее приверженность Пушкина к традициям.

— Ответ родителей, на французском языке, датированный 16-м числом апреля, очень характерен для них своим патетическим, но неискренним тоном и прекрасно рисует отношение их к сыну-поэту: «Да будет благословен тысячу и тысячу раз вчерашний день, мой дорогой Александр, за письмо, которое мы от тебя получили», писал С. Л. Пушкин. «Оно исполнило меня радостию и признательностию. Да, мой друг, именно так. Уж с дав-

него времени я позабыл сладость таких слез, какие я проливал, читая его. Да изольет небо свои благословения на тебя и на любезную подругу, которая составит твое счастие. Я хотел - было ей писать, но не осмеливаюсь еще это сделать, из опасения, что не имею на это права. Ожидаю Льва с еще большим нетерпением, чем раньше, чтобы поговорить с ним о тебе или скорее, чтобы он мне об тебе рассказал. Олинька [Павлищева] оказалась у нас в ту минуту, как письмо твое было нам передано. Ты можешь судить о впечатлении, которое оно произвело на нее. — Перейдем к тому, что ты мне говоришь по вопросу о том, что я могу тебе дать. Ты знаешь состояние моих дел. Правда, у меня тысяча душ, но две трети моего имения заложены в Воспитательном Доме. Олиньке [Павлищевой] я даю около 4000 р. в год. У меня остается из имения, доставшегося мне по разделу с моим покойным братом, 200 душ совершенно чистых, — и их я передаю тебе в твое полное и совершенное распоряжение. Они могут дать 4000 р. ежегодного дохода, а современем, быть-может, дадут тебе и больше. — Мой добрый друг! Ожидаю твоего ответа с тем же нетерпением, какое ты мог испытывать ожидая твоего счастия из уст самой м-ль Гончаровой, — так как если я счастлив, — то вашим счастием, горжусь вашими успехами, спокоен и безмятежен, когда полагаю вас таковыми. — Прощай! Да осенит тебя небо своими благословениями; мои ежедневные молитвы были и всегда будут о том, чтобы вымаливать у него ваше благополучие. Обнимаю тебя нежно и прошу тебя, если ты считаешь это уместным, рекомендовать меня м-ль Гончаровой, как весьма нежного друга. На веки твой отец и друг Сергей Пушкин». — «Твое письмо, мой дорогой Александр», приписывала Н. О. Пушкина: «преисполнило меня радости. Да благословит тебя небо, мой добрый друг, да дойдут до него молитвы, которые я обращаю к нему о твоем счастии; сердце мое слишком полно — не могу выразить всего, что чувствую; я хотела бы сжать тебя в своих объятиях, благословить тебя и уверить тебя самолично в том, насколько твое благополучие связано с моим собственным существованием. Будь уверен, что если всё окончится так, как ты того хочешь, м-ль Гончарова будет мне так же дорога, как и все вы, мои дети. Ожидаю Льва с нетерпением, чтобы поговорить с ним о тебе. Мы сейчас же приехали бы в Москву, если бы это зависело вполне от нас. Целую тебя нежно». № 324.

— Друзья Пушкина с большею непосредственностью и простотою выражений приветствовали его с помолвкой — князь Вяземский, Плетнев, барон Дельвиг (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 138 — 139, 141 — 142, 147 — 148). Настроение самого Пушкина в этот важный момент его жизни лучше всего проявилось в прозаическом отрывке: «Участь моя решена, — я женюсь...», датированном в рукописи 12-м и 13-м мая, — в котором он несомненно набросал автобиографическую страницу, хотя, — вероятно для отвода посторонних глаз, — и пометил на рукописи, что это взято «с французского».

324. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 82). Впервые напечатано в «Историческом Вестнике» 1884 г., т. XV, № 1, стр. 74 — 75 (вторая половина письма), и в «Русской Старине» 1899 г., май, стр. 252 — 253 (полностью, с переводом); подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук. Черновое (в двух отрывках) впервые напечатано в книге И. А. Шляпкина: «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 77 — 78 и 79 — 81, а затем, более исправно, в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 135 — 136; подлинник (ныне в Пушкинском Доме) — на трех кусках бумаги: 1) на четвертушке писчей бумаги с красною цифрою 13 и с рисунком на обороте женской фигуры в профиль (вероятно, Н. Н. Гончаровой: воспроизведено в книге Шляпкина при стр. 78); 2) на куске писчей в 4° бумаги с водяным знаком 1829, с четырьмя мужскими профилями на обороте и красною цифрою 15; 3) на куске писчей синей линейной бумаги малого формата в 4°, с вод. зн. Ф. К. Н. Г. и красною жандармскою цифрою 19.

Перевод: «Генерал! С крайним смущением обращаюсь я к Власти в обстоятельствах чисто-личных, но положение мое и участие, которое

№ 324. вам угодно было выказывать ко мне до настоящего времени, обязывают меня к этому. — Мне предстоит женитьба на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве; я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне при этом сделаны: мое имущественное состояние и положение мое по отношению к правительству. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне способы жить честно своим трудом. Что же касается моего положения, то я не мог скрыть, что оно фальшиво и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, — и это пятно остается на мне. Выйдя из Лицея в 1817 году с чином 10 класса, я так и не получил двух чинов, которые следовали мне по праву: начальники мои не представляли меня, а я сам не позаботился о том, чтобы им о сем напомнить. Ныне, несмотря на всё мое доброе желание, мне было бы тягостно вновь поступить на службу. Место совершенно подчиненное, каковое позволяет мне занять мой чин, не может быть для меня подходящим. Оно отвлекло бы меня от моих литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставило бы мне лишь бесцельные и бесполезные хлопоты. Итак, мне не должно об этом вовсе и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастие быть на дурном счету у императора. Мое счастие зависит от одного благосклонного слова того, к кому привязанность и благодарность моя теперь чистосердечны и безграничны. — Еще об одной милости. В 1826 году я привез в Москву свою трагедию «Годунов», написанную во время моей ссылки. Она была послана Вам в том виде, в каком Вы ее видели, лишь для моего оправдания. Император, удостоив ее прочтения, сделал мне несколько замечаний о местах, через-чур свободных, и я должен сознаться, что его величество был как нельзя более прав. Внимание его обратили на себя также еще два-три места, так как в них можно было усмотреть намеки на обстоятельства, в то время еще слишком недавние. Перечитывая их теперь, я сомневаюсь, чтобы их можно было истолковать в этом смысле. Все смуты похожи одна на другую, и драматический писатель не может нести ответственность за слова, какие он влагает в уста личностей исторических. Он должен заставить их говорить в соответствии с известным их характером. Следовательно, надлежит обращать внимание только на дух, в каком задумано всё сочинение, на то впечатление, какое оно должно произвести. Моя трагедия есть произведение добросовестное, и я не могу, по совести, исключить из нее то, что мне представляется существенным. Умоляю его величество простить мне ту свободу, с какою я осмеливаюсь ему противоречить: я хорошо сознаю, что эти возражения поэта могут показаться смешными; но до настоящего времени я постоянно отказывался от всех предложений книгопродавцев; я считал за счастье молчаливо приносить эту жертву воле его величества. В настоящее же время обстоятельства заставляют меня спешить, и я умоляю его величество развязать мне руки и дозволить напечатать мою трагедию в том виде, как я считаю нужным. — Еще раз — мне страшно совестно, что я так долго занимал вас собою. Но ваша снисходительность меня избаловала, и хотя я не сделал ничего, чтобы заслужить благодеяния императора, однако я надеюсь и не перестаю всегда верить в него. С величайшим уважением Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. 16 апреля 1830 г. Москва. — Умоляю вас, генерал, сохранить это в тайне».

Перевод чернового: «[Вы разрешили мне всегда обращаться к Вам, и я делаю это с]. Мне весьма [совестно] неловко обращаться [В 1826 г. я вы] [к] к власти в обстоятельствах [которые не] [интересуют лишь] [касаются лишь] [меня; но вы мне это] чисто личных. Но [простите] мое положение [и доверие, которое] и участие которое вам угодно было выказывать ко мне до настоящего времени [дает мне] обязывают меня к этому. [Умоляю вас несмотря на это сохранить сие в тайне]. Мне предстоит женитьба на м-ль — которую вы должны были видеть в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения мне были при этом

сделаны. Мое имущественное состояние и положение мое [по отношению] по отношению к правительству. Что касается первого, то я мог ответить, что оно достаточно благодаря Е. В. который дал мне к тому способы [жить от работы моей мысли — оно почетно, достаточно и независимо. — Мое положение] [жить почетно] [...от моей работы]. Я могу жить почетно от моей работы. — Что касается моего положения в свете, я не мог скрыть, что оно фальшиво и сомнительно. Исключенный из службы покойным императором [я еще ношу на себе это пятно] [я ношу еще это] это пятно остается на мне [еще]. [Император]. [Мне] Мне было бы трудно, несмотря на всё мое доброе жел. вновь взяться за службу. Выйдя из Лицея в 1817 г. с чином 10 класса, я так и не получил двух следующих чинов, которые приходились мне по праву [так как я служил (я считался на службе до 1824 г., — времени моей выключки), так как начальники мои не позаботились представлять меня, а я не подумал им о том напоминать. — Место совершенно подчинённое, — такое, какое мне позволяет занять мой низкий чин, — не может более подходить [ни] моему возрасту [ни], оно отвлекло бы меня от моих литер. занятий, доставило бы мне лишь хлопоты [без того, чтобы я мог] бесцельные и бесполезные, — а потому я не должен об этом больше и думать — [Умоляю ваше Превосх.]. Еще раз, — мне ужасно совестно так долго занимать вас [из всей], собою, но [добро...] [скорбь моей жизни] мое счастие зависит некоторым образом [от] от одного благосклонного слова. Г-жа Гонч. боится отдать свою [семью] дочь за человека, который имел бы несчастие быть на дурном счету у императора. [Он уже осыпал меня столькими благодеяниями] [для которого], однако моя преданность ему так чистосердечна и жива, что я не мог бы этого выразить. — Еще [одно] слово и я кончаю. В 1826 г. я привез в Москву мою трагедию о Годунове, написанную [в деревне] [в 1825] во время моей ссылки. У меня не было ни малейшего желания печатать ее [в том виде в каком вы ее видели]. Она была послана вам в том виде, в каком вы ее видели, лишь для моего оправдания и чтобы показать, в каком духе эта трагедия — Император, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний [замечания] о местах, черезчур свободных, черезчур грубоватых [замечания], и я должен сознаться, что Е. В. был совершенно прав [тем] два или три места привлекли его внимание, так как в них можно было усмотреть намеки на обстоятельства, в то время еще слишком недавние [и там я предпочел бы пожертвовать моею трагедией и тем дать слабую], но все смуты похожи одна на другую — перечитывая [их] теперь отмеченные места, я сомневаюсь, чтобы их можно было найти [столь] достойными порицания. Драм. автор не может нести ответственность за [....] слова, какие он влагает в уста личностей исторических. Он [не может] должен заставить их говорить в соответствии с известным их характером. Следовательно, надлежит обращать внимание только на дух, в каком написано всё сочинение, если же нет, — то нет трагедии. [Е. В. может]. Умоляю Е. В. простить мне смелость, с какою я противоречу ему, но моя трагедия есть произведение добросовестное — [и я могу по совести] [и если] и если я сочинил < ? > [узнать] выбросить то [что он не может] мне указывает действительно несовершенного, я не могу по совести выбросить то, что мне кажется [необходимым] [совершенно необходимым] существенным [и что служит] для выгоды всего сочинения. Я прекрасно знаю [теперь] что эти возражения поэта могут показаться смешными, но клянусь вам, что я пришел к ним от сердца и души [и я хотел бы]. Отмеченные места, в конце концов, чисто историчны и их можно было бы найти в подражаниях, которые с тех пор напечатаны. — Теперешние обстоятельства заставляют меня [сделать это]. Я не хотел до настоящего времени печатать мою трагедию, несмотря на всё что предлагали мне книгопродавцы. Я был счастлив, что мог принести эту жертву желанию Е. В. Поэтому я умоляю Е. В. развязать мне руки и позволить мне напечатать мою трагедию [такою, как] как я считаю то нужным. Даю ему слово быть цензором гораздо более строгим, чем цензор] столь же строгим как... № 324.

№ 325—326. Бенкендорф отвечал Пушкину (по-французски), лишь 28 апреля 1830 г. письмом за № 1642, уведомляя его, что государь принял с чувством благосклонного удовлетворения известие о престоящей женитьбе поэта, заметив при этом, что он надеется, что Пушкин нашел в себе необходимые качества сердца и характера, чтобы составить счастие женщины, в особенности столь любезной и столь интересной, как м-ль Гончарова. «Что же касается до вашего личного положения по отношению к правительству», писал Бенкендорф, — «то я могу только повторить то, что я говорил вам уже столько раз: я нахожу, что оно вполне согласуется с вашими интересами; в нем не может быть ничего ни фальшивого, ни сомнительного, если, конечно, вы сами не захотите сделать его таковым. Его величество император, с истинно отеческим благоволением к вам, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не как шефу жандармов, но как человеку, которому он изволит оказывать доверие, — наблюдать за вами и руководить вас советами. Никогда никакая полиция не получала приказания следить за вами. Советы, которые я время от времени давал вам, как друг, могли быть вам только полезны, и я надеюсь, что вы убедитесь в этом современем еще больше. Какие же теневые стороны можно найти в вашем положении в этом отношении? Уполномочиваю вас, м. г., показывать это письмо всем, кому вы сочтете нужным показать его. Что же касается вашей трагедии «Годунов», то его величество разрешает вам напечатать ее под личною вашею ответственностью»... (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 140 — 141).

— Николай I имел случай увидеть Н. Н. Гончарову в Москве в марте 1830 г. — и тогда же обратил на нее внимание, найдя ее интересной и любезной, и говорил о ней комплименты старухе Н. К. Загряжской (см. ниже, в письме № 357). О позднейших отношениях Николая I к Н. Н. Пушкиной (по словам Пушкина Нащокину, Николай ухаживал за нею, «как офицеришка») — см. в книге «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925 г., стр. 45 и 117 — 120.

— На это письмо Пушкин отвечал Бенкендорфу горячею благодарностью 7 мая (см. ниже, № 334).

325. *М. П. Погодину* (стр. 85). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», 1868 г., стр. 436; подлинник, на клочке толстой писчей бумаги, в архиве Погодина в б. Румянцовском Музее (Письма, т. III, № 3517, л. 385).

— В апреле 1830 г. Погодин купил прекрасный каменный дом камергера кн. Петра Ивановича Тюфякина, стоявший на стрелке четырех улиц: двух частей Мясницкой, Златоустовского переулка и Лубянки, в приходе Гребенской божьей матери (см. «Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 160). На новоселье А. П. Елагина, Языков и Петерсон принесли Погодину хлеб-соль, вино и елей, а 29 апреля он сам писал Шевыреву: «Поздравь меня на новоселье, любезнейший Степан Петрович! Я купил дом и совсем уже в него перебрался и разобрался и пишу теперь к тебе с высокого Парнаса, с которого виды на несколько верст кругом»... («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 144). Этим датируется и записка Пушкина, которая, следовательно, должна быть поставлена ранее приписки его Шевыреву в этом же письме от 29 апреля, когда Пушкин был у Погодина в новом доме уже не в первый раз.

326. *С. П. Шевыреву* (стр. 85). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1882 г., кн. III, стр. 147; подлинник — в Гос. Публичной Библиотеке, — в виде одной из приписок к письму М. П. Погодина к Шевыреву от 29 апреля 1830 г.; кроме Пушкина, в письме этом сделали приписки: Павел Александрович Муханов, Юрий Венелин, Алексей Степанович Хомяков, Христиан Гёрке [гувернер Веневитиновых], Николай Александрович Мельгунов, Ольга Семеновна Аксакова, Антон Францович Томашевский, Сергей Тимофеевич Аксаков, Петр Григорьевич Фролов, Василий Петрович Андросов, Авдотья Петровна Елагина, Алексей Андреевич Елагин, Николай Матвеевич Рожалин, Николай Михайлович Языков и Семен Егорович Ранч («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 145 — 147).

— Шевырев в это время находился в Риме, живя в доме княгини Зинаиды Александровны Волконской (см. выше, стр. 329, в объяснениях к письму № 288) и состоя воспитателем ее сына, князя Александра Никитича Волконского. В «Литературную Газету» 1830 г. Шевырев прислал: «Письмо из Рима» — о художественной выставке в Капитолии, о работах русских художников в Риме и проч. (№ 36, от 25 июня, стр. 288 — 292); стих. «Сравнение» (№ 56, от 3 октября, стр. 161), «Письмо к Издателю» от 14 (2) сентября из Рима (там же, стр. 161 — 163). О Шевыреве и отношении к нему Пушкина см. выше, в письме № 275, и в объяснениях к нему, стр. 293. № 327.

— В том же письме, где Пушкин сделал приписку к Шевыреву, Погодин писал последнему: «Пушкин всё здесь, он прикован, очарован и огончарован, как говорит» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр 145). Этот каламбур напоминает известный экспромпт, который приписывается Пушкину, — по мнению П. А. Ефремова, — «без малейших оснований»:

Я восхищен, я очарован,
Короче — я огончарован;
или: Я влюблен (или я пленен), я очарован,
Я совсем огончарован,
С утра до вечера за нею я стремлюсь
И встреч нечаянных и жажду, и боюсь...

(П. А. Ефремов, «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях». С.-Пб. 1903 г., стр. 34 — 35). Между тем, и Ю. Н. Бартенев, поздравляя Погодина с новосельем, писал ему весною 1830 г.: «Еще усерднее поздравил бы вас, ежели бы вы, подобно певцу *Онегина, очаровали* себя и потом «*огончаровали*» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 102). Равным образом и В. А. Муханов писал брату Николаю 1 мая 1830 г.: «Пожалей о первой красавице здешней, Гончаровой... Она идет за Пушкина. Это верно, и сказывают, что он написал ей стихи, которые так начинаются:

Я пленен, я очарован,
Я совсем огончарован».

(«Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 356 — 357). Каратыгин, в письме к П. А. Катенину от 12 ноября 1830 г. повторял этот же каламбур, сообщая своему учителю: «Пушкин в Москве обворожен и очарован, короче — он огончарован; сиречь он женится на Гончаровой, известной Московской красавице и богачке»... («Библ. Зап.» 1861 г., стр. 599 и «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 0243). В свою очередь и М. П. Розберг сообщал, о том В. Г. Теплякову 8 июня 1830 г. (см. «Истор. Вестн.» 1887 г., т. XXIX, стр. 19). Ср. еще сообщение Г. С. Чирикова — «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 206 — 207 и в статье Н. В. Гербеля — «Русск. Арх.» 1876 г., кн. III, стр. 223). О своей предстоящей женитьбе Пушкин сообщил Погодину лишь 1 мая (М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского Архива» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 106).

327. *Княгине В. Ф. Вяземской* (стр. 86). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 440 — 441; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

Перевод: «Вы правы, найдя, что «*Осел*» восхитителен. Это — одно из замечательнейших произведений настоящего времени. Его приписывают В. Гюго. Я нахожу в нем более таланта, чем в «*Последнем дне*», в котором его много. — Что касается фразы, которая вас смутила, то скажу вам прежде всего, что не нужно принимать в серьез всё то, что говорит автор. Все превозносили первую любовь, — он счел более занятным говорить о второй. Может быть он и прав. Первая любовь — всегда дело чувства: чем она глупее, тем больше сладостных воспоминаний она по себе оставляет. Вторая, если угодно, — дело чувственности. Параллель можно было бы провести еще гораздо дальше, но у меня на это совершенно нет времени. Моя женитьба на Натали (которая, замечу в скоб-

№ 327. ках, — моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 крестьян, которых я закладываю в ломбард, а вас, дорогая княгиня, приглашаю быть моей посаженой матерью. У ваших ног А. П. — Ошибка, вариант: после *200 крестьян*: Я их закладываю в ломбард, а вас божественная княгиня, приглашаю быть моей посаженой матерью».

— Вышедший в 1829 г., в 2-х томах, роман «L'âne mort et la Femme guillotinée» («Мертвый осел и обезглавленная женщина») принадлежал перу не Виктора Гюго, как склонен был думать Пушкин, а плодовитого критика и журналиста Jules-Gabriel Janin (род. в 1804 г., ум. в 1874 г.), впоследствии деятельному сотруднику «Journal des Débats», с 1870 г. члену Французской Академии. Роман этот, доставивший автору литературную известность, представлял собою пародию на утрированно-романтическое, мелодраматическое направление французской литературы. Экземпляр его, издания 1829 г., в двух томиках и в одном переплете, с надписью о принадлежности его Пушкину, сохранился в его личной библиотеке (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 258, № 1026). — «Я люблю французов в романтической прозе, — «La conspiration de Mallet», из «Soirées de Neuilly» — «Les Etats de Blois»: виноват: даже и в «L'âne mort et la Femme guillotinée», в «Fragoletta», — но в стихах их романтизм несносен» и т. д. — писал кн. Вяземский Тургеневу 25 апреля 1830 г. («Остаф. Архив», т. III, стр. 193). Роман «Мертвый осел и обезглавленная женщина» переведен был на русский язык и издан отдельною книгою в Москве в 1831 г., вызвав несколько статей в «Московском Телеграфе», «Северной Пчеле», «Сыне Отечества», «Телескопе» и «Северном Меркурии». См. в статье В. В. Виноградова: «Гоголь и Жюль Жанен» в сб. «Литературная Мысль», в. III, Лгр. 1924, и в статье Б. Б. Томашевского при издании Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927.

— «Dernier jour d'un condamné» («Последний день приговоренного к смерти») — повесть Виктора Гюго, вышедшая в свет в 1829 году и тотчас же переведенная на все европейские языки, — в том числе и на русский (С.-Пб. 1830, 8°); эта повесть, произведшая большое впечатление, заключает в себе, в художественной форме, горячий и убедительный протест против смертной казни.

— В так называемом «Дон Жуанском списке» Пушкина, занесенном им на трех страницах альбома Елиз. Н. Ушаковой (Киселевой) в конце 1829 года, записано до 37 женских имен, — объяснение которым дано в специальной статье Н. О. Лернера в соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. IV стр. 88 — 100, и, с некоторыми вариантами, в книге П. К. Губера: «Дон-Жуанский список Пушкина», Пгр. 1922 г. — Имя Н. Н. Гончаровой написано было поэтом на последнем месте в первом, — повидимому, самом важном списке имен, на котором запечатлены, главным образом, более серьезные, более глубокие увлечения поэта.

— Имение в 200 душ крестьян, которое С. Л. Пушкин нашел возможным выделить из своего большого имения старшему сыну, — были при родовой Пушкинской деревне Кистеневе (Тимашево тож), Алатырского (потом Сергачского) уезда Нижегородской губернии; 27 июня 1830 г., в Петербурге, С. Л. Пушкин совершил формальную «отдельную запись», по которой из имения своего, доставшегося ему после смерти брата его, подполковника Петра Львовича Пушкина, в 1825 году и состоящего в сельце Кистеневе (в котором всего числилось 474 души мужского пола крестьян, но 200 душ были заложены в 1827 и 1828 гг.), — из свободных 274 душ отдал сыну своему 200 душ с женами и детьми. В числе свидетелей на этом акте подписался, между прочим, и кн. П. А. Вяземский. — 5 февраля 1831 г., перед самой свадьбой, Пушкин заложил свои 200 душ в Московском Опекунском Совете за 11428 р. 58 коп. — 16 сентября 1830 г. Пушкин, через местного Дворянского Заседателя Григорьева, был введен во владение Кистеневом (см. Б. Л. Модзалевский, «Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже» — «Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 39 — 40; его же «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина» — там же, вып. XIII, стр. 96 и 99).

— Во фразе, заканчивающей письмо, заключается каламбур: по-французски слово engager значит и «закладывать», и «приглашать»; Пушкин не удержался, чтобы не рассмешить смешливую кн. Вяземскую.

328. *Неизвестному* (стр. 86). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 175 (изд. 1873 г., стр. 167) и, полнее, в «Русской Старине» 1884 г., декабрь, стр. 573; потершийся от времени подлинник — писан карандашом на рукописи б. Румянцовского Музея № 2392, л. 1, содержащей писарскую, с поправками поэта, рукопись «Бориса Годунова». Анненков относил эту записку к Московскому пребыванию Пушкина осенью 1826 г.; в издании Венгерова она напечатана в т. VI дважды: на стр. 26 (в конце 1826 г., с предположением, что записка может относиться к 1826 — 1830 г.г.) и на стр. 602 (с датою: сентябрь — декабрь 1826 г.); М. А. Цявловский в сборнике своем «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1925 г., стр. 11, датирует ее неуверенно: [Сентябрь — декабрь? 1826 г.? Москва]; мы датируем записку весною 1830 года по следующим соображениям: она писана на рукописи, которая была уже у Бенкендорфа; Пушкин не мог представить ее ему, не стерев записки, — следовательно, последняя писана уже по получении рукописи обратно; она была представлена Бенкендорфу Плетневым 20 июля 1829 г., а вернулась к Пушкину 21 января 1830 г., вместе с другою рукописью, собственноручной; разрешение на напечатание «Годунова» последовало в письме Бенкендорфа от 28 апреля 1830 г. и Пушкин узнал об этом в начале мая и тогда же хотел послать рукопись с поправками Плетневу (см. ниже, письмо № 333), — т.-е. именно ту, на которой писана записка; «молодым человеком» Пушкин должен был себя чувствовать и вести себя именно весною 1830 г., в первую пору своего жениховства. Что записка писана в Москве, — вытекает из этого же последнего соображения, — тем более, что в Петербурге у поэта не было обстоятельств, ставивших его в положение «молодого человека». Записка, судя по тону ее, могла быть обращена только к лицу очень близкому, — быть может — к женщине, напр.,— к княгине В. Ф. Вяземской, которая в апреле — мае была в Москве и в Остафьеве (см. следующее письмо № 329).

Перевод: «Вот моя трагедия. Я хотел принести вам ее сам, но все эти дни я изображал молодого человека... который... в продолжение целого дня».

329. *Княгине В. Ф. Вяземской* (стр. 86). Впервые напечатано, по нашему сообщению, в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 144; подлинник был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева. Датируется по почерку и по соображению с фразой: «На кого вы нас покидаете?»: княгиня Вяземская в конце апреля 1830 г. была в подмосковной — с. Остафьеве («Остаф. Архив», т. III, стр. 192), откуда могла приезжать в Москву и снова уезжать. Быть может, Пушкин возвращал ей при этой записке книги Ж. Жанена и Гюго, о которых говорится в напечатанном выше, под № 327, письме от конца апреля.

Перевод: «Дорогая княгиня, вот ваши книги, — отсылаю их вам обратно со слезами на глазах. Что за мысль пришла вам уезжать сегодня «и на кого вы нас покидаете?» Я приду к вам вскоре».

330. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 87). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 441 — 443; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— Пушкин отвечает на письмо кн. Вяземского из Петербурга, от 26 апреля, в котором тот поздравлял своего друга с помолвкою, в которую долго не хотел верить: еще 21 апреля Вяземский писал А. И. Тургеневу в Париж: «Пушкин теперь в Москве; здесь все говорят, что он женится, но вероятно это вздор» («Остаф. Архив», т. III, стр. 192). «Я сейчас с обеда Сергея Львовича», писал Вяземский Пушкину: «и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифирует и что ты точно жених. Гряди, жених, в мои объятья! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанского, которую отец твой розлил нам при получении твоего последнего

№ 330. письма.[1] Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его Шампанскому. Поздравляю тебя от всей души. Дай бог тебе счастья, и засияй отныне в жизни твоей новая эра. Я слышал, что ты будто писал государю о женитьбе. Правда ли это?[2] Мне кажется, что тебе в твоем положении и в твоих отношениях с царем необходимо просить у него позволения жениться. Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твое благосостояние.[3] Может-быть царь и подумает дать приданое невесте твоей. Я также со вчерашнего дня женился на Канкрине.[4] Твоя невеста красивее. Где ты будешь жить? Я вероятно по крайней мере на год останусь в Петербурге. Что вперед будет, бог весть. Надобно бы нам затеять что-нибудь литературное впрок. Тебе с женою, мне без жены, а с Канкриным в Петербурге предстоят новые издержки. Должно их прикрыть. На Литературную Газету надежды мало. Дельвиг ленив и ничего не пишет, а выезжает только sur sa bête de somme ou de Somoff. В мае приеду на несколько времени в Москву: тогда переговорим. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь к ней приехать. Прости, обнимаю тебя от всего сердца. Прошу рекомендовать меня невесте, как бывшего поклонника ее на балах, а ныне преданного ей дружескою преданностью моею к тебе. Я помню, что, говоря с старшею сестрою, сравнивал я Алябьеву avec une beauté classique, а невесту твою avec une beauté romantique. Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения. — Признаюсь, хотел бы хоть в щелочку посмотреть на тебя в качестве жениха» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 138 — 139).

— Графиня Ф. — Дарья Федоровна Фикельмон, рожд. графиня Тизенгаузен (род. 14 октября 1804 г., ум. 7 (19) апреля 1863 г.), младшая дочь Е. М. Хитрово от ее первого брака (см. выше, в объяснениях к письмам № 247 и 318), с 1821 г. супруга Австрийского полномочного министра во Флоренции, а затем, с 1829 г. — Австрийского же посла в Петербурге графа Карла-Людвига Фикельмона (или Фикельмонта: Fickelmont; род. 1777, ум. 1857), впоследствии (1848 г.) бывшего недолго во главе Австрийского Министерства. Известная в свое время красавица, она, по словам А. О. Смирновой, «отличалась очаровательною добротой» (Записки, ч. I, стр. 238); когда, в 1823 г., графиня с матерью приехала в Петербург, К. Я. Булгаков писал брату (23 июня): «Хитрово, Кутузова дочь, бывшая за Тизенгаузеном, здесь с обеими своими дочерьми, из коих одна замужем за Австрийским министром в Неаполе — Фикельмоном. Говорят, обе красавицы. Я их видел тому лет девять, — тогда уже они очень были хороши» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. I, стр. 455); по приезде их в Москву Вяземский писал Тургеневу: «И нашу старушку вскружила Фикельмонт. Все бегают за ней; в саду дамы и мужчины толпятся вокруг нее; Голицын [князь Д. В.] празднует. Впрочем, она в обращении очень мила»; позже, как видим из комментируемого письма Пушкина, поддался очарованию графини падкий до женской красоты и ума Вяземский; о высоких душевных и умственных качествах и очаровательной внешности ее дошло до нас несколько единодушных свидетельств современников. Слепой поэт И. И. Козлов, которого она утешала своим вниманием, воспел ее в русских, английских и итальянских стихах, в которых «образ прекрасной графини, никогда не виденной и лишь воображаемой им, сливается в мечтах поэта с образом Франчески да-Римини, также созданной лишь его мечтой» (Н. М. Данилов, «И. И. Козлов», С.-Пб. 1914, стр. 50 — 51), а кн. Вяземский в 1863 г. посвятил стихотворение («Notturno», на русском языке)

[1] См. его черновик выше, под № 323.
[2] См. выше, письмо к А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля, № 324.
[3] Ср. там же.
[4] См. выше, в объяснениях к письму № 316, стр. 394.

ее единственной дочери, княгине Клари-и-Альдринген (Соч., т. XII, стр. 33—34). «Графиня Фикельмон выказывает мне нежность, чарующую мое сердце. Она умно говорит обо всем», — отмечает в своем дневнике [в 1837 г.] упомянутый И. И. Козлов («Стар. и Нов.», кн. XI, стр. 58; ср. «Русск. Арх.» 1886 г., кн. I, стр. 184); ее достоинствами был совершенно пленен А. И. Тургенев («Архив братьев Тургеневых», вып. VI, стр. 99 и др., 1832—1833 г.; «Остаф. Архив», т. III, стр. 214 и др., 1832—1836 гг., т. IV, стр. 26, 1838 г.); эти качества, в соединении с редкой красотой, которую сестра поэта, О. С. Павлищева, находила (1831 г.) не ниже красоты Н. Н. Пушкиной («Пушк. и его соврем.», вып. XV, стр. 84), — привлекали в ее салон, — «европейско-русский», по выражению кн. П. А. Вяземского, — многочисленное избранное общество Петербурга; бывал в нем и Пушкин (Соч. князя Вяземского, т. VII, стр. 226), так как там «имела верные отголоски вся животрепещущая жизнь европейская и русская,—политическая, литературная и общественная (там же, т. VIII, стр. 493); пользовался он и ее книгами (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 330, № 1351), которыми снабжал поэта и ее муж (там же, стр. 247, № 976), — человек весьма образованный, сам писатель (его «Pensées et réfléxions morales et politiques» были изданы в Париже в 1859 г.) и большой поклонник гения Пушкина (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 224—225, 228; «Стар. и Нов.», кн. III, стр. 339—341; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», С.-Пб. 1916 г.). Кн. Вяземский и А. И. Тургенев были наиболее частыми ее гостями и вели с нею переписку («Остаф. Арх.», т. III; «Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 85). Для характеристики отношений кн. Вяземского к графине Фикельмон приведем выдержку из письма его к ее матери, Е. М. Хитрово, от 2 сентября 1830 г., в котором он просил заступиться за уволенного от службы цензора С. Н. Глинку (см. выше, в объяснениях к письму № 298): «Уже давно я собирался писать вам и посланнице [графине Фикельмон], но я стыдился взяться за перо, чтобы говорить лишь о себе да о вас, что̀ значило бы опять говорить вам о себе, так как я стал бы выражать вам обеим чувства любви и преданности, которые я питаю к вам, во-первых, от склонности, во-вторых, из благодарности за всё то, что есть любезного и обязательного в ваших отношениях ко мне. Надеюсь, что вы не сомневаетесь в искренности этих чувств, и всё, что я могу сказать по этому поводу, будет лишь повторением истины, молчаливо признанной. Повергаю к ногам посланницы, —

Посланницы богов, посланницы Австрийской,

— (дальше стих — до следующей почты), — верноподданнические чувства моей признательности за доказательства ее памяти, которые доходят до меня здесь. Я польщен, даже более, — тронут, видя, что среди событий древнего и *нового мира* (слушайте, слушайте), которые поглощают все интересы и общее внимание, ее благосклонность переживает мое отсутствие»... («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 85). В 1911 г. comte F. de Sonis издал в Париже «Lettres du comte et de la comtesse Fickelmont à la comtesse de Tiesenhausen» (8⁰, V + 481 p.); письма эти обнимают пятнадцатилетие 1840—1855 г.г. и, по словам издателя, обнаруживают в графине Фикельмон не только политическую проницательность, но как бы ясновидение (см. об этом издании заметку П. И. Бартенева в «Русск. Арх.» 1911 г., № 9, на обложке). Личное знакомство Пушкина с графиней Фикельмон и ее мужем началось, как можно предполагать, или во второй половине января — начале марта 1829 г., — в период времени от приезда четы Фикельмонов в Петербург и до отъезда Пушкина в путешествие на Кавказ (знакомство состоялось, вернее всего, через Е. М. Хитрово), или в зиму 1829—1830 г., которую Пушкин проводил в Петербурге, шумно и рассеянно. К этой, вероятно, зиме относится и записка к нему графини Фикельмон, без даты, найденная нами некогда в Остафьевском архиве и опубликованная ныне Н. В. Измайловым в его заметке о гр. Фикельмон в сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, на стр. 73—74; приводим ее здесь в переводе:

№ 330. «Решено, что мы отправимся в нашу маскированную поездку завтра вечером. Мы соберемся в 9 часов у Матушки. Приезжайте туда *с черным домино и с черной маской.* Нам не потребуется ваш экипаж, но нужен будет ваш слуга, — потому что наших могут узнать. Мы рассчитываем на ваше остроумие, дорогой Пушкин, чтобы всё это оживить. Вы поужинаете затем у меня, и я еще раз вас поблагодарю. Д. Фикельмон. — Суббота. — Если вы хотите, Мама приготовит вам ваше домино». — *На обороте:* «Господину Пушкину».

Отношение графини Фикельмон к Пушкину видно еще из двух «чудесных», по выражению П. И. Бартенева, писем графини к кн. П. А. Вяземскому, напечатанных впервые в «Русском Архиве» 1884 г. (кн. II, стр. 418 — 419); в одном из них, писанном 25 мая 1831 г., после свидания с только что женившимся Пушкиным, графиня говорит с проницательностью: «Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его — прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастия. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз». — В другом письме, от декабря того же 1831 года, графиня писала тому же Вяземскому про Н. Н. Пушкину: «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее чела заставляет меня трепетать за ее будущность». В словах этих П. И. Бартенев готов был видеть «бессознательную ревность», так как графиня, говорит он: «по примеру матери своей, высоко ценила и горячо любила гениального поэта и, как сообщал мне Нащокин, не в силах бывала устоять против чарующего влияния его. (Брат Пушкина говорил, что беседа его с женщинами едва ли не пленительнее его стихов)» («Русск. Арх.» 1911 г., № 9, 1-я обложка). Ссылаясь на Нащокина, Бартенев указывал здесь на один рассказ Пушкина, о котором намекал уже и раньше, говоря, что «Пушкин бывал очень близок с графинею Д. Ф. Фикельмон» («Русск. Арх.» 1901 г., № 8, 1-я обложка): этот рассказ опубликован был М. А. Цявловским, с обширным комментарием, в журнале «Голос Минувшего» 1922 г. (№ 2, стр. 108 — 123), а затем — в сборнике, под его же редакциею, «Рассказов о Пушкине, записанных П. И. Бартеневым» (М. 1925, стр. 36—37 и 98—102), и заключается в том, как одна «блистательная, безукоризненная дама (сначала Нащокин не хотел назвать ее имени), наконец, поддалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме», при чем свидание состоялось наедине и окончилось так поздно утром, что Пушкину уже с трудом удалось выбраться из дома, начавшего уже просыпаться... Подтверждение этого рассказа находится и в черновых записях собранных Анненковым материалов для биографии Пушкина (в Пушкинском Доме); Анненков, с чьих то слов (П. А. Плетнева?), отметил для памяти «жаркую историю с женой Австрийского Посланника». Об этом эпизоде см. подробнее в цитированной книге М. А. Цявловского «Рассказы о Пушкине» и в заметке Н. В. Измайлова в сборнике Писем Пушкина о Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 72 — 74. — Гр. Д. Ф. Фикельмон и ее муж до конца сохранили приязненное отношение к Пушкину: так, первая находилась в кругу сравнительно немногочисленных представительниц «большого света», бывших на отпевании Пушкина в Конюшенной церкви («Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 68), а второй в теплых выражениях сообщил своему Правительству о дуэли и смерти Пушкина, — «отличного писателя и первого Русского поэта» («Старина и Новизна», т. III, 1900, стр. 339 — 341, и П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXV — XXVII, стр. 206 — 207).

— О службе кн. Вяземского при Министре Финансов гр. Е. Ф. Канкрине см. выше, стр. 394, в объяснениях к письму № 316.

— Мечты Пушкина об основании «собственного журнала», с целью «уничтожить журнальную монополию Булгарина-Греча, поднять литера-

турную критику и открыть себе и своим литературным друзьям-единомышленникам независимый заработок», — восходят еще к 1825 году (см. выше, в письмах №№ 123, 167, 187, 197, 208 и 221). Он с радостию отзывался на возникновение «Московского Телеграфа», «Московского Вестника», «Литературной Газеты»,—но все эти органы его мало или не вполне удовлетворяли, — и в 1831 г. он твердо задумывал основание политической и литературной газеты «Дневник»; этому предположению, однако, не суждено было осуществиться. См. статью Н. К. Пиксанова: «Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832)»—«Пушк. и его соврем.», вып. V. *№ 330.*

— Газета барона Дельвига в начале своего издания большого успеха, повидимому, не имела. «В Литературной Газете, гостинной и приятной, забавен только Вяземский; Дельвиг ничего не делает», — писал 10 июля 1830 г. Погодин Шевыреву в Рим: «Стихов Пушкина меньше, нежели в Московском Вестнике, да две три примечательные статьи в прозе. Подписчиков у нее меньше нашего, едва 100. Редактор — Сомов... Полновесного ничего там нет» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 152). Вяземский поддерживал «Литературную Газету» не только личным деятельным в ней участием, но и привлечением сотрудников. Так, 25 апреля 1830 г. он писал А. И. Тургеневу за-границу: «Пиши литературные письма для «Газеты» нашей и присылай ко мне; пиши хотя не письма, а так кидай на бумагу свои литературные впечатления и присылай ко мне, а мы здесь это сошьем. Надобно же оживлять «Газету», чтобы морить «Пчелу»-пиявку, чтобы поддержать хотя один честный журнал в России» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 194).

— С Булгариным у Пушкина в это время отношения были крайне враждебные. Выведенный из себя, по словам Вяземского, тем, что «Видок-Булгарин бранил его в своих журналах на чем свет стоит» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 192), Пушкин ответил ему небольшою и без подписи статьею в № 20 «Литературной Газеты» от 6 апреля (стр. 162) — в самый день Пасхи (по желанию Пушкина, хотевшего поднести Булгарину «красное яичко» — см. «Мои воспоминания», барона А. И. Дельвига, т. I, стр. 101 — 102; ср. выше, в объяснениях к письму № 318, стр. 398 ,—о вышедших тогда (1826—1829, в 4 томах, Записках начальника Парижской сыскной полиции François-Eugéne Vidocq (род. 1775, ум. 1857); в статье этой, писал кн. Вяземский А. И. Тургеневу, под свежим впечатлением ее появления: «ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкиным в ответ на пакостную статейку Булгарина в «Северной Пчеле», где Пушкин (под видом французского писателя, а Булгарин — Гофмана французского) назван картежником, пьяницею, вольнодумцем пред чернью и подлецом пред сильными. И всё это потому, что Булгарин принял критику Дельвига на роман его за критику Пушкина и рассердился, что его называют поляком,[1] а вероятно, еще более за то, что обвиняют его в напрасной клевете на «Самозванца», которого он представляет шпионом. Вот еще ответ Пушкина:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко — лях, Мицкевич — лях;
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид, — и это не беда;
Беда, что ты — Фаддей Булгарин!

(«Остаф. Арх.», т. III, стр. 193. Ср. выше, в объяснениях к письму № 318). Статья Пушкина, в которой, конечно, все легко узнали Булгарина, — произвела чрезвычайный эффект. 8 мая 1830 г. актер В. А. Кара-

---

[1] В одной позднейшей (августовской) полемической заметке «Литературной Газеты» было указано на это недоразумение, при чем в примечании сказано: «А. С. Пушкину предлагали написать критику Исторического романа Г. Булгарина. Он отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь» (№ 45, от 9 августа, стр. 72).

№ 330. тыгин писал П. А. Катенину про этот эпизод: «Он [Булгарин], узнав сочинителя не подписанной статьи в Пушкине, пустил первую ракету в Пчеле анекдотом о Гофмане [см. выше, стр. 398 — 401, в объяснениях к письму № 318], которому делал молодой автор упрек в этом роде.... Заметьте, что это были цветки; вслед за тем появилась критика на VII главу Онегина, в которой она разругана в пух. Пушкин не заставил себя дожидаться, — поместил в Литературной Газете анекдот об Видоке, где списал портрет с Булгарина» («Библ. Зап.» 1861 г., ст. 600, и «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 0243 — 0244, — с неверною датою года). В тот же день и бар. Дельвиг писал Пушкину: «Булгарин поглупел до того от Видока, что уехал ранее обыкновенного в деревню; но подл по прежнему. Он напечатал [в «Сыне Отечества» 1830 г., № 17, от 20 апреля] твою эпиграмму на Видока Фиглярина с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее Правительству, как пасквиль, и просил в удовлетворение свое позволения ее напечатать. Ему позволили, как мне объявил Цензор, похваля его благородный поступок, — разумеется, не зная, что эпиграмма писана не с его именем, и что он поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтом, человеком, делающим противозаконное, я подал в высшую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок, а тебя прошу оправдаться пред его величеством. — Государю, тебя ласкающему, приятно будет найти тебя правым. Вот как искательные подлецы часто могут марать добрых людей, беспечных по незнанию их мерзостей и уверенных в чистоте своих намерений и действии» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 148). Подробности о статье Пушкина и о дальнейшей полемике его и Булгарина см. в статье А. Г. Фомина: «Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов». — Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. 463 — 467. — Не один Булгарин нападал тогда на Пушкина. Погодин, сообщая Шевыреву, 23 марта 1830 г., что Пушкин в Москве, писал: «Как бы ты думал — его ругают наповал во всех почти журналах: в Северной Пчеле, Сыне Отечества, Телеграфе, Вестнике Европы.... Северная Пчела говорит даже, что он картежник, чванится вольнодумством перед чернью, а у знатных ползает, чтоб получить шитый кафтан, и проч. Мои отношения к нему прежние, т.-е. очень хорошие. Он зовет тебя в Москву: «Что не летит этот к нам ворон, — здесь для него столько трупов». Мне очень жаль, что эти площадные брани его слишком трогают, как бывало тебя. О, irritabile genus! Он поет твои куплеты и отпаливается эпиграммами. Вот содержание одной: «У меня есть собрание насекомых, — вот Глинка божия коровка, вот Каченовский — злой паук, вот и Свиньин — Российский жук... Вот Раич — гадкая козявка.... Смотрите, они все под стеклами у меня торчат на острых эпиграммах. Каков последний стих!» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 161; ср. заметку Н. О. Лернера: «Имена литераторов в Собрании насекомых» — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 23 — 28). О другой статье о Видоке - Булгарине, которую хотел напечатать А. Ф. Воейков в ноябре 1830 г., — см. заметку Н. К. Замкова в «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 71 — 77. Ср. ниже, в объяснениях к письму № 377, стр. 476.

— О Раиче и об его журнале «Галатея» см. выше, в объяснениях к № 312; в середине года Раич отдал свой журнал на содержание Петру Ивановичу Артемову («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 153; Б. Л. Модзалевский, «Автобиография С. Е. Раича», С.-Пб. 1913, стр. 28 — 29). Пушкин, несмотря на позднейшее отрицательное мнение о журнале Раича, в 1829 г. поместил в нем два стихотворения: «Цветок» (ч. I, № 2) и «В Альбом. (Е. Н. У .... вой)» (ч. I, № 5); к № 4-му были, кроме того, приложены ноты А. Н. Верстовского к стихотворению Пушкина: «Два Ворона».

— Говоря о князе Петре Ивановиче Шаликове, Пушкин имеет в виду его «Дамский Журнал», известный своею пошлою слащавостью; он выходил с 1823 по 1833 год, с 1829 года — еженедельно. Шаликов был большим почитателем Пушкина. В «презабавных», по выражению М. Н. Лон-

гинова, применениях к тогдашним (1830 г.) журналам стихов «Горя от ума», к «Галатее» были отнесены слова: № 330.

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им и их морочь!;

а к «Дамскому Журналу» два стиха:

а) Всё тот же толк и те ж стихи в альбомах,

и б) Певец зимой погоды летней....

(Сочинения М. Н. Лонгинова, т. I, М. 1915, стр. 60).

— Третье издание «Бахчисарайского Фонтана», напечатанное «С дозволения Правительства», появилось в свет в Петербурге в первых числах апреля 1830 г. В нем была выпущена печатавшаяся при первом (1824) и втором (1827) изданиях статья кн. Вяземского «Вместо предисловия. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». Набросок «Посвящения» Вяземскому, о коем говорит Пушкин, — см. в Майковском собрании автографов поэта («Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 5).

— «Мой Цензор» — император Николай I.

— Солнцев, к которому возил Пушкин Наталью Николаевну Гончарову, — муж его родной тетки, Матвей Михайлович Сонцов (см. выше, в объяснениях к письмам №№ 143, 219 и 316). Кн. Вяземский рассказывает («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 1982 и Соч., т. VIII, стр. 159), что Сонцов, служивший под начальством кн. Н. Б. Юсупова (в Мастерской Оружейной Палаты), был представлен им к пожалованию в камергеры. Однако, «в Петербурге нашли, что по чину его достаточно ему и звания камер-юнкера. Но Солнцев, кроме того, что уже был в степенных летах, пользовался еще вдоль и поперек таким объемистым туловищем, что юношеское звание камеръ-юнкерства никак не подходило ни к лицу его, ни к росту. N. N. говорил, что он не только сановит, но и *слоновит*. Кн. Юсупов сделал новое представление на основании физических уважений, которое и было утверждено: Солнцев наконец пожалован ключом. Вся эта проделка не могла ускользнуть от летописца, подобного Неелову. Он записал в свой Московский Временник следующее четверостишие:

Чрез дядю, брата или друга
Иной по службе даст скачок,
Другого вывезет сестра или супруга,
Но он стал камергер чрез собственный пупок.

Письмо А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву о пожаловании Сонцова в камергеры (состоявшемся 29 марта 1825 г.) см. в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 667 и 668 — 669).

— «Дядя В. Л.» — Василий Львович Пушкин, вскоре умерший (см. ниже, № 362 и стр. 458); на свадьбу Пушкина он стихов не подарил, но когда на его племянника-поэта посыпались обвинения и инсинуации по поводу напечатанного в «Литературной Газете» 1830 г. (№ 30, 26 мая) «Послания к К. Н. Б. Ю***» [Юсупову], он старался утешить его довольно пространным посланием в стихах, советуя ему не обращать внимания на Полевого-историка, Булгарина-романтика и на «Парнасских пигмеев, нелепую их брань, придирки и затеи» и пользоваться своим счастием:

Благодаря судьбу, ты любишь и любим!
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою!
Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит:
Блаженствуй!..... и т. д.

(См. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 162 — 163). Это послание было последним произведением В. Л. Пушкина (Соч. В. Л. Пушкина, под ред. В. И. Саитова, С.-Пб. 1893, стр. 156).

 — Об Е. А. Карамзиной см. выше, в объяснениях к № 315, стр. 392.

— Жуковский в это время был (уже не первый год) преподавателем и наставником у 12-летнего наследника престола великого князя Александра Николаевича (род. 1818 г.) и был совершенно поглощен своею деятельностью на этом поприще.

331. *С. Л., Н. О. и О. С. Пушкиным* (стр. 88). Впервые напечатано М. А. Цявловским в «Голосе Минувшего» 1920—1921 г., стр. 120—121, и в сборнике «Писем Пушкина и к Пушкину» под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 13—14,—по копии П. И. Бартенева, снятой им с подлинника, находившегося в альбоме Александры Ивановны Васильчиковой, рожденной Архаровой (род. 1795, ум. 1855); последняя получила письмо от матери поэта, Н. О. Пушкиной, которая была в дружеских отношениях с матерью Васильчиковой—Екатериной Александровной Архаровою, рожд. Римской-Корсаковою (ум. 1836); по словам Бартенева, Пушкин, узнав, что это письмо попало в чужие руки, предлагал А. И. Васильчиковой «несколько своих автографов, лишь бы она ему отдала это письмо, но она не согласилась». Где теперь находится подлинник письма — нам неизвестно.

Перевод: «Дорогие родители, я получил еще два ваших письма. Не могу отвечать вам ничего кроме того, что вы уже знаете, что всё улажено, что я — счастливейший из людей, что я люблю вас всей душой. — Его величество оказал мне милость и выразил мне свое благосклонное удовлетворение по поводу брака, в который я собираюсь вступить. Он дозволил мне напечатать мою трагедию так, как мне хотелось. Скажите об этом брату, с тем, чтобы он пересказал о том Плетневу, который, кстати сказать, меня забывает, так же, как и Дельвиг.—Я передал письмо ваше м-ль Гончаровой; полагаю, что она сегодня будет вам отвечать. Дядюшка мой Матвей Михайлович посетил ее третьего дня; он и тетушка приняли живейшее участие *в моем счастии* (я совсем ошеломлен тем, что могу употреблять такое выражение). Вот уже несколько дней, что я не видал дядюшку Василия Львовича. Знаю, что ему теперь лучше. — Благодарю тебя, дорогая Ольга, за твою дружбу и за твои приветствия. Я видал твое письмо к Натали, которая смеялась, читая его, и целует тебя. — Целую вас также, дорогие родители. На-днях, быть может, съезжу в Калугу к дедушке Натали. Мне очень хотелось бы, чтобы свадьба совершилась еще до наступающего поста. Еще раз — прощайте. 3 Мая».

— Это — единственное известное доныне письмо Пушкина к родителям: до сих пор было опубликовано лишь *черновое* письмо поэта к отцу и матери — от первой половины апреля 1830 г. (см. выше, № 323): родители поэта не сумели сберечь письма к себе сына.

— О дозволении со стороны Николая I на вступление в брак с Гончаровой поэт узнал из письма Бенкендорфа от 28 апреля 1830 г. (см. Переписку, Акад. изд., т. II, стр. 140—141), писанного в ответ на письмо Пушкина от 16 апреля (см. выше, № 324). В тех же письмах речь шла и о позволении напечатать «Бориса Годунова».

— О Матвее Михайловиче Сонцове, женатом на Е. Л. Пушкиной, см. выше, стр. 195, 394 и 423.

— О болезни и смерти В. Л. Пушкина (20 августа) см. ниже, письмо № 363 и стр. 458.

— О поездке Пушкина в Полотняный Завод к А. Н. Гончарову см. ниже, письмо № 339 и прим., стр. 436.

— Пост Петровский в 1830 году начинался 1 июня; но свадьба Пушкина, как известно, была отложена сначала по случаю материальных затруднений, а потом из-за разразившейся холеры и смерти В. Л. Пушкина (см. ниже, письмо № 363) и состоялась лишь 18-го февраля 1831 г.

332. *А. Н. Гончарову* (стр. 88). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 500; подлинник был в Музее Калужской Ученой Архивной Комиссии; черновое — в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 146 (упом. — в «Русск. Стар.». 1884 г., т. XLIV, стр. 353); подлинник его в рукописи б. Румянцовского Музея № 2362, л. 32.

— Афанасий Николаевич Гончаров (род. около 1760, ум. после 1834 г.), № 332. внук основателя Полотняного завода в Медынском уезде (Калужской губ.), Калужского купца, пожалованного «за размножение и заведение парусных и полотняных фабрик» чином коллежского асессора, Афанасия Абрамовича Гончарова, и дед невесты Пушкина Натальи Николаевны, — отец ее отца, душевно-больного Николая Афанасьевича Гончарова. — Афанасий Николаевич, как единственный сын у отца, явился наследником большей части Гончаровских богатств, которые он сумел расточить с редким искусством. «Кажется», говорит историк Полотняного Завода А. В. Средин: «что в его личности сосредоточивались, как в фокусе, все недостатки русского барства Екатерининской эпохи. Широко гостеприимный, нерасчетливый, не могший никому отказать в просьбе, «милостивый», как его называет народ, — влюбленный в блеск и роскошь, он постоянно окружен гостями, ведет жизнь шумную и праздную; по своему мировоззрению, будучи от природы недальнего ума, он является типичным выразителем правила «après nous le déluge» [«после нас хоть потоп»]. За сорок семь лет управления громадным наследством, ему доставшимся, он сумел оставить после себя около полутора миллиона долгу. Жизнь его проходит среди шума и блеска на Полотняных Заводах, а зимою — в Москве. Женат он был на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной (ум. 1835). Характера она была «твердого и держала в руках своего ветреного, расточительного супруга. Пока она не покинула мужа, в десятых годах прошлого (XIX) столетия,— всё в имении дышало порядком; хотя деньги щедро лились, но огромных доходов с излишком хватало на жизнь. Насущною заботой Афанасия Николаевича, при его ненасытимой жажде роскоши, было, прежде всего, «благолепие». Дом украсили богатые люстры фарфоровые и венецианского стекла, великолепные столы marquetterie» .. Гончаров радел также и о церквах; желая увековечить память о посещении Полотняного Завода Екатериною II, он приобрел заказанную князем Потемкиным в Берлине скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую императрицы, великолепной чеканки [см. о ней ниже, в письме № 341 и др.]. Безрассчетная, безумная роскошь привела к тому, что уже в начале XIX века состояние Гончарова пошатнулось; постепенно назревавший разлад с женой, а затем и разрыв с нею побудили А. Н. Гончарова передать управление имениями своему единственному сыну Николаю Афанасьевичу, после чего, в 1808 г., он уехал заграницу, где пробыл ровно четыре года, при чем вернулся в Полотняный Завод уже тогда, когда Москва была занята французами [Полотняный Завод упоминается в «Войне и Мире» — см. т. IV, ч. III, гл. 4]; затем он снова поселился в заводе, отстранил сына от управления и взял его снова в свои руки. «Ни тяжелый год, ни перенесенная тяжелая болезнь, ни годы, проведенные за границей, не оказали влияния на его характер, и жизнь на Полотняных Заводах пошла так же широко и беспечно, как раньше, а Афанасий Николаевич еще как будто старался наверстать своим безрассудством степенно прожитые годы». Таков был старик Гончаров, которого Пушкину пришлось называть, по невесте, а потом по жене, «дедушкой» и который при первом же знакомстве во время посещения поэтом Полотняного Завода «воспользовался удобным случаем опутать его своими просьбами. Сколько еще беспокойств и огорчений», — прибавляет А. В. Средин: «суждено было испытать поэту от семьи Гончаровых до свадьбы, да и после нее!» А. Н. Гончаров под конец жизни совершенно разорился. По предписанию Московского Губернского Правления от 1 ноября 1832 г. Московская Дворянская Опека учредила в ведении своем опекунство «над повредившимся в уме» надв. сов. Н. А. Гончаровым и над имением его, состоящим в уездах: Нижегородском — 846, Рязанском и Зарайском — 520, Можайском — 102, Медынском, при Полотняной и Бумажной фабриках — 1203 и в с. Товаркове — 779, а всего 3450 душ крестьян, при чем опекунство было поручено старшему внуку, Дмитрию Николаевичу Гончарову (А. В. Средин, «Полотняный Завод» — «Старые Годы» 1910 г., июль — сентябрь; см. также письмо В. П. Безобразова к Я. К. Гроту о Полотняном Заводе в «Трудах Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901, «Пушкин», стр. 129 — 133).

№ 333. — О помолвке Пушкина и Н. Н. Гончаровой, по обычаю того времени, был извещен весь круг знакомых жениха и невесты особыми билетами; у Павла Воиновича Нащокина сохранялся такой билет, им полученный, с таким текстом: «Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Натальи Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего мая 6 дня 1830 года» («Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 383). Свои переживания последнего времени перед принятием родителями Н. Н. Гончаровой предложения, момент получения согласия, благословение родителей и обстановку его Пушкин с поразительной яркостью нарисовал в известном отрывке помеченном им 12—13 мая 1830 г. и как будто переведенном с французского), начинающемся словами: «Участь моя решена. Я женюсь»...

333. *П. А. Плетневу* (стр. 89). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1869 г., ст. 2068 (отрывок) и в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, изд. Я. К. Грота, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 351—352 (полностию); подлинник на желтоватой почтовой бумаге большого формата, без вод. зн., — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— О разрешении напечатать «Бориса Годунова» Пушкин узнал из приведенного выше, в объяснениях к письму № 324 (стр. 414), письма к нему Бенкендорфа от 28 апреля, которое он мог получить в Москве 1—2 мая; этим определяется и приблизительная дата письма Пушкина к Плетневу. Погодин отметил о полученном дозволении государя в дневнике своем под 9-м мая («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 106).

— Еще в конце 1828 и начале 1829 гг. Пушкин начал думать о напечатании «Годунова», к которому намерен был написать предисловие и примечания, но потом передумал, решив, что это лишний труд, так как критика всё равно не поймет и не оценит его мыслей о драматической поэзии. Перед отъездом своим на Кавказ (вероятно, — в марте 1829 г.) Пушкин передал рукопись трагедии Жуковскому, — с тем, чтобы тот, как выразился Плетнев, «пересмотрев еще поправленное сочинение, принял на себя труд заготовить чистый экземпляр, в каком виде полагает лучше издать его». 20 июля рукопись была представлена Плетневым в III Отделение; 10 октября о ней было доложено государю, который не дал своего согласия на напечатание, о чем Бенкендорф сообщил поэту лишь 21 января 1830 г., потребовав перемены некоторых мест, «слишком тривиальных». Пушкин, отстаивая свободу своего творчества, в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. (см. выше, № 324), добился, наконец, разрешения издать «Годунова», под его собственною ответственностью, в том виде, как он сам признает нужным. Тогда-то он и поручил Плетневу, своему постоянному комиссионеру в делах издательских, взять на себя хлопоты по напечатанию книги. Официальная переписка властей по этому поводу обнародована в издании «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 117, и след., и в сборнике «Пушк. и его современники», вып. XXIX—XXX, стр. 67—68. Книга поступила в продажу 22—23 декабря 1830 г. (Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 95—96).

— Ф. Ф. — Максим Яковлевич фон-Фок (род. 1 апреля 1777, ум. 27 августа 1831), Управляющий III Отделением Собственной е. в. Канцелярии, правая рука и фактотум Бенкендорфа; кроме управления собственно делопроизводством Канцелярии, он вел еще широкую агентурную разведку при помощи довольно обширного штата агентов и шпионов, под бдительным надзором которых состоял у него и Пушкин. Фон-Фок был душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицеиского аппарата, во главе которого стоял Бенкендорф, как шеф жандармов; он сосредоточивал в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Его деятельность в этом отношении была поразительно обширна, — он отдавался ей, повидимому, с любовью, даже со страстью. Человек умный, хорошо образованный и воспитанный (бывший военный), он своими сведениями и кипучею деятельностию как бы дополнял Бенкендорфа, человека мало образованного, вялого и ленивого. Пушкину

неоднократно приходилось обращаться к фон-Фоку и лично, и письменно, как к «alter ego» Бенкендорфа. Детски-незлобивый, всепрощающий поэт относился к нему доверчиво и добродушно и однажды даже обратился к нему с частным письмом (до нас не дошедшим) по поводу предположенного им издания политической газеты, программу которой он сообщил тогда же и Бенкендорфу (при письме от 27 мая 1831 г., из Царского Села). Фон-Фок, в изысканных выражениях благодаря Пушкина, письмом от 8 июня, за доверие, оказанное обращением к нему, отклонил, однако, всякое участие в этом деле, при чем писал поэту: «Желая вам самых блестящих успехов в вашем предприятии, я, конечно, один из первых буду радоваться таковому и поздравлять публику, что человек вашего отличного таланта будет способствовать сколь к ее удовольствию, столь и к просвещению» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 440; Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 246 — 247). Когда же Фок умер, поэт записал о нем в Дневнике своем следующее: «На днях скончался в Петербурге фон-Фок, начальник III Отделения Государевой Канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: «J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer». Вопрос: кто будет на его месте? — важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей». Этими словами он ярко и верно очертил то значение, какое фон-Фок имел в тогдашней Русской общественной жизни, а в частности и в его собственной. О его важной роли в жизни поднадзорного Пушкина в 1826 — 1830 гг. и об отношении к поэту, — в общем крайне неблагожелательном, — дают ближайшее и яркое представление документы секретного «Фоковского» архива, опубликованные нами в статье «Пушкин в донесениях агентов тайного надзора» («Былое» 1918 г., № 1, стр. 5 — 59, а затем в отдельной книжке «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е, Лгр. 1925); о самом же фон-Фоке см. в книге М. К. Лемке: «Николаевские жандармы и литература 1826 — 1855 гг.», С.-Пб. 1908, стр. 19 — 27; литографированный портрет его — в Пушкинском Доме. — Отвечая на вопрос Пушкина, Плетнев писал ему 21 мая: «Письменного дозволения брать от Ф. Ф. не считаю нужным, потому что он же подпишет рукопись для печатания» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 154). № 333.

— «Борис Годунов» был издан без предисловия, в котором Пушкин намеревался-было изложить свои взгляды по теории драмы, — как это видно из черновых набросков его писем к Н. Н. Раевскому (см. выше, письма № 162, 237 и 289). Отвечая на прямой вопрос Пушкина, Плетнев писал ему 21 мая: «Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что̀ можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине; следственно (по моему разумению) не стоит тебе якшаться с ним в этом месте: в другом бы — для чего не поучить, как советует русская пословица: не спускать и в алтаре; но ведь есть другая противная пословица, что с ним и Бог не волен. Лучше ты отделай путём романтиков немцев за то, что они не поняли ни испанцев романтиков, ни Шекспира. О классиках-французах, кажется, также тебе непристойно проповедывать с кафедры, когда уж об этом можно много начитаться даже в Северной Пчеле. Хотелось бы мне, чтобы ты ввернул в трактат о Шекспире любимые мои две идеи: 1) Спрашивается, зачем перед публикой позволять действующим лицам говорить непристойности? Отвечается: эти лица и не подозревают о публике; они решительно одни, как любовник с любовницей, как муж с женою, как Меркутио с Бенволио (нецеремонные друзья). Праксител, обделывая формы статуи, заботится об истине всех частей ее (вот его коран!), а не о тех, кто будет прогуливаться мимо выставленной его статуи. 2) Для чего в одном произведении помещать прозу, полустихи (т.-е. стихи без рифм) и настоящие стихи (по понятию простонародному)? По тому, что в трагедии есть лица, над которыми все мы смеялись бы, если бы кто вздумал подозревать, что они способны к поэтическому чувству; а из круга людей, достойных поэзии, иные бывают на степени поэзии драматической, иные же, а иногда и те же, на степени поэзии

№ 333. лирической: там дипломатическая музыка, а здесь военная» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 154). Плетневу же Пушкин писал 9 сентября 1830 г. из Болдина, что «написал элегическое маленькое предисловие» и спрашивал, не прислать ли его, напоминая Плетневу про его обещание написать предисловие к «Годунову» — «дельное, длинное» (см. ниже, письма № 369 и 373).

— Пушкин хотел «раздавить» Булгарина, между прочим, напечатанием в «Литературной Газете» своей эпиграммы на него «Не то беда, что ты поляк»: она была помещена самим Булгариным в издававшемся им и Гречем «Сыне Отечества» (1830 г., № 17, стр. 303), но с переменою в последнем стихе слов «Видок Фиглярин» на «Фаддей Булгарин». Однако, цензура не разрешила поместить эпиграмму в «Литературной Газете»; брат поэта, Лев Пушкин, через Жуковского, пытался добиться разрешения, но тоже тщетно (см. письмо Дельвига к Пушкину от 8 мая 1830 (выше, стр. 422) и письмо Л. С. Пушкина Жуковскому от 3 мая 1830 г. — «Русск. Стар.» 1903 г., № 8, стр. 454 — 455).

— Отзыв «Северной Пчелы» об VII главе «Евгения Онегина» — ругательная рецензия Булгарина в №№ 35 и 39 этой газеты (см. выше, в объяснениях к № 318, стр. 399). Не удовольствовавшись этою статьею, Булгарин в № 40-м «Северной Пчелы» поместил особую заметку о *цене* «Евгения Онегина», в которой, не сказав прямо, что он стòит дорого, подчеркнул высокую цену еще не законченной *первой* части романа. В отделе «Смесь» читаем: «В известии о новой книге: Евгений Онегин, глава VII (см. Сев. Пчелу № 35 и 39) мы, противу обыкновения, не выставили цены сего сочинения. Спешим поправить ошибку. VII глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12 долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего Романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно определить цены целого сочинения. Продается в книжных магазинах А. Ф. Смирдина, у Синего моста, в доме г-жи Гавриловой, и в доме Лютеранской Петропавловской Церкви».

— «Презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин» Пушкин получил от полковника Владимира Николаевича Спечинского, который, «в бытность свою в Остзейских провинциях, был свидетелем всех пакостей Булгарина, тогда еще ничтожного негодяя, и, услыхав его имя у Нащокина, рассказал его историю. Нащокин после просил Спечинского повторить свой рассказ в присутствии Пушкина. У Нащокина обо всем этом написана коротенькая статейка» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 35). Рассказ (или статейка) Нащокина о Спечинском и его повести о Булгарине, в виде письма к С. Д. Полторацкому, опубликован в «Русском Архиве» 1884 г., кн. III, стр. 352 — 353; здесь Нащокин пишет: «В то время, когда Булгарин надоедал Пушкину своими критическими замечаниями в разных журналах, тогда весьма незначущее, повидимому, обстоятельство породило статью «Косичкина», у меня были гости, — князь Д. Дадиан и полковник Спечинский. Разговор был о Пушкине. Спечинский упомянул о Булгарине, которого он очень хорошо знал, но не в том виде, как мы и все его знают. Знал он его в Ревеле разжалованным в солдаты и по знанию грамоте находившегося не во фронте, а в канцелярии, где он не столько писал, сколько пил или, как говорится, предавался запою. В этом виде он выходил на бульвар, где с опухлой, безобразной рожей протягивал гуляющим руку, прося милостыни, хотя неодинаково с прочими, но в вычурных литературных оборотах и часто в стихах, как то: «кто бедным милости творит» и проч. и проч. Иногда по три, по четыре недели и более запои Булгаринские прекращались, и в это время он искал хорошего знакомства или поддерживал прежние свои связи. В это-то время он часто посещал человека Гришку, бывшего в должности камердинера у полковника Спечинского, чтò барину весьма не нравилось, и он говорил, чтобы Гришка бросил с ним водиться, а то что-нибудь и когда-нибудь Булгарин ему да напакостит, чтò и случилось. В одно прекрасное утро друг Фаддея Вене-

диктовича явился к барину — и бух ему прямо в ноги. Булгарин, дескать, украл у меня шинель, которая уже находилась у целовальника в кабаке.— Говорил я тебе! Вот тебе и Булгарин, и если вперед узнаю, что ты ведешь с ним знакомство... Тут последовали обыкновенные угрозы в подобных случаях. Это же самое рассказывал Спечинский и в присутствии Пушкина, который помирал со смеху, смеясь своим звонким смехом, потому что я не преминул доставить Пушкину оказию выслушать этот рассказ лично из уст самого г-на Спечинского. В эту-то минуту возродилась мысль помянуть о украденной шинели в оглавлении того романа, о издании которого г-н Косичкин извещал публику» (указ. изд., стр. 352 — 353). № 333.

Программа романа «Настоящий Выжигин» вошла в напечатанную в сентябре 1831 г., в № 15 «Телескопа», известную полемическую статью Пушкина «Несколько слов о мизинце Г. Булгарина и о прочем» (за подписью «Ф. Косичкин»): в этой программе были убийственные для Булгарина намеки, которые современный читатель легко разгадывал:

«Настоящий Выжигин.

Историко-нравственно-сатирический роман XIX века.

Содержание.

Глава 1. Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше Благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Глава V. Ubi bene ibi patria. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает. Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставный квартальный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным. Глава XI. Веселая компания. Курьозный куплет и письмо-аноним к знатной особе. Глава XII. Танга. Выжигин попадается в дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка! Глава XIV. Господин и Госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностью объявляют о том почтенной публике. Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок или маску долой! Глава XVII. Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком. Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре».

— О статье Пушкина о Видоке-Булгарине см. выше, в объяснениях к письму № 330, стр. 421. Е. М. Хитрово, узнав о готовящейся статье Пушкина о Видоке, очень боялась, что появление ее может повредить Пушкину, и обращалась к кн. Вяземскому, прося его посодействовать тому, чтобы статья или вовсе не была напечатана, или была бы задержана до совещания с Жуковским (П. Бартенев, «Пушкин», вып. II, стр. 43). На статью о Видоке Булгарин ответил пасквилем «Второе письмо из Карлова на Каменный Остров» («Сев. Пчела» 1830 г., № 94, 7-го августа).

— Пушкин получил письмо Плетнева от 29 апреля 1830 г., в котором тот, поздравляя друга с помолвкою, писал: «Теперь смотрю на тебя с спокойствием, потому что ты ступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя, кроме рассудка твоего и совести: а на них-то я всегда и надеялся в тебе более всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдумано, ты давно должен был и сказать мне о нем, — не потому что бы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои». Затем Плетнев, переходя к вопросу об этих делах, писал Пушкину. «Вот, что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться всё старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более, а пуще всего решила меня

на то боязнь контрфакции и разные плутни торгашей, которых хоть я и не видел до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки то наши такие крошки, каких не трудно наделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен. Теперь, по крайней мере, ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина, литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы собственно не в накладе: потерпят для него одни библиоманы. Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7 глав Онегина, 2 томов Стихотворений, Полтавы, Цыганов и Фонтана не мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав Онегина, или новых томов Стихотворений, или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением Руслана и Пленника, о коих сам ты сделал условия). Поскорей ответь, согласен ли ты на это мое распоряжение?» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 141 — 142).

— Об А. Ф. Смирдине, книгопродавце и издателе, см. выше, в объяснениях к письму № 268, стр. 277. Отвечая на просьбу Пушкина, Плетнев сообщал ему 21 мая: «Смирдин упорен был, я не выторговал — ни месяца» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 154). Позднее Смирдин платил Пушкину по червонцу за стих («Литер. Приб. к Русскому Инвалиду» 1834 г., стр. 555).

— Поручение Плетнева состояло в том, чтобы Пушкин поцеловал ручку своей «невесте-прелести» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 142); в письме от 21 мая он просил Пушкина:

Отдай поклон моей знакомке новой.
Так сладостно рифмующей с Кановой.

(Там же, стр. 155).

— Плетнев был женат на Степаниде Александровне Раевской (не из славного рода Раевских, друзей Пушкина); вскоре, в середине мая, у них родилась дочь Ольга, которая умерла в 1853 г., будучи женою А. Б. Лакиера. Сама С. А. Плетнева скончалась 21 апреля 1839 г., 44 лет от роду, и П. А. Плетнев впоследствии женился вторично — на княжне Александре Васильевне Щетининой (род. 1826, ум. 1901).

— О том, что «Царь с ним очень мил», Пушкин узнал из письма своей поклонницы Е. М. Хитрово, которая писала ему (по-французски): «Я уверена (так как мне известны мысли государя на ваш счет), что если вы только пожелаете какое-либо место при нем, — вам дадут его. Этим, может быть, и не следовало бы пренебрегать, ибо это в конце концов доставит вам независимость со стороны материальной и со стороны правительственной. Государь так хорошо расположен [к вам], что вам никого не нужно»... (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 152 — 153).

334. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 90). Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским по найденному им оригиналу в журнале «Былое» 1918 г., № 1, стр. 56, а затем вошло в его книжку «Пушкин под тайным надзором», изд. 1922 и 1925 гг.; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук.

Перевод: «Генерал! Попечению Вашего Превосходительства обязан я новою милостью, которою его величество только что меня облагодетельствовал: благоволите принять выражение моей глубокой признательности. Никогда в сердце своем не забывал я благосклонности — смею сказать, — совершенно отеческой, которую оказывал мне его величество; никогда не истолковывал я в дурную сторону и тот интерес, который вам всегда угодно было проявлять ко мне; моя просьба была высказана единственно для того, чтобы успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветою. — Благоволите принять, генерал, дань моего высокого уважения. Ваш нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. — 7 Мая, 1830 г. Москва».

— Настоящее письмо Пушкина является ответом на приведенное нами выше (стр. 414), в извлечениях, письмо Бенкендорфа к Пушкину от 28 апреля, в котором он, успокаивая Пушкина, писал, что государь с удовольствием

услышал о намерении его жениться и поручил ему сообщить, что он, Пушкин, находится не под гневом, а под отеческим попечением его величества, и что он доверен Бенкендорфу не как шефу жандармов, но как человеку, которому император оказывает свое доверие, и лишь для того, чтобы наблюдать за ним и руководить его своими советами. В конце письма Бенкендорф писал, что уполномочивает Пушкина показывать настоящее его письмо всем тем, кому он сочтет нужным, — чтобы тем рассеивать неблагоприятные о нем слухи, будто он находится в дурных отношениях с Правительством. Получив это письмо, Пушкин и написал Бенкендорфу 7 мая благодарственный ответ; придя в Петербург, письмо не застало здесь Бенкендорфа, попало в руки фон-Фока и было переслано им, при письме от 18 мая, шефу, а затем осталось на 87 лет лежать «под спудом» при бумагах архива, не будучи включено в «дело» III Отделения о Пушкине. Вот что писал Фок из Петербурга, 18 мая 1830 года, Бенкендорфу, который за несколько дней перед тем выехал из города для сопровождения Николая I в одну из его поездок: «J'annexe à ma missive un chiffon de lettre de notre fameux Pouschkin. Ces lignes le caractérisent parfaitement dans toute sa légéreté, dans toute son étourderie insouciante. Malheureusement, c'est un homme ne songeant à rien, mais pret à tout. C'est l'impulsion momentanée qui le fait agir». Перевод: «Присоединяю к моему посланию письмецо нашего пресловутого Пушкина. Эти строки великолепно его характеризуют во всем его легкомыслии, во всей беззаботной ветренности. К несчастию, это человек, не думающий ни о чем, но готовый на всё. Лишь минутное настроение руководит им в его действиях» (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», стр. 96 — 97). Недвусмысленно-неблагожелательный отзыв фон-Фока о Пушкине следует сопоставить с приведенными выше (стр. 427) льстивыми словами его в письме к Пушкину от 8 июня 1831 г. по поводу плана издания поэтом Газеты. № 335.

— Мать — т.-е. мать невесты, Наталию Ивановну Гончарову.

335. *М. П. Погодину* (стр. 90). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 435; подлинник — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 379). Эта записка, как и 9 следующих и одна предыдущая (№№ 325, 336, 340, 343, 344, 345, 346, 350, 351, 352) относятся к денежному займу Пушкина, совершенному им при содействии Погодина. По свидетельству самого Погодина, Пушкин в 1830 г. «кажется проигрался в Москве, и ему понадобились деньги. Он обратился ко мне, но у меня их не было, и я обещался ему перехватить у кого-нибудь из знакомых, начиная с Надеждина» («Утро», стр. 435). «Безденежье было постоянным несчастием жизни Пушкина», — пишет Н. П. Барсуков: «вследствие сего ему нередко приходилось одолжаться таким людям, которых ни любить, ни уважать он не мог. К довершению несчастия, Пушкин, живучи в это время в Москве, проигрался, а денег у него не было, и за ними он обратился к Погодину, а сей последний обещался ему перехватить у кого-нибудь из знакомых, начиная с Надеждина. Таким образом, волею или неволею, Пушкину пришлось быть одолженным человеку, который грязными руками залезал в святыню его души . . . Погодин со всем усердием «собирал мозаически деньги Пушкину» и при этом сознавался, что искал эти деньги, «как собака». Главным заимодавцем Пушкина, при посредстве Погодина, был Надеждин, — и вот по этому поводу на Погодина посыпался целый град весьма некрасивых [?] записочек Пушкина» («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 31 — 32; ср. М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушк. и его современники», вып. XXIII — XXIV, стр. 107 — 108; первая запись Погодина о займе для Пушкина — под 20 мая).

— «По 10 рг. с.» и «по 5 рг. с.» — то-есть «по 10 процентов» и «по 5 процентов».

— «Четвертое действие» — трагедии Погодина «Марфа Посадница», в 5 действиях, писанной ямбами: «Три действия кончены, четвертое и пятое — почти», — писал Погодин Шевыреву 15 мая 1830 г. «Первое написал я в семь дней, второе — в семь, третье — в пять. Пушкин случайно

 допытался до моей тайны и заставил прочесть: был в восторге, плакал, целовал, говорил, что его народные сцены ничто перед моими и проч., и проч. Если моя трагедия в половину имеет достоинства в сравнении с его мнением, то я доволен. Может быть, слушая меня, он сам много вообразил, бросал свое золото, как алхимик, — не знаю. Впрочем, я предупреждал его: «Моя цель на другом поприще, — неудача на этом меня не опечалит, будьте откровенны и скажите: хорошо ли это, или есть ли надежда на хорошее или дурное?» Для меня было приятно услышать его отзыв, но не слишком; даже теперь приятнее описывать тебе. Он только ободрил меня: что мне стало казаться общими местами, то ему нравится» . . . («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 148). Из дневника Погодина видно, что I действие «Марфы Посадницы» он прочел Пушкину 13 мая, при чем просил его откровенного мнения: «Будьте откровенны». — В восторге. «Я не ждал. Боюсь хвалить вас. Ну, если вы разовьете характеры также, — дойдете до такой высоты, на какой стоят народные сцены. Чудо! и проч. Удачная догадка. Это и хорошо, что вам кажется общим местом. Diable etc.» Приятно». — 14-го мая Погодин записывает: «Прочитал еще 2 действия. Пушкин заплакал: «Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю; мои сцены народные ничто перед вашими. Как бы напечатать ее», и целовал и жал мне руку. — Да не слишком ли он воображает сам здесь, как Алхимик. И между тем такая похвала чуть чуть доставляет мне удовольствие». — 28-го [1] Пушкин прослушал в чтении автора 4-е действие: «доволен по прежнему» (М. А. Цявловский, назв. соч., стр. 106—107). Трагедия была закончена 6 июля 1830 года и тогда же вскоре издана отдельною книгою под заглавием: «Марфа Посадница Новгородская. Трагедия в пяти действиях. В стихах» (дозв. цензурою 26 августа 1830 г.), без имени автора; фамилия Погодина была подписана только под предисловием, в котором прямо говорилось о том, что «сочинитель» хочет остаться неизвестным публике. Пушкин, прочтя «Марфу» еще раз в Болдине, восторженно отозвался о ней — см. ниже, в письме к Погодину же № 383, и в объяснениях к нему, стр. 487.

336. *М. П. Погодину* (стр. 90). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 435; подлинник на клочке писчей бумаги, карандашом — в архиве Погодина в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 381).

Объяснения о поводах к этой записке см. в предыдущем письме № 335 и на стр. 431.

337. *Е. М. Хитрово* (стр. 91). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 7. Подлинник в Пушкинском Доме; он на листе почтовой бумаги большого формата, без вод. знаков; письмо сложено конвертом и запечатано гербовою печатью Пушкина. На обороте, кроме адреса и штемпеля, помета рукою Хитрово: «Александр Сергеевич Пушкин». Датируется почтовым штемпелем и содержанием.

Перевод: «Не знаю еще, приеду ли я в Петербург. Покровительницы, которых Вы так любезно мне обещаете, очень блестящи для моей бедной Натали. Я всегда у их ног, так же как и у Ваших. — 18 мая». — *На обороте:* «Ее Превосходительству Милостивой Государыне Елизавете Михайловне Хитровой etc. etc. etc. в С.-Петербурге, на Моховой, дом Межуевой».

— Настоящее письмо Пушкина служит ответом на следующее письмо к нему Е. М. Хитрово, помеченное 9-м мая 1830 г. (даем перевод): «Я считаю необходимым, чтобы вы написали мне и известили меня о получении этого письма — на будущее время у вас нет более оправданий! Я не имею для вас никакого значения. Говорите мне о вашей свадьбе и о ваших планах на будущее. Все разъезжаются, а хорошая погода не наступает. Долли и Катрин просят вас рассчитывать на них, чтобы вывозить в свет

---

[1] М. А. Цявловский полагает, что Погодин ошибочно пометил здесь 28 мая вместо 30 мая.

(chaprоner) вашу Натали. Г-н Сомов дает уроки посланнику и его жене, — что же касается меня, то я перевожу на русский язык «Светский брак» и буду его продавать в пользу бедных. Элиза — 9-е вечером». (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 148 — 149). № 338.

— Долли и Катрин (Doly et Catherine) — «покровительницы» (chaperons), которых предлагала Е. М. Хитрово для Н. Н. Гончаровой-Пушкиной, — дочери Хитрово — графини Д. Ф. Фикельмон (см. о ней выше, стр. 418) и Е. Ф. Тизенгаузен (см. о ней выше, стр. 358). — Первая фраза в письме Пушкина имеет в виду слухи о близком приезде его, уже объявленного тогда женихом Н. Н. Гончаровой, из Москвы в Петербург. Приехал он, однако, на самом деле гораздо позже — через два месяца — в субботу 19 июля 1830 г., а выехал обратно в Москву 10 августа. По поводу его приезда баронесса С. М. Дельвиг сообщала А. П. Керн (даем перевод): «Александр Сергеевич приехал третьего дня. Говорят, он влюблен больше, чем когда-либо, а между тем почти о ней не говорит. Вчера он приводил одну фразу (кажется г-жи де Виллуа), которая говорила своему сыну: «Говорите о себе только с королем, а о своей жене не говорите ни с кем, потому что всегда рискуете встретить собеседника, который знает ее лучше, чем вы» . . . Свадьба состоится в сентябре». — «Действительно», прибавляет к этому А. П. Керн: «в этот приезд Пушкин казался совсем другим человеком: он был серьезен, важен, как следовало человеку с душою, принимавшему на себя обязанность осчастливить другое существо»... («Пушкин и его современники», вып. V, стр. 150).

338. *Е. М. Хитрово* (стр. 91). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 8. Подлинник в Пушкинском Доме; он — на полулисте почтовой бумаги большого формата, без вод. знаков. — Дата письма определяется как его содержанием и связью с предыдущим письмом, так и тем соображением, что оно служит ответом на следующее письмо Хитрово к Пушкину, датируемое серединой мая 1830 г. (см. назв. изд. Писем Пушкина к Хитрово, стр. 75): «Я опасаюсь для вас прозаической стороны супружества. Я всегда думала, что гений может устоять только среди совершенной независимости и развиваться только среди повторяющихся бедствий, — что совершенное благополучие — положительное, беспрерывное и в конце концов довольно однообразное — убивает способности, располагает к разжирению, скорее может создать «доброго малого», чем великого поэта . . . И может быть, после личного горя это именно то, что меня более всего укололо в первую минуту. Благодаря бога, у меня в сердце вовсе нет эгоизма. Я размышляла, я боролась, страдала и наконец достигла того, что сама желаю, чтобы вы поскорее женились. Устройтесь же с вашей прекрасной и очаровательной женой в хорошеньком, маленьком, опрятном деревянном домике; по вечерам ходите к тетушкам составлять им партию и возвращайтесь домой счастливые, спокойные, благодарные Провидению за вверенное вам сокровище: забудьте прошедшее, и пусть ваше будущее принадлежит исключительно вашей жене и вашим детям! — Я уверена, судя по тому, что̀ я знаю о мыслях государя на ваш счет, что если вы только пожелаете какое-либо место при нем, — вам дадут его; этим, может-быть, и не следовало бы пренебрегать, ибо в конце концов это доставит вам независимость и со стороны денежной, и по отношению к правительству. Государь так хорошо к вам расположен, что вам не нужно ничьей помощи; но ваши друзья конечно ради вас готовы разорваться на тысячу частей, да и родственники вашей жены могут быть вам также полезны. Я полагаю, что вы уже получили мое коротенькое письмо.[1] В сущности, между нами ничто не изменилось, — я буду видеть вас еще чаще . . . (если бог даст мне еще увидеться с вами). Отныне навсегда мое сердце, мои задушевные мысли останутся для вас непроницаемой тайной, а мои письма будут такими, какими они должны быть.

[1] От 9-го мая; см. его выше, стр. 432—433.

№ 338. Океан будет между мною и вами. Но рано или поздно — вы всегда найдете во мне и для вас, и для вашей жены, и для детей — друга, непоколебимого, как скала, о которую всё разбивается. Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть. Располагайте мною во всем и без стеснения. Я создана природою, чтобы на всё итти для других, и являюсь драгоценным созданием для моих друзей. Мне ничто не трудно; я иду говорить с влиятельными лицами, ни перед чем не отступаю и снова возвращаюсь. Ни время, ни обстоятельства — ничто не может лишить меня бодрости; на тело мое не действует утомление сердца. Я ничего не боюсь, я многое постигаю, и моя способность действовать на пользу других есть столько же благодеяние Неба, сколько и последствие общественного положения моего отца и сердечного воспитания, где всё было основано на необходимости быть полезной другим. — Когда я утоплю в слезах мою любовь к вам, я всетаки останусь тем же существом — страстным, кротким и безобидным, которое за вас готово идти в огонь и в воду, потому что та̀к я люблю даже тех, кого люблю немного» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II, стр. 152 — 153; перевод дан в сб. П. И. Бартенева: «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 46 — 47). Отвечая на это, Пушкин и писал свое письмо № 338, перевод которого даем здесь.

Перевод: «Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за «Эрнани». Это одно из современных произведений, которое прочел я с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв бесспорно единственные французские поэты нашего времени. Особенно Сент-Бёв, и потому, если возможно достать в Петербурге его «Утешения», сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне. — Что касается моего брака, то ваши размышления по этому поводу были бы вполне справедливы, если бы Вы обо мне самом судили менее поэтически. На деле я простак, который хочет только потолстеть и быть счастливым. Первое легче второго. — (Простите: я замечаю, что начал свое письмо на разорванном листе — я не имею духа переписать его.) — С вашей стороны очень любезно, что вы принимаете участие в моем положении по отношению к Хозяину. Но какое же место, по Вашему, я могу занять при нем? Я, по крайней мере, не вижу ни одного, которое могло бы мне подойти. У меня отвращение к делам и к «бумагам» («les boumagui»), как говорит граф Ланжерон. Быть камер-юнкером в моем возрасте уже поздно. Да и что̀ бы я стал делать при дворе? Ни мои средства, ни мои занятия не позволяют мне этого. Родным моей будущей жены очень мало дела как до нее, как и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я их никогда не изменю».

— Вероятно это именно письмо имел в виду кн. Вяземский, когда, в письме к жене из Петербурга от 30 мая писал, что на днях видел у Е. М. Хитрово письмо от Пушкина, — «не прочел, но прочел на лице ее, что она довольна» («Голос Минувш.» 1922 г., № 2, стр. 114).

— «Hernani» — известная драма Виктора Гюго (род. 1802, ум. 1885), поставленная в 1830 г. на сцене «Comédie Française» и вызвавшая при своем появлении большой шум и большие споры между романтиками и противниками романтического направления в литературе. Подробнее об этом см. в очерке Б. В. Томашевского «Французская литература . . .» в сборнике Писем Пушкина к Хитрово, Лгр. 1927, стр. 205 — 206, 209 — 214.

— Sainte-Beuve — известный французский поэт и критик (род. 1804, ум. 1869), в это время только начинавший свою литературную деятельность, впоследствии столь плодовитую и разностороннюю; к этому времени стали известны его сборники «Poésies de Joseph Delorme» (1829 г.) и «Consolations» (1830); об обоих сборниках Пушкин, год спустя, написал отзыв, скрывшись под буквою *Р.*, в «Литературной Газете» 1831 г., № 32, 5 июня, стр. 258 — 261; о них и о влиянии их на Пушкина см. в статьях Н. О. Лернера — в «Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 141 — 158, П. О. Морозова — в «Русск. Библиофиле» 1915 г., ноябрь («Пушкин и Сент-Бёв») и Н. В. Яковлева в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1927, стр. 122 — 129, а также указанный выше очерк Б. В. Томашевского, стр. 206 — 208. Сборник

«Poésies de Joseph Delorme» сохранился в библиотеке Пушкина в двух изданиях (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека А. С. Пушкина», стр. 221, № 864 и 865); там же находятся два тома «Critiques et portraits littéraires» (Paris. 1836) и «Tableau historique et critique de la poésie Française et du théâtre Français au seizième siècle» (Paris. 1828) — см. там же, стр. 328 — 329, № 1346 — 1347. № 338.

— Со словами о желании счастия в этом письме следует сравнить то̀, что писал Пушкин В. П. Зубкову 1 декабря 1826 г. по поводу своего сватовства на С. Ф. Пушкиной (см. выше, № 226).

— Le maître (хозяин) — т.-е. император Николай; о его расположении к Пушкину сообщала ему Е. М. Хитрово, и должно быть между прочим на этом основании поэт писал Плетневу (см. выше, в письме № 333): «Царь со мною очень мил».

— Граф Ланжерон — Александр Федорович (род. в Париже 2/13 января 1763, ум. в Петербурге 4 июля 1831). Пушкин хорошо знал его, познакомившись с ним или весною 1821 г., когда около месяца провел в Одессе (где Ланжерон с 1815 г. был военным губернатором и градоначальником), или, вернее, в начале лета 1823 г., когда совсем переведен был в Одессу на службу. Приезд Пушкина сюда совпал с увольнением Ланжерона от должности Новороссийского генерал-губернатора, когда он проживал здесь уже не у дел, до отъезда своего во Францию в начале 1824 г. Обиженный отставкой, Ланжерон не скрывал своей досады перед Пушкиным; однажды он жаловался ему на императора Александра I и, показывая откровенные письма к себе Александра, писанные в бытность его еще цесаревичем, говорил молодому и опальному тогда поэту, намекая на удушение Павла I: «Вот как он мне писал. Он обращался со мной, как с другом, доверял мне всё, — и я тоже был ему предан. Но теперь, ей богу, я сам готов развязать мой собственный шарф» (см. «Дневник Пушкина», запись под 21 мая 1834 г.). Узнав Пушкина и ценя в нем литератора, Ланжерон, который смолоду сам чувствовал влечение к литературе и даже писал стихи и трагедии, давал их поэту на прочтение и на суд. М. М. Попов так рассказывает об этом: «Однажды, сработав трагедию, Ланжерон дал ее Пушкину, чтобы тот прочитал и сказал ему свое мнение. Александр Сергеевич продержал тетрадь несколько дней и, как нелюбитель галиматьи, не читал ее. Через несколько времени, при встрече с поэтом, граф спросил: «Какова моя трагедия?» — Пушкин был в большом затруднении и старался отделаться общими выражениями; но Ланжерон входил в подробности, требуя особенно сказать мнение о двух главных героях драмы. Поэт разными изворотами заставил добродушного генерала назвать по именам героев и наугад отвечал, что такой-то ему больше нравится. — «Так», воскликнул восхищенный генерал: «я узнаю в тебе республиканца; я предчувствовал, что этот герой тебе больше понравится» («Русская Старина» 1874 г., № 8, стр. 687 — 688; ср. «Полн. собр. соч. кн. Вяземского», т. VIII, стр. 58. Об этом эпизоде и о драме Ланжерона «Mazaniello ou la Révolution de Naples. Tragédie en cinq actes et en vers» (1819) см. еще в сборнике «Пушкин. Статьи и материалы», под редакцией М. П. Алексеева, выпуск II, Одесса. 1926, статью А. М. Де-Рибаса: «Пушкин и Ланжерон-драматург», стр. 32 — 40). — После смерти Александра I Ланжерон вернулся в Россию и вскоре был назначен Николаем I в число членов Верховного Уголовного Суда над декабристами, но активной роли здесь не играл; выйдя окончательно в отставку в 1829 г., он поселился в Одессе, а в начале 1831 г. приехал в Петербург. Граф В. А. Соллогуб, встречавший его в это время «в свете», так характеризует его: «Это был еще необыкновенно моложавый и стройный старик, лет семидесяти, представляющий собой олицетворение щегольского, теперь бесследно исчезнувшего типа большого барина-француза восемнадцатого века. Всякий вечер его сухая, породистая, щегольская фигура появлялась то в Михайловском дворце, где он наперерыв острил с хозяином, то в салоне Елизаветы Михайловны Хитрово, то у Нарышкиных; везде он был свой человек, везде его любили за его утонченную вежливость, рыцарский характер и хотя неглубокий, но меткий и веселый ум» («Воспоминания», С.-Пб. 1887, стр. 148). Говорить по-русски он не научился, хотя пытался иногда изъ-

№ 339. ясняться на смешанном и ломаном русско-французском, языке, — что́ и отмечает Пушкин в письме своем к Хитрово, шутя изображая русское слово «бумаги» французскими буквами.[1] Сам поэт всегда не любил официальную чиновничью переписку, что́ дважды и отметил в своих письмах (см. письма его к А. И. Казначееву от 25 мая 1824 г. и к А. Х. Бенкенфорфу от 29 ноября 1826 г.). — Ланжерон умер от холеры, свирепствовавшей летом 1831 г. в Петербурге, и К. Я. Булгаков писал по этому поводу своему брату: «Граф Ланжерон третьего дня умер. Сердечно мне его жаль. Был человек добрый и мне старый знакомый и приятель. В обществе я редко видел людей приятнее его. Ему было под 80, говорят; верю: ведь он был с Лафаетом в Америке, а это даже было не в наше время. Михаил Павлович [великий князь] будет очень о нем жалеть: он очень его жаловал» («Русский Архив» 1903 г., кн. III, стр. 423 и 565). С великим князем Ланжерон постоянно видался в Москве в июле и августе 1830 года, когда Михаил Павлович проходил курс лечения в Московском заведении искусственных минеральных вод («Русский Архив» 1901 г., кн. III, стр. 485 — 506); в это время мог видеть в Москве Ланжерона и Пушкин. — О Ланжероне см. в наших комментариях к Петербургскому изданию «Дневника» Пушкина, Лгр. 1923, стр. 182 — 183 (ср. Московское издание, 1923, стр. 441— 443).

— Когда, к 1 января 1834 г., Пушкин был сделан камер-юнкером и многие обвиняли его в том, будто бы он этого звания домогался, он сказал П. В. Нащокину, что «мог ли он добиваться, когда три года до этого сам Бенкендорф предлагал ему камергера, желая его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: «Вы хотите, чтобы меня так же упрекали, как Вольтера!» («Рассказы о Пушкине», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 43 и 111 — 112.

— О том, как мало заботились о благосостоянии дочери и внучки своей Н. А., А. Н. и Н. И. Гончаровы, видно из ряда дальнейших писем Пушкина и из комментариев к ним.

339. *И. Ф. Антипину и Ф. И. Абакумову* (стр. 91). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1869 г., ст. 1064; подлинник (на бумаге — вод. зн. «А. Гончаров» 1828) — в Гос. Публичной Библиотеке («Отчет имп. Публичной Библиотеки за 1869 г.», стр. 91).

— «Весною и в начале лета 1830 года», пишет М. Н. Лонгинов, получивший автограф этой Пушкинской записки от Болховского помещика Николая Петровича Барышникова (который приобрел его от самого Антипина в Калуге), — Пушкин гостил в семействе своей невесты, которое проводило эту пору в Медынском уезде Калужской губернии, в известном имении Гончаровых «Полотняный Завод»,[2] лежащем в 18 верстах от Калуги, близ Медынской дороги. — Известно, что это была эпоха наибольшей популярности и славы Пушкина. Многие местные жители желали узнать лично знаменитого поэта. В том числе были упомянутый выше Иван Фомич Антипин и приятель его Фаддей Иванович Абакумов, жившие в Калуге. Они сговорились посетить Пушкина и выразить ему свое уважение к его гению. В один весенний день они отправились пешком на Полотняный Завод. Пушкин, разумеется, принял их очень любезно, угощал их и проч., а на прощанье написал им на четвертушке бумаги на память следующие строки» . . . «Записка эта написана на прощанье, которое, вероятно, происходило на другой день прибытия из Калуги гостей, сломавших поход свой пешком, а потому, конечно, и ночевавших в Полотняном Заводе. Из этого можно заключить, что посетители явились к Пушкину 26 Мая, которое было днем его рождения, о чем могли они проведать, и отпра-

---

[1] Подобно тому, как, напр., министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде в одном своем французском письме к гр. М. С. Воронцову, 1829 г., выражался: «si une бумага officielle et une отношение à Cancrine vous étaient nécessaires» и т. д. («Архив князя Воронцова», кн. 40, М. 1895, стр. 39.)

[2] Село Спасское тож; от Москвы в 160 верстах. *Б. М.*

вились познакомиться и в то же время поздравить его»[1] («Русск. Арх.» 1869 г., ст. 1063 — 1064; то же в сборнике П. И. Бартенева «Пушкин», вып. II, М. 1885, стр. 149 — 150). В начале декабря 1833 г. И. Ф. Антипин, тогда мещанин, был в Петербурге и посетил Пушкина; поэт при этом поручил ему, на обратном пути в Калугу, завезти письмо к П. В. Нащокину (см. его в т. III); но Антипин не застал Нащокина в Москве, ожидать его не имел времени, а оставить в Москве или пересылать потом по почте письмо, отданное для личного вручения, не счел возможным. Он увез письмо в Калугу и так как потом уже не имел случая встретиться с Нащокиным, то и оставил его у себя. Таким образом хранилось оно у него слишком тридцать пять лет, пока М. Н. Лонгинов не опубликовал его в «Русском Архиве» 1869 г. (см. ст. 1065 — 1067). В 1856 году Антипин, уже купец, как значится на печатном бланке его Конторы, был «привиллегированным продажи карт Коммиссионером Санктпетербургского Опекунского Совета, Уполномоченным Второго Российского Страхового от огня Общества» и владельцем книжного магазина и библиотеки для чтения в г. Калуге. В 1868 — 1869 г. Антипин, по словам Н. П. Барышникова, который купил приведенный автограф Пушкина и узнал об обстоятельствах, при которых он был написан, — вел в Калуге довольно значительную книжную торговлю, издавна торгуя старыми и новыми книгами («Русск. Арх.» 1869 г., ст. 1063 и 1725). По словам И. Л. Щеглова - Леонтьева, книжный магазин Антипина сохранился в Калуге у внука И. Ф. Антипина или, как его попросту звали в Калуге, «Фомича», до конца XIX в. «Несмотря на свое простонародное происхождение, он был замечательный для своего времени человек. Торговые дела не помешали ему собрать для себя хорошую библиотеку, живо интересоваться литературой и политикой и даже помещать от времени до времени в Петербургских журналах собственные стихи. Сохранилось, впрочем, всего одно из этих стихотворений — «Молитва русских людей», напечатанное в 1845 г. в «Калужских Ведомостях» и фигурирующее в настоящее время [1909 г.] под стеклом в магазине его внука.[2] У последнего также хранится и портрет Фомича — карандашный набросок княжны Трубецкой, большой почитательницы этого умного и оригинального мужика: из лохматого воротника шубы на вас глядит красивое безусое и моложавое лицо, напоминающее чертами поэта Языкова, а мечтательным взглядом отчасти Жуковского», которого он лично знал; знал Антипин и Гоголя, когда тот жил в Калуге, а губернатор Н. М. Смирнов (муж А. О. Смирновой, рожд. Россетти) разрешил Антипину открыть «общественную библиотеку для чтения» (Ив. Щеглов, «Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе», С.-Пб. 1909, стр. 32 — 34). № 339.

— Ко времени пребывания Пушкина в Полотняном Заводе относятся два проекта «дарственной записи», которою «дедушка», надворный советник Афанасий Николаевич Гончаров назначил в приданое своей внучке Наталии Николаевне, сговоренной за 10 класса А. С. Пушкина, — часть села Катунки, Балахнинского уезда Нижегородской губернии, — а именно — дер. Верхнюю Полянку с 280 душами крестьян (см. А. В. Средин, «Полотняный Завод», отт. из «Старых Годов», 1910 г., стр. 22 — 23; его же: «Пушкин и Полотняный Завод» — «Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии», вып. XXI, 1911 г., стр. 37 — 40). О Полотняном Заводе и о его обитателях в начале XIX века см. в «Воспоминаниях» А. П. Бутенева — «Русск. Арх.» 1881 г., кн. III, стр. 6 — 8; см. также Письмо В. П. Безобразова к Я. К. Гроту в «Русск. Мысли» 1881 г., кн. I, и в «Трудах Я. К. Грота», т. III.

---

[1] Они могли знать о дне рождения Пушкина из известной книги Н. И. Греча: «Опыт критической истории Русской литературы», С-Пб. 1822, где краткая заметка о Пушкине, с датой его рождения, помещена на стр. 328-й. *Б. М.*

[2] В справочниках С. А. Венгерова имя Антипина, как писателя, не помещено. *Б. М.*

№ 340—341. 340. *М. П. Погодину* (стр. 92). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 435; подлинник (на клочке сероватой бумаги) — в архиве Погодина в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 369).

— Погодин упомянул об этой записке в Дневнике своем под 27-м мая, — но так как в этот день, как мы видели, Пушкин был в Полотняном Заводе (см. предыдущую записку, № 339), то следует предположить, что Погодин ошибся, — тем более, что на записке Пушкина стоит дата: 29 Мая (М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 107, примеч. 3-е).

— «В Трагедии» — т.-е. в «Марфе Посаднице»: см. выше, в объяснениях к письму № 335, и ниже, в письме № 383.

341. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 92). Впервые напечатано в книге «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 304 — 306; подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук; черновое — в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 156 — 157; подлинник его — в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, в собрании Л. Н. Майкова («Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 28, № 14).

— Бенкендорф находился в отъезде с Николаем I, когда Пушкин отправил это письмо, — и оно попало поэтому к М. Я. фон-Фоку; последний 10 июня 1830 года направил его своему шефу при записке, в которой, между прочим, писал: «Toutes les nouvelles de l'Intérieur continuent d'être très rassurantes et ne présentent aucun accident à marquer. J'ajoute quelques petites notices, ainsi qu'une lettre très drôle de Pouchkin, que Vous déciderez dans Votre sagesse». *Перевод:* «Все внутренние новости продолжают быть весьма успокоительными и не представляют ничего достойного быть отмеченным. Прилагаю к сему несколько маленьких заметок, равно как и очень забавное письмо Пушкина, на которое Вы положите решение, сообразное Вашей мудрости».

Перевод: «Генерал, умоляю Ваше Превосходительство еще раз простить меня за докучливость. — Прадед моей невесты некогда получил разрешение воздвигнуть в своем имении *Полотняной Завод* памятник Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно неудачна и никогда не могла быть поставлена. Уже в течение более 35 лет она погребена в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40.000 рублей, но теперешний владелец ее, г. Гончаров, никогда не хотел согласиться на это предложение. Он дорожил этой статуей, при всей ее уродливости, как воспоминанием о благодеяниях великой монархини. Он боялся, уничтожив статую, лишиться также и своего права воздвигнуть памятник. Брак его внучки, решенный неожиданно, застал его без наличных средств, и кроме императора лишь его покойная августейшая бабка может вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров соглашается, хоть и неохотно, продать статую, но боится потерять право, которым он дорожит. Поэтому умоляю Ваше Превосходительство не отказать исходатайствовать мне, во-первых, разрешение переплавить названную статую, а во-вторых, — милостивое согласие на сохранение за г-м Гончаровым права воздвигнуть, — когда он будет в состоянии, памятник благодетельнице его рода. — Примите, генерал, выражение моей совершенной преданности и высокого уважения. Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин. 29 Мая 1830 г. Москва». — Помета Бенкендорфа означает: «Разрешено; я подпишу письмо по моем возвращении».

Перевод чернового: «Я [умоляю вас] прошу извинения у Вашего Превосходительства [не выйти из терпения... докучливость частыми просьбами] еще раз простите меня за докучливость. [Г.] [Г-н Гончаров] [дед] [предок] Прадед моей невесты [находясь] [очень расстроен в своих делах] некогда получил разрешение воздвигнуть в своем имении П. З. памятник Императрице Екатерине Втор. [Этот] [Он заказал вылить]. Колоссальная ее статуя [из бронзы] [и] [Но, находясь], которую он там [доставил из] заказал вылить из бр. в Берлине [никогда не была] [была] совершенно неудачна

[и никто] и безобразна [она] и никогда не [была] могла быть поставлена— и находится [теперь] в течение более 35 лет [в] похороненною в погребе [...] где — Торговцы медью предлагали за нее 50 т. руб. Но теперешний владелец, Г-н Гонч. отец [он] никогда не хотел согласиться [из побуждений деликатности] он держался за эту статую при всем ее безобразии, как за воспоминание о благодеяниях великой монархини. — Он боялся, чтобы, уничтожив ее, не лишиться также своего права воздвигнуть этот памятник этот [который он надеялся] сделать, после того [как дела в настоящее время очень расстроенные могли бы ему это позволить] — Брак его внучки, решенный [совершенно довольно] неожиданно, застал его совершенно без наличных средств и после [Его Величества] Императора лишь его покойная [его Ека.] августейшая бабка может вывести нас из затруднения. [Он] Г-н Г. соглашается, хоть и неохотно [уступить] [продать] расстаться со статуей, но он боится потерять право, которым он дорожит. Поэтому умоляю ваше превосх. не отказать исходатайствовать мне, во-первых, разрешение переплавить названную статую, равно как [разрешение] милостивое согласие на сохранение за Г-м Гонч. права воздвигнуть, когда он пожелает, памятник благодетельнице его рода». *№ 341.*

— Историю статуи Екатерины II Н. О. Лернер в специальных статьях о ней в газ. «Речь» 30 марта 1911 г., № 87 и в «Русской Старине» 1913 г., т. CLVI, декабрь, стр. 505 — 514, излагает так: «В восьмидесятых годах XVIII века Потемкин заказал в Берлине скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую Екатерины II. В 1782 г. она была отлита, а в 1786 г. окончательно отделана, о чем свидетельствуют надписи: «Мейер слепил, Наукиш отлил, Мельцер отделал спустя шесть лет в 1786 году». Но Потемкин скончался, не успев расплатиться с немецкими художниками, и статуя осталась в Германии, а через несколько лет прадед жены Пушкина, Николай Афанасьевич Гончаров приобрел ее и хотел поставить ее в своем имении Полотняном Заводе, Медынского уезда Калужской губернии, в память посещения в декабре 1775 г. Екатериной II Гончаровских заводов и фабрик, которым императрица вообще покровительствовала.[1] Но привезенная из Германии статуя не была воздвигнута в Полотняном Заводе, и впоследствии его сыну, деду жены Пушкина, Афанасию Николаевичу, при котором дела Гончаровых сильно пошатнулись, пришла в голову мысль попробовать, нельзя ли извлечь из лежавшей в подвале статуи погребенный в ней капитал. Едва состоялась помолвка его внучки с Пушкиным, дедушка, весьма преувеличивая значение придворных связей Пушкина, — взвалил на него хлопоты по ликвидации этого дела. Поэт должен был принять поручение и 29 мая 1830 г. написал... А. Х. Бенкендорфу, что А. Н. Гончаров, нуждаясь в средствах, просит позволения обратить в металл и продать колоссальную статую Екатерины II, неудачной работы («difforme»), а впоследствии воздвигнуть благодетельнице семьи Гончаровых другой, лучший памятник. Статуя вовсе не была безобразна, но Гончаров боялся, что иначе ему не позволят уничтожить царский монумент. Просимое разрешение ему было, с высочайшего соизволения, дано, о чем ему сообщили и Пушкин, и Бенкендорф. Получив разрешение, Гончаров, который раньше говорил, что ему предлагают за металл 40.000 рублей, им не воспользовался, что̀ и спасло статую от гибели» (см. ниже, в письме № 371). В 1832 году Пушкин возобновил через того же Бенкендорфа (см. письмо к нему от 8 июня 1832 г.), а в 1833 г. — через князя П. М. Волконского (Министра Двора) хлопоты о приобретении статуи в казну, но и на этот раз потерпел неудачу;

---

[1] В. И. Ассонов в «Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии», вып. XXI, 1911 г., доказывает, что памятник был заказан не Потемкиным, а самим Н. А. Гончаровым, что̀ видно и из сообщения С. А. Соболевского М. Н. Лонгинову (1865 г.) — см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXXI — XXXII, стр. 46 — 47; так писал и Пушкин Бенкендорфу 29 мая 1830 г. *Б. М.*

№ 342. статуя позже была продана (едва ли уже не после смерти Пушкина) известному заводчику, коммерции советнику Францу Берду, а тот в 1845 г. продал ее за 7000 р. сер. Екатеринославскому дворянству, которое и поставило памятник в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), на Соборной площади (открытие последовало 26 октября 1846 г. — см. «Моск. Вед.» 1846 г., № 130, и «Сев. Пчелу» 1846 г., октябрь).

— На письмо Пушкина Бенкендорф отвечал 26 июня 1830 г. письмом за № 2506, в котором сообщал, что «Государь император, всемилостивейше снисходя на просьбу, о которой он имел счастие докладывать его императорскому величеству, высочайше изъявил соизволение свое на расплавление имеющейся у г. Гончарова колоссальной, неудачно изваянной в Берлине бронзовой статуи блаженные памяти императрицы Екатерины II, с предоставлением г. Гончарову права воздвигнуть, когда обстоятельства дозволят ему исполнить сие, другой приличный памятник сей августейшей благотворительнице его фамилии» (Акад. изд. Переписки, т. II. стр. 159—160). Пушкин благодарил Бенкендорфа письмом от 4 июля (см. ниже, № 354). См. ниже, в письмах № 349, 354, 357, 358, 360, 361, 371, 372, от 24 февраля 1831 г. и 8 июня 1832 г., письмо И. П. Мятлева к Пушкину от первой половины марта 1832 г., а также переписку в книге «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 301—310, статьи: В. Л. Коростовцева в «Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 410—416 («Переписка братьев Коростовцовых с бароном Франком и гр. М. С. Воронцовым по поводу сооружения памятника императрице Екатерине II в г. Екатеринославе»), А. В. Средина о Полотняном Заводе в «Старых Годах» 1910 г., июнь — сентябрь, и в «Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии», вып., XXI, 1911 г., Калуга, стр. 30—46, а также заметку В. И. Ассонова — «К вопросу о происхождении статуи императрицы Екатерины II в Екатеринославе» — там же, стр. 47—49; см. еще письмо С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову от 5 июля 1865 г. — «Пушк. и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 46—47.

342. *В. С. Огонь-Догановскому* (стр. 93). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIII, стр. 317, как набросок письма к неизвестному; к Огонь-Догановскому отнесено впервые изданием Суворина под ред. Ефремова, т. VII, стр. 348, на том основании, что «в 1831 г. в письмах к Нащокину Пушкин заботится о расчетах с Догановским по уплате ему 20-тысячного долга» (см. в письмах Пушкина 26 июня, 21 июля, 29 июля, 3 сентября, 7 октября и 8 декабря 1831 и в письмах к Пушкину Нащокина от 15 июля, 18 августа и 30 сентября). Подлинник в рукописи б. Румянцовского Музея № 2372, л. 61 об.

— «В 1826 — 1830 годах Пушкин проигрывал в Москве значительные суммы, преимущественно профессиональным игрокам: Догановскому и Жемчужникову,[1] надавал векселей и сам попал в список «Московских игроков» (Соч., изд. Суворина, ред. Ефремова, т. VII, стр. 348). В секретном архиве Архива III Отделения (№ 1051) нашелся такой документ — записка:

№ 2. Москва. Начальник I Отделения Майор Брянчанинов доносит.

О карточной игре.

Банковая в карты игра в Москве не преставала никогда; но в настоящее время, кажется, еще усилилась, и в публике не без сожаления замечают слабой в оном присмотр Полиции. Между многими домами, составившими для сего промысла партии, дом Догановского есть особенное прибежище игрокам. Сказывают, что игорные дни назначены и сам хозяин мечет Банк, быв с другими в компании. Генваря 2 дня 1830 г.

---

[1] В деле Опеки детей Пушкина действительно сохранился вексель Пушкина на 12.500 р., выданный им 3 июля 1830 г. в Москве полковнику Луке Ивановичу Жемчужникову сроком на два года («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 104). *Б. М.*

1925, стр. 95).

— Упомянутый здесь Догановский, несомненно, тот самый, который обыграл и Пушкина; это был Василий Семенович Огонь-Догановский, родовитый Смоленский дворянин, родившийся в 1776 г., недолго в молодые годы служивший и вышедший в отставку с чином 12 класса; богатый Смоленский и Московский (Серпуховского уезда) помещик, он был одно время Предводителем дворянства; умер 15 мая 1838 г., на 63 году, в Париже, погребен же в Москве, в Донском монастыре, вместе с женой своею, Екатериною Николаевною, рожд. Потемкиною (ум. 1855, на 67 г.), женщиною «редкого ума и сердца», которой был искренно предан знаменитый Н. И. Пирогов, состоявший с нею в задушевной переписке (1842—1851 гг.: см. его письма в «Татевском Сборнике» ее внучатного племянника, С. А. Рачинского, С.-Пб. 1899, стр. 134—141). С семьею этих Огонь-Догановских был знаком и поэт Боратынский, упоминающий о них в одном из писем своих 1830 года (см. «Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских. С введением и примечаниями Ю. Верховского», Пгр. 1916, стр. 45 и 46).

343. *М. П. Погодину* (стр. 94). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 435; подлинник (на клочке писчей бумаги) в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 375).

— Записка касается займа денег для Пушкина, переписка о котором начались с записки, напечатанной выше, под № 335.

— Приписка (Post-scriptum) касается, вероятно, какой-нибудь статьи, присланной для «Московского Вестника» 1830 года. Румянцов — граф Петр Александрович Румянцов-Задунайский (род. 1725, ум. 1796), генерал-фельдмаршал, прославившийся, между прочим, победою над турками при Кагуле 21 июля 1770 г. (есть черновой набросок Пушкина, 1819 г., «К Кагульскому памятнику» в Царском Селе); здесь он, выстроив свою армию в пять каре, выдержал нападение 150.000 армии турок, разбил ее, побил до 20.000 человек и взял много пленных людей и военного снаряжения. Вообще война с Турциею 1769—1774 гг., названная современниками «Румянцовскою», имела большое влияние на успехи русского военного искусства; между прочим, прежние походные движения, производившиеся в огромном каре либо в одной колонне, были заменены движениями войск в небольших колоннах, состав которых способствовал быстрому построению нескольких каре («Русский Биографический Словарь», т. Р., статья П. М. Майкова о графе П. А. Румянцове-Задунайском). О Румянцове есть несколько упоминаний в сочинениях Пушкина.

344. *М. П. Погодину* (стр. 94). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 436; подлинник (на клочке желтой писчей бумаги) в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517 л. 373).

— Надеждин — Николай Иванович, критик «Вестника Европы», писавший под псевдонимом «Никодим Надоумко» и жестоко нападавший в это время, с 1829 г., на Пушкина, который «швырял» в него эпиграммами (см. выше, стр. 371, 431 и ниже, стр. 442; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 341—352; Н. К. Козмин, «Н. И. Надеждин», С.-Пб. 1912, стр. 96—111). Погодин добывал у Надеждина деньги для поэта и в то же время старался сблизить их друг с другом, считая Надеждина чрезвычайно талантливым и, кроме ученых достоинств, одаренным всеми данными, чтобы быть отличным редактором, логичным, последовательным (Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 342); с целью примирения и сближения литературных противников, Погодин свел их однажды у себя в доме, 23 апреля 1830 г.: «Хомякова научал завести речь с Надоумкой о романтизме и т. п., чтобы заманить в разговор Пушкина с Надеждиным и внушить ему лучшее мнение; и наоборот, чтобы заставить Надоумку уважать более Пушкина. — Вечер был у меня. Говорили более об естественнословных предметах. Смеялись

 много», — записывает Погодин в Дневнике и заключает свой рассказ: «Я показывал зверей друг другу весь вечер. — Пушкин кокетничал, как юноша, вышедший только из пансиона» (М. А. Цявловский — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 104 — 105; ср. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 31 — 32). С своей стороны Пушкин впоследствии писал о своем первом знакомстве с Надеждиным: «Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне вполне простонародным, vulgar скучен, заносчив и без всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостью, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение, шутки были плоски» («Table talk», XXVIII); в этом же 1830 году, в разгар недовольства своего на Надеждина, Пушкин написал на него одну из своих «Детских сказочек» — «Исправленный забияка». Вскоре взаимные отношения их изменились, и Пушкин сотрудничал в основанном Надеждиным «Телескопе» 1831 года, а Надеждин «первый» и «один» «вступился» за «Бориса Годунова» и «отдал честь этому творению в то время, как всё, стоявшее перед ним [Пушкиным] на коленях, встретило его змеиным шипением» (См. Н. К. Козмин, «Н. И. Надеждин», С.-Пб. 1912, стр. 106). — Н. И. Надеждин (род. 1804, ум. 1856), сперва преподаватель Рязанской Духовной Семинарии (1824—1826), был с 1831 по 1835 г. профессором теории изящных искусств и археологии в Московском Университете и в 1831 — 1836 г. издавал «Телескоп», закрытый за напечатание «Философического письма» Чаадаева, при чем Надеждин подвергся ссылке; с 1842 г. он редактировал «Журнал Министерства Внутренних Дел», в 1848 г.—«Географические Известия». Его автобиография — в «Русском Вестнике» 1856 г.

345. *М. П. Погодину* (стр. 94). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 436; подлинник (на клочке желтой писчей бумаги)—в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 367).

— «Тесал» и «чесал» Надеждин Пушкина в статьях своих о «Графе Нулине», «Полтаве», «Евгении Онегине» и др. Свод ранних мнений Надеждина о Пушкине по «Вестнику Европы» 1828 — 1830 гг. см. в книге Н. К. Козмина: «Н. И. Надеждин», С.-Пб. 1912, стр. 96 — 106.

— Далее говорится о займе денег для Пушкина при посредстве Погодина, — между прочим, у Надеждина (см. выше, в письме № 335 и след.).

346. *М. П. Погодину* (стр. 94). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 436; подлинник (карандашом, на клочке голубоватой бумаги) — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 383).

— Говорится о части денег, которые Погодин доставал тогда для Пушкина (см. в предыдущем письме).

347 . *М. П. Погодину* (стр. 94). Впервые напечатано в сборнике В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и к Пушкину», изд. Скорпиона, С.-Пб. 1903, стр. 19; в Акад. изд. Переписки пропущено, — как и в изд. под ред. Венгерова: мы берем записку из издания Брюсова, который относит ее к маю 1830 г., т.-е., ко времени переговоров с Погодиным о займе денег для Пушкина у Надеждина. Подлинник нам неизвестен.

348. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 95). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIII, стр. 318; подлинник в рукоп. б. Румянцовского Музея № 2372, л. 60 об.

Перевод: «Я хотел бы надеяться, что письмо это не найдет вас более в Заводе [но с наслаждением покоряюсь вашим приказаниям]. Итак, вот я в Москве, такой печальной, такой скучной, когда вас нет в ней. У меня не хватило духу проехать по Никитской, а еще менее — пойти узнать новости у Аграфены. Вы не можете себе представить то беспокойство, которое вызывает ваше отсутствие; я раскаиваюсь в том, что покинул Завод. Все опасения мои и проч. [становятся] снова возникают во мне, еще более живыми и прочными. [Как знать!]. Я хотел бы надеяться и пр. Отсчитываю четверти часа, которые отделяют меня от вас».

— Письмо в чистовом виде до нас не сохранилось; оно было написано по возвращении Пушкина в Москву из Полотняного Завода, имения дедушки невесты Пушкина, Афанасия Николаевича Гончарова, где поэт прогостил несколько дней во второй половине мая 1830 г. (см. выше, записку № 339),

— На Большой Никитской улице (ныне улица Герцена), по правой ее стороне, на углу Скарятинского переулка, был один из собственных домов Гончаровых, в котором жили родители Н. Н. Гончаровой со всею семьей (летние месяцы года они проводили в Полотняном Заводе). Из окон этого дома видна была лавка гробовщика Адриана, помещавшаяся через Скарятинский переулок. Рассказы про этого гробовщика и подали повод к известной повести Пушкина («Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 171—172, — «Московская Старина», А. А. Мартынова).

349. *А. Н. Гончарову* (стр. 95). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 500—501; подлинник, был в Музее Калужской Ученой Архивной Комиссии.

— Пушкин ожидал ответа по поводу возбужденной А. Н. Гончаровым перед Министром Финансов гр. Е. Ф. Канкриным просьбы о ссуде из казны (см. выше, письмо № 341, и ниже, в письмах № 353, 357, 358, 361, 363, 368).

— Пушкин выехал из Москвы в Петербург 14—15 июля.

— О памятнике Екатерины II и о разрешении продать его на расплавку см. выше, в письме Пушкина к Бенкендорфу за № 341 и ниже, в письмах № 354, 357, 358, 360, 361, 371, 372, 24 февр. 1831 и 8 июня 1832. Ответ Бенкендорфа был послан 26 июня (см. выше, в объяснениях к письму № 341, стр. 440).

— «Отеческие милости», за которые благодарит Пушкин Гончарова,— дарственная запись на имение в Нижегородской губернии, выделенное Н. Н. Гончаровой (см. выше, в объяснениях к письму № 339, стр. 437).

350. *М. П. Погодину* (стр. 96). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 436; подлинник (на клочке писчей бумаги) — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 371).

— В Дневнике своем под 8-м числом июня Погодин записал: «Собирал мозаически деньги Пушкину и набрал около 2000 р. — С торжеством послал». Этою записью и датируется записка Пушкина (ср. М. А. Цявловский, op. cit. — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 107, и примеч. 5). Ср. выше, письмо № 335.

351. *М. П. Погодину* (стр. 96). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 436; подлинник (на четвертушке почтовой бумаги с водяными знаками: А. Гонча... и бордюром) — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517 л. 377).

— Четверг — первый после 8 июня, когда Пушкин получил часть собранных для него Погодиным денег, — приходился 12 июня, — чем и датируется эта записка, стоящая в тесной связи с предыдущею, за № 350.

352. *М. П. Погодину* (стр. 96). Впервые напечатано в альманахе Погодина «Утро», М. 1868, стр. 436; подлинник (на клочке желтоватой писчей бумаги) — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (Письма 1830 г., т. III, № 3517, л. 365).

— Погодин получил от Пушкина заемное письмо 4 июля, что̀ и отметил в своем Дневнике под этим числом (М. А. Цявловский, op. cit. — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 108), почему записку можно датировать числами между получением первой части займа (см. письма № 350 и 351) и вручением заемного письма.

— Письмо Чаадаева, Петра Яковлевича (см. выше, в т. I, в объяснениях, pass.) — его известное первое «Философическое письмо к Г-же ***», написанное на французском языке и обращенное к Е. Д. Пановой, рожд. Улыбышевой; оно было закончено в Москве 1 декабря 1829 г. и быстро распространилось в списках; напечатано же было, в переводе на русский

 язык, лишь в «Телескопе» 1836 г. (№ 15, стр. 275—310); за напечатание этого письма, признанного Николаем I «смесью дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного», автор был официально признан сумасшедшим, редактор-издатель «Телескопа» Н. И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск под присмотр полиции, журнал его закрыт, а цензор А. В. Болдырев отрешен от должностей профессора и ректора Московского Университета и цензора. Пушкин, при появлении Письма Чаадаева, с положениями которого не соглашался, написал свои возражения в виде частного письма от 19 октября 1836 г., но не послал его Чаадаеву. *Второе* Письмо Чаадаева было написано также в 1829 г., как и *Третье*, которое Пушкин увез из Москвы весною 1831 года (см. письмо Пушкина к Чаадаеву от 6 июля 1831 г. и к Вяземскому от 3 августа 1831 г.). Подробности см. в Сочинениях и письмах П. Я. Чаадаева под ред. М. О. Гершензона, т. I, М. 1913, стр. 367—377 и т. II, стр. 3—19 и 106—126, и у Н. К. Козмина: «Н. И. Надеждин», С.-Пб. 1912, стр. 533—552; его же «Две статьи Надеждина, написанные по поводу Философического письма Чаадаева» — «Русск. Стар.» 1907 г., № 8; М. К. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826—1855», С.-Пб. 1908, стр. 361—464; «Остафьевский Архив князей Вяземских», т. III, по указателю.

353. *А. Н. Гончарову* (стр. 96). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 501—502; подлинник (запечатан гербовой печатью с графскою короной) был в Музее Калужской Ученой Архивной Комиссии.

— Золотов — вероятно, поверенный А. Н. Гончарова.

— Канкрин — граф Егор Францович, Министр Финансов, перед которым Пушкин хлопотал о ссуде для «дедушки» Гончарова, но без успеха (см. выше, № 349 и ниже, № 357, 358, 360, 361, 371 и 372).

354. *А. Х. Бенкендорфу* (стр. 97). Впервые напечатано в книге: «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 307; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Пушкин благодарит за письмо, в котором Бенкендорф сообщил ему о разрешении расплавить статую Екатерины II; см. выше, в объяснениях к письмам № 341 и 349 и ниже, в письмах № 357, 358, 360, 361, 371, 372, 24 февраля 1831 и 8 июня 1832.

— В Петербург Пушкин выехал 14—15 июля 1830 г. (см. следующее письмо).

355. *М. Н. Загоскину* (стр. 98). Впервые напечатано В. А. Кордтом в «Русской Старине» 1890 г., т. LXVII, стр. 292; с воспроизведением автографа переиздано в брошюре Е. Ф. Шмурло: «Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящиеся в библиотеке императорского Юрьевского Университета», Юрьев. 1899 (оттиск из «Пушкинского Сборника имп. Юрьевского Университета», Юрьев. 1899), с 5 снимками; подлинник (на желтоватой почтовой бумаге без вод. зн.; запечатан гербовою печатью под графскою короной) — был в библиотеке Юрьевского Университета, в коллекции автографов, собранной Шардиусом.

— Щепин, Павел Мардарьевич, оперный бас, дебютировавший на сцене Московского Театра 23 января 1827; это был, по словам графа М. Д. Бутурлина, слышавшего его в середине 1830-х гг., «будто бы тенор», «решительно безголосый» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 541), — по утверждению же С. П. Соловьева, — «очень полезный актер и впоследствии прекрасный оперный режиссер, отлично знавший свое дело» («Ежегодник имп. Театров» 1895—1896 гг., прил., кн. 1, стр. 123, 124, 128, 134); артистка А. И. Шуберт говорит про него, что он «играл любовников, пел в опере, потом был оперным режиссером; актер не симпатичный, но другого не было. Женат был на побочной дочери Мочалова — Авдотье Павловне Петровой» (А. И. Шуберт, «Моя жизнь», С.-Пб. 1913, стр. 70). Известный водевилист Д. Т. Ленский в своих стихах на деятелей Московского театра, относящихся к 1830-м годам, писал про Щепина:

... А это что̀ бы за актёр,
Амурчик в радужном наряде,

На серенькой плетется сзади?
— Мардарьич Щепин Миловзор,
Хохлатый и серьёзный вздор...

(«Русск. Арх.» 1899 г., кн. III, стр. 175). Он умер вскоре после пожара Московского Большого Театра (случившегося 11 марта 1853 г.), после того как его уволили от службы за сокращением штата, по ненадобности («Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 2067 и «Русск. Стар.» 1888, т. LVIII, стр. 253). Его младшего брата звали Артемий Мардарьевич; Пушкин ходатайствовал за него у Управляющего Конторою Дирекции Московского Театра М. Н. Загоскина (см. выше, письмо № 309), вероятно, по просьбе П. В. Нащокина, который был знаком с братьями Щепиными и покровительствовал им, что̀ видно из следующего рассказа Н. И. Куликова: «Приехал в Москву знаменитый скрипач Гауман (по-московски Оман); услыхав игру на скрипке воспитанника Театрального Училища А. Щепина, он предложил ему ехать в Париж на свои средства, а там обещал ему бесплатное содержание и учение. Старший брат Щепина, оперный режиссер, и все артисты сразу собрали для молодого человека, и была подана просьба об отпуске в Дирекцию. Директор, известный М. Н. Загоскин, храбрый патриот и трусливейший администратор, на отрез отказал не только в отпуске, но даже в ходатайстве о том у Министра Двора.... Что̀ тут делать? Старшие артисты послали Щепиных к Павлу Воиновичу [Нащокину]. Выслушав всё, Нащокин решил так: «От моего имени просите у Мих. Ник. [Загоскина] отпуск в Петербург на казенный срок; в Петербурге найдете Николая Ивановича [Куликова] (я тоже служил там), расскажите ему всё подробно; скажите, что я прошу свезти вас к князю П. А. Вяземскому, и чтобы Николай Иванович, тоже в подробности объяснив князю ваше дело, попросил его от меня *непременно* у Министра выпросить ваш отпуск за границу...». Всё было устроено, как по писанному, — и Щепин возвратился в Москву превосходным музыкантом, заняв место первой скрипки в опере и в балете» («Русск. Стар.» 1881, т. XXXI, стр. 601). В Россию он возвратился в 1842 году и давал в Москве концерт, отчет о котором помещен в «Москвитянине» (1842 г., кн. IV, Московская Летопись, стр. 563—564). Перед тем «Московские Ведомости», в № 21, от 14 марта 1842 г., сообщали любителям музыки «весьма приятную новость»: «На днях возвратился сюда (в Москву) из-за границы молодой наш скрипач, воспитанник школы императорского Московского Театра г. Артемий Щепин. Конечно», говорилось далее: «все еще живо помнят, как пять лет тому назад раздавались на нашей сцене обворожительные звуки из-под волшебного смычка знаменитого Теодора Гаумана. Талант Европейского артиста решил судьбу пылкого юноши: Щепин на следующее же утро является к Гауману и со слезами умоляет, чтоб он согласился взять его в свои ученики, предчувствуя, что от этого зависит вся его будущность, всё его счастие... Тронутый Гауман пристально смотрит мальчику в глаза, потом подает ему скрипку и велит сыграть что-нибудь. Щепин, дрожа всем телом, берет скрипку славного виртуоза, сперва играет робко, потом постепенно одушевляется, увлекается, — и вот, когда юноша кончил, Гауман говорит ему: «Вижу, что у вас есть прекрасные способности и берусь образовать их: вы должны ехать со мною заграницу». Вообразите себе восторг Артемия!... Чрез несколько же дней Гауман отправился прямо в Париж с новым своим воспитанником. Четыре года неутомимо трудился Щепин и наконец выступил перед судом Парижской публики — и был осыпан рукоплесканиями! Отсюда начался ряд блестящих его успехов. Парижские журналы один перед другим стали расточать похвалы его прекрасному дарованию». Далее в газете приводились выдержки из статей «Gazette Musicale» от 3 октября 1841 г., «Journal de Commerce», «La Sylphide», последняя сообщала, что в феврале 1842 г. Гауман со Щепиным отправились в Россию, при чем высказывала убеждение, что Щепин, без сомнения, будет «знаменитостию между художниками своего отечества»;

№ 356. 24 февраля Щепин играл в Петербурге, в Михайловском Театре, в бенефис Французской артистки Дегранж, и был вызван с громкими рукоплесканиями. Дальнейшая судьба этого артиста, в жизни которого сыграл такую роль Пушкин, нам неизвестна.

— 17 июля 1830 г. А. В. Веневитинов, сообщая кн. В. Ф. Одоевскому Московские новости, писал: «Хомякова я уже здесь не застал.... Александр Пушкин уже верно теперь в Петербурге» («Русск. Стар.» 1904 г., № 4, стр. 204).

— Семейство Загоскина состояло тогда из жены его, Анны Дмитриевны, рожд. Васильцовской (род. 1792, ум. 1853,—побочная дочь бригадира Д. А. Новосильцова), и двух сыновей: Дмитрия и Николая Михайловичей. Живое описание квартиры в доме Новосильцова на Старой Конюшенной, в приходе Власия, где жил Загоскин, дано в «Воспоминаниях» Т. П. Пассек (изд. 2, т. I, С.-Пб. 1905, стр. 309 — 310).

— 356. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 98). Впервые напечатано И. С. Тургеневым, в переводе с французского, [1] в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1. стр. 11, в статье: «Новые письма А. С. Пушкина. Июль 1830 — май 1836 г.», которой предпослана следующая вступительная заметка «От издателя»: «Едва-ли кто-нибудь может сомневаться в чрезвычайном интересе этих новых писем Пушкина. Не говоря уже о том, что каждая строка величайшего русского поэта должна быть дорога всем его соотечественникам; не говоря и о том, что в этих письмах, как и в прежде появившихся, так и бьет струею светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямизна и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражения; — но вследствие исключительных условий, под влиянием которых эти письма были начертаны, они бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям его жизни, даже и к тому, печальному и горестному, которым, как известно, она закончилась. — Писанные со всею откровенностью семейных отношений, без поправок, оговорок и утаек, они тем яснее передают нам нравственный облик поэта. — Несмотря на свое французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они — сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами. — Позволю себе прибавить от своего имени, что я считаю избрание меня дочерью Пушкина графинею Н. А. Меренберг в издатели этих писем одним из почетнейших фактов моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оценить доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые сокращения и исключения. — Быть может, я до некоторой степени заслужил это доверие моим глубоким благоговением перед памятью ее родителя, учеником которого я питал себя «с младых ногтей» и считаю до сих пор... «Vestigia semper adora...» («Вестн. Евр.» 1878 г., № 1, стр. 7 — 8). Все письма (числом 75) И. С. Тургенев опубликовал тогда в № 1 и 3 «Вестника Европы», сделав в них лишь незначительные пропуски отдельных слов и имен, которые в нашем издании (как и в Академическом) восстановлены по печатному экземпляру писем с дополнениями П. В. Анненкова и П. И. Бартенева; подлинники части писем (писем к *невесте*), принадлежавших в 1877 г. дочери поэта — гр. Н. А. Меренберг (род. 1836 г., ум. 1913), — теперь неизвестно где находятся. Н. Н. Пушкина передала их своей младшей дочери, по словам П. И. Бартенева, «на случай, когда ее дела потребуют особых трат. Этим самым она и уполномочила Наталью Александровну выручить за них денежную плату, и через посредство И. С. Тургенева она получила от «Вестника Европы» тысячу рублей» («Русск. Арх.» 1912 г., № 1, обложка). Но еще в 1873 г. письмами этими интересовался Погодин, который, через князя

[1] *Невесте* Пушкин писал по-французски (за исключением одного письма), *жене* же стал писать только по-русски.

Вяземского, хотел получить от графини Меренберг разрешение хотя бы списать их («Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 100—101), а еще раньше, в 1866 г., в переписку с Н. А. Пушкиной (тогда, по мужу, Дубельт) вступал Я. А. Исаков, желавший приобрести их для издания (см. настоящее издание Писем Пушкина, т. I, стр. XIV—XV). Переписку И. С. Тургенева (1876—1878) с издателем «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем по поводу писем Пушкина и письма графини Н. А. Меренберг к Стасюлевичу см. в издании «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, С.-Пб. 1912, стр. 78—156 и 654; П. В. Анненков, в одном из напечатанных там же писем к М. М. Стасюлевичу, писал по поводу писем поэта к жене: «Письма Пушкина чаруют меня по прежнему, не смотря на выпуски и на пустяки, которыми занимаются; *семейная мина* Пушкина так же хороша, как поэтическая и жизненная вообще его *мина*: я имею слабость любоваться ею и конечно хотел бы, чтобы при сем удобном случае кто-нибудь из знающих поговорил о ней серьезно и умно. Но чего не случилось, того нечего и затрагивать» (стр. 352—353). Сыновья Пушкина, однако, были очень недовольны опубликованием писем их отца — и в марте 1878 г. кто-то письменно предупреждал И. С. Тургенева о том, что они нарочно едут в Париж, чтобы «поколотить» его за это (там-же, стр. 149; ср. «Русск. Стар.» 1885 г., т. XLVIII, стр. 626). Письма Пушкина к *жене* хранятся в Библиотеке имени В. И. Ленина (б. Румянцовский Музей) в Москве. Начало чернового письма № 356, по-французски, напечатано впервые в «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV, стр. 353; подлинник его — в рукописи б. Румянцовского Музея в Москве, № 2382, л. 32 об. № 356.

— По окончании Турецкой войны, в которой Лев Сергеевич Пушкин принимал деятельное участие (см. Л. Майков, «Пушкин», стр. 38), он взял продолжительный отпуск и провел в нем более года, проживая в Москве и Петербурге, где находился уже 3 мая 1830 г. («Русск. Стар.» 1903 г., № 8, стр. 454—455). Кн. П. А. Вяземский в Дневнике своем за 1830 год отметил под 29 июня и 6 июля встречи с Л. С. Пушкиным в Петербурге, — оба раза в обществе барона А. А. Дельвига (Соч., т. IX, стр. 125 и 127). Поэт И. И. Козлов под 18 июля 1830 г. в Дневнике своем записал: «Лев Пушкин отправляется в Грузию через Москву. Его мне будет очень недоставать» («Стар. и Новизна», кн. XI, стр. 49). Кроме письма своего брата к его невесте, он повез с собою еще письмо бар. Дельвига к Ф. Н. Глинке в Тверь, от 18 июля 1830 г. (Соч. бар. А. А. Дельвига, С.-Пб. 1893, стр. 170).

— В Петербург А. Пушкин поехал, по донесению Московской полиции, 16 июля 1830 г. («Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 236), — как пишет Анненков, — «для устройства своих дел и личного переговора с Сергеем Львовичем касательно основания будущего своего дома и состояния», — но «друзья его едва успели встретить и поздравить с новым переворотом в жизни, как Пушкин покинул Петербург» (Материалы, изд. 1855 г., стр. 279). Н. О. Пушкина из Петербурга писала своей дочери, О. С. Павлищевой, утром 19 июля 1830 г., в Михайловское: «Alexandre n'est pas encore ici; elle [M-me Malinovsky] dit qu'il est très affairé, qu'il faut l'attendre à chaque instant, — il devait partir après que Mad. Gontcharoff iroit à Rostoff. Léon part demain matin, nous allons le conduire jusqu'à Царское Село»; узнав от приехавшего затем сына о его помолвке, родители поэта 20 июля написали письмо А. Н. Гончарову, «поручая себя в благосклонное внимание его» («Русск. Архив» 1881 г., кн. II, стр. 502); 22 июля, сообщая дочери о приезде Пушкина, Н. О. прибавляла: «Il est enchanté de sa Natalie, — il en parle comme d'une divinité.[1] Il compte venir à Péters-

---

[1] С этим указанием любопытно сопоставить «анекдот» о Пушкине, сообщаемый А. Я. Булгаковым в письме от 2 июля 1830 г. из Москвы: «Quelqu'un après une longue absence le [Pouchkine] revoyant, lui demande: comment, mon cher, on me dit que vous allez vous marier? — Certainement, dit l'autre, et ne croyez pas que ce sera la dernière sottise que je ferai dans ma vie». Каков молодец! Приятно должно это быть для невесты. Охота идти за него! («Русск. Арх.» 1901, кн. III, стр. 482).

№ 356. bourg avec elle au mois d'Octobre.... Imagine-toi, qu'il a fait cet été une course sentimentale à *Захарово* tout seul, — rien que pour voir le lieu où il a passé quelques années de son enfance. Il m'a parlé de la campagne du vieux Gontcharoff qui est magnifique; il a donné à Natalie 300 paysans à Nijni et la mère lui donne 200 à Ераполъцы» (Из неизд. материалов Пушкинского Дома; ср. «Воспоминания Л. Н. Павлищева», М. 1890, стр. 216—217), а баронесса С. М. Дельвиг писала А. П. Керн 21 июля: «Léon est parti hier, Александр Сергеевич est arrivé avant hier. Il est, dit-on, plus amoureux que jamais. Cependant il ne parle presque d'elle. Il cité hier une phrase (de M-me de Willois je crois) qui disait à son fils: «Ne parlez de Vous qu'au Roi et de Votre femme à personne, car on risque toujours d'en parler à quelqu'un qui la connait mieux que Vous... La noce se fera en Septembre». Действительно, в этот приезд Пушкин казался совершенно другим человеком: он был серьезен, важен, как следовало человеку с душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо» («Пушк. и его соврем.», вып. V, стр. 150).

— Картины князя Г. — те живые картины у Московского Военного генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына, в которых участвовала Н. Н. Гончарова и в которых ею любовался Пушкин (см. выше, стр. 338, 374).

— Нат. Кир. — Загряжская, рожд. графиня Разумовская (род. 5 сентября 1747, ум. 19 марта 1837), дочь генерал-фельдмаршала, гетмана Малороссии и Президента Академии Наук гр. Кирилла Григорьевича Разумовского (род. 1728, ум. 1803), фрейлина императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, в 1772 г. вышедшая замуж за Николая Александровича Загряжского, впоследствии обер-шенка, и в 1821 году овдовевшая, после почти двадцати лет жизни вдали от мужа, от которого не имела детей; кавалерственная дама еще со времен Павла, она пользовалась большим весом и значением в придворных и светских кругах Петербурга благодаря своему уму, сильному характеру и живости своего нрава, отзывчивого на все явления жизни. Пушкин во втором письме к невесте из Петербурга (см. № 357) описал свое представление Н. К. Загряжской по поводу сватовства на ее внучатной племяннице, [1] а кн. П. А. Вяземский, познакомившийся с нею около того же времени, в своей «Старой записной книжке» набросал портрет Загряжской, которая «по всем принятым условиям общежитейским и по собственным свойствам своим, долго занимала в Петербургском обществе одно из почетнейших мест. В ней было много своеобразия, обыкновенной принадлежности людей (а в особенности женщин) старого чекана.... Во многих отношениях Н. К. Загряжская не чужда была современности, но в других сохранила отпечаток своей старины.... В новом обществе, в доме родственников своих, князя и княгини Кочубеевых, у которых жила, Загряжская была какою-то историческою представительницею времен и царствий давно прошедших. Она была как эти старые семейные портреты, писанные кистью великого художника, которые украшают стены салонов новейшего поколения. Наряды, многие принадлежности этих изображений давным давно отжили, но черты лица, но сочувственное выражение физиономии, обаяние творчества, которое создало и передало потомству это изображение, все вместе пробуждают внимание и очаровывают вас. Вы с утонченным и почтительным чувством удовольствия вглядываетесь в эти портреты; вы засматриваетесь на них; вы, так сказать, их заслушиваетесь. Так и Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что

---

[1] Брат мужа Н. К. Загряжской — Иван Александрович Загряжский (ум. 1807), кроме двух законных дочерей — графини Софии Ивановны Местр и упомянутой в этом же письме фрейлины Екатерины Ивановны, — имел побочных дочерей или «воспитанниц», — в том числе — Наталию Ивановну, мать Н.Н.Гончаровой,—будущую тещу Пушкина (см. выше, стр. 409).

и в истории много истинной и возвышенной поэзии, и в поэзии есть своя доля истории. Некоторые драгоценные частички этих бесед им сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатым» (Соч., т. VIII, стр. 184 — 5). Частый посетитель гостиной Загряжской, В. И. Сафонович, рассказывает о ней: «Ей было уже более 80 лет, но она сохранила и умственные способности, и всю теплоту сердца, за что ее все любили. Каждый вечер собиралось к ней множество посетителей для составления ей партии в бостон или просто посидеть и встретиться со знакомыми, но главнейше — повидаться с князем Кочубеем, занимавшим первый пост в Империи — Председателя Государственного Совета, человеком с большим влиянием и поэтому нужным. Эти люди являлись не на долго и оставались до того времени, как Загряжская усаживалась за карточный стол, потом мало-по-малу разлетались в разные стороны. В числе гостей бывали у нее все важные и известные люди того времени.... На вечера являлся по временам поэт Пушкин; но он не производил особенного эффекта, говорил немного, больше о вещах самых обыкновенных.... Загряжская любила рассказывать про старину и часто повторяла одно и то же. Пушкин записал некоторые из ее анекдотов и языком, каким она рассказывала.... Проведя всю жизнь при Дворе, она была очевидицею многих интересных происшествий царствования Екатерины, Павла и Александра. Однажды я решился изъявить ей сожаление, почему она не вела никаких записок: они составили бы редкую книгу для будущих поколений. «Эх, мой друг», отвечала она: «я никогда не умела писать, где мне было вести записки; потом память потеряла». Действительно, жаль, что она не оставила после себя никаких воспоминаний о временах, в которые она сама бывала действующим лицом. Много любопытных подробностей напрасно исчезли из страниц истории» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. I, стр. 492 — 496). Сохранились благодаря Пушкину лишь частички бесед его с Н. К. Загряжскою в виде записей (1835 г.) некоторых ее рассказов о Потемкине, Петре III, Орлове. Записи эти Пушкин начал делать по совету Жуковского («Библиогр. Зап.» 1858 г., № 18; «Русск. Арх.» 1898 г., кн. I, стр. 105). — Живой портрет самой Загряжской нарисован в специально ей посвященном очерке Л. Н. Майкова (см. его сборник «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 397 — 413); см. еще: рассказ княжны В. Н. Репниной — «Русск. Арх.» 1888 г., кн. I, стр. 130, издание вел. кн. Николая Михаиловича: «Русские Портреты», т. I, № 58 и т. V, № 123, и «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 58 — 59; тоже, Московское издание 1923 г., стр. 180 — 186. № 356.

— Кат. Ив. — Екатерина Ивановна Загряжская (род. 14 марта 1779, ум. 18 августа 1842), влиятельная фрейлина имп. Елизаветы Алексеевны, а затем Александры Федоровны, сестра (по отцу) Н. И. Гончаровой и родная тетка невесты Пушкина. После женитьбы Пушкина и переселения его с женою, осенью 1831 г., в Петербург, Е. И. Загряжская стала очень близко к супругам. По словам П. Е. Щеголева, «она была моральным авторитетом для племянницы, ее руководительницей и советчицей в свете и, наконец, материальной опорой. Гордясь своей племянницей, она облегчала тяжелое бремя Пушкина, оплачивая туалеты племянницы и помогая ей материально» («Дуэль и смерть Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXV—XXVII, стр. 030). Когда с Пушкиным поселились сестры Наталии Николаевны, то, говорит П. Е. Щеголев: «тетушка заменила племянницам мать, устраивала их положение при Дворе и в свете, оказывала им материальную поддержку, была для них моральным авторитетом, руководительницей и советчицей — и пользовалась огромным влиянием. Особенно она любила Наталью Николаевну, баловала ее, платила за ее наряды. Как-то, взгрустнув о своем материальном положении, Пушкин писал (21 сентября 1835 г.) жене: «У меня ни гроша верного дохода, а верного расхода 30000. Всё держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны». Наталья Николаевна платила тетке такою любовью и преданностью, что мать ее, Наталья Ивановна Гончарова, ревновала свою дочь к своей сестре. Если судить по письмам Пушкина к жене, он хорошо

№ 356. относился к Екатерине Ивановне за ее любовь к своей жене. Он доверялся Загряжской и оставлял жену на тётку, когда уезжал из Петербурга. В письмах он не забывает переслать ей почтительный поклон, поцеловать с Ермоловской нежностью ручку и поблагодарить ее за заботы о жене. Вот несколько отрывков из писем Пушкина к жене, рисующих отношения Пушкиных к Екатерине Ивановне Загряжской: «К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить» (3 октября 1832 г.). — «Благодари мою бесценную Катерину Ивановну, которая не дает тебе воли в ложе. Целую ей ручки и прошу, ради бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей» (21 октября 1833 г.). «А Катерина Ивановна? как это она тебя пустила на божью волю» (30 октября 1833 г.). Когда уезжала Наталья Николаевна в Калужскую деревню, тетка тревожилась и постоянно справлялась о ней у Пушкина. «Тетка тебя очень целует и по тебе хандрит» (22 апреля 1834 г.). «Целые девять дней от тебя не было известия. Тетка перепугалась» (28 апреля 1834 г.). «Зачем ты тетке не пишешь? Какая ты безалаберная!» (11 июня 1834 г.). «Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете: я ей жаловался на свое житьё-бытьё; а она меня утешала» (11 июля 1834 г.). Любовь Загряжской к Наталье Николаевне была хорошо известна в свете и при Дворе. Когда Пушкин представлялся императрице Александре Федоровне, императрица спросила у него о здоровье уехавшей жены и добавила: «Sa tante est bien impatiente de la voir à bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption»... («Дневник» Пушкина). О близком участии Загряжской в семейных делах Пушкиных дает определенное свидетельство сестра Пушкина Ольга Сергеевна: «Загряжская бывала всякий день в доме Пушкиных, делала из Натальи Николаевны всё, что хотела, имела большое влияние на Пушкина» («Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 108). Вообще «она была самым близким лицом в доме Пушкиных и в развитии дуэльного недоразумения в ноябре 1836 года играла видную роль» («Пушк. и его соврем.», вып. XXV—XXVII, стр. 054—055), как и в истории последней дуэли Пушкина (см. там же, по указателю). Она была крестною матерью всех четырех детей Пушкина.

— Графиня Полье — Варвара Петровна (род. 1 февраля 1796 г.); дочь кн. Петра Федоровича Шаховского (ум. 1841), она была замужем за генерал-адъютантом графом Павлом Андреевичем Шуваловым, в декабре 1823 г. овдовела и через три года, в конце 1826 г., вышла по страстной любви за Адольфа Антоновича (Pierre-Amédée-Charles-Guillaume-Adolphe) Полье, (род. 1795), родом швейцарского француза, после Отечественной войны переселившегося в Россию, получившего от Французского короля Карла X графский титул, в 1828 г. пожалованного в камергеры, а в 1829 г. — в церемониймейстеры и умершего 10 марта 1830 года (см. о нем «Русск. Биограф. Словарь»). Овдовев вторично, гр. Полье поселилась в своем роскошном доме в Парголове, под Петербургом, где похоронила своего мужа, и вела здесь странный, эксцентрический образ жизни; в следующем письме к невесте Пушкин говорит, напр., про нее, что она «почти сумасшедшая: она спит до 6-ти часов вечера и никого не принимает» (см. ниже, в письме № 358). В июне 1833 г. она с двумя сыновьями, графами Андреем и Петром Шуваловыми и Юлией Карловной Кюхельбекер (сестрою декабриста и приятеля Пушкина) отправилась за границу. 17 марта 1834 г. Пушкин отметил в Дневнике своем слух о выходе ее «за какого-то принца, вдовца и богача» в Италии, а в письме от конца сентября 1835 г. спрашивал жену, «верить ли, чтоб Гр. Полье вышла наконец за своего принца?» Это была новая, третья любовь графини — Неаполитанский посланник в Петербурге (1835—1841), натурализовавшийся в Италии англичанин — principe di Butera Don Giorgio Wilding, — с которым она, действительно, и обвенчалась в 1836 г. и которого ей также суждено было надолго пережить: он умер в июне 1841 года, а княгиня — 24 декабря 1870 г. В августе 1831 г. в Парголово ездил А. М. Грибовский: «Поехали поздно», записывает он в Дневнике: «приехали туда ночью и ничего не видали, кроме освещенного дома помещицы, вдовушки после двух мужей: графа Шувалова и учителя графа

Полье, француза, после которого она сама не хотела жить и целый год ходила на могилу его оплакивать, но сыскался живой утешитель, который вывел из памяти мертвого» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. I, стр. 130). Любопытные подробности о вдове Полье и о том, как вела она себя по смерти своего обожаемого Адольфа, см. в «Воспоминаниях» М. Ф. Каменской, рожд. гр. Толстой, в «Ист. Вестн.» 1894 г., № 5, стр. 352 — 354. — Княгиня В. П. де Бутера, по словам Д. Н. Свербеева («Записки», т. II, стр. 300, 305 — 306), пользовалась уважением и любовью за свою доброту, широкое гостеприимство, радушие и благотворительное сердце, которое не умело отказывать в помощи тем, кто к ней обращался (см. «Русск. Стар.» 1901 г., т. CV, март, стр. 556 — 557). Она с мужем были свидетелями на бракосочетании барона Дантеса-Геккерена с Е. Н. Гончаровой 10 января 1837 г. (см. П. Е. Щеголев. «Дуэль и смерть Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXV — XXVII, стр. 209 — 210). О ней см. в изд. вел. кн. Николая Михаиловича «Русские Портреты», т. IV, С.-Пб. 1908, № 90; «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923 стр. 111 – 112, и Московское издание Дневника, 1923 г., стр. 327 — 328. № 356.

— «M-me и m-lle Малиновские» — Анна Петровна, рожд. Исленева (род. 1770, ум. 16 июня 1847), родственница и воспитанница княгини Е. Р. Дашковой, в 1829 году способствовавшая браку Пушкина с Гончаровой и бывшая у последней посаженою матерью («Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 497 — 498 и 1902 г., кн. I, стр. 53), и Екатерина Алексеевна (род. 19 февраля 1811, ум. 14 августа 1872), — жена и единственная дочь сенатора и многолетнего Директора Московского Архива Министерства Иностранных Дел, археолога Алексея Федоровича Малиновского (род. 1762, ум. 1840), приятеля Аракчеева; последний выражал намерение завещать Екатерине Алексеевне свое знаменитое Грузино («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2042), но намерения этого не осуществил. Е. А. Малиновская 18 января 1833 г. вышла замуж за лейб-гусара (1834 — 1839) князя Ростислава Алексеевича Долгорукова (род. 1805, ум. 1849). По словам хорошо ее знавшего П. И. Бартенева, называющего княгиню женщиною «наружности крайне невзрачной», но «необыкновенного ума и многосторонней образованности» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 295), «отличного образования и душезнания» («Русск. Арх.» 1911 г., кн. III, стр. 159), кн. Е. А. Долгорукова «получила отличное книжное образование, и еще в 1818 г. отец напечатал и издал в Москве переведенную ею на немецкий язык статью свою о памятнике Минину и Пожарскому. Впоследствии она подружилась с Лермонтовым, товарищем ее мужа, князя Ростислава Алексеевича, по службе их в Царскосельском лейб-гусарском полку, и с Пушкиным, супруга которого была Московскою подругою ее молодости. Лермонтов рассказывал перед ней тайны души своей, а от умирающего Пушкина не отходила она по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слышала его последние заветы жене и друзьям... Под очарованием ее беседы пропадало впечатление внешней невзрачности, и с нею можно было проводить целый ряд часов достопамятных. Живучи в Швейцарии, она перевела по-французски повесть Кохановской «Кирилл Петров и Настасья Дмитрова» и напечатала в каком-то журнале» («Русск. Арх.» 1912 г., кн. III, стр. 87; ср. еще «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 295). О ней см. в «Словаре писательниц» князя Н. Н. Голицына, С.-Пб. 1889, стр. 299. Она, вместе с княгиней В. Ф. Вяземской, ухаживала за Пушкиным в часы его предсмертных страданий («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 295). Ее рассказы о Пушкине см. в книге «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 62 — 64 и 136 — 137. О Малиновских, с которыми были в дружбе и родители поэта, последний упоминает еще в Московском письме своем к жене от 25 сентября 1832 г., а о княгине Е. А. Долгоруковой — в письме к ней же от 3 июня 1834 г.

— Наталья Ивановна — Гончарова, будущая теща Пушкина.

— У Н. Н. Гончаровой было две сестры, — обе старше ее и обе нежно ею любимые: Екатерина Николаевна (род. 1809), с 6 декабря 1834 г. фрейлина, 10 января 1837 г. вышедшая замуж за убийцу Пушкина — барона Егора Осиповича (Жоржа) Дантеса-Геккерена (род. 1811, ум. 1895),

№ 357—358. и Александра Николаевна (род. 27 июля 1811 г.), также фрейлина (с января 1839 г.), впоследствии, в 1852 г., вышедшая за барона Фризенгофа, Венгерского землевладельца и чиновника Австрийского посольства, первым браком женатого на Наталье Ивановне Соколовой, незаконной дочери И. А. Загряжского, отца тёщи Пушкина (см. «Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 296; ср. выше, стр. 448, прим.); предание, идущее от нескольких лиц, свидетельствует, что Пушкин, в последние годы жизни (обе сестры Гончаровы с осени 1834 г. жили с Пушкиными вместе), был в очень близких отношениях с этою своею свояченицею (см. у П. Е. Щеголева, l. c., стр. 325—331). О Е. Н. и А. Н. Гончаровых и их портреты см. в книге Щеголева, стр. 049—052 и др.; ср. выше, стр. 338.

Черновое (перевод): «Имею честь вам представить моего брата, который нашел что вы [чересчур красивая женщина] для меня...

357. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 99). Впервые напечатано И. С. Тургеневым. в переводе с французского в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 11—12; подлинник был у графини Меренберг. Французские фразы появляются в печати впервые; они вставлены нами из рукописи П. В. Анненкова, содержащей пересказ читанных им писем Пушкина к невесте и жене (в архиве Анненкова в Пушкинском Доме).

— Брат Пушкина Лев выехал в Москву из Петербурга 20 июля, на другой день после приезда поэта в Петербург из Москвы.

— О Н. К. Загряжской см. в предыдущем письме № 356 и в объяснениях к нему, стр. 448. Н. Н. Гончарова приходилась Н. К. Загряжской внучатной племянницей, так как была дочерью ее родной племянницы.

— Французская фраза значит: «как хорошенькая женщина прошедшего столетия».

— Наташа — Н. И. Гончарова, рожд. Загряжская, тёща Пушкина.

— Николай Афанасьевич — Гончаров, отец невесты.

— Афанасий Николаевич — Гончаров, «дедушка» с Полотняного Завода.

— Николай I видел юную Н. Н. Гончарову в Москве, на балах, в марте 1830 г. Об отношениях его к Н. Н. Пушкиной см. в книге «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 117—120.

— Иван Николаевич — Гончаров, брат Натальи Николаевны; о нем см. выше, стр. 396, в объяснениях к письму № 318.

— Отец и мать поэта несколько дней спустя (27—28 июля), не дождавшись отъезда старшего сына, отправились в Михайловское, к дочери своей О. С. Павлищевой.

— Grand'maman de Zavode — «Бабушка с Завода», т.-е. статуя императрицы Екатерины II, которую А. Н. Гончаров получил разрешение продать на расплавку (см. выше, в письмах № 341, 349, 354 и др.).

— Французская фраза значит: «Я был на этих днях у моей Египтянки». Личность этой «Египтянки» неизвестна: быть может, это то же лицо, которое Пушкин, в письме к Плетневу от 26 марта 1831 г., называл: «южная ласточка, смуглорумяная красота наша» (в этом последнем письме, быть может, можно видеть Александру Осиповну Россетти?). Ср. статью Н. О. Лернера: «Ревность Н. Н. Пушкиной» — «Русск. Стар.» 1905 г., кн. CXXIV, ноябрь, стр. 423.

358. *Н. Н. Пушкиной* (стр. 100). Впервые напечатано И. С. Тургеневым, в переводе с французского языка, в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 12—13; подлинник был у графини Н. А. Меренберг. Французская фраза приводится впервые из черновых материалов Анненкова для биографии Пушкина (в Пушкинском Доме; ср. № 357).

— *Аф. Ник.* — Гончаров, «дедушка»; он заставил тогда Пушкина хлопотать о разрешении расплавить статую Екатерины II, а также о выдаче ему ссуды. Письмо Пушкина к Гончарову по этому поводу см. ниже, под № 361.

— Наталья Ивановна — Гончарова, теща Пушкина.

— Старший брат Н. Н. Гончаровой — Дмитрий Николаевич (род. 1 мая 1808), наследник Гончаровского майората; 17-ти лет от роду он окончил курс Московского Университета и был зачислен в Коллегию Иностранных Дел,

в 1827 г. произведен был в переводчики, 11 апреля 1829 г. получил звание камер-юнкера и прикомандирован был к Свиты е. в. генерал-майору кн. Николаю Андреевичу Долгорукову, который, после убийства Грибоедова, был отправлен, с особыми полномочиями, в Тегеран; по приезде своем в Тавриз Д. Н. Гончаров получил поручение «пересмотреть 18 ящиков имущества, оставленного секретарем миссии Мальцовым проездом из Тегерана, — вещей покойного статского советника Грибоедова» (А. В. Средин, «Полотняный Завод», отд. отт., стр. 35). В Персии Д. Н. Гончаров оставался до отозвания кн. Долгорукова обратно в Россию в июне 1830 г., а затем числился в Министерстве Иностранных Дел, в Департаменте внешних сношений. В 1832 г. он в качестве опекуна над имением своего душевнобольного отца, колл. асс. Н. А. Гончарова, вступил в управление разоренным Гончаровским имением, в котором в 1834 году гостил у него Пушкин (см. «Дневник Пушкина», под 28 ноября 1834 г.). В 1835 г. Гончаров вышел в отставку и вскоре женился на армянке, княжне Елизавете Егоровне Назаровой, с которою отдался приведению в порядок запущенных «дедушкою» дел. В 1837—1839 гг. безвыездно жила у него вдова Пушкина, с детьми и сестрою Александрою Николаевною. С 14 января 1839 по 19 января 1842 г. Гончаров числился Почетным Попечителем Калужской Губернской Гимназии, а с 30 марта 1854 г. до смерти был Медынским Уездным Предводителем дворянства и Почетным Смотрителем местного Уездного Училища, состоя вторично, с 1852 г., в звании камер-юнкера. Скончался он в 1859 году в чине надворного советника; он был глух и заикался («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 61 и 135). — В книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» («Пушк. и его соврем.», вып. XXV — XXVII, стр. 273 — 275) напечатаны два письма Д. Н. Гончарова к его сестре, баронессе Е. Н. Дантес-Геккерен, от апреля и сентября 1837 г.; из них видно, что он вполне дружественно относился к своему зятю — убийце другого зятя. О дальнейших отношениях его и Дантеса см. в книге «Московский Пушкинист», вып. I, М. 1927, под ред. М. А. Цявловского, в статье В. С. Нечаевой. № 358.

— Кат. Ив. — Загряжская, фрейлина, тетка Н. Н. Гончаровой (см. выше, стр. 449 — 450, в объяснениях к письму № 356).

— О графине В. П. Полье см. выше, в объяснениях к письму № 356.

— Елизавета Михайловна Фролова Багреева (род. 5 сентября 1799, ум. 23 марта 1857)—единственная дочь знаменитого государственного деятеля графа Михаила Михайловича Сперанского (род. 1772, ум. 1839); 16 августа 1822 г., против своей воли, исполняя желание отца (см. «Русск. Арх.» 1903 г., кн. I, стр. 299 и 1911 г., кн. I, стр. 219), она вышла замуж за Александра Алексеевича Фролова-Багреева (родного племянника князя В. П. Кочубея), который в 1818 — 1824 гг. был Черниговским гражданским губернатором, в 1826 — 1833 гг. — Управляющим Государственным Заемным Банком, а с 1834 г. до смерти в 1845 г. — сенатором. Фролова-Багреева стала поклонницей таланта Пушкина с появления первых же его произведений; еще когда вышел «Руслан и Людмила», она писала свои мысли о нем отцу, который из Тобольска отвечал ей, 16 октября 1820 г.: «Руслана я знаю по некоторым отрывкам. Он действительно имеет замашку и крылья гения. Не отчаивайся: вкус придет; он есть дело опыта и упражнения. Самая неправильность полета означает тут силу и предприимчивость. Я также, как и ты, заметил сей метеор. Он не без предвещания для нашей словесности» («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 1790). Биограф Фроловой-Багреевой, Д. Л. Мордовцев, говорит, что «из числа русских литераторов она пользовалась особенною дружбою Пушкина, «полет гения» которого она едва ли не раньше других угадала своим чутким умом, когда отец ее был еще в Сибири и писала об этом отцу» («Русские женщины нового времени», С.-Пб. 1874 г., стр. 197), а князь Н. Н. Голицын, в «Словаре Русских писательниц» (С.-Пб. 1889, стр. 258), утверждает, что Фролова-Багреева поместила в «Современнике» Пушкина какую-то свою повесть [которой мы не могли, однако, доискаться]. Она рано начала писать — и в 1828 г. выступила в печати с книжкою «Чтение для малолетних детей», которую значительно позднее

№ 358. издала в переводе на французский и немецкий языки. Живя в Петербурге, она умела привлечь к себе таких людей, как А. И. Тургенев и кн. П. А. Вяземский («Остаф. Арх.», т. III, стр. 236); последний бывал у нее; так, напр., 9 июля 1830 г. он ездил к ней пить чай на дачу, на Охту (Соч. князя Вяземского, т. IX, стр. 127), где, вероятно, навестил ее и Пушкин. V. Duret, французский биограф Е. М. Фроловой-Багреевой, говорит, что в салоне ее (она в Петербурге жила вместе с отцом) собирались все знаменитости: государственные люди, ученые, артисты, писатели: генерал Бутурлин, историк Карамзин, художник Брюллов, Польский поэт Адам Мицкевич... Преданным другом ее был знаменитый Пушкин»; многие декабристы были частыми ее гостями, — и это обстоятельство было причиною явного нерасположения к ней Николая I. Годы 1827—1831 были наиболее блестящею эпохою светской жизни Фроловой-Багреевой, — к которым, конечно, и относится ее знакомство с Пушкиным (V. Duret, «Un portrait russe. L'œuvre et «Le livre d'une femme» de M-me Bagréeff-Spéranski», Leipzig — Paris. 1867, p. 15, 19). Личная жизнь ее была очень несчастлива: муж ее был человек совершенно ничтожный, пустой эгоист: смерть младшего сына, а затем нежно любимого отца и немилость Николая I заставили ее в 1839 г. уехать за границу; затем она жила в Полтавском имении, овдовела, выдала замуж дочь, после чего совершила поездку на Запад Европы и к Святым местам (в 1854 г. она издала книгу «Les pélerins russes à Jerusalem»); с 1850 г. она поселилась в Вене, где и умерла. После нее осталось много сочинений на французском языке в рукописях, а также и напечатанных в Праге, Брюсселе и Лейпциге. «Хотя от отца еще наследовала она сознательную любовь к России и ее народу», — говорит Д. Л. Мордовцев: «хотя покойный отец усердно поддерживал в ней русские симпатии, помогал ее литературному развитию и давал ему направление исключительно русское, однако Европа и первоначальное не русское воспитание осилили: из дочери Сперанского не вышло русской писательницы; Багреева-Сперанская[1] сделалась известною как писательница Европейская» (назв. соч., стр. 197). Десять лет спустя после ее смерти в Лейпциге была издана ее упомянутая выше биография, — написанная Victor Duret, с приложением ее неизданного сочинения: «Un portrait russe. L'œuvre et «Le livre d'une femme». «Доброта, ум и талант», говорит этот биограф: «суть дары такие редкие, скажу более — такие несовместимые, что тот, кто обладает одним из этих даров, может уже считаться избранником Неба. Багреева-Сперанская обладала всеми этими дарами... В жизни она нашла одни горести, зато в смерти — бессмертие». Об этой книге см. «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 328—329.

— «Французская фраза значит: «Перед белокурой Мадонной, похожей на вас, как две капли воды; я купил бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей». Белокурая мадонна, по объяснению А. В. Средина — Мадонна Перуджино, принадлежавшая Николаю Михайловичу Смирнову («Старые Годы» 1910 г., июль — сентябрь, отд. отт. стр. 35, прим. 48). Не знаем, так ли это, но в недостоверных Записках А. О. Смирновой читаем: «Смирнов должен был быть шафером Пушкина, но ему пришлось уехать в Лондон курьером. Он говорил Искре [т.-е. Пушкину], что Натали напоминает ему мадонну Перуджино. Пушкин завтракал у Смирнова, смотрел его картины, его коллекцию редкостей искусства...» (С-Пб. 1894, стр. 169; ср. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 97, — о картинной галлерее Смирнова); в апреле 1831 г. П. М. де-Роберти писал Ѳ. Н. Глинке в Тверь: «Пушкин что-то замолк, женясь. Постараюсь увидеть здесь его супругу, чтобы посмотреть выбор его поэтического вкуса. Говорят, жена его красавица, и сумасброд так отзывается: я женился, чтобы иметь дома свою *Мадонну*» («Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 265). В своем известном сонете «Мадона», написанном 8 июня 1830 г. и посвященном невесте, Пушкин писал:

---

[1] Она выпускала и книги свои под именем Bagréeff-Spéranski. *Б. М.*

...Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

30 августа он записал этот сонет в альбом Ю. Н. Бартенева (см. Б. Л. Модзалевский, «Автограф Мадоны» — «Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 21—26).

— Grand'maman — статуя Екатерины II: см. выше, в письмах № 341, 349, 354, 357 и др.

— «Chez mon cousin Kankrin» — «к моему кузену Канкрину». — Канкрин — граф Егор Францович, Министр Финансов: Пушкин называет его своим «кузеном» шутя, пародируя способ обращения королей к иностранным государям, кардиналам и т. под. высокопоставленным лицам; поэт подчеркивает этим свою скромность, сознание того, что «дедушка» Гончаров сильно переоценивает его значение в придворных и административных сферах, давая ему серьезные финансовые и иные деловые поручения. Вместо Бенкендорфа Пушкин 9 июля обратился к Управляющему III Отделением М. Я. фон-Фоку, представив ему записку по делу о статуе Екатерины II (см. ниже, письмо № 360).

— Ответ Н. Н. Гончаровой на это письмо так же неизвестен, как и все прочие письма ее к жениху и к мужу.

359. *Княгине В. Ѳ. Вяземской* (стр. 101). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 168; подлинник обнаружен был нами в письме князя П. А. Вяземского к жене из Петербурга, от 4 августа [1830 г.], в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева. В письме этом князь Вяземский сообщал, что только что вернулся в Петербург из Ревеля (куда приехал 15 июля для морских купаний, а выехал обратно в ночь на 1 августа: см. Соч., т. IX, стр. 129—135); там же была и семья Карамзиных. «Пушкин здесь. Находят, что он весел и натурален», — прибавлял Вяземский.

Перевод: «Мне столько нужно было сказать вам. К стыду моему сознаюсь, что мне весело в Петербурге, и я не знаю, как и когда я вернусь. Может быть с князем, — во всяком случае, до свидания. А. П.»

— К числу знакомых, у которых в Петербурге Пушкину было «весело», следует отнести, между прочим, и барона Дельвига; он с женою проводил лето 1830 г. «на берегу Невы, у самого Крестовского перевоза. У них было постоянно много посетителей. Французская Июльская революция тогда всех занимала, а так как о ней ничего не печатали, то единственным средством узнать что-либо было посещение знати. Пушкин, большой охотник до этих посещений, но постоянно удерживаемый от них Дельвигом, которого он во многом слушался, получил по вышеозначенной причине дозволение посещать знать хотя ежедневно и привозить вести о ходе дел в Париже. Нечего и говорить, что Пушкин пользовался этим дозволением и был постоянно весел, — как говорят, в своей тарелке» (Бар. А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания» т. I, стр. 107; см. далее, стр. 108—109). Об одном эпизоде, на даче на Черной речке летом 1830 г., с кн. С. Г. Голицыным, («Фирсом») и о стихах «Полюбуйтесь же вы, дети» — см. в «Библиогр. Записках» 1858 г., т. I, ст. 494—497, и у В. В. Вересаева: «Пушкин в жизни», вып. III, М. 1927, стр. 21—22 и примеч.). — Пушкин, действительно, как и писал княгине Вяземской, выехал в Москву вместе с Вяземским (10 августа). Рассказ Л. Н. Павлищева («Воспоминания», стр. 218, 219) о том, что поэт ездил еще из Петербурга в Михайловское, кажется нам недостоверным.

360. *М. Я. фон-Фоку* (стр. 101). Впервые напечатано в книге «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 308; подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Записка касается возбужденного Пушкиным, по просьбе «дедушки» А. Н. Гончарова, вопроса о разрешении продать на расплавление статую Екатерины II, находившуюся на Полотняном Заводе (см. выше, в письмах № 341, 349, 354, 357, 358 и ниже, № 361, 371, 372 и от 24 февраля 1831 и 8 июня 1832 г.).

№ 361—362. 361. *А. Н. Гончарову* (стр. 102). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 502—503; подлинник был в Музее Калужской Ученой Архивной Комиссии.

— Письмо писано в самый день приезда Пушкина в Москву из Петербурга, пребывание в котором, по словам Анненкова, «осталось в памяти Пушкина весьма долго. Тут в последний раз виделся он с Дельвигом, который при отъезде провожал его за заставу. Ни тот, ни другой не могли и подумать, что дружеское расставанье их, еще исполненное разговоров о литературе, будет вечным. Вот что писал Пушкин об этой последней беседе их: «Я ехал с В*[яземским] из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел проводить меня до Царского Села... 10 Августа по утру мы вышли из города. В*[яземский] должен был нас догнать на дороге. Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно — и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в восьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее. Ему стало легче, головная боль прошла. Он стал весел и говорлив»... (ср. «Соврем.» 1854 г., № 1, отд. Критики, стр. 42, в статье В. П. Гаевского о Дельвиге). — Спутник Пушкина, князь Вяземский, также оставил в Дневнике своем запись о совместном путешествии своем с Пушкиным: «10 [августа] выехали мы из Петербурга с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царском Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкою [Федором Николаевичем]. 14 числа утром приехали мы в Москву. Жена ждала меня дома»... (Соч., т. IX, стр. 137). О посещении Пушкиным и Вяземским Ф. Н. Глинки последний упоминает в письме своем к П. Е. фан-дер-Флиту от 27 августа 1830 г. (см «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 105—106).

— Граф Канкрин — Министр Финансов; см. выше, в объяснениях к письму № 358. Он отказал в просьбе Гончарова (см. в письме № 363).

— Ответ Бенкендорфа А. Н. Гончарову о высочайшем соизволении «на расплавление колоссальной, неудачно изваянной в Берлине бронзовой статуи блаженной памяти императрицы Екатерины II», с предоставлением ему права воздвигнуть, «когда обстоятельства дозволят ему исполнить сие, другой приличный памятник сей августейшей благотворительнице фамилии его» — был послан 20 августа 1830 г., за № 3355 (см. его в книге: «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 309).

362. *Е. М. Хитрово* (стр. 102). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 9—10. Подлинник — в Пушкинском Доме; он — на листе почтовой бумаги большого формата, без вод. знаков; письмо сложено конвертом и запечатано гербовой печатью Пушкина под графскою короной. На обороте, кроме адреса и почтового штемпеля и помет, — рукою Е. М. Хитрово написано: «Pouchkin».

Перевод: «Как я вам признателен за ту доброту, с которою Вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе. Никто здесь не получает французских газет, и в качестве политических мнений о том, что только что произошло, у нас Английский Клуб решает, что князь Дмитрий Голицын был неправ, запретив ордонансом экартэ. И среди этих то орангутангов я принужден жить в самое интересное время нашего века! К довершению всех бед и затруднений только что умер мой бедный дядя Василий Львович. Надо признаться, что ни один дядя никогда не умирал более некстати. Моя женитьба откладывается еще на шесть недель, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург. «Парижанка» не стóит «Марсельезы». Это куплеты из водевиля. Мне смертельно хочется прочесть речь Шатобриана в защиту герцога Бордосского. Для него это был еще один прекрасный момент. Во всяком случае, вот он снова в оппозиции. В чем оппозиция «Temps», — хочет ли он республики? Те, которые ее за последнее время хотели, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами и назначить им пенсии. Брак г-жи Жанлис с Ла-Файетом был бы вполне уместен и венчать их должен бы

был епископ Талейран. Так было бы завершено дело революции. Прошу Вас повергнуть меня к ногам графинь, Ваших дочерей, и принять уверение в моей преданности и высоком уважении. Пушкин. — 21 августа Москва». № 362.

— Пушкин отвечает на письмо к нему Хитрово из Петербурга (откуда он вернулся 14 июля), нам неизвестное.

— Говоря о Европейских событиях, Пушкин имеет в виду Июльскую революцию во Франции, об отдельных фактах которой упоминает и ниже, в следующих своих письмах, уже из Болдина. Ближайшим образом революция была вызвана деятельностью реакционного министерства Полиньяка, образованного королем Карлом X 8 августа 1829 г., последовавшими затем противными конституции ордонансами о роспуске Палат и о созыве новых избирательных собраний, переменою прежнего избирательного закона, а также отменою свободы печати и введением цензуры; революция с молниеносной быстротой в три дня (27, 28 и 29 июля н. ст. 1830 г.) свергла Карла X с престола. Луи-Филипп Орлеанский был провозглашен наместником (lieutenant-géneral) королевства, после чего, 2 августа, Карл отказался от престола в пользу своего внука, герцога Бордосского (графа Шамбора); однако Палаты предложили корону, 7 августа, Луи-Филиппу (род. 1773); спустя $17^1/_2$ лет последний, в свою очередь, был свергнут Февральской революцией 1848 года. Карл X умер изгнанником в 1836 г., в Австрии, а Луи-Филипп — в Англии, в 1850 г. Подробнее об Июльской революции и об отдельных ее моментах, о которых говорит Пушкин в своих письмах,— см. в очерке Б. В. Томашевского в сборнике Писем Хитрово, Лгр. 1927 г., стр. 301 и след.

— О запрещении Московским генерал-губернатором князем Дмитрием Владимировичем Голицыным азартной карточной игры в экартэ в Московском Английском Клубе нам не удалось найти никаких сообщений ни в «Московских Ведомостях», ни в письмах такого осведомленного в подобного рода новостях человека, как Московский Почт-Директор А. Я. Булгаков («Русский Архив» 1903 г., кн. III), ни в напечатанных в «Русском Архиве» 1889 г. (кн. II, стр. 86 — 96) «Извлечениях из журналов гг. старшин Московского Английского Клуба со дня его открытия». Возможно, что распоряжение Голицына было дано не в письменной форме, а изустно.— Английский Клуб издавна был средоточием всех Московских сановников и людей со средствами и с положением и притом консервативного направления; еще Карамзин в известной своей «Записке о Московских достопримечательностях» отмечал значение Клуба в жизни Москвы: «Надобно ехать в Английский Клуб, чтобы узнать общественное мнение, — как судят Москвичи. У них есть какие-то неизменные правила, но все в пользу самодержавия: якобинца выгнали бы из Английского Клуба». Ко времени Пушкина обстановка несколько переменилась и в 1832 году, например, членами Клуба, наряду с бывшим министром И. И. Дмитриевым, были М. П. Погодин, кн. П. А. Вяземский, П. Я. Чаадаев, М. Ф. Орлов... При этом Клуб сохранял за собой свое как бы политическое значение, и про него Пушкин мог сказать то же, что сказал про Петербургский в «Евгении Онегине», выразившись, что «палата Английского клоба — народных заседаний проба»: соединяя по прежнему главных представителей Московской знати и образованного общества, Клуб служил местом обсуждения текущих событий внутренней и внешней политики, и сам Николай I, по свидетельству П. И. Бартенева, «иной раз справлялся, что говорят о той или другой правительственной мере в Московском Английском Клубе» («Русский Архив» 1889 г., кн. II, стр. 85). — Члены Клуба не долго гневались за запрещение экартэ на князя Д. В. Голицына, который, будучи почетным членом Клуба, в 1833 г. торжественно был избран почетным его старшиною (см. «Русский Архив» 1889 г., кн. II, стр. 95; Н. П. Барсуков, «Жизнь и Труды М. П. Погодина», кн. IV, 1892, стр. 183 — 184), а в 1836 г. был чествуем в Клубе по случаю возвращения из-за границы в Москву («Русский Архив» 1889 г., кн. II, стр. 95 — 96; «Остафьевский Архив князей Вяземских», т. III, стр. 361 — 363). Пушкин был избран членом Московского Английского Клуба в 1829 г., в один день с Бора-

№ 362. тынским («Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», М. 1925 г., стр. 27), с чем П. А. Плетнев поздравлял поэта в письме к нему от 29 марта этого года (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 89), но гостем он бывал в нем и раньше, — например, 28 марта 1827 г. — с И. И. Дмитриевым и кн. П. А. Вяземским («Русский Архив» 1901 г., кн. III, стр. 27); был он в Клубе и 21 января 1831 г. (там же, 1902 г., кн. I, стр. 48) и 9 декабря того же 1831 г. (Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 351), а 27 августа 1833 г. писал жене из Москвы: «В Клубе я не был, — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафу, а я и весь Английский Клуб готов продать за 200» (там же, т. III, стр. 38). Упоминает он о Клубе и в письме к жене от 30 апреля 1834 г. (там же, стр. 107).

— Называя распоряжение кн. Д. В. Голицына «ордонансом», Пушкин имеет в виду те знаменитые 6 ордонансов Карла X от 25 июля 1830 г., которые послужили ближайшим поводом к Июльской революции; этим пародическим названием поэт еще раз подчеркивает свое насмешливое отношение к «палате Английского Клоба» (см. в цитированной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 303).

— Дядя Пушкина, Василий Львович Пушкин, умер в Москве накануне того дня, в который поэт писал Е. М. Хитрово, — а именно 20 августа 1830 года, 60 лет от роду. Он был опасно болен еще весною этого года, о чем Жуковский шутливо сообщал Д. П. Северину: «Пушкин Александр гуляет по Москве. Пушкин Василий болен подагрою, а муза его — водяною» («Русская Старина» 1896 г., № 7, стр. 84); сам же поэт писал Вяземскому в Петербург, сообщая о своей помолвке и о том, что дядя Василий Львович плакал, узнав о предстоящей женитьбе племянника: «Он собирается на свадьбу подарить нам стихи. На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает, чем и зачем он живет» (письмо от 2 мая 1830 г. — см. выше, № 330). Приехав затем недели на три в Петербург, поэт, вместе с Вяземским и Жуковским, сочинил «арзамасское» послание к В. Л. Пушкину. [1]

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович,
Буянов встарину, а нынешний Храбров;
Меж проповедников Парнасса — Прокопович,
Пленительный толмачь и Граций, и скотов!
Что́ делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы — печемся здесь о сочном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое. [2]

Но пожелания не помогли больному, — он в это время уже едва двигался от подагры, хотя и старался еще сохранять свою важную осанку, за которою скрывалось у него так много добродушия, смешанного с легковерием и беспечностью, и продолжал толковать о журналах и интересовался литературой... Самая смерть его, говорит П. В. Анненков: «имела одинаковый характер с его жизнию. Нам рассказывал один из близких его знакомых, что раз, утром, больной старик поднялся с постели, добрался до шкапов огромной своей библиотеки, где книги стояли в три ряда, заслоняя друг друга, отыскал там Беранже и с этой ношей перешел на диван залы. Тут принялся он перелистывать любимого своего поэта, вздохнул тяжело и умер над французским песенником» («Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 18). В письме к П. А Плетневу от 9 сентября, уже из Болдина, Пушкин писал: «Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи: очнувшись

---

[1] Оно должно быть относимо к концу июля — началу августа 1830 г.

[2] А. Пушкину принадлежит здесь стих 3-й; 1-й — кн. Вяземскому, 2-й и 4-й — Жуковскому, некогда сочленам В. Л. Пушкина по «Арзамасу» (снимок с рукописи см. в книге И. А. Шляпкина: «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. 12; подлинник — в Пушкинском Доме).

он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: «Как скучны статьи Катенина!» и более ни слова. Каково? вот что значить умереть честным воином, на щите, le cri de guerre à la bouche!» — О том же писал князь Вяземский Тургеневу: «Бедный наш Василий Львович! Он умер при мне. Последними словами его племяннику Александру, накануне смерти, были: «Как скучен Катенин», — которого он перед тем читал в Литературной Газете. Это славно: это значит умереть под ружьем» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 356). Слова В. Л. Пушкина Вяземский вспоминал и впоследствии, в своей «Старой записной книжке», говоря: «Это исповедь и лебединая песнь литератора старых времен, т.-е. литератора присяжного, литератора прежде всего и выше всего» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 199). «Нам передавали современники», пишет П. И. Бартенев: «что, услышав эти слова от умиравшего Василия Львовича, Пушкин направился на цыпочках к двери и шепнул собравшимся родным и друзьям его: «Господа, выйдемте, пусть это будут последние слова его». Пушкин искренно любил доброго дядю своего и пешком проводил его тело с Басманной в Донской монастырь» («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1369: ср. «Отеч. Зап.» 1853 г., № 11, в статье П. И. Бартенева: «Род и детство Пушкина»). «Пожалей о бедном В. Л. Пушкине», писал брату своему А. Я. Булгаков 21 августа: «он скончался вчера у Вяземского и племянника-поэта на руках, после двухдневной болезни; паралич в мозгу. Однако же он Вяземского узнал и подал ему руку. Добрый был человек! Что̀ говорил о пеночках, горлицах и ручейках, умрет с ним; но его Сосед Буянов останется памятником дарований его стихотворных. Оставил он детей побочных, только не знаю, успел ли он что сделать для них» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 505). После похорон Пушкина князь Вяземский в Дневнике своем писал (25 августа): «Бедный Василий Львович скончался 20-го числа в начале третьего часа пополудни. Я приехал к нему часов в одиннадцать. Смерть уже была на вытянутом лице и в тяжелом дыхании его. Однако же он меня узнал, протянул мне уже холодную руку свою и на вопрос Анны Николаевны, рад ли он меня видеть? (с приезда моего из Петербурга я не видел его) отвечал он слабо, но довольно внятно: «Очень рад». После того, кажется, раза два хотел он что-то сказать, но уже звуков не было. На лице его ничего не выражалось, кроме изнеможения. Испустил он дух спокойно и безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили, помазали только два раза. Накануне был уже он совсем изнемогающий, но увидя Александра, племянника, сказал ему: «Как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в Литературной Газете. Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был однако̀ же очень тронут всем этим зрелищем и во всё время вел себя как нельзя приличнее» (Соч., т. IX, стр. 137 — 138). М. Н. Макаров, в статье из воспоминаний своих: «А. С. Пушкин в детстве» тоже рассказывает: «В последний раз я встретил Александра Сергеевича на похоронах доброго Василия Львовича. С приметною грустью молодой Пушкин шел за гробом своего дяди; он скорбел о нем, как о родственнике и как о поэте» («Современник» 1843 г., т. XXIX, стр. 384). Ему пришлось (за отсутствием С. Л. Пушкина) взять на себя все хлопоты и расходы по погребению умершего (он был в разводе со своею женою), о чем свидетельствует пригласительный билет на похороны, составленный в следующих официальных выражениях: «Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием извещают о кончине дяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего августа 20-го дня в 2 часа по-полудни, и покорнейше просят пожаловать на вынос и отпевание тела сего августа 23-го дня, в приходе св. великомученика Никиты, что̀ в Старой Басманной, в 9 часов утра, а погребение тела будет в Донском монастыре» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 80 — 81). На этом погребении, по свидетельству кн. Вяземского, «была депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лже-Дмитриев, Снегирев. Никиты мученика протопоп

№ 362. в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно» (Соч., т. IX, стр. 138). Погодин 23 августа отметил в дневнике: «На похоронах у Василия Львовича с Языковым и потом в карете с Данзасом в Донской монастырь. С Пушкиным на могиле Сумарокова» («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 108). В «Литературной Газете» (1830 г., № 51 от 8 сентября, стр. 122) была помещена коротенькая, всего в 9 строк, «Некрология» В. Л. Пушкина, с ошибкою в дате его кончины; на призыв барона Дельвига к Вяземскому «сказать что-нибудь» о Пушкине в «Литературной Газете» Вяземский не откликнулся («Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 39), а известный стихотворец, друг В. Л. Пушкина — кн. П. И. Шаликов, издатель «Дамского Журнала», напечатал в «Московских Ведомостях» (1830 г., № 69) следующий краткий, но «чувствительный» некролог умершего: «Едва Музы наши облеклись в печальный креп глубокого сетования о потере своего незабвенного питомца и любимца, Алексея Федоровича Мерзлякова, как мы лишились другого поэта, воскурявшего им чистейший фимиам на алтаре души и сердца и делившего жертвоприношения свои между ними и подругами их, Грациями, — Василия Львовича Пушкина. Страдавши несколько лет от жестоких подагрических припадков, переносимых им с терпением истинно христианским, он успокоился навеки 20-го августа — и смерть наилучшего из людей тем сильнее поразила привязанных к нему дружбою и любовью, что он в последнее время не казался близким к роковой минуте. — Василий Львович Пушкин был примерным родственником, постояннейшим другом, любезнейшим человеком, приятнейшим собеседником и господином, каких мало на свете! — Память усопшего будет конечно почтена искреннейшим сожалением всего нашего отечества, которому давно известны его пиитические творения, столь же неукоризненные, как душа и сердце Поэта! — Тело его, сопровожденное родственниками, друзьями и многими литераторами, погребено в Донском монастыре». — Помимо осложнения, которое смерть дяди внесла в дело женитьбы поэта, заставив, по обычаю, налагаемому трауром по близком родственнике, отложить на довольно продолжительный срок возможность сыграть свадьбу, — она запутала и его денежные дела, о чем, на другой день после похорон, он и писал деду своей невесты (см. ниже, № 363). — Спустя год, в письме к князю Вяземскому Пушкин писал грустно-шутливо: «20 августа день смерти Василия Львовича, здешние Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана [Жуковский] произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас».

— «Парижанка» — патриотическая песнь, гимн — «La Parisienne», написанная, по поводу Июльской революции, Казимиром Делавинем и положенная на музыку Обером; она была признана как бы официальным гимном и некоторое время была популярна, несмотря на то, что не отличалась энергичностью «Marseillaise'ы», созданной в апреле 1792 г. Rouget de Lisle'ем и сразу ставшей народным гимном Великой революции. Подробнее см. в цитированной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 320 и след.

— Знаменитый французский писатель François-Auguste vicomte de Chateaubriand (род. 1768, ум. 1848), с 1811 г. — член Французской Академии, играл в продолжение своей долгой жизни заметную политическую роль; в 1814—1824 г. (когда он покинул пост министра иностранных дел), он был крайним роялистом, в 1824—1830 гг. был в оппозиции, а в революцию 1830 г. стоял снова в рядах роялистов, присягнул Луи-Филиппу и остался верен старшей линии Бурбонов, не прерывая, однако, сношений с республиканцами... Его речь в защиту герцога Бордосского произнесена была 7 августа. См. в цитированной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 318 — 320. Его политическое «credo» лучше всего выражено им в его сочинении «De la restauration et de la monarchie élective» (1831 г.), в котором он заявляет: «Я приверженец Бурбонов по чувству чести, роялист по убеждению, республиканец по влечению».

— «Le Temps» — основанная 15 октября 1829 г. Жаком Кост (Jacques Coste) газета «политических, научных, литературных и промышленных успехов». Она вела борьбу против последних министерств Карла X, имея в числе редакторов Гизо, и таким образом содействовала Июльской революции; при Луи-Филиппе держалась прогрессивного направления. Подробнее см. в цитированной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 316 — 318. № 363.

— Жанлис — Stéphanie-Félicité Ducrest de Saint-Aubin, comtesse de Genlis (род. 1746), — одна из плодовитейших французских писательниц, воспитательница Луи-Филиппа; о ней см. в т. I нашего издания, в письме № 137 и в объяснениях к нему, стр. 425. Она умерла 31 декабря 1830 г. Слова Пушкина о браке ее с генералом Лафайетом являются шуткою; см. в цитированной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 312 и 327.

— Лафайет — известный французский генерал и политический деятель, marquis de Lafayette (род. 1757, ум. 1834), участник войны за независимость Американских Штатов и революций, — Великой Французской и Июльской; человек стойких политических убеждений, он во время Июльской революции принял на себя командование национальной гвардией и своею популярностью много содействовал возведению на престол Луи-Филиппа; не удовлетворенный направлением, которое приняло правительство последнего, он снова стал в ряды республиканской оппозиции. Подробнее см. о нем в цитированной выше статье Б. В. Томашевского, стр. 333, 334.

— Талейран — Charles-Maurice de Talleyrand-Périgord (род. 1754, ум. 1838), знаменитый французский дипломат; с 1788 г. он носил звание епископа Отёнского, но за посвящение первых революционных священников (1790) и за присягу конституции был отлучен папой Пием VI от церкви (1791), после чего сложил с себя духовный сан и отправился посланником в Лондон; при Наполеоне был министром иностранных дел, затем способствовал реставрации Бурбонов и Людовиком XVIII был сделан пэром Франции и министром иностранных дел, но вскоре вышел в отставку. Человек ловкий, тонкий, остроумный, он умел прекрасно пользоваться обстоятельствами, людьми и слабостями последних.

— Графини, дочери Е. М. Хитрово, — графиня Д. Ф. Фикельмон и графиня Е. Ф. Тизенгаузен, о коих см. выше, стр. 418 и 358.

— Черная речка — местность под Петербургом, в Новой Деревне; одно время служила любимым местом летнего пребывания Петербургского «большого света»; там были дачи гр. С. Г. Строганова, С. С. Ланского, М. В. Ланской, Н. И. Депрерадовича, Комендантская дача (где в 1837 г. состоялась дуэль Пушкина) и мн. др. Летом 1830 г. на Черной речке, где жила Е. М. Хитрово (которую посещал Пушкин), проживал с женою и бар. А. А. Дельвиг, часто навещаемый поэтом и его братом Львом (см. Бар. А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, стр. 107—108; ср. выше, стр. 455). В 1833 и 1835 гг. здесь проводил летние месяцы и Пушкин с семьею, проживая на одной из дач метр д'отеля Миллера.

363. *А. Н. Гончарову* (стр. 103). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 503; подлинник (запечатанный печатью на черном сургуче с гербом Пушкиных под графскою короною) был в Музее Калужской Ученой Архивной Комиссии.

— В начале письма Пушкин говорит о неудаче своего ходатайства перед Министром Финансов гр. Е. Ф. Канкриным о выдаче ссуды А. Н. Гончарову для поправления его запутанных дел (см. выше, в письмах № 349, 353, 358, 361 и ниже, № 368). Говоря о Канкрине, П. И. Бартенев пишет: «Великий трудолюбец находил себе отдохновение в изящных искусствах. он был архитектор и музыкант. Служившие при нем В. Г. Бенедиктов и кн. П. А. Вяземский были ему близкими людьми. И Пушкин навещал его» (см. «Русск. Арх.» 1890 г., кн. II, стр. 97). По его ходатайству весь долг, числившийся на Пушкине в день его смерти (33 т. р.) был прощен государем, при чем пожаловано было почти сто тысяч на уплату частных его долгов, 50 тысяч на издание сочинений (кроме годовой пенсии вдове и детям в 11 тысяч рублей). «За одно это друзья Русского здравого про-

 свещения да благословляют имя графа Канкрина» («Русск. Арх.» 1898 г., № 3, 1-я обложка). В 1835 и 1836 гг. Пушкин входил в непосредственные письменные сношения с Канкриным по поводу денежных своих дел (см. его письма под этими годами).

— Василий Львович Пушкин, как указано было выше, скончался 20 августа 1830 г. (см. выше, в письме № 362); письмо поэта к «дедушке» писано на другой день похорон его в Донском монастыре.

— Нижегородская деревня — село Болдино, Лукояновского уезда Нижегородской губернии, на речке Азане или Сазанке, в северной части уезда; Пушкин поехал туда потому, что «домашние обстоятельства требовали непременно его присутствия в Нижегородской деревне» (см. заметку Пушкина о холере); по объяснению Анненкова, он поехал «для принятия и оценки той части ее, которая была отдана ему Сергеем Львовичем во владение («Материалы», стр. 279); в это владение он, действительно, и был введен 16 сентября Дворянским заседателем губ. секр. Давыдом Егоровичем Григорьевым («Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 99; «Месяцеслов» на 1831 г., ч. II, стр. 214). О Болдине, в 1911 г., положением Совета Министров 27 апреля, приобретенном в казну за 30.000 рублей от внука Л. С. Пушкина — поручика запаса гвардии Льва Анатолиевича Пушкина, с устройством в усадьбе библиотеки-читальни имени Пушкина (газ. «Речь» 1911 г., № 82, 83 и от конца апреля), — см. брошюру А. И. Звездина: «О Болдинском имении А. С. Пушкина в Нижегородской губернии и о пребывании в нем поэта в 1830-х годах», Нижний-Новгород. 1912; ср. В. Вересаев, «Пушкин в жизни», вып. III, М. 1927, стр. 26—27.

364. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 103). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 13—14, в переводе с французского языка; подлинник был у графини Н. А. Меренберг.

— О размолвке Пушкина с его будущею тещею см. в следующих письмах: к кн. В. Ф. Вяземской и к П. А. Плетневу (№№ 365, 366, 369 и 370); последнему он также с горечью писал: «Чорт меня догадал бредить о щастии, как будто я для него создан»... В письме к невесте от 9 сентября (№ 367) поэт благодарил ее за разъяснение происшедшего недоразумения.

365. *Княгине В. Ф Вяземской* (стр. 104). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 171—172, по нашему сообщению; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

Перевод: «Я уезжаю, рассорившись с г-жею Гончаровой. На другой день после бала она устроила мне самую смешную сцену, какую только вы можете себе представить. Она наговорила мне таких вещей, которых, по совести, я не мог слушать. Я не знаю еще, расстроилась ли моя женидьба, но повод для этого на лицо, и я оставил дверь раскрытою настежь. Я не хотел говорить об этом князю [Вяземскому], — скажите ему сами и оба сохраните это втайне. Ах, что это за проклятая штука счастье! Прощайте, дорогая княгиня! Напишите мне словечко в Лукоянов, в село Болдино.» — Ответное письмо кн. Вяземской нам неизвестно.

— О размолвке с тещею см. в предыдущем и в следующих письмах №№ 364, 366, 369 и 370.

— Перед своим отъездом из Москвы Пушкин, в августе 1830 г., съездил к Вяземским в Остафьево; по словам П. И. Бартенева, он «не успел еще расплатиться, как домовой слуга стал гнать ямщика от большого подъезда. Пушкин крикнул: «Оставь его! Оставь его!» («Русск. Арх.» 1911 г., кн. II, стр. 553).

366. *П. А. Плетневу* (стр. 104). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1870 г., ст. 1367—1368 и в Соч. Плетнева, т. III, стр. 354; подлинник, на бумаге без вод. зн. (запечатан печатью с гербом Пушкина под графской короной) в Гос. Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского, которому письмо было передано Плетневым, очевидно, для прочтения.

— «Не хотел со мною проститься» — перед отъездом Пушкина из Петербурга 10 августа 1830 г.

— Пушкин выехал в Болдино 1 или 2 сентября. Первую дату указывает кн. Вяземский в письме своем от 2 сентября 1830 г. из Остафьева к Е. М. Хитрово: «По милости Пушкина», читаем здесь: «то, что вы ему посылаете, доходит рикошетом до меня, и я благодарен вам. Он только что вчера уехал в свое Нижегородское имение, и его отсутствие должно затянуться недели на три» («Отчет Имп. Публ. Библ. за 1895 г.», прил., стр. 60 и «Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 85). Между тем, Погодин в Дневнике своем отметил под *2 сентября 1830 г.*: «У Пушкина и Вяземского. Нежности» (М. А. Цявловский — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 109). Пушкин поехал на Арзамас через Богородск, Владимир, Судогду, Муром и Севаслейку, — путем, подробно указанным, между прочим, в анонимной книжке: «Несколько суток в дороге от С.-Петербурга к Симбирску», С.-Пб. 1840, стр. 8 — 10. Холера тогда развивалась, быстро приближаясь к Москве, и Вяземский успокаивал Е. М. Хитрово: «Не беспокойтесь, — это не в той стороне, куда уехал Пушкин», при чем далее шутил, что теперь, когда он объявил поклоннице поэта об отъезде последнего, и ему, Вяземскому, не придется уже ожидать от нее писем, однако прибавлял: «Пушкин в городе живет у меня, и если вы будете ему писать или надумаете мне отвечать, то вот мой адрес: в доме кн. Вяземского, в Чернышевском переулке» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 86). № 366

— «Тридцать лет, или Жизнь игрока» — известная и популярная мелодрама Дюканжа (Victor-Henri-Joseph Brahain Ducange; род. 1783, ум. 1833) «Trente ans, ou la Vie d'un joueur»; поставленная на Петербургской сцене в год появления ее во Франции — в 1827 г., она, по словам П. А. Каратыгина, «произвела необыкновенный фурор; ее давали почти ежедневно. В этот период времени романтизм начал серьезно угрожать классицизму. Хотя и прежде наш репертуар имел много мелодрам с бенгаликой и трескучими эффектами, но они не были опасны классическим трагедиям.... Но с появлением «Жизни игрока» повеяло какой-то заманчивой новизной, и вкус публики к классицизму с того времени начал заметно ослабевать.... «Жизнь игрока» была поставлена тогда великолепно и разыгрывалась с большим ансамблем, но «пальма первенства», по общему мнению, была отдана тогдашнему любимцу публики, трагику Василию Андреевичу Каратыгину (см. Записки П. А. Каратыгина, С.-Пб. 1880, стр. 163 — 164); игрою последнего в этой пьесе восторгалась публика и в значительно позднейшую эпоху (ср., напр., восторженные отзывы В. А. Панаева в его Воспоминаниях — «Русск. Стар.» 1901 г., № 10, стр. 117 — 118). «Меня вчера затащили смотреть гнусную эту пиесу: «30 лет, или Жизнь игрока», — писал из Москвы своему брату А. Я. Булгаков 9 апреля 1828 г.: «Я бы запретил такие представления. Тут три эпохи игрока. В первой половине старый отец, после всех тщетных усилий усовестить и исправить сына, который только что женился, произнеся над ним проклятие, падает и умирает. Сын предает себя всем преступлениям. Жена его ангел; она следует всюду за ним, видя его всеми брошенным и осужденным на эшафот. Есть сцены, кои душу раздирают и в ужас приводят. Я, право, не мог дослушать и уехал, не дождавшись последней эпохи игрока. Волков также дал себе слово никогда не бывать. Mais comme on aime les grandes émotions! Imaginez-vous que cet immense théâtre était tout plein, surtout des femmes. Я нашел одну в корридоре, которой давали капли и воду пить; везде были слышны слезы» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. III, стр. 142). О «Жизни игрока» см. у Н. П. Кашина: «Этюды об Островском», т. I, 1912, стр. 11 — 12, и в сборнике «Русский романтизм», под ред. А. И. Белецкого, Лгр. 1927.

— «Московские сплетни» о расстроившейся будто бы свадьбе Пушкина дошли, между прочим, и до Хомякова, который летом 1830 г., из деревни своей, просил Н. А. Муханова сказать ему «словечко о графе Закревском и о свадьбе Пушкина», прибавляя при этом: «Je deviens commère» (Сочинения, т. VIII, М. 1900, стр. 23).

— Осень была любимым временем Пушкина, когда творческие силы его проявлялись с наибольшею производительностью: см., напр., выше,

 в объяснениях к письмам № 250, 251 и 275 (стр. 254, 257 и 292), а также незаконченное стихотворение «Осень» («Октябрь уж наступил»....).

367. *Н. Н. Пушкиной* (стр. 105). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 14, в переводе с французского языка; подлинник был у графини Н. А. Меренберг.

— Письмо, за которое Пушкин благодарит свою невесту, он получил в тот же день (ср. запись его под 9 сентября: «Письмо от Natalie» — «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV, стр. 339, и в письме к Плетневу № 369): в нем Н. Н. Гончарова, в ответ на тревожную записку поэта, писанную перед самым выездом его из Москвы (см. выше, № 364), успокаивала его мнительность (см. ниже, в письмах к Плетневу № 369 и 370).

— По поводу писем Н. Н. Гончаровой к Пушкину кн. Е. А. Долгорукова, рожд. Малиновская, рассказывала П. И. Бартеневу: «Когда он [Пушкин] жил в деревне, Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтоб он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого. Пушкин настаивал, чтоб поскорее их обвенчали, но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привез денег и просил шить приданое»... («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 64).

— «Отдельною записью», совершенною в Петербурге 27 июля 1830 г. чиновником 5 класса и кавалером Сергеем Львовичем Пушкиным, последний дал сыну своему, дворянину, коллежскому секретарю Александру Сергеевичу Пушкину, из собственного своего недвижимого имущества (доставшегося ему по наследству после умершего родного брата его, подполковника Петра Львовича Пушкина, в 1825 г. и состоящего Нижегородской губернии, Сергачского уезда, в сельце Кистеневе, Тимашево тож, на речке Чеке, с 474 душами мужского пола и с 1461 дес. земли) из незаложенных 274 душ — 200 душ мужского пола с женами и детьми в вечное и потомственное владение; в числе свидетелей этой сделки подписался «коллежский советник и кавалер князь Петр Андреевич Вяземский». Как видно из пометы, сделанной на этой записи в Сергачском Земском Суде, «Г. Пушкин введен был во владение через Дворянского Заседателя [Давыда Егоровича] Григорьева 1830 года сентября 16 дня, в получении коих крестьян во владение и дана самим помещиком тому заседателю Григорьеву расписка» (Б. Л. Модзалевский, «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 99; «Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 383 — 384). Именьице было небольшое и захудалое, и пользы Пушкину было от него мало (см. в письмах его от 1 и 2 мая и 3 июня 1835, 3 и 14 июня 1836 г.), — тем более, что перед свадьбой он заложил его тысяч за 40, — и впоследствии доходы шли главным образом на покрытие долга Опекунскому Совету. Переписку Пушкина по этому имению с управляющим, I. М. Пеньковским см. ниже, под 1834 — 1836 гг. и в «Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 435 — 439 (подлинники писем — ныне в Пушкинском Доме).

— Холера, или «Cholera morbus», как ее тогда называли, перед отъездом Пушкина из Москвы уже подходила к столице: «Из некоторых губерний приходят к нам сюда довольно печальные известия», — писал кн. П. А. Вяземский 2 сентября 1830 г., из Остафьева, Е. М. Хитрово: «cholera morbus делает в них свои опустошения. Но не беспокойтесь: это не в той стороне, куда уехал Пушкин», — прибавлял он в утешение поклоннице поэта («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 86), — впрочем не совсем искренно, так как сам Пушкин рассказывает, что перед самым его отъездом из Москвы Вяземский показал ему «письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской в Саратовскую губернию. По всему видно было», говорит поэт: «что она не минует и Нижегородской. О Москве мы еще не беспокоились. Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем

воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу. Приятели, у коих дела были в порядке или в привычном беспорядке, — что совершенно одно, — упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество. — На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши! Воротиться в Москву казалось мне малодушием, я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок, — с досадой и большой неохотой. — Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляются деревни, учреждаются карантины; [народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное — непривычному своему стеснению; мятежи вспыхивают то здесь, то там нелепые]. Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине».... («Заметка о холере»). 30 сентября 1830 г. Д. Н. Блудов с тревогою писал жене своей из Петербурга за границу: «Все заняты мерами для охранения общего здоровья против... Cholera morbus. Мы надеялись, что она скоро прекратится, — и в самом деле прекратилась в том месте, где наиболее свирепствовала, т.-е. в Астрахани; но за то, хотя и слабее, однако же показывается и в иных местах, наконец, — и в Нижегородской губернии. Сегодня я получил известие от прокурора, что, несмотря на предосторожности, принятые губернским начальством, болезнь из самого города Нижнего, в котором открылась сначала, распространилась и на окрестности и достигла Балахны» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1273, а также 1277 — 1278, 1278 — 1279).

— Наталья Ивановна — Гончарова, будущая теща Пушкина.

— Афанасий Николаевич — «дедушка» Гончаров; см. следующее письмо ему № 368.

— M-lles Catherine и Alexandrine — Гончаровы, старшие сестры невесты Пушкина; о них см. выше, в объяснениях к № 356, стр. 451 — 452.

368. *А. Н. Гончарову* (стр. 105). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1881 г., кн. II, стр. 503 — 504; подлинник был в Музее Калужской Ученой Архивной Комиссии.

— Письмо А. Н. Гончарова, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось. «Дедушка» упрекал поэта за неудачу его ходатайства перед Министром Финансов гр. Е. Ф. Канкриным о ссуде на поправку дел Гончарова; см. выше, в письмах №№ 349, 353, 358, 361 и 363.

369. *П. А. Плетневу* (стр. 106). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1870 г., ст. 1368 — 1370; подлинник (на бумаге без вод. зн., запечатан гербовой печатью Пушкина с графской короной) — в Гос. Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского, которому, очевидно, письмо было передано Плетневым для прочтения.

— «Премеланхолическое» письмо Пушкина к Плетневу см. выше, под № 366.

— В своих Воспоминаниях о Пушкине М. Н. Макаров, говоря о смерти и похоронах В. Л. Пушкина, рассказывает следующую любопытную подробность: «И. И. Дмитриев, подозревая причиной кончины Василия Львовича холеру, не входил в ту комнату, где отпевали покойника. Александр Сергеевич уверял, что холера не имеет прилипчивости и, отнесясь ко мне, спросил: «Да не боитесь ли и вы холеры?» Я отвечал, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю. — «Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймут холеру. Тут всё лекарство один courage, courage и больше ничего». Я указал ему на словесное мнение Ф. А. Гильтебранта, который почти то же говорил. «О, да! Гильтебрантов немного», заметил Пушкин. — Именно так было, когда я служил по делам о холере. Пушкинское магическое слово *courage, courage* спасало многих от холеры» («Современник» 1843 г., т. XXIX, стр. 384).

— О смерти и похоронах В. Л. Пушкина см. выше, в объяснениях к № 362, стр. 458. Статьи П. А. Катенина, которые показались В. Л. Пуш-

№ 369. кину столь скучными, печатались в ряде №№ «Литературной Газеты» 1830 г. под общим заглавием «Размышления и разборы»: «Об изящных искусствах» и «О поэзии вообще» (№ 4), «О поэзии Еврейской» (№ 5), «О поэзии Греческой» (№ 9, 10 и 11), «О поэзии Латинской» (№ 19, 20 и 21), «О поэзии новой сначала» (№ 32 и 33), «О поэзии Итальянской» (№ 40, 15 июля; № 41, 20 июля; № 42, 25 июля) (здесь есть любопытное суждение о «Руслане и Людмиле»); № 43, 30 июля и № 44, 4 августа; последние статьи — «О поэзии Испанской и Португальской» (№ 50 и 51) и «О Театре» (№ 68, 69, 70, 71 и 72) появились уже после смерти В. Л. Пушкина — в сентябре — декабре 1830 г. О них см. в «Письмах П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», под ред. А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 96—100, 146, 152, 155, 160, 161, 163, 167 и далее.

— «Le cri de guerre à la bouche» — «С боевым кличем на устах».

— О цензоре Н. П. Щеглове см. выше, в письме № 313 и в объяснениях к нему, стр. 380.

— «Премиленькое письмо» Н. Н. Гончаровой, на которое Пушкин отвечал ей в самый день его получения (см. выше, № 367), до нас не сохранилось.

— Барон А. А. Дельвиг был занят в это время изданием «Литературной Газеты» и подготовлением «Северных Цветов на 1831 год»; см. ниже, письмо к нему Пушкина от 4 ноября 1830 г. (№ 377). Незадолго перед тем, 7 мая 1830 г., у него родилась дочь Елизавета (умерла в 1913 году).

— Канкрин — Министр Финансов; см. выше, стр. 455 и 466.

— Перед самым отъездом Пушкина из Петербурга в Москву вместе с кн. Вяземским (см. выше, стр. 456, объяснения к № 361), в № 94 «Северной Пчелы» от 7 августа 1830 г. появилось «Второе письмо из Карлова на Каменный Остров», принадлежавшее, как и Первое, перу Булгарина, содержавшее в себе выпады против сотрудников «Московского Вестника» и «Литературной Газеты», в частности против Пушкина, и оканчивавшееся следующею грубейшею выходкою по адресу последнего: «Рассказывают анекдот, что какой-то Поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрону, происходя от Мулата или, не помню, от Мулатки, стал доказывать, что один из предков его был Негритянский Принц. В Ратуше города доискались, что в старину был процесс между шхипером и его помощником за этого Негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шхипер доказывал, что он купил Негра за бутылку рому. Думали ли тогда, что к этому Негру признается стихотворец. Vanitas vanitatum». Пушкин, повидимому, намерен был ответить на пасквиль Булгарина заметкою: «В одной газете, почти официальной, сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал.... был куплен шкипером за бутылку рому» и т. д., — но не отделал ее и поместил в № 45 «Литературной Газеты», от 9 августа, заметку (без подписи) — «Новые выходки против так называемой Литературной нашей Аристократии», аналогичную с напечатанною ранее там же (№ 36 от 25 июня) его же заметкою: «С некоторых пор Журналисты наши упрекают Писателей».... 16 октября 1830 г., через месяц после письма своего к Плетневу, Пушкин закончил создание «Моей родословной», в Post-Scriptum которой и заключил свою отповедь Булгарину. Переписку Бенкендорфа, кн. К. А. Ливена, К. М. Бороздина, бар. Дельвига и цензора Н. П. Щеглова по поводу статьи Пушкина в № 45 «Литературной Газеты», навлекшей на Дельвига выговор Бенкендорфа, — см. в статье Н. К. Замкова: «К цензурной истории произведений Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 53 — 62.

— В письме от 9 декабря 1830 г. к Плетневу, заведывавшему изданием произведений Пушкина и следившему за их продажею, Пушкин, уже из Москвы, сообщал перечень всего им написанного во время его подневольного Болдинского житья (см. ниже, № 386).

— Трагедия Пушкина — «Борис Годунов», напечатать которую поэт получил разрешение еще весною 1830 г. (см. выше, в объяснениях к письму № 324); заботы об издании ее взял на себя, по обыкновению, Плетнев,

который и выпустил книгу в продажу к 22 декабря 1830 г. (см. «Сев. Пчела» 1830 г., № 153, от 23 декабря; «Дела III Отделения о Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 117; «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 177 и вып. XXIX — XXX, стр. 67 — 68). Предисловие Пушкина осталось ненаписанным; не написал его и Плетнев (см. в объяснениях к письму № 333, стр. 428) — и книга вышла лишь с посвящением ее памяти Карамзина (см. ниже, в письме № 373, стр. 472); продавалась она по 10 р., с пересылкою по 11 р. за экземпляр. *№ 370.*

370. *П. А. Плетневу* (стр. 107). Впервые напечатано в Сочинениях П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 356; подлинник (на бумаге без вод. зн.) — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Письмо Плетнева, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Жуковский лето 1830 г. проводил в Царском Селе. Повидав его, кн. Вяземский писал И. И. Дмитриеву: «Он всё тот же, — добр, чист, благодушен, как истинный ученик Карамзина; но для дружбы также потерян, т.-е. для друзей. Решительно весь день его посвящен учению внутреннему или внешнему: он или учится, или учит [12-летнего наследника Александра Николаевича]. Дай бог трудам его иметь успех и дать ему России если не поэму, то героя поэмы для будущих поэтов Русских» («Русск. Арх.» 1868 г.).

— О столкновении с тещей, Н. И. Гончаровой, — см. выше, в письмах Пушкина за № 364, 365, 366, 367.

— В словах: «Но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна* etc.», Пушкин вспоминает свои же стихи о женском непостоянстве из «Цыган», которые он вложил в уста старика, утешающего Алеко:

«Утешься, друг; она дитя;
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она;
Заглянет в облако любое,
Его так нежно озарит, —
И вот уж перешла в другое,
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?..»

— О теще, Наталии Ивановне Гончаровой, и об откладывании свадьбы из-за безденежья, см. выше, стр. 464, в объяснениях к письму № 367.

— Говоря о Филиппе и Полиньяке, Пушкин имеет в виду события Июльской революции во Франции, когда на престол вступил Людовик-Филипп, принявший новую конституцию, выработанную Палатою Депутатов.

— О Полиньяке (Jules-Auguste-Armand-Marie duc de Polignac; род. 1780, ум. 1847), Министре иностранных дел при Карле X, подписавшем 25 июля 1830 г. ордонансы, повлекшие за собою падение Карла X, — Пушкин упоминает и позже, в письмах к невесте (№ 372) и к Вяземскому (№ 379); последний еще в Петербурге, в начале августа, имел «два спора прежарких с Ж[уковским] и П[ушкиным]. С первым за Бордо и Орлеанского. Он говорил, что должно непременно избрать Бордо королем, и что он верно избран будет... С П[ушкиным] спорили мы о *Пероне* [чит.: *Полиньяке*]. Он говорил, что его должно предать смерти, и что он будет предан pour crime de haute trahison. Я утверждал, что не должно и не можно предать ни его, ни других министров, потому что закон об ответственности министров

№ 371. заключался доселе в одном правиле, а еще не положен и следовательно применен быть не может. Существовал бы точно этот закон, — и всей передряги не было, ибо не нашлось бы ни одного министра для подписания знаменитых указов. Утверждал я, что и не будет он предан, ибо победители должны быть и будут великодушны. Смерть Нея и Лабедойера опятнали кровью Людовика XVIII. Неужели Орлеанский или кто заступит праздный престол захочет последовать этому гнусному примеру? Мы побились с П[ушкиным] о бутылке шампанского» (Соч., т. IX, стр. 136—137; см. ниже, стр. 479, в объяснениях к письму № 379). Поэт же утверждал, что Полиньяк с другими министрами будет присужден к смертной казни, но проиграл («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 445); узнав, что Полиньяк осужден на пожизненное заключение в тюрьме, поэт писал Вяземскому 2 января 1831 г.: «С П[олиньяком] я помирился. Его вторичное заключение в Венсене, меридиан, начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер-Скотта, — всё это романтически трогательно». Освобожденный по амнистии 29 ноября 1836 г., Полиньяк уехал в Англию, где и умер. Много лет спустя, в известном письме своем к А. Я. Булгакову о дуэли и смерти Пушкина, кн. П. А. Вяземский, в подтверждение своего убеждения в том, будто с годами Пушкин совсем оставил либеральные мечтания своей молодости, писал: «Он был аристократом по чувству и убеждению. В Июльскую революцию он на стороне Генриха V и остался на ней до конца, предавая посмеянию и пороча новый порядок во Франции»... («Русск Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 352).

— О «проповеди» Пушкина Болдинским крестьянам дошел до нас такой рассказ известного писателя П. Д. Боборыкина: «Дядя П. П. Григорьев любил передавать мне разговор [Пушкина] с тогдашней [Нижегородской] губернаторшей Бутурлиной... Это было в холерный год. — «Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич?» спрашивала Бутурлина.— «Скучали?» — «Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди». — «Проповеди?» — «Да, в церкви, с амвона, по случаю холеры. Увещевал их. — «И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!» («За полвека», воспоминания — «Русск. Мысль» 1906 г., № 2, стр. 24).

— О жене и дочери Плетнева см. выше, в объяснениях к № 333, стр. 430.

371. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 108). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 14—15, в переводе с французского; подлинник был у графини Н. А. Меренберг; французская фраза приведена из черновых материалов Анненкова для биографии Пушкина (в Пушкинском Доме; ср. выше, № 357 и 358).

— Между тем как Пушкин, по его собственным словам, начал думать о возвращении к невесте и беспокоиться о карантине, вдруг 2 октября получил он известие, что «холера в Москве. [Я попался в западню,—как то мне будет вырваться на волю]». «Страх меня пронял», — пишет он, — «в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава! — Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их [выведывать о карантине, о начальнике]; ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где нибудь да учрежден карантин, что не сегодня так завтра на него наеду [вынести положенный срок], и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета» («Заметка о холере»). В письме к невесте от 29 ноября Пушкин писал: «Я должен был оставить Болдино 1 октября. Накануне еду я, верст за тридцать отсюда, к княгине Голицыной, чтобы узнать в точности число карантинов, каков путь самый краткий и пр. Так как ее деревня на большой дороге, то княгиня взялась разузнать всё доподлинно. На следующий день, 1 октября, возвратившись домой, я получаю известие, что холера распространилась до Москвы, что там государь и что жители все оставили город» (см. ниже, письмо № 381). Однако, Пушкину не удалось тогда проехать далеко, — и он вынужден

был возвратиться в Болдино (см. ниже, в письмах № 373, 375, 381); вторую попытку выехать он сделал в начале ноября, но также неудачно (№ 379, 380 и 383). № 371.

— Не Богородицк, а Богородск — уездный город Московской губернии; в нем была одна из четырех пограничных обсервационных застав («Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 98).

— Французская фраза из подлинного письма взята нами, как сказано выше, из черновой рукописи П. В. Анненкова, в которой он, читая письма Пушкина к невесте и жене, делал их пересказ, приводя иногда и целые подлинные фразы Пушкина; фраза эта означает: «чтобы приехать в эту прелестную страну грязи, чумы и пожаров, — так как мы только это и видим» (Рукопись в Пушкинском Доме).

— «Le Grand papa» — «дедушка», А. Н. Гончаров, заставивший Пушкина хлопотать о позволении продать на расплавление бронзовую статую Екатерины II, которую он здесь, как и раньше, называет «бабушкой» (Grand'maman). Ср. выше, стр. 438—440.

— Дед Пушкина, Лев Александрович, родившийся 17 февраля 1723 г. от несчастного брака Александра Петровича Пушкина с Евдокией Ивановной Головиной (убитой своим мужем в 1725 году), — служил в Семеновском полку и в артиллерии и с сентября 1763 находился в отставке подполковником. При вступлении на престол Екатерины II он, как свидетельствует его внук-поэт, «во время мятежа остался верен Петру III и не хотел присягать Екатерине и был посажен в крепость вместе с Измайловым».

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин, —

писал Пушкин в «Моей родословной», — быть может в тот самый день, в который вспоминал о деде и в письме к невесте. В крепости он «содержался два года», был оттуда «выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и в своих деревнях». «Дед мой», рассказывает поэт в другом месте: «был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и *которого он весьма феодально повесил на черном дворе*. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постель всю разряженную и в бриллиантах. Всё это», прибавляет поэт: «я знаю довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли». Рассказ поэта о его деде не поддается проверке, за исключением факта с повешением учителя; в имеющемся у нас формулярном списке о службе Л. А. Пушкина значится, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе Венецианца Харлампия Меркадии был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить». Эти то «непорядочные побои» и послужили, вероятно, материалом для создания легенды о жестокой расправе Л. А. Пушкина с учителем. По крайней мере отец поэта, С. Л. Пушкин (человек мало искренний), прочитав в 1840 г. впервые напечатанный тогда отрывок из Записок сына, счел обязанностью вступиться за «священную память» своего отца, «добродетельнейшего из

№ 372. людей» (по его утверждению) и писал по этому поводу: «Он был любим, уважаем, почитаем даже теми, которые знали его по одному слуху. Взаимная любовь его и покойной матери моей была примерная. Никто не помнил и не слыхал ни о малейшем отступлении от верности, от должного уважения друг к другу во всё продолжение их 30-ти летнего союза. История о французе и первой жене отца моего много увеличена. *Отец мой никогда не вешал никого.* В поступке с французом участвовал родной брат его жены, А. М. Воейков; сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием, — и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отец мой и в счастливом супружестве с моею матерью с нежностью вспоминал о первой жене своей» («Современник» 1840 г., т. XIX, стр. 102 — 106). Л. А. Пушкин скончался 25 октября 1790 г. и погребен в старом соборе Донского монастыря (см. Б. Л. Модзалевский, «Род Пушкина» — в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. I, стр. 4 — 6).

— Наталья Ивановна — Гончарова, теща Пушкина.

— M-r Serge — Гончаров, младший брат невесты Пушкина, тогда 15-летний юноша (он родился 11 февраля 1815 г.); 16 апреля 1832 г. он начал службу, поступив унтер-офицером в Киевский гренадерский полк, из которого 24 июля 1835 г. произведен был корнетом в Ингерманландский гусарский полк, а 16 апреля 1836 г. уже вышел поручиком в отставку, в которой пробыл до декабря 1844 г., когда определился чиновником особых поручений в Московскую Контору Ассигнационного Банка; с января 1850 г. был Заседателем Московского Совестного Суда, под конец жизни состоял старшиною Московского Городского сословия и умер в Москве 28 ноября 1865 года. После женитьбы Пушкина С. Н. Гончаров жил у него; в «Русск. Арх.» 1877 г. (кн. II, стр. 98 — 99) приведены рассказы его о поэте, характер которого он считал «самым счастливым для семейной жизни». — С. Н. Гончаров был дважды женат; по поводу второй его женитьбы, в 1847 г., на Анне Алексеевне Смирновой, — Г. Д. Щербачев в Воспоминаниях своих пишет: «Гончаров был во всех отношениях прелестный жених; ум, образование, благородное сердце и вместе с тем хорошее состояние и прекрасная наружность, — всё соединилось в нем» («Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 219). См. еще в сб. «Русские Ведомости». М. 1913, стр. 4 — 6. От обоих браков С. Н. Гончаров имел четырех сыновей и пять дочерей; из сыновей его Сергей Сергеевич (род. 1842, ум. 1918), юрист-практик, был членом Государственного Совета.

— О братьях Н. Н. Гончаровой Иване Николаевиче и Дмитрии Николаевиче см. выше, стр. 396 и 452, в объяснениях к письмам №№ 318 и 358.

372. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 109). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 15 — 16, в переводе с французского языка; часть, напечатанная курсивом, писана по-русски; подлинник был у графини Н. А. Меренберг. Французская фраза взята нами из черновых материалов Анненкова для биографии Пушкина (в Пушкинском Доме; ср. выше, №№ 357, 358, 371).

— Въезд в Москву был запрещен потому, что и в ней, в 10-х числах сентября, появилась холера. а еще за несколько дней до того, по приказанию Николая I от 23 августа, были учреждены вокруг Москвы карантины. «Нет никакого сомнения», писал император: «что болезнь сия сообщается через зараженный воздух; потому пропуск больных людей или имеющего в себе зародыш сей болезни, хотя еще не открывшейся в нем, опасен не чрез прикосновение к нему, но чрез дыхание при разговорах . . . Стало, оцеплять зараженные места или прекращать с ними сообщение необходимо, но без окурок и тому подобного» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. III, стр. 295). Появление холеры в Москве произвело ошеломляющее впечатление. Так, кн. Вяземский писал Жуковскому 26 сентября: «Я всё это время был под давлением единой, душной, нерассеваемой мысли: холера в Москве»... («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 357), а в Дневнике своем под 3 октября, в Остафьеве, повествовал следующее: «Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве. 17-го [Сентября] вечером приехал я в Москву с Николаем Трубецким. Холера и Парижские

дела были предметами разговора нашего. Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком расползлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет . . . Все думали, что она поветрие, и потому и дали ей ход . . . На другой день . . . узнал, что неприятель в Москве, что в тот же день умер студент, что умерло в полиции несколько человек от холеры. Меня всего стеснило и ноги подкосились . . . Приехав в Остафьево, горячо принялся я за учреждение предохранительных мер всякого рода . . . Мы с женою ездили к Четвертинским и на Калужской дороге встретили мужиков, возвращающихся из Москвы; они кричали нам: *мор*» (Соч., т. IX, стр. 140 — 141.) «Со вчерашнего дня Москва заперта», — писал Ф. Кристин гр. С. А. Бобринской 2 октября 1830 г.: «в течение 12 дней ее покинуло 60 тысяч человек. Теперь никто не выедет и не въедет без нового распоряжения . . . Все кричат о страшной опасности . . . » («Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 141). И. И. Дмитриев 6 ноября писал кн. Вяземскому из Москвы: «Первые дни или, лучше, недели посещения холеры были тяжки и для морали, и физики. Я пытался развлекать себя выездами, куда можно, — но везде только и слышал о холере: по улицам встречаешь пасмурные лица с закутанными ртами, иногда же и четвероместную карету с двумя назади или на козлах полицейскими: тощая тройка тащит ее тихим шагом . . . » («Стар. и Новизна», кн. II, стр. 160). Такие же переживания были, конечно, и у всех в Москве в ту страшную, первую в России холеру. Живо рассказывает об этих переживаниях, напр., упомянутый Ф. Кристин в письмах к графине С. А. Бобринской («Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 136 — 151), Т. П. Пассек в своих Воспоминаниях (т. I, С.-Пб. 1905, стр. 312 — 316), Погодин в письмах к С. П. Шевыреву («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 167 — 175), тот же Вяземский в своей Автобиографии (Соч., т. I, стр. XLIX — LI), Я. И. Костенецкий в «Воспоминаниях» («Русск. Арх.» 1887 г., кн. I, стр. 328 — 330) и другие. Пушкин беспокоился, узнав, что, несмотря на то, что холера пришла в Москву, невеста его оттуда не выехала (см. ниже, в письмах №№ 374, 376, 379, 380, 381). № 373.

— Молодая женщина из Константинополя, гречанка, уверявшая, что только «сволочь» (la canaille) умирает от холеры, могла быть встречена Пушкиным в его поездку в Арзрум, а может быть и раньше, в период его Кишеневской или Одесской жизни (ср. выше, стр. 464, выписку из Заметки Пушкина о холере и о фатализме азиатцев, и ниже, в письме от 19 или 20 июня 1831 г. к Е. М. Хитрово, в котором Пушкин упоминает о «la petite grecque», как о знакомой Е. М. Хитрово — см. сборник «Писем Пушкина к Е. М. Хитрово», Лгр. 1927 г., стр. 123 — 124).

— Французская фраза (перевод ее: «Не знаю, что делается на белом свете и как поживает мой друг Полиньяк») взята нами из упомянутой выше черновой рукописи Анненкова, содержащей пересказ писем Пушкина к невесте и жене.

— О Полиньяке см. выше, стр. 467, в объяснениях к письму № 370. Сообщая Е. М. Хитрово о приближении холеры к Москве, кн. Вяземский писал ей 2 сентября: «Вот бич, который стоит Полиньяка и, к несчастию, в данном случае для него нет оппозиции» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. II, стр. 86).

— «Дедушка с его медной бабушкой» — Афанасий Николаевич Гончаров и бронзовая статуя Екатерины II в Полотняном Заводе (см. выше, в письмах №№ 341, 349, 354, 357, 358, 360, 361, 371).

— «Je ris jaune» по-французски значит: «я смеюсь желтым», «желчью», — «смеюсь сквозь слезы»; пуассардки — торговки рыбою. Пушкин намекает на так называемый «пуассардский жаргон», т.-е. уличный парижский язык, «арго».

373. *П. А. Плетневу* (стр. 110). Впервые напечатано в Сочинениях П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 357; подлинник (на бумаге — вод. зн. УФНсП 1830), запечатанный гербовою печатью Пушкина с графскою короной, — в Пушкинском Доме Академии Наук.

№ 374. — О попытке Пушкина проехать в Москву см. выше, стр. 468—469.

— Письма «своим», о которых говорит Пушкин в начале письма, до нас не сохранились.

— Слова: «хоть я и не из иных прочих, так сказать» напоминают рефрен из шуточного стихотворения Пушкина (1828 г.) «Рефутация Беранжера»:

Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать,—
Но встарь мы вас наказывали строго:
Ты помнишь ли, скажи,..... мать.

См. Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. VII — VIII.

— Об имении Булгарина «Карлово», под Дерптом, Пушкин вспомнил по поводу недавнего на него пасквиля, появившегося в Булгаринском «Втором письме из Карлова на Каменный Остров» и вызвавшего 16 октября 1830 г. негодующие строфы «Моей Родословной» (см. выше, стр. 466, в объяснениях к письму № 369).

— В то же самое время, что̀ Пушкин в письме к Плетневу вспоминал Дельвига, последний, 29 октября 1830 г., писал кн. Вяземскому из Петербурга в Остафьево: «Пушкин наконец, дал о себе весть. Он в Нижегородской деревне и сбирается в Москву, в которую, вероятно, его не пустят» («Стар. и Новизна», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 39). Ср. ниже, письмо к Дельвигу от 4-го ноября (№ 377).

— Атлант — мифический титан, превращенный Юпитером в гору и обреченный поддерживать небо на своих плечах. «Литературная Газета» вскоре подверглась запрещению и временно приостановилась, а Дельвиг лишен был права редактировать ее.

— «Борис Годунов» тогда уже печатался.— Бенкендорф 22 октября 1830 г. уведомил Министра Народного Просвещения кн. К. А. Ливена, что высочайше разрешено печатать «Годунова» в Типографии Департамента Народного Просвещения («Русск. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 705 — 710; «Дела III Отделения об А. С. Пушкине», С.-Пб. 1906, стр. 8 и 96; Н. К. Замков — «Дело о печатании Бориса Годунова»—«Пушк. и его соврем.», вып. XXIX — XXX, стр. 67 — 68). Книга вышла в свет через 7 недель и, как желал Пушкин, с посвящением Карамзину. Это посвящение, в свою очередь, вызвало четырехстишие Н. Д. Иванчина - Писарева, ревностного поклонника историографа: «На посвящение Пушкиным новейшего своего творения «Годунов» памяти Карамзина» — в «Дамском Журнале» 1831 г., ч. 33, № 7, стр. 104:

Прямого гения все свойства таковы:
Он чтить великое в великом не страшится.
Несносно солнце для совы,—
Орел — к нему стремится!

— Дочери Карамзина — Софья Николаевна (род. 1802, ум. 1856), фрейлина, и княгиня Екатерина Николаевна Мещерская (род. 1806, ум. 1867); о последней см. выше, в объяснениях к письму № 318. Третьей дочери историографа, Елизавете, в 1830 г. было всего 9 лет.

374. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 111). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1. стр. 16; подлинник (на бумаге вод. зн.: УФНсП. 1830), запечатанный гербовою печатью Пушкина с графской короной, — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Это — единственное письмо к невесте, писанное по-русски.

— Письмо Н. Н. Гончаровой от 1 октября, на которое отвечает поэт, до нас не сохранилось.

— О записке от невесты (от 19 ноября) Пушкин упоминает и в письме к ней от 26 ноября (№ 381).

— Вопросы: «Что̀ я? где я?» — «Где ты? что̀ ты?» см. выше, в т. I, в письме № 149, и в т. III письмо к жене от конца июля 1834 г. и в неко-

торых стихах; см. у В. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина», Лгр., 1924, стр. 89. *№ 375.*

— Брат Пушкина, Лев Сергеевич, был тогда еще в Москве: «Левушка в Москве. Он живет с Нащокиным», — писал бар. Дельвиг кн. П. А. Вяземскому 29 октября 1830 г. («Старина и Новизна». кн. V, стр. 39). Поэт жаловался на его молчание в письме к невесте от 26 ноября (№ 381), хотя из письма к Вяземскому от 5 ноября (№ 379) видно, что он тогда уже получил от него долго жданное известие.

— «В Калуге», — т.-е. близ Калуги, у «дедушки», в Гончаровском Полотняном Заводе.

— Матушка — Н. И. Гончарова; сестрицы — А. Н. и Е. Н. Гончаровы.

375. *М. П. Погодину* (стр. 111). Впервые напечатано в «Современнике» 1837 г., т. V (№ 1). стр. 143 (отрывок), затем в «Москвитянине» 1842 г., т. V, № 10, стр. 460 — 461 (неполно); поправка — в «Вестн. Европы» 1887 г., № 5, стр. 406; полностью в книге В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и к Пушкину». М. 1903, стр. 20; подлинник (на бумаге вод. зн.: УФНсП. 1830) — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве.

— Когда холера появилась в Москве и стала «косить жатву жизни», Погодин, по словам его биографа, «не остался праздным зрителем сего бедствия. Он является к Московскому Главнокомандующему [князю Д. В. Голицыну] и заявляет ему, что «в минуту опасности всякий гражданин может подавать голос в пользу общую», и «для прекращения нелепых слухов, производящих уныние в городе», ему «кажется необходимым издавать ежедневный бюллетень, и труд этого издания изъявил готовность принять на себя»; таким образом, «с 23 сентября 1830 г. при Московских Ведомостях и отдельно стала выходить, под редакцией Погодина, «Ведомость о состоянии города Москвы». В объявлении об этом издании, между прочим, сказано: «Для сообщения обывателям верных сведений о состоянии города, столь необходимых в настоящее время, и для пресечения ложных и неосновательных слухов, кои производят безвременный страх и уныние, Московский Военный Генерал-Губернатор князь Д. В. Голицын предписал издавать при временном Медицинском Совете особливую Ведомость, в которой будут сообщаться официальные известия о приключившихся внезапных болезнях и смертях; известия о действиях холеры в прочих местах; разные наставления о том, какие должно жителям принимать предосторожности; известия о мерах, принимаемых Правительством для отвращения заразы». Уведомляя об этом Шевырева, Погодин писал: «Я с 21 сентября с утра до вечера в Медицинском Совете, по уши в ведомостях и рапортах. Наконец дожил я до такого сочинения, — рассмейся, — которое раздается обывателем безденежно». — «Так началась почтенная деятельность Погодина во время холеры», — говорит Н. П. Барсуков («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 203 — 204). «Подобно Ростопчинским афишам в 1812 году, Погодинские бюллетени сделались предметом общего внимания, и Хомяков из своего сельского уединения писал Погодину: «При отъезде из Москвы обещал я вам посильные вклады в *Вестник*; теперь по ежедневным бюллетеням вижу я, что у вас новое, не совсем забавное занятие — объявлять России, сколько добрых людей в Москве на тот свет отправляется. И так, литература на время в стороне, дело не до нее... Даже в 12-му году не с большим нетерпением ожидали газет, чем мы ваших бюллетеней. Нужно ли мне прибавить, с каким удовольствием я всегда взгляну на подпись, доказывающую мне неоспоримо, что по крайней мере один приятель в Москве жив и здоров» (там же, стр. 207 — 208). — Всего «Ведомостей о состоянии города Москвы» вышло 106 — с 23 сентября 1830 г. до 6 марта 1831 г., когда холера в Москве могла быть сочтена прекратившейся. Ср. «Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 167 — 169, 171, 172 — 173, 175 и 177; Г. Геннади, «Словарь», т. III, М. 1908; см. также статью В. М. Остроглазова: «Холера в Москве в 1830 году» — в «Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 93 — 106, — перепечатка из «Моск. Ведом.» 1884 г., № 200 (ср. «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 457 — 458. № 37).

№ 375. — «Вечевая» трагедия Погодина — его «Марфа, посадница Новгородская»; цензурою пропущена была 26 августа 1830 г., а в свет вышла позднее: см. выше, в объяснениях к письмам №№ 335 и 340, стр. 431 и 438, и ниже, в письме Пушкина к Погодину № 383.

— Второй том «Истории Русского народа» Н. А. Полевого вышел в свет в конце августа или в начале сентября 1830 года; в № 51 «Литературной Газеты» от 8 сентября (стр. 22) появилась о том заметка, в которой говорилось: «Сочинителю остается издать, к концу нынешнего года, остальные *десять томов*. Мы уверены, что все эти томы уже написаны, и что какие-нибудь типографические затруднения замедлили появление ныне вышедшего 2-го; уверены, вопреки мнению некоторых других журналистов, что Г. Полевой не стал бы собирать подписку и деньги за такую книгу, которая у него еще в уме, а не на бумаге.... Со всею уверенностью нашею в том, что Г. Полевой выполнит в точности обязанность свою перед публикой, мы всё не можем не подивиться, как успеет он напечатать 10 больших томов в оставшиеся четыре месяца, если большая половина сих уже не набрана и не печатается, или если он не считает, что для рождения *Истории русского народа* каким-либо чудом соединяется два года в один, подобно как для рождения Геркулеса две ночи слилися в одну?... Подождем и посмотрим. Рассмотрение сего 2-го тома будет помещено в одном из следующих № «*Литератур. Газеты*».—Эту обещанную рецензию Дельвиг ожидал получить, вероятно, от Пушкина, который в № 4 (16 января) и 12 (25 февраля) дал отзыв о I томе сочинения Полевого; и действительно, в бумагах Пушкина сохранились черновые наброски статьи о II томе, который, по ироническому мнению Пушкина, имеет «большое преимущество перед первым: 1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее болтовни и противоречий. 2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее. 3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому» (Соч. ред. Венгерова, т. IV, стр 542—545).

— В письме к А. И. Тургеневу из Кишинева от 7 мая 1821 г. (см. выше, т. I, № 22) Пушкин обещал привезти «с своего острова Пафмоса» (место заключения апостола Иоанна, где он написал «Апокалипсис») «сочинение во вкусе Апокалипсиса»: тогда это была, вероятно, «Гавриилиада»; теперь же он послал Погодину свое стихотворение «Герой», вызванное дошедшим до Болдина известием о приезде в холерную Москву Николая I, который желал личным своим присутствием в охваченной паникой и унынием зачумленной столице внести в ее жителей некоторое успокоение и бодрость духа (см. ниже, № 379). Исполняя просьбу поэта, желавшего, по словам Анненкова, чтобы вырвавшееся у него «глубокое чувство удивления было сбережено, как святыня его сердца» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 282), Погодин напечатал его пьесу без подписи имени автора в новом журнале Н. И. Надеждина «Телескоп» (№ 1-й, январь, стр. 46—48); с именем же Пушкина оно впервые появилось уже после его смерти, — в «Современнике» 1837 г., т. V (№ 1), стр. 143—146, в редакцию которого было прислано Погодиным при письме на имя кн. П. А. Вяземского от 11 марта 1837 г.; в нем Погодин, между прочим, писал: «Вот вам еще стихотворение, которое Пушкин прислал мне в 1830 году из Нижегородской деревни, во время холеры. Кажется, никто не знает, что оно принадлежит ему. Судя по некоторым обстоятельствам, да и по словам вашим в письме к Д. В. Давыдову, очень кстати перепечатать его теперь *в Современнике* или, если 1-я книжка уже выходит, — *в Литературных Прибавлениях*. В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему П., не хотевший, однакож, продираться со льстецами. Если решитесь напечатать, то прибавьте для ясности и исторической достоверности: «Редакция получила это стихотворение от такого-то при следующем письме: «Посылаю Вам стихотворение Пушкина «Герой». Кажется никто не знает, что оно принадлежит ему. Пушкин прислал мне оное во время холеры в 1830 году из Нижегородской своей деревни и вот что писал об нем: «Напечатайте где хотите, хоть в Ведомо-

стях, но прошу вас и требую, именем нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если Московская Цензура не пропустит его, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукою переписанное». Я напечатал стихи тогда в Телескопе (1831, № 1, без подписи) и свято хранил до сих пор тайну. Кажется должно перепечатать их теперь. Разумеется никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкиным под стихотворением, после многозначительного *утешься*! 29 сентября 1830, — есть день прибытия государя императора в Москву во время Холеры». — Редакция «Современника» с этим примечанием и перепечатала «Героя».[1] — О приезде Николая I в Москву см. ниже, в объяснениях к № 379, стр. 479. Любопытно, что при печатании в «Материалах» Анненкова 1855 г. отрывка из письма Пушкина: «Посылаю вам из моего Пафмоса апокалипсическую песнь» и т. д. и замечания Погодина, — цензор сомневался в возможности пропустить их, так что только после объяснения Анненкова, что «скрыть благороднейшее чувство удивления к поступку государя, вырвавшееся бескорыстнейшим образом у Пушкина, было бы оскорбительно для памяти последнего», — письмо поэта и замечание Погодина были разрешены к перепечатанию в книге Анненкова («Вестн. Европы» 1881 г., январь, стр. 36). **№ 376.**

— Брат — Лев Сергеевич Пушкин; он находился тогда еще в Москве; 14 декабря 1829 г. он получил отпуск с Кавказа на 4 месяца в Петербург; 21 апреля 1830 г., когда срок отпуска уже истек, он получил продление его еще на два месяца — до 21 июня, затем — еще на две недели — до середины июля, после чего «во время следования к полку [на Кавказ] заболел и находился для пользования в Москве, о каковой болезни его было доставлено от Московского Камендапта надлежащее свидетельство за № 799» («Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, С.-Пб. 1909, стр. 459). В первой половине января 1831 г. он собирался из Москвы съездить к П. А. Вяземскому в Остафьево (см. ниже, в письме к нему поэта), а через месяц, 18 февраля 1831 г., подписался под брачным обыском своего брата, перед его венчанием в Московской Вознесенской церкви (Н Невзоров, «К биографии А. С. Пушкина. Материалы из архивов и др. малоизвестных источников», С.-Пб. 1899, стр. 7). Только 13 мая 1831 г. Л. С. Пушкин прибыл к Нижегородскому полку на Кавказ, но вскоре был переведен в Финляндский драгунский полк, на театр Польской кампании («Архив Раевских», l. с.).

— Письмо Пушкина дошло до Погодина 8 ноября 1830 г., когда он записал в своем Дневнике: «Получил письмо от Пушкина и послал ему Марфу, по его просьбе для разбора» (М. А. Цявловский — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 109).

376. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 112). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 16 — 17, в переводе с французского языка; подлинник был у графини Н. А. Меренберг.

— Отец Пушкина, Сергей Львович, лето 1830 г. проводил в Михайловском, откуда на зиму переехал, по обыкновению, в Петербург. На его письмо с известием о расстройстве свадьбы Пушкин жаловался невесте и 18 ноября (см. ниже, письмо № 380).

— Revenons à nos moutons — буквально значит: «вернемся к нашим баранам», — вернемся к прежней теме, к прежнему разговору. Поговорка пошла от реплики судьи в средневековом фарсе об адвокате Пателене, в котором, при разборе дела о баранах, истец постоянно отвлекается от темы спора.

— Сосед *Адриан*: Пушкин, в только что перед тем (9 сентября) законченной повести «Гробовщик», вывел гробовщика Адриана Прохорова, который пригласил к себе своих клиентов на новоселье по случаю переезда с Басманной на Никитскую, — где находился дом родителей невесты

---

[1] Всё письмо Погодина к Вяземскому см. в Соч. Пушкина, под ред. Морозова, изд. тов-ва «Просвещение», т. II, стр. 497 — 500.

 Пушкина. Вероятно, этот сосед их Адриан действительно проживал около Гончаровых. Ср. выше, стр. 443.

377. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 113). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 283—284 (с пропусками), в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, кн. VI, Лондон. 1861, стр. 100—101 (полностью), в брошюре «Материалы для биографии А. С. Пушкина», изд. Л. Каспровича, Лейпциг. 1875, стр. 102—103, и в «Вестнике Европы» 1881 г., № 1, стр. 14—15 (полностью; подлинник — в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук; проколот в карантине при окуривании.

— Цветочная подать — вклад в альманах Дельвига «Северные Цветы», который выходил обыкновенно в конце года (в декабре 1824 г. вышли «Цветы» на 1825 год и т. д.).

— Говоря о «Литературной Газете», Пушкин еще не знал, что она была приостановлена, и что Дельвиг был устранен от редакторства (см. ниже, в письме № 386 и в объяснениях к нему).

— По поводу тогдашней журнальной полемики и участия в ней Пушкина, а также о затяжке его женитьбы, — о чем сам он говорит в конце настоящего письма своего, В. А. Каратыгин 12 ноября 1830 г. писал Катенину из Петербурга, что «многие говорят, будто эта свадьба расходится. Подивитесь», сообщал он далее: «что и Пушкин наконец читает частые на себя брани в Северной Пчеле и Сыне Отечества; причина та, что он осмелился найти дурным роман Булгарина *Димитрий Самозванец* [см. в объяснениях к письму № 318, стр. 398] — и ругательства посыпались градом, до того площадные, что по высочайшему приказу Булгарина посадили на гауптвахту, где он и сидел сутки» («Библ. Зап.» 1861 г., ст. 599 и «Русск. Арх.» 1871 г., ст. 0244).

— О произведениях, написанных в Болдине, см. ниже, в письме № 386.

378. *П. А. Осиповой* (стр. 113). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 168 (в русском переводе) и в «Русск. Архиве» 1867 г., ст. 135—137; подлинник (на бумаге вод зн.: «УФНсП. 1829») в Государственной Публичной Библиотеке (см. Отчет за 1909 г., Пгр. 1915, стр. 55—56); он проколот в карантине.

Перевод: «В Болдинском уединении получил я сразу два ваших письма. Надобно быть совершенно одиноким, как я в настоящее время, чтобы вполне суметь оценить дружеский голос и несколько строк, начертанных кем-либо из тех, кого мы любим. Я очень рад тому, что, благодаря Вам, отец мой хорошо перенес известие о смерти Василия Львовича. Признаюсь, я очень боялся за его здоровье и за его, такие расслабленные нервы. Он написал мне несколько писем, по которым можно думать, что боязнь холеры заместила в нем печаль. Проклятая эта холера! Не злая ли это шутка Судьбы? Что я ни делал, я никак не могу доехать до Москвы; я окружен целою сетью карантинов — и при этом со всех сторон, так как Нижегородская губерния — самый центр заразы. Тем не менее, послезавтра я выезжаю, и бог знает, сколько [дней] месяцев употреблю на проезд 500 верст, которые обыкновенно я проезжаю в 48 часов. — Вы спрашиваете у меня, что значит слово *всегда*, которое находится в одной из фраз моего письма. Я не припоминаю этой фразы. Но во всяком случае это слово может быть лишь выражением и девизом моих чувств к вам и ко всему вашему семейству. — Мне досадно, если эта фраза имеет какой-нибудь недружелюбный смысл, — и я умоляю вас ее исправить. То, что вы мне говорите о симпатии, — совершенно справедливо и очень тонко. Мы симпатизируем несчастным из некоторого рода эгоизма: мы видим, что, в существе, не мы одни несчастны. В человеке, симпатизирующем другому в счастии, следует предполагать душу весьма благородную и весьма бескорыстную. Но счастие.... это большое *может быть*, как говорил Раблэ о рае или о вечности. Я атеист в отношении счастия, я не верю в него и только подле моих добрых старых друзей начинаю немного колебаться. — Лишь только я приеду в Петербург, — вы получите всё, что я напечатал. Отсюда же не имею никаких способов что-либо послать вам. — Приветствую вас от всего сердца, — вас и всё ваше

семейство. Прощайте, до свидания. Верьте моей совершенной преданности. А. Пушкин». — Письма П. А. Осиповой, на которые отзывается Пушкин, не сохранились, как и письмо Пушкина, о коем упоминает поэт. № 379.

— С. Л. Пушкин с женою и с замужней дочерью О. С. Павлищевой проводил лето 1830 г. в Михайловском, где и получил в конце августа известие о смерти своего брата, поэта В. Л. Пушкина. См. выше, в письмах №№ 362 и 369. Ни одного письма С. Л. Пушкина к сыну до нас не сохранилось.

— Выехать из Болдина Пушкину и на этот раз не удалось.

— Раблэ — знаменитый французский сатирик (François Rabelais; род. около 1490, ум. 1553), автор романов «Gargantua» и «Pantagruel», в которых он сильно задел и духовенство с его догматами. В библиотеке Пушкина сохранился переплетенный экземпляр «Œuvres de F. Rabelais» в Парижском 3-х-томном издании (Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», С.-Пб. 1908, стр. 317, № 1296. IV). — Известный L. Jacob-Bibliophile, в своей «Notice historique sur la vie et les ouvrages de François Rabelais», говорит, что знаменитый сатирик уже в предсмертной агонии, не переставал острить, и когда в комнату вошел паж кардинала du Bellay или кардинала de Châtillon, присланный для осведомления о состоянии больного, последний приказал ему подойти и сказал, уже совсем слабым голосом, едва произнося слова: «Dis à monseigneur, en quelle galante humeur tu me vois, *je vais quérir un grand Peut-être*: il est au nid de la pie, dis-lui qu'il s'y tienne, et pour toi, tu ne sera jamais qu'un fou» (см. Œuvres de F. Rabelais, Nouvelle édition..., Paris, Charpentier, Libraire-Editeur, 1843, p. LXVIII).

— Из последне-напечатанных своих сочинений, еще не посланных им П. О. Осиповой, Пушкин имел в виду, вероятно, издания «Бахчисарайского Фонтана» 1830 г., Седьмой главы «Евгения Онегина», изд. 1830, второе издание Второй главы «Евгения Онегина» (изд. 1830 г.), а также, быть может, «Графа Нулина» (изд. 1827 г., не выпущенное в продажу — см. у Н. Синявского и М. А. Цявловского, «Пушкин в печати», стр. 116 — 117, № 885), «Полтаву» (изд. 1829 г.) и «Стихотворения Александра Пушкина», ч. I и II (изд. 1829 г.).

379. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 114). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 443 — 445; подлинник (на бумаге вод. зн.: УФНсП. 1830) проколот в карантине; он был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; ныне в Центрархиве.

— Письмо Н. Н. Гончаровой к Пушкину, о котором он упоминает, неизвестно. — Семья Гончаровых должна была остаться в Москве потому, что, по распоряжению Николая I, Москва с 1-го октября на некоторое время была оцеплена «и никто из оной выпускаем, а равно и впускаем в оную не был, кроме следующих с жизненными и другими необходимыми припасами»; 14-го октября был для выезжающих установлен 14-дневный карантин. Такое оцепление в Москве продолжалось до 6 декабря 1830 г. («Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 100).

— Выражение «твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооруженна, как у Горациева мореплавателя» взято Пушкиным у И. И. Дмитриева, — из его перевода Горациевой оды I, 3; Пушкин вспомнил следующие стихи:

Конечно, твердою, дубовою корой,
Тройным булатом грудь была вооружена
Того, в ком перва мысль явилась дерзновенна
Неверной поручать стихии жребий свой!

Ср. «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 444.

— О пребывании Льва С. Пушкина в холерной Москве см. выше, в объяснениях к письму № 375, стр. 475. Письмо его к брату-поэту до нас не сохранилось.

— «Зиму 1830 — 1831 г. Боратынские провели в Москве, в которой в это время свирепствовала холера», — пишет М. Л. Гофман: «Москва

№ 379. заметно опустела, жизнь в ней как-то замерла, и об образе жизни Боратынского дает возможность судить его письмо к кн. П. А. Вяземскому, в котором он говорит: «Всё грозное время провел я в Москве, и хотя мне не было весело, но в то же время не так и тошно, как я ожидал. Мы заперлись в своем доме, я никуда не выезжал и никого не принимал» (Соч. Боратынского, изд. «Академич. Библиотеки Русских Писателей», т. I, стр. LXXII; ср. «Стар. и Новизну», кн. V, С.-Пб. 1902, стр. 52).

— «Баламут» — шулерский способ расположения карт в колоде («Словарь Русского языка», изд. Акад. Наук, вып. 1, С.-Пб. 1891, ст. 101), — так, чтобы они, при шулерской же тасовке, всегда оставались в том же порядке (Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 565). П. И. Бартенев эту тираду Пушкина объясняет, как намек на тщетность ожиданий Русским обществом обещанных правительством реформ (см. выше, в письме № 316, и в объяснениях к нему, стр. 393; «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 444).

— Перечень написанного Пушкиным в Болдине см. ниже, в его письме к Плетневу № 389, и в объяснениях к нему, а перечень полемических заметок и набросков — у Н. О. Лернера: «Труды и дни Пушкина», стр. 221 — 232, 462 — 464.

— Слова «и нашего тут капля меду есть» принадлежат Крылову и взяты из его басни «Орел и Пчела»:

...утешаюсь тем, смотря на наши соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть.

— Кн. П. А. Вяземский еще в середине 1820-х годов предпринял составление биографии Д. И. Фонвизина, для которой старательно собирал материалы при помощи И. И. Дмитриева, А. И. Тургенева, Пушкина (см. ниже, в письме № 390). Первоначально он хотел, по просьбе П. П. Бекетова, приложить свою статью к предпринятому последним изданию Сочинений Фонвизина, но оно вышло в свет в 1830 году у Московского книгопродавца И. Г. Салаева и — без статьи Вяземского: она не была готова к этому времени, а между тем постепенно разрослась в монографический труд, который, будучи пропущен цензурою в 1835 г., вышел в свет отдельным изданием лишь в 1848 г. «Я весь в Фон-Визине», писал Вяземский Жуковскому из Остафьева 26 октября 1830 г.: «и по поводу его комедии написал большую статью о нашем театре, которого нет» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 360), а 30 октября, в письме к И. И. Дмитриеву, говорил по поводу своего карантинного сиденья в Остафьеве: «Человеческая природа не выдерживает долго сильного напряжения, нервы в горести и в радости растягиваются мало-по-малу, и за исключением новых потрясений привыкаешь к своему положению. Так было и со мною. Фон-Визин будет обязан за свою биографию холере; по крайней мере, ревностно занимаюсь ею и, по поводу двух комедий его, написал большую главу о нашем театре или феатре... Чтобы напитаться стариною нашею, перечитал я множество русских книг прошлого столетия; дошло дело даже и до Тредьяковского» («Русск. Арх.» 1868 г., № 3, ст. 613). В своей автобиографии кн. Вяземский писал, вспоминая о времени подневольного пребывания своего в деревне в холеру 1830 года: «Первое время заключения было тяжкое... Мало-по-малу мы обжились в своем карантине. Для развлечения моего, пришла мне счастливая мысль. Давно задумал я заняться биографиею Фон-Визина. Несколько страниц было уже написано; материалов под рукою было довольно. Вспомнил я о них, принялся за работу, — и она закипела. Под боком у меня была библиотека обширная, иностранная и Русская. Она была для меня богатою житницею. За работу принялся я не с пустыми руками: пересмотрел, перебрал, перечитал многие десятки книг исторических и литературных... Много исторических сочинений перебрал я по поводу Фон-Визина; прочитал я или пробежал почти всю старую Русскую словесность, — между прочим едва ли не всего Сумарокова. Прочитал я даже более половины многотомного собрания *Россійского Өеатра*. Подвиг, скажу, Геркулесовский, более — Бенедиктинский. Иногда из целой книги извлекал я две-три строки,

два-три слова, нужные мне для одной поверки, для одной заметки. Тредьяковский и Фридерик Великий, в своих исторических записках, были мне равно полезны. По возможности, всё писанное мною было обдумано и проверено. Терпение и труд мой были вознаграждаемы сознанием, что поступаю добросовестно. Никогда письменная работа — ни прежде, ни после — не была для меня так увлекательна, как настоящая, на которую навела меня холера. Работал и писал я прилежно, усидчиво, по целым часам до обеда, вечером за полночь. Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною»... (Соч., т. I, стр. L — LI). См. ниже, в письме Пушкина к князю Вяземскому от 12 — 13 января 1831 г. (нач.: «Постараюсь взять отпуск»). № 379.

— «Лиза голинькая» — Елизавета Михайловна Хитрово, о коей см. выше, в письме № 247, и в объяснениях к нему, стр. 249.

— О герцоге Полиньяке см. выше стр. 467, в объяснениях к письму № 370. О закладе, о котором побились Пушкин и Вяземский, см. выше стр. 467 — 468, в объяснениях к тому же письму № 370 и в письмах: Вяземского к Пушкину от 1 января 1831 г. и Пушкина к Вяземскому от 2 января 1831 г. Последний писал А. Я. Булгакову 27 ноября 1830 г., имея в виду свое пари с Пушкиным: «Полиньяк понемногу омывается от грязи и крови. Дай Бог! Мне от того будет бутылка Шампанского: я еще в Питере бился об заклад, что министры преданы смерти не будут» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 114 — 115). Тот же Вяземский передает, что однажды Пушкин, после Июльской революции 30-го года, говорил ему о французах: «Странный народ! Сегодня у них революция, а завтра все столоначальники уже на местах, и административная махина в полном ходу» («Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 100).

— «С ней» — т.-е. с Е. М. Хитрово, которая, благодаря своей дочери, жене Австрийского посланника графа Фикельмонта, и общению с другими дипломатами, была в курсе всех Европейских новостей и любила делиться ими с Пушкиным.

— Выражение, «в засос и с подогревцами» снова (см. выше, в объяснениях к письму № 373, стр. 472) напоминает шуточную Пушкинскую «Рефутацию Беранжера»:

Но помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты наш мороз среди родных снегов,
И батарей задорный *подогревец*,
Солдатской штык и петлю казаков?

(Ср. Ю. Н. Щербачев: «Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин», М. 1913, стр. 127 — 128).

— О прогрессивной газете «Le Temps» см. выше, стр. 461.

— «Le Globe» - периодический журнал, основанный 15 сентября 1824 г. и в первые пять лет своего существования бывший журналом исключительно литературным и религиозно-философским; с начала 1830 г. он превратился в большую политическую газету либерально-оппозиционного направления.

— Словами «Каков государь! Молодец!» Пушкин высказывает свой восторг по поводу приезда Николая I. в холерную Москву, — восторг, вылившийся у него перед тем в стихотворении «Герой» (см. выше, в объяснениях к № 375, стр. 474: Анненков, «Материалы», изд. 1855 г., стр. 282), а позднее вызвавший у него слова, что неожиданный приезд этот «принадлежит будущему историку» (черновик статьи о Радищеве). [1] — Приезду Николая I предшествовало следующее письмо его на имя Московского Генерал-Губернатора князя Д. В. Голицына: «С сердечным соболезнованием получил я ваше печальное известие. Уведомляйте меня с эстафетами о ходе болезни. От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами опасности и труды. Преданность в волю божию!

---

[1] Приведенные слова, впрочем, зачеркнуты в рукописи.

№ 380. Я одобряю все ваши меры. Поблагодарите от меня тех, кои помогают вам своими трудами. Я надеюсь всего более теперь на их усердие». Отношение современников к этому событию рисуется в нескольких документах. — «Приезд Николая Павловича в Москву», писал, например, тогда же в Дневнике своем кн. Вяземский: «точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке. Странное дело, мы встретились с Филаретом в речи его государю... Мы видали царей и в сражении. Моро был убит при Александре, — это хорошо, но тут есть военная слава, есть point d'honneur, нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолюбия, нет обязанности. Выезд царя из города, объятого заразою, был бы, напротив, естествонен и не подлежал бы осуждению, — следовательно, приезд царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не *близь царя близь смерти, а близь народа близь смерти!*» (Соч., т. IX, стр. 142). В том же смысле писал он и Жуковскому 9 октября 1830 г.: «Приезд в Москву государя произвел, сказывают, общий восторг. Куда он ни покажется, народ так и обступит коляску его; однажды даже и поломали ее»... («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 359). «Вы конечно уже знаете, что государь поехал в Москву», — писал Д. Н. Блудов своей семье 4 октября: «и конечно также отгадали причину. Это прекрасное, сродное душе его движение спешить туда, где какая-либо опасность угрожает его подданным. Эта новая черта его характера привела в восторг всех умеющих ценить порывы великодушия: она обрадовала и успокоила не только Московских, но и здешних жителей. Впрочем, государь не долго пробудет в Москве... Я надеюсь или, лучше сказать, уверен, что он возвратится в совершенном здоровье» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1279). Николай I прибыл в Москву 29 сентября 1830 г., в $9^1/_2$ часов утра, в сопровождении генерал-адъютантов гр. П. А. Толстого, М. Е. Храповицкого и В. Ф. Адлерберга, флигель-адъютантов Апраксина, Кокошкина и Корсакова и докторов Арендта и Енохина («Русск. Арх.» 1900 г., кн. II, стр. 201); в столице он провел 8 дней, выехав обратно 7 октября («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1279, 1280, 1282 г., кн. III, ст. 172 — 173, и 1901 г., кн. III, стр. 514 — 515 и 525; см. еще в сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 70 — 75).

— 14 Октября 1830 г. М. Я. фон-Фок доносил своему шефу Бенкендорфу из Петербурга (Перевод): «В «Литературной Газете» [1] было напечатано прелестное стихотворение на императора, должно быть — Пушкина или Баратынского. Оно подписано: Москва, но что̀ замечательно, эти стихи являются первою похвалою, которую сие общество молодых людей напечатало в знак внимания к императору. Переписываю здесь эти стихи:

УТЕШИТЕЛЬ.

Москва уныла: смерти страх
Престольный град опустошает:
Но кто в нее, взвивая прах,
На встречу ужаса влетает?
Петров потомок, *царь*, как *он*
Бесстрашный духом, скорбный сердцем,
Летит, услыша Русских стон,
Венчаться душ их *самодержцем*.

«Мысль великолепна, и публика разрывается на части, чтобы списывать эти стихи». — Фон-Фок, однако, сделал промах: потеряв след Пушкина (под стихотворением было подписано *Москва,* а Пушкин был в Болдине), он приписал ему чужие стихи, которые не принадлежали ни ему, ни Баратынскому (Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», изд. 3-е,

[1] № 58, от 13 октября 1830 г., стр. 175. *Б. М.*

Лгр. 1925, стр. 99 — 100). В № 60 «Литературной Газеты», от 23 октября, было напечатано (стр. 191) еще стихотворение: «Царь-Отец», с подписью Н. К—в и пометою: С.-П-бург, 16 октября, в котором, в последней строфе, также прославлялся подвиг Николая:

...Развился ль язвы бич над древнею Москвою, —
Кого встречает там с надеждою святою
Народ признательный и в умиленьи зрит?
Се *царь-отец* к нему отрадою спешит.

— «Наших каторжников простит», т.-е. вернет из Сибири сосланных туда декабристов. Эту же оптимистическую мысль Пушкин высказал и в написанных тогда же черновых шифрованных набросках строф к «Евгению Онегину»:

...Авось по манью <Николая?>
Семействам возвратит <Сибирь?>...

(см. П. О. Морозов, «Шифрованное стихотворение Пушкина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 6, 8; Соч. князя Вяземского, т. IX, стр. 152). Надежды Пушкина были, как известно, напрасны: Николай I до смерти не простил «ses amis du 14», и только сын его вернул свободу немногим оставшимся в живых ссыльным декабристам.

380. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 115). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 17—18, в переводе с французского языка; часть, напечатанная курсивом, — писана по-русски; подлинник был у графини Н. А. Меренберг.

— О неудачной попытке Пушкина выехать из Болдина см. еще ниже, в письмах к М. П. Погодину и к невесте № 383 и 385.

— Сиваслейка, Саваслейка или Саваслеки — станция на пути от Мурома к Арзамасу, на левом берегу реки Велетьми; в 9 верстах отсюда (считая от Москвы) начинается Нижегородская губерния.

— «Скажите матушке» — т.-е. Н. И. Гончаровой.

— О письме отца, С. Л. Пушкина, с извещением, что свадьба его с Гончаровой расстроилась, поэт писал невесте еще 4 ноября (см. выше, письмо № 376).

— Князь Шаликов — Петр Иванович, издатель «Дамского Журнала» и редактор «Московских Ведомостей»; из последних, конечно, Пушкин и узнал, что холера уменьшилась; ибо с князем Шаликовым он в переписке вряд ли состоял, хотя и был лично знаком с этим недалеким, но добродушным человеком; в Пушкинском Доме сохраняется визитная карточка Пушкина, некогда завезенная им Шаликову и дошедшая до нас с остатками бумаг Шаликовского архива.

— Какого Давыдова имеет в виду Пушкин, неизвестно; о нем же поэт вспоминал и в письмах к жене, из Москвы, от 16 декабря 1831 и 25 и 27 сентября 1832 г.: «Видел я твоего Давыдова — не женатого (утешься)», — читаем в первом; во втором поэт сообщает: «Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке», а в третьем пишет: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник». Несомненно одно, — что это был какой-нибудь молодой богатый москвич, не из семьи Давыдовых, родственников Раевским или поэту-партизану Денису Давыдову.

381. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 116). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 18 — 20, в переводе с французского языка; курсивом набрано написанное по-русски; подлинник (проколотый в карантине) был у графини Н. А. Меренберг.

— Какую именно княгиню Голицыну навещал Пушкин, не знаем; в письме от 2 декабря 1830 г., отвечая на ревнивые подозрения невесты, Пушкин писал ей: «Как вы могли думать, что я завяз в Нижнем ради этой sacrée княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Г.? Она сама толста, как вся ваша семья вместе, включая и меня» (см. ниже, в письме № 385).

№ 382. — О приезде Николая I в холерную Москву см. в письме № 379 и в объяснениях к нему, стр. 479—481.

— Жалобы на молчание брата см. еще в письме № 374.

— «Comme de l'an quarante» — значит, в переносном смысле: «как о прошлогоднем снеге».

— О письме от невесты см. выше, в письме № 374.

— Лукояновский Предводитель дворянства Владимир Васильевич Ульянин рассказывал П. М. Языкову, вспоминая о 1830 годе: «Во время холеры мне поручен был надзор за всеми заставами со стороны Пензенской и Симбирской губерний. А. С. Пушкин в это самое время, будучи женихом, находился в поместье отца своего, селе Болдине. — Я отношусь [т.-е. пишу] к нему учтиво, предлагая принять самую легкую должность. Он отвечает мне, что, не будучи помещиком здешней губернии, он не обязан принимать должность. Я опять пишу к нему и прилагаю министерское распоряжение, по коему никто не мог отказываться от выполнения должностей. И за тем он не согласился и просил меня выдать ему свидетельство на проезд в Москву. Я отвечал, что за невыполнением первых моих отношений свидетельства выдать не могу. Он отправился так, на удалую; но во Владимирской губернии был остановлен и возвратился в Болдино. Между тем в Лукоянов приехал Министр [граф Закревский] и был чрезвычайно доволен всеми моими распоряжениями. «Нет ли у вас из дворян таких, кои уклонялись бы от должностей?» — «Все действовали усердно, за исключением нашего стихотворца А. С. Пушкина». — «Как он смел это сделать? Покажите мне всю вашу переписку с ним». Вследствие этого Пушкин получил строгое предписание Министра и принял должность». Ульянин рассказывает еще, что встретился позже с Пушкиным в Петербурге, в Английском Клубе, и тот ему сказал: «Кажется, это вы меня так притесняли во время холеры?» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 799—800; ср. ниже, в письме № 385). Эту переписку может быть и посылал Пушкин невесте (см. ниже, в этом же письме) в оправдание своей задержки. Другой мемуарист, Н. А. Крылов, со слов писца своего отца, А. А. Крылова (бывшего в холерную эпидемию 1830 г. окружным комиссаром, в округ которого входило Болдино), — Ст. Як. Ползикова, рассказывает: «Отец вместе с Ползиковым несколько раз бывал в Болдине у Пушкина и, кроме того, часто виделся с ним в с. Апраксине, у Новосильцовых [Александра Петровича Новосильцова], и в с. Черновском, у Топорниной, которая приходилась теткой моему отцу. Ползиков отличался хорошей памятью и рассказывал эпизод бегства Пушкина из Болдина с бо́льшими подробностями, чем это описал сам Пушкин. — По словам Ползикова, холера надвигалась к Болдину с востока, от Волги, но еще не доходила до Болдина и его окрестностей. Карантины были расставлены по Московской дороге и по р. Пьяне. От Нижегородского губернатора было объявлено, что как только холера дойдет до р. Пьяны, то карантин усилить и никого не пропускать за Пьяну. Усердие же карантинных мужиков стало притеснять приезжающих еще *до* появления холеры. И вот в это-то время Пушкин, боясь попасть в карантин, поторопился уехать в Москву, и очень понятно, что мужики воспользовались тароватостью Пушкина, — взяли с него целковый за переправу; но Ползиков об этом целковом не рассказывал» («Вестн. Европы» 1900 г., № 5, стр. 174—175).

— Во Владимирской губернии Пушкин доехал до станции Сиваслейка (см. в письмах № 380, 383 и 385).

— Документы, доказывающие заточение Пушкина, при письме его до нас не сохранились: это была, вероятно, упомянутая выше переписка поэта с Предводителем Ульяниным и была того же содержания, как и посланный невесте при письме № 384 «оправдательный» документ в виде письма Д. Языкова.

382. *А. Н. Верстовскому* (стр. 117). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 1376, по сообщению М. П. Погодина; подлинник (на бумаге вод. зн.: УФНсП. 1829), проколотый в карантине, — в альбоме А. Н. Верстовского в Музее А. А. Бахрушина в Москве.

— Об Алексее Николаевиче Верстовском, известном музыканте и композиторе, с 1 июня 1830 г. заведывавшем репертуарною частью Московских Театров, см. выше, в т. I. в письме № 79, и в объяснениях к нему, стр. 317 — 318. Об избрании Пушкина в члены Общества Любителей Российской словесности одновременно с Верстовским — 23 декабря 1829 г. — см. выше, стр. 405 — 407, в объяснениях к письму № 320. Ср. «Ежегодн. имп. Театров», сезон 1896 — 1897 г., прил., кн. 2, стр. 116. № 382.

— Нащокин — Павел Воинович (род. 1800, ум. 6-го ноября 1854) — один из ближайших и преданнейших друзей Пушкина, бескорыстно и горячо его любивший, человек даровитый и весьма оригинальный, хоть и крайне беспорядочный (см. т. I, стр. 360 — 361). Как школьный товарищ Льва Пушкина, он был знаком поэту еще в период Лицейской и Петербургской его жизни, при чем Пушкин «полюбил Нащокина за живость и остроту характера». Хотя у Пушкина в Пансионе Гауеншильда учился брат Лев, но он хаживал в Пансион более для свидания с Нащокиным («Рассказы о Пушкине», стр. 26). Тесно сдружились они с Нащокиным уже позже, когда Пушкин стал бывать в Москве после «прощения» («Пушк. и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 84); дружеские отношения их прекрасно вырисовываются из переписки между ними, начавшейся со времени женитьбы Пушкина (см. ниже, № 389 и т. III — IV) и свидетельствующей о редкой сердечной близости поэта к его, в сущности, беспутному другу (см., напр., в письмах Пушкина к жене). Сближение их произошло, повидимому, с весны 1829 г., когда Пушкин, приехав в Москву по пути на Кавказ, остановился в доме Нащокина. «Чрезвычайно любопытны рассказы последнего», говорит П. В. Анненков: «об образе жизни поэта нашего во время его приездов в Москву, в последние годы его холостой жизни и во всё продолжение женатой. Из слов П. В. Нащокина можно видеть, как изменились привычки Пушкина после его женитьбы; но в 1829 году наслаждения семейственности еще смутно представлялись ему. Цель была впереди, а запас страстей, еще не покоренный правильному течению жизни, утихал только на короткое время» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 216). По словам П. И. Бартенева, лично знавшего Нащокина и записавшего много весьма ценных рассказов его о Пушкине (см. книгу: «Рассказы о Пушкине записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925), — друг поэта был «человеком ума необыкновенного и душевной доброты несказанной»; жизнь его «состояла из переходов от «разливанного моря» (с постройкою кукольного домика в несколько тысяч рублей) к полной скудости, доходившей до того, что приходилось топить печи мебелью красного дерева» («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 433); тот же Бартенев говорит про Нащокина, что он был «человек необыкновенно добрый. При этом он отличался свежим, своеобразным умом и живым художественным чувством. Пушкин считал его одним из лучших друзей своих. Боратынский, гр. М. Ю. Вельегорский, К. П. Брюллов, кн. П. А. Вяземский заслушивались его оригинальных рассказов. Это была неистощимо добрая, талантливая Русская душа, каких у нас гибло и гибнет множество.

Свой дар, как жизнь, он тратил без вниманья...

Многие и до сих пор сочувственно помнят Павла Воиновича» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 76). — Гоголь, зная, что Нащокин «промотал всё свое имение, провел безрассчетно и шумно свою молодость, что был в обществе знатных повес и игроков», — свидетельствовал (1842 г.), в то же время, что он «среди всего этого не потерялся ни разу душою, не изменил ни разу ее благородным движениям, умел приобресть невольное уважение достойных и умных людей и, с тем вместе, самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшего ее к нему, преимущественно перед другими, до конца своей жизни» (там же, стр. 77). Нащокин, по словам того же П. И. Бартенева, «с умилением, чуть не со слезами вспоминал о дружбе, которую он имел с Пушкиным. Он уверен, что такой близости Пушкин не имел более ни с кем, уверен также, что ни тогда, ни теперь не понимают и не понимали, до какой степени была высока душа у Пушкина; говорит, что Пушкин

№ 382. любил и еще более уважал его, следовал его советам, как советам человека, больше него опытного в житейском деле. Горько пеняет он на себя, что, будучи так близок к великому человеку, он не помнил каждого слова его» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 34—35). «Это был, можно сказать, единственный человек, которому Пушкин вполне доверял», — говорит Бартенев: «и к нему могут относиться стихи [Пушкина]:

...Кто все дела, все чувства мерит
Услужливо на наш аршин,
Кто клеветы про нас не сеет,
Кто нас заботливо лелеет,
Кому порок наш не беда,
Кто не изменит никогда.

...Нащокин был человек души необыкновенной» («Русск. Арх.» 1912 г., № 1, обложка). Мечтая о переселении в деревню, в Михайловское, Пушкин имел твердое намерение переманить туда и Нащокина и зажить там с ним вместе и оседло («Рассказы о Пушкине, записанные Бартеневым», стр. 49). По поводу издания писем Нащокина к Пушкину Бартенев еще раз высказался о нем, говоря, что он «особенно баловал Пушкина своею привязанностью» и что «безграмотные письма» его очень ценны: «он в них весь с безобразием своего быта, с художественным чутьем, с постоянно горевшим огнем в душе, с благим помыслом в сердце... Вдова Пушкина извещала Нащокина о воспитании детей своих. Для Нащокина не было у Пушкина тайны. Я знал этого необыкновенного человека на склоне его лет. Он так много делал добра, что вдова его долгие годы могла жить пособиями лиц, им облагодетельствованных. Подобно Американцу графу Толстому, Нащокин умер, стоя на коленях и молясь Богу» («Русск. Арх.» 1908 г., № 4, 2-я обложка; о набожности и суеверии Нащокина см. еще в «Русск. Стар.» 1880 г., № 7, стр. 615—616). Нащокин очень высоко ставил Пушкина, — он буквально обожал его и свято чтил его память и говаривал, что «поприще словесное было для Пушкина лишь случайностью, что если бы судьба велела ему быть воином или отвела ему на долю какую-либо другую деятельность, — он везде оставил бы по себе след своего гения» («Русск. Арх.» 1887 г., кн. I, стр. 146—147). Во время жизни своей в Москве, женихом, в 1830 г., Пушкин начал-было, под диктовку Нащокина, записывать его воспоминания, но, к сожалению, дело ограничилось лишь несколькими страницами. В том же году Пушкин написал к Нащокину стихотворение «Новоселье»:

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес, а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.
Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Кроме упомянутых лиц, с которыми был знаком и близок Нащокин, следует еще назвать Жуковского, Языкова, Чаадаева, художника Тропинина, Верстовского, актера Щепкина, Загоскина, Боратынского, С. Д. Полторацкого, Надеждина, Аксаковых, наконец — Белинского, который обращался к Нащокину по денежным делам и считал его «добрым и прекрасным человеком» (Письма, ред. и прим. Е. А. Ляцкого, т. II, С.-Пб. 1914, стр. 42, 51, 52, 201). Нащокин был большим любителем музыки, покровительствовал музыкантам и актерам (напр., А. М. и П. М. Щепиным — см. в объяснениях к письму № 355) и композиторам (напр., Есаулову — см. в письме Пушкина к Нащокину от 3 августа 1831 г. и ответ Нащокина от 18 августа), — в том числе и Верстовскому, который, по словам Н. И. Куликова, очень дорожил знакомством с Нащокиным («Искусство» 1883 г., цит. по «Ежегодн. имп. Театров», сезон 1896—1897 г. прил., кн. 2, стр. 98—99); четыре записки

Верстовского к Нащокину и к жене его Вере Александровне, относящиеся, повидимому, уже к 1840-м гг., опубликованы в статье Н. Ф. Финдейзена в «Ежегодн. имп. Театров», сезон 1896 — 1897 г., прил., кн. 2, стр. 101 — 102). О смерти первой сожительницы Нащокина (1828 г.) см. в письмах кн. П. А. Вяземского и А. А. Муханова — в «Сборнике старинных бумаг... П. И. Щукина», ч. IX, стр. 193, и в «Щукинском Сборнике», ч. III, стр. 194 Затем Нащокин жил с другою сожительницей, повидимому цыганкой, — Ольгой Андреевной, которая причиняла ему много огорчений и которую он долго терпел едва ли не потому, что от нее у него были, хоть и незаконные, дочь (крестница Пушкина — Переписка, т. II, стр. 285) и сын Павел (упом. в 1832 и 1834 г. — там же, т. II, стр. 398, т. III, стр. 68 и 91; в самом начале 1834 гг. он, однако, с нею разошелся и тайком от нее обвенчался тогда же (там же, стр. 60, 61 — 62, 63 — 64, 73, 83) с Верою Александровною Нарскою (ум. 17 ноября 1900 г.), от которой имел дочь Екатерину (род. в дек. 1834) и сыновей Андрея (род. 1838, ум. в окт. 1925) и Александра (род. 1839), имевшего потомство. — Литература о Нащокине, оценка его рассказов о Пушкине, история издания их переписки и пр. приведены М. А. Цявловским в изданной под его редакцией упомянутой выше книге: «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 13 — 15, 74 — 75, 94 — 96; там же указаны новейшие публикации писем Нащокина и к нему. Его характеристика и определение отношений к Пушкину даны в заметке М. Н. Сперанского в Московском издании «Дневника» Пушкина, 1923 г., стр. 460 — 462. О том, как любил Пушкин Нащокина, см. еще свидетельство Чаадаева («Русск. Стар.» 1889 г., № 10, стр. 129). О так называемом «Нащокинском домике», с фигуркою Пушкина, упоминаемом и в позднейших письмах Пушкина, см. «Историч. Вестн.» 1900 г., № 3, стр. 941; «Русск. Стар.» 1880 г., № 12, стр. 994; «Нов. Время» 5 мая 1910, № 12264 и 12265 (объявление о выставке его в зале Академии Наук С. А. Галяшкиным), «Старые Годы» 1910 г., май — июнь, стр. 89 — 80 (тоже); «Историч. Вестн.» 1911 г., № 7, стр. 213 — 215; «Русск. Вед.» 1911 г., № 7, 27 марта, стр. 6; «Синий Журнал» 1911 г., № 26, стр. 6—7 (с рис.). О Нащокине см. еще ниже, стр. 497. № 382.

— Хлоровая вода тогда весьма рекомендовалась врачами как предохранительное от холеры средство. Кн. Вяземский, в письме к Жуковскому от 26 сентября 1830 г., острил по этому поводу, вспоминая нравоучительную сказку Екатерины II о Царевиче Хлоре» (1781 г.) и оды Державина «Фелица» и к «Царевичу Хлору»: «Вот пришлось и нам прибегнуть

К Царевичу младому Хлору, —
Взойти на ту высоку гору,
Где о Холере не слыхать», —

а в другом письме, от 9 октября, писал: «Право, прибегайте *к царевичу младому Хлору*, — даром что воспевал его Державин» («Русск. Арх.» 1900 г., к. I, стр. 358 и 360).

— Граф Арсений Андреевич Закревский (род. 1786 г. ум. 1865: см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 128); с 1813 г. — генерал адъютант, с 19 апреля 1828 по 19 ноября 1831 г. был Министром Внутренних Дел и, одновременно, и. д. Финляндского Генерал-Губернатора (с 30 августа 1823 г.), муж гр. Аграфены Федоровны Закревской, в которую был влюблен и которую воспел Пушкин (см. выше, стр. 304, в объяснениях к письму № 279). При начале холеры, пришедшей в Россию из Персии, Николай I, рескриптом от 4 сентября 1830 г., поставил Закревского, облеченного широкими полномочиями, во главе особого Комитета, которому поручено было принятие мер против эпидемии и издание необходимой литературы о ней; в Саратове, вокруг которого холера особенно свирепствовала, была учреждена временная центральная Комиссия для борьбы с заразой; в нее вошли знаменитые врачи М. Я. Мудров, И. Е. Дядьковский, Л. Я. Нагумович и др. Письма Закревского к Мудрову и последнего к жене, от 1830 и 1831 г., по холерным делам см. в статье Б. Л. Модзалевского: «Из архива И. Е. Великопольского» («Русск. Стар.» 1901 г., № 6, 7, 8). О деятельности Закревского по борьбе с холерою см. в его биографии в «Сборнике имп.

№ 382. Русского Исторического Общества», т. LXXIII, С.-Пб. 1890, стр. X — XI, а также у Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 196 — 198.

— Павлов — Николай Филиппович (род. 1805, ум. 1864), питомец Театрального Училища, сперва актер и танцовщик, а затем вольнослушатель Московского Университета, окончивший в нем курс в 1825 г. и поступивший на службу в Московскую Театральную Дирекцию; тогда же Павлов выступил в печати и на сцене переводом в стихах французской переделки Лемерсье из трагедии Шиллера «Мария Стюарт» и стихотворениями, печатавшимися в 1825 — 1829 гг. в «Московском Телеграфе» Полевого; в альманахе «Радуга» 1830 г. были напечатаны отрывки из его комедии-водевиля «Стар и молод», а из водевиля «Щедрый» — в «Московском Вестнике» Погодина (1830 г., ч. I), с которым Павлов был очень близок; несомненно, что у Погодина Пушкин и встречался с Павловым, который довольно деятельно сотрудничал в «Московском Вестнике», а позже — в «Москвитянине». Появление в 1835 г., в Москве, «Трех повестей Н. Павлова» навлекло на автора и на цензоров ряд неприятностей, но в то же время поставило Павлова в ряды известных писателей и было встречено единодушными похвалами критиков (подробности см. у М. И. Сухомлинова: «Исследования и статьи», т. II, С.-Пб. 1889, стр. 433 — 456). Пушкин также хотел высказать свое мнение о «Повестях» Павлова, которые ему очень понравились (А. Н. Вульфу и А. П. Керн он сказал: «Entendons-nous. Я начал их читать и до тех пор не оставил, пока не кончил. Они читаются с большим удовольствием» — «Пушк. и его соврем.», вып. V, стр. 155), и начал писать о них критическую заметку, но она осталась незаконченной и известна нам лишь по черновому наброску (1835 г.). Павлов был страстный игрок, — и это, между прочим, сближало его с П. В. Нащокиным, которому Пушкин предупредительно писал 11 июня 1831 г.: «С Павловым не играй»... Но Нащокин не всегда следовал благоразумному совету друга, как видно из следующего рассказа Н. И. Куликова: «Играя с богачами, Нащокин не отказывался от любимого занятия и с такими, у которых выиграть нечего, каким был, например, Николай Филиппович Павлов. Однажды, пообедав у Павла Воиновича, Павлов предложил игру; пока игроки с увлечением занимались делом, Оленька [цыганка, жившая у Нащокина], приготовив закуску и чай, поехала кататься по Москве на своих вятках; вечером, напоив игроков чаем, еще долго, до полуночи, следила страстно за переменой счастья, но, утомясь, ушла спать. Что же ожидало ее при пробуждении? Нащокин, проиграв деньги, ставил на карты золотые часы, столовое серебро, наконец — карету с лошадьми, даже Оленькины сани с парой вяток! Павлов, захватив серебро, вещи и в выигранной карете, еще темным утром, поехал домой, приказав сани с вятками отправить за ним. Нащокин добродушно посмеивался над подобной аккуратностью Николая Филипповича!» («Русск. Стар.» 1880 г., т, XXIX, стр. 992 — 993). Пушкин упомянул имя Павлова как игрока в одной из программ «Русского Пелама», а Соболевский в одной из эпиграмм своих так охарактеризовал Павлова:

Вот жизнь афериста!
Уж был человек!
Играл он Эгиста,
Играл и юриста.
Играл журналиста,
Во всё весь свой век
Играя нечисто.

(См. С. А. Соболевский, Эпиграммы экспромпты. Под ред. В. В. Каллаша, М. 1912, стр. 41, 121 — 122). О Павлове см. статью М. Н. Мазаева в «Русском Биографическом Словаре», в книжке Б. Рапгофа: «К. Павлова, Материалы для изучения жизни и творчества», Пгр. 1916, стр. 14 — 17 и в изд.: «Русские Ведомости 1863 — 1913. Сборник статей», М. 1913, стр. 1 — 6 и отд. 2, стр. 130.

— Существует анекдот, близкий к истине, что Павел I отставил от службы одного генерала, — как было сказано в приказе, — «За лицо, уныние наводящее» (Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 566). Ср. рассказ бывшего командира л.-гв. Семеновского полка К. А. Криднера о том, что про барона И. И. Дибича (впоследствии фельдмаршала) рассказывали, будто про него Павел выразился: «Фигура Дибича наводит на строй уныние» («Русск. Стар.» 1883 г., № 12. стр. 671; ср. еще в Записках генерала В. И. Дена — «Русск. Стар.» 1890 г., № 3, стр. 664, рассказ о Дибиче, будто он был переведен имп. Павлом из гвардии в армию «за физиономию, наводящую уныние на целый взвод» — «Ист. Вестн.» 1891 г., № 2, стр. 494; см. еще выдержки из эксцентрических приказов Павла I, сделанные А. И. Михайловским-Данилевским («Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 560 — 568).

№ 383.

383. *М. П. Погодину* (стр. 118). Впервые напечатано в «Москвитянине» 1842 г., т. V, стр. 461 — 465, с приложением Пушкинского же разбора трагедии Погодина «Марфа Посадница»; подлинник (на бумаге — вод. зн. УФН с II. 1830) — в Погодинском архиве в б. Румянцовском Музее в Москве (ныне Библиотека им. В. И. Ленина), № 3517.

— О своей неудачной попытке выбраться из Болдина Пушкин рассказывал и невесте в письмах от 18 ноября и 2 декабря 1830 г. (см. выше, письма № 380, 381 и 385). Погодин из полученного им 8 ноября письма Пушкина (№ 375) знал уже о невозможности поэта выехать и 20 ноября 1830 г., сообщал Шевыреву в Рим, что, «слава Богу, холера в Москве проходит, и город ожил», а затем, переходя к литературным новостям, писал: «Пушкин за карантинами в Лукоянове» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 177).

— Письма Погодина к Пушкину, о которых он упоминает, до нас не дошли.

— О трагедии Погодина «Марфа Посадница» см. выше, в письмах №№ 335, 340, 375, и в объяснениях, стр. 431 и др.; там было уже сказано, что трагедия вышла без имени автора; в предисловии же, подписанном «М. Погодин», говорилось: «Сочинитель этой трагедии, трудясь и имея цель на другом поприще, не драматическом [а науки русской истории], не может судить с вероятностию о произведении в новом для себя роде, не верит своим друзьям, которые разумеется смотрят на него с пристрастием, — а с другой стороны стыдится представить публике сочинение, совершенно недостойное ее внимания. Вот причина, почему он хочет теперь остаться неизвестным. Если из голоса критики он узна́ет, что недостатки его трагедии выкупаются сколько-нибудь ее достоинствами, то объявит свое имя». Мысли, высказанные о «Марфе» в настоящем письме своем Погодину, Пушкин намерен был развить в отдельной, пространной статье, в которой, вначале, хотел изложить и теоретические взгляды и суждения свои о драме вообще; разбор собственно «Марфы Посадницы» он начинал следующими словами: «Прежде чем станем судить, поблагодарим неизвестного Автора за добросовестность его труда, — поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по рассчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приготовленных к романтической драме, но даже решительно ей неприятствующих... Он написал свою Трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде. — Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания. Автор Марфы Посадницы имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новгорода, решившего вопрос о единодержавии России. — Два великих Лица представлены ему были Историею. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным во всем его грозном и хладном величии; второе — Новгород, коего черты надлежало угадать» и т. д. — По поводу кажущихся преувеличенными похвал Пушкина трагедии Погодина, в письме к нему, Анненков говорит: «Исторические драмы заслуженного профессора нашего ценились им чрезвычайно высоко —

№ 383. и по... причине, имевшей в глазах Пушкина необыкновенную важность: они представляли характеры и лица, которых можно распознать и о которых потому судить можно, — словом, существенность, которой он добивался во всяком произведении. Он писал к М. П. Погодину в 1832 году, 11 июля: «Мне сказывают, что Вас где то разбранили за Посадницу: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на ваши труды. Вспомните, что меня лет 10 сряду хвалили бог весть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У нас критика конечно ниже даже и публики, не только самой литературы. — Сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марфа, Ваш Петр исполнены истинной драматической силы и если когда-нибудь могут быть разрешены сценическою цензурой, то предрекаю Вам такой народный успех, какого мы, хладные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем». — «Кроме причины, указанной выше», пишет далее Анненков: «восторг Пушкина [от «Марфы Посадницы»] еще объясняется и действием, какое производили на него сочинения, отличавшиеся живою страстию, пафосом. Такова была и трагедия Погодина. Участие личных отношений в суждении людей, столь впечатлительных, каков был вообще Пушкин, тоже не должно быть забыто. Отвлеченная критика, почти всегда выпускающая из вида это обстоятельство, тем самым и лишена возможности оценить правильно образ мыслей писателя» («Материалы», изд. 1855 г., стр. 304 и 306). Но Пушкин, конечно, был движим не только личными отношениями к Погодину, когда высказывал ему свой восторг в письме: когда он вернулся из Болдина в Москву — в начале декабря, — и Погодин не дождался его к себе и сам отправился к поэту, тот снова хвалил его пиесу. 11-го декабря Погодин записал в своем Дневнике: «11-го к Пушкину. Услышал опять очень лестную похвалу о Марфе и много прекрасных замечаний. — Удивлялся, что язык ему кажется слишком неправильным. Он наработал множество. — Я сказал ему, что буду писать Бориса и Дмитрия. — «Пишите, а я отказываюсь» и т. д. (М. А. Цявловский. — «Пушкин и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 109). Получив же письмо Пушкина через день после описанного свидания, 13 декабря, он отмечал в Дневнике: «Воротился домой и получил письмо Пушкина, еще из деревни посланное. Прославляет Марфу, и я отменно был доволен. Долго думал ночью о Борисе и между прочим решил открыть Пушкину свои мечты и спросить его опытного совета» (там же, стр. 110). 26 марта 1831 г. Пушкин писал П. А. Плетневу: «Мне сказывали, что Жуковский очень доволен Марфой Посадницей; если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно, позволение напечатать всю драму, — произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин — очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать»... О некоторых затруднениях, связанных с выпуском трагедии Погодина в свет, см. в письме А. Х. Бенкендорфа к цензору С. Т. Аксакову от 10 марта 1831 г. — «Русск. Арх.» 1873 г., кн. III, ст. 02299 — 02300.

— Языков — Николай Михайлович, поэт. Не справившись, по свойствам своей натуры, с университетскими выпускными экзаменами в Дерпте, он, по словам Е. В. Петухова, в первой половине мая 1829 года «оставил, наконец, сначала милый, но под конец ненавистный ему город... Вместе с отъездом отсюда кончились и все заботы Языкова об экзаменах и науках, в жертву которым, насилуя свою природу, он бесполезно и с глубоким душевным томлением приносил живую потребность к поэтическому труду и мечты о славе» («Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 15). Поселившись, после поездки в деревню, в Москве, в семье Елагиных-Киреевских, Языков намерен был в Московском Университете завершить свои студенческие занятия, но и здесь, говорит его биограф, В. И. Шенрок, ему «не пришлось войти в колею трудовой жизни, на которую он не вступил в отрочестве и ранней юности. Отсутствие вы-

держки и усидчивости в занятиях сказывалось на каждом шагу: случайные эпизоды его жизни, самые незначительные и кратковременные, захватывали его душу настолько, что поставленная им себе главная задача заслонялась ими, и он уклонялся от нее и вправо, и влево... Его интересы всего чаще определялись случайно складывавшимися обстоятельствами»... («Вестн. Европы» 1897 г., кн. 12, стр. 598—599). Лето, осень и зиму 1830 г. он прожил в Москве, один, в доме Елагиных; холера пощадила поэта, и Языков отделался только страхом, но за то она отвлекла от него всякий контроль, а вскоре по миновании эпидемии на него обрушились один за другим и по нескольку сразу самые разнообразные недуги, не перестававшие его упорно преследовать (там же, стр. 601). Пушкин, по словам Шенрока, не раз приезжая в Москву перед женитьбою, «нередко навещал Языкова и умел привязать к себе и его близких. Уже в начале 1830 г. Александр Михайлович Языков писал о нем своей сестре: «Пушкин у Весселя [прозвище поэта Языкова] часто бывает; он очень забавен и доставляет нам большое удовольствие»; в письмах самого поэта то-и-дело встречаются краткие известия о Пушкине, но, как и раньше, далеко не всегда благоприятные и поражающие своею резкостью (там же, стр. 603). Что касается до Погодина, то с ним Языков сошелся «вскоре по приезде в Москву и полюбил его, предпринимая с ним экскурсии по окрестностям столицы... Но, уважая Погодина как трудолюбивого историка, Языков не мог в душе не смеяться над его упорным стремлением пробраться на Парнасс... Когда Погодин прочел в доме Елагиных свою трагедию «Марфа», то Языкову сразу выяснилось, какой непростительный промах делает его приятель, пренебрегая своими специальными знаниями, которыми мог бы много приносить пользы, для бесплодных упражнений в несродной ему сфере поэзии. «Он похищает у слушателей золото, для того, чтобы кормить своих читателей навозом», — повторял о нем слышанное мнение Языков» (там же, стр. 602). См. ниже, письмо Пушкина к Языкову от 18 ноября 1831 г.; в сентябре 1833 г. поэт дважды заезжал к нему в с. Языково, близ Симбирска.

384. *Д. Языков — Пушкину и Пушкин — Н. Н. Гончаровой* (стр. 119). Впервые напечатано И. С. Тургеневым, в переводе на русский язык, в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 20, где письмо Языкова дано во французском тексте, без перевода; подлинный текст письма Пушкина опубликован впервые в «Новом Времени» 16 мая 1899 г., № 8338, В. Б. Бертенсоном, передавшим подлинник, полученный им от гр. Н. А. Меренберг (см. «Историч. Вестн.» 1913 г., № 11, стр. 509—510), в Пушкинский Дом Академии Наук (см. Б. Л. Модзалевской. «Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому» — «Известия имп. Академии Наук» 1911, стр. 511).

— Дмитрий Языков — очевидно, дворянин-помещик Нижегородской губернии, на которого Предводителем дворянства (см. выше, в объяснениях к письму № 381, стр. 482) было возложено несение каких-нибудь обязанностей по борьбе с холерою в Лукояновском уезде.

Перевод письма Д. Языкова: «Милостивый государь! Спешу переслать вам полученное мною для вашего выезда удостоверение. Имея сам родственников в Москве, я вхожу в ваше положение, понимая желание ваше к ним возвратиться. Я счастлив, что мог в этом случае быть вам полезным и, желая вам счастливого пути, остаюсь, М. Г., с глубочайшим уважением Ваш покорнейший слуга Дмитрий Языков. 22 Ноября 1830 г. Нижний». *Перевод письма Пушкина:* «Вот еще документ, — благоволите перевернуть лист. — Я задержан в Платаве, в карантине. Меня не пропускают, потому что я на *перекладной*, ибо поломал свою карету. — Умоляю вас сообщить князю Дмитрию Голицыну о случившемся со мною несчастном происшествии, упросив его употребить всё свое влияние для моего въезда в Москву. — От всего сердца шлю привет вам, вашей Матушке и всей вашей семье. На днях я послал вам несколько резкое письмо, но это потому, что я потерял голову. Простите мне его, так как я раскаиваюсь. Я в 75 верстах от вас и бог весть, увижу ли я вас через

 75 дней. — P. S. Или лучше пришлите мне карету или коляску в карантин в Платаве, на мое имя».

— Платàва или Плотàва — деревня в Богородском уезде Московской губернии, на границе Владимирской губернии, в 72 верстах от Москвы, на Нижегородском тракте.

— Князь Дмитрий Голицын—Московский Военный Генерал-Губернатор.

— «Несколько резкое» письмо Пушкина к невесте см. выше, № 381.

385. *Н. Н. Гончаровой* (стр. 120). Впервые напечатано И. С. Тургеневым, в переводе с французского языка, в «Вестнике Европы» 1878 г., № 1, стр. 20 — 21; подлинник был у графини Меренберг; проколот в карантине, хотя, повидимому, послан не по почте, а с нарочным. Французские фразы печатаются впервые; взяты нами из вышеупомянутых черновых материалов Анненкова, находящихся в Пушкинском Доме; перевод первой: «В минуту моего выезда, в начале октября, меня назначают окружным надзирателем. Я непременно принял бы эту должность, если бы в то же время не узнал, что холера появилась в Москве. Мне стоило много труда отделаться от надзирательства». Вторая французская фраза (оттуда же): «Если бы вы могли представить себе четвертую часть беспорядков, произведенных карантинами, вы всё таки не могли бы понять, как можно от них отделаться».

— Матушка — Н. И. Гончарова; сестры — Е. Н. и А. Н. Гончаровы (см. выше, в объяснениях, стр. 338 и 451 — 452); m-r Serge — брат Н. Н. Гончаровой, юноша Сергей Николаевич (см. выше, стр. 470, в объяснениях к письму № 371).

386. *П. А. Плетневу* (стр. 120). Впервые напечатано в «Современнике» 1838 г., т. X, стр. 45, в статье П. А. Плетнева (отрывок), оттуда перепечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 283; полностию — в Сочинениях П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 358; подлинник (на бумаге — вод. зн. УФНсП. 1830) проколот в карантине и запечатан гербовою печатью Пушкина с графскою короной.

— По донесению Московской полиции, Пушкин, приехав в Москву, остановился на этот раз в Тверской части, в гостинице «Англия» («Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 236).

— С тещей у Пушкина не было особенно добрых отношений, иногда же дело у них доходило и до прямой ссоры (см., напр., письмо к ней от 26 июня 1831 г.). По возвращении из Болдина 5 декабря 1830 г., Пушкин встретил у Гончаровых настолько холодный прием, что начал думать даже об отказе от мысли о женитьбе. По этому поводу П. И. Бартенев записал со слов П. В. Нащокина: «Нетерпеливость Пушкина, потребность быстрой смены обстоятельств, вообще пылкий характер его выражается между прочим и в том, что он было хотел совсем оставить свою женитьбу и уехать в Польшу, единственно потому, что свадьба по денежным обстоятельствам не могла скоро состояться. Нащокин был постоянно против этого. Он даже имел с ним горячий разговор по этому случаю, в доме кн. Вяземского. Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин всё напевал Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 41 и 109).

— Карантинное оцепление в Москве было снято на другой день после приезда Пушкина в столицу: «6-го декабря, в день Николая чудотворца и государевых именин, снято наружное оцепление, которое очень стесняло жителей. Ты не можешь себе представить», писал Погодин Шевыреву: «что это была за радость: нарочно иные ездили прогуляться за заставу, чтоб только воспользоваться этим правом. Как бы скорее сжить ее [холеру] с рук? Устали!» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 179). Это благоприятное обстоятельство, вероятно, и было причиною того, что Пушкин провел в Плотавском карантине вместо двух недель всего три-четыре дня.

— «Борис Годунов» в это время уже заканчивался печатанием.

— «Повесть, писанная октавами», — «Домик в Коломне». — Впоследствии Плетнев вспоминал: «Домик в Коломне» для меня с особенным значением.

Пушкин, вышедши из Лицея, действительно жил в Коломне, над Корфами, близ Калинкина моста, на Фонтанке, в доме бывшем тогда Клокачева. Здесь я познакомился с ним. Описанная гордая графиня была девица Буткевич, вышедшая за семидесятилетнего старика графа Стройновского (ныне она уже за генералом Зуровым). Следовательно, каждый стих для меня есть воспоминание или отрывок из жизни» (Я. Грот, «Пушкин», С.-Пб. 1887, стр. 219; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, стр. 693; ср. Н. О. Лернера: «Графиня Е. А. Стройновская» — «Наша Старина» 1917 г., вып. I, стр. 32 — 38 и его же: «Прообраз Пушкинской Татьяны» — «Столица и Усадьба» 1916 г., № 72, стр. 17 — 19). Кроме того, в Болдине написаны и закончены: Восьмая и Девятая Главы «Евгения Онегина», 5 «Повестей Белкина» («Гробовщик», «Станционный Смотритель», «Барышня-Крестьянка», «Выстрел» и «Метель»); «История села Горюхина», 4 «маленьких трагедии»: «Скупой Рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный Гость» и «Пир во время чумы» и мелкие стихотворения: «Бесы», «Паж или пятнадцатый год», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»), «Румяный критик мой»..., «Расставание», «Осень» («Октябрь уж наступил»), «Отрок», «Моя родословная», «Заклинание», «Мне не спится, нет огня», «В начале жизни школу помню я», «Был на свете рыцарь бедный», «Герой», «Я здесь, Инезилья», «Пред Испанкой благородной...» «На перевод Илиады», «Для берегов отчизны дальной», «Пью за здравие Мери», «Царскосельская статуя», «Рифма», «Труд», «Новоселье», наконец, много набросков стихотворений, критических и полемических заметок, записи многих народных песен (см. Н. О. Лернер: «Народные песни в новооткрытых записях Пушкина» — «Русск. Стар.» 1912 г., № 1 и 4; М. А. Цявловский: «Два автографа Пушкина», М. 1914). Погодин, после первого же свидания с вернувшимся в Москву Пушкиным, записал 11 декабря, что тот «наработал множество»; 15 декабря Пушкин читал ему разные прозаические отрывки и повесть октавами (т.-е. «Домик в Коломне»); еще через день поэт прочел Погодину «свои прелестные Русские песни» (т.-е. записи), а 22 декабря — Девятую главу «Онегина» (М. А. Цявловский — «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 109 — 111). Уже в апреле Погодин сообщал Шевыреву в Рим: «Пушкин написал тьму. Он показывал и читал мне всё по секрету, ибо многое хочет выдавать без имени. Онегина 8-я и 9-я главы, Сцены, Моцарт, Дон-Жуан, повесть пресмешная и большая октавами, т.-е. октавами Жуковского, несколько повестей в прозе, множество статей прозаических о критике, об Истории Русской Литературы и проч.» («Русск. Арх.» 1882 г., кн. III, стр. 184). 17 декабря Пушкин съездил в Остафьево к кн. Вяземскому, который через день записал в Дневнике своем: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих—славная хроника;[1] куплеты: *Я мещанин, я мещанин;* епиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: Дон-Жуана, Моцарта и Салиери; *У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи* [это — стих из упомянутых шифрованных строф отрывка 10 главы «Онегина»] (Соч., т. IX, стр. 152).

— «Чего смотрел и Дельвиг»... Эти слова, как и дальнейшие, касаются истории приостановки «Литературной Газеты» Дельвига. Последний напечатанием в № 45 «Газеты» статьи «Новые выходки противу так называемой Литературной нашей Аристократии», служившей ответом на пасквиль Булгарина (см. выше, стр. 466, в объяснениях к № 369) вызвал неудовольствие Бенкендорфа, который, — вероятно, не без участия Булгарина, — усмотрел в анонимной заметке «неприличность», — в особенности при

[1] Это, конечно, расшифрованные впервые П. О. Морозовым наброски (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 1 — 2, заметку Д. Н. Соколова — там же, вып. XVI, стр. 1 — 14, Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 212 — 215 и в работе М. Л. Гофмана: Пропущенные строфы «Евгения Онегина» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXXIII — XXXV, стр. 297 — 310).

№ 586. настоящих политических происшествиях», т.-е. непосредственно после событий Июльской революции во Франции, но, не найдя способов формально взыскать с Дельвига за напечатание заметки, ограничился на этот раз вызовом его в III Отделение, где сделал поэту строгий выговор и предупредил, что «вперед за всё, что ему не понравится в «Литературной Газете» в цензурном отношении, будет строго взыскивать» (Барон А. И. Дельвиг, «Мои воспоминания», т. I, стр. 110 — 111; ср. Записки А. И. Кошелева, Берлин. 1884, стр. 31 — 32). Такой благоприятный для Бенкендорфа случай представился скоро — уже через два месяца: в № 61 «Литературной Газеты», от 28 октября 1830 г., в самом конце №, в отделе «Смеси», была напечатана следующая заметка: «Вот новые четыре стиха Казимира де ла Виня, на памятнике, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27-го, 28-го и 29-го Июля:

France, dis-moi leurs noms! Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître.[1]

Это новое напоминание о Парижской революции 27 — 29 июля 1830 г., после столь недавнего еще выговора, сделанного Дельвигу, послужило поводом к тому, чтобы приостановить «Газету» Дельвига и запретить ему дальнейшее редактирование ее. Приостановке предшествовал вызов Дельвига в III Отделение, где Бенкендорф обошелся с мягким, деликатным Дельвигом в высшей степени грубо, говоря с ним на «ты» и угрожая упрятать в Сибирь его, Пушкина и Вяземского; в пылу разговора Бенкендорф, по словам барона А. И. Дельвига, не скрыл даже, что в этом деле он руководствуется доносом Булгарина... («Мои воспоминания», т. I, стр. 111 — 112). Об участии Булгарина в деле запрещения «Газеты» с уверенностью говорит и сам Дельвиг (см. ниже), и друг его Боратынский в письме к Вяземскому («Стар. и Новизна», кн. V, стр. 53). Запрещение издавать «Литературную Газету» было сообщено Дельвигу К. М. Бороздиным 15 ноября 1830 г.; в тот же день газета была приостановлена, — до начала декабря, когда последовало разрешение продолжать ее под редакцией О. М. Сомова. Дельвиг был так потрясен незаслуженными оскорблениями, что заболел, впал в апатию и равнодушие ко всему (В. П. Гаевский — «Современник» 1854 г., т. XLVII, кн. 9, стр. 56). — О крушении «Литературной Газеты» Пушкин узнал из письма к нему самого Дельвига, в котором тот писал своему другу: «С получением сего письма, радость-душа моя, садись за бумагу и напиши мне все пьесы для «Северных Цветов», тобою приготовленные. Нынче они мне помогут более, чем когда-нибудь. «Литературная Газета» выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные к своему государю и чистые совестию, ничего не ищут и никому не кланяются, думая, что чувства верноподданнические их и совесть защитят их во всяком случае. Неправда, подлецы в это время хлопочут из корыстолюбия марать честных и выезжают на своих мерзостях. Булгарин верным подданным является. Ему выпрашивают награды за пасквили, достойные примерного наказания, а я слыву карбонарием, я — русской, воспитанный государем, отец семейства и ожидающий от царя помощи матери моей и сестрам, и братьям» (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 189 — 190). 13 января 1831 г., как раз накануне смерти Дельвига, Пушкин писал Плетневу: «Что Газета наша? Надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя, в ней отражается Русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин». История запрещения журнала Дельвига рассказана, на основании архивных доку-

[1] Перевод: «Франция, скажи мне их имена. Я не вижу их на этом печальном памятнике. Они победили так быстро, что ты была свободна ранее, чем их узнала».

ментов, в обстоятельной статье Н. К. Замкова: «К истории Литературной Газеты бар. А. А. Дельвига» — «Русск. Стар.» 1916 г., № 5, и отд. отт., Пгр. 1916, стр. 17 — 30; см. еще у Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 234 — 236; Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. V, стр. 466 — 467, и сборник Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 77 — 80. — По поводу помещения «конфектного билетца» Делавиня в «Литературной Газете» А. П. Керн писала А. Н. Вульфу, что «Дельвиг получил порядочный нагоняй от Бенкендорфа», — и Вульф, приведя стишки, замечал: «Точно, в русской Литературной Газете они неуместны; цензурная терпимость однако заслуживает хвалу, что она их не столько испугалась, как Бенкендорф» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 146). № 387.

387. *Е. М. Хитрово* (стр. 121). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 11; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук; он — на листе почтовой бумаги большого формата, с вод. зн. УФНсП 1830, сложен конвертом и запечатан гербовою печатью Пушкина; на обороте, кроме адреса (не для почты), — помета рукою Е. М. Хитрово: «Пушкин».

Перевод: «По возвращении в Москву я нашел у княгини Долг<оруковой> пакет от Вас. Это были французские газеты и трагедия Дюма — всё это было новостью для меня, несчастного зачумленного Нижегородца. Что за год, что за события! Известие о Польском восстании меня совершенно перевернуло. Наши исконные враги, очевидно, будут в конец истреблены и, таким образом, ничто из того, что сделал Александр, не сохранится, потому что ничто не основано на действительных интересах России, а лишь на соображениях личного тщеславия, театрального эффекта и т. д. Знаете ли Вы убийственные слова Фельдмаршала, Вашего отца? При его вступлении в Вильну поляки пришли и бросились к его ногам. «Встаньте, сказал он им: помните, что вы русские». Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком могущественны для того, чтобы их ненавидеть. Начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть такою. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была мрачна, — посмотрите их поэта Мицкевича. Всё это меня очень печалит. Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней. Прекрасное посещение императора воодушевило Москву, но он не мог быть сразу во всех 16 зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен. 1830 год — печальный для нас год. Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду. 9 декабря».

На обороте: «Г-же Хитровой в С.-Петербурге».

— О возвращении Пушкина в Москву см. выше, в письмах № 385 и 386.

— P-sse Dolg. — княгиня Екатерина Алексеевна Долгорукова, рожд. гр. Васильева (род. 26 октября 1781, ум. 23 марта 1870 в Москве), дочь известного Министра Финансов гр. А. И. Васильева, вдова сподвижника отца Е. М. Хитрово — М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского — генерала от-инфантерии князя Сергея Николаевича Долгорукова (ум. в Париже 15 июня 1829), с которым была в разъезде с 1812 г.; она была матерью Александра Сергеевича Долгорукова (род. 1809, ум. 1873), в то время жениха Ольги Александровны Булгаковой (дочери знакомца Пушкина, Московского Почт-Директора, — см. «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 212 — 214, и Московское издание Дневника, 1923 г., стр. 486 — 488), с которою он обвенчался в селе Шеметове, подмосковном имении бабушки невесты, графини В. С. Васильевой, 28 января 1831 г., за три недели до венчания Пушкина; последний бывал у молодых Долгоруковых: напр., за два дня до свадьбы поэта А. Я. Булгаков писал брату (16 февраля): «Пушкин был на бале у наших [молодых], отличался, танцовал, после ужина скрылся. Где Пушкин? я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: Il a été donc ici toute la soirée et maintenant il est allé trouver sa promise. Хорош визит в 5 часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется», — прибавлял Булгаков по поводу слухов о том, что свадьба Пушкина расходится. «Я думаю, что не для одной, но и для

№ 387. него лучше бы было, кабы свадьба разошлась» («Русск. Архив» 1902 г., кн. II, стр. 52). Портрет кн. Е. А. Долгоруковой и биографическую заметку о ней см. в издании вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий», т. I, С. Пб. 1905, л. 57.

— О Французских газетах, которые высылала Пушкину Е. М. Хитрово — «Le Temps» и «Le Globe», см. выше, стр. 461 и 479.

— Трагедия Дюма — «Stockholm, Fontainebleau et Rome», сочинение знаменитого драматурга и романиста Alexandre Dumas (род. 1802, ум. 1870), тогда еще молодого, начинающего писателя, уже прославившегося, однако, своею историческою драмою «Henri III et sa cour» (1829), имевшею шумный успех; см. подробно в очерке Б. В. Томашевского в сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 214.

— Революция в Польше, которую Пушкин считал лишь «восстанием», («insurrection»),—началась 17 ноября 1830 г. вооруженным нападением на «Бельведер», замок Наместника Польши, цесаревича Константина Павловича, которого решено было убить; однако, Наместнику удалось спастись в последнюю минуту, и он стал во главе отряда русских войск, собравшегося около Варшавы; затем он, постепенно отступая с 21 ноября, 1 декабря дошел до Влодавы, переправился через Буг и остановился на русской территории; отходя далее, он 4 декабря дошел до Бреста, а затем далее; 29 декабря к цесаревичу приезжал из Гродно Фельдмаршал Дибич, назначенный главнокомандующим армиею, двинутою на подавление революционного движения. О дальнейших событиях будет упомянуто в объяснениях к письмам Пушкина за 1831 год. Подробности см. в сборнике Писем Пушкина Е. М. Хитрово, — в статье М. Д. Беляева, в которой дано объяснение взглядов Пушкина на Польшу и Польское восстание, а также указаны мнения ближайших друзей Пушкина по этому вопросу.

— В отзыве Пушкина об Александре I звучит всегдашнее нерасположение поэта к тому, про кого он в 1829 г. написал (по поводу его мраморного бюста, работы Торвальдсена):

Недаром лик сей двуязычен;
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни *арлекин*.

— Нам не удалось установить, откуда Пушкин почерпнул рассказ о словах, сказанных М. И. Голенищевым-Кутузовым (отцом Е. М. Хитрово) полякам при въезде в Вильну.

— С Адамом Мицкевичем (род. 1798, ум. 1855) Пушкин был знаком со времени приезда своего в Москву в сентябре 1826 г. и до отъезда Польского поэта из России в 1829 г. В начале 1828 г. Пушкин обращался к фон-Фоку с письменным ходатайством о разрешении Мицкевичу возвратиться в Польшу, «куда призывают его домашние обстоятельства» (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин — ходатай за Мицкевича» — «Пушк. и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 26 — 33). К этому времени, т.-е. к 1830 г., Мицкевич издал, — кроме 3-х частей своих «Стихотворений», — часть «Дедов» и «Конрада Валленрода».

— О приезде Николая I в Москву во время холеры см. выше, в объяснениях, стр. 474 и 479.

— В заметках, писанных летом 1831 года, Пушкин, вспоминая о холере 1830 года, о поездке в Болдино и о впечатлениях от виденных им зараженных местностей, так резюмировал свои письма к невесте и к друзьям: «...Шестнадцать губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, неподкрепленные достаточною цепью, военною силою, суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году [1830] карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков и ч у т ь н е в з б у н т о в а л и 16 г у б е р н и й. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых

не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ...» и т. д. (Соч., изд. «Просвещения», т. VI, 531; изд. Венг., т. V, 431 — 432.) Эту мысль, возникшую под непосредственным впечатлением переезда из Болдина в Москву, Пушкин высказал, как видим, и в настоящем письме своем к Е. М. Хитрово.

388. *Е. М. Хитрово* (стр. 122). Впервые напечатано в изданном Пушкинским Домом сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгр. 1927, стр. 12—13; подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук; он — на листе почтовой бумаги большого формата, с вод. знак. УФНсП 1830, проколот для дезинфекции, — из чего можно заключить, что оно шло по почте. На чистом обороте второго полулиста помета рукою Е. М. Хитрово: «Пушкин».

Перевод: «Мой отец только что переслал мне письмо, которое Вы адресовали мне в деревню. — Вы должны быть уверены в моей признательности, так же, как я уверен в участии, которое Вы принимаете в моей судьбе. Поэтому и не буду говорить Вам об этом. Известие о моем разрыве с невестой ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на моем обычном молчании с моими друзьями. Более всего интересует меня в настоящий момент то, что происходит в Европе. Вы говорите, что выборы во Франции идут в добром направлении. Что называете Вы добрым направлением? Я трепещу, как бы они не внесли во всё это стремительность победы, и как бы Луи-Филипп не оказался чересчур королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадил на скамьи депутатов молодое необузданное поколение, горячее, мало устрашенное эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую оно само не переживало. Я еще не читаю газет, так как у меня не было времени оглядеться. Что же касается до русских газет, то, признаюсь Вам, меня очень удивило запрещение Литературной Газеты. Конечно, издатель напрасно поместил конфектный билетец К. де Ла-Виня. Но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда каких-либо политических намеков. Мне обидно за Дельвига, человека спокойного, отца семейства, вполне достойного, и которому тем не менее глупость или минутная оплошность могут повредить в глазах Правительства, — и это как раз в то время, когда он просил у его величества пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига. Будьте добры повергнуть меня к ногам графинь, ваших дочерей, коих расположение мне более чем драгоценно, и позвольте пребывать и впредь у Ваших ног. 11 дек.»

— Сергей Львович Пушкин с женою проводил зимние месяцы 1829 — 1830 г. по обыкновению в Петербурге, откуда и переслал в Москву очередное, нам неизвестное письмо Е. М. Хитрово, которая еще не знала, что поэту удалось выбраться из Болдина и что он в Москве уже с 5 декабря.

— Дошедшие до Е. М. Хитрово слухи о разрыве поэта с невестой не были совсем безосновательны, и сам он, как мы видели из писем его к Н. Н. Гончаровой и к кн. В. Ф. Вяземской от конца августа (см. выше, № 363 и 365), считал, что свадьба его расстроилась. Возможно, как предполагает Н. В. Измайлов, что письмо к кн. Вяземской (она, однако, жила не в Петербурге, как полагает Н. В. Измайлов, а в Остафьеве), не сумевшей сохранить его в тайне, и было причиной распространения слухов, которые дошли до Хитрово («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», стр. 77). Слухи подтверждал и отец поэта (см. выше, в № 376 и 380). По приезде в Москву, он 9 декабря сообщал Плетневу, что «нашел тещу озлобленную на него и насилу с нею сладил, — но, слава богу, сладил» (см. выше, № 386 и в объяснениях к нему, стр. 490).

— Подробности о выборах в Палату депутатов по новому Положению о них, изданному новым правительством Луи-Филиппа, см. в статье Б. В. Томашевского в сборнике Писем Пушкина к Е. М. Хитрово; там же о применении к Луи-Филиппу выражения «король-чурбан» (или «король-бревно»).

— О запрещении «Литературной Газеты» Дельвига за напечатание «конфектного билетца» К. Делавиня см. выше, в объяснениях к письму № 386, стр. 491 — 492.

№ 388. — Дельвиг был женат на Софье Михайловне Салтыковой, имел тогда маленькую, полугодовалую дочку Елизавету и, кроме того, воспитывал у себя двух своих малолетних братьев.

— Генерал Дельвиг — барон Антон Антонович, отец одноименного поэта и друга Пушкина, служил в военной службе с 1790 года, при чем участвовал в первой войне с Наполеоном, после чего, будучи майором Астраханского гренадерского полка, был назначен Московским плац-адъютантом; пробыв в этой должности короткое время, он определен был затем Московским же плац-майором — 16 января 1806 («С.-Петерб. Ведом.» 1806 г., № 8); он жил в Кремле, в комендантском доме и занимал должность плац-майора свыше 10 лет, числясь в 1813 г., уже в чине полковника, в л.-гв. Измайловском полку; произведенный затем, 30 августа 1816 г., в генерал-майоры, он вскоре назначен был окружным начальником или командиром сперва 1-го (в Нарве), а потом 2-го (в Витебске) Округа Отдельного корпуса внутренней стражи (1819; 1824), весною 1826 г. уволен был в отпуск, а вскоре и совсем вышел в отставку; поселившись в имении жены, в Чернском уезде Тульской губернии, он умер там 8 июля 1828 г., 56 лет от роду, и погребен на кладбище с. Белина, того же уезда (В. И. Чернопятов, «Тульский Некрополь», М. 1912, стр. 49, с неверной датой смерти). Скончался он в присутствии сына-поэта, который вместе со своею женою приехал тогда навестить его в деревню. «Хлопочи, хлопочи обо мне, брат Пушкин, и пожалей меня. Добрый отец мой умер. Скажи о моей печали почтеннейшему Сергею Львовичу и Надежде Осиповне. Я уверен, они примут живое участие в горе моем», — писал он своему другу из Чернской усадьбы. «Я лишился отца и отца редкого, которого никогда не перестану оплакивать», — читаем в его неизданном письме от 13 июля 1828 г. к В. Д. Корнильеву (подлинник — в Пушкинском Доме); в проекте же письма на имя Николая I поэт писал: «Покойный отец мой в продолжение сорокалетней службы своей известен был начальникам, подчиненным и посторонним свидетелям бескорыстием и точным исполнением на него возложенных должностей. Двадцать лет, любимый начальниками и всем городом, был он сперва плац-адъютантом, потом плац-майором в Москве. Мирные подвиги его до сих пор в ней помнятся. Значительнейшие вещи, занесенные в квартиру его французами во время достопамятного 1812 года, несмотря на высочайшее позволение считать их своими, были им возвращены прежним владельцам. Слишком полтораста тысяч рублей, за несколько дней до вторжения французов в Москву присланные неизвестно кем и без росписки отданные тетке моей по причине опасной болезни его, по выздоровлении представлены им начальству...» (неизд.). Дельвиг писал это по поводу хлопот своих о пенсии вдове умершего — Любови Матвеевне, рожд. Красильниковой (ум. 1859), которая осталась после смерти мужа с ничтожным имением, но с огромною семьею: кроме сына-поэта, у нее были еще сыновья Дмитрий, Александр и Иван Антоновичи и кроме двух замужних дочерей — Марии Родзевичь и Варвары Тейльс, — три незамужних: Анна, Глафира и Любовь Антоновны; из них к баронессе Марии Антоновне Пушкин-лицеист в 1815 и 1816 г. обратил стихотворения: «Вам восемь лет, а мне семнадцать било» и «Вчера мне Маша приказала...»; в то время она была в Царском Селе вместе с родителями, приезжавшими навестить сына в Лицее. «Дядя мой был добрейший человек, очень кроткий», пишет барон А. И. Дельвиг о генерале Дельвиге в своих «Воспоминаниях»: «Его все любили, в особенности были к нему расположены дамы за его веселость и добродушие. Такой отзыв о нем я постоянно слышал в Москве, где его многие знали, так как он прослужил в ней двадцать лет... Говорили мне, что я очень похож на моего дядю, но только далеко не так красив собою...» (ч. I, стр. 11). Что касается жены его, матери поэта, — то она, по словам Плетнева, была «дочь или внука астронома (не помню фамилию, что-то в роде Красильникова), жившего при Елизавете, товарища Ломоносова. Обсерватория тогда была в Москве, и императрица, наблюдая какое-то явление, стояла там, опираясь на руку деда Дельвига, о чем последний говаривал с гор-

достью» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, стр. 414).[1] *№ 389.*

— Графини, дочери Е. М. Хитрово, — Д. Ф. Фикельмон и Е. Ф. Тизенгаузен; о них см. выше, стр. 418 и 358.

389. *П. В. Нащокину* (стр. 123). Впервые напечатано в сборнике П. И. Бартенева «Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 383; подлинник (на клочке бумаги, карандашом) неизвестно где теперь находится.

— Это — первое из дошедших до нас 25 писем Пушкина к Нащокину (см. о нем выше, в объяснениях к письму № 382, стр. 483), с которым поэт, по словам П. И. Бартенева, «подружился еще в Царскосельском Лицее, навещая брата своего в Лицейском Пансионе Гауеншильда, где воспитывался некоторое время и Нащокин. Своеобразный ум Нащокина, его талантливая, широкая натура и превосходное сердце рано полюбились Пушкину. Нащокин поступил в ополчение и потом в Измайловцы, не кончив курса в пансионе. С отъездом Пушкина на Юг [в 1820 г.] прекратились их сношения; но в 1826 году, когда он возвращен был в Москву и встретил там Нащокина, они снова сблизились и подружились крепко. Наезжая в Москву, Пушкин останавливался у Нащокина (и всегда радовался, что извозчики из Почтамта умели провезти к нему, несмотря на то, что он часто менял квартиры). Хотя Нащокин мог служить лучшим образцом плохого хозяина, прожив на своем веку не одну тысячу душ и спустив на разные затеи целый ряд наследств, — тем не менее, Пушкин признавал в нем житейскую опытность и любил следовать его советам» («Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 383; «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 27). В зиму 1830 — 1831 г. Пушкина часто видала у Нащокина цыганка Таня (Татьяна Демьяновна); и впоследствии рассказывала Б. М. Маркевичу: «К зиме опять Пушкин в Москву приехал, — только реже стал езжать к нам в хор. Однако, не редко я его видала попрежнему у Нащокина. Стал он будто скучноватый, а всё же попрежнему вдруг оскалит свои большие белые зубы, да как примется вдруг хохотать! Иной раз даже испугает просто, право!» (Сочинения Б. М. Маркевича, т. XI, стр. 135). О Нащокине, позднейший портрет которого Гоголь, как полагают, нарисовал в образе Хлобуева во 2-м томе «Мертвых Душ», — см. выше, в объяснениях, стр. 483, а также у П. В. Анненкова, «Материалы», изд. 1855, стр. 216, статьи: М. О. Гершензона (в книге «Образы прошлого», М. 1912, стр. 51 — 70); в Соч., ред. Венгерова, т. V, стр. 18 — 29 и в книге: «Мудрость Пушкина», М. 1919; у Н. И. Куликова («Русск. Стар.» 1880 и 1881), у Н. П. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. VII, стр. 310 (письмо Нащокина к Погодину о вещах, доставшихся ему после смерти Пушкина) и «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925.

— По поводу слов Пушкина: «Сейчас еду богу молиться» П. И. Бартенев говорит: «Н. И. Гончарова возила дочь свою и ее жениха по соборам и к Иверской» («Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 383); теща поэта отличалась крайнею религиозностью и приверженностию к церковным обрядам (см. выше, стр. 337 — 339, в объяснениях к письму № 292).

— «Мой Татарин» — тот, у которого Пушкин купил шаль для своей невесты. Нащокин, по словам П. И. Бартенева, вообще принимал большое участие в устроении дел Пушкина перед его свадьбою («Девятнадцатый Век», кн. I, стр. 383; «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 60).

390. *Н. С. Алексееву* (стр. 123). Впервые напечатано в Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 203 — 205, по копии из бумаг Анненкова; в нашем издании печатается по подлиннику, принадлежащему ныне Пушкинскому Дому.

---

[1] Любовь Матвеевна Дельвиг, действительно, была внучкою известного геодезиста Академии Наук и ее адъюнкта и астронома, майора Андрея Дмитриевича Красильникова (ум. 15 февраля 1773 г., — сообщ. Л. Б. Модзалевский) — дочерью его сына Матвея Андреевича (род. 1739), занимавшегося, между прочим, переводами. *Б. М.*

№ 390. — О Н. С. Алексееве см. выше, в письме № 224, и в объяснениях к нему стр. 210, а также к письму № 62 тома I, стр. 283.

— «Мой милый, как несправедливы» — первый стих послания самого Пушкина к Алексееву (1821 г.).

— Два письма Пушкина, будто бы посланные им Алексееву, до нас не дошли, как и до Алексеева.

— Бык — речка, протекающая через Кишинев (см. выше, в т. I, в письме № 26 и в настоящем томе № 224).

— О «Еврейке» — М. Е. Эйхфельдт — см. выше, стр. 211, в объяснениях к письму № 224.

— О Пульхерии Егоровне Варфоломей см. выше, в т. I, в объяснениях к письмам № 51 и 62, стр. 263 и 282. Имя ее занесено в Дон-Жуанский список Пушкина, ибо поэт усердно ухаживал за этою красивою, но бесчувственною девушкою.

— Стамо — Екатерина Захаровна или Земфировна, рожд. Ралли, молоденькая жена пожилого чиновника в Кишиневе, Апостола Константиновича (или Ивановича) Стамо, служившего в Областном Бессарабском Гражданском Суде Советником («Месяцеслов на 1821 г.», ч. II, стр. 563); очень малого роста, но с чрезвычайно выразительным смуглым лицом, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная, она, по словам И. П. Липранди, «резко отличалась от всех своими правилами, была очень любезна, говорлива и преимущественно проповедывала нравственность. Пушкин любил болтать с нею, сохраняя приличный разговор» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1231). Рассказы Е. З. Стамо о Пушкине, записанные З. К. Ралли-Арборе, напечатаны в журнале «Минувшие Годы» 1908 г., № 7, стр. 1—6; из них видно, что Пушкин довольно настойчиво ухаживал за этой молодой, красивой женщиной и однажды даже сделал ей признание в любви, — в двух письмах, которые долго у ней сохранялись, но до нас, к сожалению, не дошли.

— Худобашев — Артемий Макарьевич, родом армянин, один из чиновников особых поручений при гр. М. С. Воронцове, как Полномочном Наместнике Бессарабской области, — сослуживец Н. С. Алексеева, занимавшего такое же место; из многочисленных писем его к Х. Я. Лазареву (в архиве Абамелек-Лазаревых в Пушкинском Доме) видно, что он служил в Кишиневе с начала 1820-х годов и был жив еще в 1839 году, проживая там же. Он упоминается в приписываемом Пушкину шуточном стихотворении, в котором, при перечислении Кишиневского общества, на балу у Варфоломея названы

В пятой паре, для красы,
Худобашев с Пульхерицей, —
Бекасиновы носы.

Липранди рассказывает, что когда Пушкин написал [14 декабря 1820 г.] свою известную «Черную шаль», то Худобашев, армянин «лет за 50, смешной наружности, принял на свой счет «армянина» песни. Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что действительно отбил кого-то у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева, — что̀ случалось очень часто, — начинал читать «Черную шаль». Ссоры и неудовольствия между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина и с некоторыми другими), приговаривая: «Не отбивай у меня гречанок!» Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1230).

— О генерале Иване Никитиче Инзове см. выше, в т. I, стр. 209, 231, 341 и письмо № 69.

— Об И. П. Липранди см. в т. I, в объяснениях к письмам № 19 и 224.

— О Сергее Дмитриевиче Киселеве, родственнике Н. С. Алексеева, см. выше, в объяснениях к письмам №№ 225, 284 и 299.

— Брат Киселева — Павел Дмитриевич, генерал-адъютант, с 14 сентября 1829 г. занимавший пост Полномочного Председателя Диванов княжеств Молдавии и Валахии; о нем см. выше, в т. I, в объяснениях к письму № 41, стр. 250.— С. Д. Киселев посылал брату, без сомнения, последнюю выходившую тогда (под редакцией М. П. Погодина) «Ведомость о состоянии города Москвы» (см. выше, стр. 473, в объяснениях к письму № 375). № 391.

— Н. С. Алексеев ответил Пушкину из Бухареста, где служил при П. Д. Киселеве, письмом от 14 января 1831 г., в котором, благодаря поэта за письмо и воспоминание и поздравляя его с помолвкою, отвечал на его вопросы: «Ты, спрашивая меня о Кишиневе, вероятно забыл, что уже третий год я нахожусь в Валахии; но если ты никем не извещен о всем, что произошло в Бессарабии, то я могу тебе дать краткий отчет. — Мадам Стамо и Еврейка овдовели и наконец свободны от мужей. Дела отца Пульхерии, порученные мне Лордом Мидасом, [1] я успел поправить в его пользу, и она теперь могла бы обворожить Горчакова более, нежели в те времена, когда он ей жертвовал жизнию, откинув страх быть твоим соперником. Инзов поселился в Болграде настоящим Бюфоном и Бонетом, разводит сады, кормит птиц, делает добро, и без него всё управление идет своим порядком или беспорядком. Худобашев в отставке и живет в Кишиневе для украшения города. Липранди, с грехом пополам прослужив Турецкую кампанию, проев и пропив кучу денег в обоих Княжествах, наконец женился в Бухаресте и по чувствам (как уверяет). По вызову начальства он должен был отправиться в Тульчин, оставя жену в одном маленьком городке ожидать его возвращения» и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. II. стр. 215 — 216).

391. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 124). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 449; подлинник (на бумаге — вод. зн. 1830 г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Письмо это — ответ на недошедшее до нас письмо кн. Вяземского из Остафьева.

— По службе — т.-е. по обязанностям жениха.

— «Северные Цветы на 1831 г.» вышли в свет и поступили в продажу 24 декабря 1830 г. («Литер. Газета» 1830 г., № 68, стр. 262); в них из стихотворений Пушкина были помещены: «Поэту» («Поэт, не дорожи любовию народной»), «Ответ Анониму», «Монастырь на Казбеке», «Отрывок» («На холмах Грузии....») и «Обвал». Кн. Вяземский напечатал там стихотворения: «Осень 1830 г.», «Эпиграмму», «Святочную шутку (Е. А. Тимашевой)», «Леса», «Родительский дом», «К журнальным благоприятелям» и «К А. О. Россетти».

— «Борис Годунов» поступил в продажу в Петербурге 22 — 23 декабря 1830 г. (Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 95 — 96). Уже 24 декабря Жуковский принес экземпляр трагедии слепому поэту И. И. Козлову («Стар. и Новизна», кн. XI, стр. 50), но еще 1 января 1831 г. сам Пушкин не имел его в руках (см. в письме его к Н. А. Полевому), 2 же числа поэт уже послал П. Я. Чаадаеву и кн. Вяземскому экземпляры своей трагедии при записках (см. в т. III).

— Кн. Вяземский отвечал Пушкину на его записку 1 января: «Милости просим, приезжай, да прошу привезти с собою Полиньяковское Шампанское.[2] Пришли Бориса. Вот стихи, которые прошу прочесть и отдать Максимовичу. Пришлю ему и прозы малую толику. Узнай, будет ли у него в Альманахе что Полевого? Если нет, то дам ему статейку на него. С новым годом не поздравляю: Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит» и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 207). Пушкин ответил Вяземскому, в свою очередь, 2 января, послав своему другу экземпляр «Бориса Годунова» (см. в т. III).

---

[1] Т.-е. Гр. М. С. Воронцовым.

[2] См. выше, в объяснениях к письму № 370, стр. 467.

К дополнению к т. I.

180а. *О. С. Пушкиной* (стр. 125). Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Академии Наук СССР» 1927 г., № 1—2, стр. 151—156, по автографу, найденному им среди автографов Пушкина из Остафьевского архива (ныне в Центрархиве); подлинник — на листе почтовой бумаги большого формата с водяными знаками: Гг. X. 1824 Г.

Перевод: «Мой дорогой друг, полагаю, что вы приехали. Сообщи мне, когда вы рассчитываете отправиться в Москву, и дай мне ваш адрес. Я очень грустен от того, что со мной произошло, но я это предсказывал, а сие очень утешительно, как тебе известно. Я не жалуюсь на мать, — наоборот, я ей очень признателен: она думала сделать для меня хорошо, она принялась за это горячо, и не ее вина, что она ошиблась. Но мои друзья! они сделали как раз то, что я заклинал их не делать. Что за безумное упорство принимать меня за дурака и толкать меня в беду, которую я предвидел, на которую я им указывал! Они возбуждают неприязненные чувства в его величестве, продляют мое изгнание, издеваются над моим существованием, и когда поражаются всеми этими ошибками, — они говорят комплименты насчет моих прекрасных стихов и идут себе ужинать. Что делать? я грустен и обескуражен, мысль ехать во Псков представляется мне в высшей степени нелепой; но так как будут довольны, если я буду не в Михайловском, то я и ожидаю, чтобы мне на то было дано приказание. Всё это — дело легкомыслия, жестокости непонятной. — Еще одно слово: здоровье мое требует другого климата, а его величеству не сказали о том ни слова. Его ли вина, что он ничего об этом не знает? Мне говорят, что общество в негодовании, — я — тоже, но я негодую на беспечность и легкомыслие тех, которые мешаются в мои дела. О, боже мой, избавь меня от друзей! *На обороте:* М. Г. Ольге Пушкиной. — Няня заочно у вас, Ольга Сергеевна, ручки цалует — голубушки моей».

Датируется по связи с письмом кн. П. А. Вяземского к Пушкину от 28 августа 1825 г., в котором Вяземский приводит одну фразу из настоящего письма поэта к сестре: «Mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловски, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre», говоря, что из письма этого О. С. Пушкина «только слез, а не толку добилась», и что она «целый день проплакала и в слезах поехала в Москву» (см. это письмо Вяземского в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 277—281 и наше издание Писем, т. I, стр. 499 и 509—512). Письмо Пушкина к сестре адресовано было в Петербург, куда она должна была вернуться, с родителями, с морских купаний из Ревеля около 10 августа. Действительно, в Петербурге Пушкины уже были никак не позже 14—15 августа, — следовательно поэт, несомненно заранее знавший о приблизительном времени выезда сестры из Ревеля, направил ей свое письмо из Михайловского *в Петербург,* считая сестру и родителей уже вернувшимися туда из курорта («полагаю, что вы приехали» — писал он). 23 августа О. С. Пушкина уже отправилась из Петербурга в Москву, но всё же успела повидаться с Вяземским и передать ему письмо брата, — вероятно, накануне своего отъезда, — так как Вяземский, проводивший лето также в Ревеле и выехавший оттуда 19 августа, приехал в Петербург через два дня — т.-е. 21 числа (см. наше издание Писем, т. I, стр. 482 и 508). Тогда же, вероятно, или немного позже (но во всяком случае, до середины сентября, когда Вяземский отправился в Москву), содержание письма Пушкина к Ольге Сергеевне стало известно и Жуковскому, который, в конце сентября, писал поэту, что «крепко-было рассердился на него за письмо к его сестре» (там же, стр. 519). Не будет, кажется, поэтому, натяжкою предположить, что письмо Пушкина к сестре писано было 14 или 15 августа, в один день с письмами поэта к А. П. Керн (№ 170) и кн. П. А. Вяземскому (№ 171) и *до* письма к Жуковскому от 17 августа (№ 172), — уже такого спокойного и умиротворенного, в коем он предавал «дух свой» в руки своего старшего попечительного друга. — Помимо своего содер-

жания, так отчетливо рисующего душевное состояние Пушкина, его досаду на то, что и на этот раз не осуществилась его мечта попасть заграницу, — настоящее письмо важно еще тем, что представляет *единственный* образец не сохранившихся до нас писем Пушкина к сестре (см. наше издание Писем, т. I, стр. XXXVII); наконец, оно дорого находящеюся в конце припискою от имени няни, Арины Родионовны, — припискою, передающею, — несомненно под ее диктовку, — подлинные ее слова, такие наивные в своей простоте и ласковости.

— О хлопотах матери поэта, Н. О. Пушкиной, в пользу освобождения сына из ссылки см. в т. I, стр. 447, 462, 469 — 470, 471, 476, 477, 478, 509 — 510, 525; ср. т. II, стр. 174 — 175 (1826 г.).

Дополнения и поправки к тексту и примечаниям т. I.

К письму № 2, стр. 5 и 178 — 179: о времени знакомства кн. П. А. Вяземского с Пушкиным см. еще в «Старине и Новизне», кн. XIX, стр. 3—7.

К письму № 2, стр. 4 и 180: Отрицательно отнесся к «Россиаде» Хераскова уже в 1815 году и молодой писатель П. М. Строев (род. 1796, ум. 1876), который поместил о ней статью в своем журнале «Современный Наблюдатель Российской Словесности», прямо и смело восстав против этой эпопеи (см. А. С. Архангельский, «Пушкин в его произведениях и письмах», Казань. 1887, стр. 18; ср. «Русск. Стар.» 1876 г., № 2, стр. 426).

К письму № 10, стр. 197 — 198: О Н. В. Всеволожском см. еще в книге М. О. Гершензона: «Статьи о Пушкине», М. 1926, в статье о «Путешествии в Арзрум», стр. 50 — 52.

К письму № 13, стр. 202: О Катенине и Пушкине см. в статье Ю. Н. Тынянова: «Архаисты и Пушкин» в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926 г., стр. 226 — 282 (по указ.).

К письму № 13, стр. 10 и 202 — 203: О «барельефах» пиров Гомеровых и о насмешках Катенина и Булгарина над ошибкою Вяземского см. еще в «Остафьевском Архиве», т. II, стр. 249 и 534, т. III, стр. 45 и 426.

К письму № 16, стр. 207: О Л. С. Пушкине см. еще в статье Е. В. Сказина: «Л. С. Пушкин в Одессе» — в сб. «Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева», вып. I, Одесса. 1925, и вып. II, Одесса. 1926, стр. 101.

К письму № 19, стр. 15 и 219: Записка опубликована одновременно с настоящим изданием в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXI—XXXII, стр. 1—2, с объяснениями Б. Л. Модзалевского. — Ю. Г. Оксман справедливо указывает, что полковником, к которому обращена записка Пушкина, мог быть не только И. П. Липранди, но и Павел Иванович Пестель (декабрист), с которым Пушкин видался в Кишиневе («Научный Работник» 1927 г., № 4, стр. 126).

К письму № 20, стр. 16: По указанию Н. О. Лернера, Пушкин, предлагая Дельвигу написать «поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года», намекал здесь на «День» («Il Giorno») итальянского поэта Парини и на знаменитую поэму Томсона «Четыре времени года», а может быть, — на стихотворение француза Беркена; об этих произведениях см. в книге П. Н. Сакулина: «В. Ф. Одоевский», т. I, ч. I, М. 1913, стр. 238 — 239 («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 21, стр. 17 и 222: Слова Пушкина к Гнедичу:

О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый...

следует сравнить с обращением к Катенину в «Евгении Онегине»:

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый.

См. в статье Ю. Н. Тынянова в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 389.

К письму № 23, стр. 20: Об упоминаемом Пушкиным богаче банкире Андрее Паули, пожертвовавшем 600.000 пиастров на дело Греческого восстания, см., между прочим, в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского: «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV, С.-Пб. 1882, стр. 13 (указание Н. О. Лернера — «Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 23, стр. 225: Подробности к сказанному о Греческом восстании см. еще в статье В. И. Селинова: «Пушкин и Греческое восстание» — в сб. «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева, вып. II, Одесса. 1925.

К письму № 28, стр. 24 и 232: Это письмо к Н. И. Гречу было напечатано ранее, чем в «Древней и Новой России» 1876 г., т. I, стр. 97—98, — в «Русском Архиве» 1869 г., ст. 602—603; в обоих изданиях — оно опубликовано было по подлиннику, но с разночтениями. У нас дан сводный текст. Перепечатано еще в «Русск. Стар.» 1879 г., № 8, стр. 675—676.

К письму № 28, стр. 233—234: О гр. Ф. И. Толстом см. еще в книжке С. Л. Толстого — «Федор Толстой Американец», М. 1926, где приведено несколько писем Толстого к кн. В. Ф. Гагарину.

К письму № 29, стр. 24 и 235: Об отношениях Пушкина и декабриста В. Ф. Раевского см. еще в издании «Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 657—658.

К письму № 31, стр. 237: Об И. П. Липранди см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 62—65.

К письму № 32, стр. 239: Кроме указанных изданий «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина было еще одно издание — 1913 г., под ред. В. Ф. Саводника.

К письму № 33, стр. 26: По поводу выражения Пушкина: «Ты не Московская кузина», Н. О. Лернер пишет: «Московская кузина» в представлении Пушкина — тип, и весьма непривлекательный; три года спустя, он сравнил с нею Грибоедовскую Софью [см. в письме № 119, стр. 115], а в 1831 г. П. В. Нащокин в письме к Пушкину смеялся над своим «нежным слогом московской кузины» [Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 239] («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276.

К письму № 34, стр. 27 и 28 и 240: Латинская фраза из Овидия: «Vade, sed incultus»... взята была, как эпиграф, и Батюшковым ко 2-й части «Опытов» его («Стихи»), издания 1817 г. (ср. Сочинения Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова, т. I, стр. XX и т. III, стр. 408).

К письму № 41, стр. 35 и 242: Долгорукий, с которым Пушкин писал из Кишинева к отцу, — несомненно, — князь Павел Иванович Долгоруков (род. 21 ноября 1787, ум. 8 февраля 1845), брат его знакомца по Обществу «Зеленая Лампа» князя Д. И. Долгорукова; сын известного поэта князя И. М. Долгорукова, князь Павел Иванович в 1821—1822 году служил в Бессарабии, в Кишиневе, членом Попечительного Комитета о колонистах Южного края России (Главным Попечителем и Председателем Комитета был генерал И. Н. Инзов) и имел чин надворного советника. См. о нем: Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т. I, ч. 3, стр. 144, № 204; «Месяцослов» на 1822 г., ч. I, стр. 329; «Русск. Арх.» 1914 г., № 4, стр. 479 и № 6—7, стр. 211.

К письму № 43, стр. 38 и 254: Гр. Пушкин, упоминаемый Пушкиным, — не граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, а граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс (род. 19 ноября 1773, ум. 5 апреля 1836); он был близок к театру, сожительствовал с артисткой Нимфодорой Семеновной Семеновой и вел открытый образ жизни, при чем у него в числе гостей бывали Жуковский, Крылов, Гнедич, Пушкин и другие писатели, художники, артисты. См. о нем в «Записках» П. А. Каратыгина, С.-Пб. 1880, стр. 219, и «Остафьевский Архив», т. III, стр. 700—701.

К письму № 52, стр. 264—265: О стих. «Мечта воина» см. в статье В. И. Селинова в сб. «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева, вып. II, Одесса. 1925 г.

К письму № 57, стр. 274: Об А. Г. Родзянке см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 80—81.

К письму № 59, стр. 275: Об Одесском ресторатора Цезаре Отоне и его воспоминаниях о Пушкине см. в Сочинениях Б. М. Маркевича, т. XI, стр. 388—389 и в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 71—72.

К письму № 59, стр. 53 и 275: О гр. Воронцове и об отношениях к нему Пушкина и обратно см. в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 45—48, и статьи Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса «К истории ссылки Пушкина в Михайловское» в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVII (печатаются).

К письму № 59, стр. 275—276: О В. И. Туманском см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 90—91.

К письму № 59, стр. 53 и 276: О Раиче и Пушкине и их встрече в Одессе в августе 1823 г. сделал отметку в своем дневнике М. П. Погодин: см. «Пушкин и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 69; см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 75—76.

К письму № 60, стр. 278: О Фурнье, которого звали Виктор-Андрей и который умер в Киеве 30 марта 1830 г., см. в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 92, и статью В. В. Мияковского в ж. «Україна» 1925, кн. 6, стр. 50—56: «Віктор Фурньє родина Раєвських».

К письму № 60, стр. 278: Об А. С. Стурдзе см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 86—88.

К письму № 60, стр. 279: О гр. А. Ф. Ланжероне см. еще сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. II, Одесса. 1926, стр. 32—40, статья А. М. Де-Рибаса: «Пушкин и Ланжерон-Драматург», и вып. III, Одесса. 1926, стр. 58—60 и 94—95, и в издании: «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Труды Пушкинского Дома, Лгр. 1927, а также статьи А. Г. Брикнера о сочинениях и Записках Ланжерона в «Русск. Ведом.» 1895 г., 97, 104, 195 и 204 и «Русский Биогр. Словарь», т. Л. стр. 60—65.

К письму № 60, стр. 279—280: О Ф. Ф. Вигеле см. в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 29—32.

К письму № 61, стр. 55—56: По поводу лица, обозначенного Пушкиным в этом черновике буквою S («M. S.» и «M-de S.») М. П. Алексеев высказывает догадку, что здесь имеется в виду известная красавица Каролина Адамовна Собаньская (род. ок. 1794, ум. 1885), рожд. гр. Ржевуская, по второму браку Чиркович, по третьему—Лакруа; если это так, то в переводе письма (стр. 280) вместо «вернулся», следует читать «вернулась». Ср. сб. «Пушкин. Статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса 1926, стр. 84—86; там же и о Собаньской, о коей см. еще в «Архиве Раевских», ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 311—314, и 562.

К письму № 62, стр. 282: О Н. С. Завальевском см. еще сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 53.

К письму № 62, стр. 283: О Н. С. Алексееве подробный очерк см. в сб. «Пушкин», ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 23—24.

К письму № 63, стр. 285: Об отношении Пушкина к А. Шенье см. еще в статье Н. К. Козмина в сб. «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, Лгр. 1926, стр. 351—360.

К письму № 67, стр. 292: О гр. Е. К. Воронцовой и отношениях ее и Пушкина см. подробный очерк в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 34—44 и 96; надо внести лишь поправку к стр. 40-й этого издания, где автор упоминает о двусмысленном упоминании Пушкиным M-me де *Wor.* в письме к приятельницам, тогда как указываемое место письма читать так нельзя (см. наше изд., стр. 63).

К письму № 67, стр. 292: М. П. Алексеев высказывает предположение, что с сочинениями Пьетро Аретино Пушкин мог познакомиться в Одессе, в библиотеке гр. М. С. Воронцова, в которой имелся редчайший сборник фривольных новелл Аретино; «Ragionamenti», изд. 1600 г. (см. сб.

«Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. II, Одесса. 1926, стр. 97, в его же статье: «Пушкин и библиотека Воронцова»).

К письму № 68, стр. 64 и 292: Л. Н. Майков отнес письмо Кипренского с упоминанием о Тургеневе, — к А. Н. Оленину (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, стр. 420), но это так же неправильно, как отнесение его к самому Тургеневу, — ибо Кипренский в письме своем говорит об Оленине и его семье, как о посторонних лицах.

К письму № 71, стр. 289: Об А. А. Шишкове см. еще в статье В. Ганцовой-Берниковой в ж. «Красный Архив», кн. 16, 1926 г., и в «Воспоминаниях» Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1903, стр. 37.

К письму № 71, стр. 299: Об А. И. Казначееве см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 56 — 57.

К письму № 72, стр. 67 и 299: Повидимому, именование Александра I «Иваном Ивановичем» было прозвищем ходячим в известном кругу; по крайней мере Н. О. Лернер указывает, что кн. А. С. Меншиков называет его так же в одном письме к А. А. Закревскому от 1815 г., напечатанном в «Сборнике Русск. Историч. Общества», т. 78, стр. 425 («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 73, стр. 69 и 304: О бессовестном отношении Воейкова к чужой литературной собственности см. еще на стр. 68, 75, 119, 125, 301, 402 — 403. В том же 1824 г. Воейков в таких словах писал о Пушкине в своих дорожных записках, напечатанных в «Новостях Литературы» (1824 г., кн. IX, август): «Посещу ли цветущую Одессу?... Обойму ли там Певца Бахчисарайского Фонтана, которого талант, может быть, теперь есть первый пиитический талант в Европе?» (ср. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 453).

К письму № 76, стр. 73 и 309: Когда письмо это дошло до Вяземского, он писал А. И. Тургеневу, 24 марта 1824 г., из Москвы: «Я вчера получил письмо от Пушкина из Одессы: цена, заплаченная за Фонтан, приободрила его, и он говорит мне, что начинает почитать русских книгопродавцев. Как довольны вы моим «Разговором»? Я дал волю своему перу, да к тому же и не боялся вас, идеологов» («Остафьевский Архив князей Вяземских», т. III, стр. 23 и 394).

К письму № 76, стр. 311: О Л. А. и О. С. Нарышкиных см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 68—70.

К письму № 77, стр. 74 и 314: Известие о том, что, говоря об «англичанине глухом философе», Пушкин имеет в виду проф. Вольсея, неверно: см. в сборнике «Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева», вып. III, Одесса. 1926, стр. 50 — 51; к сведениям о Гунчисоне, здесь приведенным, добавим новые данные, найденные нами в письмах графа и графини Воронцовых к Н. М. Лонгинову (в архиве М. Н. Лонгинова в Пушкинском Доме). Так, в письме из Парижа от 21 октября (2 ноября) *1821* года гр. М. С. Воронцов писал: «С нами живет один *Doctor Hutchinson*, которого рекомендовали нам чрезвычайно в Лондоне; он с нами поедет и в Россию; человек прекрасной, ученый, хорошо воспитанный, имел уже довольно практики и, что особенно для нас выгодно, был при Детском Гошпитале в Лондоне, в коем в полтора года лечил до 2000 детей. Один маленькой недостаток в нем, что немного глух, но, привыкнув к голосу,ето почти не приметно» (Письма 1821 г., л. 65 об. — 66). Из писем супругов Воронцовых в ноябре *1824* года видно, что в это время доктор Гутчинсон (они называют его то Гутчинсоном, то Гутчисоном) продолжал жить в их семействе, ухаживая за детьми и наблюдая за англичанкою-нянею, но уже, повидимому, собирался покидать Россию: по крайней мере 17 ноября граф Воронцов писал: ... «Мы получили из Лондона хорошее известие, что прекрасной человек Doctor Lee найден вместо почтенного нашего *Доктора Гутчисона*, и что он скоро сюда будет» (Письма 1824 г., л. 93 об., 97 об., 98 об.),

К письму № 78, стр. 75 и 315: 7 апреля 1824 г. гр. М. С. Воронцов писал Н. М. Лонгинову из Белой Церкви с направлявшимся в Петербург Н. Г. Сенявиным: «Подателя *Н. Г. Сенявина* рекомендую вам, как пре-

милого и прелюбезного молодого человека с наилучшими правилами и добрым сердцем. Я надеюсь, что отец его не лишит меня лучшего моего адьютанта» (Пушкинский Дом, архив М. Н. Лонгинова, письма гр. М. С. Воронцова 1824 г., л. 32).

К письму № 83, стр. 80 и 323 — 324: По содержанию этого чернового отрывка нельзя с уверенностью сказать, что это отрывок из *письма:* может быть, что это — набросок предположенной *статьи* на тему о Греческих делах, оставшейся незаконченною.

К письму № 85, стр. 325 — 326: О кн. В. Ф. Вяземской см. в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 48 — 50.

К письму № 87, стр. 84 и 331 — 332: М. А. Цявловский в отзыве о нашем издании справедливо указывает, что письмо это следовало бы датировать, судя по положению в тетради № 2370 и сопоставляя с письмами № 106 и 107, октябрем — началом ноября 1824 г.; послано оно было, вероятно, с Л. С. Пушкиным, когда он, в начале ноября 1824 г., из Михайловского уехал в Петербург («Печать и Революция» 1927 г., кн. II, стр. 109).

К письму № 88, стр. 332: О кн. П. П. Трубецком см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 89 — 90.

К письму № 88, стр. 85 и 333 — 334: О Пушкине и Байроне см. статью Н. К. Козмина в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 99 — 112.

К письму № 90, стр. 87 — 88: По поводу его П. О. Лернер замечает, что этот черновой набросок «скорее является наброском критической статьи», а не письма, и что его надо бы включить в отдел критических и полемических статей, как и письмо № 80 — к издателю «Сына Отечества» («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 102, стр. 357: О столкновении Пушкина с отцом и об отражении описанной им сцены в «Скупом Рыцаре» см. еще в книге В. Ф. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Лгр. 1924.

К письму № 103, стр. 96 и 360: Из перечня крестьян сельца Михайловского видно, что Михаилу Иванову [*Калашникову*] в 1825 году было 53 года, а вдове Ирине Родионовне [няне Пушкина] — 71 год; всей «дворни» было 29 человек (см. в брошюре «Из Псковской старины», Псков. 1916, в. I, стр. 15).

К письму № 113, стр. 110: В первой редакции черновика письма к Дельвигу, в рукоп. № 2370, ясно читается: «К. поэтически описалъ мнѣ его», а не «описал*а*», как у нас напечатано (указ. П. И. Зиссерман).

К письму № 114, стр. 111 и 382: Как справедливо заметил М. А. Цявловский, под инициалами «П. А.» надо подразумевать не Плетнева, а П. А. Осипову, которая, как можно думать, во второй половине декабря. когда Пушкин писал Дельвигу и зазывал его в Михайловское, была в Петербурге, откуда она вернулась во Псков 31 января 1825 г. (см. «Печать и Революция» 1927 г., кн. II, стр. 111; Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское» — «Пушкин и его соврем.», вып. I, стр. 140).

К письму № 117, стр. 388 (опечатка): годы рождения и смерти Ариосто следует читать: род. 1474, ум. 1533, как и указано выше, на стр. 244.

К письму № 118, стр. 113 и 391: Говоря об отношении Пушкина к «Московскому Телеграфу», следует упомянуть его поздний отзыв об этом журнале, находящийся в черновике «Мыслей на дороге»: говоря устами какого-то собеседника о предпочтении Московской словесности, он писал: «Московская словесность выше Петербургской. Г-н А. заводит журнал, потому что он отставлен от выгодного места. Г-н В. пишет роман, потому что романы в цене. Критики пишутся потому, что по краям газетного листа нужен фельетон, в полтора вершка, кайма для шали. — Даже в «Телеграфе», журнале Московском, принадлежащем к предприятиям чисто-торговым, даже и тут перевес на стороне Московского издателя. Какая смышленость в выборе переводных статей! Какая оборотливость в суждениях о предметах, вовсе чуждых понятиям критика! Какое бойкое шарлатанство! Куда Петербургским торгашам за нашими!» (Соч., изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 219 — 220, примеч.).

К письму № 121, стр. 116, 151—152, 159, 396, 489 и 499: М. П. Алексеев в сб. «Пушкин. Статьи и материалы», вып. III, Одесса. 1926, стр. 81—82, высказывает предположение, что Савелов, упоминаемый Пушкиным, не Автоном Петрович, а Павел Петрович; так как *оба* они были, по матери своей, Екатерине Александровне, рожд. Гурьевой, двоюродными братьями Одесского градоначальника, гр. А. Д. Гурьева, то рассказ гр. Д. П. Бутурлина, на который ссылается и М. П. Алексеев, мог бы быть отнесен к обоим братьям Савеловым; однако, из них лишь Автоном Петрович, женатый на Татищевой (как и указывает кн. В. Ф. Вяземская), служил в *Одессе,* тогда как Павел Петрович в 1824 и след. годах числился в *Московской* Удельной Конторе и о приезде его в Одессу нам ничего неизвестно. Ср. Л. М. Савелов, Савелковы и Савеловы XV—XX вв. Родословие, М. 1914, стр. 27 и 30).

К письму № 121, стр. 116 и 398—399: Слова из объявления Филимонова об издании им книги «Искусство жить» — «доколе Парки неумолимые позволят» — Пушкин вспомнил позже (1830—1831?), набрасывая начало «Истории села Горюхина»: в одном из черновиков его читаем: «Спи-то... нападения принудили меня в первый раз выступить на поприще писателей, надеясь быть полезным любезным моим соотечественникам, *пока неумолимые Парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Ф. в одном трогательно-грустном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения»*... — Это служит лишним доказательством памятливости Пушкина, который надолго и прочно удерживал воспоминание о различных литературных курьезах, однажды обративших на себя его внимание.

К письму № 123, стр. 403—404: О П. А. Муханове см. еще сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 67—68.

К письму № 124, стр. 119 и 406: Выражение о «мелочной лавке № 1» следует сравнить не только с письмом к Гнедичу же от декабря 1829 г. (см. т. II, № 301, стр. 69 и 356), но и с письмом к Вяземскому от начала июля 1825 г., № 151, стр. 139; по указанию Н. О. Лернера, это выражение стоит в связи с анекдотической лавочной вывеской, упоминаемой в рассказе А. П. Башуцкого «Самоотверженные» в сб. «Молодик» на 1844 г., стр. 141 («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 125, стр. 119 и 125: Василий, Архип и староста — крестьяне Пушкина в Михайловском; из них Архип Кириллов был одним из дворовых людей («Из Псковской старины», в. I, Псков. 1916, стр. 15).

К письму № 127, стр. 120 (опечатка): Вместо «У *нас* ересь» следует читать: «У *вас* ересь».

К письму № 137, стр. 126: М. А. Цявловский справедливо указывает в своем отзыве о нашем издании, что письмо это следует датировать *первой половиной мая* 1825 г. Ответ Козлову — стихи к нему Пушкина («Певец, когда перед тобой...») — помечены Пушкиным 15-м мая 1825 г. («Печать и Революция» 1927 г., кн. II, стр. 109).

К письму № 139, стр. 128 и 428: Священника Опочецкого уезда села или погоста Воронича Воскресенской церкви Раевского звали Иларионом Евдокимовичем (см. брошюру «Из Псковской старины», в. I, Псков. 1916, стр. 15). Рассказы о нем и Пушкине его дочери Акулины Иларионовны, по мужу Скоропостижной, см. в книжке А. Н. Мошина: Новое о великих писателях, изд. 2, С.-Пб. 1908, стр. 20—23. Пушкин подарил попу Шкоде, по словам его дочери, 7 десятин земли из Михайловской дачи.

К письму № 144, стр. 131—132: Как справедливо указывает М. А. Цявловский в отзыве о нашем издании, — приписка Пушкина на письме этом, от 25 мая, начинающаяся словами: «Ты вызываешься сосводничать мне Полевова», является ответом на письмо Вяземского к Пушкину от 7 июня (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 228—229) и, следовательно, сделана значительно позже — около середины июня, — не ранее («Печать и Революция» 1927 г., кн. II, стр. 109).

К письму № 169, стр. 489: О Ф. Л. Лучиче см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 66.

К письму № 169, стр. 490: О В. Д. Казначеевой см. еще в сб. «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, вып. III, Одесса. 1926, стр. 55—56, 96.

К письму № 170, стр. 152—153: Как справедливо указал М. А. Цявловский в отзыве о нашем издании, письмо это следует датировать: «[13] и 14-го августа», так как в конце его есть фраза: «Это всё было написано вчера», а дата — 14-го августа — поставлена в конце письма («Печать и Революция» 1927 г., кн. II, стр. 109).

К письму № 171, стр. 154: По поводу слов Пушкина о стихе Вяземского «Влаги властелин»: «Вла Вла» звуки музыкальные», Н. О. Лернер сопоставляет у самого Пушкина выражения: «влажные власы» («Русалка», 1819 г.), «кладезь, наполненный прохладой» («Подражания Корану», IX) и др. («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 173, стр. 156 и 496: Подлинник ныне в Пушкинском Доме (существенных разночтений нет). — По мнению М. А. Цявловского, письмо это можно датировать не «вторая половина августа» и не «около 24 августа», как сделано в нашем издании (стр. 156 и 496), а «21 августа», так как на это число приходился «почтовый» день («Печать и Революция» 1927 г., кн. II. стр. 109).

К письму № 174, стр. 157—158 и 497: Подлинник ныне в Пушкинском Доме (существенных разночтений нет).

К письму № 175, стр. 158—159 и 497—498: Подлинник ныне в Пушкинском Дом (существенных разночтений нет).

К письму № 177, стр. 159 и 499: По мнению М. А. Цявловского, письмо это следует датировать не «около 12 сентября» и не «концом сентября», а еще позже — «серединой ноября», так как в письме речь идет о статье о «Нью-Стидском Аббатстве» в № 20 «Московского Телеграфа» 1825 г., — а этот номер вышел не ранее 7 ноября, что видно из «Московских Ведомостей» 1825 г., № 89, стр. 3079 («Печать и Революция» 1927 г., кн. II, стр. 109).

К письму № 180, стр. 163 и 516: После смерти Пушкина, в рецензии своей на последние томы посмертного издания сочинений поэта, Полевой так вспоминал о своих отношениях с ним: «Пишущий эти строки не смеет причислить себя к друзьям Пушкина. Он смеет думать, что Пушкин наградил бы его, может быть, большею приязнью, даже дружбою, если бы не обстоятельства и не отношения их разделяли. Смеет думать он и то, что, может быть, он более многих других ценил, понимал Пушкина при жизни его, более многих других дорожил его славою и желал ему добра, при жизни поэта осмеливаясь беспристрастно и смело говорить ему правду, и скорбя, когда, казалось ему, Пушкин не выдерживал своего характера, как человек и как поэт. Увлекаемый отношениями, о которых не хотим мы здесь говорить, Пушкин иногда оскорблялся тем, даже несколько раз бывал несправедлив, но, пылкий и добрый, он сознавался потом в своей несправедливости и до конца жизни сохранил уважение к своему критику. С 1825 года начались наши письменные сношения, когда Пушкин жил в своей Псковской деревне. Он принял живое участие в журнале, который начал я тогда издавать в Москве. Следуя за всеми движениями современной литературы, он присылал даже в мой журнал критические статьи. Две таких статьи было им тогда прислано. Одну написал он, прочитавши в «Сыне Отечества» статью г-на М—ва о г-же Сталь: другую, — прочитавши предисловие к басням Крылова, изданным во французских и итальянских переводах графом Г. В. Орловым, что наделало тогда много шума.

«В 1826 году, когда приехал Пушкин в Москву, дружески встретились мы, и он изъявил мне радость свою о том, но вскоре обстоятельства, а паче люди, успевшие протесниться и стать между нами, охладили нас друг к другу. С 1827 года Пушкин принял участие в «Московском Вестнике». Много любопытных, дополняющих характер Пушкина черт мог бы я рассказать, описывая отношения, встречи и разговоры мои с ним в течение десяти лет с 1827 года. Помнится, в 1834 году

встретился я с ним в последний раз. Мог ли я тогда думать, что Пушкина, юного, цветущего здоровьем, на верху славы его, вижу я последний раз! Угнетенный житейскими скорбями и полубольной был я, когда в Москву прилетела горестная весть о смерти Пушкина. Никто не верил. Но когда в «Северной Пчеле» появилось известие, подписанное поэтом Якубовичем, страшное сомнение превратилось в ужасающую достоверность — Якубович извещал русских о смерти Пушкина: настоящая сцена могильщика в «Гамлете»... Я забыл мое горе, мои ничтожные, но тяжкие заботы жизни, горькими слезами почтил память Пушкина и написал немедленно всё, что подсказало мне сердце (статья моя была помещена тогда в «Библиотеке для Чтения»). В порыве души я призывал тогда всех литераторов воздвигнуть достойный памятник на могиле Пушкина. Голос мой не нашел отзыва других... Мне казалось необходимым сказать о моих отношениях к Пушкину, как человеку, дабы устранить всякое подозрение о беспристрастии, с каким могу и хочу я говорить об нем, как о поэте, как о великом современнике нашем. Ни лесть, ни пристрастие не омрачат слов моих. Не льстил я Пушкину при жизни его, а чувство уважения к нему, чувство сознания его высоких дарований хранил я и тогда постоянно в душе моей; сии чувства пережили Пушкина, и, как отголосок души моей на всё прекрасное, я сохраню их до конца моей жизни — кто знает, — может быть, удаленного еще несколькими грустными годами, а может быть и близкого...» («Русск. Вестник» 1842 г., т. V, стр. 38).

К письму № 181, стр. 164 и 516: Подлинник ныне в Пушкинском Доме (существенных разночтений нет).

К письму № 182, стр. 165: В первом куплете стихов Пушкина, по указанию Н. О. Лернера, осмеян знаменитый своею глупостью С.-Петербургский комендант П. Я. Башуцкий; Достоевский в «Подростке» вспоминает об этом анекдоте в главе 2-й II части («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 187, стр. 169 и 527 — 529: О Кавказском удальстве Якубовича см. еще в «Русской Старине» 1875 г., № 4, стр. 731; о его политических воззрениях позднейшего времени см. в брошюре Д. Н. Анучина о «Путешествии» Радищева, М. 1918, стр. 31 — 32.

К письму № 188, стр. 170 и 531: Содействия альманаху Погодина «Урания» Вяземский просил, в конце ноября 1825 г., и у Жуковского. Пересылая последнему письмо Погодина от 23 ноября, из Москвы (в котором, между прочим, Погодин просил Вяземского: «В ожидании ответа от Пушкина, не позволите ли вы сами напечатать хотя двадцать стихов, вами назначенных, из второй главы Онегина?»), Вяземский писал: «Этот Погодин университетский, но со всем тем умный и порядочный человек. Он издает Московский Альманах. Пособи ему чем можешь», и т. д. («Старина и Новизна», кн. IV, стр. 33).

К письму № 189, стр. 171 и 532: О литературной деятельности Кюхельбекера вообще, о характере его литературного направления и особенностях последнего см. в работе Ю. Н. Тынянова: «Архаисты и Пушкин» — в сб. «Пушкин в мировой литературе», Лгр. 1926, стр. 266 — 286; там же и об отношении архаистов к Жуковскому.

К письму № 190, стр. 172: По поводу просьбы Пушкина «дам взбуторажить» для избавления его из ссылки, Н. О. Лернер высказывает предположение, что в числе этих дам поэт имел в виду Е. А. Карамзину (жену историографа) и кн. Е. И. Голицыну — «Princesse Nocturne» («Вечерняя Красная Газета» 21 ноября 1926 г., № 276).

К письму № 192, стр. 173 — 174 и 537: Подлинник ныне в Пушкинском Доме.

УКАЗАТЕЛЬ *).

*) Составлен Н. И. Зиссерманом при участии (для т. II) сотрудников Пушкинского Дома: Г. Д. Вержбицкого, К. Б. Враской-Янчевской, Е. Б. Гиппиус и М. Н. Мотовиловой и Л. Б. Модзалевского. В Указатель внесены имена собственные личные и географические, а также имена действующих лиц из литературных произведений. Цифры, напечатанные курсивом, означают страницы, на которых о данном лице даны более подробные сведения. Указатель произведений будет дан при т. IV.

*

Алфавитный список писем Пушкина, в I и II тт., по адресатам *).

*) Цифры в списке означают последовательно: № письма и год (обыкновенным шрифтом); страницы письма и примечаний (курсивом). Дополнения к примечаниям тома I показаны под рубрикой «Том II», при соответствующем письму номере и годе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН. ПИСЬМА. Т. 2.

Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского

Репринтное воспроизведение издания 1928 года

Ответственный за выпуск
Федорова О. Б.

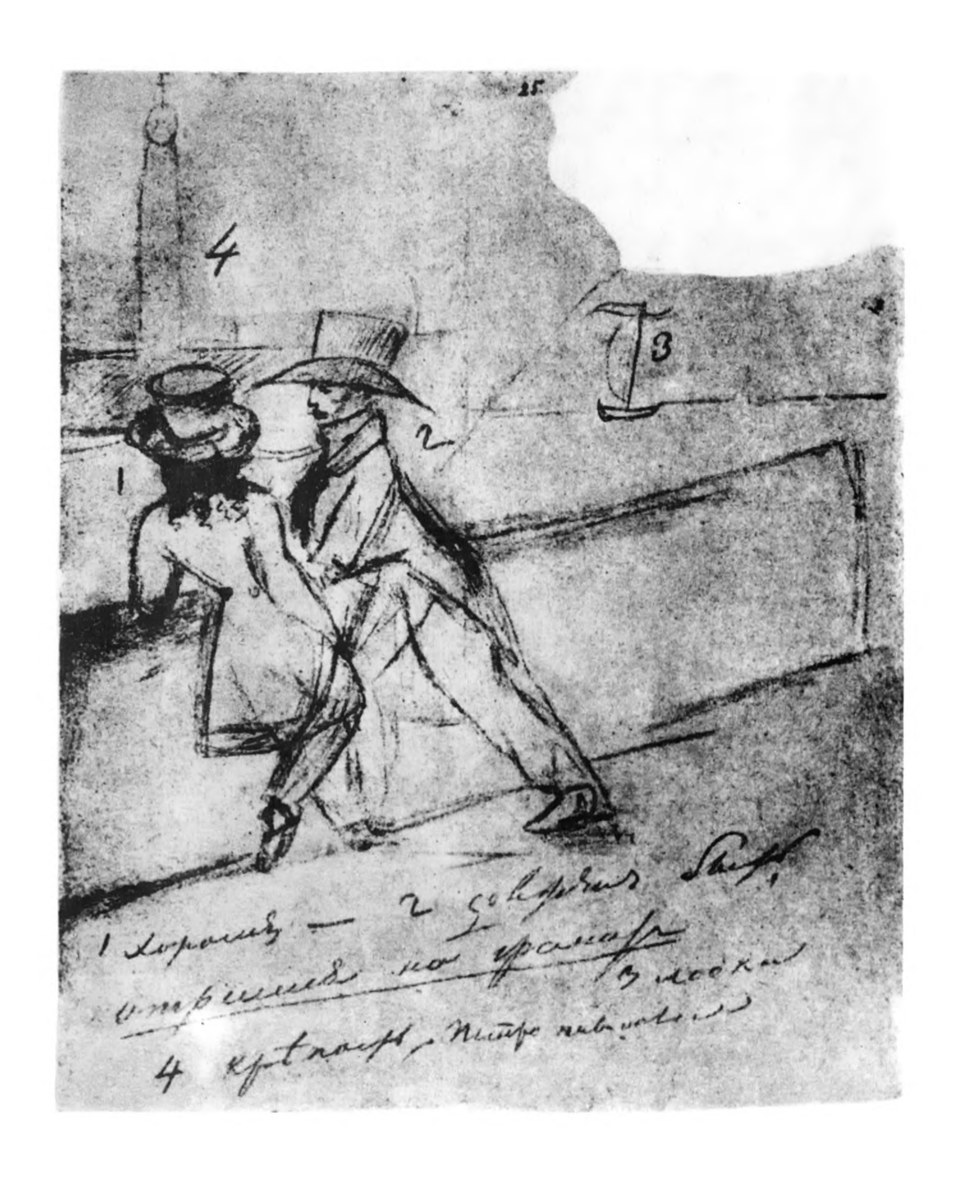
Технический редактор
Волкова Е. Н.

ИБ № 1935.
Подписано в печать 16.02.90. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 37,0.
Усл. кр.-отт. 37,0. Уч.-изд. л. 51,56. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 4847. Заказ № 886. Цена 7 р. 80 к.

Издательство "Книга"
Москва, 125047, ул. Горького, 50
Ярославский полиграфкомбинат
Государственного комитета СССР по печати
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97

П $\frac{4702010101—008}{002(01)—89}$

ISBN 5-212-00294-X
5-212-00329-6

4
3
2
1
1 хорош — 2 должен быть опершись на гранит
3 лодка
4 крепость, Петропавловская

№ 2. 7. Puschkin, Alexan.

А. Пушкинъ.

Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное
извѣстіе получилъ я въ воскресенье.
На другой день оно подтвердилось.
Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объя-
-вить ему все — и не имѣлъ духу.
Вечеромъ получилъ твое письмо.
Грустно, тоска. Вотъ первая смерть
мною оплаканная. Карамзинъ подъ
конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко
сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но ник-
то на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига.
Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ
оставался на виду — около него
собиралась наша бѣдная кучка.
Безъ него мы точно осиротѣли.
Считай по пальцамъ: сколько насъ?
ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

1799 –
Alexander Puschkin

Ртищево

Ангел мой Жучка! сей час получил твое
письмо из Троицы — и поздравляю тебя благо-
дарю [illegible] будь здорова [illegible]
торжества — надеюсь что твоя усталость добро-
душно пройдет благополучно и что ты в
Москве будешь здорова, весела и прекрасна.
Письмо твое писал 2 тетки, а сама к
кой не отвечай, потому что рапортуешь боль-
ным и боюсь чтоб не встревожить. Все здо-
ровы и праздники проводила. к именинам 2-
всеми с поздравлением и приветствием
на памятник Царства еще впереди; и мы
встретим, но не видать. Видели три
вчера: первый вынес сам в нем картину
и портрет от меня мою [illegible] второй
меня не узнал; третий добр и умен
меня в комнату позвал под старость [illegible], но
хотят его не [illegible] не [illegible],
от завтра утра не ищу. Посмотрим как

XII [illegible]

Обращаюсь к [illegible] с просьбой

и покорнейше прошу —

По [illegible] непредвиденных цензур[illegible] ~~[illegible]~~

~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~

~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

~~[illegible]~~ одно из моих

стихотворений принужден

был ~~[illegible]~~ [illegible] отослать

в Цензурн. комитет с

просьбой о разрешении

перепечатать — Но ~~[illegible]~~.

Комитет не удостоил

просьбу ~~[illegible]~~ мою ответом

не знаю чем мог я [illegible]-

Милостивая Государыня

Александра Осиповна,

Крайне жалѣю что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на Ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ Вамъ Barry Cornwall — Вы найдете въ концѣ книги пьесы отмѣченныя карандашемъ, переводи-те ихъ какъ умѣете — увѣряю Васъ что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ Вашу Исторію въ разсказахъ, и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ
и совершенной преданностію честь
имѣю быть

Милостивая Государыня

Вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ

27 янв.
1837.

7 р. 80 к.